Продается волшебное
королевство
Черный единорог
ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ
Терри Брукс

TERRY

BROOKS

Magic Kingdom for Sale

The Black Unicorn

ТЕРРИ

БРУКС

Продается волшебное королевство

Черный единорог

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Б89

Серия основана в 1999 году

Terry Brooks
MAGIC KINGDOM FOR SALE
1986

THE BLACK UNICORN
1987

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с английского М.В. Гитт («Продается волшебное королевство») и Н.Я. Магнат («Черный единорог»)

Печатается с разрешения издательства
Ballantine Publishing Group, a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 21.02.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 10000 экз. Заказ № 464.

Брукс Т.

Б89 Продается волшебное королевство. Черный единорог: Фантаст. романы: Пер. с англ. / Т. Брукс. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 616, [8] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-012388-4

Терри Брукс — один из лучших авторов современного жанра фэнтези, писатель, в чьих произведениях существует... АБСОЛЮТНО ВСЕ, что только может в хорошей фэнтези существовать!

Перед вами — юмор и приключения, «меч и магия», увлекательный сюжет и неподражаемое, истинно «бруксовское» обаяние!

Продается волшебное королевство...

Купите — и Вы обретете свою мечту!

Купите — и Вы станете королем страны прекрасных дам и отважных рыцарей, драконов, фей и гномов.

Купите — и ощутите дух истинного героизма!

Купите — НЕДОРОГО!

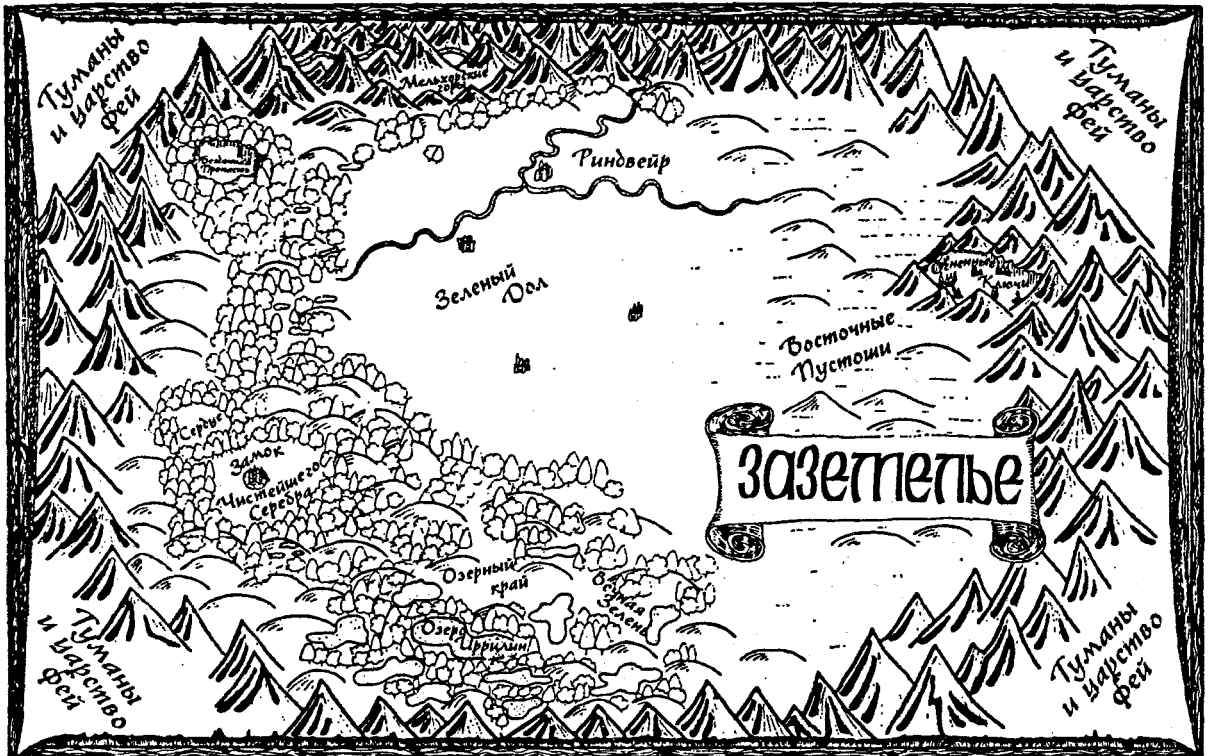
...А почему, собственно, ТАК недорого?

Купите — и узнаете ПОЧЕМУ...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Terry Brooks, 1986, 1987
© Darrel K. Sweet, 1996
© Перевод. Н.Я. Магнат, 1997
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Продается волшебное королевство


Туманы и царство фей
Мелькающие горы
Риндвейр
Туманы и царство фей
Зеленый Дол
Восточные Пустоши
Серые Холмы
Замок Чистящего Серебра
Озерный край
Озеро Иррилин
Земля Зелени
Туманы и царство фей
Туманы и царство фей
Зазеркалье

Посвящается Кеннарду, Вернону, Биллу, Джону и Майку

А было так...

Северная ведьма, казалось, призадумалась, опустив голову и уставившись в землю.

— Я не знаю, где находится Канзас, потому что никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил об этой стране. Но скажи мне, это цивилизованная страна?

— О да, — ответила Дороти.

— Тогда все ясно. Я уверена, что в развитых странах не осталось ни ведьм, ни колдунов, ни волшебниц, ни магов. Но, видишь ли, Стране Оз неведом путь цивилизации, потому что мы отрезаны от всего мира. Оттого у нас есть и чародеи, и колдуньи.

Лаймен Фрэнк Баум,
«Волшебник Страны Оз»

ГЛАВА 1

БЕН

Это был каталог фирмы «Роузен, лимитед». Предпраздничный выпуск «Рождественские подарки с доставкой на дом». Он пришел на имя Энни. Бен Холидей застыл перед открытым почтовым ящиком, растерянно разглядывая веселую обложку каталога и белую наклейку с адресом, на котором было указано имя его покойной жены. В сгущающихся сумерках наступающего вечера вестибюль чикагской многоэтажки казался непривычно спокойным. Кроме охранника и самого Бена, никого не было. Снаружи, за стеклянными стенами вестибюля, в ущелье Мичиган-авеню дул порывистый пронизывающий ветер, плачем встречавший наступление зимы.

Бен провел пальцем по глянцевой обложке каталога. Энни обожала покупки, даже если она заказывала их по каталогу. Универмаг Роузена был одним из ее самых любимых магазинов.

Неожиданно на глаза Бена навернулись слезы. Прошло уже два года, а он так и не смог примириться с потерей жены. Иногда ему казалось, что ее исчезновение — всего лишь игра его воображения, что, когда он вернется домой, Энни, как обычно, выйдет ему навстречу.

Он глубоко вздохнул, одолеваемый бурей чувств, поднявшейся в нем при виде имени жены на обложке каталога. Глупо так волноваться. Никакое чудо не способно вернуть Энни.

Бен посмотрел на темный квадрат опустевшего почтового ящика. И вспомнил, что почувствовал, когда узнал о гибели Энни. Он только-только вернулся из суда (это было предварительное слушание по делу «Микролаба») со старым Уилсоном Фринком и его сыновьями. Бен сидел в своем кабинете, обдумывая, как лучше убедить своего противника, юриста по фамилии Бейтс, что последний вариант компромисса как нельзя лучше отвечает интересам обеих сторон, когда зазвонил телефон. Энни попала в аварию на шоссе Кеннеди. Она находилась в госпитале Св. Луки, на грани между жизнью и смертью. «Не могли бы вы немедленно приехать?..»

Бен потряс головой. Он все еще слышал голос врача, объяснявшего ему, что произошло. Этот голос звучал так успокаивающе, так убедительно. Бен сразу понял, что Энни умирает. Он просто вдруг осознал, что это так. К тому времени как он добрался до больницы, его жена уже умерла. И ее ребенок тоже — Энни была на третьем месяце беременности.

— Господин Холидей?

Бен удивленно вскинул голову. Джордж, охранник, сидевший за столом в вестибюле дома, внимательно смотрел на него.

— Все в порядке, сэр?

Бен кивнул и изобразил подобие улыбки.

— Да... Я просто задумался.

Он запер почтовый ящик, засунул всю корреспонденцию в карман пальто, а каталог сжал в ладонях и направился к лифту. Его мало заботило, что кто-то застиг его в растрепанных чувствах. Возможно, юрист все же преобладал в его душе.

— Холодный нынче денек, — заговорил Джордж, уставясь в серые сумерки за окном. — Зима, верно, будет суровая. Говорят, снегу выпадет немало. Как в позапрошлом году.

— Похоже.

Бен уже не слушал охранника, он опять разглядывал каталог. Энни всегда так радовалась, когда приходили рождественские каталоги! Бывало, она зачитывала ему описания наиболее эксцентричных подарков. И сочиняла истории о людях, которым могли понадобиться подобные вещи.

Он нажал на кнопку лифта, и дверь сразу же открылась.

— Доброго вечера, сэр, — сказал вслед ему Джордж.

Бен поднялся на лифте в свою роскошную квартиру в пентхаусе, сбросил пальто и прошел в гостиную, все еще сжимая в руках каталог рождественских подарков. Сумерки прокрались в дом, сделав одноцветными ковры, стены и мебель, но Бен не стал включать свет. Он застыл перед большим окном, из которого была видна крыша и городские кварталы внизу. В окнах квартир загорались огоньки, они казались такими малюсенькими и одинокими. Каждая искра жизни была оторвана от тысяч ей подобных.

Нас постоянно гложет одиночество, подумал он. Разве это не странно? Он снова взглянул на каталог. Зачем его прислали Энни?

Какого черта торговые компании рассылают свои рекламные проспекты, письма, бесплатные образцы и бог весть что еще людям, которых давно нет на белом свете? Это вторжение в личную жизнь. Это просто надругательство. Они что, не обновляют списки своих клиентов? Или просто не могут смириться с потерей покупателя?

Он понял, что злится, и улыбнулся с горькой иронией. Может, позвонить Энди Руни? Пусть напишет статью об этом.

Бен включил свет и подошел к встроенному в стену бару, чтобы приготовить скотч со льдом и толикой воды. Он отмерил жидкости и пригубил коктейль. Менее чем через два часа он должен встретиться с Майлзом, которого обещал научить этому рецепту. Майлз Беннетт был не просто партнером Бена, но скорее всего и его единственным настоящим другом, не бросившим его после смерти Энни. Все остальные каким-то образом отстранились, потерялись в перестановках и перетасовках социального порядка жизни. Женатые и вдовые плохо уживаются в одной компании, а большинство друзей Бена и Энни были людьми семейными. Так или иначе, но Бен не пытался поддерживать эти знакомства, постоянно погрязший в работе и в бесконечной, одному ему ведомой печали. Он перестал быть компанейским парнем, и только Майлз обладал достаточным терпением и постоянством, чтобы оказываться рядом.

Бен выпил еще немного и побрел обратно к открытым окнам. Город приветствовал его сиянием своих огней. Не так уж все и плохо, убеждал себя Бен. Ведь жизнь берет свое. Он вздохнул. Ну, если быть честным, то он сам сделал свою жизнь

таковой. Он мог избавиться от одиночества в любую минуту, при желании влившись почти в любую из мириад общественных ячеек большого города. У него было все, что нужно для этого. Он был молодым и преуспевающим юристом, даже был богат, если считать богатством только деньги. Впрочем, в этом мире так считают почти все. А почему, собственно, он должен оставаться одиноким?

И все же Бен оставался один, потому что так ему было проще. Он заставил себя так думать. Он не просто добровольно принял обет одиночества, он поставил его во главу своего существования. Бена никогда не покидало чувство, что он аутсайдер, чужой в этом мире. Профессия помогала ему справиться с таким ощущением, предоставив ему место в жизни и твердую почву под ногами. Однако чувство отчужденности от этого мира, пусть самое слабое, присутствовало всегда, как вечно ноющая рана. Утрата Энни вновь оживила это состояние, укрепив те, казалось, ослабевшие узы, которые связывали его с прошлым. Бен часто думал, испытывают ли другие люди подобное чувство. Он полагал, что да, в какой-то мере эта отстраненность должна быть знакома всем. Но он подозревал, что никто не ощущает ее так остро, как он. Никто и никогда.

Он знал, что Майлз отчасти понимает это или хотя бы сочувствует Бену. Но он, конечно, не испытывал таких чувств, как Бен. Майлз был квинтэссенцией «души общества», всегда ладящий со всеми, всегда довольный тем, что его окружает. Он хотел, чтобы и Бен стал таким, хотел вытащить друга из сооруженной им же самим раковины и вернуть в поток жизни. Он считал это делом чести. Вот почему Майлз так настойчиво таскал его на эти проклятые вечеринки в баре. Вот почему он пытался заставить Бена забыть Энни и начать жизнь заново.

Бен допил свой скотч и снова наполнил бокал. Он знал, что в последнее время увлекается спиртным, возможно, больше, чем следует. Он бросил взгляд на часы. Прошло уже сорок пять минут. Пройдет еще столько же, и пожалует Майлз, его собутыльник на этот вечер. Он с отвращением потряс головой. В некоторых вещах Майлз разбирается куда хуже, чем думает.

С бокалом в руке Бен вновь подошел к окну. С минуту смотрел в него, потом задернул шторы, отгородившись от

наступающей ночи. Поплелся обратно к дивану, размышляя, стоит ли прослушать автоответчик, и тут снова увидел каталог. Наверное, он, сам того не сознавая, бросил его вместе с остальной корреспонденцией на кофейный столик, стоявший у дивана. Глянцевая обложка весело переливалась в электрическом свете.

«Роузен, лимитед — Рождественские подарки». Бен медленно опустился на диван и поднял томик.

Рождественская книга желаний — он видел такие и раньше. Ежегодный каталог большого универмага, который обычно предлагает все для каждого, на сей раз предназначался вниманию немногих — богачей.

И все же Энни он всегда нравился. Бен принялся неторопливо листать страницы. Разделы каталога словно соревнуются друг с другом, предлагая щедрый выбор подарков для тех, кому уже нечего хотеть, — разнообразные диковинки с однообразной сущностью, которые нельзя найти нигде, кроме каталога. Обед для двоих в калифорнийском доме знаменитой кинозвезды — стоимость проезда включена в общую. Десятидневный круиз для большой компании на яхте с полной командой и всевозможными развлечениями. Неделя на частном острове в Карибском море, включая использование винного погреба и набитой до отказа кладовой. Бутылка полуторастолетнего вина. Стекло индивидуального дутья и алмазные украшения, выполненные по заказу. Золотая зубочистка. Коллекционные шахматы с фигурками существ из научно-фантастических фильмов, выточенными из черного дерева и слоновой кости. Собольи шубки для кукол маленьких богачек. Ковер ручной работы с изображением подписания Декларации независимости.

Перечень товаров не иссякал, чем дальше, тем чуднее и экзотичнее. Бен сделал добрый глоток скотча, почувствовав почти отвращение к экстравагантности этих «подарков», но все равно они произвели на него впечатление. Он наугад раскрыл каталог на середине. Там предлагалась прозрачная ванна с живой золотой рыбкой, заключенной между двойными стенками. И серебряный бритвенный прибор с золотыми инициалами заказчика. Бога ради, неужели кому-то такое может понадобиться?..

Бен не успел закончить эту мысль, как его взгляд остановился на изображении следующего предмета роскоши, выставленного на продажу.

Его описание гласило: «ПРОДАЕТСЯ ВОЛШЕБНОЕ КОРОЛЕВСТВО ЗАЗЕМЕЛЬЕ — очаровательный уголок сказок и приключений, спасенный от забвения временем, родина рыцарей и прекрасных дам, волшебников и драконов, фей и гномов. Здесь вы услышите лязг мечей и познаете истинную магию. Здесь царит дух рыцарства, достойный настоящего героя. Все ваши фантазии оживут в этом королевстве — здесь другой мир. Тут есть все, не хватает только вас — короля и верховного правителя. Обретите свою мечту — и вы словно родитесь заново.

Цена: один миллион долларов. Личное собеседование и подтверждение платежеспособности обязательны. Спрашивайте Микса в офисе универмага».

Вот и все, что там было написано. На этой странице художник изобразил рыцаря верхом на коне, сражающегося с драконом, прекрасную и весьма изысканно одетую девицу, наблюдающую за этой битвой с крепостной стены, и колдуна в темной мантии, с поднятыми руками, словно бы насылающего на рыцаря проклятие. Какие-то создания, вероятно, эльфы, гномы или что-то вроде этого, сновали на заднем плане, а за башнями и парапетами большого замка виднелись уходящие в туман холмы.

Иллюстрация к легендам о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

— Что за чушь! — не задумываясь, пробормотал изумленный Бен.

Он недоверчиво уставился на картинку, уверенный, что чего-то недопонял. Потом прочитал текст снова. Потом в третий раз. Ничего не изменилось. Бен одним глотком прикончил скотч и раскусил льдинку, раздосадованный явной бессмыслицей этого предложения. Миллион долларов за сказочное королевство? Это просто смешно. Должно быть, это какая-то шутка.

Он отшвырнул каталог, вскочил с кресла и подошел к бару, чтобы наполнить бокал. Мельком взглянул на свое отражение в зеркальной стенке шкафчика и увидел человека среднего роста, худощавого, хорошо сложенного и мускулистого. У него были правильные черты лица, с высокими скулами и лбом со слегка отступившей линией волос, с орлиным носом и про-

низывающим взглядом синих глаз. Ему шел сороковой год, и он стоял на пороге пятого десятка довольно-таки молодым.

Обретите свою мечту!.. Бен вернулся к дивану, поставил стакан на столик и снова взял в руки каталог. И еще раз прочитал описание странного товара — королевства под названием Заземелье. Он покачал головой. Такого места просто не могло существовать. Это была всего лишь реклама — назойливая, многообещающая, что называется, дутая. Правды не видно из-за цветистых фраз. Бен больно прикусил губу. И все же текст не звучал слишком напыщенно. А «Роузен» был весьма солидным универмагом, не из тех, что продают по почте товар, который покупатель ни за что не купил бы, придя в магазин лично.

Он усмехнулся. О чем это он думает? Какой еще покупатель? Какой здравомыслящий человек когда-нибудь решится на подобное? Но против собственной воли он уже подсчитывал и прикидывал. Он только что стоял у окна, пил скотч и думал о своей отстраненности от этой жизни, а когда взял каталог, то сразу же наткнулся на какое-то Заземелье. И это он, всегда чувствовавший себя чужим, посторонним в этом мире, вечно ищущий способ ускользнуть от самого себя.

А теперь появился шанс. Он улыбнулся еще шире. Это просто безумие! Он уже рассматривает возможность, о которой никакой разумный человек не задумался бы дважды!

Скотч уже подействовал на мозг Бена, и он поднялся, чтобы походить и размяться. Он взглянул на часы, подумав о Майлзе, и неожиданно расхотел идти на вечеринку. И вообще куда-либо.

Он подошел к телефону и набрал номер друга.

— Беннетт, — ответил знакомый голос.

— Майлз, я решил никуда не ходить сегодня. Надеюсь, ты не будешь возражать.

Майлз помолчал.

— Док, это ты?

— Ну да, я.

Майлзу нравилось называть его доком, хотя прошло уже так много времени с тех пор, как они предстали перед строгими профессорами, вручившими им дипломы и ключи к избранной профессии. Доктор Холидей, судейская крыса. Это раздражало Бена.

— Слушай, иди без меня.

— Нет, ты должен. — Майлз был непреклонен. — Ты обещал и поэтому обязан пойти. Ты поклялся.

— Ну так я беру свое обещание назад. Юристы так всегда делают — ты же читаешь газеты.

— Бен, тебе нужно выходить в свет. Твоя жизнь не должна замыкаться в стенах дома и конторы. Твои коллеги должны знать, что ты все еще жив!

— Так скажи им об этом. Скажи им, что в следующий раз я обязательно приду. Говори все, что хочешь. Но сегодня забудь обо мне.

Воцарилось молчание, на сей раз более длительное.

— У тебя все в порядке?

— Все прекрасно. Но у меня есть одно дело. Я хочу заняться только им.

— Ты слишком много работаешь, Бен.

— Как и все. Ну, увидимся завтра.

И положил трубку на рычажок прежде, чем Майлз успел что-нибудь возразить. Он стоял, уставясь на телефон. По крайней мере он не солгал. У него было дело, которое хотел обдумать, каким бы безумием это ни казалось. Бен поднял стакан с виски. Будь Энни жива, она поняла бы его. Она всегда понимала его восхищение загадками и чудесами, мимо которых спокойно прошел бы любой другой. Она разделила с ним так много открытий.

Он тяжело вздохнул. Конечно, будь Энни с ним, ничего подобного не произошло бы. И не пришлось бы думать о том, чтобы сбежать в мечту, которой просто не может быть.

Бен замер, пораженный значимостью последней мысли. Потом, с бокалом в руке, он подошел к дивану, поднял каталог и снова начал читать.

На следующее утро Бен добрался до конторы, называвшейся «Холидей и Беннетт», с опозданием, и к этому времени его состояние было менее чем удовлетворительным. Он назначил раннее слушание по делу о слиянии капиталов нескольких фирм и приехал в здание суда только для того, чтобы обнаружить, что это заседание вычеркнуто из списка судебных дел. Клерки ничего не знали и знать не желали, адвокаты противной стороны куда-то запропастились, а су-

дья просто посоветовал ему перенести заседание, уверяя, что это будет лучшим решением проблемы. Поскольку время играло немаловажную роль в данном деле, Бен попросил назначить слушание на самое ближайшее время, на что ему ответили, что провести его можно не раньше чем через тридцать дней. С приближением сезона отпусков дел, как всегда, невпроворот, угрюмо сообщил клерк, составлявший расписание. Не удовлетворенный этим заявлением, которое слышал в одном только ноябре уже не менее двадцати раз, Бен попросил о заседании по предварительному соглашению — лишь для того, чтобы услышать, что судья, занимающийся отсрочками и ходатайствами, будет в течение тридцати дней отдыхать на каком-то лыжном курорте в Колорадо и еще не решено, кто будет заниматься его делами в его отсутствие. Вероятно, решение будет принято в конце недели, и тогда Бену придется искать место в новом списке.

И все как один пытались убедить его в том, что подобная ситуация вполне в порядке вещей и что он, подобно всем нормальным людям, должен в это поверить. Однако Бен просто не желал мириться с таким положением дел, поэтому он был совершенно измотан и опустошен от пустословия. Но разве он мог что-нибудь изменить? И потому он, расстроенный и обозленный, отправился на работу, пробормотал девушкам в приемной невнятное приветствие, подхватил телефонограммы и закрылся в своем кабинете, чтобы спустить пар в одиночестве. Не прошло и пяти минут, как в дверях появился Майлз.

— Ну и ну, ты сегодня — воплощенный луч света в темном царстве, — жизнерадостно приветствовал он Бена.

— Это точно, — согласился тот, откидываясь на спинку кресла. — Сама жизнерадостность.

— Что, слушание зашло в тупик?

— Оно вообще не состоялось. Какой-то невежда снял его с повестки. И состоится оно, как мне сообщили, не раньше чем рак на горе свистнет и выпадет снег в преисподней. — Бен покачал головой. — Что за жизнь!

— Эй, она же не кончена. К тому же в нашей работе всегда действует правило: поспешай медленно. Время — это все, что у нас есть.

— Я уже сыт всем по горло!

Майлз плюхнулся в кресло для посетителей, стоявшее перед длинным дубовым столом. Это был мужчина сорока с лишним лет, крупный, с густыми темными волосами и усищами, придававшими его благообразной физиономии карикатурную завершенность. Его глаза, обычно полуприщуренные, медленно раскрылись.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Бен?

— Наверное. Ты мне не раз объяснял.

— Так почему ты не следуешь моим советам? Перестань постоянно пытаться изменить вещи, которые изменить невозможно.

— Майлз...

— Смерть Энни и наше судопроизводство — ты не можешь ничего поделать ни с тем, ни с другим, Бен. Ни теперь, ни когда-нибудь еще. Ты похож на Дон Кихота, сражающегося с ветряными мельницами! Ты разрушаешь свою жизнь, понятно тебе или нет?

Бен отмахнулся от своего друга:

— Ничего мне не понятно. И потом, обе части твоего уравнения не равны. Я знаю, что ничто не может вернуть Энни, — я смирился с этим. Но что касается судопроизводства, той системы правосудия, которую мы знаем, которой мы должны служить, — может быть, еще не все потеряно.

— Ты должен иногда прислушиваться к тому, что сам говоришь. — Майлз вздохнул. — С уравнениями у меня все в порядке, старик. Они всегда выходили у меня до боли правильными. Ты так и не смирился со смертью Энни. Ты замкнулся в своей проклятой раковине, потому что не можешь принять все, что произошло, — как будто, если жить таким способом, можно что-нибудь изменить! Я твой друг, Бен, может быть, единственный, кто у тебя остался. Вот почему я могу говорить с тобой обо всем, и ты не можешь позволить себе потерять меня! — Майлз подался вперед. — А вся эта ахинея относительно того, какие беспорядки происходят в судопроизводстве, напоминают мне слезливые воспоминания моего папеньки о том, как он ходил по сугробам в школу за пять миль от дома. Что же прикажешь мне делать — продать машину и ходить на работу пешком от Бэррингтона? Время

не повернешь вспять, как бы сильно тебе этого ни хотелось. Ты должен принимать действительность такой, какая она есть.

Бен выслушал Майлза не прерывая и согласился только в одном: как лучший друг тот имел право разговаривать с ним подобным образом. Но у Майлза всегда было другое отношение к жизни, он предпочитал жить в согласии с действительностью и не пытался переделать ее. Он просто не понимал, что в мире есть какие-то вещи, с которыми трудно смириться.

— Забудь ненадолго об Энни. — Бен сделал многозначительную паузу. — Позволь мне предположить, что изменения — это главная цель для людей, недовольных существующим положением вещей. Позволь мне также предположить, что, для того чтобы изменения произошли, чаще всего требуется приложить усилия, а не просто пожелать. К тому же должны сложиться определенные условия — об этом говорит весь исторический опыт. Следовательно, то, что было хорошо задумано, не должно пойти прахом, понятно?

Майлз поднял руку:

— Послушай, я не говорю...

— Почему бы тебе, Майлз, не признаться честно, что ты удовлетворен тем порядком судопроизводства, который все чаще практикуется в нашей стране? Ты можешь утверждать, что он так же правилен и справедлив, как пятнадцать лет назад, когда мы только начинали заниматься своим делом? Ради бога, посмотри, что происходит вокруг! Мы увязли в трясине крючкотворства, в котором не под силу разобраться даже нашим судьям и адвокатам. Мы любим называть себя великими профессионалами, мы возделываем подчас даже не одно, а два поля деятельности, и все это якобы для того, чтобы поддерживать себя в форме. Наши суды медлительны и перегружены. Судьями часто становятся посредственные юристы, усаживающиеся в свое кресло только благодаря связям. Адвокаты, выходящие из юридических школ, относятся к своей работе только как к способу заработать большие бабки и попасть в газеты — где уж там помогать людям. Люди здесь значат чуть ли не меньше, чем в нацистской Германии. Мы занимаемся рекламой — саморекламой! Словно торговцы подержанными автомобилями или мебелью! Наше образование оставляет желать лучшего. Наша жизнь беспорядочна.

Мы дергаемся, как марионетки, пытаясь улучшить свое положение!

Майлз уставился на него, оценивающе склонив голову:

— Ты все сказал?

Слегка порозовев, Бен кивнул:

— Да, наверное. А что, я что-нибудь упустил?

Майлз покачал головой:

— Да нет, наговорил с три короба. Полегчало?

— Весьма. Спасибо.

— Отлично. Тогда позволь добавить кое-что напоследок. Я выслушал все, что ты сказал, я впитал каждое слово, и надо же, с большей частью сказанного я согласен. И все же я говорю: ну и что? Тысячи подобных речей уже произнесены на тысячах собраний, тысячи статей написаны на те самые темы, которые ты столь красноречиво затронул в своей тираде, а много ли толку от всего этого?

Бен вздохнул:

— Не много.

— Слабо сказано. А коли так, каких перемен, думаешь, ты сможешь добиться в одиночку?

— Не знаю. Но дело-то не в этом.

— Нет, я думаю, что это тебе не по зубам. Тогда какого черта? Если ты хочешь развязать единоличную войну с этой системой, чтобы изменить ее, — честь и слава тебе. Но некоторая умеренность в высказываниях все же не повредит. Нет, тебе нужно взять отгул, позаниматься какими-нибудь пустяками, которые помогут тебе смотреть на вещи легче и предохранят от полного самоуничтожения. О'кей?

Бен кивнул:

— Ну хорошо, хорошо. Никогда не умел сдерживать свой пыл.

Майлз усмехнулся:

— Кому ты это говоришь! Давай теперь побеседуем о чем-нибудь другом. О вчерашнем вечере, например. Хочешь верь, хочешь не верь, но несколько человек на вечеринке спрашивали о тебе и даже сказали, что им тебя не хватает.

— Должно быть, не могли найти собутыльника.

Майлз пожал плечами:

— Может быть. Так что же это за важное дело, которое тебе нужно было закончить? Новое, что ли?

Бен ненадолго задумался, затем посмотрел на друга:

— Нет, ничего нового. Просто не хотелось отрываться от одного занятия. — Он поколебался. Потом под влиянием какого-то порыва полез в свой кейс и вытащил каталог. — Майлз, хочешь увидеть нечто по-настоящему странное? Взгляни-ка на это.

Он раскрыл журнал на странице, где говорилось о Заземелье, и протянул его через стол. Его друг потянулся за ним и опять откинулся в кресле.

— Продается волшебное королевство... Заземелье — очаровательный уголок сказок... Эй, это еще что такое? — Майлз перевернул томик и посмотрел на обложку.

— Это рождественский каталог, — поспешно объяснил Бен здоровяку. — Из универмага Роузена в Нью-Йорке. Ну ты же видел такие. Там полно всяких симпатичных подарков.

Майлз начал перечитывать, а когда закончил, поднял голову:

— И всего-то один лишь миллиончик. Какая сделка! Давай сейчас же помчимся в Нью-Йорк, пока все не разобрали.

— Что ты об этом думаешь?

Майлз воззрился на него:

— То же, что и ты, надеюсь. Это, очевидно, чей-то розыгрыш.

Бен медленно кивнул:

— Так и я подумал вначале. Но «Роузен» никогда не поместил бы в своем каталоге товар, за который нельзя было бы поручиться.

— Тогда это просто представление. Драконы окажутся игуанами-переростками. Волшебство — ловкостью рук. — Майлз расхохотался. — Рыцарей и красоток взяли из театра, а драконов — из зоопарка! В постановке Джонни Карсона где-нибудь на следующей неделе.

Бен подождал, пока веселье его друга уляжется.

— Ты так считаешь?

— Конечно, я так считаю! А ты нет?

— Я не уверен.

Майлз посерьезнел, потом еще раз перечитал рекламное объявление и бросил каталог на стол.

— И из-за этого ты просидел дома весь вечер?

— Отчасти — да.

Повисло долгое молчание. Майлз прочистил горло.

— Бен, только не говори мне, что ты подумываешь...

Зазвонил телефон. Бен поднял трубку, послушал и посмотрел на друга.

— Пришла миссис Лэнг.

Майлз взглянул на часы и поднялся.

— По-моему, она собирается накропать новое завещание.

Он помялся с таким видом, будто хотел сказать что-то еще, потом засунул руки в карманы и повернулся к двери.

— Ну ладно. У меня тоже есть кое-какие дела. Заскочу попозже.

Хмурясь, Майлз вышел из кабинета. Бен не остановил его.

В тот же день Бен рано ушел с работы и отправился в клуб, чтобы позаниматься спортом. Он провел час в тренажерном зале, потом часок поколотил грушу, которую приобрели по его просьбе несколько лет назад. Подростком он обожал бокс и за пять лет добился немалых успехов — завоевал Серебряную перчатку, а мог бы получить и Золотую, но у него вскоре появились другие увлечения, он уехал на восток и поступил в юридическую школу. Но он старался поддерживать форму и до сих пор, бывало, выстаивал раунд-другой на ринге. Бен сознательно истязал свое тело, чтобы не дать ему состариться. Со времени смерти Энни он занимался спортом с почти фанатическим рвением. Это помогало ему избавиться от подавленности и озлобленности. Это помогало заполнить время.

Когда Бен на такси пробирался по переполненному шоссе к дому, он думал о том, что и в самом деле не мог примириться с потерей жены. Себе-то он мог в этом признаться. Правда была в том, что он не знал, как это можно изменить. Он любил ее просто с пугающей силой, и она отвечала ему тем же. Они никогда не говорили об этом, да в этом и нужды не было. Любовь наполняла их отношения. Когда Энни умерла, Бен начал подумывать о самоубийстве. Он не умер только потому, что где-то в глубине подсознания родилась мысль,

что Энни не одобрила бы столь очевидной глупости. Поэтому он продолжал жить, как мог, но так и не придумал, как смириться с тем, что ее больше нет. Может быть, он не придумает этого никогда. Откровенно говоря, Бен не был уверен, что это так уж необходимо.

Он заплатил водителю, остановившему машину у обочины, вошел в вестибюль своей многоэтажки, поздоровался с Джорджем и поднялся на лифте в свою квартиру-пентхаус.

Майлз считал Бена убитым горем отшельником, который, прячась от мира, оплакивает погибшую жену. Возможно, так воспринимали его и все остальные. Но не смерть Энни вызвала это состояние, она только усилила его. В последние годы Бен все очевиднее превращался в угрюмого отшельника, разочарованного ухудшением дел в той сфере, в которой вращался в силу своей профессии, потому что считал, что она уже не служит более тем целям, ради которых была создана. Майлз счел бы странным, что так может считать док Холидей, независимый адвокат, победивший больше голиафов, чем снилось любому Давиду. Стоит ли рубить сук, на котором сидишь? Увы, часто чей-то успех только подчеркивает неравенство возможностей других людей. Так было и с Беном.

Он плеснул воды в скотч и отправился в гостиную, где уселся в кресло и уставился на городские огни. Спустя некоторое время вытащил из кейса роузеновский рождественский каталог и открыл на странице с Заземельем. Бен помнил о нем весь день. С той минуты, как это объявление попалось ему на глаза.

А что, если королевство настоящее? Бен долго сидел со стаканом в руке, с раскрытым каталогом на коленях, думая об этой возможности. Он чувствовал, что его нынешняя жизнь похожа на стоячее болото.

Энни мертва. Профессия юриста — по меньшей мере для него — тоже мертва. Будет больше новых дел и побед в суде, и Давид повергнет еще немало голиафов. Но недостатки системы правосудия останутся такими, как прежде. Бен будет соблюдать извечные ритуалы с неизменным чувством разочарования, и все будет бессмысленным. В этой жизни он должен отыскать нечто большее.

И оно должно найтись. Бен посмотрел на красочное изображение рыцаря, сражающегося с драконом, девушку на башне, колдуна, бормочущего заклинания, и наблюдающий за ним мелкий народец. Заземелье. Мечта из рождественского каталога.

Обретите свою мечту... За один миллион долларов, конечно. Но деньги у Бена есть. Их хватит на три таких королевства. Его родители были состоятельными людьми, и, кроме того, у него прибыльное дело. Так что миллион долларов имеется — на тот случай, если ему вздумается потратить его таким образом.

А собеседование с этим человеком, Миксом? Это условие удивило Бена. Какова его цель — отбор кандидата в киногерои? Неужели «Роузен» полагает, что таковых окажется много и придется выбирать лучшего? Но ведь и выбирают не кого-нибудь, а самого короля.

Бен глубоко вздохнул. Какой же король им нужен? У него есть средства, чтобы уплатить назначенную цену, но они могут быть и у других желающих. Он физически крепкий и образованный человек, но другие, возможно, не хуже. Он умеет взаимодействовать с людьми и знает толк в законах, а вот это, вероятно, дано не каждому. Бен — сострадательный человек. И честный. И дальновидный. И к тому же — сумасшедший.

Он допил скотч, захлопнул каталог и отправился на кухню, чтобы приготовить обед. Не торопясь соорудил затейливое блюдо из мяса и овощей. Потом накрыл на стол, не забыв про вино. Закончив трапезу, Бен возвратился в гостиную и уселся с каталогом в кресло.

Он уже знал, что собирается делать. Возможно, он знал это с самого начала. Ему нужно было что-то, во что он мог опять поверить. Он должен был вновь найти то волшебство, которое когда-то привело его в юриспруденцию, то чувство удивления и волнения, которое она привнесла в его жизнь. Но более всего ему был нужен вызов, потому что именно он придавал жизни смысл.

Заземелье могло дать Бену все это. Он, конечно, не был уверен, что такое возможно. Быть может, все это будет лишь изощренным розыгрышем, как и пророчил Майлз, что драконы окажутся большими игуанами, а рыцари и чародеи — те-

атральными актерами. Быть может, эта мечта — всего лишь подделка, подражание тому, что могло нарисовать воображение. Даже если все это будет настоящим, таким, как описано и изображено художником в каталоге, действительность может оказаться иной. Такой же скучной и заурядной, как его нынешняя жизнь.

И все же игра стоила свеч, потому что Бену давно тесны рамки его существования, в которых не осталось ничего неизведанного. Каким-то непостижимым образом он понял, что, какой бы выбор он ни сделал, это лучше, чем не выбрать ничего.

Бен подошел к бару и налил ирландского виски. Посмотрелся в зеркало, пожелал удачи своему отражению и выпил.

Он почувствовал, что оживает.

На следующее утро Бен провел в своем кабинете ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы отменить все встречи, назначенные до конца недели, и разрешить несколько мелких неотложных вопросов. Он отправляется в небольшую поездку, так он сообщил студентам-юристам, которые по полдня подрабатывали у него мелкими служащими, одновременно входя в курс дела. Все может подождать до его возвращения. Майлз был на выездной сессии суда, поэтому никто не задавал Бену никаких вопросов.

Он позвонил в агентство и заказал билет на самолет. В полдень он уже летел в Нью-Йорк.

ГЛАВА 2

МИКС

Нью-Йорк оказался холодным, серым и отчужденным. Острые края его скелета упирались в небо, затянутое облаками, а гладкие провалы его кожи блестели под проливным дождем. Бен увидел, как город возникает из ничего, словно по мановению волшебной палочки, когда его самолет скользнул над водами Ист-Ривер и побежал по длинной посадочной

полосе. Автострады были забиты транспортом, вроде бы кровь струилась по артериям и венам, но город все равно смахивал на покойника.

Бен взял такси, чтобы добраться от Ла-Гуардии до «Уолдорфа». Он сидел сзади и молчал, не обращая внимания на водителя, насвистывавшего заунывный мотив. Бен заказал простой одиночный номер в «Уолдорфе», поборов искушение снять шикарный люкс. В Заземелье наверняка не будет роскошных апартаментов. Возможно, эта уступка слишком ничтожна, но, если откуда-то начинать, почему не начать с этого.

Войдя в номер, Бен за пять минут разложил свои вещи, потом нашел телефонный справочник Манхэттена и поискал номер универмага Роузена. Он нашел номер, напечатанный жирным шрифтом, набрал и подождал. Когда коммутатор большого магазина отозвался, Бен попросил соединить его с отделом обслуживания, и его переключили на нужную линию. Новому голосу, зазвучавшему в трубке, он объяснил, что заинтересовался товаром из рождественского каталога и хочет встретиться с господином Миксом. После короткого молчания его снова переключили на другую линию.

Ему пришлось ждать долго. Потом послышался третий голос, тоже женский, мягкий и мурлыкающий. Не может ли он сообщить свое имя, адрес и номер основной кредитной карточки? Конечно. Когда он пожелает встретиться с господином Миксом? Завтра утром, если возможно. Он прилетел из Чикаго всего на несколько дней. Подойдет ли завтра утром в десять? Отлично. Тогда ровно в десять? Да.

Линия отключилась. Он помедлил несколько мгновений и повесил трубку.

Бен спустился в вестибюль, купил номер «Таймс» и проглотил несколько бокалов скотча — как обычно, с водой и со льдом. Потом поел, просматривая газету и безучастно скользя взглядом по ее заголовкам. Его мысли витали далеко. К семи часам он вернулся в свой номер. Включил программу новостей, посвященную Сальвадору, и подивился, как с такой легкостью люди могут столько лет убивать друг друга. Потом последовало представление варьете, но Бен оставил его без внимания, ощутив необходимую потребность проанализировать подробности авантюры, в которую собирался ввязаться.

В этот день он уже принимался обдумывать это не меньше десяти раз, но болезненная, сверлящая неопределенность не проходила.

Понимает ли он, что делает? Правильно ли оценивает свои возможности?

В который раз Бен отвечал на эти вопросы точно так же, как и раньше. Да, он знает, что делает. Да, он трезво относится к своим намерениям. «Помни, — повторял он, — каждый раз делай только один шаг». Он знал, что пожертвует слишком многим, если отправится в это Заземелье (и если оно и впрямь окажется настоящим), но в жертву будут принесены прежде всего материальные блага и предметы роскоши, а они больше ничего не значили для Бена. Автомобили, поезда и самолеты, холодильники, электроплиты и посудомоечные машины, ванные комнаты и электробритвы — все эти современные удобства он не раз оставлял, когда ездил порыбачить в Канаду. На самом деле он расставался с ними всего на несколько недель. Теперь все будет по-иному. Это путешествие должно затянуться намного дольше, чем на пару недель, и будет не похоже ни на один туристический поход, в котором он когда-либо бывал.

Но что же ждет его там, в неизвестности? Что это за сказочное королевство, называющееся Заземельем, — королевство, которое смог выставить на продажу универсальный магазин? Будет ли оно похоже на Страну Оз со Страшилой, колдуньями и говорящим Железным Дровосеком? Будет ли там тропинка, вымощенная желтым кирпичом, по которой нужно будет пройти?

Бен подавил внезапный порыв собрать чемодан и убраться из Нью-Йорка до того, как он успеет глубоко завязнуть в этом деле. Теперь поздно было раздумывать о здравом смысле и о будущем, которое ждало Бена. Важно было лишь то, что он сознательно принял решение изменить свою жизнь и найти что-то, что вновь придаст смысл его существованию. Пословица гласит, что под лежачий камень вода не течет. Стоит остановиться, как все окружающее начинает стремительно проноситься мимо.

Бен вздохнул. Беда в том, что мудрость древних пословиц не всегда оправдывает себя.

Варьете уступило место последним новостям, потом дикторы рассказали о погоде и спорте. Бен переоделся в пижаму (интересно, в Заземелье кто-нибудь спит в пижаме?), почистил зубы (а в Заземелье чистят зубы?), выключил телевизор и улегся в постель.

На следующее утро он поднялся рано, поспав очень мало, как всегда в первую ночь вне дома. Он принял душ, побрился, надел темно-синий деловой костюм, спустился в вестибюль, купил утреннюю «Таймс» и зашел в ресторан, чтобы позавтракать.

В девятом часу он уже направился к роузеновскому универмагу. Решил идти пешком. Это решение было продиктовано извращенной смесью упрямства и осторожности. Универмаг находился в каких-нибудь шести кварталах от отеля, на Лексингтон-авеню, а Бен считал, что на такие короткие расстояния всегда надо ходить пешком. День был уныло-серым и пронизывающе-холодным, но дождь уже перекочевал к северу, в Новую Англию. Брать такси — значит тратить деньги впустую. Кроме того, пешком удобнее прийти в нужное время. Последняя возможность обдумать то, что Бен собирался предпринять. В силу своей профессии он всегда ценил возможность самому управлять событиями.

Бен не торопился, позволяя прохладе осеннего утра полностью прогнать сонливость, но так или иначе к девяти сорока он уже добрался до цели. Универмаг Роузена представлял собой пятнадцатиэтажное здание из стекла и металла, зажатое между двумя тридцатиэтажными небоскребами, занимавшими добрую половину квартала на одной улице и большую часть квартала на пересекающейся с ней. Бен заметил, что универмаг был старой постройки. Когда здание окружили небоскребы, его «перелицевали», чтобы старый каменный фасад приобрел более современный вид. Огромные стеклянные витрины, уставленные наряженными в модную одежду манекенами с застывшими улыбками и пустыми взглядами, выходили на Лексингтон-авеню. В утренний час пик мимо них двигались люди, неулыбающиеся и словно незрячие. Бен прошелся вдоль витрин, потом обнаружил в нише вход и миновал двойные двери, не пропускавшие холод и сырость.

Он оказался на первом этаже универмага Роузена — в сверкавшем металлом и полированным деревом роскошном зале. Ряды стеклянных витрин, заполненных драгоценностями, косметикой и столовым серебром, мягко сияли и переливались в потоках рассеянного света. Горстка покупателей паслась в проходах между витринами под присмотром бдительных продавцов. Похоже, никто особенно не интересовался покупками; казалось, все исполняют некий загадочный ритуал. Бен огляделся. По правую руку двигался уходящий на следующий этаж эскалатор. Слева, в дальней стене, виднелись двери нескольких лифтов. Прямо, так, чтобы не мог не заметить даже самый растерянный покупатель, находился стеклянный указатель, на котором было написано, какие отделы расположены на каждом этаже.

Бен ненадолго задержался, просматривая надписи. Никакой Микс нигде не упоминался. Бен не ожидал этого. Названия отделов были перечислены в алфавитном порядке. Под буквой «О» он обнаружил отдел обслуживания — для заказчиков особых товаров, который находился на одиннадцатом этаже. Ясно, решил Бен, нужно попытать счастья там. Он прочеканил сквозь ряды витрин к лифтам, вошел в незанятый и нажал на кнопку одиннадцатого этажа.

Через несколько секунд он оказался в уютной приемной, обставленной пухлыми креслами и диванами, с большим столом овальной формы и пишущей машинкой. Приятная дама лет тридцати с хвостиком сидела за этим столом, поглощенная телефонным разговором. На панели перед ней вспыхивали и гасли разноцветные огоньки.

Она закончила разговор, повесила трубку и очаровательно улыбнулась:

— Доброе утро! Я могу вам помочь?

Бен кивнул:

— Моя фамилия Холидей. У меня назначена встреча с господином Миксом в десять часов.

Возможно, Бена подвело воображение, но ему показалось, что улыбка секретарши слегка померкла.

— Понятно, сэр. Но кабинета господина Микса нет на этом этаже. Он находится в пентхаусе.

— На самом верху?

— Да, сэр. — Она указала на лифт, скрывавшийся в нише справа от Бена. — Просто нажмите кнопку с буквой «П». И попадете прямиком к Миксу. Я позвоню его секретарше, предупрежу, что вы сейчас придете.

— Благодарю вас. — Бен замялся. — Ведь это тот самый Микс, который занимается особыми заказами, не так ли?

— Да, сэр. Это и есть господин Микс.

— Я спросил потому, что на указателе написано, что отдел особых заказов находится на этом этаже.

Секретарша беспокойно поправила волосы.

— Сэр, мы не стали писать фамилию Микса на указателе. Он предпочитает, чтобы его клиенты проходили через нас. — Она попыталась улыбнуться. — Господин Микс занимается исключительно продажей чрезвычайно необычных, уникальных предметов.

— Тех самых, что находятся в каталоге «Рождественские подарки»?

— О нет. Большинством из них занимается обычный персонал. Господин Микс не является служащим «Роузена». Он продает только самые экзотические и необычные предметы из указанных в этом каталоге, господин Холидей. — Секретарша слегка подалась вперед. — Мне кажется, он сам выбирает, что ему продавать.

В ответ Бен поднял брови:

— Значит, он прекрасно знает свое дело, не правда ли?

Женщина вдруг отвела взгляд.

— Да, еще бы. — Она подняла телефонную трубку. — Я доложу о вашем приходе, господин Холидей. — Она указала на второй лифт. — Вас будут ждать. До свидания.

Бен попрощался, вызвал указанный лифт и нажал кнопку «П». Не переставая наблюдать за Беном, секретарша поднесла трубку к уху. Он молча поднимался в лифте, прислушиваясь к звуку работающих механизмов. На панели управления было всего четыре кнопки с цифрами от единицы до трех и буквой «П». Четыре лампочки над дверями с такими же обозначениями некоторое время оставались темными, потом начали вспыхивать по порядку. По пути лифт никто не останавливал. Бену едва ли хотелось этого. Он начинал чувствовать себя так, словно ненароком попал в сумеречную зону.

Лифт остановился, двери раскрылись, и Бен очутился в приемной, которая была почти точной копией той, которую он только что покинул. На этот раз секретаршей оказалась пожилая женщина лет, наверное, пятидесяти. Она прилежно раскладывала в стопки бумаги, сваленные в кучу на ее столе, а растрепанный мужчина примерно одних с нею лет, стоявший спиной к лифту, говорил злым и визгливым голосом:

— ...вовсе не обязаны выполнять все, чего от нас требует старый ублюдок, и когда-нибудь он тоже это услышит! Он считает, что мы все у него на побегушках! Если он не прекратит обращаться с нами как со своими лакеями, то, черт побери, мне придется обратиться...

Он замолчал, когда секретарша заметила Бена. Поколебавшись, он повернулся и вбежал в открытый лифт. Через мгновение двери закрылись.

— Господин Холидей? — мягко спросила секретарша. Это была та самая женщина, с которой он накануне разговаривал по телефону.

— Да, — подтвердил он. — У меня назначена встреча с господином Миксом.

Она подняла трубку и подождала.

— Господин Холидей, сэр. Да. Да, хорошо.

Она повесила трубку и посмотрела на Бена:

— Подождите, пожалуйста, немножко. Присаживайтесь.

Бен огляделся и устроился на краю дивана. На столике рядом с ним лежали газеты и журналы, но Бен не обратил на них никакого внимания. Его взгляд лениво блуждал по приемной — просторной, хорошо освещенной комнате с красивыми столами и шкафчиками, со стенами и полом холодных тонов.

Прошло несколько минут, и телефон на столе секретарши зазвонил. Она подняла трубку, послушала, потом быстро повесила ее.

— Господин Холидей! — Она поднялась и поманила его за собой. — Сюда, пожалуйста.

Она повела его в коридор, который начинался за ее рабочим столом. В нем виднелось несколько закрытых дверей и боковых ответвлений, но больше Бен ничего не заметил.

— Сразу же поверните налево, а там поднимитесь по ступеням. Господин Микс ожидает вас.

Она отвернулась и уселась на свое место.

Бен Холидей мгновение постоял, оглядывая пустой коридор, потом бросил взгляд на занявшуюся своим делом секретаршу, потом опять на коридор.

«Чего же ты ждешь?» — с упреком спросил он себя. Он прошел по коридору до того места, где тот разделялся надвое, и повернул налево. Двери, мимо которых он шел, были закрыты, на них не было никаких обозначений. Рассеянный свет, льющийся с потолка, тускло освещал пастельные зелено-голубые стены. Толстый ковер поглощал звук шагов. Было очень тихо. Бен промурлыкал мелодию из «Сумеречной зоны», когда дошел до лестницы.

Она вела вверх, к тяжелой дубовой двери с медной табличкой, привинченной к дереву. На ней была выгравирована фамилия хозяина кабинета: «Микс». Бен подошел к двери, постучал, повернул литую металлическую ручку и вошел.

Микс стоял прямо перед ним. Он был очень высок, намного выше шести футов, стар и сутул.

У него было изрезанное морщинами лицо и совершенно седые волосы. На левой руке надета черная кожаная перчатка. Правая рука отсутствовала вовсе, пустой рукав был засунут в карман вельветового пиджака. Бледно-голубые глаза холодно и испытующе смотрели на Бена. Микс выглядел так, словно пережил не одну серьезную битву.

— Господин Холидей? — спросил он тихо, чуть ли не шепотом. Он говорил почти так же, как его секретарша. Бен кивнул. — Меня зовут Микс. — Он слегка наклонил голову, но руки не протянул. И Бен тоже. — Прошу вас, проходите и садитесь.

Старик повернулся и зашаркал прочь, горбясь так, словно ноги едва держали его. Бен безмолвно последовал за ним. Кабинет оказался уютной, богато отделанной комнатой, в которой стояла огромная старинная дубовая конторка с завитушками, такие же стулья с пухлыми кожаными сиденьями и спинками и рабочие столы, заваленные картами, журналами и папками. Три стены занимали книжные шкафы, от пола до потолка набитые старинными книгами и всевозможными ди-

ковинами. На четвертой стене были окна, но портьеры плотно закрывали их. Приглушенный свет лился только из светильников на потолке. Толстый землисто-коричневый ковер покрывал пол, словно высохшая трава. В комнате слабо пахло полировкой для дерева и старой кожей.

— Садитесь, господин Холидей. — Микс указал на стул, стоявший перед столом, шаркая, обошел его, приблизился к глубокому потертому креслу с откидывающейся спинкой и осторожно опустился в него. — Я уже не тот, что прежде. Погода плохо действует на мои кости. Погода и время. А вам сколько лет, господин Холидей?

Бен как раз в тот момент усаживался на стул, поднял голову. Острый взгляд старика буравил его.

— В следующем январе будет сорок, — ответил он.

— Хороший возраст. — Микс слабо улыбнулся, без всякого намека на веселье. — В сорок лет мужчина еще полон сил. Он уже узнал большую часть того, что должен был узнать, и приобрел силу для того, чтобы применить свои знания. Относится ли это к вам, господин Холидей?

Бен поколебался:

— Надеюсь.

— Это видно по вашему взгляду. Глаза говорят о человеке больше, чем он сам способен сказать. В глазах отражается душа. И сердце. Иногда в них даже можно прочесть правду, которую человек хочет скрыть. — Он помолчал. — Не хотите ли выпить чего-нибудь? Кофе или, может быть, коктейль?

— Нет, ничего, спасибо. — Бен нетерпеливо заерзал в кресле.

— Вам не верится, что такое возможно, не правда ли? — На лбу Микса собрались глубокие морщины, а голос стал совсем тихим. — Заземелье. Вы не верите в его существование?

Бен задумчиво посмотрел на старика:

— Я не уверен.

— Вы допускаете подобную возможность, но подвергаете ее сомнению. Вам нужны приключения, которые обещаны в каталоге, но вы опасаетесь, что они могут оказаться всего лишь бумажными ветряными мельницами. Только подумайте — мир, которого никто на этой земле не видывал! Это кажется невозможным. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Действительно.

— Как человек, гуляющий по луне?

Бен на мгновение задумался.

— Скорее как добрая дружба между должником и заимодавцем. Или, быть может, как надежная защита потребителя от лживой рекламы.

Микс воззрился на него:

— Вы юрист, господин Холидей?

— Да.

— Значит, вы верите в нашу систему правосудия?

— Да.

— Верите, но все же знаете, что она не всегда работает, как должно, не правда ли? Вы хотите верить в нее, но она слишком часто разочаровывает вас. Ведь так?

Он замолчал.

— Яснее не скажешь, — согласился Бен.

— И вы полагаете, что точно так же может быть и с Заземельем. — Микс не спрашивал, он утверждал. Он подался вперед, все его морщинистое лицо было напряжено. — Ну так знайте — это не так. Заземелье представляет собой именно то, что описано в рекламном проспекте. Там есть все, что обещает каталог, и еще намного больше. Все, что в этом мире не более чем миф, то, что трудно представить, все это есть в Заземелье, господин Холидей. И это правда!

— И драконы, господин Микс?

— Все мифические существа, господин Холидей, — точно, как обещано.

Бен сложил руки на груди.

— Мне бы хотелось вам верить, господин Микс. Я приехал в Нью-Йорк для того, чтобы узнать об этом... предложении каталога, потому что мне хочется надеяться, что оно существует. Можете ли вы показать мне хоть что-нибудь, что могло бы подтвердить ваши слова?

— Вы имеете в виду красочные проспекты, плакаты, справочники? — Лицо старика окаменело. — Их не существует, господин Холидей. Заземелье — надежно охраняемое сокровище. Подробности же относительно того, где оно расположено, на что похоже и что там есть, — это строго секретные сведения, которые могут быть раскрыты только покупателю, которого могу

выбрать только я, доверенное лицо продавца. Я уверен, что вы, как юрист, поймете, какие ограничения накладывает на меня слово «секретность», господин Холидей.

— А личность продавца так же засекречена, господин Микс?

— Да.

— А причина, по которой эта загадочная личность продает такую «вещь»?

— Тоже.

— Но почему приходится продавать столь редкий товар, как волшебное королевство, господин Микс? Я постоянно задаю себе этот вопрос. Я все время думаю, не покупаю ли я кота в мешке или пресловутый Бруклинский мост? Откуда мне знать, имеет ли вообще ваш продавец право продавать Заземелье?

Микс улыбнулся, словно пытаясь успокоить Бена:

— Все это было тщательно проверено перед тем, как выставлять объект на продажу. Я сам проводил это расследование.

Бен кивнул:

— Значит, все сводится к вашему честному слову, не так ли?

Микс снова откинулся.

— Нет, господин Холидей. Это сводится к известной всему миру доброй репутации «Роузена», универсального магазина, который всегда выполняет то, что обещает в своих каталогах и рекламных проспектах. Это сводится к договору, который магазин заключает с покупателем, особенно при такой необычной сделке. Этот контракт предусматривает возврат всей суммы, за исключением небольшого процента за временное пользование, — в случае если качество этого предмета окажется неудовлетворительным. Именно так мы делаем наше дело.

— Нельзя ли взглянуть на копию этого договора?

Микс подпер подбородок пальцами руки, затянутой в черную перчатку, затем потер свое морщинистое лицо.

— Господин Холидей, я думаю, нам нужно слегка изменить направление нашего разговора, чтобы я смог рассказать вам о моих полномочиях. Вы пришли, чтобы решить, стоит покупать Заземелье или нет. Но вы здесь также и для того, чтобы я мог судить, подходите ли вы для того, чтобы купить

его, или нет. Не сочтете ли вы за бестактность, если я задам вам несколько вопросов?

Бен покачал головой:

— Конечно, нет. Но я прерву вас, если вы перейдете допустимые границы.

Микс улыбнулся, как Чеширский Кот, и понимающе кивнул. Около получаса он задавал Бену вопросы. Словно опытный адвокат, расспрашивающий свидетеля под присягой на предварительном следствии, он ставил вопросы кратко, тактично и целенаправленно. Микс знал, что ищет, и делал свое дело с хирургической точностью. За годы своей практики Бен Холидей повидал немало юристов, многие из которых были еще более искушенными, чем он сам. Но никогда ему не попадался такой въедливый человек, как Микс.

Он перерыл все прошлое Бена. Пятнадцать лет назад Бен окончил Юридическую школу Чикагского университета, получив диплом с самыми лучшими оценками — summa cum laude. Он сразу же получил приглашение от одной крупнейшей фирмы, а спустя пять лет ушел из нее, чтобы открыть собственное дело с Майлзом, специалистом по тяжбам. Он выиграл большое количество прогремевших по всей стране дел о нарушениях корпоративных законов, выступая адвокатом истца, а в решении нескольких из них добился полного согласия сторон. Коллеги уважали его как одного из лучших в своей деятельности. Он был президентом Чикагской ассоциации адвокатов и председателем нескольких комитетов Иллинойсской государственной адвокатуры. Поговаривали о том, чтобы назначить его президентом Американского объединения судебных юристов.

Бен родился в весьма состоятельной семье. Мать была богатой наследницей, а отец сам сколотил свое состояние. Оба уже были мертвы. У Бена не было ни братьев, ни сестер. Со смертью Энни он остался совершенно одиноким. У него имелось лишь несколько дальних родственников по материнской линии и дядя в Виргинии, но он не виделся с ними более пяти лет. У Бена было мало близких друзей, а по правде говоря, один только Майлз. Коллеги уважали его, но он держал их на расстоянии. В последние пять лет его жизнь вращалась почти исключительно вокруг работы.

— Есть ли у вас опыт административной работы, господин Холидей? — спрашивал Микс, так сверля его взглядом, словно этот вопрос подразумевал нечто большее.

— Нет.

— Увлечения, хобби?

— Никаких, — ответил Бен, думая о том, что это истинная правда — у него не было решительно никаких увлечений и развлечений, за исключением тренировок в Нортсайде. Хотел было сказать об этом, потом решил, что это все равно не важно.

Он дал Миксу справку о своем финансовом положении, подробно описав размещение капитала. Старик безмолвно изучил документы, удовлетворенно кивнул и положил их на стол перед собой.

— Вы идеальный кандидат, господин Холидей, — мягко произнес он; его шепчущий голос почти превратился в шипение. — Вы тот человек, который с легкостью оборвет свои корни, человек, которому не надо беспокоиться об оставленной семье или близких людях. Потому что, видите ли, в течение первого года пребывания там вы не сможете связаться ни с кем, кроме меня. Это одно из условий отбора кандидата. Для вас это не должно быть препятствием. Кроме того, у вас имеются средства для подобной покупки, и не на бумаге, а надежно обеспеченные. Вы понимаете разницу. Но конечно, важнее всего то, что вы — тот человек, который может кое-что дать Заземелью, став его королем. Ведь это много значит для лица, от имени которого я действую. Вы можете предложить нечто особенное.

Он замолчал.

— Что же это? — спросил Бен.

— Вашу профессиональную подготовку, господин Холидей. Вы юрист. Подумайте о том, какую пользу вы можете принести не только как человек, который исполняет законы, но и как тот, кто пишет их. Королю требуется чувство справедливости для того, чтобы править. Ваше образование и рассудок должны хорошо послужить вам.

— Вы хотите сказать, что они пригодятся мне в Заземелье, господин Микс?

— Несомненно. — Лицо старика ничего не выражало. — Королю всегда нужны ум и образованность.

На мгновение Бену показалось, что он уловил в голосе Микса нечто такое, от чего это заявление стало похоже на неуместную шутку.

— А вам по личному опыту известно, какими качествами должен обладать король, господин Микс?

Улыбка на мгновение исказила черты старика.

— Если вы хотите узнать, действительно ли мне известно, каким должен быть король Заземелья, то я отвечу: да. Мы должны знать все о таких клиентах, как вы, и вы обладаете всеми нужными качествами.

Бен медленно кивнул:

— Это означает, что моя просьба будет удовлетворена?

Старик откинулся на спинку кресла:

— А как насчет ваших вопросов, господин Холидей? Наверное, сначала я должен ответить на них.

Бен пожал плечами:

— Я могу задать их в любое время. Почему бы и не сейчас? Почему бы нам не перейти прямо к договору, который, как вы утверждаете, гарантирует мне защиту от того, что большинство людей назвало бы дурацким вложением денег.

— Вы не похожи на большинство людей, господин Холидей. — Морщинистое лицо потемнело и изменилось, словно скрученная резиновая маска. — Договор состоит в следующем. У вас будет десять дней на то, чтобы исследовать ваше приобретение, не принимая на себя никаких обязательств. Если по истечении этого времени вы обнаружите, что оно не соответствует описанию или не удовлетворяет вас в той или иной степени, вы сможете вернуться и получить назад всю уплаченную сумму, за исключением пяти процентов стоимости. Разумная сделка. Я уверен, что вы согласитесь.

— И это все? Весь договор? — Бен не верил своим ушам. — Все, что нужно, — это мое решение расторгнуть сделку?

— Это все, что нужно, — с улыбкой подтвердил Микс. — Конечно же, вы понимаете, что решение должно быть принято не позднее чем через десять дней.

Бен уставился на него:

— И там будет все, что обещано в каталоге? Все это — драконы, рыцари, ведьмы, колдуны и сказочные персонажи?

— И вы будете их королем, господин Холидей. Вы будете тем человеком, которому все они должны подчиняться. Это большая власть, но и большая ответственность. Вы считаете, что можете принять этот вызов?

В комнате стало тихо. Бен сидел перед старым Миксом и размышлял о тех путях своей жизни, которые привели его к этой минуте. До сих пор он мало что терял — за исключением Энни. Он всегда с успехом пользовался предоставлявшимися ему шансами. Теперь ему открылась, быть может, самая великая цель его жизни, но, воспользовавшись ею, он расстанется со всем, чего добился. Вот только Энни уже не было, ну ничего — все, что имело смысл, можно отыскать в будущем.

И все же Бен колебался.

— Разрешите посмотреть копию этого договора прямо сейчас, господин Микс?

Старик открыл ящик своего стола и вытащил три листка, три копии этого документа. Он передал их Бену через стол. Бен взял контракт и тщательно прочел его. Королевство Заземелье продается за один миллион долларов. Рекламный текст каталога повторялся слово в слово. В заключительном пункте говорилось о возврате денег, если покупатель передумает в течение десяти дней. Ключ для возвращения из Заземелья будет предоставлен в день покупки.

Бен задержался на последних строчках договора. Покупателю не будет возвращено ничего, если он вернет покупку по истечении десяти дней или если он предпочтет покинуть Заземелье по любой причине во время первого года правления.

— А как насчет последнего пункта договора? — спросил он, переводя взгляд на Микса. — Почему я не могу вернуться просто так, навестить, скажем, друзей?

Микс с трудом изобразил любезную улыбку:

— Мой клиент беспокоится о том, чтобы покупатель Заземелья правильно оценивал ту ответственность, которую налагает королевский титул. Человек, который не может выдержать и года, — нестоящий кандидат для этой работы. Соглашение предполагает, что вы никуда не сбежите и не оставите обязанности трона по меньшей мере в течение первого года.

Бен нахмурился:

— Мне кажется, я могу понять озабоченность вашего клиента. — Он положил контракт на стол, легонько удерживая его одной рукой. — Но я все еще несколько недоверчиво отношусь к самому объекту сделки, господин Микс. По-моему, я должен быть искренним. Все это кажется мне слишком легким. Мифическое королевство со сказочными созданиями, о котором раньше никто и слыхом не слыхивал? Место, в котором никто никогда не бывал, на которое до сих пор никто не наткнулся случайно? И все, что требуется для того, чтобы завладеть им, — это отдать Роузену один миллион долларов?

Микс легонько постукивал по столу. На его старческой, морщинистой физиономии не отражалось никаких эмоций.

— Это королевство находится в Северной Америке? — не унимался Бен. Микс молчал. — Мне нужен паспорт, чтобы проехать туда? Или какие-нибудь прививки от местных болезней?

Микс медленно покачал головой:

— Не нужно ни паспорта, ни прививок. Вам нужна только смелость, господин Холидей.

Бен слегка порозовел.

— Я думаю, что здравый смысл тоже не помешал бы, господин Микс.

— Такое приобретение, которое вы собираетесь сделать, господин Холидей, меньше всего требует здравого смысла. Если бы здравомыслие лежало в основе этой сделки, ни один из нас не вел бы эту беседу, не правда ли? — Старик растянул рот в ледяной ухмылке. — Хорошо, давайте будем искренними и поговорим начистоту. Вы — человек, который ищет нечто недоступное вам в этом мире. Вы устали от своей жизни и ее оков. Иначе вы не пришли бы сюда. А я — тот человек, который продает особый товар — исключительно странные вещи, предназначенные для очень ограниченного круга покупателей, вещи, которые неимоверно сложно продать. Я — тот человек, который не может запятнать свою репутацию, продавая какую-нибудь подделку. Если бы я делал так, то не продержался бы долго в этом бизнесе. Я не играю с вами в игры и чувствую, что вы тоже не обманываете меня. И все же кое-что каждый из нас должен слепо принять на веру. Я должен

поверить вам на слово как потенциальному правителю Заземелья, ничего не зная о вашей истинной сущности, кроме того, что удалось выяснить в короткой беседе. А вы должны поверить тому, что я рассказал о Заземелье, потому что нет никакого разумного способа показать его вам. Вы должны сами увидеть его, господин Холидей. Вы должны отправиться туда и сами все узнать.

— За десять дней, господин Микс?

— Этого времени будет вполне достаточно, уверяю вас, господин Холидей. А если вы рассудите иначе — просто воспользуйтесь ключом, который я дам вам для возвращения.

Повисло тягостное молчание.

— Значит, вы решили, что можете заключить со мной эту сделку? — спросил Бен.

— Да. Я полагаю, что вы имеете замечательную подготовку. Что вы на это скажете, господин Холидей?

Бен посмотрел на контракт.

— Мне бы хотелось немного поразмыслить об этом на досуге.

Микс натянуто хихикнул.

— Осторожность юриста — замечательная вещь. Я дам вам двадцать четыре часа перед тем, как снова выставлю королевство на продажу, господин Холидей. Я назначаю вам следующую встречу на завтра, в час дня. Можете думать и дольше, но по истечении суток я ничего не смогу обещать.

Бен кивнул:

— Двадцати четырех часов должно хватить.

Он потянулся за договором, но Микс проворно ухватил его.

— Такова моя политика — и политика нашего магазина: мы не позволяем выносить копии контрактов до подписания. Конечно, вы сможете еще раз изучить его завтра — сколько потребуется, — если твердо решитесь купить Заземелье.

Бен поднялся, и Микс тоже встал — длинный сутулый старик.

— Вы должны решиться на это, — ободряюще прошептал он. — Мне кажется, что вы именно тот человек, который создан для такой работы.

Бен стиснул челюсти.

— Возможно.

— Если вы все же решитесь на сделку, договор будет ждать вас на столе секретарши. Вам будет предоставлено тридцать дней, для того чтобы подготовить все необходимое для внесения указанной суммы. После получения оплаты я дам вам необходимые указания для путешествия в Заземелье и вступления на его трон. — Он проводил Бена до двери кабинета и открыл ее. — Сделайте себе подарок, господин Холидей. Купите волшебное королевство.

Бен прошелся обратно по «Уолдорфу», запруженному народом, хорошо пообедал и завалился на диван у себя в номере. Взяв блокнот с желтыми страницами и ручку, он начал записывать то, что узнал из разговора с Миксом.

Многое все еще беспокоило его. И сам Микс в том числе. Что-то странное было в этом старике — что-то скрывалось под его уродливой внешностью. Бен обладал инстинктами матерого юриста — чутьем и предвидением. Внешне он выглядел достаточно мягким и обходительным, но под этой маской скрывалась двухдюймовая стальная броня. Обрывки разговора, которые он уловил в приемной, и выражение на лицах секретарш подсказали ему, что с Миксом надо ухо держать востро.

И было еще кое-что. Только Бен никак не мог понять, что именно.

К тому же он все еще слишком мало знал о Заземелье. Ни плакатов, ни книг, ни буклетов. Микс уклонился от ответа, заявив, что королевство слишком трудно описать. Нужно увидеть своими глазами. Нужно принять на веру слова Микса и заключить сделку вслепую. Бен поморщился. Если бы они поменялись местами и Микс был покупателем, Бен ни единой минуты не сомневался бы, что старик не стал бы выкладывать денежки за пустые россказни!

Ведь он не узнал о Заземелье больше, чем до беседы с Миксом. Не узнал, где оно находится и как выглядит. Не узнал ничего, кроме того, что было написано в каталоге.

Бегство в мечту... Может быть. А может быть, бегство прямиком в кошмар. И он снова вернулся к тому пункту договора, который предусматривал расторжение сделки в течение десяти дней. Вот это было достаточно честно. И даже более чем ясно. Тогда он потеряет всего пятьдесят тысяч — потеря

ощутимая. Но зато он сможет побывать в волшебном королевстве, населенном сказочным народцем, драконами, прекрасными дамами и всем прочим, и если обнаружит, что все это надувательство, то сможет вернуться и потребовать свои денежки обратно.

Это уж точно. Бен увлеченно строчил на желтом листке, потом вдруг замер, поднял голову и устремил невидящий взгляд в пустое пространство комнаты.

Правда заключалась в том, что все эти рассуждения гроша ломаного не стоили. Он уже давно решил, что пойдет на эту авантюру.

Именно это и беспокоило его больше всего. Он собрался выбросить миллион долларов на мечту, потому что его жизнь достигла такой точки, где ничто из того, что он знал и умел и чем владел, больше не имело для него смысла. Он променял бы это на что угодно — даже на такую дикую прихоть, фантазию вроде Заземелья, с игуанами и голливудскими спецэффектами. Майлз сказал бы, что Бену нужна помощь — серьезная, профессиональная медицинская помощь, если бы узнал, что его друг подумывает о такой нелепой покупке. И возможно, Майлз был бы абсолютно прав.

Так почему же Бену все это было настолько безразлично? Почему он был так настроен на то, чтобы, несмотря ни на что, заключить эту сделку?

Его худое тело вытянулось на подушках маленького диванчика. «Потому что, — сказал он себе. — Потому что я хочу попробовать сделать что-то такое, о чем другие люди могут только мечтать. Потому что это первый вызов, который я бросил судьбе после смерти Энни, и без этого вызова мне не вылезти из трясины моего нынешнего скуднейшего существования...»

Бен глубоко вздохнул, оставив последнюю мысленную фразу незаконченной. Вместо этого подумал, что жизнь — просто череда возможностей, и чем крупнее очередная возможность, тем глубже удовлетворение, полученное от ее осуществления.

И он использует эту возможность. Он знал это. Он вырвал желтые листки из блокнота и смял их.

* * *

Заснул он с мыслью о том, что нужно хорошенько все обдумать еще раз, но проснулся с созревшим решением. В десять утра он вернулся в «Роузен», поднялся в пентхаус и подошел к столу секретарши, за которым начинался коридор, ведущий к уединенному кабинету Микса. Похоже, секретарша ничуть не удивилась, увидев его. Она протянула ему листки договора с вложенной между ними копиркой вместе с уведомлением о том, что универсальный магазин «Роузен» позволяет производить оплату за все приобретаемые особые предметы в течение тридцати дней после подписания контракта. Он снова перечитал договор, убедился, что ничего не изменилось, и подписал его. Со второй копией в кармане вышел из здания и поймал такси до Ла-Гуардии.

В полдень он уже возвращался в Чикаго в великолепном настроении.

ГЛАВА 3

ЗАЗЕМЕЛЬЕ

Приятное расположение духа сохранялось вплоть до следующего утра, когда Бен обнаружил, что никого, кроме него, не радуют предполагаемые в его жизни изменения.

Прежде всего позвонил своему бухгалтеру. Бен знал Эда Сэмьюэльсона более десяти лет; и хоть они не были близкими друзьями, но все же являлись надежными деловыми партнерами, ценившими советы друг друга. Бен был адвокатом бухгалтерской фирмы Хэйнса, Сэмьюэльсона и Роупера почти все это время. Эд Сэмьюэльсон с самого начала был его консультантом по вкладам. Вероятно, Эд был единственным человеком на всем свете, который в полной мере представлял себе весь объем сбережений Бена. Эд работал с ним, когда умерли его родители. По его предложению Бен сделал большинство своих вкладов. Он знал Бена как ловкого и проницательного бизнесмена.

Но когда Бен позвонил ему в то утро и приказал — не попросил, а приказал! — продать облигации и ценные бумаги на сумму почти в миллион долларов да еще уложиться всего в десять дней, Эд решил, что у Бена не все дома. И страшно бранился в телефонную трубку. Такая продажа будет настоящим безумием! Ликвидировать облигации и чековые депозиты можно только со значительным убытком, потому что штраф за досрочное снятие вклада очень суров. Акции придется пустить по рыночной цене, которая чаще всего была заниженной. Как ни крути, но Бен останется в проигрыше! Даже скидки с налогов, возможные при таком опрометчивом ведении дел, не смогут компенсировать все потери, которые его ожидают! Так какого же черта нужно вытворять такое? Зачем это ему вдруг понадобился миллион долларов наличными?

Терпеливо и очень уклончиво Бен объяснил, что решил оформить покупку предмета, для которого требуется безотлагательное внесение всей суммы. По тону его голоса можно было понять, что он не намерен рассказывать об этом предмете. Эд заколебался. Не попал ли Бен в какую-нибудь беду? Бен принялся убеждать его, что нет. Это решение он принял после продолжительных размышлений и будет весьма признателен Эду, если он предоставит ему необходимые средства.

Больше спорить было не о чем. Эд неохотно согласился сделать то, о чем его просили. Бен повесил трубку.

Еще хуже пошли дела в адвокатской конторе. Сначала Бен заглянул к Майлзу. Когда его друг устроился в кресле с чашкой кофе в руке, Бен заявил, что хочет на время оставить фирму. Майлз едва не выронил чашку.

— Оставить фирму? Что за чушь ты несешь, док? Да в этой конторе вся твоя жизнь! После гибели Энни ты живешь только своей работой!

— Может быть, в этом-то вся беда, Майлз. Может быть, мне на время стоит отвлечься от всего, что я делаю, и посмотреть на жизнь под новым углом. — Бен пожал плечами. — Да ведь это ты убеждал меня, что я должен выйти из раковины и посмотреть на мир, который лежит за стенами моего дома и конторы.

— Да, конечно, но я не понимаю... Погоди-ка, а куда это ты собрался? Сколько времени тебя не будет? Пару недель? Месяц?

— Год.

Майлз вытаращил глаза.

— По меньшей мере, — добавил Бен. — А может быть, даже больше.

— Год? Целый проклятый год? По меньшей мере? — Майлз пылал от негодования. — Это не значит «оставить на время», это значит «уйти в отставку»! А что нам делать с твоей практикой в твое отсутствие? Как насчет твоих клиентов? Они ведь не будут целый год сидеть и ждать, когда ты вернешься. Они соберут свои бумажки и отчалят на поиски другой фирмы. А как насчет судебных разбирательств, которые ты назначил? Как насчет дел, которые ты ведешь? Ради всего святого, ты не можешь вот так ни с того ни с сего...

— Угомонись на минутку, ладно? — перебил его Бен. — Я не собираюсь сматывать удочки и оставлять фирму на произвол судьбы. Я все обдумал. Я лично уведомлю всех своих клиентов. Рассматриваемые дела будут закончены или отложены. Если кто-нибудь останется неудовлетворенным, я отошлю их в другую фирму. Полагаю, что большинство из них останется с тобой.

Майлз навалился своей громоздкой тушей на стол.

— Док, давай-ка поговорим начистоту. Может быть, то, что ты предлагаешь, будет выполнено хотя бы наполовину. Возможно, ты сможешь удовлетворить большую часть своих клиентов. Вероятно, они смогут смириться с твоим «временным отсутствием». Но целый год? А может быть, даже больше? Они смотаются, док. А как насчет работы в суде? Никто не может вот так просто разделаться с ней. Этих клиентов мы наверняка потеряем.

— Ничего, потерю нескольких мы с легкостью перенесем.

— Но разве так можно? Так дела не делаются!

— А если бы я помер, Майлз? Вот прямо нынче же вечером? Что ты тогда бы делал? В основном ты столкнешься с теми же самыми проблемами. И как ты будешь их решать?

— Это совсем не то же самое, черт возьми, и ты это знаешь! Это самое скверное сравнение, какое ты мог придумать! — Майлз вскочил и наклонился к Бену, упершись руками в стол. — Я не

понимаю, что за бес в тебя вселился, док. Ни хрена не понимаю. Ты всегда был таким надежным. Любил повыпендриваться в зале суда, но всегда был таким уравновешенным, так следил за своими словами и поступками. Великолепный адвокат! Черт, да если бы у меня была хоть половина твоего таланта...

— Майлз, может, сделаешь паузу?

Толстяк просто отмахнулся от этих слов:

— И целый проклятый год ты будешь где-то шляться? Вот так запросто? Сначала ты мчишься в Нью-Йорк безо всяких объяснений, гонишься за бог весть чем, потом собираешься бросить работу чуть ли не в тот же самый день, как тебе в голову втемяшилась эта безумная мысль. Ты не сказал мне ни слова, ни единого слова с тех пор, как мы сидели здесь и говорили об этом дурацком предмете из каталога этого... как бишь его там? Росса или Роузенберга, или как? А потом уходишь так запросто, будто... — Майлз вдруг запнулся, словно подавившись последними словами. Его лицо застыло от ошеломляющего подозрения. — О Господи! — прошептал он. И медленно перекрестился. — О Боже мой! Так это та сказочная страна из каталога, да?

Бен молчал, раздумывая, стоит ли раскрывать свою авантюру. Он собирался сохранить Заземелье в тайне. Не хотел никому говорить о нем.

— Майлз, может, сядешь? — наконец сказал он.

— Сяду? Да какого дьявола ты хочешь, чтобы я спокойно сидел, после...

— Сядь, черт побери, Майлз! — рявкнул Бен.

Майлз замер на несколько мгновений, потом медленно сполз в свое кресло. Его цветущее лицо сохраняло ошеломленное выражение.

На сей раз на стол навалился Бен. Его лицо окаменело.

— Мы долго были вместе, Майлз, — и как друзья, и как деловые партнеры. Мы много знаем друг о друге. Большую часть мы узнали во время наших совместных занятий. Но мы не знаем всего, потому что это невозможно. Никакие два человеческих существа не могут полностью познать друг друга, даже при самом благоприятном стечении обстоятельств. Вот почему иногда мы поступаем так, что другие совершенно не понимают нас. — Он склонил голову набок. — Помнишь, как ты, бывало, просил, чтобы я не брался за дело, которое каза-

лось несколько сомнительным? Помнишь, Майлз? Брось это дело, говорил ты мне. Оно не выгорит. Оно обречено на провал. Иногда я так и делал. Соглашался с тобой и бросал его. Но иногда я поступал по-своему. Иногда я все же брался за подобное дело и говорил тебе, что уверен, что справлюсь с ним. И ты смирялся с моим решением, даже если не соглашался с ним и не понимал его. Но ты доверял моему выбору, не так ли? — Он помолчал. — Ну а теперь я прошу тебя об этом. Ты не понимаешь меня и поэтому перечишь. Так махни на это рукой и поверь мне.

Майлз посмотрел на столешницу, потом поднял взгляд:

— Док, ты собираешься угрохать миллион долларов неизвестно на что?

Бен медленно покачал головой:

— Вовсе нет. Я собираюсь спасти себя, Майлз. Я говорю о чем-то таком, на чем не наклеен ценник.

— Но это... безумие! — Майлз вцепился в край стола так, что костяшки пальцев побелели. — Это безответственно! Да это просто глупо, черт побери!

— Я вижу все совсем иначе.

— Да ну? Хочешь сбросить с плеч всю ответственность, налагаемую твоей профессией, похерить дело всей своей жизни? И отправиться жить в замке и сражаться с драконами — если только предположить, что они и в самом деле там водятся и тебя просто-напросто не обжулят. И никакого телевидения, бейсбола, жвачки и холодного пива, никакого, к черту, электричества и душа с горячей водой, ни даже сортира в квартире и всего такого? Бросить дом, и друзей, и... Господи Иисусе, док!

— Я думаю об этом как о простом турпоходе — когда на время бросаешь всю цивилизацию.

— Потрясающе! Турпоход за миллион баксов!

— Я уже решил, Майлз.

— Черт знает куда...

— Я уже все решил! — Голос Бена прозвучал так угрожающе, что оба вздрогнули.

Адвокаты с минуту молча разглядывали друг друга, чувствуя, как с каждым мгновением увеличивается разделяющая их пропасть. Потом Бен поднялся и быстро обошел вокруг

стола. Майлз тоже встал. Бен положил руку на плечо друга и сжал его.

— Если я не предприму чего-нибудь, Майлз, то потеряю себя, — прошептал он. — Может быть, меня хватит на несколько месяцев или год, но в конце концов я окончательно рехнусь. Я не могу допустить этого.

Майлз молча посмотрел на Бена и кивнул:

— Это твоя жизнь, док. Я не могу советовать тебе, как прожить ее. И никогда не лез с советами. — Он притих. — Но, может быть, ты подумаешь хотя бы еще несколько дней? Я ведь не прошу слишком многого, правда?

Бен устало улыбнулся:

— Я уже тысячу раз все обдумал. Хватит. Мне это уже надоело.

Майлз покачал головой:

— Слепой сказал: «Посмотрим».

— О своем уходе я сообщу сейчас остальным. Буду очень признателен, если ты попридержишь язык.

— Конечно. Почему бы и нет? Зачем рассказывать всем и каждому, что у нашего светила мозги набекрень? — Он в последний раз с упреком взглянул на Бена, пожал плечами и повернулся к двери. — Ты спятил, док.

Бен пошел следом за ним.

— Я тоже буду скучать по тебе, Майлз.

Он собрал всех служащих и рассказал им о том, что решил на некоторое время оставить фирму. Сказал, что сейчас он должен изменить свою жизнь, покинуть город, практику, все знакомое и близкое; заявил, что его не будет несколько недель, а возможно, целый год. Сначала повисло недоуменное молчание, которое вскоре сменилось шквалом вопросов. Он терпеливо ответил на каждый. Потом ушел из конторы домой.

И ни разу Бен не заговорил о Заземелье. И Майлз тоже помалкивал.

Почти три недели ушло у Бена на то, чтобы привести в порядок свои дела. Большую часть этого времени заняли конторские хлопоты: нужно было договориться с клиентами, разобраться с расписанием суда и с текущими делами. Переход-

ный период оказался очень тяжелым. Сотрудники стоически отнеслись к его решению, но в их взглядах и в шушуканье за спиной то и дело сквозило скрытое недовольство, которого Бен не мог не заметить. Он понимал, что предает их. По правде говоря, он и сам испытывал смешанные чувства. С одной стороны, ослабление связей с фирмой и профессией давало ему необычайную свободу и облегчение. Он чувствовал себя так, будто вырвался из ловушки — словно заново начинал свою жизнь и обретал возможность открыть то, что было упущено раньше. И все же его преследовали вспышки неуверенности и сожаления о том, что он бросает все, на что затратил большую часть своей сознательной жизни. У Бена было чувство, которое, вероятно, испытывали путешественники, стремившиеся в еще не открытые страны: словно он отрекается от всего привычного ради неизведанного.

Но ведь он может вернуться, когда пожелает, напоминал себе Бен. Так что ничем постоянным себя пока не связывал.

И он продолжал заниматься делами и пытался не думать о своих смешанных чувствах, но чем больше старался, тем больше думал и в конце концов сдался и принял все как есть. Бен позволил своим чувствам бушевать в душе, позволил неуверенности и сомнениям грызть ее и вскоре обнаружил, что обрел некоторую уверенность от того, что мог противостоять им. Сначала он принял решение, а потом убедился, что может жить с ним.

Три недели подошли к концу, и Бен завершил все свои дела с фирмой. Он освободился от своих обязанностей и теперь мог выбирать любую дорогу. На сей раз дорога вела в сказочное королевство, называвшееся Заземельем. Только Майлз знал правду, но он молчал. Майлз заметно паниковал. Он был убежден, что Бен сошел с ума.

— Придет время, док, в не слишком далеком будущем, когда в твоей одуревшей башке вдруг вспыхнет лампочка и в припадке запоздалого прозрения ты поймешь, что сделал чудовищную ошибку. И когда это произойдет, ты приползешь обратно в контору, только будешь куда более робким и бедным, и я с превеликим удовольствием скажу «говорил же я тебе» не меньше полудюжины раз. Но это не касается никого, кроме нас двоих. Так что будем держать между собой все эти

дурачества среднего возраста. А нашим ребятам вовсе незачем о них знать.

Это было последнее, что Майлз сказал относительно решения Бена приобрести Заземелье. Это произошло на следующий день после того, как Бен объявил коллективу о своем решении оставить фирму. И с того дня Майлз говорил с Беном исключительно о работе. За три недели он не сказал своему другу ни слова о Заземелье. Вместо этого бросал на него пронзительные взгляды, словно психиатр, пытающийся проникнуть в дебри сознания своего любимого лунатика.

Бен пытался не обращать внимания на поведение своего друга, но его терпение было на исходе. Дни проходили за днями, и он начал беспокоиться о том, что ждет его впереди. Эд Сэмьюэльсон позвонил ему и сообщил, что все ценные бумаги проданы и деньги приготовлены для нового размещения — если, конечно, Бен уверен в том, что действительно хочет сделать это без дальнейших консультаций. Бен убедил его в непреклонности своего решения, пропустив мимо ушей последнее замечание, и сразу же перевел нужную сумму на счет универмага Роузена в Нью-Йорке, указанный Миксом. Он договорился с Сэмьюэльсоном, чтобы тот продолжал вести его дела без него в течение неопределенного времени, и предоставил консультанту все необходимые по закону полномочия. Бухгалтер встретил Бена с выражением лица, похожим на то, которое усвоил в последнее время Майлз. Терпение Бена подверглось новому испытанию. Он заплатил за год вперед за свою квартиру и сделал необходимые распоряжения насчет уборки и охраны. Велел Джорджу присматривать за ней, и тот страшно разволновался, желая ему приятного путешествия и пребывания там, где он задумает остановиться. Возможно, Джордж был единственным человеком, искренне пожелавшим ему удачи, подумал Бен. Он подготовил завещание, отменил подписку газет и журналов, позвонил в спортивный клуб и предупредил, что некоторое время не будет посещать его, договорился с почтой о хранении корреспонденции и передал ключ от своего банковского сейфа Эду Сэмьюэльсону.

Потом принялся ждать. На четвертой неделе, за три дня до окончания месяца, ожидание закончилось. Снежные хло-

пья кружились за окном в ранних сумерках; День благодарения уже прошел, а Рождество еще не наступило, город был наводнен покупателями, стремившимися потратить денежки, чтобы как следует отметить рождение Божьего сына. Бен так устал от ожидания, что впал в грязный цинизм. Он наблюдал за людской суетой с вершины своей престижной башни, когда пришел Джордж и объявил, что из Нью-Йорка пришел конверт спецдоставки. Он был от Микса. В нем были записка, билеты на самолет, карта дорог Виргинии и странная квитанция. В письме было написано:

«Дорогой господин Холидей! Пишу вам, чтобы подтвердить приобретение особого предмета продажи, известного как «Заземелье», из нашего последнего праздничного каталога. Ваша оплата, полностью покрывающая оговоренную нами сумму, пришла и помещена на временно замороженный счет, как указано во взаимном соглашении.

Прилагаю авиабилеты, с которыми вы доберетесь из Чикаго в Карлоттсвилль, в штате Виргиния. Эти билеты могут быть использованы в любой из семи последующих дней.

По прибытии в аэропорт Карлоттсвилля предъявите приложенную квитанцию в отдел регистрации. На ваше имя взят напрокат автомобиль, который вы сможете получить по прибытии. Кроме того, вас будут ожидать пакет и инструкции. Тщательно прочтите инструкции и сохраняйте содержимое пакета!

На дорожной карте Виргинии подробно указано, как добраться до последнего пункта, из которого начнется ваше путешествие в Заземелье. А там вас встретят.

От имени универмага «Роузен» я желаю вам приятного путешествия. Микс».

Бен несколько раз подряд прочитал письмо, взглянул на билеты и квитанцию, потом изучил карту. Линия, сделанная красными чернилами, обозначала, какими дорогами можно проехать к западу от города Карлоттсвилля к маленькому крестику посреди Голубого хребта к югу от Вэйнсборо. На полях карты мелкими буквами были напечатаны пронумерованные указания. Бен прочел их все, потом еще раз перечитал письмо, потом сложил все бумаги и засунул обратно в конверт.

Какое-то время он посидел на диване, уставившись в серый день с хлопьями снега за окном и отдаленным шумом предпраздничной суеты. Потом прошел в ванную, сложил предметы первой необходимости в небольшой пакет и позвонил Джорджу, чтобы тот вызвал такси.

Он прибыл в аэропорт к пяти часам. Снег повалил еще сильнее.

В Виргинии снег еще не выпал. Было холодно и ясно, в небе сияло солнце, озарявшее словно нарисованные на декорациях заросшие лесом горы, от которых веяло утренней кристальной свежестью. Бен переместился на «нью-йоркере» синестального цвета в правый ряд Шестьдесят четвертого шоссе, ведущего из Карлоттсвилля на запад к Вэйнсборо.

Это было поздним утром следующего дня. Бен прилетел в Национальный аэропорт Вашингтона, переночевал в гостинице «Мэрриотт», что совсем рядом с аэропортом, а в семь утра уже летел в Карлоттсвилль. Там он предъявил свою загадочную квитанцию и получил ключи от «нью-йоркера» и маленькую коробочку, завернутую в простую коричневую бумагу, на которой было написано его имя. В коробочке лежали записка от Микса и медальон. Записка гласила:

«Этот медальон — ваш ключ к входу и выходу из Заземелья. Наденете его — и вас признают законным наследником престола. Снимете его — и вы вернетесь в место, помеченное на карте крестиком. Только вы сами можете снять его. Никто не в силах отобрать его у вас. Снимете его, когда подвергнетесь опасности. Микс».

Медальон представлял собой кусок старого, потускневшего металла, на лицевой стороне которого был выгравирован рыцарь верхом на боевом коне, закованном в латы. Рыцарь указывал на солнце, восходящее над замком, окруженным озером. К ушку медальона была приделана двойная цепочка. Это было исключительно тонкое изделие, хоть и сильно пострадавшее от времени. Пятна не сошли с медальона, даже когда Бен потер его. Он повесил его на шею, сел в автомобиль, взятый на его имя, и выбрался на Шестьдесят четвертое шоссе.

Пока все идет по плану, думал Бен, пробираясь на запад к Голубому хребту. Все, как указано в записке.

Карта, присланная Миксом, лежала на свободном переднем сиденье. Бен запомнил указания, напечатанные на ней. Нужно было проехать по Шестьдесят четвертому почти до самого Вэйнсборо, потом повернуть на дорогу, ведущую к Линчбургу. Еще двадцать миль — и он найдет поворот к скале, с которой видны горы и долины Национального парка имени Джорджа Вашингтона. Там стоит небольшой зеленый указатель с черным номером 13. Там же находятся телефон и укрытие от дождя. Бен должен подъехать к нему, выйти из автомобиля, захлопнуть дверцу, оставив ключи внутри, перейти через дорогу к узенькой тропке. Нужно углубиться в горы приблизительно на две мили. И там его встретят.

На карте не говорилось, кто его встретит. И в письме тоже. На полях карты коротко сообщалось, что позже кто-то приедет, чтобы забрать автомобиль. Если Бен решит вернуться, можно позвонить по телефону. Номер тоже был указан.

Бена вдруг захлестнула волна сомнения. Он уже проделал долгий путь в неведомое, и никому, кроме Микса, не было точно известно, где он находится. Если от него потихоньку избавиться, Микс сделается богаче на целый миллион — если только предположить, что все это было грандиозной мистификацией. Даже за меньший куш люди проделывали куда более темные делишки.

Бен подумал об этом минуту, потом покачал головой. Это не имело никакого смысла. Микс был агентом универмага «Роузен», а человека на таком посту весьма тщательно проверяют. Кроме того, слишком велика вероятность, что Микс попадется на таких делах. Майлз знал о связи Бена с универмагом и причину этой связи. Деньги, которые он перевел, могут быть прослежены. Копия договора с Миксом лежала в его банковском сейфе. А объявление о продаже Заземелья было выставлено на всеобщее обозрение.

Бен прогнал все свои сомнения и сосредоточился на дороге. Предвкушение того, что ждало его впереди, не оставляло его уже несколько недель. Он так волновался, что едва сдерживал себя. Плохо спал прошлой ночью. Проснулся задолго до рассвета. В голову лезла всякая чепуха.

Менее чем за полчаса он нашел поворот на Линчбург и свернул на юг. Двухполосное шоссе упиралось прямо в Голубой хребет, слегка огибая лесные кущи и скалы и постепенно поднимаясь. Панорамные виды открывались по обе стороны дороги, захватывающие дух застывшие пейзажи лесистой горной местности. Движение было слабым. Бен насчитал всего три встречные машины — с семьями, с оборудованием для стоянки и багажом, а один тащил крытый прицеп. Никто не ехал на юг.

Спустя еще двадцать минут Бен заметил зеленый указатель поворота с числом 13 черного цвета. Отпустив педаль газа, он вывел «нью-йоркер» на засыпанную гравием обочину и остановился перед телефонной будкой. Он выбрался из автомобиля и огляделся. Справа засыпанная гравием площадка продолжалась до ограждения, за которым скала обрывалась, открывая величественный вид на лес и горы Национального парка. Слева, через дорогу, уходило ввысь нагромождение скал и деревьев, окутанное тонкими полосами тумана. Бен уставился на гору, наблюдая, как клубится и волнуется дымка, словно прозрачные ленты на ветру. День был таким ясным и тихим, даже дуновение ветерка не порождало никакого шума.

Бен повернулся к лимузину и вытащил свои пожитки. Он сложил их в видавшую виды сумку — несколько разрозненных вещиц, которые решил прихватить с собой: бутылку своего любимого «Гленливета», которую хранил для особого случая, туалетные принадлежности, ручки и бумагу, несколько книжек, две пары боксерских перчаток, последние номера журналов, которые не успел прочитать, бинт, антисептик, старый спортивный костюм и тапочки для бега. Бен не слишком нагрузил себя одеждой. Он знал, что она ему не понадобится, что бы там ни носили в Заземелье.

Он захлопнул дверцу автомобиля и запер ее, оставив ключи внутри. Засунул бумажник в сумку и перешел дорогу. Он был одет в легкий спортивный костюм синего цвета с красно-белым кантом и такие же синие кроссовки. Он надел кроссовки и костюм потому, что не мог решить, что еще можно надеть в такое путешествие, а также потому, что не знал более удобной экипировки для похода по горам. Странно, мельком

подумал Бен, почему Микс не снабдил его никакими указаниями насчет того, как одеться и что взять с собой.

Перейдя дорогу, он остановился и осмотрел поднимающийся впереди лесистый склон. Маленький ручеек сбегал со скал, сверкая на солнце. Бен вскинул сумку на плечо и двинулся вверх.

Тропинка вилась и петляла вдоль ручейка, расширяясь на прогалинах, где стояли деревянные скамьи, на которых мог отдохнуть усталый путник. Ручей журчал и плескался в глинистых берегах и на каменистых перекатах — утреннюю тишину конца осени нарушал только этот звук. Вскоре Бен потерял из виду дорогу и машину на ее обочине, его плотно окружил лес. Подъем сделался менее крутым, лес стал гуще, а тропинка незаметнее. Наконец тропинка разошлась с потоком, падавшим в этом месте с крутой скалы.

Постепенно вокруг Бена сгущался туман. Тогда он остановился и огляделся по сторонам. Никого не было видно. Он прислушался. Стояла полная тишина. И тем не менее у Бена появилось неприятное ощущение, что за ним следят. Его решимость на мгновение поколебалась: возможно, эта затея была огромной, грубой ошибкой. Но он быстро отбросил сомнения и снова устремился вперед. Несколько недель назад он взял на себя обязательство. Он был настроен на то, чтобы узнать все до конца.

Лес стал еще гуще, а вместе с ним и туман. Сомкнутый строй деревьев маячил по сторонам — темные скелеты с умирающей листвой и мрачные вечнозеленые часовые, оплетенные сухими ползучими растениями, утонувшие в кустах и зарослях колючей травы. Бену пришлось продираться сквозь чащу сосен и елей, а солнечное утро померкло в завесе тумана. Опавшая листва и хвоя пружинили под ногами; Бен видел крошечных животных, шнырявших в лесной подстилке. Ну хоть не совсем один, подумал он. Бен начал испытывать сильную жажду и пожалел, что не догадался прихватить фляжку с водой. Он мог вернуться к ручью, чтобы напиться, но ему не хотелось терять время. Подумал о Майлзе, чтобы забыть о жажде. Попытался представить его, пробирающегося по лесу вместе с ним, пыхтящего и брюзжащего. Бен улыбнулся. Майлз ненавидел любые физические упражнения, которые не были

связаны с банками пива и столовыми приборами. Считал Бена безумцем, потому что он столько лет продолжал заниматься боксом после того, как вышел из спортивного возраста. Он считал всех спортсменов вечными юнцами.

Майлзу часто приходил на ум всякий вздор.

Бен замедлил шаг, когда тропинка впереди уперлась в заросли высокой травы. Густая сосновая чаща перекрывала путь. Бен раздвинул ветви и в недоумении огляделся.

— Ну и ну! — прошептал он.

Он наткнулся, словно на стену, на ствол необъятного корявого дуба, скрытого ветвями. В его сердцевине был прорублен ход, словно какой-то великан поработал топором. Тоннель был темным и пустым — черная бесконечная дыра, нора, заполненная туманом, который клубился, словно его перемешивали невидимые руки. Из темноты исходили отдаленные звуки, происхождение которых нельзя было определить.

Бен встал у входа в тоннель и вгляделся внутрь. Проход был футов двадцать в ширину и примерно вдвое больше в высоту. Он никогда не видел ничего подобного. Сразу же понял, что никто из его мира не мог сотворить подобного. И мгновенно догадался, куда ведет эта нора. Но все равно Бен колебался. Почему-то этот проход вызывал у него беспокойство — и не только то, что он никак не мог быть творением рук человеческих. В нем чувствовалось нечто, заставлявшее душу трепетать.

Бен осторожно еще раз огляделся. Ничего подозрительного не было видно. Он вполне мог быть единственным живым существом на весь лес — вот только откуда-то издали доносились звуки, похожие на голоса, но...

Бен вдруг ощутил настоятельную, безумную потребность повернуть назад и броситься бежать тем же путем, каким пришел сюда. Она была столь сильной, что он невольно отступил на шаг, прежде чем смог осознать это. Воздух, исходящий из тоннеля, словно бархатом, гладил кожу, он был теплый и влажный. Бен крепче вцепился в ремень сумки и выпрямился, борясь со своими чувствами. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Продолжать путь или вернуться? Что выберет бесстрашный путешественник док Холидей?

— Ну же, — мягко приказал он себе.

И зашагал вперед. Тоннель словно раскрывался перед ним, мгла отступала с такой же скоростью, с какой он приближался к ней. Туман нежно обнимал и ласкал его тело. Он шагал твердо и целеустремленно, небрежно скользя взглядом по сторонам, но ничего не замечал. Издалека все так же слышались неясные звуки, но он по-прежнему не мог различить их. Лесная почва была мягкой, как губка, и продавливалась под его весом. Вокруг извивались темные стволы и сучья, образуя подобие свода, куда не пробивался ни единый луч солнца, только слабое рассеянное свечение, словно исходящее от гниющей коры и листьев.

Бен набрался смелости и оглянулся. Лес, из которого он пришел, исчез. Вход в тоннель пропал. Ход простирался на одинаковое расстояние вперед и назад.

— Да, спецэффекты у них на уровне, — заметил Бен. Он попытался изобразить улыбку, подумав о Майлзе и о том, как смешно было бы узнать, что подумал бы толстяк обо всем этом...

И тогда он услышал вопль. Он донесся откуда-то из мрака и тумана у него за спиной. Не останавливаясь, он снова оглянулся. В темноте тоннеля он уловил какое-то движение. Между деревьями метались неясные фигуры, вроде бы человеческие, но такие тонкие и гибкие, что казались почти воздушными. Показались лица — узкие и угловатые, с пронзительными глазками, сверкавшими из-под кустистых бровей и волос, похожих на шапки из моха.

Вопль донесся снова. Бен вздрогнул. Чудовищный черный призрак возник в дымке — существо с чешуей, когтями, шипами и кожистыми крыльями. Это оно издавало крик.

Бен остановился, не в силах оторвать от него взгляд. Спецэффекты делались все лучше и лучше. Этот был словно живой. Бен бросил сумку наземь, упер руки в бока и стал наблюдать, как видение разрастается и становится трехмерным. Это была уродливая тварь, огромная, как лошадь, и страшная, как худший из кошмаров. И все же Бен был не из тех, кто не может отличить иллюзию от реальности. Миксу придется выдумать что-нибудь получше, чтобы заставить Бена...

Он вдруг резко оборвал эту мысль. Призрак несся по воздуху прямо на него — и он уже не казался таким уж ненасто-

ящим! Он начинал выглядеть слишком убедительно. Бен подхватил сумку и бросился бежать. Тварь завизжала. Теперь даже ее вопль показался неподдельным.

Бен судорожно сглотнул. Может быть, это потому, что тварь была настоящей?

Он перестал прислушиваться к доводам рассудка и побежал изо всех сил. Призрак тоже прибавил ходу и завизжал снова. Он был совсем близко — кошмар, от которого нельзя было проснуться. Тварь опустилась на землю и побежала на четырех лапах, сложив крылья за спиной. Ее тело было плотным, дымящимся, словно его подогревало изнутри пламя.

И на ее спине было что-то еще — фигура, покрытая броней, такая же темная и бесформенная, когтистые лапы которой сжимали поводья, заставляя тварь двигаться в нужном направлении.

Бен помчался быстрее, задыхаясь от страха. Он был в хорошей форме, но ужас быстро подтачивал его силы, и он не мог бежать быстрее твари. Он видел, как вокруг возникают и исчезают странные лица, духи, бродящие в тумане, затерянные в зарослях, — безмолвные наблюдатели погони. Он на мгновение подумал было свернуть с дороги и нырнуть в лес, чтобы смешаться с призрачными существами. Может быть, тварь, преследующая его, не в силах будет продолжить погоню. Она была такой огромной, что деревья так или иначе замедлят ее продвижение. Но тогда Бен заблудится во мраке и тумане и никогда не выберется оттуда. И он остался на тропе.

Его преследователь завыл снова, и Бен ощутил, как земля содрогается от топота его лап.

— Микс, будь ты проклят! — безнадежно вскрикнул он.

Бен чувствовал, как медальон трется о кожу под спортивным костюмом. Он инстинктивно вцепился в него — в талисман, который должен был без всякой опасности доставить его в Заземелье или обратно. Может быть, медальон сумеет прогнать это жуткое чудище...

И тогда впереди, на краю мрака, появился всадник — смутная, неровная фигура, все отчетливее вырисовывающаяся. Это был рыцарь в помятой и пробитой броне, с копьем, опущенным почти до самой земли. И конь, и всадник были грязны и

неопрятны, такие же недружелюбные на вид призраки, как тварь, преследовавшая Бена по пятам. Когда он приблизился к всаднику, рыцарь поднял голову и взял копье на изготовку. А за ним вдруг возник проблеск дневного света.

Бен прибавил ходу. Тоннель заканчивался. Нужно было выбраться из него, чтобы спастись.

Чудовище издало визг, переходящий в зловещее шипение.

— Пошел прочь, окаянный! — обезумев, закричал Бен.

Вдруг всадник и лошадь впереди как бы выросли, внушая странное, трепетное благоговение, несмотря на покрывавший их слой грязи. Возглас удивления сорвался с губ Бена. Он уже видел этого всадника. Именно он был выгравирован на медальоне, висевшем у него на шее!

Сырое, зловонное дыхание черной твари опалило шею Бена. Ужас охватил его, а грудь словно сжали ледяные тиски. Рыцарь пришпорил коня, освободив выход, и лесные лица разлетелись, словно бестелесные призраки. Бен закричал. Черная тварь и рыцарь приближались к нему с двух сторон, несясь прямо на него, словно его не существовало.

Рыцарь поравнялся с Беном первым, и конь на всем скаку ударил его боком, сбив с тропинки. Бен кувырком полетел в сумрак и, увидев яркую вспышку света, зажмурил глаза.

Чернота окутала Бена, и все вокруг дико завертелось. Дух вышибло из его тела, и он никак не мог восстановить дыхание. Лежал, уткнувшись лицом в землю, чувствуя щекой сырую траву и листья. Он не раскрывал глаз, ожидая, пока прекратится муторное вращение.

Когда оно наконец закончилось, Бен осторожно раскрыл глаза. Он лежал на прогалине. Вокруг стеной вздымался лес, туманный и мрачный, но сквозь ветви деревьев все же пробивались лучики солнца. Бен вскочил на ноги. И вот тогда-то и увидел дракона. И застыл, не веря своим глазам. Слева в нескольких десятках ярдов лежал спящий дракон, свернувшийся клубком на куче поваленных стволов, — это была чудовищная тварь, усеянная шипами, наростами, покрытая чешуей. Морду он прятал в когтистых лапах. Крылья плотно прижаты к телу. Пар рваными струйками вырывался из ноздрей, и он мирно храпел. Вокруг были разбросаны обглоданные белые кости недавно съеденного животного.

Бен медленно перевел дыхание, на мгновение решив, что это та самая черная тварь, которая преследовала его в тоннеле. Но нет, та тварь все же отличалась от этой...

Он перестал гадать о том, что это было, и начал думать о том, как от этого удрать. Хотел бы он знать, настоящие ли перед ним твари, но сейчас не время обсуждать этот вопрос.

Бен начал осторожно пробираться среди деревьев, огибая спящего дракона и приближаясь к свету. Ремень сумки был переброшен через плечо, а сама сумка плотно прижата к боку. Похоже, дракон спал крепко. Еще несколько мгновений — и Холидей вне опасности. Бен затаил дыхание и продолжал тихонько переставлять ноги. Он почти ушел от твари, когда один ее глаз вдруг открылся.

Бен опять похолодел. Единственным глазом дракон угрюмо рассматривал его, стоявшего среди деревьев. Бен помедлил еще мгновение, потом начал осторожно отступать. Дракон проворно завертел головой, покрытой роговой коркой, наклоняя ее к земле, скривил губы словно бы в презрении, обнажив ряды мощных зубов. Бен побежал быстрее, увидев, как редеют заросли деревьев и свет становится ярче.

Дракон дунул ему вдогонку, словно человек на назойливую мошку. Зловонный вихрь подхватил Бена и швырнул его в ветви, словно тряпичную куклу. Тот зажмурился, свернулся в клубок и обхватил себя руками. Тяжело ударившись о землю, подскочил несколько раз, перекатился и остановился.

Когда он снова открыл глаза, то оказался совершенно один на заросшей клевером лужайке.

ГЛАВА 4

СОВЕТНИК ТЬЮС

Солнце сияло сквозь разрывы в облаках, заливая кусочки лужайки своим теплом. Бен от яркого света прищурился. Туманный лес с мрачным тоннелем исчез. Призраки исчезли тоже — черная тварь, рыцарь в помятых доспехах, даже дракон.

Бен распрямился. Что за дьявольщина с ним приключилась? Он смахнул пот со лба. Были они в конце-то концов настоящими или нет?

Он сглотнул слюну. Нет, конечно, они не были настоящими! Просто не могли! Это была какая-то галлюцинация!

Он быстро огляделся по сторонам. Луг, на котором он сидел, расстилался ковром приглушенных зеленых, розовых и голубых расцветок — сочетание, какого Бен никогда прежде не видел в природе. Клевер был белым, кое-где тронутым малиновыми крапинками. Луг спускался в просторную долину, которую вдали обрамляли горы. Их черная стена кольцом опоясывала горизонт. Позади, на склоне, виднелся темный лес. Повсюду колыхались нити тумана.

Бен вдруг подумал, что чудовища скрываются где-то в лесу, прямо за его спиной. Куда же они исчезли? И где оказался он сам?

Он попытался не торопясь собраться с мыслями. Он все еще не пришел в себя от испытания, которому подвергся в тоннеле, напуганный черной тварью, несущейся за ним, и сбитый с толку тем, что оказался здесь, на этой цветистой лужайке. Он несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Что бы ни напугало его в этом лесу, он остался цел и невредим. Вернулся на Голубой хребет. Он в Виргинии, миль за двадцать или около того от Вэйнсборо и за несколько миль от дороги, идущей через Национальный парк имени Джорджа Вашингтона. Разве что... Он еще раз огляделся, на сей раз более внимательно. Что-то было не совсем привычно. Начать хотя бы с того, что необычной была погода. В конце ноября в горах Виргинии не бывает такой жары. Бен вспотел в своем спортивном костюме, а этого точно не должно было быть, несмотря на весь тот ужас, который ему довелось испытать. Когда он входил в тоннель в лесу, воздух был холоднее по меньшей мере градусов на двадцать.

Клевер тоже удивлял. В ноябре не должно быть его цветения, особенно такого странного, с малиновыми крапинками, как у орхидеи. Бен оглянулся на лес. Почему листва на деревьях так свежа и зелена, словно летом? Осень должна была раскрасить ее в свои цвета. Зелеными остаются только сосны и ели.

Бен поднялся на одно колено. Смесь испуга и восхищения захлестнула его. Солнце стояло прямо над головой, именно там, где ему полагалось быть. Но далеко-далеко низко над горизонтом висели еще два шара — один бледно-персикового, другой выцветшего пурпурного оттенка. Глаза у Бена полезли на лоб. Луны? Сразу две? Нет, должно быть, это планеты. Но когда еще планеты Солнечной системы были так ясно различимы невооруженным глазом?

Что за чертовщина такая? Бен медленно сел, заставляя себя оставаться спокойным. Он убеждал себя, что всему этому должно быть какое-то разумное объяснение. Это именно то, что ему обещали. Это Заземелье. Он оглядел луг с пятнистым клевером, лес с летней листвой, странные сферы над горизонтом и рассудительно кивнул. Волноваться было решительно не о чем. Это просто новые спецэффекты, вроде тех, что он видел в тоннеле. Их устроили на каком-то клочке земли в горах Голубого хребта в Виргинии. Он затруднялся сказать, как можно было устроить подобное зрелище — особенно посреди Национального парка, но был вполне уверен в его происхождении. Он неохотно признался, что обстановка и в самом деле выглядела впечатляюще. Долина с летней температурой могла быть удачной находкой, но чтобы создать странные цветы, шары, похожие на луны или планеты, явления в лесу и в тоннеле, требовались изрядные затраты и научные знания.

Бен поднялся, чувствуя, как возвращается присутствие духа. Приключение в лесу сильно подкосило его. Эта черная тварь и рыцарь казались почти реальными. А конь рыцаря вообще был очень даже осязаемым — когда проскакал мимо и столкнул его своим боком с тропы. И он словно чувствовал дыхание дракона на лице. Едва не поверил...

Его взгляд, задумчиво блуждавший по долине, наткнулся на новое зрелище.

Это был замок. Бен уставился на него. Центральная часть долины утопала в зелени; как клетки на шахматной доске, виднелись луга и поля, прорезанные речками. Замок стоял на ближнем краю этой «шахматной доски». Странная дымка, заволакивавшая все вокруг, поначалу скрывала его из виду.

Но теперь туман отнесло ветром, и Бен мог различить детали пейзажа.

Одной из них и был замок. Он стоял в нескольких милях от Бена, выплывший из тумана и теней. Возвышался на острове посреди озера, окруженного холмами и лесами. Клочья тумана плавали вокруг, словно облака, опустившиеся до земли. Это была мрачная загадочная крепость, похожая на призрак, выросший из тумана.

— Проклятие! — пробормотал Бен.

Что это — еще один из спецэффектов Заземелья? Легкое подозрение закралось в душу Бена. Возможно ли, чтобы эти «спецэффекты» были вовсе не спецэффектами? Он почувствовал, как возвращается волна страха и возбуждения. А что, если все, что он видел, — взаправду?

Тут за его спиной загудел чей-то голос, и он подпрыгнул на добрый фут от неожиданности.

— Ну вот, значит, вы прибыли и бродите тут по лужку — вовсе не там, где вам полагается находиться. Вы что, сбились с дороги? Выглядите вы изрядно утомленным, если позволите заметить. Вы хорошо себя чувствуете?

Бен тотчас же повернулся. Говоривший стоял поодаль — причудливый образ карикатурного цыгана, словно вышедший из-под пера художника-сюрреалиста. Это был высокий старец, много выше шести футов, но тощий-претощий, почти как палка. Копна вьющихся седых волос свисала над крупными ушами, смешиваясь с бородой и усами такого же цвета. На тощем, как у огородного пугала, теле мешком висели серые одежды, зато их украшало бесчисленное множество ярких поясков, кошелечков и драгоценностей, так что их обладатель напоминал радугу, составленную из кусочков. Мягкие кожаные сапоги были великоваты для его ног, и их мыски слегка загибались кверху, а длинный крючковатый нос резко выделялся на узком совином лице. Опирался старец на кривой посох.

— Ведь это вы Бен Холидей, не правда ли? — спросил незнакомец, и в его взгляде вдруг промелькнуло подозрение. Массивный кристалл болтался на цепочке на груди старца, и он вдруг спохватился и затолкал его куда-то под одежду. — У вас есть медальон?

Бен оставил без внимания его взгляд.

— А вы-то кто? — переспросил он, чтобы сбить спесь со старца.

— Ой, ну я же первый спросил. — Старец дружелюбно улыбнулся. — Правила вежливости требуют, чтобы вы отвечали первым.

Бен напрягся, и в его голосе послышалась неприязнь, оттого что его втягивали в игру в кошки-мышки.

— Ну ладно. Я Бен Холидей. Довольны? А теперь скажите, кто вы.

— Да, конечно, но мне необходимо увидеть медальон. — Улыбка стала еще чуть-чуть шире. — Да ведь вы в конце концов можете быть кем угодно. Если вы назвались Беном Холидеем, это еще не значит, что это так и есть.

— Вы тоже можете быть кем угодно, не так ли? — не уступал Бен. — Вы обладаете правом расспрашивать меня, не представившись первым?

— Я тот, кого послали вам навстречу, — если вы, конечно, именно тот, чьим именем назвались. Можно взглянуть на медальон?

Бен поколебался, потом вытащил медальон из-под одежды и, не снимая, поднес к глазам старца. Тот нагнулся, быстро осмотрел медальон и кивнул:

— Вы и вправду тот, за кого себя выдаете. Прошу прощения за то, что набросился на вас с вопросами, но осторожность в таких делах никогда не помешает. А теперь позвольте представиться и мне. — И он низко, в пояс, поклонился. — Я советник Тьюс, придворный колдун, главный помощник короля Заземелья и ваш покорный слуга.

— Придворный кол... — Бен снова огляделся по сторонам. — Значит, это и есть Заземелье?

— Заземелье, и ничто иное. Добро пожаловать, великий король Бен Холидей.

— Значит, я здесь, — пробормотал Бен, его мысли беспорядочно кружились. Он снова взглянул на старца: — Но где именно?

Советник Тьюс, похоже, был удивлен.

— В Заземелье, Ваше Величество.

— Да, но где находится это Заземелье? То есть я хотел спросить, в каком месте Голубого хребта? Должно быть, недалеко от Вэйнсборо, да?

Колдун улыбнулся:

— О, так ведь вы больше не в своем мире. Я думал, вы это уже поняли. Заземелье связано со множеством миров, оно представляет собой как бы ворота. Туманы царства фей связывают его с вашим миром и с другими. Некоторые из них, конечно, находятся ближе, а между некоторыми нет даже туманных барьеров. Но вы довольно скоро все узнаете об этом.

Бен недоуменно уставился на него:

— Это не мой мир? Это не Виргиния?

Советник Тьюс покачал головой.

— И не Соединенные Штаты Америки, и не Земля? Ничего такого?

— Да, великий король. Вы полагаете, что сказочное королевство, которое вы приобрели, может находиться в вашем мире?

Бен не слышал его, обуреваемый отчаянным упрямством.

— Скажите еще, что эти планеты над горизонтом — тоже не подделка. Скажите, что они настоящие.

Советник повернулся:

— Это луны, а не планеты. В Заземелье их восемь. В дневное время видны только две, но остальные шесть большую часть года хорошо заметны после наступления сумерек.

Бен недоверчиво посмотрел на луны. Потом медленно покачал головой:

— Я не верю ни единому вашему слову.

Советник Тьюс с любопытством посмотрел на него:

— Почему вы не верите, мой король?

— Да потому, что такое место просто не может существовать, черт побери!

— Но вы же решили попасть в него, разве нет? Зачем вы вообще пришли в Заземелье, если вы не верите в его существование?

Бен и сам не знал этого. Уже и сам не понимал, зачем явился сюда. Он был уверен только в одном — что никак не мог заставить себя поверить в то, что говорит старик. Страх охватывал его при одной только мысли, что Заземелье может находиться не на его родной земле, а где-то еще. Ему и в

голову не могло прийти, что такое возможно. Это означало, что все его связи с прежней жизнью и вправду разорваны, что все известное и близкое пропало без следа. Это означало, что он совсем один в этом колдовском мире...

— Ваше Величество, вы не против, если мы продолжим разговор на ходу? — Колдун прервал мысли Бена. — До наступления ночи нам надо покрыть немалое расстояние.

— Да? А куда мы идем?

— В ваш замок, великий король.

— Мой замок? Погодите-ка — вы, случайно, говорите не о том замке, который я заметил как раз перед вашим появлением? О том, который стоит посреди острова?

Старик кивнул:

— Это именно он, Ваше Величество. Может быть, двинемся в путь?

Бен упрямо покачал головой:

— Никуда я не пойду, пока кто-нибудь не объяснит мне ясно, что происходит. Как насчет того, что случилось со мной в лесу? Вы что, хотите сказать, что все это было взаправду? Вы что, попытаетесь убедить меня, что там, в роще, спит живой дракон?

Советник равнодушно пожал плечами:

— Это вполне возможно. В долине обитает дракон. И он часто дремлет на кромке туманов. Когда-то туманы были его домом.

Бен нахмурился:

— Дом, значит? Ну а как насчет этой черной твари с крыльями и ее наездника?

Косматые брови колдуна слегка приподнялись.

— Черная крылатая тварь, говорите? Похожая на кошмар?

Бен взволнованно кивнул:

— Да, именно так она и выглядела.

— Значит, это был Железный Марк. — Колдун сжал губы. — Марк — повелитель демонов. Я удивлен тем, что он гнался за вами в туманах... Я мог бы подумать... — Он обезоруживающе улыбнулся и пожал плечами: — Эти демоны то и дело забредают в Заземелье. Вам «посчастливилось» наткнуться на худшего из них.

— Ох ты ж, тетушка Агата, «наткнуться»! — взорвался Бен. — Да он охотился за мной! Он преследовал меня по лесному тоннелю и догнал бы, если бы не рыцарь.

На сей раз брови советника поднялись куда выше.

— Рыцарь? Какой рыцарь? — взволнованно спросил он.

— Да тот, что с медальона.

— Вы видели рыцаря с медальона, Бен Холидей?

Бен поколебался, удивленный таким неожиданным взрывом чувств.

— Я увидел его в лесу, после того как та черная тварь погналась за мной. Он возник прямо передо мной и помчался на черную тварь. Я оказался меж двух огней, но лошадь рыцаря столкнула меня с дорожки. Потом я очутился здесь, на лужайке.

Советник Тьюс задумчиво нахмурился.

— Да, лошадь, сбившая вас с пути, вполне объясняет ваше появление здесь, а не в месте вашего предполагаемого назначения... — Он медленно приблизился к Бену и нагнулся, чтобы заглянуть ему в глаза. — Этот рыцарь мог быть плодом вашего воображения, великий король. Вам могло просто пригрезиться. Если вы внимательнее углубитесь в свои воспоминания, то, быть может, окажется, что все было иначе.

Бен вспыхнул.

— Когда я вспоминаю о чем-то, я говорю именно то, что было, и никак иначе. — Он выдержал взгляд старца. — Я помню рыцаря с медальона.

Повисло томительное молчание. Потом советник Тьюс отступил, задумчиво потирая ухо.

— Ну и ну, — пробормотал он. — Ничего себе. — Вид у него был удивленный. Более того, он, казалось, был чем-то обескуражен. Он снова сжал губы, перенес вес тела с одной ноги на другую и ссутулился. — Ну и ну, — повторил он. Потом это странное выражение исчезло так же быстро, как появилось. — Нам действительно пора в путь, Ваше Величество, — спохватился он. — Солнце в зените, а нам надо поспеть в замок до наступления темноты. Пойдемте, пожалуйста. Путь неблизок.

Он потащился по лугу, высокий, нескладный, слегка сгорбленный старец в волочащемся по траве одеянии. Бен неко-

торое время недоуменно смотрел на него, потом поспешно огляделся по сторонам, вскинул сумку на плечо и поплелся следом.

Они начали спускаться по заросшему разнотравьем склону в чашу долины. Она распростерлась под ними, словно лоскутное одеяло из клочков обработанной земли, лугов, лесов, озер и рек, пятен болот и пустынь. Темные горы, заросшие лесом, окружали долину плотным кольцом, их покрывала густая пелена тумана, пряди которого сползали в долину и окутывали все и вся.

Мысли Бена Холидея были в полном беспорядке. Он пытался вместить все, что видел, в мысленное изображение Голубого хребта. Но тщетно. Взгляд Бена блуждал по склонам, с которых он спускался со своим провожатым, видел сады, в которых искал и находил знакомые деревья: яблони, вишни, персики и сливы, а заодно и десятки незнакомых ни цветом, ни размером. Трава меняла оттенки, по мере того как в ее зелень вкраплялись лавандовые, алые и бирюзовые цвета. Среди причудливой смеси растений то и дело попадались рощицы деревьев, которые отдаленно напоминали молодые дубки — разве что и ствол, и крона у них были ярко-синими.

Ничто из увиденного не напоминало Голубой хребет в Виргинии или любые другие горы Соединенных Штатов.

Даже дневной свет был странным. Долина была затянута легкой дымкой, приглушавшей цвета. День почему-то казался зимним, хотя воздух был теплым, как в середине лета, и в небе сияло солнце.

Бен с осторожностью вбирал запахи, виды и ощущения этой земли и в конце концов понял, что почти поверил: Заземелье представляет собой именно то, в чем убеждал его советник, — это совершенно иной мир.

Шагая следом за своим проводником, он так и этак рассматривал эту возможность. Его не просили сделать ни единой мельчайшей уступки. Каждая крупица логики и здравого смысла, которые были у адвоката, доказывали, что Заземелье — это какое-то надувательство, что сказочная земля — выдумка писателя и что то, что он видит, — это уголок старой доброй Англии, воссозданный в горах Голубого хребта вместе с зам-

ками и рыцарями в латах. Логика и здравый смысл говорили, что существование мира, подобного этому, мира вне Земли, но каким-то образом связанного с ней, было невероятным и совершенно невозможным: сумеречная зона, внешние границы. И от невозможного этот мир отделяло только одно — то, что в конце концов он был теоретически возможен.

И все же Бен шагал по Заземелью, и какое могло быть объяснение этому, кроме того, что предоставил советник Тьюс? Эта земля, ее звуки и запахи — все было как настоящее. Она выглядела совершенно реальной — и в то же время совершенно не похожей на его собственный мир, потому что он никогда не слышал, чтобы даже во времена короля Артура было что-нибудь подобное. Эта земля была фантастической, со своими красками и формами, которые удивляли и сбивали Бена с толку на каждом шагу — и пугали тоже.

И уже начал угасать скептицизм, данный Бену от природы. А что, если Заземелье и впрямь настоящий мир? Что, если это именно то, что обещал Микс?

Эта мысль страшно развеселила его. И озадачила. Он украдкой посмотрел на советника. Длинная сутулая фигура целеустремленно шагала рядом, волоча по траве серые одежды, расцвеченные поясками, шарфиками и мешочками из яркого шелка, с совиным лицом, окаймленным седыми волосами и бородой. Определенно, советник чувствовал себя здесь как дома.

Взгляд Бена вернулся к долине, и он сознательно открыл несколько прежде запертых дверок в удаленных уголках своего сознания. Возможно, логика и здравый смысл должны ненадолго уступить место инстинктам, решил он.

И все же несколько осторожных вопросов не повредят.

— А почему мы с вами говорим на одном и том же языке? — внезапно спросил он своего проводника. — Где вы научились говорить по-английски?

Советник вопросительно хмыкнул, видимо, оторванный от своих мыслей.

— Если Заземелье находится в другом мире, отчего же вы так хорошо говорите по-английски?

Советник покачал головой:

— Я совсем не говорю по-английски. Я говорю на языке моей страны — по крайней мере на том, на котором говорят люди.

Бен нахмурился:

— Но ведь вы же прямо сейчас говорите по-английски, черт побери! Как бы иначе мы понимали друг друга?

— О, мне понятно, что вы имеете в виду. — Советник улыбнулся. — Это не я говорю на вашем языке, это вы говорите на моем.

— На вашем?

— Да, волшебные свойства медальона, позволившего вам проникнуть в Заземелье, дают вам также возможность говорить с его жителями и понимать как изреченное, так и написанное слово. — Старик порылся в одном из кошельков и вытащил выцветшую карту. — Вот, прочтите что-нибудь.

Бен взял карту и изучил ее. Все названия городов, рек, гор и озер были написаны по-английски.

— Да здесь все по-английски! — настаивал Бен, возвращая карту.

Советник покачал головой:

— Нет, великий король, все надписи сделаны на заземельском — на языке нашей страны. Они только кажутся вам — и только вам — написанными по-английски. Точно так же и я сейчас говорю с вами по-заземельски; но вам он кажется родным языком. И это все благодаря магии фей, которой обладает медальон.

Бен некоторое время обдумывал все это, пытаясь решить, что еще стоит спросить на предмет языка и общения, но в конце концов решил, что спрашивать больше не о чем. И переменил тему.

— Никогда не видел таких деревьев, — сообщил он своему спутнику, указывая на синие «дубы». — Что это за вид?

— Это Лазурные Друзья. — Советник замедлил шаг и остановился. — Насколько мне известно, они произрастают только в Заземелье. Они были созданы при помощи магии фей тысячи лет назад и подарены нам. Они не пускают туманы и привносят жизнь в почву.

Бен недоверчиво нахмурился:

— А я думал, это делают солнце и дождь.

— Дождь и солнце? О нет, они только помогают этому процессу. Но волшебство — это источник жизни в Заземелье, а Лазурные Друзья — очень могущественное волшебство.

— Магия фей, о которой вы говорили, — это вроде того волшебства, которое позволяет нам общаться?

— Та же самая, Ваше Величество. Феи наделили эту землю магией, когда создавали ее. Теперь они живут в туманах, которые нас окружают.

— В туманах?

— Вон там. — Взмахом руки советник указал на горы, окружавшие долину, с лесистыми вершинами, терявшимися в серой дымке. — Феи живут там. — Он снова взглянул на Бена. — Вы видели лица в тумане, когда проходили через лес, разделяющий наши миры?

Бен кивнул.

— Это и были феи. Только тропа, по которой вы шли, принадлежит обоим мирам. Вот почему я забеспокоился из-за того, что вы забрели так далеко от нее.

На мгновение повисло молчание.

— А что, если бы я заблудился? — наконец спросил Бен.

Сутулая фигура высвободила подол своего серого одеяния из колючего куста, в котором он запутался.

— Ну, тогда, возможно, вы забрели бы слишком далеко в царство фей и потерялись бы навсегда. — Он помолчал. — Вы хотите есть, Ваше Величество?

— Что?

Вопрос поразил Бена. Он все еще размышлял о своем кратком соприкосновении с миром фей и о возможности оказаться навсегда затерянным в нем. До сих пор мир, в котором он очутился, казался довольно безопасным.

— Еда и питье... Мне кажется, что вы долгое время обходились без них.

Бен заколебался:

— Вообще-то с утра.

— Хорошо. Идите сюда.

Советник подвел его к небольшой рощице Лазурных Друзей. Затем поднял руки и сорвал ветвь с одного из деревьев. Ветвь отломилась легко и беззвучно. Колдун встал на колени, взялся одной рукой за основание ветви, а второй очистил с нее листья. Листья дождем посыпались ему на колени.

— Ну вот, попробуйте, — предложил колдун, протягивая Бену один листик.

Бен взял лист, осмотрел, потом осторожно надкусил и пожевал. Лицо его озарилось.

— На вкус они... как дыня!

Старец кивнул, улыбаясь.

— А теперь черенок. Держите его вот так. — Он повернул ветвь отломанным концом кверху. — А теперь втягивайте в себя сок.

Бен сделал так, как было велено.

— Ну, будь я проклят! — прошептал он. — Он похож на молоко!

— Это источник существования людей в долине, — сообщил советник, отправляя в рот листик. — Можно жить, питаясь только за счет Лазурных Друзей, и пить совсем немного воды. Те, у кого ничего нет — а такие здесь есть, — именно так и поступают. Не всегда было так, но теперь времена изменились... — Его мысли стали уплывать куда-то. Потом он вспомнил о Бене. — Лазурные Друзья растут повсюду в долине. Их способность восстанавливаться поистине удивительна — даже сейчас. Посмотрите сюда, взгляните, что происходит.

Он указал на дерево — туда, откуда была сорвана ветвь. Рана уже затянулась, и начал пробиваться новый побег.

— К утру примется расти новая ветка. За неделю она станет такой, какую мы сорвали, — или по крайней мере должна.

Бен молча кивнул. Он раздумывал о том, какие выражения подбирал советник. «Времена изменились... Их способность восстанавливаться удивительна — даже теперь... Через неделю она станет такой же, как прежде, — по крайней мере должна». Он рассмотрел Лазурного Друга, росшего позади того, который выбрал старец. Он казался менее здоровым, листья слегка поблекли и поникли. Что-то угнетало растение.

Советник прервал его мысли:

— Ну, теперь, когда мы испробовали Лазурного Друга, может быть, стоит перейти к чему-то более существенному? — Он оживленно потер ладонями. — Как насчет яичницы с ветчиной, свежего хлеба и кружки эля?

Бен повернулся к старцу:

— Вы что, прячете корзину для пикника в одной из этих котомок?

— Что? О нет, Ваше Величество. Я просто наколдую нам еды.

— Наколдуете? — Бен нахмурился. — Вы хотите сказать, что примените магию?

— Конечно! Колдун я или нет? Так давайте-ка посмотрим.

Совиное лицо исказилось, кустистые брови сблизились. Бен подался вперед. Он ничего не ел с самого утра, но его снедало скорее любопытство, чем голод. Неужели этот странный тип и впрямь умеет колдовать?

— Соберемся с мыслями, пальцы сложим вот так, теперь быстрое движение и... Ага!

Вспышка света, клуб дыма — и на земле перед путниками появились расшитые подушки с кисточками. Бен удивленно воззрился на них.

— Ах, ну да, нам же нужно на чем-то сидеть, пока мы едим. — Колдун отмахнулся от вопросов, словно это и так было понятно. — Наверное, я слишком широко раздвинул пальцы... Так, еще раз сосредоточимся, растопырим пальцы, быстрое движение...

И снова полыхнул свет, всплыло облачко дыма, и на земле перед ними возникла корзина с яйцами и свиная туша с яблоком в пасти.

Советник смущенно взглянул на Бена:

— Волшебник иногда тоже промахивается. Нужно получше стараться. — Он вытащил похожие на палки руки из-под одеяния. — Ну вот, смотрим внимательнее. Мысли собраны, ладони повернуты, быстрое движение и...

Вспышка света получилась ярче, а дым гуще, и откуда ни возьмись появился массивный резной стол, заставленный таким количеством снеди, которого хватило бы на целое войско. Бен испуганно отскочил в сторону. Несомненно, советник Тьюс умел творить волшебство, но, похоже, контролировал его весьма плохо.

— Вот ведь хреновина, это совсем не то, что я... дело в том, что... — Советник ужасно разволновался. Он посмотрел на стол. — Я просто устал, наверное. Попробую-ка еще разок...

— Не стоит, — спохватился Бен. Волшебством он уже был сыт по горло. Колдун недовольно посмотрел на него. — Я

хочу сказать, что я не так уж и голоден. Может быть, нам лучше отправиться в путь побыстрее?

Советник помялся, потом кивнул в знак согласия.

— Если вам так угодно, мой король, будь по-вашему. — Он взмахнул рукой, и подушки, поросенок, корзина с яйцами и весь стол с яствами растворились в воздухе. — Видите, когда я захочу, волшебство мне подвластно, — натянуто заявил он.

— Да уж, это заметно.

— Вы должны понять, что магия, которой я владею, — самая важная, Ваше Величество. — Советник решительно пытался убедить Бена в своей правоте. — Если вы хотите стать поистине великим королем, вам понадобится моя магия. Колдуны всегда были правой рукой всех королей Заземелья.

— Я понимаю.

Советник воззрился на него. Бен ответил ему тем же. Он подумал, что понял только то, что, кроме этого колдуна-недоучки, он совсем один в этой стране, о которой почти ничего не знает, и у него нет желания ссориться с единственным здешним знакомым.

— Ну да ладно. — У советника словно опали взъерошенные перья. Он как будто даже оробел. — Наверное, пора идти к замку, Ваше Величество.

Бен кивнул:

— Я тоже так думаю.

Безмолвно они снова пустились в путь.

День клонился к вечеру; казалось, туманы все плотнее затягивают землю. Дневной свет померк, тени собрались темными озерами, и цвета полей, лугов, лесов, озер и речушек, окружавших путников, утратили свою живость. В воздухе ощущалось какое-то напряжение, словно приближалась буря, хотя никаких признаков надвигавшейся непогоды не было видно. Все так же сияло солнце, и ни малейший ветерок не колебал листву. Еще одна луна выползла из-за тумана, закрывавшего горизонт.

Бен не переставал недоумевать, куда это его занесло. Ему становилось все более ясно, что Заземелье не имеет ничего общего с той подделкой, о которой предупреждал его Майлз Беннетт. Звери не были питомцами зоопарка в Сан-Диего, а

жители — актерами с театральной биржи. Волшебство, которое показывал советник Тьюс, не сводилось к вытаскиванию кроликов из шляпы, но было магией такого сорта, которую встретишь только в книжках. Боже, как бы обалдел Майлз, если бы перед ним вдруг возник тот столик с двадцатью переменами блюд! Да где еще можно устроить такую штуку, как не в сказочном мире, где волшебство было явью?

К сожалению, была и другая сторона у той монеты, которой забавлялся Бен. Заземелье не являлось частью Виргинии, Соединенных Штатов или Северной Америки, и никакой другой частью Земли. Заземелье представляло собой целый отдельный мир, и он, Бен, каким-то образом прошел сквозь отделяющее его от Земли пространство.

Проклятие, это было восхитительно и пугающе одновременно! Ну конечно, он хотел этого. Он заключил сделку, понимая, что попадет в фантастический мир, что покупает трон сказочного королевства. Но он даже не пытался представить, как все будет на самом деле. Он даже не думал, что Заземелье окажется именно таким, как говорилось в рекламном каталоге и в чем убеждал его старый Микс.

Вдруг Бен подумал об Энни, и ему до боли захотелось, чтобы она была здесь, с ним. Она могла бы помочь ему принять то, что происходит. Но Энни не было рядом, и он пришел сюда именно потому, что потерял ее. Бежал в Заземелье от той потери, которую испытывал. Он предостерегающе потряс головой. Он должен помнить, что пришел в этот мир для того, чтобы начать новую жизнь, а старую оставить позади, чтобы отрешиться от всего знакомого. Он намеревался порвать все свои связи и начать с нуля. А значит, глупо оплакивать тот факт, что он, вероятно, получил желаемое.

Кроме того, вызов, который бросала Бену эта жизнь, интересовал его куда сильнее, чем все то, что было раньше.

Он молча размышлял обо всем, позволив советнику выбирать дорогу. После неудавшегося обеда волшебник не делал попыток завязать разговор, и Бен решил, что, наверное, его не стоит пока беспокоить. Он принялся внимательно изучать землю, по которой шел. Сначала то, что видел при долгом спуске с высокого склона, потом те приметы, которые можно было разглядеть, шагая по долине. Они направлялись

на восток, решил он, если только можно было ориентироваться по солнцу на незнакомом небосводе. Долину окружали горы, и все было затянуто легкой дымкой. В южном конце долины находился озерно-речной край, на востоке — пустыня и степь, холмы — на севере и густые леса — на западе. Посреди долины расстилалась равнина с полями и зелеными лугами. В центральной части были и другие замки; Бен разглядел башни, проглядывавшие сквозь туман. На севере и западе находились большие, очень темные и неприятные на вид впадины, в которых, казалось, туман скопился до такой степени, что начал бурлить, как кипящее варево. Все это Бен рассмотрел во время спуска с луга, где советник нашел его; а когда они достигли основания долины, он увидел первых людей. Вид их не был впечатляющим — крестьяне со своими семьями, охотники и лесные жители, несколько странствующих купцов с товарами и единственный всадник, несущий нечто вроде геральдического знамени. Все они, кроме всадника, казались довольно опустившимися людьми. Их одежды были оборванными, инструменты и повозки — поломанными, а хозяйства — разоренными. Жилища крестьян явно знавали лучшие времена, а теперь нуждались в капитальном ремонте. На всех лицах была видна усталость.

Все это, включая людей, Бен видел с некоторого расстояния, поэтому не был уверен, что разглядел как следует. И все же он не думал, что ошибся.

Советник Тьюс не сказал ни слова. День близился к вечеру, когда колдун неожиданно повернул на север. Перед путниками появились поросшие лесом холмы, затянутые дымкой, которая висела среди деревьев, словно расплывающийся дым от труб гигантского завода. Они пробирались по лесу, с осторожностью отыскивая путь, сучья и листва затеняли тропинку. Они сильно отклонились к северу от озерно-речной местности, которую Бен видел раньше, и все же между деревьями вдруг замелькали пруды и озерца, в темной воде которых веселыми зайчиками отражался приглушенный солнечный свет. И над ними нависали пряди тумана. Бен с беспокойством огляделся. Было в этом лесу что-то такое, что напомнило ему о переходе сквозь царство фей.

Путники вскарабкались на холм, который круто обрывался над лесом, и тут советник остановился.

— Взгляните туда, Ваше Величество, — попросил он и указал вниз.

Бен послушно проследил за его рукой. На расстоянии нескольких миль деревья образовывали кольцо, там туман разорвался и уступил место солнечному свету. Ярко сверкали краски всех цветов радуги, там, похоже, были флаги, колыхавшиеся от лесного ветерка, который не достигал утеса, где стоял Бен. Рука советника опустилась.

— Это — Сердце, Ваше Величество. Здесь вы будете коронованы через несколько дней после того, как разошлют объявление о вашем прибытии. Здесь был коронован каждый король Заземелья — с тех пор, как возникла эта страна.

Они постояли на утесе еще несколько мгновений, глядя на единственное яркое пятнышко среди мглы и тумана. Оба молчали.

Потом советник отвернулся.

— Идемте, Ваше Величество. Ваш замок впереди.

Бен послушно зашагал следом.

ГЛАВА 5

ЧИСТЕЙШЕЕ СЕРЕБРО

Деревья обступили путников, и туманы сомкнулись вокруг них — советник Тьюс с Беном Холидеем снова оказались в лесу. Тени вновь сгустились на тропе, исчезли краски и веселое сияние Сердца. Бен решительно шагал вперед, приноравливаясь к ковыляющему колдуну. Это было нелегко, потому что советник шел довольно быстро, несмотря на свою странную походку. Бен переложил сумку в другую руку, чувствуя, как мышцы сводит от усталости. Он свободной рукой размял плечи и закатал рукава спортивного костюма. Спина уже взмокла от ходьбы.

Вообще-то навстречу новому королю должны были выслать свиту и карету, вместо того чтобы заставлять его топать невесть куда, ворчал про себя Бен. С другой стороны, кто

знает, может, в Заземелье вообще не ездят в каретах. Может быть, они летают на крылатых конях. Наверное, советнику стоило наколдовать парочку таких животин.

Бен задумчиво прикусил нижнюю губу, вспомнив о попытках советника приготовить обед. Скорее всего идти пешком было безопаснее.

Они вскарабкались на новый утес, так густо заросший голубыми елями, что опавшая хвоя образовала толстый ковер под ногами. Ветви послушно сгибались, а разгибаясь, хлестали по лицу, так что приходилось наклонять голову. Потом деревья расступились, холм превратился в луг, и перед путниками предстал замок.

Бен Холидей уставился на него. Это был тот самый замок, который он заметил издали, — только теперь он видел его совершенно отчетливо. Он стоял на расстоянии полумили, на острове посреди озера, занимая весь этот остров. Озеро отливало серым металлом, а на острове не росло ничего, кроме корявого кустарника. Сам замок был нагромождением камня, дерева и металла: парапеты, мосты и башни, вонзающиеся в небо как изломанные пальцы. Туман одеялом накрывал весь остров и воды озера вокруг и собирался густыми клубами во впадинах. Красок нигде не было видно: ни флагов, ни знамен — ничего. Камень и дерево казались грязноватыми, а металл словно обесцветился. Хотя глыбы камня и цемент казались еще прочными, а валы и укрепления не были разрушены, замок напоминал пустую безжизненную раковину. Он невольно наводил на мысль о Дракуле.

— Это и есть замок королей Заземелья? — недоверчиво поинтересовался Бен.

— М-м? — Советник опять погрузился в собственные мысли. — О да, это он. Это — Чистейшее Серебро.

Бен уронил свою сумку.

— Чистейшее Серебро?

— Так он называется.

— Чистейшее Серебро — ведь это что-то яркое, сверкающее?

Брови советника поднялись.

— Когда-то он был именно таким, Ваше Величество.

— Неужели? Значит, это было в незапамятные времена.

Бен почувствовал, как под ложечкой засосало, — он испытал острое чувство разочарования. Замок напоминал скорее грязные катакомбы, чем чистейшее серебро.

— Это все из-за Тлена. — Колдун сложил руки на груди и отвернулся. — На самом деле не так уж долго он был таким — всего двадцать лет. Это сделал Тлен. А раньше замок был ярким и сверкающим, как вы сказали. Камень был белым, дерево чистым, а металл так и сиял. На острове буйствовали цветы всякого окраса, а озеро было кристально-чистым и голубым. Это было самое прекрасное место во всей стране.

Бен проследил за его взглядом и уставился на тот кошмар, который оказался местом его пребывания.

— Так что такое случилось, отчего все это изменилось?

— Тлен. Когда двадцать лет назад умер последний настоящий король Заземелья и никто не унаследовал его трон, началось его увядание. Сначала оно шло незаметно, а потом все ускорялось, потому что не было на троне короля. Жизнь покидает Чистейшее Серебро, и Тлен празднует победу. Как бы ни мыли, ни скребли и ни полировали камень, дерево и металл, ничто не может восстановить былую красоту. Он умирает, Ваше Величество. Он сходит в могилу следом за своим королем.

Бен прищурился:

— Вы говорите так, как если бы замок был живым существом.

Совиная голова кивнула.

— Таков он и есть, Ваше Величество, такой же живой, как вы или я.

— Но он умирает?

— Медленно и болезненно.

— И вы хотите, чтобы я жил в нем — в умирающем замке?

Советник улыбнулся:

— Вы должны. Вы — единственный, кто может исцелить его. — Он взял Бена за руку и потащил вперед. — Идемте, Ваше Величество. Вы обнаружите, что внутри он удивительно приятен, там, где жизнь все еще теплится в его сердце. Все не так плохо, как кажется. Давайте же! Вы почувствуете, что это ваш дом. Вперед.

Они спустились по травянистому склону, туда, где воды озера мягко ластились к берегу, заросшему болотной травой. Она росла густыми пучками там, где берег был размыт и образовались лужи стоячей воды. Квакали лягушки, зудели насекомые, а вода слегка припахивала рыбой. Тут же у берега стоял длинный челнок с изогнутым носом, увенчанным головой рыцаря, и с низкими бортами. Корма была приподнята, и руля на ней не было. Советник поторопил Бена, и они забрались в лодку. Бен уселся впереди, а советник занял место у кормы. Не успели они устроиться, как челнок пришел в движение. Он оторвался от берега и стал тихо рассекать воду. Бен с любопытством огляделся. Он не обнаружил у лодки никакого двигателя.

— Направление определяется прикосновением ваших рук, — неожиданно заявил советник.

Бен посмотрел на свои руки, вцепившиеся в борта лодчонки:

— Моих рук?

— Эта лодка, как и замок, живая. Мы называем ее челноком-бегунком. Он повинуется прикосновению того, кому он служит. Вы сейчас сидите впереди. Пожелайте, чтобы челнок нес вас, и он послушается.

— А куда я должен пожелать двигаться?

Советник улыбнулся:

— Как это куда? К парадному входу, Ваше Величество!

Бен покрепче вцепился в борта и постарался молча передать свою мысль. Челнок-бегунок рванулся вперед, оставляя за собой полосу вспененной воды.

— Помедленнее, Ваше Величество, чуть помедленнее, — предостерег его советник. — Вы передаете свои мысли чересчур напряженно.

Бен ослабил хватку рук и поток мыслей, и челнок-бегунок замедлил ход. Это было так восхитительно — приводить в действие даже такую крошечную магию. Он позволил своим пальцам пробежаться по гладкому дереву бортов. Оно было теплым и трепещущим, создавало ощущение живого существа.

— Советник! — Бен оглянулся на волшебника. Ощущение жизни в простой лодке беспокоило его, но он не отры-

вал рук. — Что это вы там говорили насчет того, что я могу вылечить замок?

Старец потер свое совиное лицо:

— Чистейшему Серебру, как и всему Заземелью, нужен король. Без него замок гибнет. Ваше присутствие вольет в него новые силы. Когда вы сделаете его своим домом, его жизнь получит мощную подпитку.

Бен посмотрел вперед, на призрачное сооружение с темными башнями и укреплениями, с обшарпанными стенами и пустыми глазницами бойниц.

— А если я не пожелаю делать его своим домом?

— О, я уверен, что вы захотите этого, — с загадочным видом возразил колдун.

«Что ж, быть посему», — подумал про себя Бен. Он не сводил глаз с приближавшегося замка, с туманов и теней, окружавших его. Он ожидал, что из окна самой высокой башни вот-вот покажется что-то ужасное и клыкастое или летучие мыши беспокойно закружатся над шпилями. Однако ничего такого не произошло.

Челнок-бегунок осторожно коснулся берега острова, и Бен с советником выбрались на сушу. Они оказались перед входом с полукруглой аркой, похожей на рот великана, собирающегося поглотить их. Бен колебался, перекладывая сумку из одной руки в другую. Вблизи замок выглядел еще хуже, чем с холма.

— Советник, я что-то не уверен насчет...

— Смелее, Ваше Величество, — перебил колдун, опять схватил Бена за руку и потащил за собой. — Отсюда вы ничего толком не рассмотрите. И к тому же вас ждут.

Бен, спотыкаясь, брел за стариком, лихорадочно осматривая возносящиеся ввысь башни и парапеты; камень был отсыревшим, а нагромождение граней и переплетение трещин наводило на мысль о пауках и паутине.

— Ждут? Кто меня ждет?

— Ну как же, те, кто остался на королевской службе, — ваши придворные, великий король. Не все еще оставили трон.

— Что значит «не все»?

Но советник или не слышал его, или пропускал его слова мимо ушей. Он так и рвался вперед, подгоняя Бена. Миновав

ворота, они оказались в узком дворике — таком же темном и грязном, как весь замок. Оттуда был еще один выход, поуже, и, пройдя через него, Бен оказался в дворцовом зале. Сумрачный свет пробивался сквозь высокие стрельчатые окна и терялся во мраке зала. Бен огляделся по сторонам. Дерево балок и опор было чистым и отполированным, камень отмыт, а стены и полы скрыты коврами и гобеленами, отчасти сохранившими былые краски. В зале стояла неудобная на вид мебель. Если бы на всем не лежала печать какой-то серости, комната могла бы показаться почти веселой.

— Вот видите, внутри куда лучше, — убеждал советник Бена.

Бен вяло кивнул:

— Мило.

Они подошли к двери, за которой оказался сводчатый пиршественный зал с огромным резным столом, вокруг которого стояли стулья с высокими спинками и сиденьями, обтянутыми алым шелком. С потолка свисали люстры из червленого серебра; несмотря на летнее время, в очаге на противоположном конце зала горел огонь. Бен вошел в зал следом за советником и остановился.

Справа от стола в ряд застыли три фигуры. Их взгляды встретились.

— Ваши слуги, великий король, — церемонно объявил советник.

Бен не верил своим глазам. Весь его двор состоял из собаки и двух ушастых обезьян. Пес стоял на задних лапах и был выряжен в штаны с подтяжками, кафтан с геральдическими знаками и очки. Шерсть у него была золотистой, а уши болтались словно пришитые наспех тряпочки. Шерсть на голове и на морде топорщилась словно иглы дикобраза. Твари, похожие на обезьян, щеголяли в коротких штанах с кожаными ремнями крест-накрест. Одна из них, повыше ростом, держалась на веретенообразных лапах. Другая была толстой и носила поварской передник. У обеих были уши, как у слоненка Дамбо, и ноги с цепкими пальцами.

Советник подтолкнул Бена к собаке:

— Это Абернети, придворный писец и ваш камердинер.

Пес слегка поклонился и посмотрел на Бена поверх очков.

— Добро пожаловать, Ваше Величество, — сказало животное.

Бен так и остолбенел на какое-то время.

— Советник, да он говорит!

— Не хуже вас, Ваше Величество, — чопорно произнес пес.

— Абернети — мягкошерстный пшеничный терьер, а эта порода славится замечательными охотниками, — встрял советник. — И все же он не всегда был собакой. Раньше он был человеком. Он превратился в собаку вследствие одного несчастного случая.

— Я превратился в собаку из-за твоей глупости. — Голос Абернети напоминал собачье рычание. — И из-за твоей глупости я таким и остался.

Советник пожал плечами:

— Ну, в общем, отчасти это произошло по моей вине. — Он вздохнул и посмотрел на Бена. — Я хотел только замаскировать его, а магия сделала его таким. К несчастью, я еще не открыл способа вернуть ему прежнее обличье. Но он и так прекрасно справляется со своими обязанностями, правда ведь, Абернети?

— В роли человека у меня это получалось еще лучше.

Советник нахмурился:

— Кажется, я должен не согласиться с этим.

— Ты просто пытаешься найти оправдание тому, что натворил, советник Тьюс. Если бы я не сохранил свой разум, который, к счастью, куда более развит, чем твой, меня, конечно же, засунули бы в какую-нибудь конуру и позабыли!

— А вот это уж совершенно не так. — Старец насупился еще сильнее. — И вообще, скажи спасибо, что я не превратил тебя в кошку.

В ответ Абернети просто залаял. Советник отпрянул и залился краской.

— Я все понимаю, Абернети, и я хочу, чтобы ты знал, что я не в восторге от твоих манер. Вспомни, где ты находишься. Подумай, ведь ты стоишь перед самим королем!

Абернети повернул к Бену забавную мохнатую морду.

— Тем хуже для него.

Советник метнул на писца злобный взгляд, потом повернулся к тварям, стоявшим рядом.

— Это кобольды, — сообщил он Бену, который никак не мог примириться с мыслью, что его личный слуга — говорящий пес. — Они общаются исключительно на своем родном языке, который не имеет ничего общего с нашим, хотя они прекрасно понимают и нас. У них есть имена на этом языке, но для вашего уха они будут полнейшей бессмыслицей. Поэтому я сам придумал им прозвища, на которые они согласились отзываться. Который повыше — это Сапожок, придворный курьер. Толстячка зовут Сельдерей, это наш шеф-повар. — Он махнул рукой странной парочке. — Поприветствуйте нашего короля, друзья.

Кобольды согнулись в поклоне. Когда они выпрямились, их пасти были раскрыты в пугающих ухмылках, обнаживших ряды острых зубов. Они тихонько зашипели.

— Сельдерей — чистокровный кобольд, — сообщил советник. — Он волшебное создание, которое предпочло в открытую служить человеку. Его племя было одним из тех, которые покинули царство фей и остались в Заземелье. Сапожок — скорее дикая, чем домашняя тварь. В его жилах течет кровь кобольдов, но ему присущи черты и других обитателей мира фей. Он может, подобно им, проходить сквозь туманы, хоть и делает это с нежеланием. Он может пересечь все Заземелье с такой же быстротой, как любая фея. Но он так же привязан к Чистейшему Серебру, как и Сельдерей, поэтому должен всегда возвращаться сюда.

— А почему — человек или собака могут только гадать, — вставил Абернети.

Сапожок метнул на него мрачный взгляд и зашипел. Бен оттащил советника в сторонку. Ему понадобилось сделать над собой усилие, чтобы скрыть свою досаду.

— Да что же здесь такое происходит?

— М-м-м? — Советник недоуменно уставился на него.

— Не мычите! Если я все правильно понял, король Заземелья живет в этом склепе и за ним ухаживает весь этот зверинец. Какие еще неожиданности меня ждут? Может, у меня вместо армии — стадо волов?

Колдун как будто смутился.

— Ну, откровенно говоря, Ваше Величество, у вас вообще нет никакой армии.

— Никакой армии? Это еще почему?

— Ее распустили — уже около двух десятков лет назад.

— Распустили? Ну ладно, а как насчет наемных работников, которые выполняют все работы, содержат замок в порядке и все такое? Кто всем этим занимается?

— Мы, все четверо. — Советник Тьюс жестом обвел Абернети и парочку кобольдов.

Бен был потрясен.

— Неудивительно, что замок хиреет. Но почему же вы не возьмете в помощники кого-нибудь еще?

— У нас нет денег, чтобы платить им.

— Что значит «нет денег»? Тут что, нет королевской сокровищницы или казны?

— Сокровищница пуста. В ней нет ни единой монеты.

— Ладно, но ведь в казну должны поступать какие-то налоги? — Бен повысил голос. — Как же раньше короли расплачивались за все?

— Налоги были. — Советник сердито посмотрел на Абернети, который весело тряс башкой. — К несчастью, система налогообложения перестала действовать несколько лет назад. И с тех пор в казну ничего не поступало.

Бен швырнул свою сумку наземь и подбоченился.

— Давайте-ка разберемся. Я приобрел королевство, у короля которого нет ни армии, ни слуг, кроме вас четверых, ни денег? И за это я выложил миллион долларов!

— Вы ведете себя неразумно, Бен Холидей.

— Это еще с какой стороны посмотреть!

— Вы должны сохранять спокойствие. Вы еще не повидали всего, на что стоит посмотреть в Заземелье, и не узнали того, что вам следует знать. Такие важные проблемы, как налоги, слуги и армия, могут быть решены только тогда, когда кто-то займется ими вплотную. Вы должны помнить о том, что в Заземелье вот уже более двадцати лет нет настоящего короля. А раз так, то вы не вправе ожидать, что все будет как положено.

Бен невесело рассмеялся:

— Нет, это просто шутка года. Послушайте, советник, давайте перейдем к сути вопроса. Что еще мне нужно узнать о нелегкой доле короля Заземелья? Какие еще плохие новости?

— О, мне кажется, что самое плохое вы уже знаете, Ваше Величество. — Колдун обезоруживающе улыбнулся. — Чуть позже у нас будет время обсудить все это, но мне кажется, нам не помешает сперва чуточку подкрепиться. У нас был такой трудный день, такой долгий путь, и я знаю, что вы устали и проголодались.

Бен оборвал его:

— Не так уж я голоден и утомлен, черт побери! Я хочу знать, что еще вы...

— Всему свое время, все по порядку — сначала нужно позаботиться о вашем здоровье, великий король, — уговаривал советник. — Сельдерей накроет на стол — волшебство замка позволяет поддерживать в достатке наши кладовые. А пока кобольд будет хлопотать, Абернети покажет вам ваши покои, где вы сможете принять ванну, переодеться и отдохнуть. Абернети, будь добр, проводи Его Величество в его опочивальню и проверь, не нужно ли еще чего-нибудь. Я скоро присоединюсь к вам.

Он развернулся и выскочил из комнаты, чтобы Бен не успел что-нибудь возразить. Сельдерей и Сапожок тоже разбежались. Бен остался в обществе Абернети.

— Прошу вас, Ваше Величество. — Пес указал на винтовую лестницу, уходящую куда-то вверх, в темноту.

Бен молча кивнул. Он убедился, что пока ему ничего не удастся узнать.

— Лиха беда начало, — со вздохом произнес он.

Они начали подниматься наверх.

Это упражнение оказалось весьма полезным. Они взобрались по бесчисленным лестницам и прошли через полдюжины затемненных залов, прежде чем попали в королевские покои. Большую часть пути Бен был погружен в раздумья, размышляя о неприятном известии о том, что он стал голым королем и что ему не досталось ничего, кроме замка Дракулы. Нужно было бы следить за дорогой, попенял он, когда они добрались до цели, на случай если придется выбираться из этого лабиринта без посторонней помощи. Он смутно вспоминал о путанице каменных полов и потолков, укрепленных деревянными балками, дубовых дверей и железных засовов, щитов с гербами и гобеленов, о приглушенных цветах и пятнах Тлена — но и только.

— Ваша ванная комната, дорогой король, — объявил Абернети, останавливаясь перед тяжелой дубовой дверью, украшенной резными завитушками.

Бен заглянул внутрь. Там стояла пузатая железная ванна на когтистых лапах, наполненная водой, от которой шел пар, поднос с несколькими кусками мыла, лавка с одеждой и стопкой полотняных полотенец и пара башмаков на табурете.

Ванна выглядела весьма соблазнительно.

— Как вам удалось так долго сохранить воду горячей? — спросил Бен, удивленно разглядывая клубы пара.

— Это замок, Ваше Величество. Здесь еще осталась частица былого волшебства. Запасы в кладовой, горячая вода для ванны — это почти все, на что у него еще хватает сил. — Абернети замолчал и повернулся, чтобы удалиться.

— Постойте! — вдруг спохватился Бен. Пес остановился. — Я... э-э-э... Я просто хотел попросить у вас прощения за то, что я так удивился, когда вы заговорили. Я не хотел вас обидеть.

— Я давно привык к этому, Ваше Величество, — произнес Абернети, и Бен не понял, имел ли он в виду бестактность или удивление. Пес воззрился на него поверх очков. — Во всяком случае, хоть в Заземелье меня и считают за диковинку, не сомневаюсь, что вы найдете куда более удивительные вещи.

Бен нахмурился:

— О чем это вы?

— Да о том, что вам еще многому придется научиться и уроки эти будут весьма поразительными.

Он неловко поклонился, попятился к двери и тихо прикрыл ее за собой. Бену показалось, что последнее высказывание прозвучало как предостережение. Словно Абернети предупреждал его, что худшее еще впереди.

Он отмахнулся от этой мысли, сбросил одежду, погрузился в ванну и лежал, наслаждаясь теплой водой. Блаженствовал он чуть ли не целый час, обдумывая все, что с ним произошло. Как ни странно, но предмет его беспокойства существенно изменился с момента прибытия в Заземелье. Прежде его беспокоило, настоящим ли было то, что он видел, или это всего лишь изощренные спецэффекты, основанные на достижениях современной науки. Теперь же Бен сомневался, стоило ли ему вооб-

ще находиться здесь. Откровения советника насчет условий правления внушали разве что глубокое уныние. Он заплатил миллион долларов за трон, у которого не было ни слуг, ни армии, ни казны, ни налогообложения. Он признался себе, что скорее готов считать Заземелье настоящей сказочной страной, где волшебство и впрямь существовало, чем смириться с тем, что обзавелся властью, которая ничего не значила.

Потом Бен упрекнул себя в недостаточной честности. Он заплатил не только за престол, но и за землю, а она как будто соответствовала своему описанию в каталоге. Более того, он должен был понять, что за период свыше двадцати лет без короля монархия Заземелья пришла в упадок. Разве можно было ожидать, что налоги исправно собирались, армия оставалась в полном порядке, вассалы сохраняли верность и казна набита до отказа за двадцать лет отсутствия твердой королевской руки? Конечно же, через какое-то время все это развалилось. Есть здравый смысл в том, что от Бена требовалось поработать над тем, чтобы наладить все в королевстве.

Так о чем же ему беспокоиться? Его изначальные надежды оправдались, разве нет?

Но туманное предостережение Абернети и его собственные сомнения все же не давали ему покоя, и он никак не мог отвлечься от мыслей. Он выбрался из ванны и досуха вытерся полотенцем. Все время, пока он принимал ванну, температура воды оставалась неизменной. И комната была уютной — даже каменный пол оказался теплым, когда Бен встал на него босыми ногами. Ощущался какой-то странный трепет, словно замок дышал...

Бен отогнал эти мысли, решив, что разберется во всем чуть позже, и начал одеваться. Он натянул чулки, какое-то просторное нижнее белье на шнуровке, зеленые штаны на завязках, пристегнул ремень, надел широкую кремовую рубаху, которая застегивалась на металлические крючочки. Этот костюм показался Бену довольно необычным — в нем не было привычных кнопок, молний, липучек и резинок, к которым он привык, но тем не менее в этой одежде он чувствовал себя вполне свободно.

Едва он натянул мягкие кожаные сапоги и подумал об Абернети, как дверь отворилась и вошел советник Тьюс.

— Ну, кажется, вы отдохнули и освежились, Ваше Величество. — Колдун улыбнулся, пожалуй, даже чересчур широко, как показалось Бену. — Понравилась ли вам ванна?

— Вполне. — Бен тоже улыбнулся в ответ. — Советник, почему бы вам не перестать вешать мне лапшу на уши и не...

— Что вешать и куда?

— Лапшу на уши. — Бен задумался, пытаясь выразиться понятнее. — Перестаньте пудрить мне мозги...

— Как это «пудрить мозги»?

— Насчет того, как здорово быть королем, черт побери! Я хочу точно знать, во что это я ввязался!

Советник в задумчивости склонил голову набок:

— О, понятно. И что же будет, если я и впрямь вас просвещу?

Бен довольно кивнул:

— Будет просто замечательно. Просто здорово.

— Хорошо. — Колдун развернулся и зашагал к выходу. — Пожалуйста, следуйте за мной.

Они вышли из ванной комнаты и вернулись в зал. Советник повел Бена куда-то в глубину замка, где за тяжелыми резными дверями скрывался вход в башню с винтовой лестницей, вершина которой терялась во тьме. Они молча стали подниматься. Добравшись до площадки наверху лестницы, советник заставил Бена приложить ладони к окованной металлом дубовой двери с вырезанным на ней изображением замка и рыцаря, таких же, как на медальоне. Дверь беззвучно отворилась, и они вошли.

Они оказались в маленькой круглой комнатке. Половина стены отсутствовала, и в проеме клубился туман, сгустившийся с наступлением ночи. Проем закрывали только серебряные перила, укрепленные на высоте пояса. Посередине имелась подставка-пюпитр из того же металла. Бен посмотрел на него, потом перевел взгляд на советника. Эта комната напоминала трибуну, сооруженную для того, чтобы королевская особа могла обращаться к слушателям, если, конечно, в облаках таковые найдутся.

— Это Землевидение, — сообщил советник. — Подойдите к поручням, пожалуйста.

Бен подчинился. Серебро перил и подставки изрядно потемнело от Тлена, но это не помешало Бену разглядеть тысячи крошечных значков, выгравированных на металле рукой какого-то невероятно терпеливого мастера. Советник порылся в мешочках, висевших у него на поясе, и достал все ту же старую, потрепанную карту, которую не так давно показывал Бену, объясняя, почему он понимает по-заземельски.

Старец осторожно развернул карту и положил на подставку.

— Положите руки на поручни, Ваше Величество, — попросил он.

Бен послушался. Советник тоже взялся за перила. Так они постояли несколько мгновений, вглядываясь в туманную мглу. Уже почти стемнело.

Потом металл вдруг наполнился странным теплом и дрожью, точно такой же, какую Бен не так давно ощутил в ванной.

— Держитесь крепко, — вдруг предупредил советник. — Посмотрите на карту и выберите любое отмеченное на ней место, на которое вам хотелось бы взглянуть. Землевидение покажет его вам.

Бен недоверчиво посмотрел на советника, потом перевел взгляд на карту. На ней была изображена вся долина. Разноцветными чернилами обозначались леса, реки, озера, горы и долы, равнины и пустыни, города и поместья; все названия были выведены тщательнейшим образом. Цвета поблекли, и пергамент был изрядно истерт. Бен прищурился. Его взгляд на мгновение задержался на Чистейшем Серебре, потом на темных запретных провалах, которые он уже видел раньше, с горы. Название этих провалов было запачкано, и разобрать его было невозможно.

— Вот здесь, — показал он, наклонив голову. — Вот эти провалы на севере. Покажите их мне.

— Это Бездонная Пропасть, — тихо сказал советник. — Что ж, прекрасно. Держитесь как можно крепче, Ваше Величество. Наберите воздуху. Сосредоточьтесь на карте.

Бен стиснул ладонями металл. Он не сводил глаз с карты и с темных пятен провалов, нарисованных на ней. Перед ним шевелились темные клочья тумана, окутавшего Чистейшее Серебро, а землю заволокла мгла наступавшей ночи. Время словно застыло. Он с любопытством посмотрел на советника.

— Сосредоточьтесь на карте, Ваше Величество.

Бен снова уставился на карту, стараясь сосредоточиться. А потом пол ушел у него из-под ног, стены, сложенные из огромных камней, башни и зубчатые парапеты растворились в воздухе, туман развеялся, и ночное небо засияло яркими звездами. Он летел в пространстве, держась за серебряные перила, а от замка ничего не осталось. Глаза Бена расширились от удивления, когда он посмотрел вниз. У него под ногами расстилалась долина, залитая лунным светом.

— Советник! — в ужасе завопил Бен, судорожно стискивая перила.

Колдун был рядом. Его рука скользнула к руке Бена и сжала ее.

— Не бойтесь, Ваше Величество, — произнес он. Тьюс говорил спокойно и убежденно, так, будто они по-прежнему находились в башне. — Это просто магия, — продолжал он. — Пока вы крепко держитесь за поручни, вы в безопасности.

Бен впился в них так крепко, что костяшки пальцев побелели. Вскоре он обнаружил, что никуда не падает. Хоть он и ощущал движение, но не чувствовал ветра, дующего в лицо; не сдувало и карту, лежавшую на подставке. Он задержал дыхание и стал наблюдать за тем, как в сотнях футов у него под ногами проносится земля с сумрачными лесами, горбатыми холмами и озерами с серебристой рябью. Взошли все луны Заземелья, расцветив небосвод красочными кругами: персиковым, бледно-розовым, нефритовым, изумрудным, лазурным, пурпурным, бирюзовым... Самая большая луна отливала великолепной белизной. Это было самое удивительное зрелище, которое Бену довелось увидеть за всю жизнь, оно чем-то напоминало застывший салют в День независимости.

Тогда Бен немножко успокоился, и его положение перестало казаться таким отчаянным. Однажды он поднимался на воздушном шаре, наполненном горячим воздухом. В полете над Заземельем он почувствовал нечто похожее.

Они описали плавную кривую вдоль гряды гор и пролетели над туманами царства фей.

— Именно здесь родилась магия Заземелья, — изрек неожиданно советник. — Царство фей — это питающий ее источник, место, где время и пространство растянулись до бес-

конечности. Оно граничит со всеми мирами и имеет выходы в каждый из них. Сквозь туманы идут ходы к тем далеким мирам. Их называют коридорами времени — это тропинки, связывающие одни миры с другими. Именно по одному из этих ходов вы и попали в Заземелье.

— Вы хотите сказать, что мир фей лежит между моим миром и Заземельем? — крикнул Бен и сразу же понял, что повышать голос нет никакой необходимости.

Советник покачал головой:

— Не совсем так. Мир фей эфемерен и нереален. Он как бы есть, и в то же время его не существует. Он находится везде и нигде. Он не замкнут в себе и не принадлежит ни одному миру. Вы понимаете?

Бен улыбнулся:

— Ни единого слова.

— Ну тогда просто примите на веру. Царство фей ближе к Заземелью, чем к любому иному миру, с которым оно сопредельно. Заземелье — как бы его приемыш.

«Странное сравнение», — подумал Бен, наблюдая за тем, как туманы проносятся под ногами. Потом они начали стремительно спускаться к бездонному провалу. Черные дыры оказались прямо под ними, спутанные дикие джунгли, прильнувшие к подножию гор в северо-западном углу долины, мрачный запретный лес, в который, казалось, не может проникнуть и луч света. Тени скрадывали все очертания, а туманы царства фей, кольцом опоясывавшие всю долину, накрывали бездонный провал, словно одеяло.

— Это обиталище ведьмы по имени Ночная Мгла, — послышался голос советника. — Говорят, что она оставила царство фей в незапамятные времена и пришла в мир смертных для того, чтобы найти любовника, и что, поступив так, она уже не может вернуться обратно.

Бен уставился вниз, в темноту. Провал напоминал буерак, уходящий до самой преисподней.

И вновь они понеслись над землей. Они носились из одного конца долины в другой, по мере того как взгляд Бена выхватывал новые названия, начертанные на пергаментной карте. Он нашел землю Владыки Озерного края, другого выходца из мира фей, духа, принявшего человеческий вид,

сделавшего своим домом озера и реки, которыми изобиловала южная половина долины, и правившего тамошними водяными и русалками. Бен изучил холмы и утесы на севере, над бездонным провалом, где обитали многочисленные племена гномов, троллей и кобольдов. Одни из них были рудокопами, крестьянами, охотниками и купцами, другие — ворами и головорезами. Иные были честными и трудолюбивыми, а иные — злобными и безнравственными. Попадались как дружелюбные, так и враждебные народцы. Советник поведал много интересного. Лорды Зеленого Дола объявили своей вотчиной центральную часть долины, причем землями и скотом владела горстка родовитой знати, состоятельные бароны, на которых трудилось множество подневольных.

— Это кто, рабы? — испуганно воскликнул Бен.

— Подневольные! — настойчиво повторил советник. — Это мужчины и женщины, которые сами распоряжаются собой; но получают они землю и вкушают от плодов ее ровно столько, сколько позволят им их хозяева.

«Все равно рабы, — подумал Бен. — Как их ни назови...» Советник продолжал бормотать, но Бен не слушал его, потому что его внимание вдруг привлекло нечто новое. Сначала это было лишь загадочное черное пятнышко на лике одной из заземельских лун, а потом Бен понял, что пятнышко движется.

И оно приближалось к ним. Она появилась с юга — огромная крылатая тень. Сначала бесформенная, по мере приближения она становилась все отчетливее. Взмахивали кожистые крылья, усеянные шипами и изогнутые, словно распорки чудовищного, чересчур туго натянутого воздушного змея. Бочкообразное тело, извивавшееся в полете, как змеиное, покрыто чешуей и с гребнем на спине. Огромные когтистые лапы, прижатые к телу, и изогнутая змеиная шея, увенчанная столь отвратительной головой, что Бена даже передернуло.

Это был дракон.

— Советник! — хрипло прошептал Бен, боясь повысить голос.

Колдун повернулся и запрокинул голову, глядя на огромную тварь.

— Страбон! — прошептал он, и в его голосе прозвучало нечто вроде благоговения.

Они приостановились и застыли в воздухе. Дракон пролетел мимо так близко, что едва не коснулся крылом. Он не заметил их, потому что их не должно было быть видно, но Бену показалось, что он почувствовал их присутствие. Покрытая коркой башка повернулась и вонзила в них взгляд своих кровавых глаз, а ноздри на шершавом рыле раздулись. Резкое, пугающее шипение разорвало ночную тишину и постепенно замерло.

Но дракон не замедлил полета, не свернул с пути. Он плыл на северо-восток, постепенно превращаясь в далекое пятнышко. Бен с колдуном смотрели ему вслед, пока тот не скрылся.

— Боже милостивый! — наконец выдавил Бен. Его жажда приключений вдруг угасла. Он бросил безумный взгляд на пустоту у них под ногами — они так и висели неподвижно в воздухе. — Черт побери, с меня на сегодня хватит, советник! Отнесите нас обратно!

— Карта, Ваше Величество, — спокойно напомнил колдун. — Посмотрите на нее и найдите Чистейшее Серебро.

Бен так и поступил, чувствуя неистовое желание вновь ощутить надежный камень под ногами. Он нашел замок и сосредоточился на карте. Почти мгновенно он оказался в башне и стоял перед проемом в стене, глядя в туман.

Он оторвал ладони от перил, словно они жгли ему руки, и отскочил.

— Эта тварь... это же тот самый дракон, на которого я наткнулся в лесу! — прохрипел он.

— Да, Ваше Величество, это он, — согласился старец, отходя от поручней. Совиное лицо было задумчивым. — Его зовут Страбон. Он живет на востоке, где начинаются бесплодные пустыни и болота. Там обитает он в одиночестве, последний из своего племени.

Бен сложил руки на груди и запоздало вздрогнул.

— Он был так близко, что можно было коснуться рукой.

— Это только казалось. — Улыбка советника получилась вымученной. — Это видимость, созданная волшебством. На деле мы не покидали этой комнаты.

— Неужели?

— Да вы и сами можете как-нибудь попытаться сделать это, Ваше Величество. Магия Землевидения — в ваших руках, и вы видели ее в действии.

— Пока с меня хватит, спасибо.

— Значит, на сегодня вы достаточно узнали о Заземелье? Может быть, теперь можно и поужинать?

Бен собрался с духом.

— Было бы неплохо. — Он глубоко вздохнул. — А еще есть какие-нибудь неожиданности? Коли так, то я хочу знать о них заранее.

Колдун уже отворял дверь.

— Нет, Ваше Величество. Ужин не должен принести ничего неожиданного. Он будет очень приятным. Идемте.

Они вновь прошествовали по коридорам и винтовым лестницам замка, пока не добрались до пиршественного зала. У Бена осталось еще немало невыясненных вопросов, но он устал и проголодался, так что вопросы могли и обождать. Он позволил усадить себя во главу огромного резного стола. Спазм, стиснувший желудок, потихоньку отпускал, и Бен перестал трястись. В конце концов, он остался цел и невредим. Так что если это самое худшее, что его ожидало...

— Не желаете ли выпить вина, Ваше Величество? — Советник прервал его мысли. Наступила ночь, и тени в замке сгустились. Колдун вытянул вверх руку, и светильники вспыхнули, залив зал нежным золотистым сиянием без огня и дыма. Никаких видимых источников этого сияния Бен не заметил. — Еще чуть-чуть волшебства. — Старец улыбнулся. — Так вы хотите вина?

Бен откинулся на спинку стула.

— Да. И не уносите бутылку.

Советник взмахнул рукой, и вино появилось рядом с Беном. Колдун уселся справа от него. Появились Абернети с Сапожком и уселись по левую руку. Сельдерей, вероятно, должен был присоединиться к ним после того, как накроет на стол. Они казались одной большой счастливой семьей.

Бен повернулся к колдуну:

— Еще раз повторяю, советник, чтобы никаких неожиданностей! Я хочу знать все! Я хочу знать о медальоне. И о

Миксе. И о том, кто продал Заземелье и почему. Я намерен выяснить все это.

Абернети положил лапы на стол и посмотрел на Бена поверх очков:

— На вашем месте, великий король, я бы сперва выпил винца.

Мохнатый пес бросил значительный взгляд на Сапожка, сидевшего рядом с ним. Кобольд ухмыльнулся, показав все свои зубы, и зашипел.

Бен поднял бутылку.

Он осушил добрую половину, когда появился Сельдерей. Кобольд притащил мясную похлебку с овощами, свежеиспеченный хлеб, сыр и печенье. Как бы плохо ни обстояли дела, смерть от голода им не грозила, решил Бен.

Он опустошил миску супа, закусывая хлебом и сыром, выпил еще несколько стаканов вина и задумался об Энни, Майлзе, обо всем, что оставил. Советник и писец крепенько спорили, начиная с правильного питания и кончая ролью волшебства в сохранении здоровья. Кобольды щерились и жрали все, до чего могли дотянуться. Когда дошло до второго, советник заявил, что похлебка остыла, и вызвался подогреть ее. Сельдерей зашипел и оскалил зубы, а Абернети заявил, что холодная даже лучше. Советник не согласился. Спор закончился тем, что Тьюс использовал магию, чтобы подогреть похлебку прямо на столе, и котел был объят пламенем, которое побежало по всему столу, безнадежно испортив скатерть. Все повскакивали, крича, шипя и гавкая наперебой. Советник сделал еще несколько пассов, и на сей раз в зале хлынул дождь, который не прекращался минут пятнадцать.

Для Бена это было уже слишком. Зажав в руке стакан с вином, с помощью Абернети он отступил в свои королевские покои, обожженный, вымокший и захмелевший. Утро вечера мудренее, рассудил он, забираясь под простыни.

ГЛАВА 6

КОРОНАЦИЯ

Может быть, следующее утро и впрямь было мудренее вечера, но Бену этого узнать так и не довелось. Ему снились сны, в которых правда фантастическим образом переплеталась с вымыслом. Ему снилась Энни, как он вдруг встретил ее, живую. Он был так счастлив от того, что снова рядом с ней и любит ее, и одновременно несчастен от некоего неистребимого предчувствия, будто она не может остаться с ним и он потеряет ее снова. Ему снился Майлз, все такой же грубоватый и циничный, будто бы они вместе шагают по улицам Чикаго, заросшим Лазурными Друзьями, а Майлз на каждом углу напоминает Бену о том, что предупреждал его, что так и будет. Снились судебные заседания, на которых кобольды шипели со скамьи присяжных, а судьи напоминали всклокоченных псов. Ему снились асфальтированные дороги и драконы, черные как ночь. Снились демоны, и рыцари, и замки, сияющие, словно светило.

Он спал, а солнце всходило и заходило. Когда Бен наконец проснулся, было утро. Он лежал в своей опочивальне — просторной комнате, увешанной гобеленами и шелковыми занавесями, уставленной мебелью из полированного дуба и каменными геральдическими изваяниями. Он лежал на огромной, с пологом, кровати, напоминавшей саркофаг из дуба и железа. С равным успехом она могла бы служить баржей. Бен понял, что солнце только что встало, по косым полосам света, падавшим из высоких арочных окон, хоть свет этот и был серым и тусклым, словно туман обесцветил его. В комнате было тихо, и во всем замке тоже. Он напоминал каменную раковину.

И все же в замке таилась скрытая теплота. Чистейшее Серебро напоминал склеп, ему недоставало внешней привлекательности, хотя бы такой, какой отличаются самые авангардные, спартанские небоскребы Чикаго из хрома и стали, но он почему-то казался родным домом. Он был теплым на ощупь — Бен ощущал его тепло, ступая по полу босыми нога-

ми и проводя пальцами по стенам. Это тепло было в воздухе; несмотря на серую дымку за окнами, оно растекалось по всему замку, словно кровь по жилам. Советник был прав, ибо замок и впрямь оказался живым существом.

Как хорошо было просыпаться в нем! Так безопасно и уютно, словно в родительском доме.

Бен потянулся и посмотрел на столик, куда давеча бросил свой баул, но обнаружил только советника Тьюса, восседавшего на стуле с высокой спинкой и взирающего на него.

— Приветствую вас, Бен Холидей, — поздоровался колдун.

— Доброе утро, — ответил Бен. Приятная истома мигом улетучилась, едва он вспомнил о мрачных откровениях советника, сделанных накануне, о том, что он стал королем без армии, без вассалов и королевской казны.

— Надеюсь, вы хорошо отдохнули? — спросил колдун.

— Прекрасно, благодарю вас.

— Замечательно. Вам предстоит трудный день.

— Разве?

— Да, Ваше Величество. — Советник так и сиял. — Нынче ваша коронация. Сегодня же вас нарекут королем Заземелья.

Бен мигнул.

— Как сегодня? — Он опять мигнул. В животе у него начало неприятно посасывать. — Погодите-ка, советник. Вы что, хотите сказать, что коронацию перенесли на сегодня? Разве не говорили вы мне еще вчера, что коронация состоится не раньше чем через несколько дней, потому что вам нужно время, чтобы предупредить всех, кого нужно?

— Ну, ах... да, должен признаться, что именно так я и говорил. — Колдун сморщил физиономию, словно провинившийся ребенок. — Вся беда в том, что я говорил это не вчера.

— Как это не вчера?

— Потому что нынче не завтра.

Бен побагровел и уселся на кровати.

— Что за бред вы несете?

Советник Тьюс улыбнулся:

— Ваше Величество, вы проспали неделю.

Бен удивленно уставился на него. Колдун не отвел взгляда. В комнате повисла такая тишина, что Бен слышал стук собственного сердца.

— Как это я смог проспать целую неделю? — наконец спросил он.

Советник сцепил ладони у подбородка.

— Вы помните, что вы пили? То вино, которое я вам принес?

Бен кивнул.

— Ну, я добавил в него чуточку сонного зелья, чтобы вы как следует выспались за ночь. — Он развел руками. — Я сделал это при помощи волшебства, просто чуть изменив тон голоса и согнув пальцы. — Он показал, как именно. — Беда в том, что я малость перестарался. Капелька оказалась с наперсток. И потому вы проспали всю неделю.

— Просто маленькая ошибочка в волшебстве, да? — Бен был в ярости.

Советник беспокойно заерзал на стуле.

— Боюсь, что так.

— Ну а я боюсь, что не так! Вы что, за дурака меня считаете? Вы ведь сделали это намеренно, не отпирайтесь. Вы усыпили меня, чтобы удержать здесь! — Бен прямо трясся от злости. — Вы что, думаете, что я забыл оговорку насчет десятидневного испытательного срока в контракте? Мне давалось десять дней, чтобы я мог вернуться в свой мир и получить обратно все деньги, кроме небольшой неустойки. Только не говорите, что вы об этом не знали! А теперь восемь дней из десяти прошли! Это очень удобно, не правда ли?

— Погодите-ка. — Советник с достоинством вытянулся. — Если бы я и впрямь намеревался удержать вас в Заземелье, великий король, я бы вовсе не стал говорить вам о потерянных семи днях! Я просто позволил бы вам считать, что это ваш второй день в Заземелье, и все десять дней прошли бы раньше, чем вы бы это заметили!

Бен с минуту разглядывал его, потом поостыл.

— Наверное, тут вы правы. — Он недоверчиво потряс головой. — Наверное, я должен извиниться перед вами, но, откровенно говоря, я слишком зол, чтобы просить прощения. Из-за вас я потерял целую чертову неделю! А пока я спал, вы вовсю занимались подготовкой к коронации — рассылали приглашения и так далее! Хорошо еще, что я вовремя проснулся, не то вам пришлось бы короновать меня прямо в постели!

— О, когда я узнал, что произошло, я понял, что вы проснетесь вовремя, — поспешно заявил советник.

— Ты хочешь сказать, что надеялся, что это будет так, — перебил его Абернети, появляясь в дверях спальни с подносом. — Не желаете ли позавтракать, Ваше Величество?

Он поставил поднос на столик.

— Спасибо, — пробормотал Бен, не сводя глаз с советника.

— Я точно знал, — упрямо повторил тот.

— Прекрасный денек для коронации, — заявил Абернети. Он посмотрел на Бена поверх очков. — Я приготовил ваше одеяние для церемонии. Его подогнали так, чтобы оно хорошо сидело на вас. — Он помолчал. — Пока вы спали, у меня было полно времени, чтобы и измерить, и примерить на вас.

— Не сомневаюсь. — Бен ожесточенно впился зубами в ломоть хлеба. — Должно быть, целая неделя.

Абернети пожал плечами:

— Не совсем. Ведь все мы, Ваше Величество, тоже отведали этого вина.

— Честно, это была ошибка, — сдвинув брови, настаивал советник.

— Ты их делаешь немало, — фыркнул Абернети.

— Может быть, ты будешь рад, если я вообще перестану помогать!

— Ничто другое меня так не порадует!

Бен замахал на них руками:

— Прекратите! Ну хватит же! — Он перевел взгляд с колдуна на писца. — Хватит спорить. Мне споры надоели еще в суде. Мне нужны ответы. Прошлой ночью я сказал, что хочу узнать все подробности относительно продажи Заземелья... ну, в общем, не прошлой ночью, а в последний раз, когда мы разговаривали. Так, может быть, настала пора для этого, советник?

Колдун поднялся, метнул мрачный взгляд в сторону Абернети и снова посмотрел на Бена:

— Вы все узнаете, Ваше Величество. Но давайте я расскажу вам лучше по пути к Сердцу. Коронация должна начаться в полдень, и чтобы поспеть вовремя, нам надо немедля двинуться в путь.

Абернети направился к двери.

— Да, колдун, тебе удалось заслужить безграничную признательность. Великий король, я скоро вернусь с вашим платьем. А покуда постарайтесь позавтракать поплотнее. С каждым днем замок теряет свою магию, и нам скоро придется побираться по округе.

Он ушел. Советник проводил его взглядом, потом поспешно повернулся к Бену:

— Я добавлю только, что оставшихся двух дней вам, Ваше Величество, с лихвой хватит на то, чтобы привести в действие медальон и вернуться в свой мир, коли будет на то ваша воля.

Он помялся, потом вышел вслед за Абернети.

— Целая неделя! — пробормотал Бен, отпихнул поднос и выбрался из постели.

За час они собрались в путь — Бен, советник, Абернети и парочка кобольдов. Они отчалили от бесплодного острова, где возвышался Чистейшее Серебро, на челноке-бегунке, который беззвучно заскользил по темной воде к заросшему луговой травой берегу. Оттуда они отправились прямиком в туманный лес.

— Полагаю, что лучше начать с самого начала, — сказал советник Бену, когда они вошли под сень деревьев. Они шагали плечом к плечу, обогнав своих спутников на пару шагов. Колдун плелся привычной разболтанной походкой, сгорбив спину и опустив голову. — Более двадцати лет назад, после смерти старого короля, начались затруднения с престолонаследием. Тогда все было совершенно иначе. Все жители Заземелья почитали старого короля. Пять поколений его предков правили друг за другом, и хорошо правили. Никто не осмеливался перечить королю, даже Ночная Мгла, даже сам Марк. У короля были армия, слуги и вассалы, а также законы, которым все были послушны. Сокровищница была полна, а волшебство защищало трон. Тлен не мог одолеть Чистейшее Серебро, он было чистеньким и сияющим, словно новенькая игрушечка, а остров, на котором он стоит, был прекраснейшим уголком королевства. Там всегда светило солнце и благоухали цветы. И не было ни тумана, ни облаков.

Бен оглянулся. Он был одет в рубаху красного шелка, штаны и сапоги высотой по колено с серебряными пряжка-

ми. Абернети тащил церемониальное облачение, корону и знаки королевского отличия.

— Советник, мне не хочется задеть вас за живое, но ваша речь начинает напоминать плохую сказочку.

— Дальше будет еще хуже, Ваше Величество. Старый король скончался, оставив единственного сына, совсем юного, наследником престола. Телохранителем мальчика был могущественный, но неразборчивый в средствах колдун. Этот колдун был ближе мальчику, чем собственный отец, потому что заботился о нем после смерти его матери, во время частых отлучек короля. Сын короля был малодушным человеком, Заземелье тяготило его, как и ответственность, которая возлагалась по праву рождения, и колдун сумел сыграть на этой слабости. Колдун же давно искал лучшей жизни, потому что его тогдашнее положение — а он был придворным колдуном (как я теперь) — его не устраивало. Он считал, что заслуживает большего. Но придворный колдун привязан к трону и к земле магической клятвой, он не может уйти, если сам король не пожелает. Поэтому он пустил в ход все свое красноречие и убедил мальчика в том, что они оба должны покинуть Заземелье. — Он помолчал, искоса посмотрев на Бена. — Этот колдун — мой сводный брат, Ваше Величество. Вам он знаком под именем Микса.

— Ну и ну. — Бен медленно покачал головой. — Кое-что начинает проясняться.

— М-м-м-м-м?

— Да так, просто выражение. Не могли бы вы перестать мычать? Когда моя бабушка выжила из ума, она мычала так всякий раз, когда я обращался к ней, и это приводит меня в бешенство!

— Простите. Короче, сложность состоит в том, что, покидая Заземелье, не можешь ничего взять с собой. Волшебство не допустит этого. Ни колдуна, ни сына старого короля это не устраивало! Поэтому они разработали план: продать трон кому-нибудь из другого мира. Если в другом мире найдется человек, готовый приобрести Заземелье, тогда мой сводный брат и наследник старого короля получат прибыль в том, другом, мире и уже не смогут нарушить закон этого, запрещаю-

щий выносить что бы то ни было. Таким образом они смогут неплохо устроиться везде, где пожелают.

— А почему они выбрали именно мой мир? — поинтересовался Бен.

— Они провели исследования. — Колдун прочистил горло. — Прошло достаточно много времени с тех пор, как мой сводный брат заморочил голову сыну короля, и мальчик стал мужчиной. Во всяком случае, он никогда не собирался сесть на престол. Так или иначе он оставил бы Заземелье при первом же удобном случае. И мой сводный брат виноват в том, что предоставил ему такую возможность. Ему потребовалось время, чтобы все обдумать и подготовить. Пока он занимался этим, королевство приходило в упадок. Магия могла передаваться только по наследству, а с этим дело обстояло как раз неважно. Казна опустела. Армия разбежалась. Законы перестали действовать. Народ утратил чувство общности и разбился на враждующие лагери. Торговля между ними угасла. У Чистейшего Серебра не осталось ни хозяина, ни слуг, которые заботились бы о нем, и оно начало уступать пагубному воздействию Тлена. Сама земля начала страдать, болеть и иссыхать. Мой сводный брат и сын короля ушли, прикидывая, как бы им устроить продажу этого... э-э-э... как там выражаются в вашем мире?.. «кота в мешке»... какому-нибудь простаку.

Бен воздел очи к небу:

— Любите же вы играть словами, советник.

— Да, но, видите ли, Ваше Величество, все должно было быть совсем иначе — это-то я и пытаюсь вам втолковать. Мудрый и сильный правитель способен возродить Заземелье. Законам можно вернуть былую силу — это по плечу такому знатоку, как вы. Королевскую казну можно вновь наполнить, и создать армию, и прогнать Тлен. Вот почему я надел мантию придворного колдуна, сброшенную моим старшим братом. Вот почему я помогал ему искать покупателя на трон. Я даже написал слова для его... как там?.. продажного объявления.

— Так это из-под вашего пера вышла вся эта брехня в каталоге о волшебном королевстве? — потрясенно спросил Бен.

— Я написал это, чтобы привлечь покупателя с нужными качествами — проницательного и отважного! — Костлявый палец колдуна уткнулся в Бена. — И это вовсе не брехня! Я сделал то, что было необходимо, Ваше Величество. Заземелье должно возродиться. После смерти старого короля оно осталось без присмотра, а потеря магии довершит его разрушение.

— Эту речь мы уже слышали, советник, — пробормотал топавший сзади Абернети. — Ее можно опустить.

Колдун досадливо оглянулся.

— Я говорю только то, что нужно. Если тебе надоело, можешь заткнуть уши.

— Советник, я не понимаю, какую роль вы сыграли в этом. — Бен решил вернуть разговор в прежнее русло. — Если вы так хорошо понимаете нужды Заземелья, то почему с самого начала позволили своему брату и королевскому сыну заварить всю эту кашу? Что вы делали все те годы, которые миновали после смерти старого короля? Где были вы, пока пустовал трон Заземелья?

Советник Тьюс умоляюще сложил руки.

— Прошу вас, Ваше Величество, не все вопросы сразу! — Он раздраженно дернул себя за бороду. — Вы должны понять, что тогда я не был придворным колдуном. Им был мой сводный брат. Нравится мне или нет признаваться себе в этом, но я вовсе не такой колдун, как он. Я ему в подметки не гожусь, да и никогда не годился.

— Ой, где же перо и бумага, — запричитал Абернети. — Это обязательно нужно записать!

— И все же я так работал над собой, что сумел стать придворным колдуном, — продолжал советник, не обращая внимания на писца. — Пока мой брат состоял на королевской службе, у меня вообще не было положения при дворе. В ученики я уже не годился по возрасту, а другого занятия в королевстве я не мог себе подыскать. Некоторое время я путешествовал, пытаясь как-нибудь научиться волшебству фей и найти себе работу по душе. Через несколько лет после смерти короля мой сводный брат призвал меня к себе, чтобы я помог ему управлять двором. Он уведомил меня о своем намерении оставить королевство и не возвращаться более, предупредив меня, что сын старого короля решил запродать трон и уйти

вместе с ним. Назначил меня на должность придворного мудреца и советника при новом короле. — Он остановился и заглянул в лицо Бену. — Понимаете, он полагал, что я не доставлю ему хлопот, раз уж я такой плохой колдун и неудачник. Он полагал, что я так обрадуюсь своему назначению, что буду плясать под его дудку. Я позволил ему верить в это, сделав вид, будто заодно с ним, потому что только так я мог помочь этой земле. Чтобы наладить дело, нужен был новый, настоящий король. Я исполнился решимости найти такого короля. Даже попросил своего брата, чтобы он доверил мне написать текст для каталога, который приведет этого короля в Заземелье.

— И вот я здесь, — закончил Бен.

— И вот вы здесь, — согласился советник.

— На миллион долларов беднее.

— И на одно королевство богаче.

— Но денежки-то я потерял, не правда ли? Тот контракт, который я подписал, был сплошным обманом? Микс и королевский отпрыск прикарманили денежки, а я застрял здесь на вею оставшуюся жизнь?

Советник долго смотрел на него, потом покачал головой:

— Нет, Ваше Величество, вы не останетесь здесь дольше, чем вам этого захочется. Ваш договор имеет настоящую силу, как и оговорка насчет ухода из королевства, и деньги вернутся к вам, если не пройдет десяти дней.

Настала очередь Бена таращить глаза.

— Будь я проклят, — прошептал он. Несколько мгновений он молча разглядывал советника. — Знаете, а вы ведь не были обязаны говорить мне этого. Вы могли бы дать мне понять, что мои деньги пропали и что я должен остаться, хочу этого или нет.

Колдун погрустнел:

— Нет, я не смог бы сделать этого, Ваше Величество.

— Как же, не смог бы, — встрял Абернети. — Еще как бы смог, кабы думал, что это сойдет тебе с рук. — Он опустился на корточки и почесал шею задней лапой. — Как по-вашему, в этом лесу могут водиться клещи? — спросил он. — Ненавижу клещей.

Они продолжали шагать молча. Бен размышлял обо всем, что поведал ему советник. Стало быть, этот пройдоха Микс и

королевский сынок объединились, чтобы добиться успеха, нагрев руки на королевском троне. Это было Бену понятно. Но в головоломке все еще не хватало какой-то части. Беда в том, что Бен не мог догадаться, какой именно. Он знал, что этот кусочек где-то поблизости, но не мог ткнуть в него пальцем. Он припомнил все свои адвокатские навыки, чтобы решить эту задачку, но недостающая часть все не находилась.

Спустя некоторое время Бен перестал искать ее. Рано или поздно он все равно все узнает, а сейчас его ждут куда более важные дела. Миновало уже восемь с лишним дней из того десятидневного срока, который был отпущен ему на раздумья. Оставался лишь этот и следующий день, чтобы решить, стоит ли расстаться со своим приобретением и вернуться домой. Советник убедил его, что это вполне возможно. И он поверил старцу. Загвоздка заключалась не в том, мог Бен сделать это или нет, но хотел ли он этого? Пока ничто из увиденного им в Заземелье не оправдало рекламных посулов — разве только в самом широком смысле. Тут были и драконы, и дамы, и кобольды, была и магия, и он все-таки стал королем — или почти стал. Но сказка оказалась совсем не такой, какой он ожидал ее увидеть. Ему казалось, что он явно переплатил.

И все же... истец уступил место ответчику... и все же в Заземелье было нечто неопределенно привлекательное, что-то, что взывало к его чувствам. Вероятнее всего, это был вызов. Бену не хотелось признаваться в этом, но, желая быть честным с самим собой, он должен был немедленно признать это. Он никогда не любил отступать. Не любил потерь. Его терзала мысль о том, что он совершил ошибку, явившись сюда и выложив миллион за сказку, которая и впрямь оказалась сказкой, да только не такой, как ему хотелось. Он был настоящим адвокатом, с присущими этой породе инстинктами и упрямством, и он не желал уклоняться от схватки. Несомненно, в Заземелье ему предстояло бороться изо всех сил, чтобы восстановить престол, лежавший в руинах. Разве он не считал себя способным на это? Разве не мог он удовлетворить чаяния тех, кем собирался править?

Майлз уверял бы его, что дело не стоит и выеденного яйца. Майлз бы на его месте сдался и вернулся в цивилизованное

общество — туда, где есть «Солдатское поле», лифты и такси. И любой его коллега сделал бы то же самое.

А Энни — нет. Энни наверняка сказала бы, чтобы он держался, и осталась бы с ним. Но Энни нет в живых.

Бен сжал челюсти и нахмурился. Если уж на то пошло, то он тоже может считать себя никуда не годным, трупом, если сдастся и отступит. Вот почему он вообще ввязался в это предприятие — чтобы вернуть себя к жизни. Ему все еще казалось, что он может добиться этого здесь, он все еще верил, что Заземелье станет его домом. И вообще, деньги — это всего лишь деньги...

Но миллион долларов? Он так и слышал недоверчивый возглас Майлза. Так и видел, как Майлз всплескивает руками от возмущения.

С удивлением он обнаружил, что улыбается, думая об этом.

Наступил полдень, когда деревья и туманы внезапно расступились и путники оказались на поляне, залитой солнцем, заросшей разнотравьем, расцвеченным зелеными, золотыми и малиновыми красками. Поляну окаймляла поросль аккуратно подстриженных Лазурных Друзей, растущих с равномерными промежутками, и только те из них, которые росли вплотную к лесу, носили явные признаки той болезни, которую Бен приметил по пути к Чистейшему Серебру. В центре поляны возвышался помост из полированного белого дуба. Столбики начищенного серебра были расставлены по углам помоста, их венчали подсвечники с толстыми белыми непочатыми свечами. Из-за помоста поднимались разноцветные флаги с разными геральдическими фигурами, и повсюду были разбросаны белые бархатные подушки для коленопреклонения.

Советник обвел рукой поляну.

— Это — Сердце, Ваше Величество, — тихо сказал он. — Здесь вы станете полноправным властителем Заземелья.

Бен воззрился на полированный дуб и серебро помоста и трона на нем, на знамена и свечи, на подстриженную траву и Лазурных Друзей.

— Но я не вижу здесь Тлена, советник. Это место выглядит так, будто оно... будто оно совсем новое.

— Тлен еще не добрался до Сердца, Ваше Величество. Здесь волшебство сильней всего. Идемте.

Они молча миновали ряды разбросанных по земле бархатных подушек и приблизились к возвышению. Полуденный воздух был напоен нежными ароматами, и казалось, что разноцветье трав и листвы беспрерывно переливается и перемешивается. Бен ощутил мир и покой и благоговение, подобное тому, какое чувствовал в церкви, когда его ребенком приводили туда по воскресеньям. Он с удивлением обнаружил, что такие воспоминания сохранились в его памяти.

Подойдя к помосту, они остановились. Бен медленно огляделся. Оказывается, в Сердце они были не одни. Несколько изможденных, оборванных пастухов и крестьян со своими женами и детьми робко жались по краям поляны, перешептываясь и искоса поглядывая на Бена. С полдюжины охотников в походном одеянии сгрудились под сводом ветвей, там, куда не проникали лучи солнца. Нищий в изодранных кожаных штанах и куртке сидел, скрестив ноги, у комля засыхающего дуба.

И кроме этих немногих, не было никого. Бен нахмурился. Его беспокоило затравленное, отчаянное выражение в глазах этих людей.

— Кто они? — шепотом спросил он советника.

Старец поглядел на оборванцев и отвернулся.

— Зрители.

— Зрители?

— Явились посмотреть на коронацию.

— Ну а где же все остальные?

— Опаздывают из вежливости, — без выражения предположил Абернети.

За его спиной тихонько зашипели, скалясь, кобольды. Бен схватил советника за плечо и развернул к себе:

— Что происходит, советник? Где все?

Колдун нервно потер подбородок.

— Вполне возможно, что те, кто должен был прибыть, задерживаются в пути по каким-либо непредвиденным обстоятельствам...

— Погодите-ка, — оборвал его Бен. — А ну-ка повторите мне это еще разок — вы сказали: «те, кто должен был прибыть»? Так значит, кто-то не собирался приходить вовсе?

— О, я просто неправильно выразился, Ваше Величество. Конечно, явится каждый, кто сможет.

Бен скрестил руки на груди и пристально посмотрел на старца.

— А я — Санта-Клаус. Видите ли, советник, я пробыл здесь достаточно, чтобы научиться узнавать лисицу по ее норе. Сейчас же отвечайте, что здесь происходит?

Колдун неуклюже потоптался на месте.

— Ах... ну, видите ли, на самом деле ожидать нужно очень немногих.

— А сколько этих «немногих»?

— Ну, может быть, парочка...

Абернети выступил вперед:

— Он имеет в виду только нас четверых, Ваше Величество, да этих бедолаг, что прячутся в тени.

— Вас четверых? — Бен уставился на советника, не в силах поверить в услышанное. — Четверых? И все? И на коронацию первого за двадцать лет правителя Заземелья не явится никто...

— Вы не первый, Ваше Величество, — прошептал советник.

— ...кроме вас четверых?

— Вы не первый, — повторил колдун погромче.

Повисла тягостная тишина.

— Что вы сказали? — спросил Бен.

— До вас были и другие, Ваше Величество. После смерти старого короля были претенденты. Просто вы самый последний из их череды. Мне жаль, что вы узнали об этом именно сейчас. По мне, так лучше бы вам узнать это после, когда церемония коронации...

— А сколько их было, моих предшественников? — Бен покраснел от ярости.

— ...закончится, и мы сможем... Что вы сказали?

— Королей, черт возьми! Сколько их было?

Советник Тьюс поморщился:

— Наверное, пара дюжин. Честно говоря, я сбился со счета.

Откуда-то издалека, из-за тумана и леса, донесся рокот грома. Абернети навострил уши.

— Пара дюжин? — Это было для Бена открытием. Он уронил руки, и жилы на его шее натянулись. — Теперь мне ясно, почему вы потеряли счет! Теперь понятно, почему никому уже не хочется приходить на коронацию!

— Поначалу они, конечно, собирались, — продолжил старец, в упор глядя на Бена. — Они приходили, потому что верили. И даже потом, когда разуверились, они порой приходили из любопытства. Ну а дальше даже любопытных не осталось. У нас было слишком много королей, Ваше Величество, которые оказались несерьезными. — Он махнул рукой в сторону тех, кто сгрудился под сенью деревьев. — А те, кто пришел сейчас, явились просто от отчаяния.

Гром прогремел снова, уже совсем близко, — низкий протяжный рокот, эхо которого заметалось среди деревьев; задрожала земля. Кобольды тревожно зашипели, прижав уши. Бен поспешно огляделся. Абернети зарычал.

Советник сжал руку Бена:

— Взойдите на помост, Ваше Величество! Давайте же, быстрее!

Бен колебался в нерешительности.

— Вперед! — крикнул колдун, подталкивая его. — Демоны приближаются!

Это послужило убедительным доводом для Бена. Кобольды поскакали вперед, и он устремился за ними. Раскаты грома были совсем рядом, деревья раскачивались, а земля сотрясалась.

— Похоже, вы все-таки встретитесь кое с кем, Ваше Величество, — заметил Абернети, влетев на помост на всех четырех лапах и едва не потеряв свою ношу.

Бен поднялся по ступеням, тревожно оглядываясь. В Сердце не осталось никого, кроме него и его спутников. Крестьяне и пастухи с семьями, охотники и нищий растворились в спасительной чаще леса. Казалось, что туманный лес сомкнулся плотнее вокруг залитой солнцем поляны.

— Помоги облачиться Его Величеству, — приказал советник Абернети, взобравшись на возвышение. — Пошевеливайся!

Абернети снова встал на задние лапы и начал прилаживать на Бена его мантию и знаки королевского достоинства.

— Подождите-ка, советник, — спохватился Бен, озабоченно глядя на черную прогалину, открывавшуюся в стене леса. — Я не уверен, что хочу продолжать игру.

— Слишком поздно, Ваше Величество, вы должны! — Совиная физиономия старца светилась целеустремленностью. — Доверьтесь мне. Вам ничего не грозит.

Бен подумал, что это утверждение весьма спорно, но Абернети уже застегнул все пряжки его одеяния. Писец действовал удивительно ловко для собаки, и Бен, не удержавшись, посмотрел вниз. Он вздрогнул: на лапах Абернети были похожие на человеческие пальцы-обрубочки.

— Даже это он не смог сделать толком, — пробурчал Абернети, поймав взгляд Бена. — Будем надеяться, что с вами он так не оплошает.

На дальнем конце поляны тени вдруг заклубились, словно чернила в воде, смешались с туманом, и ураганный ветер нарушил недавнюю тишь. Грохот стал невыносимым. Ветер пытался сорвать мантию Бена. Абернети спрятался за его спиной, издавая горловой рык, кобольды шипели, словно змеи, показывая зубы надвигавшемуся мраку.

А потом из тьмы показались демоны, так неожиданно, словно в пустом месте вдруг разверзлась дыра. И показалась орда длиннотелых, бряцающих оружием тварей, темных, как сама ночь. Громыхали доспехи и копыта чудовищных, змееподобных тварей, на которых восседали воины тьмы. Орда замедлила шаг и с лязгом остановилась. В тумане сверкали белые клыки и красные глаза, шипы, колючки и когти сплетались беспорядочной мешаниной. Войско застыло неровной линией, и шум его дыхания пришел на смену затихшему грому. Ветер дунул еще раз и стих.

Поляна наполнилась сопением, хрипом и пыхтением.

— Советник?.. — растерянно пробормотал Бен, застыв на месте.

— Стойте, Ваше Величество.

Орда демонов забурлила, все как один воздели оружие, и безумный рев вырвался из множества глоток. Абернети попятился, щелкая зубами. Кобольды словно обезумели, они яростно шипели и визжали, припав к настилу по обе стороны от Бена.

— Советник?.. — вновь попытался начать Бен, на сей раз более настойчиво.

И тогда появился Марк. Толпа демонов раздалась, и он вышел из самой ее середины. Он восседал верхом на своем крылатом змее — твари, похожей на полуволка-полуящера, на порождение отвратительнейшего кошмара. Сам Марк, в

шипастых черных доспехах, помятых и пробитых, был увешан оружием. Его голову скрывал шлем с опущенным забралом, увенчанный «головой смерти».

Бену Холидею сразу же захотелось оказаться в любом другом месте.

Советник Тьюс сделал шаг вперед:

— Преклоните колено, Ваше Величество!

Его голос был едва слышен.

— Что?

— Преклоните колено! Сейчас вы станете королем! Демоны пришли посмотреть на то, как это произойдет, и мы не должны заставлять их ждать. — Совиное лицо сморщилось от нетерпения. — Преклоните же колено, чтобы принести клятву!

Бен опустился на колено, не сводя взгляда с демонов.

— Возьмитесь за медальон, — велел советник. Бен вытащил амулет из-под рубахи. — А теперь повторяйте: «Я стану единым целым с этой землей и ее народом, буду служить всем и не предам никого, обязуюсь следовать законам трона и магии. Я приношу клятву верности земле, в которую пришел, — я, отныне король». Говорите же!

Бен все колебался.

— Советник, мне не нравится...

— Скажите это, Бен Холидей, если вы и вправду решили стать королем, как и обещали!

Слова и голос советника были так убедительны, будто вовсе не этот жалкий старикашка произносил их. Бен твердо встретил его взгляд. Он заметил, что демоны начинают беспокойно топтаться на месте. Бен поднял медальон так, чтобы все могли увидеть его. Он не смотрел на советника.

— Я стану единым целым с этой землей и ее народом, буду служить всем и не предам никого, обязуюсь следовать законам трона и магии. Я приношу клятву верности земле, в которую пришел, — я, отныне король.

Он произнес эти слова громко и отчетливо. Он немного удивился тому, с какой легкостью запомнил их — как будто знал раньше. На поляне стало тихо. Он отпустил медальон.

Советник Тьюс кивнул и взмахнул рукой над головой Бена.

— Встаньте, Ваше Величество, — тихо произнес он. — Бен Холидей, король Заземелья, верховный лорд, монарх и сюзерен.

Бен поднялся и оказался в потоке солнечного света, вдруг пробившегося сквозь пелену тумана. Повисла гнетущая тишина. Советник Тьюс медленно согнулся и опустился на колено. Его примеру последовали Абернети и кобольды.

Но демоны остались неподвижны. Марк восседал на своем страшном скакуне, и никто из его ратников не шелохнулся.

— Покажите им медальон еще раз! — еле слышно проговорил советник.

Бен повернулся к демонам и протянул руку с медальоном, ощущая пальцами очертания озера, замка и восходящего солнца. В черных рядах послышались слабые крики, и несколько тварей унало на колени. Но Марк властно взмахнул своей дланью, побуждая своих воинов оставаться на ногах. «Голова смерти» с вызовом повернулась к Бену.

— Советник, ничего не получается, — краем губ прошептал Бен.

Внезапно в строю демонов поднялась какая-то возня. Верхом на крылатом чудовище сквозь пелену тумана и теней Марк двинулся вперед. Воины-демоны последовали за ним. Бен похолодел.

— Советник!

Но вдруг поляну озарила вспышка света, как будто что-то отразило солнечные лучи. Свет исходил с опушки леса, между приближающимися демонами и возвышением, на котором стоял Бен со своими спутниками. Демоны замедлили шаг и повернули головы. Оглянулся и Бен.

Из дымки явился всадник. Бен Холидей так и застыл. Это был тот самый рыцарь, которого он встретил в тоннеле времени между своим миром и Заземельем, рыцарь, чей образ был вырезан на медальоне, — измятая и покрытая патиной железная статуя верхом на изнуренном коне. Копье покоилось острием кверху, упертое в мысок железного башмака. Он был словно высечен из камня.

— Паладин! — не веря своим глазам, прошептал советник. — Он вернулся!

Марк поднялся в стременах, повернув «голову смерти» к рыцарю. Демоны подались назад вместе с окружавшей их мглой и неуверенно зашептались. Только рыцарь оставался спокоен.

— Советник, что происходит? — спросил Бен, но колдун лишь молча покачал головой.

Еще мгновение демоны и рыцарь стояли друг против друга на залитой солнцем поляне Сердца, застывшие словно изваяния. Потом Марк занес сжатую в кулак руку, и «голова смерти» еле заметно склонилась в сторону Бена. Надавив шпорами бока коня, он развернулся и поскакал во мглу. Его войско последовало за ним. Визг и вопли нарушили тишину, завыл ветер, загремели копыта. Демоны растворились в лесу, там, откуда пришли.

Сумрачная дымка рассеялась, уступив место солнечному свету. Бен зажмурился, приняв это за обман зрения. Когда он оглянулся еще раз, рыцарь и его боевой конь исчезли. Поляна опустела, на ней остались только Бен и его спутники.

И тут в зарослях вновь началась какая-то возня. Несколько крестьян и пастухов с семьями, охотники и одинокий нищий снова показались на глаза, робко сгрудившись на краю леса. В их взглядах сквозил страх и удивление. Ближе они не подходили, но по одному опустились на колени.

Сердце Бена колотилось, он даже взмок от волнения. Глубоко вздохнув, он обратился к советнику:

— Я желаю знать, что за чертовщина тут происходит! Отвечайте немедленно!

Первый раз со времени их встречи советник, казалось, утратил дар речи. Он попробовал сказать что-то, замялся, попытался снова и мотнул головой. Бен посмотрел на своих спутников. Абернети тяжело дышал, словно от бега. Кобольды притулились друг к дружке, прижав уши и сощурив глаза.

Бен сжал руку советника:

— Отвечайте же, черт побери!

— Ваше Величество, я не... У меня недостает слов, чтобы объяснить... — Совиная физиономия скукожилась, словно советника поймали с поличным. — Я никогда бы не поверил...

Бен быстро поднял руку, чтобы оборвать его:

— Ради бога, советник, очнитесь.

Старец кивнул и выпрямился:

— Да, Ваше Величество.

— И отвечайте, когда спрашивают!

— Ваше Величество, я... — Он снова замялся.

Абернети вытянул шею.

— Наверное, это будет интересно, — предположил он.

Он явно овладел собой быстрее, чем колдун. Советник досадливо посмотрел на него.

— Надо было превратить тебя в кошку! — рявкнул он.

— Советник! — прикрикнул на него Бен.

Колдун обернулся, глубоко вздохнул, понурил голову и пожал плечами.

— Ваше Величество, я не совсем представляю себе, как объяснить все это. — Он виновато улыбнулся. — Этот рыцарь, чей образ запечатлен на вашем медальоне, рыцарь, который противостоял Марку, он не существует. — Улыбка исчезла. — Ваше Величество, то, что мы видели, — только призрак!

ГЛАВА 7

ПАЛАДИН

Майлз говаривал, что бывают просто адвокаты и адвокаты от Бога, но беда в том, что первых слишком много, а последних слишком мало. Так он говорил, когда до него доходили сведения о том, что тот или иной из его коллег сел в лужу.

По нути к Чистейшему Серебру Бен раз за разом повторял про себя эту фразу, немного изменив слова, чтобы подогнать под сложившиеся обстоятельства. Бывают призраки и при-зраки, твердил Бен. Воображаемые привидения и настоящие, фантомы, порожденные мозгом, и несомненно существующие, реальные призраки, пугающие по ночам честных людей. Бен с уверенностью может сказать, что первых и в самом деле слишком много, а последних слишком мало. И вообще от таких размышлений у любого голова пойдет кругом.

Как бы там ни было, но рыцарь, выгравированный на медальоне, который носил Бен, рыцарь, который дважды вставал между ним и Марком, рыцарь, который появился, а по-

том исчез, будто состоял из одного дыма, принадлежал, несомненно, ко второму типу и не являлся порождением мозга, отравленного хлебом или водой этой странной земли. Бен знал это так же хорошо, как и то, что советник Тьюс по-прежнему замалчивает некоторые обстоятельства, связанные с покупкой заземельского престола.

И Бен собирался выяснить всю правду и о том, и о другом. Но, похоже, время для этого пока не настало. Потому что советник, объявивший рыцаря призраком, которого больше не существует, отказался говорить о чем-либо, прежде чем они в целости и сохранности возвратятся в замок Чистейшее Серебро. Бен страстно доказывал старцу, что он не прав, Абернети подпустил несколько шпилек насчет общипанных перышек, кобольды шипели и скалили зубы вслед убравшимся демонам, но колдун оставался непреклонным. Бен Холидей считал, что имеет полное право знать всю подоплеку появления призрачного рыцаря — как там его звали, Паладином, кажется? Но ему пришлось ждать, пока они не окажутся за крепкими стенами замка. Совиное лицо старца стало непроницаемым, скрюченная фигура развернулась, и советник Тьюс, не оглядываясь, зашагал в лес. Бену не хотелось вспоминать о том, что только что произошло на этой поляне, поэтому он поспешил за старцем, словно послушный утенок за своей мамашей.

Хорошенькое же сравнение для королевской особы, упрекнул он себя. Да кого же в конце концов он хочет обмануть? Он стал таким же полноправным королем Заземелья, как президент Соединенных Штатов. Конечно, его провозгласили королем колдун-недоучка, да недоделанный пес, да парочка шипящих обезьян. Конечно, он заплатил миллион долларов за эту сомнительную привилегию — при мысли об этом Бен заскрипел зубами — и все же остался сторонним, случайно попавшим в чужую страну пришельцем, не знающим обычаев этой страны и даже с трудом говорящим на ее языке.

Но все это изменится, пообещал себе Бен. Он сам докопается до сути всех бед, постигших королевство.

Обратный путь занял добрую половину дня, и, когда наконец показался замок, над туманной долиной сгущались су-

мерки. Унылый, запущенный вид крепости усугубил и без того мрачное настроение Бена. Он вновь подумал о десяти днях, отведенных на то, чтобы решить, стоит ли вернуться в свой мир, — и в первый раз эта мысль показалась ему совсем не глупой.

Оказавшись в замке, советник велел Сельдерею приготовить ужин, Сапожку — принести Бену чистую одежду. Затем, захватив Бена и Абернети, колдун устроил экскурсию в самые недра замка. Они проходили по многочисленным коридорам и через бесконечные залы, заплесневелые и изгаженные пятнами Тлена, но все же освещенные бездымными факелами и согретые жизнью замка. На фоне общей серости все краски казались блеклыми, лишь в некоторых местах проглядывало полированное дерево и серебро. У Бена возникло странное чувство, будто Тлен лениво разъедал нечто величественное, изящное, и ему стало грустно от этого. Ну и зря, думал он, безмолвно шагая вслед за советником. Бен лишь однажды спал в стенах этого замка, и это не должно иметь для него какого-то особого значения. На самом деле, кабы не советник, уверявший Бена, что замок — живое существо...

Бен отмахнулся от таких мыслей, когда они отворили тяжелую, окованную железом дубовую дверь и оказались в небольшом внутреннем дворике с маленькой часовенкой посередине. Она была такой же грязной и тусклой, как и весь замок, но все же туман здесь был не таким густым, и солнечные лучи пронизывали ее, падая на дерево и камень стен и кровли и на помутневшее стекло высоких стрельчатых окон. Бен и его спутники подошли к ступеням часовенки, поднялись к дубовым резным дверям, обитым железными гвоздиками, и распахнули их.

Бен вгляделся в тускло освещенное пространство. Полы, потолки, стены были выкрашены белым и алым. Цвета поблекли, и все убранство часовни казалось заплесневелым и выцветшим. Алтаря не было, как не было и скамей. На стенах висели латы и панцири, под которыми были сложены щиты и оружие. Перед возвышением, занимавшим середину часовни, лежала единственная подушка для коленопреклонения. На возвышении стояла одинокая фигура. Это был рыцарь, изображенный на медальоне.

Бен вздрогнул. На мгновение ему почудилось, будто рыцарь живой. Потом он понял, что на возвышении находятся пустые доспехи.

Советник первым вошел в часовню.

— Входите, Ваше Величество.

Бен перешагнул через порог, не сводя глаз с фигуры на возвышении. Следом за ним поплелся Абернети. Латы были погнуты и иссечены, словно побывали во многих сражениях, их блеск сошел, и металл почти почернел от воздействия Тлена. В ножнах на бедре рыцаря покоился огромный палаш, а тяжелая клиновидная булава свисала на кожаной петле с другого бока. Железная длань сжимала обращенное острием кверху длинное копье. Все оружие было в таком же негодном состоянии, как и доспехи, покрытые коркой грязи и ржавчины. На железном нагруднике и на щите, прислоненном к копью, был изображен герб — солнце, поднимающееся над замком.

Бен перевел дыхание. Подойдя ближе, он удостоверился, что латы — всего лишь пустая оболочка. Заодно он убедился и в том, что это те самые латы, в которые был закован рыцарь, дважды вступавшийся за него перед Марком.

— Его называли Паладином, — прошептал из-за спины Бена советник. — Он был королевским защитником.

Бен оглянулся.

— Так это и вправду он? Что же с ним случилось?

— Он исчез после смерти старого короля, и с тех пор его никто не видел. — Колдун пристально посмотрел прямо в глаза Бену. — По крайней мере пока.

— Похоже, теперь вы уже не считаете, что мне мерещились всякие глупости, когда я проходил по тоннелю времени.

— Я никогда не думал этого, Ваше Величество. Я просто боялся, что вас обманывают.

— Обманывают? Но кто же?

Они молча посмотрели друг на друга. Абернети поскреб за ухом.

— Похоже, ваше напряженное молчание свидетельствует о том, что здесь кроется какая-то ужасная тайна, — наконец произнес Бен. — Не означает ли это, что я в конце концов узнаю все, что вы до сих пор скрывали от меня?

Советник Тьюс кивнул:

— Так и есть.

Бен сложил руки на груди.

— Замечательно. Но на сей раз, советник, выкладывайте все без утайки, а не обрывками, как прежде. Чтобы никаких неприятных сюрпризов потом не было, идет?

Старец еще раз кивнул:

— Сюрпризов больше не будет, Ваше Величество. На самом деле именно из-за вашего недоверия я прихватил Абернети. Ведь он — не только придворный писец, но и летописец. Он сразу же поправит меня, если я где-то оговорюсь. — Он вздохнул. — Возможно, его слову вы поверите скорее, чем моему.

Бен ждал. Советник Тьюс бросил взгляд на рыцарские доспехи, потом медленно оглядел пустую часовню. Он как будто растерялся. Тишина становилась все более гнетущей, а сумерки — все гуще.

— Начинай, не тяни время, — нетерпеливо прорычал Абернети. — Пока мы тут стоим, обед стынет на столе.

— Я не знаю, с чего лучше начать, — огрызнулся советник. Он снова повернулся к Бену. — Знаете, двадцать лет назад все было совсем иначе. Тогда правил старый король, а Паладин был его защитником, как был защитником всех королей Заземелья с самой зари его существования. Он тоже порожден магией фей, как и само королевство, он появился из туманов их мира, чтобы стать частью этого. Никто никогда не видел его лица. Никто не видел его иначе чем закованным в эти доспехи, которые вы видите здесь. Он был железным с головы до пят, с закрытым наглухо забралом. Для всех он был загадкой. Даже мой сводный брат не смог разгадать этой головоломки. — Старец помолчал. — Заземелье — это не просто один из миров, граничащих с царством фей, это ворота в него. Для этого королевство и было создано. Но в мире фей нет течения времени, нет пространства, он всегда и везде. А Заземелье — неизменная точка в пространстве и времени. Именно сюда ведут тоннели времени всех остальных миров. Одни миры находятся ближе, другие — дальше. До одних из них через туманы рукой подать, до других, как до вашего, например, путь долог. В близлежащих мирах магия всегда была реальностью, ее использовали чаще всего. Их обычно населяли потомки выходцев из царства фей, попавшие туда по своей

воле, случайно или же просто изгнанные. Однажды оставив мир фей, они уже не могли вернуться. Лишь немногие были счастливы в этом изгнании. Большинство искало способ вернуться. И Заземелье всегда было ключом к возвращению.

— Куда же заведет нас такое вступление? — язвительно заметил Бен.

— Это зависит от того, как далеко вам захочется отправиться, — проворчал Абернети.

Советник совсем ссутулился и спрятал руки в складках своего одеяния.

— Паладин был защитником короля, который, в свою очередь, защищал всю землю. В таком покровителе всегда была нужда. И в самом Заземелье, и вне его всегда находились те, кто хотел использовать его в своих целях. Но волшебство, охранявшее Заземелье, было неодолимым. Никто не мог совладать с Паладином.

Бен нахмурился, обуреваемый сомнениями:

— Советник, не хотите же вы сказать, что...

— Я говорю вам, Ваше Величество, только чистую правду, — поспешно перебил его старец. — Вы хотели услышать всю историю целиком, и я собираюсь потрафить вам. Когда старый король умер, а его сын не пожелал унаследовать трон, возмечтав о том, как бы покинуть Заземелье, — те, кто всегда тихо выжидал удобного случая, начали разыскивать ворота. Паладин пропал после смерти старого короля, и никто не знал, как разыскать его. Месяцы превращались в годы, королевский сын подрастал, строя планы, как бы покинуть свою страну, и все это время в Заземелье не было короля и Паладин не появлялся. Мой сводный брат приложил все усилия и все магические знания, чтобы разыскать странствующего рыцаря, но тщетно. Паладин исчез, и, похоже, навсегда. Естественно, это было на руку тем, кто покушался на границы Заземелья. Они полагали, что, коли Паладин и вправду пропал и волшебство потеряло силу, они смогут завладеть Заземельем. Понимаете, Ваше Величество, ворота в царство фей всегда были лакомым куском. Мой сводный брат понял это и решил действовать быстро, пока Заземелье не уплыло из его рук.

Совиное лицо стало напряженным.

— И вот он состряпал свой гнусный план: запродать королевский престол человеку из очень отдаленного мира. У Заземелья появится король, а королевский отпрыск и придворный колдун смогут сбросить оковы законов, привязывавших их к этой стране. Но они должны запродать королевство лишь на строго определенный срок, скажем, на полгода или год. Тогда трон снова вернется к ним, и они смогут повторить свою авантюру. Таким образом, их доходы будут расти, королевский сын сможет жить, как ему вздумается, а мой сводный брат обретет могущество и в других мирах. Вся трудность состояла в том, чтобы отыскать заинтересованных покупателей.

— И тогда он связался с универмагом Роузена? — перебил Бен старца.

— Не сразу. Поначалу он сам занимался поиском желающих. Его кандидатами становились преимущественно люди самого низкого пошиба, богатые, но такие же беспринципные, как он сам. Зачастую этим людям надо было просто на время исчезнуть из собственного мира. Заземелье становилось для них превосходным убежищем, они могли поиграть в королей, наслаждаясь удобствами Чистейшего Серебра, а потом вернуться в свой собственный мир, когда кончался срок их правления.

— Преступники, — тихо прошептал Бен. — Он посылал к вам преступников! — И покачал головой, не в силах поверить в это, потом пристально взглянул на колдуна. — А что было с теми, которые, однажды попав сюда, не пожелали уйти? Такое когда-нибудь случалось?

— Да, время от времени это происходило, — согласился советник. — Но я всегда тщательно следил за тем, чтобы они вовремя отправлялись восвояси — готовы они были к этому или нет. Моей магии на это хватает. — Он нахмурился. — И все же я часто задавался вопросом: как мой брат забирает медальон у этих негодяев, когда они возвращаются домой? Конечно, волшебство сразу подсказывало ему, когда они возвращались, но откуда он узнавал, где найти и как отобрать медальон? — Советник погрузился в раздумья, потом пожал плечами. — Ну да ладно. Итак, стало быть, некоторое время он успешно продавал королевство на ограниченные проме-

жутки времени и получал много денег. Однако его клиенты были непредсказуемыми типами, и по мере того, как они чередовались, дела в Заземелье шли все хуже и хуже. К тому же деньги поступали нерегулярно. Так что в конце концов мой брат решил предложить трон широкому кругу покупателей. Не тем безответственным людям, с которыми имел дело раньше, но по-настоящему широкому кругу покупателей. И он связался с универмагом Роузена. Он назвался поставщиком редких предметов искусства и необычных услуг. Он убедил правление магазина в собственной значимости, разыскав с помощью своего волшебства несколько сокровищ и редкостей, считавшихся утерянными. Когда его сделали официальным поставщиком таких диковинок, он выставил на продажу Заземелье. Думаю, что поначалу ему не поверили, но он все же нашел способ убедить их. Он отправил одного из директоров посмотреть самому. — Старец мрачно осклабился. Потом его глаза сузились. — Но на продажу было выставлено куда больше, Ваше Величество, чем мог себе представить Роузен. Мой сводный брат и сын старого короля не собирались выпускать из рук нечто настолько ценное, как заземельский престол. Основное условие продажи позволяло ему самому отбирать нужных клиентов. Таким образом он мог продавать трон слишком слабым людям, неспособным удержать его, чтобы королевство вновь возвращалось к нему и он мог торговать им и дальше. Он даже брал взятки за то, чтобы продвигать нужных людей вверх по воображаемому списку. Роузен все равно не заметил бы никакой разницы. Теперь сложность состояла уже не в том, чтобы найти покупателя, но в том, чтобы найти такого человека, который обладал бы не только толстым кошельком, но и слишком слабым, чтобы преуспеть в роли короля, характером!

Бен вспыхнул:

— Наверное, таких, как я?

Старец пожал плечами:

— Вы тут давеча спрашивали, сколько королей сменилось в Заземелье со смерти старого правителя. Так вот, их было больше тридцати.

— Тридцать два, если точнее, — вмешался Абернети. — Только в этом году вы уже третий.

Глаза у Бена полезли на лоб.

— Боже милостивый, неужели так много?

Советник кивнул:

— План моего сводного брата не давал осечек — по крайней мере до сих пор. — Он помолчал. — Я уверен, что с вами он промахнулся.

— На вашем месте я бы поостерегся разделять это мнение, Ваше Величество, — снова встрял Абернети. — Все запутано куда сильнее, чем вы можете понять. Расскажи ему все остальное, колдун.

Совиное лицо сморщилось.

— Расскажу, если ты дашь мне хоть малейшую возможность! — Он обратился к Бену: — Этот последний замысел был неплохим, но в нем все же было два слабых места. Во-первых, мой сводный брат прекрасно понимал, что далеко не каждый покупатель будет достаточно мягкотелым, чтобы не суметь преодолеть сложности правления. Несмотря на то что он лично беседовал с каждым претендентом, он мог по ошибке выбрать такого, который не отступит перед трудностями. Случись такое, и братец потеряет королевство навсегда. Вторая проблема была более серьезной. Чем дольше королевство прозябало без сильного правителя, тем хуже шли там дела и все труднее было выдержать такую ношу новому королю. Этого колдун и добивался. Но он также хорошо знал, что без хорошего управления корону могут узурпировать пришельцы из иных миров. Такого он не желал. — Советник помолчал. — И поэтому нашел единственное решение обеих проблем. Он вовлек Марка в борьбу за трон.

— Ого-го! — Бен начал понимать, к чему клонит старец.

— Марк правит Абаддоном, подземным миром, который расположен прямо под Заземельем. Абаддон — это страна демонов, черная пропасть для изгоев, для худших из тех, что были изгнаны из царства фей с начала времен. Изгнанные демоны не желают ничего большего, чем вернуться в мир фей, а единственный путь туда лежит через Заземелье. Когда мой сводный брат сделал Марка участником борьбы за престол, а Марк убедился в том, что Паладин уже не защищает Заземелье, повелитель демонов вышел из Абаддона и объявил себя новым королем. — Брови старого колдуна сошлись, и взгляд

стал пронзительным. — Конечно, здесь крылась ловушка — и мой сводный брат прекрасно знал об этом. Марк не мог стать настоящим королем, пока под сенью закона правил другой и пока волшебство медальона охраняло его обладателя. Он мог только объявить себя королем и сражаться за это право. Поэтому в середине каждой зимы, когда Лазурные Друзья становятся белыми, Марк выходит из Абаддона в Заземелье и бросает вызов королю. Пока что никто не принял его.

— Могу себе представить, — прошептал Бен. — Советник, просто для того, чтобы убедиться, что я понял все правильно, скажите, к чему обязывает этот вызов?

Мохнатые брови на совином лице поднялись.

— К состязанию во владении оружием, Ваше Величество.

— Вы имеете в виду что-то вроде рыцарского поединка с копьями или что-то еще?

Абернети коснулся плеча Бена:

— Он говорит о смертельной битве с оружием по выбору. О битве, которая должна закончиться смертью одного из противников.

Повисло тягостное молчание. Бен глубоко вздохнул, раздумывая.

— Так вот что меня ожидает — смертельная схватка с демоном? — Он покачал головой, не в силах поверить в это. — Неудивительно, что на троне никто не задерживается. Даже если бы они желали, если бы смогли наладить дела в королевстве, рано или поздно им все равно пришлось бы встретиться с Марком. Так ради чего вообще стараться? — Бен злился все сильнее. — Так чего же вы от меня хотите, советник? Вы думаете, что я приму вызов, который не решился принять никто? Да я должен сначала спятить!

Согнутая фигура переступила с ноги на ногу.

— Возможно. Но с вами все может оказаться совсем иначе. Никому из ваших предшественников не была оказана помощь. А вам Паладин являлся уже дважды после двадцати лет отсутствия.

Бен обратился к Абернети:

— Он говорит правду — Паладин не являлся раньше никому?

Абернети искренне потряс головой:

— Никогда, великий король. — Он прочистил горло. — Не хочется мне признавать это, но в словах колдуна может быть некий смысл. С вами и в самом деле все может быть совсем по-другому.

— Но появление Паладина никоим образом не зависело от меня, — возразил Бен. — Он просто оказался там. И кроме того, вы сами объявили его призраком. И даже если он не привидение, на вид он довольно хилый. Марк куда крепче, и его, похоже, ничуть не пугает этот королевский защитник. Откровенно говоря, я не верю в это. И не знаю, понимаю ли. Давайте-ка кое-что повторим. Итак, советник, ваш сводный брат продает трон чужаку вроде меня за большую цену, причем выбирает такого, который заведомо не продержится. Даже если Микс по ошибке выберет тех, кто преодолеет все трудности, Марк сделает их совершенно неспособными. Но Марк не может стать королем, пока кто-то другой носит медальон, не так ли? Так что он имеет от всего этого? Разве Микс не присылает месяц за месяцем, год за годом все новых и новых кандидатов?

Советник кивнул:

— Но Марк — демон, а демоны живут ох как долго, Ваше Величество. Время не значит ничего, когда вы можете позволить себе ждать, а Марк может ждать долго, очень долго. В конце концов моему брату и сыну старого короля наскучит эта игра, они накопят достаточно средств, чтобы потерять интерес к заземельскому престолу. Когда это случится, они оставят королевство на произвол судьбы.

— О! — Теперь Бен понял. — А когда это произойдет, Марк приберет Заземелье к рукам за неимением другого претендента.

— Такова первая возможность. Другая заключается в том, что во время междуцарствия Марк найдет способ завладеть медальоном. Он не может отнять медальон силой у того, кому он принадлежит, но рано или поздно один из заземельских королей потеряет бдительность и потеряет талисман... или примет вызов Марка и будет...

Бен вскинул руки.

— Не произносите этого слова! — Он поколебался. — А как насчет других хищников, тех, чьи миры граничат с Зазе-

мельем? А куда подевались феи? Ведь вы сказали, что они создали Заземелье для того, чтобы оно служило воротами в их мир, почему же тогда они его не охраняют?

Советник покачал головой, ничего не сказав. Абернети тоже молчал. Несколько мгновений Бен безмолвно разглядывал их, потом повернулся к рыцарским латам на возвышении. Они были ржавыми, помятыми и пробитыми, пустая скорлупа, напоминавшая почему-то корпус старого разбитого автомобиля на свалке металлолома. И это все, что осталось от защитника Заземелья — от королевского защитника. Бен подошел к подушке и молча уставился на металлическую оболочку. Именно ее он видел в туманном проходе времени и в тумане леса, окружавшего Сердце. Может быть, эти доспехи тоже были порождением туманов? Пока он так не думал, но начал сомневаться. Это была земля, где наука пасовала перед магией. Мечты и видения здесь казались куда более реальными, чем в родном мире Бена.

— Советник, вы назвали Паладина призраком, — наконец произнес Бен, стоя спиной к старцу. — Чем может помочь мне какой-то призрак?

Колдун ответил не сразу:

— Он не всегда был призраком. Возможно, он таковым и не останется.

— Вы что, верите в жизнь после смерти?

— Он был существом, порожденным магией, — тихо ответил советник. — Может быть, жизнь и смерть для него — ничто.

— А у вас есть какие-нибудь соображения насчет того, как мы можем убедиться в этом?

— Нет.

— Вы можете предложить какой-нибудь способ вернуть его?

— Нет.

— Так я и думал. Все, на что мы можем рассчитывать, — это то, что рыцарь объявится до того, как Марк пришлет очередной вызов, а я стану очередным неудачником в длинной череде себе подобных!

— У вас есть другой выбор. Вы можете воспользоваться медальоном. Он вернет вас в ваш мир, когда бы вы ни поже-

лали уйти. Марк не сможет остановить вас. Вам нужно только пожелать — и вы уйдете.

Бен поморщился. Замечательно! Просто постучите три раза красными башмачками друг о дружку, повторяя: «Нет места лучше дома». И вернетесь домой, в Канзас. Просто великолепно! Конечно, он должен будет сделать это в течение последующих двадцати четырех часов, или прощай миллион долларов. Но вернется ли он в следующие сутки или дождется поединка с Марком из черной пропасти, так или иначе придется отступать и оставлять Заземелье именно так: очередным неудачником в череде точно таких же.

Бен стиснул челюсти. Он не любил проигрывать. Не любил сдаваться. С другой стороны, помирать тоже не хотелось.

— И ради чего только я в это ввязался? — тихо пробормотал он.

— Вы что-то сказали? — спохватился советник.

Бен отвернулся от возвышения с латами и отыскал взглядом понурые фигурки колдуна и писца, затерявшиеся в полумраке.

— Нет. — Он вздохнул. — Так, бормотал про себя.

Они молча кивнули.

— Я просто думал вслух.

— Они опять кивнули.

— Я просто...

Он безнадежно махнул рукой. Все трое молча разглядывали друг друга. Было тихо.

Уже почти совсем стемнело, когда они оставили часовню и миновали все залы и коридоры в обратном порядке. В сумраке мерцали бездымные светильники. Пол и стены были теплыми и трепетными, словно живыми.

— А вы-то что имели от всего этого? — поинтересовался Бен у колдуна.

— М-м-м? — Скрюченная фигура повернулась.

— Вам-то что-нибудь перепадало от этих перепродаж королевства?

— Ваше Величество!

— Ну, вы ведь говорили, что помогали закидывать наживку, не так ли?

Старец вспыхнул и разволновался.

— Я не получил и гроша ломаного из тех денег, за которые приобреталось Заземелье! — прохрипел он в гневе.

Бен пожал плечами и перевел взгляд на Абернети. Но писец на сей раз промолчал.

— Простите, — произнес Бен. — Мне просто было непонятно, почему вы стали участвовать в этом.

Старец ничего не сказал, и Бен оставил эту тему. Тем не менее он размышлял об этом всю обратную дорогу и наконец решил, что от этой сделки советник получил то, о чем, наверное, мечтал всегда, — звание придворного колдуна. Этот титул раньше носил его сводный брат, а у советника Тьюса в жизни не было никакой определенной цели. Теперь он обрел эту цель, и уже одно это, видимо, делало его счастливым.

«А разве я не должен добиться того же?» — вдруг подумалось Бену.

Эта мысль поразила его. Почему он с самого начала решил купить королевский трон? Разве для того, чтобы найти иноземный вариант Сен-Сити, где он смог бы отдыхать, играть в гольф и размышлять о смысле человеческой жизни? Он купил трон для того, чтобы покинуть мир, жизнь в котором уже не была для него вызовом. Он — такой же бродяга и бездельник, каким некогда был советник Тьюс. Ему предложили какую-то цель в жизни. Тот самый вызов, которого он добивался.

Так за что он пытается уцепиться? Спокойнее, приказал он себе. Он цеплялся за всяческие отговорки потому, что такой вызов, который ему был брошен, мог убить его, причем в буквальном смысле этого слова. Все было совсем не так, как в суде, где есть судья, присяжные и законы. Здесь же было настоящее поле боя и единственный закон — выживает сильнейший. Он стал королем без двора, без армии, без королевской казны, и ни один из вассалов не пожелал признать его своим сюзереном. Он стал королем, у которого есть замок, постепенно рассыпающийся в прах, четверка слуг, словно из сказок братьев Гримм, да еще защитник, который на девять десятых — призрак. Может, он не хотел попасть в Сен-Сити, но обзаводиться таким «хозяйством» ему вовсе не хотелось!

Не так ли? Бен продолжал терзать себя до самого ужина. И вновь стол был накрыт в огромном зале. Советник, Абер-

нети и парочка кобольдов уже ждали Бена. Он мог бы поужинать в одиночестве, если бы не настоял на том, чтобы все они присоединились к застолью. Теперь они стали слугами короля Заземелья, объяснил советник, а слуги не должны трапезничать с королем, если он сам не пожелает. Бен объявил, что впредь до иного распоряжения все они приглашаются к столу постоянно.

Ужин был еще более скучным, чем в прошлый раз. Так же горели свечи, хороший китайский фарфор украшал стол. Еда была превосходной, да и обслуживание — на высоте. Однако беседа текла вяло; Сапожок с Сельдереем молча глотали куски, а советник с Абернети лениво обменивались колкостями насчет привычек людей и собак за едой. Бен отведал все, что было на столе, чувствуя, что проголодался куда сильнее, чем думал, воздержался от вина и держал свои мысли при себе. Никто ни слова не говорил о коронации. Никто не упоминал ни Марка, ни Паладина.

Все было очень культурно. Время тянулось бесконечно. Наконец Бен отпустил всех и остался один в сиянии свечей. Он продолжал размышлять о Заземелье. Остаться или отступить? Насколько крепкой была стена безвыходных на первый взгляд проблем, над которыми он ломал голову? Разумно ли продолжать борьбу?

Он так и не смог найти ответа на эти вопросы. И отправился спать с тяжелыми думами.

На следующее утро он проснулся вскоре после восхода солнца, ополоснулся в бассейне рядом с кроватью, натянул спортивный костюм и кроссовки и тихонько пробрался к выходу из Чистейшего Серебра. Он старался двигаться бесшумно, но Абернети, обладавший чутким слухом, уже поджидал его у опускной решетки.

— Желаете позавтракать, Ваше Величество? — спросил он, глядя на Бена поверх очков, сползших вниз по мохнатому носу.

— Пока нет. Сначала хочу пробежаться.

— Пробежаться?

— Ну да, правильно — побегать. Я всегда делал это раньше и теперь скучаю по разминке. Скучаю по тренировкам в

спортивном клубе в Нортсайде. Скучаю по спарингу и по тяжелой «груше». Мы называем это боксом. Думаю, что для вас это ничего не значит.

— И правда, собаки не занимаются боксом, — ответил Абернети. — И все же собаки могут бегать. Куда вы собираетесь побежать нынче утром, Ваше Величество?

Бен поколебался:

— Я пока не знаю. Наверное, по краю долины, там, где солнышко.

Абернети кивнул:

— Я велю кому-нибудь сопровождать вас.

Бен покачал головой:

— Спасибо, мне никто не нужен.

Пес отвернулся.

— На вашем месте я не был бы столь уверен в этом, — произнес он и скрылся в дверях.

Бен глянул ему вслед, потом, не теряя времени, припустился к челноку-бегунку. Уселся в лодку и мысленно послал ее по серой воде. Куда бы он ни направлялся, никакие спутники ему не нужны, упрямо думал Бен. Ведь он же не беспомощный ребенок.

Бен подвел челнок к дальнему берегу, высадился на сушу и углубился в туман. Добрался до пологого склона, потом побежал вверх. Оказавшись на опушке леса, Бен повернул и побежал вдоль посадок. Внизу расстилалась долина, окутанная туманом. Над головой сквозь пряди тумана пробивались бледно-золотистые лучи нового дня.

Бен бежал легко, и его мысли остались где-то позади, словно следы от кроссовок на сырой земле. Голова была свежей, чувства — настороженными, а мускулы — крепкими. Такого ощущения у Бена не было с тех пор, как он попал в Заземелье, и оно ему нравилось. Деревья проносились мимо, а земля словно сама стелилась под ноги. Он жадно вдыхал свежий воздух, и скованность постепенно отступала.

Вопросы, с которыми Бен лег спать прошлым вечером, не исчезли, и поиск ответов продолжался. Этот день был последним, когда еще можно было расторгнуть договор с Миксом. Если он не аннулирует его сейчас, то потеряет свой миллион. Он может потерять и свою жизнь — хотя советник Тьюс уве-

рял его, что медальон доставит его обратно, стоит только пожелать этого. Какой бы выбор он ни сделал, исход был ясен. Он мог остаться, чтобы попытаться расхлебать кашу, доставшуюся в наследство очередному королю Заземелья, встретить смертельную опасность в лице Марка и потерять миллион долларов, или же мог уйти, признав, что действительно купил кота в мешке, о чем предупреждал его Майлз, вернуться к своей прежней жизни и получить обратно большую часть денег, которые так неосмотрительно пустил на ветер. Ни то ни другое не привлекало его. Ни то ни другое не несло никакой надежды.

Теперь Бен дышал чаще, чувствуя, как от бега по мышцам растекается приятная усталость. Он подгонял себя, преодолевая собственное скрытое сопротивление. Вдруг краем глаза он заметил, что в чаще леса мелькнуло что-то черное. Он всмотрелся внимательнее. В том месте больше ничего не было — только деревья. Он продолжал двигаться. Наверное, показалось.

Он снова начал размышлять о Паладине, странствующем рыцаре Заземелья. Каким-то образом он чувствовал, что этот Паладин был ключом к решению всех неприятных проблем заземельской короны. Слишком очевидной, чтобы быть простым совпадением, была связь исчезновения Паладина со смертью короля и началом беспорядков в королевстве. И эту связь нужно было понять. Бен рассудил, что ему это вполне по силам, если советник прав и рыцарь появлялся дважды именно из-за него, Бена. Возможно, он сможет найти способ вызвать Паладина и в третий раз, и тогда уж самому убедиться, вправду ли тот — всего лишь призрак.

Пока Бен бежал, солнце поднималось все выше, а когда он пустился вниз по склону, туда, где ждал его челнок-бегунок, утро было в самом разгаре. Еще дважды он замечал, как что-то мелькало в кустах, но стоило присмотреться, и все пропадало. Он вспомнил о туманном предупреждении Абернети, но быстро забыл о нем. Говорят, что на улицах Чикаго тоже небезопасно, но никто не проводит всю жизнь в четырех стенах.

Бен снова подумал об этом, когда плыл на челноке через озеро. Жизнь вообще полна риска. Такой она и должна быть, а иначе жить будет неинтересно. Конечно, степень риска все-

гда нужно оценивать, но испытывать его необходимо. Именно это он всегда пытался доказать Майлзу. Иногда мы делаем то, что нам кажется важным. А иногда...

И вдруг он вспомнил лица тех крестьян и пастухов с семьями, охотников и того нищего, которые не поленились прийти в Сердце на коронацию. На их лицах было написано некое подобие отчаянной надежды — будто эти люди хотели верить в то, что он может стать их королем. Конечно, их было совсем мало, и Бен не чувствовал себя в ответе за них, но все же...

Его мысли смешались, когда челнок-бегунок коснулся берега у ворот замка. Он медленно поднялся, собираясь с мыслями. Бен едва не проглядел Абернети, появившегося в тени опускной решетки.

— Будете завтракать, Ваше Величество?

— Что? — Бен чуть не подпрыгнул. — Ах да, это было бы здорово. — Он выбрался из лодки и быстро двинулся в замок. — И сейчас же пришлите ко мне советника.

— Да, Ваше Величество. — Пес поплелся следом, стуча когтями по камню. — Вы довольны своей прогулкой?

— Да, да, очень. Простите, что не стал ждать, но я не думал, что мне нужен сопровождающий.

Несколько секунд писец молчал. Бен почувствовал собачий взгляд и обернулся.

— Наверное, я должен признаться, Ваше Величество: Сапожок сопровождал вас на протяжении всего пути. Я послал его, чтобы быть уверенным, что за вами как следует присмотрят.

Бен ухмыльнулся:

— Мне показалось, будто я что-то вижу. Но ведь ему не обязательно было там быть, правда?

Абернети пожал плечами:

— Это зависит от того, насколько хорошо вы сами справились бы с древесным волком, пещерной тварью и трясинником, которых он уничтожил, когда заметил, что они охотятся за вами. — Пес свернул в другой коридор. — А ваш завтрак ждет вас в зале. Я схожу за колдуном.

Бен уставился ему вслед. Трясинник? Пещерная тварь? На его лбу вдруг проступил пот. Боже милостивый, да он ничего не видел и не слышал! Неужели Абернети пытается шутить?

Бен поколебался, потом поспешил в зал. Он не думал, что Абернети способен отпускать подобные шуточки. Очевидно, он, сам того не зная, избежал опасности.

Бен поглощал завтрак в одиночестве. Сельдерей принес еду и удалился. Абернети так и не появился. Один раз посреди завтрака он заметил Сапожка, стоявшего в тени у бокового выхода. Кобольд ухмыльнулся так, что сверкнули все его заостренные зубы, и исчез.

Ответной улыбки не последовало.

Бен почти расправился с едой, когда наконец появился советник, отодвинул тарелку и попросил колдуна сесть рядом.

— Советник, я хочу знать, что именно изменилось после смерти старого короля. Я должен выяснить, что работало тогда и не работает сейчас. Мне необходимо понять, что нужно сделать, чтобы все шло так, как много лет назад.

Советник Тьюс медленно кивнул, и брови сошлись над его колючими глазами. Он сложил свои костлявые руки на столе.

— Я попытаюсь, Ваше Величество, хотя моя память стала уже не такой острой. Кое-что вы уже знаете. Некогда у короля Заземелья была армия, которая отлично служила ему. Теперь ее нет. Был двор с придворными, а остались только кобольды да мы с Абернети. Королевская казна была полной, теперь она пуста. Существовала система налогообложения — она распалась, и никто уже больше не приносит даров королю. Прежде мы помогали бедным, больным и сиротам, берегли свою землю, а теперь все это в прошлом. У нас были законы, за соблюдением которых следили, — теперь их не соблюдает никто или им следуют лишь немногие. Мы заключали союзы между племенами и народами, населявшими эту землю, — большинство из них ныне распалось или расторгнуто.

— Остановитесь-ка. — Бен задумчиво потер подбородок. — Кто из вассалов короля сейчас союзничает между собой?

— Насколько мне известно, никто не хочет ни с кем дружить. Люди, полулюди, существа из рода фей — никто никому не верит.

Бен нахмурился:

— И сдается, никому из них король и не нужен? Нет, не надо отвечать. Я и сам знаю ответ. — Он помолчал. — А есть кто-нибудь достаточно сильный, для того чтобы противостоять Марку?

Колдун замялся:

— Ну разве что Ночная Мгла. Она обладает весьма могущественной магией. Но даже ее трудно заставить пойти против Марка. Только у Паладина хватало сил на то, чтобы противостоять демону.

— А если бы все объединились?

На сей раз советник Тьюс колебался дольше.

— Да, тогда Железному Марку и его демонам пришлось бы туго.

— Но сперва кто-то должен заключить дружественный союз.

— Да, это было бы нелишним.

— И этим человеком мог бы быть король Заземелья.

— Мог бы.

— Но в настоящий момент король Заземелья не может даже собрать публику на собственную коронацию, а?

Старец промолчал. Они уставились друг на друга.

— Советник, а кто такой трясинник? — спросил Бен наконец.

Колдун нахмурился:

— Трясинник, Ваше Величество?

Бен кивнул.

— Трясинник — это такая дикая тварь, колючее плотоядное существо, обитающее в заболоченных местах. Он парализует жертву своим языком.

— А он охотится рано утром?

— Да.

— И нападает на людей?

— Может. Ваше Величество, почему...

— А Сапожок способен справиться с таким трясинником?

Глаза на совином лице загорелись.

— Кобольд справится почти с любым живым существом. Они свирепые бойцы.

— А почему Сапожок с Сельдереем остались в замке, тогда как другие придворные разбежались?

Колдун разгорячился еще сильнее:

— Они здесь потому, что поклялись в вечной верности трону и его королю. Кобольды не могут так просто изменить своей клятве. Однажды принесенная, она не может быть нарушена. Пока в Заземелье есть король, Сапожок с Сельдереем останутся с ним.

— А насчет Абернети можно сказать то же самое?

— Да. Он сам выбрал это служение.

— А вы?

Повисло томительное молчание.

— Да, Ваше Величество, точно так же и я.

Бен откинулся на спинку стула. Некоторое время молчал, не сводя глаз с советника и сложив руки на груди. Он пытался разгадать, о чем думает этот старец, и размышлял.

Потом он улыбнулся и расслабился.

— Я решил остаться королем Заземелья.

Советник Тьюс улыбнулся в ответ:

— Ясно. — Он выглядел чрезвычайно довольным. — Я надеялся, что вы решитесь на это.

— Правда? — Бен рассмеялся. — Значит, вы были более уверены, чем я. Ведь я принял решение только сейчас.

— Если позволите спросить, Ваше Величество, что заставило вас остаться?

Улыбка сползла с лица Бена. Он поколебался, на мгновение подумав о тех немногих, которые пришли в Сердце, чтобы присутствовать на коронации. На самом деле они не столь уж отличались от тех клиентов, которых он брался представлять и защищать в суде. Возможно, в конце концов он все же обязан им чем-то.

Но Бен не сказал об этом советнику. Он просто пожал плечами:

— Думаю, чаши весов были равны. Если я останусь, это обойдется мне в миллион долларов — учитывая, разумеется, что я найду способ остаться в живых. Если отступлю, это будет стоить мне моего самоуважения. Мне хотелось бы думать, что моя гордость стоит миллион.

Колдун кивнул:

— Возможно, так оно и есть.

— Кроме того, не люблю поворачивать на полпути. Меня бесит, что Микс выбрал мою персону из-за того, что рас-

считывал — именно так я и поступлю. Мне ужасно хочется разочаровать его, не оправдав его ожиданий. Там, откуда я пришел, советник, есть такая поговорка: «Не будь безумным, будь разумным». Чем дольше я буду находиться здесь, тем больше шансов у меня будет научиться этому. Риск, которому я буду подвергаться, стоит того.

— Этот риск небезоснователен.

— Знаю. И вряд ли кто-нибудь, кроме меня, подумал бы дважды о том, стоит ли подвергаться ему.

Советник немного поразмыслил.

— Может быть и так. Но вы — не кто-нибудь другой, Ваше Величество.

Бен вздохнул:

— Ну, так или иначе, но вопрос решен. Я остаюсь, вот и все. — Он медленно выпрямился. — Что мне нужно сейчас сделать, так это сосредоточиться на том, чтобы найти способ разделаться с заземельскими проблемами, пока они не разделались со мной.

Советник кивнул.

— И первая из этих проблем — это нежелание всех королевских вассалов признать меня королем. Или себя вассалами. Их нужно заставить принести присягу.

Старец кивнул еще раз:

— Как вы собираетесь добиться этого?

— Пока не знаю. Но я знаю одно. Никто не собирается прийти сюда, чтобы принести эту клятву. Если б они хотели этого, то явились бы на коронацию. Раз уж они не хотят идти ко мне, я пойду к ним — где бы они ни находились.

Советник нахмурился:

— У меня есть возражения против подобного плана, Ваше Величество. Он может оказаться очень опасным.

Бен пожал плечами:

— Может быть, но я не вижу другого выхода. — Он встал. — Ну, какие будут предложения насчет того, с чего нам начать?

Колдун вздохнул и тоже поднялся.

— Думаю, Ваше Величество, что нам нужно начать с самого начала.

ГЛАВА 8

ЛОРДЫ ЗЕЛЕНОГО ДОЛА

Некогда было много тех, кто приносил присягу королям Заземелья, — целые семьи, которые поколение за поколением сражались в армии короля и поддерживали трон. Много было тех, кто мог с гордостью вспомнить о своей верной и доблестной службе. Но никто не служил так хорошо и так долго, как лорды Зеленого Дола, и именно к ним Бен Холидей собирался отправиться в первую очередь.

— Бароны ведут свою родословную тысячи лет — почти все время существования Заземелья, — рассказывал советник Тьюс. — Они всегда были с королем. Они составляли костяк его армии; они были его главными советчиками и придворными. Некоторые из них сами были королями Заземелья — правда, это было давно, несколько столетий назад. Именно они всегда первыми вызывались служить королю. Когда старый король умер, они оставили трон последними. Если вы и можете найти поддержку у кого-нибудь, Ваше Величество, так только у них.

Бен принял это предложение, хотя оно показалось ему больше похожим на предостережение, и на рассвете следующего же дня оставил Чистейшее Серебро и отправился в Зеленый Дол, к богатым баронам. Советник Тьюс, Абернети и оба кобольда снова отправились с ним. Бен, колдун и писец скакали верхом, так как путь до Зеленого Дола был неблизким. Кобольды могли бы последовать их примеру, если бы захотели, но кобольды терпеть не могут верховой езды, потому что передвигаются быстрее и неутомимее, чем лучший из скакунов, и поэтому почти всегда путешествуют на своих ногах. Кроме того, лошади сильно волнуются под такими всадниками. Бен без труда понял это. Существо, способное расправиться с древесным волком, пещерной тварью, трясинником и им подобными, заставляло содрогаться и его самого.

Необычный отряд выступил утром. Советник возглавлял шествие, его долговязая, закутанная в пестрый плащ фигура неуклюже тряслась на спине старого мерина, которому дав-

ным-давно пора бы отдыхать на пастбище. Следом ехал Бен на Вилочке, гнедой лошади с причудливо изогнутой белой отметиной на лбу, из-за которой она получила свое имя. Лошадь обожала закусывать удила и нестись без оглядки. Она дважды понесла Бена, и каждый раз новоиспеченный монарх готовился распрощаться с жизнью. После второго раза советник крепко врезал Вилочке по носу и пригрозил ей на лошадином языке, что наложит на нее заклятие. После этого Вилочка поумнела. Вслед за Беном на беломордом рыжем мерине трясся Абернети с королевским знаменем, на котором был изображен уже знакомый Бену символ — Паладин, выезжающий из замка в лучах восходящего солнца, вышитый алым на белом поле. И до чего же странно выглядел мягкошерстный пшеничный терьер в очках и камзоле, верхом на коне и со знаменем в лапах! Бен постарался сдержать улыбку, потому что сам Абернети не видел в этом ничего смешного. Замыкал шествие Сельдерей, ведущий в поводу целый обоз ослов, навьюченных снедью, пожитками и постельными принадлежностями. Сапожок убежал далеко вперед; советник выслал его к баронам-землевладельцам с известием о том, что король Заземелья желает встретиться с ними.

— У них не будет выбора, им придется принять вас, — заявил советник. — Правила вежливости не позволяют им не принять лорда, равного им или выше их по положению. Конечно, они обязаны позаботиться даже о простом путнике, нуждающемся в крове и еде, но это ниже вашего королевского достоинства.

— На деле сейчас мало что ниже моего достоинства, — заметил Бен.

В густом утреннем тумане путники обогнули озеро по берегу, пока не оказались на его восточном краю, потом медленно поднялись по склону. Несколько раз Бен оглядывался на застывшие очертания Чистейшего Серебра, выделявшиеся на рассветном небе, и бросал прощальный взгляд на его башни, зубчатые стены и кровли, источенные неведомой болезнью. Бен с удивлением обнаружил, что ему жаль покидать замок. С первого взгляда он напоминал обиталище Дракулы и казался отвратительным. Но потом Бен почувствовал его тепло, прикоснулся к трепетной плоти. Замок принял Бена

как родного. Там он почувствовал себя желанным гостем. Он поймал себя на мысли, что ему хочется сделать что-то, чтобы спасти замок.

Он утешил себя тем, что когда-нибудь непременно сделает это.

Потом замок, туманы и долина исчезли из виду, когда путники углубились в поросшие лесом холмы и устремились на восток, к сердцу долины. Большую часть дня они быстро продвигались вперед, лишь однажды остановившись, чтобы наскоро перекусить, и еще несколько раз, чтобы дать отдохнуть животным. В сумерках перед ними раскинулись просторные поля и луга Зеленого Дола.

Они разбили лагерь близ пихтовой рощицы, на утесе, нависавшем над равниной, на которой паслись коровы и козы, а дальше, на востоке, сгрудились хижины и бревенчатые домишки. Когда советник объявил привал, Бен с облегчением сполз со спины Вилочки. Он давно не ездил верхом. По правде говоря, последний раз это было лет двадцать назад, тогда он еще учился в колледже и отправился на свидание, а с кем — не помнит. И вот спустя много лет и в другом мире Бен испытал давно забытые ощущения, возникающие после долгой скачки: все тело одеревенело, земля уплывала из-под ног, которые словно продолжали сжимать тело лошади, несмотря на то, что сам давно спешился. Он знал, что назавтра все будет болеть от шеи до пят.

— Вы не пройдетесь со мной, Ваше Величество? — попросил советник, поманив Бена к себе.

Бену захотелось придушить старца за это предложение, но он подавил раздражение и нехотя пошел с колдуном.

Они приблизились к краю утеса и встали там плечом к плечу, глядя на простиравшиеся под ними обширные поля.

Советник обвел рукой горизонт:

— Зеленым Долом, великий король, владеют старые семьи феодальной знати Заземелья. Их владения занимают более половины королевства. Прежде здесь насчитывалось с два десятка семей, и эти двадцать владели землей, крепостными, их деревнями и скотом, хоть и подчинялись королевской воле, конечно.

— Еще бы. — Бен оглядывал долину. — Вы сказали, что раньше насчитывалось двадцать семей. Почему вы сказали, что это было раньше?

Колдун пожал плечами:

— Одни семьи сливаются путем заключения браков. Другие принимают покровительство сильнейших. Третьи просто вымирают — иногда им в этом слегка помогают.

Бен искоса взглянул на него:

— Очаровательно. Думаю, не так уж хорошо они живут, а?

— Именно так. Объединенные при старом короле бароны не стремились нажиться друг на друге. Разделившись после смерти монарха, они стали подозревать друг друга и постоянно плести интриги.

— Вы полагаете, я смогу обратить это обстоятельство в свою пользу?

Похожая на совиную физиономия задралась.

— Такая возможность есть.

Бен кивнул:

— А может быть, их интриги и подозрительность помогут им покончить со мной.

Советник прищелкнул языком.

— Я буду с вами, Ваше Величество. Не думаю, что они будут терять время и силы, пытаясь покончить с королем, которого сочтут совершенно бесполезным. В конце концов, они не пожелали явиться на вашу коронацию.

— Вы просто кладезь вдохновения, советник, — кисло заметил Бен. — Что бы я делал без вашей поддержки?

— Ах, что вы, это просто входит в мои обязанности. — Тьюс то ли не заметил иронии, то ли решил не обращать на нее внимания.

— Так поведайте мне о том, что еще такое я должен знать.

— Только это. — Советник повернулся к нему. — В лучшие времена эти земли были плодородными, скот тучным, а из слуг, рвущихся служить заземельскому королю, можно было набрать дюжину армий. Многое изменилось к худшему, и вы увидите это во время завтрашнего путешествия. Но то, что пошло вкривь и вкось, можно наладить снова — если вы сможете найти способ заставить лордов Зеленого Дола присягнуть вам на верность.

Бен взглянул вдаль еще раз, отвернулся и зашагал обратно к лагерю. Там нужно было поставить шатры, за что и взялся советник, решивший ускорить дело с помощью волшебства. Палатки взлетели вверх, словно воздушные шары, и возносились до тех пор, пока не повисли на верхних ветвях деревьев. Потребовалась вся ловкость Сельдерея, чтобы снять их оттуда. Лошади сорвались с привязи, когда Абернети залаял — к полному его смущению, — заметив беспризорную кошку, и путники потеряли еще целый час, пока собирали животных. Потом распаковали провизию, установили королевское знамя, накормили и напоили животных — все обошлось без происшествий.

И все же ужин не удался. Похлебка с мясом и овощами источала самые соблазнительные ароматы, пока кипела над костром, но потеряла всю привлекательность, когда советник подкормил пламя каким-то заклинанием, от которого оно на мгновение превратилось в миниатюрную геенну. И котелок, и его содержимое совершенно обуглились. Плоды Лазурных Друзей кое-как сошли вместо ужина, но Бен тем не менее предпочел бы хоть одну тарелочку похлебки. Советник и Абернети брюзжали насчет поведения людей и собак, а Сельдерей шипел на них обоих. Бен начал подумывать насчет того, не стоит ли отменить постоянное приглашение к трапезе для своих слуг.

Пора было отправляться спать, когда Сапожок воротился из Зеленого Дола и доложил, что бароны готовы принять нового короля Заземелья по прибытии в Риндвейр. Бен не знал, что такое Риндвейр, да его это и не заботило. Он был слишком утомлен и провалился в глубокий сон.

Они добрались до Риндвейра к полудню следующего дня, и у Бена появилась возможность самому узнать, что это такое. Риндвейр оказался чудовищно огромным замком, громоздившимся на небольшой возвышенности в месте слияния двух рек. Башни и парапеты вздымались над стенами более чем на сотню футов, пронзая дымчатую голубизну полуденных небес. Путники с раннего утра двигались на восток по Зеленому Долу. Запутанные дороги змеились по долине мимо полей и деревень, мимо крестьянских и пастушеских хижин.

Поля выглядели убого, растения на них страдали от разнообразных болезней и вредителей. Домишки были запущенными, словно их обитатели давно махнули на все рукой. Мастерские и лавки в деревнях были грязными и закопченными. Казалось, все разваливается на глазах. Советник выразительно покачал головой в ответ на взгляд Бена. Лорды Зеленого Дола проводили слишком много времени, пытаясь перегрызть друг другу глотки.

Бен снова обратил внимание на Риндвейр. Он молча рассматривал замок, пока маленький отряд пересекал долину, над которой он господствовал, и выбирался на дорогу, идущую по берегу одной из рек. В обширной тени замка сгрудились деревенские домишки и лавки. Крепостные с любопытством наблюдали, как маленький отряд поднимается на деревянный мост, ведущий к воротам замка. Ремесленники разогнули спины и молча смотрели на пришельцев. Бен заметил, что на лицах у многих из них была такая же печать усталости, как у тех, кто пришел на коронацию в Сердце, а в глазах светилась такая же робкая надежда.

— Двадцать лет они не видели, чтобы король Заземелья посещал замок их господина, Ваше Величество, — прошептал советник. — Вы первый.

— И никто даже не пытался? — спросил Бен.

— Никто, — ответил колдун.

Копыта лошадей гремели по настилу моста, потом мягко застучали по пыльной дороге. Повсюду с парапетов свисали флаги, яркие шелка трепетали на ветру. Знамена развевались на столбах над воротами. Вперед выступили герольды и затрубили в рога. Их пронзительный рев нарушил полуденную тишину. По обеим сторонам ворот выстроились в почетном карауле рыцари верхом на боевых конях. Их копья были подняты в знак приветствия.

— Вам не кажется, что это уж слишком, учитывая их отношение к коронации? — пробормотал Бен. У него в желудке возникло то же самое ощущение пустоты, которое появлялось перед самыми ответственными выступлениями в суде.

Совиная физиономия колдуна сморщилась.

— Да, похоже, они немного перестарались.

— Когда в моем мире кто-то ведет себя так подчеркнуто дружелюбно, нужно ждать удара в спину.

— Вы в безопасности, Ваше Величество, — быстро ответил колдун.

Бен улыбнулся, но ничего не сказал. Они подъехали к воротам. Рев рогов разносился далеко по долине. По прикидкам Бена, в карауле стояла по меньшей мере сотня рыцарей. Латы и оружие сверкали на солнце. Шлемы с закрытыми забралами смотрели прямо вперед. Рыцари казались железными изваяниями, застывшими на месте. Бен выпрямился в седле. Каждый мускул его тела болел после вчерашней скачки, но он не подавал виду. Такая встреча была не просто данью вежливости — это была демонстрация силы. Кто произведет большее впечатление на другого. Бен снова посмотрел на свою жалкую свиту — советника, Абернети и двух кобольдов — и пожалел, что она так малочисленна.

Они въехали под арку ворот, прорубленных в толще стен, миновали огромные знамена. Впереди, во дворе, их встречала группа разодетых, увешанных драгоценностями людей.

— Лорды Зеленого Дола, — еле слышно прошептал советник Бену. — Тот длинный, который стоит впереди всех, — Каллендбор, хозяин Риндвейра. Его поместье самое большое, и он самый могущественный из лордов. Приглядывайте за ним, чтобы не было никаких неожиданностей.

Бен молча кивнул. Он позабыл о том, как болит его тело, и желудок успокоился. Он уже обдумывал свою речь — совсем как перед судебным заседанием. Решил, что в чем-то так оно и было. Похоже, будет интересно.

Советник дал знак остановиться, когда они были в дюжине ярдов от собрания лордов, и посмотрел на Бена. Они разом спешились. Подбежавшие пажи приняли поводья. Абернети остался в седле; королевское знамя, поникнув, свисало с древка. По обе стороны от него Сапожок с Сельдереем выжидательно припали к земле. Всем было неуютно.

Каллендбор отделился от своих товарищей и выступил вперед. Не обратив внимания на Бена, он обратился к советнику, поприветствовав его легким кивком:

— Со свиданьицем, советник Тьюс. Вижу, ты привел к нам нового короля.

Бен заслонил собой колдуна:

— Это я принял решение явиться сюда, лорд Каллендбор. Я решил, что навещу вас скорее, чем вы меня.

Несколько мгновений двое мужчин молча разглядывали друг друга. Каллендбор слегка прищурился, но на его лице не отразилось никаких чувств. Он был на несколько дюймов выше Бена и фунтов на двадцать тяжелее, бородатый, мускулистый и с гривой рыжих волос. Держался подчеркнуто прямо, от чего складывалось впечатление, что смотрит он на Бена сверху вниз.

— Нынче коронации в Заземелье случаются так часто, что трудно посетить их все, — язвительно заметил он.

— Надеюсь, теперь они будут гораздо более редкими, — ответил Бен. — Моя коронация долго будет последней.

— Вы и впрямь в это верите? — Улыбка лорда стала сардонической. — Выполнить это обещание будет нелегко.

— Возможно. Но я тем не менее собираюсь выполнить его. Пожалуйста, поймите это, лорд Каллендбор. Я не похож на прочих, кто незваным явился в Заземелье и покинул его при первом же признаке опасности. Я пришел сюда, чтобы стать королем, и я им стану.

— Покупка короны не всегда делает человека королем, — пробормотал кто-то из свиты Каллендбора.

— Точно так же рождение младенца в богатой семье не всегда делает его лордом, — не растерялся Бен. — Ни покупка поместья, ни женитьба на мешке с деньгами, ни мошенничество, ни сила и никакие ухищрения, которыми пользуются с начала времен, не сделают человека лордом или королем. Королей и лордов делают законы. Ваши законы, лорды Зеленого Дола, сделали меня королем Заземелья.

— Законы старше нас, и не мы их придумали, — проворчал Каллендбор.

— И тем не менее вы подчиняетесь этим законам, — произнес Бен.

Лорды глухо зароптали, бросая на Бена злобные взгляды. Каллендбор молча разглядывал его. Потом поклонился с таким же бесстрастным лицом:

— Вы доказали свою смекалку, пожелав встретиться у нас дома, Ваше Величество. Что ж, тогда добро пожаловать. Нам не

нужно больше стоять здесь, во дворе. Войдите в замок и преломите с нами кусок хлеба. Сначала, если пожелаете, можете принять ванну. Передохните — вид у вас утомленный. Для вас приготовили комнаты. Мы можем побеседовать позже.

Бен кивнул в ответ, махнул своим спутникам, и они все вместе направились в замок следом за лордами Зеленого Дола. В коридорах, по которым они шли, из высоких полукруглых окон, застекленных и забранных решетками, лился свет, придавая замку воздушный и праздничный вид.

Бен склонился к советнику:

— Ну как, по-вашему, у нас дела?

— Они согласились принять и накормить нас, — прошептал в ответ колдун. — Это больше, чем я ожидал.

— Неужели! Вы не говорили этого раньше!

— Знаю. Но я не хотел беспокоить вас.

Бен воззрился на старца и покачал головой:

— Вы никогда не перестанете удивлять меня, советник Тьюс.

— М-м-м?

— Пустое. Насколько мы можем доверять этим людям?

Колдун, ковылявший рядом с ним, улыбнулся:

— На гулькин носок. На вашем месте на пиру я был бы поосторожнее.

Потом наступило блаженное время отдохновения в покоях, отведенных королю и его спутникам. Каждому приготовили отдельную спальню, ванну с горячей водой и душистым мылом, чистое платье и бутылку вина. Бен не отказывал себе ни в чем, кроме алкоголя. У него уже был горький опыт. К тому же он доверял Каллендбору и остальным не больше, чем советнику, и ему хотелось сохранить трезвый рассудок к моменту, когда придется отстаивать свою правоту. Не откупорил ни одной бутылки и заметил, что все поступили точно так же.

На закате их позвали в пиршественный зал. Длинный резной стол ломился от яств и бесчисленных бутылок с вином. Бен вновь воздержался от крепких напитков. Он начинал испытывать почти параноидальную боязнь спиртного, но ничего не мог поделать с собой. Его усадили в середине длинного стола. По правую руку сел Каллендбор, а по левую — лорд по

имени Стрехан. Советника поместили в конце стола, а Абернети и кобольдов — за отдельным столиком, поменьше. Бен сразу же понял, что его умышленно отделяют от друзей. Он подумал было о том, чтобы попросить пересадить их, но решил, что не стоит. Рано или поздно ему устроят проверку. Важно было убедить лордов Зеленого Дола, что он не боится самостоятельных действий.

В начале трапезы беседа была учтивой, но вялой, и пока не прикончили главное блюдо — жареную свинину и молодых фазанов, — речь о главном, о королевской власти в Заземелье, не заходила. Бен лениво подумал, всегда ли лорды так много едят, или они намеренно пытаются произвести на него впечатление, и тут Каллендбор заговорил:

— Кажется, у вас есть доля решимости, Ваше Величество. — И поднял бокал.

Бен кивнул в ответ, но не поднял своего фужера. Каллендбор выпил и бережно поставил бокал на стол.

— Знаете, если бы мы захотели, чтобы король Заземелья умер, мы не отравили бы его. Мы просто подождали бы, пока Марк расправится с ним.

Бен обезоруживающе улыбнулся:

— Именно это вы готовите для меня?

Обветренное лицо лорда искривилось в усмешке. На загорелой коже проступили белые рубцы.

— Для вас мы не готовим ничего плохого. Мы вообще ничего не готовим. Мы собрались для того, чтобы узнать, что вы приготовили для нас.

— Мы все — верные слуги трона, и мы всегда были за короля, — добавил Стрехан с другой стороны. — Но в последнее время стало трудно припомнить, кто такой король.

— Мы служили бы верой и правдой, если бы были уверены в том, что король, которому нас призывают служить, — настоящий монарх, а не шутейный королишко, которому не до наших забот, — продолжал Каллендбор. — После смерти старого короля и побега его сына мы присягали целой гвардии фальшивых королей, которые правили несколько месяцев, недель, а то и дней и удирали до того, как мы успевали запомнить их имена. Приносить клятву верности таким, как они, не хочется никому.

— Присягать на верность таким, как они, значит предавать тех великих королей, которые защищали наш мир с начала времен, — изрек Стрехан. — А ради чего служить королю, который не может ничего сделать для нас?

Бен молча посмотрел на него и подумал: «Началось!»

— Вы можете оказаться одним из таких королей, — заявил Стрехан. Это был узколицый, угловатый молодой человек, ростом даже выше Каллендбора.

— Но я не таков, — улыбнулся Бен.

— Тогда вы должны объяснить, чего вы от нас хотите, Ваше Величество, — не унимался Каллендбор. — Вы объясните, какую преследуете цель, чтобы мы знали, что не зря присягнем именно вам.

«Ну-ну», — подумал про себя Бен.

— Мне кажется, что преимущества этого шага будут очевидными, — сказал он. — Король представляет собой верховную власть, управляющую всей страной. Издает законы, честно отвечающие интересам каждого, и следит за их исполнением. Защищает свой народ от несправедливостей и напастей.

— В Зеленом Доле никто не творит беззакония! — фыркнул Стрехан.

— Неужели? — Бен недоверчиво посмотрел на него. — Мне дали понять, что здесь даже среди равных бывают раздоры; и довольно часто, в отсутствие верховной власти, дело доходит до кровопролития.

Каллендбор нахмурился:

— Вы думаете, мы ссоримся между собой?

— Я уверен, что, если представится такая возможность, у вас тоже возникнет искушение покончить с остальными! — Бен помолчал, пока смятение не отразилось на лицах всех присутствующих, потом подался вперед. — Давайте перейдем прямо к делу, идет? Вам в Заземелье нужен король. Здесь всегда были короли, и должны быть всегда. Это форма правления, которую признают люди и оберегают законы. Если вы допустите, чтобы трон пустовал, или если откажетесь признавать того, кто на законном основании занял его, вы рискуете потерять все. Это земля самых разных народов и постоянно растущих трудностей. Со всеми бедами нужно покончить, а вы сами не можете сделать этого. Без старого короля вы не смогли поладить даже друг с

другом, и вам нужен тот, кто способен заменить его. Я тот, кто вам нужен, и я скажу почему.

Когда беседа между Беном и двумя лордами стала более оживленной, прочие разговоры затихли. Все прислушивались к ним. Бен медленно поднялся.

— Я пришел сюда потому, что лорды Зеленого Дола всегда были первыми, кто клялся в верности заземельскому престолу. Так сказал советник. Он сказал, что именно отсюда мне надо начать, чтобы снова связать разорванные нити. Эта королевская власть — ваша. Трон и законы, провозглашенные им, принадлежат вам и всем племенам, населяющим долину. Вы утратили и то и другое, и вам нужно все восстановить, пока Заземелье не раскололось на такие мелкие части, что собрать их воедино будет уже невозможно. Я могу сделать это. Я могу сделать это потому, что я не родился в Заземелье, я пришел из совершенно иного мира. У меня нет предубеждений, которые могут помешать мне, нет долгов чести, влияющих на мое решение, нет фаворитов, которым я должен угождать. Я могу быть честным и беспристрастным. Я оставил все, что у меня было, когда явился в ваш мир, так что вы можете быть уверены, что мои намерения весьма серьезны. В моем мире я изучал законы, это поможет мне хорошо разобраться в ваших. Вам нужно, чтобы они еще и действовали, лорды Зеленого Дола. Они нужны вам, чтобы в вашей жизни появился порядок, но не тот, который устанавливается силой оружия. Доверие рождается взаимной честностью и справедливостью, а не угрозами. Я знаю, что не все спокойно в ваших землях. Я знаю, что все народы Заземелья разобщены. Но так не будет, если вы согласитесь снова объединиться под вашим королем. Этого требуют закон и жизнь.

— До сих пор мы неплохо управлялись безо всякого короля, — раздраженно вмешался какой-то лорд.

— Да ну? — Бен покачал головой. — А мне так не кажется. Тот Тлен, который высасывает соки из Чистейшего Серебра, разрушает и Зеленый Дол. Я видел ваши поля, пораженные вредителями, и осунувшиеся лица тех, кто их возделывает. Вся долина приходит в упадок; вам нужен король! Взгляните на себя! Вам становится неуютно друг с другом — даже я чувствую это, а ведь я новичок здесь! Вам угрожают демоны и

все, кто точит зубы на эту землю. Думаю, что врозь вы не сможете удержать то, что было вашим очень долго.

Другой лорд поднялся на ноги.

— Даже если то, о чем вы говорите, и правда, почему мы должны приносить присягу именно вам? Что заставляет вас думать, будто вы чем-то лучше своих предшественников?

— Потому что это так! — Бен набрал в грудь воздуху и нашел взглядом советника. — Потому что я сильнее их.

— Я не хочу связываться с этим делом, — проворчал другой лорд, сидевший напротив. — Принеся вам присягу, мы все окажемся под прицелом Марка и его демонов!

— Они и так угрожают вам, — заметил Бен. — Если не будет короля, способного выстоять против Марка, однажды он придет в эти земли и захватит их. Присоединяйтесь ко мне, и мы сможем остановить его.

— Мы сможем остановить его? — Стрехан вскочил на ноги, горой нависнув над Беном. — Можем ли мы надеяться на это, Ваше Величество? Вы когда-нибудь сражались с такими демонами, как Марк? Где ваши шрамы, полученные в бою? И вы просите лордов Зеленого Дола пожертвовать ради вас своей жизнью?

Все громко зароптали. Бен почувствовал, что почва уходит из-под ног.

— Я не прошу никого рисковать жизнью ради меня, — быстро сказал он. — Я прошу вас заключить союз с троном, тот же самый союз, который был у вас со старым королем. Я буду просить об этом всех жителей Заземелья. Но вас я прошу об этом первых.

— Смело сказано, Ваше Величество! А что, если мы решим просить союза с вами?

Это произнес Каллендбор. Он медленно встал рядом с Беном; его лицо, заросшее рыжей бородой, было словно каменным. Стрехан соскользнул на свое место. Остальные лорды замолчали.

Бен бросил взгляд на советника, ожидая его помощи, увидел, как на лице колдуна отразилось смущение, и отвел глаза.

— О каком союзе вы говорите?

— О заключении брака, — спокойно сказал лорд.

— Какого брака?

— Вашего, Ваше Величество, — с дочерью любого дома, который вы выберете. Возьмите в жены дитя любого из нас, жену себе, которая даст вам детей, жену, которая свяжет вас с нами кровными узами. — Каллендбор еле заметно улыбнулся. — Вот тогда-то мы и принесем вам присягу. Тогда мы признаем вас королем Заземелья!

Повисла томительная тишина. Бен был так ошеломлен, что не сразу понял, чего от него хотят. Когда до него дошло, что предложил ему Каллендбор, он увидел и подоплеку этого предложения. Его просили обеспечить лордов Зеленого Дола законным наследником заземельского престола, который будет править после его смерти. Он подумал, что этот младенец скорее всего унаследует трон, едва успев появиться на свет.

— Я не могу принять ваше предложение, — наконец сказал он. Перед его мысленным взором предстало юное лицо Энни, и воспоминание о ней причинило ему невыносимую боль. — Я не могу принять его, потому что лишь недавно потерял жену, и я не могу так скоро взять другую. Не могу.

Он сразу же заметил, что никто из лордов не понимает, о чем он говорит. Все лица сразу же стали озлобленными. Возможно, лорды Заземелья, так же как средневековые бароны его собственного мира, заключали браки только по расчету. Бен не знал, да и поздно было выяснять это. По представлениям лордов Зеленого Дола, он принял неверное решение.

— Да он, оказывается, еще и не мужчина! — вдруг заржал Каллендбор.

Лорды одобрительно зашумели, но Бен отчаянно стоял на своем:

— Я король по закону.

— Ты шутейный король, как и все остальные! Ты мошенник!

— Но у него медальон, лорд Каллендбор! — вскричал советник, вскакивая с места.

— Может, он и носит его, но от этого мало проку! — Рыжебородый лорд не сводил глаз с Бена. Остальные продолжали кричать. Каллендбор явно играл на публику. Он возвысил голос: — Паладин не повинуется ему, не так ли? У него нет защитника, готового сражаться за него с демоном или чело-

веком! У него нет никого, кроме тебя, советник Тьюс. Забирай его себе!

— Мне не нужен никакой защитник! — Бен встал между Каллендбором и приближавшимся колдуном. — Я сам могу постоять за себя в схватке с кем бы то ни было!

Он тут же пожалел о сказанном. В зале стало тихо. Он увидел, как грубое лицо Каллендбора расползается в ухмылке, а в его глазах появляется шальной блеск.

— Не желаете ли проверить свою силу на мне, Ваше Величество? — вкрадчиво спросил он.

Бен почувствовал, как взмокло под мышками и струйки пота побежали вдоль позвоночника. Он понял, что сам попался в ловушку и теперь она захлопнулась.

— Проверка силы редко доказывает что-нибудь, лорд Каллендбор, — заметил он, смотря прямо в глаза своему недругу.

Улыбка лорда стала отталкивающей.

— Я так и знал, что человек, которого не защищает никто, кроме законов, скажет именно так.

Бен вспыхнул от ярости:

— Замечательно. И как вы хотите помериться со мной силой?

— Ваше Величество, подумайте, вы не должны допускать... — начал было советник, но его голос заглушили крики всех собравшихся за столом.

Каллендбор поскреб рыжую бороду, соображая:

— Ну, возможностей сколько угодно, и все они...

Его рассуждения прервал отрывистый лай, донесшийся с дальнего конца стола. Это был Абернети, который так волновался и так хотел, чтобы его услышали, что на мгновение забылся и закричал на языке своего четвероногого племени.

— Простите, — поспешно сказал он, когда раздались смешки. — Лорд Каллендбор, кажется, вы забыли об этикете, предписанном в сложившемся положении. Вы бросили вызов на бой. Следовательно, ваш противник вправе выбрать оружие и способ.

Каллендбор насупился:

— Я полагал, что он не знает наших видов борьбы, потому что пришел из другого мира.

— Он должен только знать, чем они отличаются, — заявил Абернети, взирая на лорда поверх очков. — Пожалуйста, подождите минутку.

Он вышел из-за стола на задних лапах, держась как можно прямее. Лорды сдавленно захихикали, когда пес вышел из зала. Бен взглянул на советника, пожимающего плечами и покачивающего головой. Колдун тоже не знал, что на уме у писца.

Через несколько минут Абернети вернулся. В лапах он нес две пары боксерских перчаток — тех самых, которые Бен захватил с собой в Заземелье, чтобы продолжать тренировки.

— Кулачный бой, лорд Каллендбор, — объявил мягкошерстный пшеничный терьер.

Каллендбор закинул голову и захохотал:

— Кулачный бой? С этими штуками? Да я лучше буду драться голыми кулаками, чем в этих набитых ватой кожаных носках!

Абернети поднес перчатки Бену.

— Ваше Величество. — Он низко поклонился, преданно глядя на Бена. — Возможно, будет лучше, если вы простите лорду Каллендбору его необдуманный вызов. Я не хочу, чтобы он пострадал от неумения сражаться вашим оружием.

— Нет! Я не возьму обратно свой вызов! — Каллендбор выхватил у писца одну пару перчаток и принялся натягивать их.

Стрехан подошел к нему, чтобы помочь.

Абернети передал вторую пару Бену.

— Он очень сильный, Ваше Величество. Будьте осторожны.

— Я думал, что вы ничего не знаете о боксе, — прошептал Бен, надевая первую перчатку. Рядом возник советник и принялся затягивать шнурки. — Как вы додумались, для чего они нужны?

— Я отвечал за распаковку ваших вещей, когда вы прибыли в Чистейшее Серебро, — ответил Абернети с таким выражением на морде, которое сошло бы за улыбку у кого-нибудь другого. — К этим перчаткам прилагался журнал, в котором были картинки с изображением этой вашей игры. Я изучил все картинки в журнале. Наши игры очень похожи. Только вы называете свою боксом, а мы свою — кулачным боем.

— Будь я проклят! — восхищенно прошептал Бен Холидей.

Каллендбор уже напялил перчатки и разделся до пояса. Бен глядел мимо советника на то, как лорд разогревает мускулы. Они перекатывались под кожей на груди и руках Каллендбора, а боевые шрамы пересекали все его тело. Он напоминал гладиатора из постановки «Спартака».

В центре зала освободили пространство, которое обступили лорды Зеленого Дола и прислуга. Круг был примерно вдвое больше обычного ринга.

— Будут какие-нибудь правила? — спросил Бен, глубоко вздохнув, чтобы унять волнение.

Советник кивнул:

— Только одно. Тот, кто остается на ногах к концу поединка, — победитель.

Бен похлопал одной перчаткой о другую, чтобы проверить, хорошо ли завязаны шнурки, потом стянул рубаху.

— Что, и все? Думаю, запомнить будет несложно.

Он обошел стол и оказался на доморощенном ринге. Каллендбор ждал его. Бен на мгновение задержался на краю; за его спиной сбились в кучку советник с Абернети и оба кобольда.

— Не слишком ли для простого крючкотвора? — вздохнув, пробормотал Бен.

— Я позабочусь о вас, Ваше Величество, — торопливо прошептал советник.

Бен обернулся:

— Никакой магии, советник.

— Но, Ваше Величество, вы же не можете...

— Никакого волшебства. Не спорьте.

Колдун поморщился и неохотно кивнул.

— Так или иначе, но медальон вас защитит, — пробормотал он.

Это прозвучало не слишком убедительно. Бен отмахнулся от старца и шагнул в круг. Каллендбор сразу же пошел на противника, сжав кулаки и широко расставив руки, словно собираясь обхватить его. Бен резко ударил его в бок и отскочил в сторону. Здоровяк, хрюкнув, развернулся, и Бен нанес еще три быстрых удара. Голова Каллендбора мотнулась. Бен засеменил прочь, он двигался легко, чувствуя, как адреналин

начинает растекаться по его телу. Каллендбор зарычал от ярости и бросился на Бена, размахивая ручищами. Бен пригнулся, принял удары на руки и плечи, а потом обрушил на противника целый шквал ударов. Отступил, потом заехал лорду прямо по челюсти полновесным правым хуком.

Каллендбор рухнул на пол с изумленным выражением лица. Бен отскочил в сторону. Он слышал, как ободряюще визжит советник. Слышал оханье и недовольные крики лордов Зеленого Дола. Кровь стремительно неслась по жилам, и Бену казалось, что он слышит гулкий стук собственного сердца.

Каллендбор медленно поднялся, его глаза сверкали от гнева. Он был действительно очень силен, Абернети не ошибся. Его не так легко было победить.

Он снова пошел на Бена, на сей раз осторожнее, держа кулаки у лица для защиты. Противники делали ложные выпады и обменивались ударами, кружа вокруг друг друга. Бородатая физиономия лорда стала багровой и злобной. Он ударил по перчаткам Бена, отбросив их назад, чтобы заставить его открыться.

Неожиданно он перешел в наступление. Лорд был проворен, и его натиск застал Бена врасплох. На него посыпались удары, пробивающие его защиту, попадающие по лицу. Бен отпрыгнул, отвечая тем же. Но Каллендбор не останавливался. Он налетел на Бена как ураган и сбил его с ног. Бен с трудом поднялся, но Каллендбор дважды ударил его по виску, и тот повалился снова.

Вопли лордов слились для Бена в сплошной рев, перед глазами заплясали разноцветные огни. Каллендбор возвышался над ним, молотя обеими руками. От него удушливо несло потом. Бен откатился, врезавшись в круг зрителей. Его вытолкнули прочь. Каллендбор принялся пинать и топтать его, и боль пронзила все тело Бена. Он свернулся клубком, прижав перчатки к лицу и заслонив локтями грудь.

Бен почувствовал, как медальон, висевший на шее, вдавился в тело.

Боль становилась невыносимой. Бен понял, что потеряет сознание, если не придумает чего-нибудь, и побыстрее. Он перевалился на колени, помогая руками. Когда Каллендбор

снова обрушился на него, он отчаянно вцепился в его ноги, дернул, отчего лорд потерял равновесие и рухнул на пол.

Бен сразу вскочил на ноги, вытряхивая дурман из головы, и приготовился к схватке. Каллендбор тоже вскочил, со свистом втягивая воздух. За спиной верзилы, позади его сторонников, вдруг появилось какое-то странное свечение. Этот свет, казалось, становится все ярче. Бен помотал головой, пытаясь сосредоточиться на приближавшемся враге. Но вот и другие заметили этот свет. Головы начали поворачиваться, толпа расступилась. В сиянии стояла фигура — рыцарь в помятых, изрубленных латах, с опущенным забралом.

По толпе лордов и их челяди прокатился свистящий вздох. Этим рыцарем был Паладин. Все уставились на него, тишину нарушило почтительное бормотание. Некоторые пали на колени, закричав так же, как демоны, когда Паладин появился в Сердце. Каллендбор нерешительно остановился в середине круга, опустив руки и повернув голову в сторону призрака.

Паладин сверкал в лучах несколько мгновений, а потом они угасли, и он исчез. Сияние медленно растворилось.

Каллендбор быстро повернулся к Бену:

— Что это еще за проделки, шутейный король? Зачем ты притащил в Риндвейр этого призрака?

Бен сердито потряс головой:

— Я не притащил никого, кроме...

Советник торопливо перебил его:

— Лорд Каллендбор, вы заблуждаетесь насчет того, что произошло здесь. Уже дважды Паладин являлся Его Величеству, когда ему угрожала опасность. Лорд Зеленого Дола, вас предупредили, что этот человек, Бен Холидей, — настоящий король Заземелья!

— Кто предупредил, это привидение, что ли? — Каллендбор засмеялся и сплюнул кровь с разбитых губ. — Ты использовал свою магию, чтобы попытаться запугать нас, советник Тьюс, и проиграл! — Он с презрением посмотрел на Бена. — Игра закончена. Мне не нужен больше ни ты, ни твой бродячий цирк. Я не желаю видеть тебя королем!

Ему вторили крики других лордов.

Бен стоял на месте.

— Хочешь ты того или нет, все равно я король! — прогремел он. — Ты можешь не обращать на меня внимания, как ты не обращаешь внимания на любую истину, но я останусь в твоей жизни! Ты можешь плевать на законы, сделавшие меня королем, Каллендбор, но ты не сможешь делать это всегда! Я найду способ убедить тебя в этом!

— Долго же ты будешь искать, шутейный королишко! — Каллендбор был вне себя от ярости. Он сорвал перчатки и швырнул их в Бена. — Ты претендуешь на заземельский трон? Ты заявляешь, будто пользуешься услугами Паладина? Что ж, докажи правоту своих притязаний, избавь нас от единственной нашей настоящей напасти, с которой мы не можем справиться сами. Избавь нас от Страбона! Прогони дракона! — Он надвигался на Бена, пока не приблизился вплотную. — Уже двадцать лет дракон совершает набеги на наши стада, уничтожает наше имущество. Мы охотились за ним по всему Заземелью, но он владеет древней магией, и мы не можем убить его. Если ты тот, кем себя объявил, значит, должен тоже владеть волшебством древних! Так избавь же нас от дракона, шутейный король, и тогда я поклонюсь тебе как великому властелину и принесу свою клятву верности!

Одобрительный рев вырвался из глоток всех собравшихся.

— Избавь нас от дракона! — кричали все как один.

Бен не сводил глаз с Каллендбора.

— А до тех пор я буду презирать тебя, как презираю букашек, ползающих у меня под ногами! — выдохнул Каллендбор прямо ему в лицо.

Он повернулся и вышел из круга; следом потянулись прочие лорды. Зал медленно опустел. Бен остался с советником, писцом и кобольдами. Четверка подошла, чтобы снять с него перчатки и вытереть кровь и пот с его лица и тела.

— Так что там насчет этого дракона? — требовательно спросил Бен.

— Позже, Ваше Величество, — взмолился советник, прижимая «фонарь», который начал наливаться под глазом Бена. — Сначала не помешают ванна и хороший ночной отдых.

Бен покачал головой:

— Только не здесь! Я не провел бы здесь ни единой лишней минуты, даже если бы блуждал по проклятой пустыне.

Собирайтесь. Мы уходим прямо сейчас. Мы поговорим о драконе в пути.

— Но, Ваше Величество...

— Сейчас же, советник!

Никто не решился спорить с Беном. Час спустя их маленький отряд вернулся на дорогу, по которой направился на запад, прочь от Риндвейра.

ГЛАВА 9

ИВИЦА

Решение Бена так внезапно покинуть Риндвейр оказалось весьма опрометчивым. Стоило путникам выйти за околицу поселка, окружавшего замок, как пошел дождь. Сначала он был совсем небольшим — легкие, задорные капельки падали на их лица. Потом капельки превратились в настоящий душ, а душ — в водопад. Тучи скрыли все заземельские луны и далекие звезды, и все стало черным, словно деготь. Ветер завывал на пустых обширных полях и лугах Зеленого Дола, отбрасывая путников, словно дуновение какого-то великана. Через несколько мгновений Бен и его спутники поняли, что придется искать временное убежище, но к тому времени они уже успели промокнуть до нитки.

Они провели ночь в обветшалом пустом хлеву, в котором прежде держали скотину. Дождь протекал сквозь дыры в крыше, и сухого места почти не было. Стало холодно, и промокшая одежда леденила тело. Бен и его спутники сбились в кучку в темноте большого лошадиного стойла. Здесь было суше, чем в любом другом уголке хлева, и здесь лежала солома, на которой можно было устроиться. О костре речи быть не могло, так что все наспех переоделись и завернулись в одеяла. Советник предложил было попробовать волшебное, согревающее без видимого огня заклинание, которое ему якобы однажды удалось, но Бен не позволил. Магия придворного колдуна уже не раз доказывала свою пожароопасность, а этот

хлев был единственным доступным убежищем. Кроме того, упрямо доказывал Бен, ночлег в таком убогом месте послужит вполне достойным наказанием за то, как он повел дела в Риндвейре.

— Я все испортил, — сказал он своим друзьям, когда они свернулись калачиком в темноте, слушая, как дождь барабанит по крыше старого хлева.

— М-м-м?

Внимание советника было поглощено промыванием многочисленных ран и ссадин, которые Бен получил в драке с Каллендбором.

— Я завалил все дело. Я все сделал неправильно. Я позволил Каллендбору провести меня и ухватился за его дурацкий вызов. Я потерял самообладание, потерял контроль над происходящим. — Он вздохнул и привалился к стенке стойла. — Я должен был найти более сильные доказательства! А еще адвокат! Король!

— Я считаю, что вы держались как нельзя лучше, Ваше Величество.

Бен скептически посмотрел на него:

— Неужели?

— Было совершенно очевидно, что лорды Зеленого Дола не принесут вам присягу, если только вы не примете их условия. Если бы вы согласились взять в жены дочь одного из них — присяга была бы дана. Вы приобрели бы жену и десяток новоиспеченных родичей, поддерживающих ваше правление — правление, которое кончилось бы намного раньше, чем вам бы того хотелось. — Колдун пожал плечами. — Но вы ведь разгадали их намерения, как и я, правда?

— Да.

— Значит, вы были правы, отклонив их предложение, и я уверен, что в сложившейся ситуации вы проявили недюжинное присутствие духа. Мне кажется, что, если бы этой игре позволили продолжаться, вы бы победили.

Бен засмеялся.

— Ценю ваше доверие. Однако замечу, что вы не оставили мне выбора.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вы пропустили мимо ушей мой приказ не использовать магию и наколдовали образ Паладина, когда меня едва не отправили в нокдаун!

Совиная физиономия, едва заметная во мраке, приблизилась к Бену. Советник отложил окровавленную тряпицу.

— Я ничего подобного не делал, Ваше Величество. Это был Паладин.

Повисло молчание.

— Значит, он появился в третий раз, — наконец прошептал Бен в замешательстве. — Он появился, когда Марк преследовал меня в тоннеле времени. Потом когда демоны заявились на коронацию. А теперь он пришел в Зеленый Дол. Но он казался таким, как вы говорили, — призрачным! Он выглядел так, будто соткан из света и теней! Что же он такое на самом деле?

Старец пожал плечами:

— Может быть, то, чем кажется, а может быть, нечто совсем другое.

Бен подтянул колени к груди, пытаясь согреться.

— Мне кажется, что он где-то рядом. Мне кажется, он пытается вернуться. — Он посмотрел на советника, ожидая его поддержки.

Старец покачал головой:

— Не знаю, Ваше Величество. Может, оно и так.

— Почему он появлялся раньше? Должны же вы что-то помнить о нем — о том, почему и как он являлся старому королю.

— Он являлся, когда его призывали, — ответил колдун. — Это мог сделать только тот, кто носил медальон. Медальон является частью этой магии, Ваше Величество. Есть какая-то связь между ним, королями Заземелья и Паладином. Но только короли Заземелья понимали полностью эту связь.

Бен вытащил медальон из-под рубахи и принялся рассматривать его.

— Может, надо потереть его, или обратиться к нему, или просто подержать в руках? Может, это вызовет Паладина? Как по-вашему?

Советник пожал плечами. Бен пытался так и этак, но ничего не произошло. Он попробовал пожелать, чтобы Паладин

появился, сжав медальон так крепко в руке, что почувствовал линии, выгравированные на его поверхности. Ничего не случилось.

— Наверное, я должен был знать, что это будет не так легко.

Бен вздохнул и уронил медальон обратно за воротник. Он повис на цепочке, охватывавшей шею. Бен посмотрел вверх, в дыру в крыше, где ветер шелестел дранкой.

— Расскажите мне о драконе и лордах Зеленого Дола.

Скрюченная фигура колдуна придвинулась ближе.

— Большую часть вы услышали от самого Каллендбора. Лорды Зеленого Дола всегда воевали с драконом. Страбон был их проклятием. Он грабил и терзал их почти двадцать лет — почти с тех самых пор, как умер старый король. Он сжигает их хлеб на корню, их дома, пожирает их скот, а иногда и подневольных. Ведет себя на их земле как у себя дома, и они бессильны против него.

— Потому что дракон — тоже часть магии, не так ли?

— Да, Ваше Величество. Страбон — последний из своего племени. Он был творением царства фей, пока не был изгнан оттуда тысячи лет назад. Его не может поразить оружие смертных, только магия, при помощи которой он создан. Вот почему Каллендбор был так уверен, что вы не сможете справиться с ним. Он думает, что вы мошенник. Настоящий король Зазамелья, владеющий магией медальона, мог бы призвать Паладина и выполнить это условие.

Бен кивнул:

— Короче, все опять сводится к Паладину. Скажите-ка, советник, а почему дракону так полюбился Зеленый Дол?

Колдун улыбнулся:

— Он же дракон.

— Да, знаю. Но, кажется, он не всегда так разбойничал, по крайней мере пока жив был старый король.

— Верно. Раньше он держался своих владений. Может быть, он боялся старого короля. Может быть, Паладин не выпускал его оттуда, пока жив был король. Я могу гадать так же, как и вы.

Бен досадливо фыркнул и вновь привалился к стене. Все его тело ныло.

— Почему, черт побери, вы ни на один вопрос не можете дать вразумительного ответа? Значится, что вы придворный колдун и мой личный помощник, но вы, похоже, ничего ни о ком не знаете!

Советник посмотрел в сторону:

— Я стараюсь, как могу, Ваше Величество.

Бен тут же пожалел о сказанном. Он коснулся плеча старца:

— Я знаю. Простите меня за эти слова.

— Меня не было при дворе, когда старый король был жив, и мы с моим сводным братом никогда не были близки. Если бы мы дружили, может быть, тогда я узнал бы ответы на ваши вопросы.

— Забудьте о том, что я сказал, советник. Мне жаль, что я не сдержался.

— Знаете, мне ведь тоже было нелегко.

— Знаю, знаю.

— Мне пришлось учиться волшебству чуть ли не в одиночку. У меня не было наставника, учителя, который вел бы меня. Я должен был сохранить престол Заземелья и ублажать толпу королей, которые пугались собственной тени и не желали никакой иной битвы, кроме той, которую могли наблюдать с безопасного расстояния! — Его голос поднялся до крика. — Я отдал все, что у меня было, чтобы не угасла монархия, даже осаждаемая всеми невзгодами, от которых давно сломался бы обычный...

Абернети бесцеремонно оборвал излияния старца. Он прорычал:

— Прошу тебя, колдун, избавь нас от своего красноречия! Нам уже до слез наскучило перечисление твоих страданий, больше мы не вынесем!

Советник, оскорбленный бестактностью придворного писца, набычился. Бен улыбнулся, несмотря на уныние.

— Надеюсь, что не войду в число этих королей-неудачников, которых вы только что описали, советник, — сказал он.

Колдун не сводил укоризненного взгляда с разгневанного Абернети.

— Увидим.

— Отлично. Тогда расскажите мне еще кое-что. Можем ли мы полагаться на слово, данное Каллендбором?

Советник перевел взгляд на Бена:

— Что касается дракона — да. Он поклялся.

Бен кивнул:

— Значит, мы должны найти способ избавиться от дракона.

Молчание затянулось. Бен чувствовал, как в темноте все смотрят друг на друга.

— Есть какие-нибудь предложения насчет того, как это лучше сделать? — поинтересовался он.

Советник покачал головой:

— Такого еще никто не делал.

— Все когда-нибудь бывает в первый раз, — небрежно бросил Бен, тут же подумав о том, кого он пытается убедить. — Вы говорили, что избавиться от дракона можно только при помощи волшебства. Кто может помочь нам найти это средство?

Советник задумался:

— Ночная Мгла, конечно. Она самая могущественная из тех, кто пришел сюда из мира фей. Но она так же опасна, как сам дракон. Я думаю, стоит попытать счастья с Владыкой Озерного края. Уж он-то хотя бы прежде был верен королям Заземелья.

— А он тоже порождение магии?

— Был, давным-давно. И он до сих пор хранит кое-какие знания магии. Как раз к нему я собирался предложить пойти после Зеленого Дола — даже если бы лорды принесли присягу.

Бен кивнул:

— Заметано. Завтра же отправимся к Владыке Озерного края. — Он потянулся, потом завернулся поплотнее в одеяло и, поколебавшись немного, произнес: — Хочу поблагодарить вас всех за то, что вы рядом.

Послышалось довольное бормотание и возня — все закутывались в свои одеяла. Некоторое время ничего не было слышно, кроме шума дождя и тихого посвистывания ветра.

Потом Абернети заговорил:

— Ваше Величество, не покажется ли вам чересчур смелой моя просьба — давайте больше не останавливаться в хлевах? Мне кажется, что в этой соломе блохи.

Бен расплылся в улыбке и провалился в сон.

На рассвете дождь кончился и лучи солнца пробились сквозь густой туман и облака. Маленькая компания продол-

жала свой путь по долине Заземелья, повернув на сей раз на юг, к Владыке Озерного края. Весь день они двигались вперед: Бен, советник и Абернети верхом, кобольды пешком. Сапожок вновь побежал вперед, чтобы объявить об их приближении. К полудню они оставили позади последние поместья лордов Зеленого Дола и их просторные луга и пашни, а с наступлением сумерек оказались в холмах Озерного края.

Бен заметил, что вокруг все изменилось. Цвета стали ярче и отчетливее, словно здесь не так ощущалось угасание волшебства. Это был край озер и рек, извивающихся во впадинах между холмами, садами и рощами, разбросанными на пологих склонах, трав и папоротников, колышущихся на ветру, словно морские волны. Туманы здесь стали гуще, они скапливались в низинах, словно упавшие облака. Но зелень деревьев и трав, синева озер и рек были ярче, чем в Зеленом Доле, а розовые, лазурные и алые цветы не были такими поникшими, как повсюду на равнине. Даже Лазурные Друзья не были такими больными, хотя темные крапинки все же портили местами их красоту.

Бен спросил советника почему.

— Владыка Озерного края и те, кто служит ему, ближе к древним истокам, чем другие. Они все еще владеют обрывками магических знаний. Волшебства, которым они владеют, хватает на то, чтобы сохранять чистыми свои земли и воды. — Советник огляделся вокруг и пожал плечами. — Волшебство здешнего Владыки еле-еле справляется с общим упадком магии в нашей земле. И здесь уже заметны признаки болезни и увядания. Владыка края и его соплеменники лучше всех сражаются за свою землю. Однако она тоже приходит в упадок, как и все остальные.

— И все это оттого, что в Заземелье нет короля? — Бен все еще не мог уловить связи между подобными вещами.

— Не было короля, Ваше Величество, — его не было двадцать лет.

— Полагаю, что тридцать два неудачника не в счет?

— Разве под силу им было справиться с таким упадком магии, какой вы видите? Бесполезно. Вы первый, кто чего-то стоит.

Может, да, может, нет, мрачно подумал Бен, вспомнив о поражении, которое потерпел в Зеленом Доле.

— Я и в самом деле не понимаю — неужели никто не знает, отчего все беды. Я хочу сказать, люди видели, как умирает их земля, и все потому, что они не могли продержаться вместе достаточно долго, чтобы дождаться короля!

— Я не думаю, что они именно так оценивают происходящее, Ваше Величество, — тихо сказал Абернети, подскакав ближе.

Бен оглянулся:

— О чем это вы?

— Он говорит о том, что связь между утратой короля и потерей заземельской магии — единственная, которую я могу отыскать, — перебил его советник, заметно раздосадованный замечанием писца. — Он хочет сказать, что никто не понимает этой проблемы так, как я.

Бен нахмурился:

— Ну а что, если они правы, а вы ошибаетесь?

Лицо советника сморщилось.

— Тогда все, что мы с вами пытаемся делать, — всего лишь колоссальная потеря времени! Но может быть и так, что они не правы, а я не ошибаюсь! — Советник бросил взгляд на Абернети и отвернулся. — У меня было двадцать лет, чтобы все обдумать. Я наблюдал и изучал, я применял всю магию, какой владел, чтобы проверить свое предположение. Со всей уверенностью я заявляю, что Заземелью нужен король, чтобы выжить!

Он был так несокрушим в своем убеждении, что Бен промолчал.

Молчание нарушил Абернети.

— Если вы закончили оправдываться, советник, может быть, позволите и мне вставить слово и объяснить, почему я сказал, что другие понимают все иначе, чем мы. — Он посмотрел на советника поверх очков, колдун лишь выпрямился в седле, но не обернулся. — Что я на самом деле хотел сказать, так это то, что люди не согласны не столько с предположением, отчего пошли все несчастья, сколько с тем, как все это изменить. Большинству вполне понятно, что магия начала угасать после смерти старого короля. Но никто не согласен с тем, что коронация

нового короля непременно решит проблему. Одни считают, что должны быть наложены строгие ограничения. Другие полагают, что следует искать иное решение. А третьи уверены, что решения вообще нельзя найти.

— Никакого решения? Кто так думает? — недоверчиво спросил Бен.

— Так думает Ночная Мгла. — Советник натянул поводья своей лошади, и его раздражение мгновенно улетучилось. — Ее заботит только Бездонная Пропасть, и там, в этих норах, она своей магией творит все, что ей вздумается. Даже если волшебство нашей земли окончательно угаснет, ее магия останется самой могущественной.

— Лорды Зеленого Дола признают королем только кого-то из своих, никого чужого, — добавил Абернети. — Они примут это решение, но постараются внести ограничение.

— А Владыка Озерного края будет ждать, что все наладится само собой, — закончил советник.

— Именно это я и собирался сказать с самого начала, — обиженно произнес Абернети.

Тени быстро окутывали землю. Путники повернули лошадей к тополиной рощице, чтобы разбить лагерь. Гряда заросших лесом гор закрывала горизонт на западе, и солнце уже скрылось за их ветвями, сквозь которые сочились последние бледно-золотые лучики. Лагерь разбили рядом с озером, в сером зеркале которого, затянутом густым туманом, отражались росшие по берегам деревья. В преддверии ночи птицы описывали широкие ленивые круги.

— Это озеро называется Иррилин, — сообщил советник, когда они спешились и передали поводья Сельдерею. — Говорят, что в определенные ночи позднего лета в этих водах купаются духи и нимфы здешнего Владыки, чтобы сохранить свою молодость.

— Это, наверное, здорово. — Бен зевнул и потянулся. В данную минуту его вряд ли можно чем-то удивить. Хороший крепкий сон — вот единственное, о чем он сейчас грезил.

— Некоторые верят, что эти воды обладают силой сохранять молодость, — задумчиво продолжал советник. — А некоторые верят, что озеро может омолаживать стариков.

— И во что только не верят, — проворчал Абернети, энергично отряхиваясь. Клубы пыли вылетали из его взъерошенной шерсти. — Я не раз купался в этом пруду, и ничего хорошего из этого не вышло, разве что запах становился посвежее.

— Неплохо бы и сейчас подумать об этом, — посоветовал колдун, с отвращением сморщив нос.

Абернети зарычал в ответ и ускакал в темноту. Бен проследил за ним взглядом, потом повернулся к советнику:

— Мне тоже кажется, что это неплохая мысль. Я тоже чувствую себя как половичок у двери. Надеюсь, ничто не мешает мне ополоснуться?

— Конечно, Ваше Величество. — Колдун огляделся в поисках Сельдерея. — А я лучше пригляжу за ужином.

Бен зашагал было к озеру, потом остановился.

— А там нет ничего опасного, о чем мне стоило бы узнать заранее? — прокричал он, вспомнив вдруг и о трясиннике, и о пещерной твари, и о всякой прочей пакости, которой он так и не заметил во время утренней пробежки вокруг замка Чистейшего Серебра.

Но советник уже ничего не слышал, он превратился в неясную тень в сумеречном тумане. Бен поколебался, озираясь вокруг, потом пожал плечами и устремился к озеру. Если уж нимфы с духами могут купаться в водах Иррилина, разве там может быть опасно? К тому же Абернети уже там.

Бен осторожно приблизился к берегу. Озеро простиралось перед ним, словно покрытое рябью серебристое зеркало, отражающее пряди тумана и разноцветные заземельские луны. Над ним склонялись ивы, тополя и кедры, словно великаны, вздумавшие испить водицы. В сумерках слышались пронзительные крики каких-то птиц. Бен сбросил одежду и обувь, вглядываясь в темноту в поисках писца. От Абернети не было ни слуху ни духу.

Бен полез в воду нагишом. На его лице отразилось смятение. Вода была теплой! Бен нагнулся и коснулся воды, решив, что его подводит разница в температуре воды и воздуха. Но нет, вода и впрямь была теплой, словно в огромном горячем источнике.

Он осторожно зашел в воду по колено. Что-то еще было не так. У него было ощущение, будто под ногами песок. Он

нагнулся и взял горсть со дна. Это и был песок! Бен поднес его ближе к глазам, чтобы рассмотреть получше в лунном свете. Дно лесного озера должно быть илистым или каменистым, а тут — песок!

Бен пошел дальше, размышляя о том, неужели и впрямь Иррилин был не совсем обычным озером. Он снова огляделся в поисках Абернети, но пес куда-то запропастился. Медленно Бен погрузился в воду по шею, чувствуя, как в него проникает блаженное тепло. Словно в ванне — нежное, приятное тепло, успокаивавшее и расслаблявшее все тело. Теперь он удалился от берега на несколько десятков ярдов. Дно полого уходило вниз, понижаясь не более чем на несколько дюймов каждые десять футов. Бен поплыл в темноту, вытягиваясь и размеренно дыша. Вынырнув в очередной раз, он заметил второй заливчик рядом с тем, из которого выплыл, и направился к нему. Он оказался небольшим, едва ли сотня футов в ширину, и Бен проплыл мимо, вскоре обнаружив третий. Он перешел с кроля на бесшумный брасс, повернув голову к своей цели. Луны заливали озеро цветными дорожками, а туман колыхался, словно серый прозрачный платок. Бен закрыл глаза и поплыл.

Третья бухточка была еще меньше, десятка два ярдов в ширину. Берег зарос кустарником, а кедры и ивы склонились над водой, совсем затеняя ее. Бен нырнул и бесшумно вплыл в темную бухточку.

Он вынырнул в нескольких ярдах от берега — и оказался перед женщиной. Их разделяло менее десяти шагов. Она стояла по колено в воде, обнаженная, как и он. Она не пыталась бежать или прикрыться. Она была словно испуганная лань, застигнутая врасплох и застывшая в нерешительности перед тем, как спасаться бегством.

Бен Холидей уставился на нее во все глаза, а в его мозгу вдруг возник образ той, которую он считал потерянной навсегда. Вода стекала с его волос прямо на глаза, и он сморгнул ее.

— Энни? — недоверчиво прошептал он.

А потом тени и туман немного сдвинулись, и Бен увидел, что это была не Энни, а кто-то другой.

А может быть, и что-то другое. Ее кожа была бледно-зеленой, гладкой и безупречной, она слегка серебрилась от бликов воды. Ее волосы тоже были зелеными, как листва, их пряди спускались до пояса, переплетенные лентами и цветами. Бен заметил, что узкие полоски волос росли у девушки на тыльной стороне рук и ног, наподобие шелковистой гривы, раздуваемой нежным ночным ветерком.

— Кто ты? — тихо спросила она.

Он не мог заставить себя ответить. Теперь он видел ее абсолютно ясно — само совершенство, подобного которому не встречал никогда в жизни. Она была словно ожившая фантазия художника, изобразившего безупречную сказочную королеву. Она была самым восхитительным и прекрасным созданием на свете, которое довелось увидеть впервые.

Она сделала шаг вперед в лунном сиянии. Ее лицо было совсем юным, как у девочки. Но тело...

— Кто ты? — повторила она.

— Бен, — с трудом выдавил он, даже не подумав о том, что может ответить как-то иначе.

— А я Ивица, — сказала она ему. — Теперь я принадлежу тебе.

Бен испытал новое потрясение. Она приблизилась к нему, все ее тело заиграло от этого движения. Теперь он стал похож на настороженного, готового удрать песика.

— Бен. — В ее голосе послышались нежные, ласкающие нотки. — Я сильфида, дитя очеловечившегося духа и лесной нимфы, оставшейся дикой. Я была зачата среди лета, согрета светом восьми полных лун, и моя судьба была выткана в тех лозах и цветах, среди которых возлежали мои родители. Мне судьбой предрешено, что дважды в год я должна в темноте прокрадываться к озеру Иррилин и омываться в его водах. И тому мужчине, который увидит меня так, и никак иначе, я должна принадлежать.

Бен быстро покачал головой, хватая ртом воздух:

— Но это же безу... это неправильно! Я даже не знаю тебя! А ты не знаешь меня!

Она остановилась рядом с ним так близко, что могла бы коснуться его. Ему хотелось, чтобы она сделала это. Желание

этого прикосновения жгло его огнем. Он боролся с ним изо всех сил, чувствуя, что становится рабом своих чувств.

— Бен. — Она прошептала его имя, и этот звук словно обволок его. — Я принадлежу тебе. Я чувствую, что это так. Я чувствую, что предсказание было справедливым. Я дана тебе, как древние сильфиды. Я дана тому, кто увидит меня здесь. — Ее лицо поднялось и осветилось радужным сиянием лун. — Ты должен взять меня, Бен.

Он был не в силах отвести от нее взгляд.

— Ивица. — Теперь он прошептал ее имя, отчаявшись подавить бушевавшие в нем чувства. — Я не могу взять... то, что не принадлежит мне. Я даже не из этого мира, Ивица, и я плохо знаю...

— Бен, — настойчиво прошептала она, перебив его. — Теперь, когда это случилось, все остальное не важно. Я принадлежу тебе. — Она подошла к нему еще на шаг. — Дотронься до меня, Бен.

Его рука поднялась. Вдруг мысль об Энни молнией вспыхнула в его мозгу, и все же рука продолжала подниматься. Тепло Иррилина и воздуха окутывало его так, что он не мог вздохнуть. Ее пальцы коснулись его руки.

— Идем со мной, Бен, — прошептала она.

Пламя полыхнуло у него в груди, горячее огненное пламя, затмившее его разум. Она была нужна ему так, как никто раньше. Он не мог отказаться от нее. Он не видел ничего, кроме нее, и весь мир, казалось, бесследно исчез. Его рука крепко сжала ее ладонь, и он почувствовал, что они стали одним целым.

— Иди за мной, Бен, сейчас. — Ее тело придвинулось ближе.

Он притянул девушку к себе, потрясенный нежностью ее тела.

— Великий король!

Все померкло. Послышался треск кустарника и шаги. Кусты заколыхались, и ночная тишина взорвалась звуками. Ивица как рыбка выскользнула из рук Бена.

— Ваше Величество!

На берегу показался запыхавшийся Абернети, его очки сползли на мохнатый нос. Бен оцепенело уставился на него, потом принялся безумно озираться. Он стоял один в крошечной бухточке, обнаженный и дрожащий. Ивицы не было.

— Боже милостивый, опять вы куда-то запропастились, не взяв никого из нас! — причитал Абернети с раздражением и облегчением в голосе. — Я думал, что ваша прогулка вокруг Чистейшего Серебра послужила вам хорошим уроком!

Бен почти не слышал его. Он обшаривал глазами воду и берег в поисках Ивицы. Но девушки нигде не было.

Писец уселся на задние лапы, ворча себе под нос:

— Ну, полагаю, это не ваша вина. Виноват только советник Тьюс. Вы предупредили его, что хотите искупаться в озере, а он не придумал ничего лучшего, как отпустить вас без сопровождения Сельдерея. Похоже, колдун просто не в силах понять, как опасна для вас эта земля. — Он помолчал. — Ваше Величество! С вами все в порядке?

— Да, — сразу же ответил Бен, но его мысли были далеко.

Неужели Ивица была лишь причудливым видением? Она казалась такой реальной...

— Вы выглядите немного расстроенным, — заявил Абернети.

— Нет, нет, все в порядке... — Бен кривил душой. — Я просто думал, что... кажется, я что-то видел.

Он направился к берегу и из теплых вод Иррилина ступил на сухую землю. Абернети притащил одеяло и набросил на плечи своего повелителя. Бен закутался поплотнее.

— Ужин готов, Ваше Величество, — сообщил пес, внимательно разглядывая Бена поверх очков. Потом осторожно поправил их. — Может быть, супчик вас согреет.

Бен покорно кивнул:

— Звучит замечательно. — Он поколебался. — Абернети, вы знаете, кто такие сильфиды?

Пес снова изучающе посмотрел на него:

— Да, Ваше Величество. Сильфиды — существа женского пола, разновидность лесных фей, порожденных духами и нимфами, так говорят. Я никогда не видел ни одной из них, но они вроде бы очень красивые. — Он навострил уши. — Красивые по человеческим меркам, так-то. По собачьим все может быть иначе.

Бен уставился в темноту.

— Наверное. — Он глубоко вздохнул. — Суп, говорите? Я готов проглотить целый котел.

Абернети повернулся и пошел прочь.

— Лагерь вон там, Ваше Величество. Суп должен быть очень вкусным, если только этот колдун удержался от того, чтобы применить свои никчемные способности.

Бен бросил быстрый взгляд на оставшуюся позади бухточку. Ничто не нарушало спокойствия сверкавших в лунном свете вод. На берегу никого не было.

Суп был превосходным. Он согрел Бена Холидея, прогнав дрожь, которая начала трясти его, когда он понял, что остался один на берегу. Советник обрадовался, когда увидел его целым и невредимым, и на протяжении всего ужина препирался с Абернети насчет того, на кого следует возложить ответственность за исчезновение Его Величества. Бен не встревал. Он позволил им спорить сколько влезет, говорил лишь тогда, когда к нему обращались, и держал свои мысли при себе. После двух мисок супа и нескольких стаканов вина он сонно уставился на пламя костерка, разведенного Сельдереем. Бен и не подумал отказываться от вина.

Вскоре он отправился на боковую. Завернулся в одеяла и повернулся спиной к костру, чтобы разглядывать серебристые воды озера, полосы тумана, извивавшиеся над ними, и ночное небо. Прислушивался к тишине, быстро завладевшей этой холмистой землей. Искал тени во мгле.

Он хорошо спал в ту ночь и видел сны. Ему не снились ни Майлз, ни Энни. Ему не снилась жизнь, которую он оставил, отправившись в Заземелье, и королевства с его бесчисленными проблемами тоже не было в его снах.

Бен видел во сне только Ивицу в компании каких-то странных существ.

ГЛАВА 10

ВЛАДЫКА ОЗЕРНОГО КРАЯ

Сапожок воротился на рассвете. Утро было сырым и промозглым; туманы и тени накрыли лес, словно серое шерстяное одеяло, подоткнутое со всех сторон. Маленькая компа-

ния завтракала, когда кобольд появился из-за деревьев, словно призрак из снов минувшей ночи. Он направился прямиком к советнику, поговорил с ним на своей невразумительной смеси хрюканья и шипения, кивнул остальным и уселся, чтобы прикончить остатки зачерствевшего хлеба, ягод и эля.

Советник сообщил Бену, что Владыка Озерного края согласился принять их. Бен молча кивнул. Его мысли были далеко. Образ Ивицы застрял в мозгу; это видение было таким отчетливым, словно девушка наяву стояла перед ним. Проснувшись, Бен надеялся, что избавился от этих видений, чувствуя, что каким-то образом предает Энни. Но образы были слишком яркими, и, несмотря на чувство вины, ему хотелось сохранить их. Почему ему снилась Ивица? — размышлял Бен. Почему сны были такими напряженными? Он жевал, погруженный в свои мечты, и не замечал взглядов, которыми обменивались советник и Абернети.

Вскоре они оставили лагерь и пошагали, ведя в поводу лошадей, — маленькая колонна призраков, молча бредущих в полумраке. Они обходили Иррилин по дуге, следуя за кромкой берега по тропинке, узкой даже для одного. Это было сказочное путешествие. От земли, извиваясь как змеи, поднимались испарения и смешивались с нитями тумана, выползавшего из леса. В серой мгле вырисовывались темные сырые стволы деревьев, огромных, с черной корой дубов, елей, корявых гикори, ив и кедров. Игра воображения то и дело творила причудливые видения — растворявшиеся, стоило лишь моргнуть — мелких созданьиц, которые дразнились и кривлялись. Бен чувствовал, что впадает в оцепенение из-за нереальности окружающего мира, словно никак не мог проснуться от ночного сна или наглотался наркотиков. Чтобы взбодриться, Бен вскочил на коня. Остальные последовали его примеру. Бен скакал в тумане, заволакивавшем не только глаза, но и мозг; ему не хватало чего-то определенного в путанице туманных пейзажей. Но нет — отсыревшие от утренней влаги деревья вокруг и недвижимое свинцовое зеркало озера были неизменными. Потом озеро скрылось из виду и остались одни лишь деревья. Утро вступало в свои права, но туман и тени упорно льнули к земле, и лишь странные звуки проникали сквозь эту пелену, словно кто-то шептал о загадочных тайнах.

Из-за нагромождения листвы и ветвей Бен то и дело мельком замечал легкие движения чужой жизни, но мог только догадываться об их значении. Он вглядывался в туман — не мелькнет ли где-нибудь Ивица? — а вкрадчивый внутренний голос шептал ему, что она где-то здесь, в мешанине теней и звуков, и смотрит на него. Бен искал, но не мог найти ее.

Вскоре перед ними предстал леший. Они повернули коней на просеку, образованную поваленными деревьями. Сапожок пешим возглавлял отряд. И вдруг лесной дух выскользнул из тумана и оказался рядом с кобольдом. Это было тощее жилистое существо, едва ли выше кобольда ростом, с коричневой шершавой, как у деревца, кожей. Густая шерсть спускалась по его загривку, переходя на руки. Одеяние землистого цвета с короткими рукавами и штанинами висело мешком на его теле, а башмаки держались на кожаных ремешках, обвязывавших икру. Внезапно возникнув рядом с Сапожком, он почти не замедлил продвижения процессии. Пробирался в тумане быстро и неутомимо, словно птичка.

— Советник! — охрипшим голосом позвал Бен громче, чем намеревался. — Кто это?

Колдун, ехавший впереди, обернулся и прижал палец к губам.

— Тихо, Ваше Величество. Наш проводник — леший, состоящий на службе у Владыки Озерного края. Вокруг нас есть и другие духи.

Бен поспешно огляделся. В тумане вокруг никого не было видно.

— Наш проводник? А куда он нас ведет? — Бен перешел на шепот.

— Он провожает нас в Вечную Зелень, вотчину Владыки рек и озер.

— А нам нужен провожатый?

Советник пожал плечами:

— С ним безопаснее, Ваше Величество. Вечную Зелень окружают болота, в которых пропало немало народу. Озерный край — ненадежное место. Проводника прислал сам Владыка Озерного края в знак своего благоволения — благоволения, которое он оказывает всем своим гостям.

Бен снова вгляделся в размытую пелену тумана.

— Надеюсь, это расположение он сохранит и во время нашего отъезда, — пробормотал он себе под нос.

Они продолжали углубляться в чащу леса. Неожиданно из тумана появились новые фигуры, такие же худые и жилистые, как их проводник. Кожа иных была такой же похожей на кору, как у лешего, тела других напоминали корявые длинные сучья, третьи были гладкими и нежными, с кожей, сияющей как серебро. Они безмолвно возникали по обе стороны маленькой колонны, тянули руки к поводьям лошадей, вели животных вперед. Тропа то и дело огибала лужи и болотные омуты, заросшие ряской, и трясину, в которой не шевелилось ничего, кроме поднимавшихся миазмов. Просека все сужалась, сходя временами на нет, и они оказывались в воде, которая доходила до пояса проводникам и до брюха лошадям. В воде копошились существа — одни с плавниками, другие с чешуйками, как у рептилий, а иные с почти человечьими лицами. Существа выскакивали из тумана и плясали на поверхности воды, словно невесомые водомерки. Туман кишел ими, они возникали и тотчас исчезали. Бен почувствовал, что наконец просыпается, ночные видения постепенно отступали, превращаясь в смутные воспоминания и бессвязные чувства. Разум Бена прояснялся, по мере того как он вглядывался в дымку и изучал создания, кишащие вокруг, со смешанным чувством восторга и недоверия. Речные духи, нимфы, сильфы, наяды, русалки — эти названия всплывали в его мозгу, когда он рассматривал появлявшихся и пропадающих болотных обитателей. Он вспоминал о тех томах фантастики и сказок, которые проглотил в ранней юности, тогда они считались чуть ли не запретными для него. Они словно оживали сейчас, когда Бен разглядывал эти странные существа. Бен всегда считал, что они могут существовать только в мозгу сочинителя и оживают лишь под его пером, но ему всегда хотелось, чтобы все было иначе. И вот эти существа были здесь, обитали в мире, в который он пришел и о котором знал еще меньше, чем о невероятных созданиях, порожденных фантазией писателей. Его вдруг охватило острое, томительное чувство безнадежности. Господи, как же ему убедить здешних обитателей признать его своим королем?

Безнадежность этой задачи была просто пугающей. Она страшила Бена так, что нерешительность почти парализовала его. Тонкие, призрачные фигуры народа озерного Владыки скользили в тумане вокруг Бена, они казались ему чужеродными тварями, для которых сам он был не более чем залетной диковинкой. С лордами Зеленого Дола было совсем иначе. По меньшей мере они были такими же людьми, как и он, с ними было чувство схожести. С народом же Владыки рек и озер у Бена не было ничего общего. Бен отбросил нерешительность и страх. Он загнал безнадежность обратно в ее черную нору. Он изгнал их с яростью, удивившей его самого. Эти чувства были просто поводом для того, чтобы все бросить, а он не мог отступить. Между существами любого вида могут быть наведены мосты. Ведь были же короли, которые служили этому народу; он тоже может послужить ему. Он будет делать то, что необходимо, и он никогда не сдастся. Никогда.

— Ваше Величество!

У его локтя возник Абернети, взгляд его влажных карих глаз был вопросительным. Бен посмотрел вниз. Он так крепко вцепился в луку седла, что его пальцы онемели. Бен чувствовал, что его спина и подмышки взмокли. Он знал, что на лице отражается вся напряженность его переживаний.

Глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Постарался расслабить намертво сжатые руки.

— Ничего, это просто от холода, — солгал Бен, отвел взгляд в сторону и пришпорил Вилочку.

Абернети снова оказался позади.

Впереди в тумане замаячила купа седых кипарисов. Бороды моха повисли на их ветвях, изогнутые корни цеплялись за землю, словно когти. Маленький отряд и его призрачные проводники вошли под их сень, и тени поглотили их, а запах плодородной земли ударил в ноздри. Тропинка змеей извивалась среди деревьев, огибая курящиеся топи и черные лужи, в которых все искажалось, словно в непрозрачных зеркалах. Кипарисовая роща оказалась огромной, и путники затерялись в ней. Ползли минуты, и свет наступавшего дня превратился в сумерки.

Потом заросли поредели, а земля начала твердеть. Всадники медленно взобрались по заросшему лесом склону туда,

где туман растаял под яркими солнечными лучами. Болото сменилось сушей, кипарисы уступили место дубам и вязам. Сырой запах низины вытеснили сладкие ароматы сосны и кедра. Туманные лики становились отчетливыми, и призрачные фигуры, сновавшие вокруг, обрели плоть. В лесу, впереди, зазвучали голоса. Бен понял, что настал конец его путешествию, и его пульс участился.

Вдруг в зарослях замерцали, заиграли краски. С ветвей свисали гирлянды цветов, в воздухе разливалось нежное журчание бегущей воды. Деревья расступились, тропа стала шире, и вот перед путниками открылся огромный амфитеатр, залитый солнцем. Бен не верил своим глазам. Амфитеатр был образован живыми деревьями, ограждавшими арену в три четверти круга — покрытую цветами лужайку. Скамьи были сделаны из изогнутых и сплетенных ветвей и спиленных сучьев. Верхние ветви нависали над амфитеатром, словно естественный полог, и там, где в этой лесной крыше были просветы, легкую дымку пронизывали солнечные лучи.

— Ваше Величество, — тихо окликнул его Абернети. — Смотрите!

Он указал — но не на амфитеатр, а куда-то в сторону. У Бена перехватило дыхание. То, что он увидел, казалось почти нереальным. Деревья, вдвое выше тех, что образовывали амфитеатр, уходили ввысь, словно колонны таких гигантских размеров, что затмевали даже те огромные секвойи, которые Бен однажды видел, путешествуя с Энни по Калифорнии. Огромные узловатые ветви были связаны вместе, соединяя деревья друг с другом так, что получилась сложная, запутанная сеть собранных воедино сучьев.

И вот в этой-то сети, и выше, и ниже, разместился целый город.

Так какой-нибудь великолепный художник мог бы представить сказочную страну, родину фей. Дома и лавки лепились в вышине к ветвям, соединенным мостками, которые постепенно спускались к земле, где большая часть города помещалась среди каналов, питаемых водами реки, которая разрезала город надвое. Плеск этой воды Бен слышал раньше. Лиственная крыша города заслоняла небо, но лучи пробивались сквозь нее, разбрызгивая солнечные зайчики. Яркие цветы

оживляли дома и мастерские, сады и изгороди, воздушные и водные «тропинки». Туманы заволакивали город нежной дымкой, в которой не было ничего от той серой унылой промозглости, которая стояла в долине.

Выходцы из племени фей, народ Владыки Озерного края, высыпали на берега каналов и на воздушные мостки. Заостренные лица и тела в этой дымке казались кусочками теней этой волшебной земли.

— Это Вечная Зелень, — без всякой надобности объявил советник, потому что Бен и так понял, что это за город.

Маленький отряд повернул в сторону возле амфитеатра. Легкие фигурки их спутников одна за другой отделялись и пропадали, пока не остался только тот проводник, который был с ними с самого начала. Они вышли на арену — впереди шествовал Сапожок, бок о бок с провожатым, следом ехали советник с Беном, Абернети держался на несколько шагов сзади, вновь отважно подняв ало-белое королевское знамя с изображением закованного в латы Паладина; Сельдерей с вьючными животными замыкал шествие. Встречающие, которые вышли на арену из тоннеля, проходящего под сиденьями, сбились в кучку у выхода. Среди них были и мужчины, и женщины. Бен не мог издали различить их лиц, но без труда рассмотрел на них такую же одежду, какая была на проводнике, а у некоторых была и такая же шершавая, как кора, кожа.

Путники остановились посреди арены, спешились и приблизились к встречающим. Теперь оба кобольда и Абернети шли за советником, а проводник остался с лошадьми. Бен бросил быстрый взгляд на колдуна.

— Буду признателен, если вы решите напоследок дать мне какой-нибудь совет, — прошептал он.

— М-м-м? — Мысли колдуна опять были где-то далеко.

— Как насчет Владыки Озерного края? Что он за человек?

— Вы хотите сказать, что за существо? — кислым тоном перебил плетущийся сзади Абернети.

— Дух, Ваше Величество, — ответил советник. — Выходец из мира фей, который стал наполовину человеком, когда перебрался в Заземелье и назвал эту долину своим домом. Это водяное и лесное существо, это... э-э... — Колдун задумчиво замолчал. — Его вообще очень трудно описать.

— Пусть он лучше сам увидит, — ехидно заявил Абернети.

Советник помолчал, потом кивнул:

— Да, наверное, так будет лучше.

Они подошли к встречающим слишком близко, чтобы продолжать разговор, хотя после таких намеков Бен был бы не прочь услышать кое-что еще. Он поспешно переключился на группу встречающих, чтобы успеть хоть немного рассмотреть их. Он сразу узнал Владыку Озерного края.

Высокий, стройный мужчина стоял впереди всех. Он был облачен в штаны, рубаху и плащ ярко-зеленого цвета, державшийся на кожаных ремнях, и в такие же сапоги. Его чело украшала тонкая серебряная диадема. Его кожа отливала серебром и была такой же шершавой, как у проводника, почти чешуйчатой, но волосы были черными и густыми и росли на загривке и руках. Его глаза и рот казались прорезями в маске с едва заметным выступом носа. Это лицо было словно вырезано из дерева.

Остальные встречающие, стоявшие за ним, были преимущественно молодые люди и девушки разного возраста. У одних лица были такого же орехового цвета и шершавые, как у проводника, у пары других — серебристые, как у Владыки, у третьих — худые как щепка, с невыраженными чертами, у четвертых — покрытые шерстью красновато-коричневого цвета. Еще один своим обликом и цветом кожи напоминал рептилию, следующий был мертвенно-бледным с черными провалами глаз, а еще...

Бен замер на месте, пытаясь сохранить бесстрастное выражение лица. Он был потрясен. Среди собравшихся, по левую руку от Владыки Озерного края, стояла Ивица.

— Советник! — еле разжимая губы, прошипел он. — Девушка, которая слева от него, кто она?

Колдун недоуменно уставился на него:

— Кто?

— Девушка слева! Та, у которой зеленоватая кожа и волосы, черт возьми!

— А, сильфида? — Советник любезно улыбнулся тем, кто ждал их. — Ее зовут Ивица. Она одна из многочисленных детей озерного Владыки. — Он помедлил. — А чем она отличается...

Бен шикнул на колдуна, чтобы тот замолчал. Они продолжали медленно идти вперед. Мозг Бена лихорадочно работал, взгляд перебегал с лиц встречающих на Ивицу. Она смело и даже дерзко смотрела на него.

— Добро пожаловать, Ваше Величество, — приветствовал Бена Владыка Озерного края. Он отвесил легкий поклон — чуть ниже простого кивка, — и те, кто был с ним, поклонились тоже.

Стараясь не выказать удивления от встречи с Ивицей, Бен изо всех сил пытался сосредоточиться.

— Благодарю вас. Спасибо и за то, что так быстро согласились принять меня.

Озерный Владыка рассмеялся. Это был громкий добродушный смех, наполнивший амфитеатр, но шероховатое, грубо высеченное лицо оставалось неподвижным.

— То, что вы вообще появились здесь, делает вам честь, Ваше Величество. Вы первый сделали это с тех пор, как умер старый король. Хорошим же хозяином я был бы, если б отказался принять вас после такого длительного ожидания!

Бен вежливо улыбнулся, но улыбка быстро сошла — его передернуло, когда он заметил на шее озерного Владыки жабры.

— Очевидно, этого ждали не только вы, — выдавил он.

Владыка Озерного края кивнул:

— Очень долго. — Он повернулся. — Это моя семья, Ваше Величество, — мои жены, дети и внуки. Многие из них вообще никогда не видели короля Заземелья и напросились прийти сюда вместе со мной.

Дух принялся представлять всю свою семью. Жабры по бокам его шеи легонько трепетали, когда он говорил. Бен терпеливо слушал, кивая каждому, как кивнул и Ивице, когда ее вытолкнули вперед. Он чувствовал, как взгляд девушки прожигает его насквозь. Когда Владыка Озерного края закончил, Бен представил своих спутников.

— Добро пожаловать всем вам, — любезно произнес Владыка Озерного края, протягивая руку каждому. — В вашу честь нынче вечером состоится праздничное шествие. Пока вы с нами, чувствуйте себя в Вечной Зелени как дома. — Он изобразил некое подобие улыбки. — А теперь, по-моему, мы должны поговорить о том, что привело вас сюда. Здесь, в краю

озер, у нас такой обычай — говорить о делах сразу, без отлагательств. Пока ваших товарищей устраивают в деревне, мы с вами будем беседовать — с глазу на глаз. Вы согласны?

Бен кивнул:

— Конечно.

Он даже не взглянул на советника, чтобы узнать, одобряет ли он такое решение. Тут советник уже ничем не мог помочь. Бен знал, что должен действовать сам, один. К тому же этот Владыка, похоже, оказался не таким уж плохим человеком, несмотря на таинственные намеки Абернети.

Владыка Озерного края отослал свою семью, приказав проводить советника, Абернети и кобольдов к отведенному для них жилищу. После этого он повернулся к Бену.

— Не хотите ли увидеть наше поселение, пока мы будем беседовать? — спросил он.

Это был скорее совет, чем вопрос, но Бен все равно кивнул. Владыка Озерного края повел его в тоннель, прорубленный в стене амфитеатра, и Бен молча зашагал следом. Бросив последний взгляд назад, он заметил Ивицу, стоявшую в пронизанной солнцем дымке, потом тени сомкнулись вокруг него.

Выбравшись из тоннеля, Владыка Озерного края повел Бена по берегу канала, заросшему цветами и кустами, тщательно ухоженными и подстриженными, в парк, окружавший амфитеатр. В парке играли детишки — юркие малыши всех цветов и возрастов, говорящих о разнообразии их родителей. В полуденной тишине их голоса звучали громко и жизнерадостно. Бен тоскливо улыбнулся. Он так давно не слышал детского гомона. Эти малыши, несмотря на свой внешний вид, были так похожи на детей его мира. Хотя, конечно, этот мир стал теперь и его.

— Знаю, что вы пришли, чтобы просить меня присягнуть короне, Ваше Величество, — вдруг сказал Владыка Озерного края. Его серебристое лицо ничего не выражало. Похоже, оно вообще никогда не менялось, ничем не выдавая мыслей. — Я знаю также, что вы побывали у лордов Зеленого Дола с той же самой просьбой и что она была отклонена.

Бен бросил на него быстрый взгляд, но Владыка Озерного края лишь пожал плечами.

— О, вам не надо удивляться тому, что мне известны такие сведения, Ваше Величество. Я всегда принадлежал и при-

надлежу к миру фей, и у меня еще осталось кое-что из той магии, которой я некогда владел. Во многих уголках долины у меня есть глаза и уши.

Он замолчал, потом отвлекся на объяснения системы водоснабжения Вечной Зелени. Бен терпеливо слушал, понимая, что его черед пока не настал. Они миновали парк и оказались в роще вязов, за которой возвышались гигантские деревья, служившие основой для деревни.

— Я с уважением отношусь к вашему смелому почину, Ваше Величество. — Теперь дух вернулся к теме, интересующей Бена. — Я уверен, что вы сильнее тех людей, которые заявляли претензии на заземельский престол раньше. Во всяком случае, об этом свидетельствуют ваши действия в Риндвейре. Я думаю также, что вы — прямодушный и решительный человек, так что я избавлю вас от дипломатических околичностей. Я обдумывал вашу просьбу — как я сказал, я знал, в чем она заключается. Я должен отказать вам в ней.

Они продолжали идти молча. Бен был ошеломлен.

— Могу я узнать почему? — наконец спросил он.

— Не вижу никакой выгоды в том, чтобы принять ее.

— Даю вам честное слово, что вы увидите много преимуществ.

Владыка Озерного края кивнул:

— Да, знаю. Вы можете сказать, что во множестве сила и что централизованная власть принесет пользу всей стране. Что жители этой земли не могут положиться друг на друга, пока у них нет единого правителя. Что нам угрожают враги из соседних миров вроде Марка и его демонов. Что земля страдает от болезней, которые вызваны упадком породившей ее магии, и что рано или поздно она погибнет окончательно. — Он взглянул на Бена. — Я перечислил все доводы, которые вы могли бы привести, не правда ли?

Бен медленно кивнул:

— Ну и что вы можете возразить на них?

— Я расскажу вам одну историю. — Владыка Озерного края замедлил шаг и подвел Бена к скамье, высеченной из огромного валуна. Они сели. — Народ Озерного края пришел из мира фей, Ваше Величество, и большинство так давно, что уже никто, кроме нас, не помнит когда. Мы — волшебный

народ, который предпочел жить в мире людей. Мы добровольно стали смертными, пройдя через тоннель времени и оставив то место, где были практически бессмертными. Мы все были духами — создания леса, земли и воды: гномы, эльфы, русалки, сильфы и десятки других. Мы оставили царство фей и признали Озерный край своим. Мы сделали из него то, чем он стал сейчас, — мир красоты, доброты и здоровья. Мы сделали это потому, что именно с этой целью пришли в Заземелье. Мы пришли для того, чтобы дать жизнь этой земле, и не только озерной ее части, но и всей долине. — Он помолчал. — У нас есть такая сила, Ваше Величество, — сила давать жизнь. — Он склонился к Бену, словно учитель, доброжелательно наставляющий ученика. — Знаете, ведь мы не утратили всего волшебства, не разучились исцелять. Мы можем взять землю, пораженную болезнью или вредителями, и вылечить ее. Пойдемте-ка дальше. Вы увидите, что я имею в виду.

Он поднялся и сделал несколько шагов к кустарнику, росшему около вяза. Его листва была поникшей и испещренной сыпью, точно так же как листья Лазурных Друзей, на которые Бен обратил внимание по дороге к Чистейшему Серебру.

— Вы видите на листьях эту болезнь? — спросил Владыка Озерного края.

Он присел и обхватил куст у корней. Его лицо стало сосредоточенным. Его дыхание замедлилось, а голова наклонялась все ниже, пока подбородок не коснулся груди. Куст медленно зашевелился, словно отвечая на прикосновение. Пожухлые листья расправились, пятна исчезли, цвет вернулся, и вот уже оживший куст величественно стоял в полуденных лучах.

Владыка Озерного края поднялся.

— Мы обладаем силой исцеления, — повторил он. В его взгляде все еще оставалась напряженность. — Мы могли бы использовать ее на благо всей земли, если бы нам это позволили. Но многие не верят нам. Еще больше тех, кого нисколько не волнует то, что мы делаем. Они предпочли бы, чтобы мы не высовывались из Вечной Зелени, а мы не желаем с ними спорить. Если им угодно считать нас опасными только потому, что мы не похожи на них, так тому и быть. Но и одним им не справиться, Ваше Величество. Они продолжают портить свою землю, высасывая из нее все соки. По своей

беспечности и невежеству они позволяют распространяться болезням. Они приносят болезнь не только в свои дома в долине, но и в наши тоже, в реки и леса, которые принадлежат нам!

Бен кивнул. Возможно, не так далеки они друг от друга.

— Ваш мир не так уж разнится с моим, Владыка. У нас тоже есть люди, которые загрязняют землю и воду и не заботятся о здоровье и безопасности других.

— Тогда, Ваше Величество, вы поймете то, чем я закончу мою историю. — Дух в упор посмотрел на него. — Озерный край принадлежит нам — народу, который живет в нем и заботится о нем. Это наш дом. Если все жители долины решат погубить себя, нам нет до них дела. У нас есть сила, чтобы вылечить наши леса и реки, и мы будем делать это, сколько понадобится. Утечка магии, начавшаяся после смерти старого короля, не причинила нам больше неприятностей, чем раньше. Лорды Зеленого Дола, тролли, кобольды, гномы и все прочие начали отравлять Заземелье задолго до этого. Для нас ничего не изменилось. Мы всегда жили обособленно, и я сомневаюсь, что это когда-нибудь изменится. — Он помедлил чуть-чуть. — Я желаю вам удачи, Ваше Величество, но я не принесу вам клятвы верности. То, что вы оказались на заземельском престоле, ничего не значит для народа Озерного края.

Бен еще раз посмотрел на только что исцеленный кустик и торжественно сложил руки на груди.

— Советник Тьюс рассказывал мне о том, что Владыка Озерного края и его соплеменники пытались победить болезнь, поразившую Заземелье. Но разве можете вы отрицать, что бороться с ней становится труднее день ото дня? С угасанием волшебства болезнь распространяется все быстрее. Наступит такой день, когда даже вашей силы не хватит на то, чтобы победить болезнь, и она станет настолько сильной, что погибнет сама магия земли.

Лицо Владыки было словно высеченным из камня.

— Все остальные могут погибнуть, потому что у них нет навыков выживания, Ваше Величество. С нами такого не случится.

Бен нахмурился:

— А вам не кажется, что такая декларация независимости звучит чересчур оптимистично? А как насчет Марка и его демонов? Сможете вы одолеть их? — В его голосе послышалось раздражение.

— Они даже не смогут увидеть нас, если мы не захотим этого. Мы можем скрыться в тумане в мгновение ока. Они не представляют для нас никакой опасности.

— Да ну?! А если они захватят Вечную Зелень?

— Мы построим новый город. Мы и раньше так делали. Когда волшебство подвластно тебе, природа всегда идет навстречу.

Безмятежная уверенность озерного Владыки была просто возмутительной. Он сильно напоминал ученого червя, закопавшегося в свои книги и не знающего ничего о жизни вне печатного текста. Похоже, цинизм Абернети все же был не лишен оснований. Мозг Бена лихорадочно работал, перебирая и отбрасывая различные доводы. Очевидно, озерный Владыка решил, что не присягнет никакому королю Заземелья, и, похоже, ничто не могло заставить его изменить свое намерение. И все же Бен знал, что должен найти способ.

Вдруг его осенило.

— А почему вы вообще решили прийти в Заземелье, Владыка? В чем заключается ваша задача?

Дух задумчиво посмотрел на него:

— Моя задача, Ваше Величество?

— Ну да, та, которую вы поставили перед собой, когда оставляли царство фей и переселялись в Заземелье. В чем она заключалась? Вы оставили рай, где нет течения времени, бесконечную жизнь и попали в мир, где есть смерть и время. Вы предпочли стать людьми. Вы сделали это для того, чтобы очистить Заземелье, чтобы сделать прекрасными и здоровыми его землю, воду, деревья и горы! Я не знаю, почему вы сделали такой выбор, но вы его сделали. А теперь говорите мне, что решили сдаться! Мне казалось, что вы не такой. Неужели вы хотите сидеть сложа руки и наблюдать, как вымирает вся долина, просто для того чтобы доказать свою правоту? А когда болезнь зайдет слишком далеко, откуда вы возьмете столько сил, чтобы изгнать ее?

Владыка безмолвно уставился на него. Он слегка нахмурился, и в его глазах промелькнуло сомнение.

Бен быстро продолжал:

— Если вы присягнете мне, я положу конец загрязнению рек и лесов. Я остановлю распространение болезни — не только здесь, в Озерном крае, но и во всей долине.

— Благородный порыв, Ваше Величество. — Казалось, Владыка опечалился. — И как вы этого добьетесь?

— Я найду способ.

— Как? У вас нет даже слабой магии старого короля, магии, которая давала ему власть над Паладином. Вы носите медальон — я вижу его на вашей груди, но это немногим более чем просто символ вашего положения. Ваше Величество, вы только называетесь королем. Как можете вы выполнить хоть что-то из обещанного?

Бен глубоко вздохнул. Последние слова ужалили его в самое сердце, но он постарался не выдать своей ярости.

— Пока не знаю. Но я найду способ.

Владыка долго молчал, погруженный в раздумья. Потом он медленно заговорил, тщательно взвешивая каждое слово:

— Очень хорошо, Ваше Величество. У меня не убудет, если я позволю вам попробовать. Дайте мне обещание, и я буду за вас. Положите конец загрязнению. Остановите распространение болезни. Добейтесь, чтобы все, кто населяет долину, пообещали трудиться вместе с нами во имя сохранения этой земли. И когда вы сделаете это, я принесу вам клятву верности. — Он протянул руку. — Ну как, заключим сделку, Ваше Величество?

Бен крепко сжал его руку:

— Согласен, Владыка.

Вдалеке колокольчиками звенел детский смех. Бен тихо вздохнул. Его снова накормили обещаниями в обмен на условия. Он строил замок на песке.

Он одарил Владыку Озерного края лучшей из тех улыбок, которые использовал в суде.

— А вы, случайно, не знаете, как прогнать дракона из Зеленого Дола?

ГЛАВА 11

ВЕЧНАЯ ЗЕЛЕНЬ

Владыка Озерного края не знал, как прогнать дракона из Зеленого Дола. И сомневался, что это известно кому-нибудь другому. Разве что Ночной Мгле, предположил он, ведя Бена по рощице вязов, заросшей молодым подлеском. Ведь колдовство ведьмы Бездонной Пропасти куда могущественнее, чем у любого другого обитателя долины, но даже сама Ночная Мгла не осмеливалась бросить вызов Страбону. Так или иначе, но Ночная Мгла вряд ли согласится помочь Бену, даже если бы могла. Ведьма всегда ненавидела королей Заземелья, потому что на их стороне выступал Паладин, а Паладин обладал большей силой, чем она.

«Все может измениться», — угрюмо подумал Бен.

— Конечно, нельзя забывать о феях, — поразмыслив, добавил Владыка Озерного края.

Уж их-то драконы не смели ослушаться. Именно поэтому они оставили царство фей и захватили долину. Теперь они верховодят здесь.

Но и феи не помогли бы Бену. Они никому не помогают, если только сами этого не хотят. Феи обитают в туманах, прячутся в своем вневременном, вечном царстве и играют по своим собственным правилам. Бен не может отправиться к ним за помощью. Никто, ушедший в царство фей, еще не возвращался оттуда.

Они вместе шагали по Вечной Зелени. Владыка Озерного края излагал Бену историю своего города и народа, а Бен мучительно размышлял, каким образом он сможет стать настоящим королем этой чудесной земли. Миновал полдень, несмотря на то что город был дивным и захватывающим творением, Бену казалось, что он лишь даром теряет время. Он покорно слушал своего провожатого, поддакивал, где нужно, задавал вежливые вопросы и с ангельским терпением ждал удобного повода, чтобы откланяться.

А такого повода все не находилось. Сгущались сумерки, и Владыка Озерного края проводил Бена к домику для гостей —

расположенной на земле хижине с широкими окнами, от которых вверх уходили воздушные мостики. Домик был окружен садом и густой рощей Лазурных Друзей. Над головой петляли, уходя ввысь, «улицы» воздушного города, создававшие причудливую игру света и зелено-золотистых теней. Предзакатную тишину нарушали лишь отдаленные голоса и взрывы смеха. Жители города-леса закончили свой рабочий день.

Сумерки уже сменялись ночным мраком, когда Бен устало вошел в хижину. Обещание явиться на праздник к Владыке Озерного края давило на душу тяжелым камнем. Бену было совсем не до веселья.

Друзья уже ждали его. Он кивнул им и плюхнулся в плетеное кресло-качалку с мягкими подушками на сиденье.

— Все впустую, — тоскливо объявил он.

Советник уселся рядом.

— Он отказался принести клятву верности, Ваше Величество?

— Как сказать. Он пообещал принести ее только после того, как я добьюсь, чтобы все прочие обитатели долины перестали загрязнять ее. Я должен заставить их трудиться вместе с жителями Озерного края, чтобы привести долину в порядок.

— Я предупреждал, что с ним будет нелегко, Ваше Величество, — ехидно заметил Абернети.

Бен взглянул на пса. Почему-то он не запомнил подобных предостережений своего летописца, но крыть было нечем.

— Полагаю, что вам удалось добиться немалого, — заметил советник, отмахнувшись от слов Абернети.

Бен застонал:

— Не надо жалеть меня, советник...

— Уверяю вас, я говорю вполне серьезно, — торопливо продолжал колдун. — Я боялся, что он и слушать вас не станет. Ведь он хранил верность старому королю отнюдь не из уважения к монархии, продержавшейся не одну сотню лет, и не потому, что боялся навлечь монарший гнев своим неповиновением. Ведь жители Озерного края никогда не нуждались в покровительстве, и чужое мнение их не интересовало.

— Владыка тоже говорил нечто подобное. Но почему это так сложно?

Советник повел бровями:

— Дело в том, что им не хватает взаимопонимания. Жители Озерного края — выходцы из мира фей, и они владеют таким волшебством, какое никогда не было доступно никаким другим обитателям Заземелья. Они предпочли добровольное изгнание из той страны, которая кажется самим совершенством, миром вне времени, где каждый может быть бессмертным. Народ Озерного края любит подчеркивать свою исключительность, к тому же у них совсем иная система жизненных ценностей. Это порождает в других зависть и недоверие — самые разрушительные чувства.

— У медали есть и другая сторона, — встрял Абернети. — Озерным жителям трудно сходиться с соседями. Они предпочитают оставаться в стороне, убежденные в том, что их взгляды просто нельзя не разделять. Они обвиняют других в порче земли и воды, а сами прячутся в своих лесах и не делают ничего, чтобы исправить положение.

Бен нахмурился:

— Неужели загрязнение, на которое они жалуются, и впрямь так велико?

Советник пожал плечами:

— Трудно спорить. Лорды Зеленого Дола всю землю поделили на поля и выпасы, а леса опустошают охотой. В северных горах тролли добывают руду, и отходы их производства отравляют реки, питающие всю долину. Вносят свою лепту и все другие.

— Всем не угодишь, Ваше Величество, — тихо добавил Абернети, задумчиво морща мохнатый лоб.

— Что за мудрые слова, — пробормотал Бен, вдруг вспомнив о той жизни в Чикаго, которую он оставил. — Попал я из огня да в полымя.

Советник и Абернети переглянулись.

— Что, Ваше Величество? — недоуменно спросил советник.

Бен поднялся, потянулся и встряхнул головой.

— Не обращайте внимания. Когда начинается празднество?

— Совсем скоро, — доложил колдун.

— Может быть, желаете принять ванну, Ваше Величество? — засуетился Абернети. — Или подать свежий костюм?

— И то, и другое. А заодно подумайте, чем мы можем еще угодить нашим властителям, чтобы они в конце концов признали своего несчастного короля!

Сапожок с Сельдереем зашипели, старательно осклабив клыки в улыбке. Бен мрачно глянул на них и направился было к выходу, потом вдруг остановился и сказал:

— Знаете, я бы не требовал столь многого, если бы не надеялся переубедить Владыку Озерного края, но пока не знаю, как это сделать, что придумать. — Он помолчал, задумавшись. — Кстати, много ли у меня времени?

— Вечеринки здесь обычно затягиваются на всю ночь, — сообщил советник.

Бен утомленно вздохнул.

— Потрясающе, — пробормотал он и вышел.

Советник попал в самую точку. Праздник начался сразу же после захода солнца и продолжался до рассвета. Его закатили якобы в честь Его Величества короля Заземелья, но Бен вскоре пришел к убеждению, что народ Озерного края готов веселиться по любому поводу. Во всяком случае, от новоиспеченного короля не зависит ни порядок празднества, ни его продолжительность, ни выбор музыки.

Торжество началось с праздничного шествия. Бена и его спутников усадили в амфитеатре рядом с Владыкой и его чадами и домочадцами, среди которых была и Ивица. Толпы юношей, девушек и подростков с факелами и яркими знаменами вливались на арену через проход в стене и шагали по кругу, распевая песни и создавая причудливую игру света и красок. Они встали в несколько хороводов, которые медленно двигались в разные стороны под восторженный гвалт зрителей. Музыканты, сидевшие неподалеку от Бена, усердно дули в свои флейты и рожки, пиликали на скрипках. Пронзительная задорная мелодия становилась все быстрее, подгоняя неугомонных танцоров.

Потом большие хороводы распались на мелкие, и церемонное шествие превратилось во всеобщую пляску. Знамена развевались, огни мельтешили в такт все убыстрявшейся музыке. Чаши зрителей не пустели, да и танцоры успевали то и дело хлебнуть вина или эля. И вот уже все хлопали в ладоши

и подпевали исполнителям. Звуки эхом отдавались в высоких кронах Вечной Зелени, сливаясь в единый мощный рев, где уже нельзя было различить отдельных голосов. Дымка развеялась, и на небо Заземелья выплыли луны, похожие на яркие воздушные шары невероятных размеров. Снопы разноцветных лучей просачивались сквозь ветви деревьев-великанов, чтобы разогнать ночную тьму вместе с пламенем факелов.

Очень скоро Бен распрощался с надеждой вновь побеседовать с Владыкой рек и озер, чтобы убедить его принести присягу. Никому не было дела до серьезных вещей, каждый желал только развлекаться. Все попытки заговорить тонули в шуме, а вино лилось таким потоком, что даже Бен был потрясен. Он из вежливости пригубил предложенную ему чашу и обнаружил, что вино довольно приятно на вкус. Потом выпил вторую — почему бы и нет, черт возьми? — потом еще несколько. Бен и оглянуться не успел, как напился вдрызг, и ему стало ужасно весело. Советник с кобольдами не отставали, они тоже, похоже, веселились от души. И только Абернети воздерживался от излишеств, бурча что-то насчет того, что алкоголь вреден животным. Вскоре все гости Владыки Озерного края принялись петь и хлопать, не разбирая ни слов, ни ритма.

Владыка был как будто доволен тем, что Бен так здорово развлекается. Он часто подходил к королю. Темные глаза духа сверкали, а узкое лицо раскраснелось. Он приглашал Бена еще раз посетить Вечную Зелень, желал ему всяческих благ, интересовался, не нужно ли ему еще чего-нибудь. Бена одолевало искушение дать Владыке недвусмысленный ответ, но он придержал язык. Владыка был в самом приятном расположении духа, и его веселость была заразительной. Давно Бен так не развлекался, даже до того, как попал в эту чудесную страну.

Время летело незаметно, празднество было в самом разгаре, и вот уже зрители, не выдержав, повалили на арену, чтобы присоединиться к танцорам. Жители Озерного края кружились в вихре безумного танца, и в фантастической игре света и тени казалось, что сказочный народец вновь обрел былое волшебство. Владыка взял за руку одну из своих многочисленных жен, хрупкую водяную нимфу, и потащил ее в толпу

танцующих. Он позвал с собой Бена, его друзей, своих чад и домочадцев. Почти все последовали за ним. Бен, поколебавшись, поднялся и посмотрел туда, где прежде приметил Ивицу. Но ее уже не было, и Бен снова плюхнулся на скамью. О чем он думает? Что ему праздновать? Хмель мигом улетучился, едва он подумал о тщетности своих попыток стать настоящим королем. Бену стало не до веселья.

Он снова встал и, извиняясь, неверной походкой поплелся прочь. Абернети бросился было следом, но Бен решительно отмахнулся. Духи, нимфы, водяные, русалки и наяды радостно кружились вокруг. Бен незаметно выбрался из толпы. За минувший день он повидал столько народу, что больше не мог выносить общество. Ему хотелось одиночества.

Выбравшись из амфитеатра, он очутился в сумраке леса. Вверху, на лесных «улицах», мигали редкие огоньки, и шум празднества становился все глуше. Бен шагал куда-то во тьму, стремясь укрыться в своей хижине. Вино булькало у него в желудке, и вскоре его вывернуло на обочину тропы. Бен выпрямился, дождался, пока в голове чуть-чуть прояснится, и поплелся дальше. Добравшись до хижины, он вполз на веранду и повалился в плетеное кресло с высокой спинкой.

«Ох, хорош», — ядовито подумал он. Бен был подавлен и растерян. А ведь раньше он так верил в себя. Он знал, что мог стать хорошим королем. Он был умен и умел добиваться своего, был сострадательным, имел большой опыт работы с людьми и знал законы, по которым живет общество. А главное, он принял вызов, брошенный ему судьбой, считая, что сможет справиться с ним. Но на деле оказалось, что все это ничего не значит. Покамест он ни на шаг не приблизился к тому, чтобы его признали королем, — все пытались ставить ему условия и торговаться. Сильнейшие союзники старого короля наотрез отказались помогать ему. Он потерял покровительство королевского защитника, который сейчас больше похож на привидение, а Марк со своими демонами все ближе подбирается к нему.

Бен потянулся и уставился в темноту. «Ну и что с того?» — упрямо подумал он. Ведь он поставил на карту только свое самоуважение. Нужно только снять медальон, и он вернется в Чикаго, потеряв миллион долларов, зато сохранив жизнь. Он

уже терпел поражение и, несомненно, потерпит снова. Так ради чего стараться?

Несколько минут он тешился этой мыслью, а потом вдруг вспомнил лица тех немногих, кто явился на коронацию: крестьян, охотников, тех, кто до сих пор ждал короля, который оправдал бы их надежды. Бедняги, им снова не повезло.

«Наверное, не так уж я и хорош», — с горечью признался он себе.

Что-то зашелестело в зарослях у крыльца, и Бен быстро обернулся.

— Бен!

Это была Ивица. Призрачная фигурка в белых шелковых одеждах выскользнула из-за деревьев и побежала к нему. Зеленые волосы переливались в тусклом свете. Подобная пронизанному лунным сиянием клочку тумана, парящего над полночным озером, эфемерная, но невероятно прекрасная девушка приблизилась к Бену. Шелк струился по ее телу, повторяя его очертания.

— Я шла за тобой, Бен, — нежно, без тени смущения произнесла она. — Я знаю, ты устал и хочешь спать. Прошу тебя, погоди со сном. Иди за мной. Идем, и ты увидишь, как танцует моя мать.

У Бена перехватило дыхание, когда девушка приблизилась к нему.

— Твоя мать?

— Она лесная нимфа, Бен. Она так пуглива, что не может жить среди людей, в Вечной Зелени. Отцу так и не удалось приручить ее. Но музыка притягивает дикарку, и она чувствует непреодолимое желание танцевать. Она придет к старым соснам и будет искать меня. Пойдем, Бен. Я хочу, чтобы ты тоже был там. — Она взошла на крыльцо, коснулась его руки и замерла. — О, твое лицо! Ты пострадал! — Бен почти забыл о драке с Каллендбором. Девушка нежно погладила его лоб. — На Иррилине я не заметила твоих ран. Вот так.

Она провела пальцами по лицу Бена, и боль тут же исчезла. Он не смог скрыть удивления.

— Я умею исцелять небольшие раны, — прошептала она. — Те, которые на поверхности.

— Ивица... — пробормотал он.

— Я не буду упрашивать тебя остаться со мной, пока ты сам не захочешь этого. — Ее теплые, нежные пальцы задержались на щеке Бена. — Теперь мне известно, кто ты. Я знаю, ты из другого мира и ты до сих пор не в ладах с нашим. Я подожду.

Ее слова царапнули сердце Бена.

— Ивица...

— Идем же, Бен! — Девушка крепко сжала его руку и вытащила из кресла. — Скорее! — Она потащила его в лес. — Моя мать не будет ждать!

Бену уже не хотелось униматься. Они побежали в лес. Девушка неслась словно прекрасное, невероятное видение, а Бен, спотыкаясь, бежал следом, словно ее покорная тень. Рука об руку они мчались между деревьями, и вскоре он потерял всякое представление о том, где находится, да ему и не было до этого дела. Прикосновение Ивицы обжигало его, и в нем снова вспыхнуло желание.

Долго ли, коротко ли, но вскоре Ивица замедлила шаг. Лес, обступивший их, был куда туманнее и сумрачнее веселой Вечной Зелени. Издалека все еще доносились звуки празднества, совсем тихие и слабые. Цветные нити лунного света пронизывали кроны и расцвечивали землю, словно брызги красок. Ивица крепко сжимала руку Бена, и жар ее тела манил его. Бахрома шелковых волосков на ее предплечье щекотала запястье мужчины. Она беззвучно пробиралась меж мрачных зеленых часовых, словно осторожный ночной зверек.

Вскоре лиственные деревья сменились соснами, древними вечнозелеными великанами. Ивица с Беном раздвинули их мохнатые лапы, и взору открылась небольшая поляна.

Там, в потоке струящегося лунного света, танцевала мать Ивицы.

Это было крошечное, как ребенок, хрупкое создание, с прекрасным и нежным лицом. Серебряные волосы, переливаясь, падали ниже пояса, а кожа лесной нимфы была такого же зеленоватого оттенка, как у ее дочери. Она была облачена в белые прозрачные одежды, а сияние, разливавшееся вокруг ее тела, словно исходило изнутри. Она кружилась и подпрыгивала в безумном танце, подчиняясь ритмам отдаленной музыки.

— Мама! — благоговейно прошептала Ивица, и в глазах ее отразилось восхищение и счастье.

На мгновение взгляды матери и дочери встретились, но нимфа не замедлила движения. Ивица безмолвно преклонила колени на краю поляны и мягко притянула Бена. Он опустился наземь, и они принялись молча наблюдать волшебный танец сказочного существа.

Бен не знал, сколько длился этот танец. Казалось, время остановилось на этой поляне. Все, что так мучило его, когда он ушел с праздника, потеряло значение и было забыто. Остались лишь Ивица, и он, и танцующая женщина. Бен чувствовал, как изящество и красота этого танца объединяют их. Он ощущал растущую связь с ними, природы которой не понимал, но отчаянно мечтал о ней. Он не противился этой связи. Потом танец завершился. Наступила тишина, кажется, музыка перестала играть. Мать Ивицы повернулась к ним, бросила мимолетный взгляд и исчезла. Бен с удивлением воззрился на поляну и услышал, что музыка зазвучала вновь. Но лесная нимфа пропала, будто ее и не было.

— О мама! — прошептала Ивица и заплакала. — Она так прекрасна, Бен. Разве она не совершенство?

Бен кивнул, чувствуя, как маленькая ручка сжимает его ладонь:

— Она очень красивая, Ивица.

Сильфида поднялась, потянув его за собой.

— Бен, — пролепетала она еле слышно. — Теперь я принадлежу тебе. Его Величество и дочь волшебного народа должны быть вместе. Ты должен попросить моего отца, чтобы он позволил мне уйти с тобой. Ты должен сказать ему, что я нужна тебе, — ведь это правда, Бен! И если ты попросишь его, Бен, он позволит мне уйти.

Бен поспешно ответил:

— Ивица, я не могу просить о...

— Ты — великий король, и твоя просьба будет исполнена. — Девушка прижала палец к его губам, чтобы он ничего не говорил. — Я всего лишь одна из многочисленных дочерей своего отца, чья мать никогда не сможет жить с человеком, с которым была единожды, чтобы дать мне жизнь. Его отношение ко мне

меняется в зависимости от его настроения. Но ты должен выпросить меня, Бен.

Лицо Энни вдруг встало у него перед глазами, остудив пламя, которое зажгла в его груди прекрасная сильфида.

— Я не могу сделать этого.

— Ты недооцениваешь магию моего народа, Бен. Я вижу это по твоим глазам, слышу в твоем голосе. Но Заземелье — живое сердце волшебства, и ты должен принять его как есть. — Она отпустила его руку и тихонько отступила. — Теперь я должна идти. Я должна подпитаться той землей, которую моя мать освятила своим танцем. Оставь меня, Бен. Иди обратно, лес сам покажет тебе дорогу.

— Нет, Ивица, погоди...

— Попроси обо мне, Бен. Отец должен отпустить меня. — Она подняла нежное личико к разноцветным нитям лунного света, заливавшим поляну. — О, Бен, я словно чувствую маму рядом со мной, она будто обнимает меня, прижимает к себе. Мне кажется, что она еще здесь. Ее сущность проникает в меня через почву. Нынче ночью я смогу воссоединиться с ней. А теперь уходи, Бен. Скорее!

Но он словно в землю врос, не в силах уйти прочь. Почему она так упрямо настаивает, что принадлежит ему? Разве ей не ясно, что то, чего она так хочет, невозможно?

Девушка закружилась посреди поляны, прекрасная, чувственная и хрупкая. В этот миг Бен так страстно захотел ее, что слезы навернулись у него на глаза.

— Ивица! — вскрикнул он, делая шаг вперед.

Она перестала кружиться и повернулась к нему, крепко уперевшись ногами в землю, воздев руки к небу и запрокинув голову. Бен застыл на месте. Неожиданно тело сильфиды засветилось тем же самым сиянием, что пронизывало тело танцующей нимфы. Ивица вдруг стала полупрозрачной, потом ее тело начало разрастаться и искривляться. Бен прикрыл глаза ладонью и от неожиданности упал на колено. Ивица преображалась у него на глазах. Руки и ноги темнели, выворачивались, изгибались, удлинялись и разветвлялись...

Он моргнул, и Ивицы не стало. На ее месте возникло дерево. Это было то самое дерево, от которого она получила свое имя. Она превратилась в иву! Бен не мог поверить своим глазам. Он был потрясен, это превращение показалось ему

отвратительным. Он пытался бороться со своим чувством, но тщетно. Она ведь сказала, что будет подпитываться от почвы. И что она чувствует здесь прикосновение своей матери. Господи Иисусе, да что же это за существо?

Он никак не мог придумать ответа на этот вопрос, чувствуя себя совершенно потерянным в тумане дремучего леса. Он ждал, но ответа не было.

Он мог бы проторчать на этой поляне всю ночь, кабы не Сапожок, который вынырнул из зарослей, схватил его за руку и потащил прочь, как непослушного ребенка. Бен поплелся вслед за кобольдом без возражений, слишком ошеломленный увиденным. В его душе бушевали самые противоречивые чувства. Ивица была такой прекрасной и трепетной, и он хотел ее с невероятной силой. И в то же время она казалась ему отталкивающей — аморфное существо, не то человек, не то дерево.

Покидая поляну, Бен не оглядывался, потому что это было выше его сил. Он слишком стыдился своих чувств. Он молча тащился за Сапожком по роще старых сосен. Потом до него вдруг дошло, что кобольд следил за ним все это время. Наверное, его послал советник или Абернети. Они чуть не потеряли его на Иррилине и теперь глаз с него не спускали.

Бену вдруг захотелось, чтобы они не нашли его этой ночью. Огромное желание исчезнуть истово охватило его. Он мечтал о тысячах других вещей, которые могли бы случиться, но теперь никогда не случатся.

Обратный путь не занял много времени. Друзья Бена ждали его в хижине, и на их лицах отражались печаль и беспокойство. Они усадили его в кресло и обступили кругом.

— Вы должны были рассказать нам о встрече с этой сильфидой, Ваше Величество, — тихо сказал советник, обменявшись парой слов с Сапожком. — Мы бы предупредили вас о том, что произойдет.

— Да я же говорил вам, что народ Озерного края совсем не похож на нас, — проворчал Абернети, и Бен не знал, то ли ему заплакать, то ли засмеяться. Советник шикнул на писца.

— Вы должны кое-что уяснить, Ваше Величество, — продолжал колдун, вновь обращаясь к Бену. — Ивица — дочь водяного духа и лесной нимфы. Ее отец — человек лишь наполовину. Ее мать — и того хуже, она принадлежит больше лесу, чем миру людей, мелкий дух, который получает жизнен-

ные силы из самой земли. Что-то от нее передалось и Ивице, и ей тоже нужна такая подпитка. Она перевертыш, она обязана жизнью как животному, так и растительному миру. Для нее естественно принимать обе эти формы, иначе она не может. Я знаю, вам это дико.

Бен медленно обвел своих друзей взглядом, чувствуя, как напряжение в его душе спадает.

— Мне это кажется не более диким, чем все остальное, что здесь происходит.

Бен устал, и на душе у него скребли кошки; ему нужно было поспать.

Советник замялся:

— Кажется, вы ей далеко не безразличны.

Бен кивнул, припоминая слова девушки:

— Она сказала, что принадлежит мне.

Советник посмотрел на Абернети. Кобольды пожирали Бена радостными, вопросительными взглядами. Бен нахмурился.

— Но это ведь не так, — наконец сказал он. — Она — дитя Озерного края. Она принадлежит своей семье и своему народу.

Абернети пробурчал что-то невразумительное и отвернулся. Советник промолчал. Бен некоторое время разглядывал их, потом устало поднялся.

— Я иду спать, — заявил он.

Бен отправился в смежную комнату, провожаемый взглядами своих «придворных». На пороге он помедлил.

— Мы отправляемся домой, — сообщил он. Помолчав, добавил: — Завтра, на рассвете.

Ни единого слова в ответ. Бен затворил за собой дверь и остался в полной темноте.

ГЛАВА 12

КЫШ-ГНОМЫ

Они оставили Вечную Зелень следующим утром, вскоре после рассвета. Туман одеялом накрыл край озер, а утренний воздух был влажным и неподвижным. Начинался такой день,

когда можно поверить в привидений и гоблинов. Владыка Озерного края пришел проводить своих гостей. Его пригласил советник, и дух появился без промедления. Владыка, похоже, так и не спал, потому что празднество только-только закончилось, но выглядел свежим и бодрым. От имени всей своей компании Бен поблагодарил его за проявленное гостеприимство, и Владыка учтиво поклонился в ответ. Его лицо, словно вырубленное из дерева, по-прежнему оставалось бесстрастным. Бен несколько раз оглядывался в поисках Ивицы, но ее нигде не было видно. Он думал, стоит ли выполнить ее желание, чтобы попросить отца отпустить с ними. Одна часть его души желала этого, другая — не могла позволить. Потом нерешительность уступила место доводам рассудка; к тому же бесплодный спор с самим собой лишь отнимал время. Бен ушел, так и не поговорив с духом о его дочери.

Маленький отряд скакал на север весь день, оставив позади Озерный край с его туманами, серые просторы восточной окраины Зеленого Дола, и очутился наконец в поросших лесом холмах, окружавших Чистейшее Серебро. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь тучи, затянувшие небо, и в воздухе пахло дождем. Ночь уже объяла землю, когда Бен и его спутники выбрались из челнока-бегунка и прошагали последние несколько ярдов, отделявших их от ворот замка. И тут же застучали первые капли дождя.

Он лил всю ночь. Стена ливня обрушилась на замок, отрезав его от всего окружающего мира. И Бену это было по душе. Он достал бутылку «Гленливета», которую хранил для особого случая, собрал советника, Абернети и обоих кобольдов за столом в обеденном зале и предложил устроить пирушку. Но пил он один. Четверка его слуг лишь робко пригубила свои бокалы, и Бен в одиночку прикончил почти всю бутылку. И пока пил, рассказывал им о жизни в своем мире, о Чикаго и его обитателях, о своих друзьях и семье, короче, о всех и вся. Не говорил он только о Заземелье. Все вежливо слушали и поддакивали. Впоследствии Бен и не вспомнил, о чем говорил, да это его и не заботило. Когда скотч кончился и все темы были исчерпаны, он поднялся и побрел в свои покои. На следующее утро, когда Бен проснулся, у его посте-

ли сидели советник и Абернети. Он чувствовал себя омерзительно. Дождь все еще шел.

— Доброе утро, Ваше Величество, — уныло приветствовали его писец и советник. Эта парочка выглядела словно на похоронах.

— Вернетесь, когда я помру, — рявкнул Бен, перекатился на другой бок и заснул.

Вторично он проснулся в полдень. На сей раз рядом никого не было. Дождь кончился, и жидкие солнечные лучи просачивались сквозь покрывало тумана. Бен с трудом сел и уставился в пространство. Голова гудела, а рот был словно набит ватой. Он был так зол на самого себя, что с трудом удержался от того, чтобы не завыть. Умылся, оделся и потащился вниз по лестнице в обеденный зал.

Он не торопился, рассматривая каменные стены, потемневшие серебряные украшения, выцветшие гобелены и занавеси. Он ощущал, как теплота замка подступает к самому его сердцу, словно ласковое прикосновение матери. Как давно он не чувствовал такого прикосновения! Он благодарно проводил рукой по стенам.

Советник, Абернети и кобольды собрались в большом зале, где занимались каждый своим делом. Все быстро подняли головы, когда он появился. Бен подошел к ним и остановился.

— Простите за то, что я учинил вчера вечером, — смущенно пробормотал он. — Я понимаю, что не должен был позволять себе раскиснуть. Надеюсь, вы все хорошо отдохнули, потому что нам предстоит большая работа.

Советник посмотрел на всех остальных, потом опять на Бена.

— Куда мы теперь отправимся, Ваше Величество? — спросил он.

Бен улыбнулся:

— Мы отправимся в школу, советник.

В тот же день начались уроки. Бен был учеником; советник, Абернети, Сапожок и Сельдерей — его учителями. Бену пришла эта мысль еще накануне, в хмельном угаре. С момента появления в Заземелье он без толку потратил большую часть времени. Пусть советник убеждал его, что посещение Зеленого Дола и Вечной Зелени сослужило добрую службу, тем бо-

лее что, возможно, так оно и было. Беда в том, что Бен продвигался на ощупь. Он был чужаком в стране, в существование которой раньше ни за что не поверил бы. Он пытался править землями, которых никогда не видел. Он пытался заключать сделки с правителями и знатью, о которых ничего не знал. Ему нужно было многое прояснить, и Бен с рвением взялся за учебу.

Он начал с Чистейшего Серебра. Весь оставшийся день он посвятил изучению замка и обошел его вместе с писцом и советником от погреба до последней башни. Он велел Абернети поведать историю замка и его королей с тех самых времен, что остались в летописях и в памяти. Колдуну он наказал заполнять пробелы, если таковые находились. Он запоминал все, что мог, о том, что происходило в этих залах и покоях, в башнях и на парапетах, на земле и в воздухе. Он впитывал жизнь замка глазами, ноздрями и ощупью, пока не начал чувствовать себя одним целым с ним.

Поздним вечером Бен поужинал в большом зале, а после трапезы часа два расспрашивал Сельдерея о том, как научиться распознавать годные в пищу и ядовитые растения долины. Советник оставался с ними, чтобы переводить все, что говорил кобольд.

На следующий день они взялись за Землевидение. Несколько «путешествий» Бен совершил вместе с советником, пересекая долину из конца в конец, изучая леса и горы, города, замки и крепости, а также населявших их людей. После полудня он принялся «путешествовать» в одиночку, немного свыкнувшись с магией, учась применять возможности Землевидения для своих потребностей и мысленно восстанавливая те разрозненные сведения, которые получил от колдуна.

Он занимался Землевидением и на следующий день, и в каждый последующий. Он впитывал историю этой страны, связывая известные события с определенной местностью и народом. Советник учил его, выказывая бесконечное терпение. Бену было трудно сопоставить времена и даты с местами, которые он так мало знал. Советнику приходилось раз за разом повторять уроки. Но Бен обладал хорошей памятью и немалой решимостью. К концу первой недели у него сложились четкие представления о Заземелье.

А еще Бен часто бродил по окрестностям замка, не прибегая к магии Землевидения, а прямо так, пешком. Сапожок был его проводником и наставником. Кобольд водил его в лес и на холмы, где Бен мог изучать все формы местной жизни. Они выследили древесного волка, разыскали логово пещерной твари, обнаружили пару трясинников. Они раскапывали норы крыс, змей и прочих гадов, загнали на деревья несколько разных кошек и понаблюдали издали за спрятанными в скалах гнездами хищных птиц. Они изучали растительный мир. Поначалу советник отправлялся с ними, чтобы переводить, а потом его оставили в покое. Бен обнаружил, что может и сам прекрасно ладить с кобольдом.

Спустя десять дней Бен воспользовался Землевидением, чтобы разыскать Страбона. Он отправился в путешествие в одиночку. Предпринял его для проверки своих навыков в управлении магией. Сначала ему хотелось отыскать Ивицу, но потом решил, что подсматривать и шпионить нехорошо, и оставил эту затею. Вместо этого он решил заняться драконом. Это чудовище пугало его, и он хотел проверить, сможет ли справиться со своим страхом. Он потратил впустую большую часть дня, прежде чем обнаружил дракона, пожравшего с полдюжины коров на северной окраине Зеленого Дола. Тот с хрустом грыз кости изуродованных до неузнаваемости туш. Казалось, дракон почувствовал присутствие человека, когда Бен приблизился на десяток ярдов к месту его пиршества. Покрытое корявой корой рыло сморщилось, дракон разинул пасть и щелкнул почерневшими зубами. Бен решительно стоял на месте, пока не сосчитал до пяти, потом, удовлетворенный, быстро удалился.

Ему также захотелось отправиться в одиночку в лес, окружавший озеро, чтобы проверить знания, полученные от Сапожка, но советник охладил его пыл. Они сошлись на том, что Бен совершит прогулку в дневное время, а Сапожок будет незаметно следить за ним и не вмешиваться, если только Бену не будет угрожать явная опасность. Бен вышел на рассвете и вернулся на закате, так ни разу и не заметив кобольда. Не видел он также ни пещерной твари, ни древесной гадюки, с которыми кобольд расправился, когда они собирались закусить Беном. Он утешил себя тем, что сумел хотя бы увидеть и

ускользнуть от нескольких трясинников, волков и других тварей и гадов, а также от громадного лесного кота, который тоже мог бы сделать его своей добычей.

Спустя две недели Бен уже мог наизусть рассказать о важнейших исторических событиях, местах и дорогах, о съедобных и ядовитых травах, о существах, населявших долину, об обычаях крупнейших племен и о правилах, которые могли бы сделать честь любому руководству по выживанию в волшебном королевстве. Бен продолжал работать с Землевидением. Он все еще не постиг его магию настолько, чтобы добиться последней поставленной перед собой задачи — найти ведьму Ночную Мглу в недрах Бездонной Пропасти. Ночная Мгла никогда не покидала самых мрачных закоулков своего обиталища, а Бен все еще был не настолько уверен в себе, чтобы попытаться туда проникнуть.

Он все еще боролся с неопределенностью, когда у ворот замка оказалась более неотложная проблема.

— К вам посетители, Ваше Величество, — объявил как-то Абернети.

Бен сидел за рабочим столом в одном из кабинетов, изучая древние карты долины. Он с удивлением поднял голову, впервые заметив неслышно появившихся за его спиной советника и Абернети.

— Посетители? — удивленно повторил он.

— Гномы, Ваше Величество, — пояснил советник.

— Кыш-гномы, — добавил Абернети с явным презрением.

Бен недоуменно уставился на них. Потом отодвинул карты.

— Что это еще за кыш-гномы? — Советник никогда не рассказывал ему ни о чем подобном.

— Боюсь, это весьма жалкое племя гномов, — заметил советник.

— Он хочет сказать, весьма бесполезное племя, — ледяным тоном поправил его Абернети.

— Это совсем не обязательно.

— Это определенно.

— Как ни прискорбно, Абернети, ты всегда высказываешь предвзятое мнение.

— Я выражаю хорошо обоснованное мнение, советник Тьюс.

— Вы как Лорел и Харди, — вмешался Бен. Парочка замолкла и недоуменно уставилась на него. — Ничего, ничего, — поспешно сказал он, досадливо махнув рукой. — Вы только скажите мне, что это за кыш-гномы.

— Это племя гномов, живущих в предгорьях близ высоких скал Мельхора, — ответил советник, выступив вперед. — Этот народец живет в норах и берлогах, которые выкапывает в земле. Большую часть жизни они проводят под землей...

— Где им самое место, — вставил Абернети.

— ...но время от времени они промышляют в окрестностях. — Колдун бросил на Абернети испепеляющий взгляд. — Разве не так? — Он перевел взгляд на Бена. — Их многие недолюбливают. У них есть привычка присваивать не принадлежащие им вещи, ничего не давая взамен. Это «заимствование» часто досаждает окружающим, когда дело касается чужого поля или стада. Они чрезвычайно привязываются к месту своего обитания и, если заняли какое-то место, уже не уйдут. Им все равно, кому принадлежит земля, на которой они поселились; раз попав туда, там они и остаются.

— Ты еще не сообщил самого скверного! — не отступал Абернети.

— Почему бы тебе самому об этом не рассказать? — фыркнув, сказал советник и сделал шаг назад.

— Они едят собак, Ваше Величество! — рявкнул Абернети, не в силах дольше сдерживаться. Его верхняя губа сморщилась, обнажив острые зубы. — Они каннибалы!

— К сожалению, это правда. — Советник снова высунулся вперед, оттеснив плечом Абернети. — Однако они с тем же успехом пожирают кошек, и я ни разу не слышал, чтобы тебе это не нравилось!

Бен поморщился:

— Замечательно. А откуда у них такое странное название?

— Так уж привилось, Ваше Величество, — произнес советник. — Гномы до такой степени надоели соседям своим воровством, что те стали открыто выражать пожелания, чтобы гномы убирались, и побыстрее, все время цыкая на них: кыш, кыш! Постепенно выражение «Кыш, гномы!» превратилось в прозвище, под которым они и известны как кыш-гномы.

Бен сделал резкое движение рукой по воздуху:

— Ну вот, еще одна сказочка братьев Гримм. Кыш-гномы. Ну и что же привело к нам этих вороватых созданьиц?

— Об этом они будут говорить только с вами, Ваше Величество. Пожелаете ли принять их?

Абернети, казалось, был готов укусить советника, но удержался от искушения. Его мохнатая морда так и застыла в полуоскале. Советник покачался на каблуках, устремив на Бена ожидающий взгляд.

— Расписание королевских аудиенций покамест не перегружено, — ответил Бен, посмотрев сперва на Абернети, а потом на советника. — Не вижу, почему бы не встретиться с тем, кто взял на себя труд пройти столь длинный путь, чтобы увидеть короля.

— Надеюсь, потом вы не забудете, что сами этого захотели. — Писец фыркнул. — Там их двое. Привести обоих?

Бен с трудом удержался от улыбки.

— Будьте любезны.

Абернети ушел и вернулся через несколько минут с кыш-гномами.

— Щелчок и Пьянчужка, — ощерившись, объявил Абернети.

Гномы выступили вперед и поклонились так низко, что их головы коснулись каменного пола. Это были самые жалкие на свете создания. Роста в них было едва ли четыре фута, пузатенькие, покрытые шерстью коротышки с мордами, как у хорьков, заросшими бородой от шеи до носа. На них были одежды, которые с презрением отверг бы самый опустившийся оборванец, к тому же они, похоже, отродясь не мылись. Пыль покрывала их тела и лохмотья, грязь и сажа въелись в каждую морщинку их кожи, а на когти так просто смотреть было страшно. Крошечные заостренные уши торчали по обе стороны от шапочек с красными перьями, заткнутыми за ленты, а из развалившихся башмаков выглядывали пальцы с загнувшимися, никогда не стриженными когтями.

— Могущественный великий король, — обратился один из них к Бену.

— Величайший великий король, — подхватил другой.

Гномы подняли головы от пола и, щуря глазки, уставились на Бена. Они были похожи на двух кротов, случайно выбравшихся на свет.

— Я Щелчок, — представился один.

— А я Пьянчужка, — заулыбался второй.

— Мы пришли, чтобы присягнуть на верность королю Заземелья от имени всех кыш-гномов.

— Мы пришли, чтобы поздравить вас, — заявил Пьянчужка.

— Мы желаем вам долгой жизни и здоровья, — сказал Щелчок.

— Мы желаем вам много детей, — добавил Пьянчужка.

— Мы предлагаем вам все наши навыки и опыт, чтобы вы могли пользоваться ими по вашему усмотрению, — сообщил Щелчок.

— Мы предлагаем вам себя на службу, — произнес Пьянчужка.

— Но сперва мы расскажем вам о нашей небольшой нужде, — промямлил Щелчок.

— Совсем небольшой, — согласился Пьянчужка.

Они замолчали, очевидно, закончив церемонию. Бен подумал, что у них, вероятно, просто кончился завод.

— Что за нужда привела вас ко мне? — важно спросил он.

Гномы переглянулись. Узкие кротиные мордочки сморщились, показав крошечные, острые, как иголки, зубы.

— Тролли, — сказал Щелчок.

— Скальные тролли, — подтвердил Пьянчужка.

Они снова замолчали. Бен прочистил горло.

— Ну и что с ними? — Хоть он и не знал ничего о кыш-гномах, о скальных троллях ему было кое-что известно.

— Они забрали наших собратьев, — пожаловался Щелчок.

— Не всех, конечно, но довольно большое количество, — поправил его Пьянчужка.

— Нас они упустили, — заметил Щелчок.

— Мы были в отлучке, — пояснил Пьянчужка.

— Они проползли по нашим норам и пещерам и повытаскивали наших собратьев, — сказал Щелчок.

— Они схватили всех, кого нашли, — добавил Пьянчужка.

— Они отогнали их в Мельхор, чтобы те работали в шахтах и в плавильнях, — нудно заскулил Щелчок.

— Заставили возиться с огнем, — запричитал Пьянчужка.

Бен начал понимать, что к чему. Скальные тролли были весьма грубым и отсталым племенем, обитавшим в горах Мельхора. Занимались они преимущественно добычей руды из горных пород и превращением ее в оружие и латы, которые продавали другим обитателям долины. Скальные тролли были несговорчивым и недружелюбным народцем, но они редко причиняли беспокойство своим соседям и никогда не использовали труд рабов.

Бен посмотрел поверх гномов на советника и Абернети. Колдун пожал плечами, а писец всем своим видом говорил: «Ну я же предупреждал!»

— Почему же скальные тролли захватили ваших соплеменников? — спросил Бен.

Щелчок и Пьянчужка задумчиво посмотрели друг на дружку.

— Мы не знаем, Ваше Величество, — ответил Щелчок.

— Не знаем, — поддержал его Пьянчужка.

Несомненно, они были самыми плохими лжецами на свете. Но Бен решил действовать мягко.

— А как вы думаете, почему скальные тролли взяли в плен ваших собратьев? — осторожно спросил он.

— Трудно сказать, — замялся Щелчок.

— Очень трудно, — согласился Пьянчужка.

— Причин может быть сколько угодно, — пробурчал Щелчок.

— Сколько угодно, — эхом отозвался Пьянчужка.

— Конечно, может быть, в поисках корма мы позаимствовали нечто такое, что тролли считали своей собственностью, — предположил Щелчок.

— Возможно, мы прибрали некую собственность, которую считали ничейной, но которая на самом деле все еще принадлежала им, — разоткровенничался Пьянчужка.

— Ошибки такого рода иногда случаются, — объяснил Щелчок.

— Иногда, — подтвердил Пьянчужка.

Бен кивнул. Он ни на йоту не поверил, что «заимствование» съестного у троллей было непредумышленным. Един-

ственной ошибкой гномов было то, что они верили, что это сойдет им с рук.

— Если подобные ошибки иногда случаются, — осторожно заметил Бен, — почему скальные тролли просто не попросили вернуть свою утраченную собственность?

Гномы явно почувствовали себя не в своей тарелке. Никто из них не сказал ни слова.

Бен нахмурился:

— Какой вид собственности вы могли случайно прибрать к рукам, как вы думаете?

Щелчок уставился на мыски своих рваных сапог. Пальцы его ног беспокойно зашевелились. Хорькообразная физиономия Пьянчужки сморщилась, словно ему хотелось спрятаться в собственной бороде.

— Тролли любят держать всяких зверюшек, — наконец выдавил Щелчок.

— Они очень любят домашних зверюшек, — подхватил Пьянчужка.

— А больше всего они любят пушистых древесных ленивцев, — уточнил Щелчок.

— Они дают их своим детям вместо игрушек, — пояснил Пьянчужка.

— Как же можно отличить дикого ленивца-древолаза от домашнего? — патетически спросил Щелчок.

— Да, как узнать, какой из них который? — плаксиво спросил Пьянчужка.

У Бена зародилось ужасное подозрение.

— Вы ведь всегда можете вернуть случайно позаимствованную зверюшку, правда? — спросил он.

— Не всегда, — ответил Щелчок, каким-то образом ухитряясь изобразить огорчение.

— Нет, не всегда, — согласился Пьянчужка.

Краем глаза Бен заметил Абернети. Шерсть на его загривке поднялась дыбом, словно иглы дикобраза.

Бен перевел взгляд на гномов.

— Вы съели этих ленивцев, не так ли? — требовательно спросил он.

Никто не ответил. Гномы уставились в пол. Потом принялись рассматривать стены. Они смотрели куда угодно, только

не на Бена. Абернети издал низкое, угрожающее рычание, и советник шикнул на него.

— Подождите за дверью, пожалуйста, — попросил Бен гномов.

Щелчок и Пьянчужка быстренько развернулись и побежали вон, неловко раскачиваясь телами, похожими на кротиные. Щелчок оглянулся, словно собираясь сказать что-то еще, но передумал и торопливо вышел. Советник проводил их до двери, потом плотно закрыл ее.

Бен взглянул на своих помощников:

— Ну, и что вы об этом думаете?

Советник пожал плечами:

— Думаю, что изловить и слопать легче ручного ленивца-древолаза, чем дикого.

— А я думаю, что кто-нибудь должен съесть нескольких гномов, и тогда я посмотрю, как им это понравится! — рявкнул Абернети.

— А тебя заинтересовало бы такое блюдо? — съязвил советник.

Бен недовольно шагнул вперед:

— Я не спрашиваю вас о том, что вы думаете о поступке кыш-гномов. Я спрашиваю, как можно помочь им.

Абернети был потрясен. Он прижал уши, и очки свалились у него с носа.

— Да я скорее разделю ложе с блохами, Ваше Величество! Да я лучше буду жить в одной конуре с кошками!

— А как насчет того, что тролли силой увели ваших гномов в рабство? — не сдавался Бен.

— Яснее ясного, что они сами виноваты в этом! — чопорно ответил писец. — Во всяком случае, у вас есть и более неотложные заботы, чем кыш-гномы.

Бен нахмурился:

— Неужели?

— Ваше Величество! — вмешался, делая шаг вперед, советник. — Мельхор — очень опасная страна, а скальные тролли никогда не относились к числу преданных вассалов. Это дикое, весьма неразвитое племя, негостеприимно встречающее всякого чужака. Старый король сохранял с ними добрые отношения, просто не вмешиваясь в их дела. А когда ему приходилось делать это, он отправлялся туда с целой армией.

— А у меня нет никакой армии, не так ли? — закончил Бен. — У меня нет даже поддержки Паладина.

— Ваше Величество, никто не помнит, чтобы кыш-гномы приносили кому-нибудь что-нибудь, кроме вреда! — Абернети сделал шаг вперед и встал рядом с советником. — Куда бы они ни отправились, они досаждают всем! Они воры и каннибалы! Да как вам в голову пришло вступаться за них?

Советник кивнул:

— Возможно, просьбу такого рода лучше отклонить, Ваше Величество.

— Нет, советник, — сразу же возразил Бен. — Это как раз такая просьба, которой я не могу пренебречь. — Он досадливо посмотрел на колдуна и писца. — Вы не понимаете этого, да? Я пришел в Заземелье, чтобы стать его королем. И я не могу выбирать по своему усмотрению, когда мне быть королем и кем править. Я король сейчас и навсегда и для всех, кому я нужен. Именно так должна действовать монархия. Я знаю это по истории своего собственного мира. Король должен принимать и соблюдать законы королевства, равные для всех его граждан. Здесь не должно быть любимчиков, не должно быть исключений. То, что я сделал бы для лордов Зеленого Дола или водяных и русалок Вечной Зелени, я должен сделать и для этих гномов. Если же я отступлю от этого правила, то у всех сложится впечатление, что я могу при любом удобном случае пренебречь и чем-то более весомым.

— Но ведь вас некому поддержать, Ваше Величество, — увещевал его советник.

— Может, и так. Но если я смогу помочь гномам, то, может быть, в следующий раз они мне помогут. Гномы поклялись мне в верности, и у меня теперь на одну клятву больше, чем до их появления. А это чего-нибудь да стоит. Возможно, другие тоже присягнут мне, когда увидят, что король может быть полезным даже для кыш-гномов. Возможно, они изменят свое мнение.

— А коровы будут летать над замком, — прорычал Абернети.

— Наверное, — согласился Бен. — С тех пор как я попал сюда, я видел и более странные вещи.

Они молча уставились друг на друга.

— Мне ваша мысль совсем не нравится, — заявил советник, обуреваемый сомнениями.

— И мне тоже, — подхватил Абернети.

— Значит, мы поладим, — заключил Бен. — Мне она тоже не по душе. Но нам все равно придется пойти в Мельхор. Мы идем, потому что это необходимо. Как говорится, школа закончена. Пора снова встретиться с настоящей жизнью. А теперь зовите сюда гномов.

Советник и писец поклонились и ворчливо вышли из комнаты.

Кыш-гномы вернулись, прямо-таки лучась добродетелью. Щелчок убедительно доказывал, что пушистые ленивцы-древолазы были излюбленным лакомством его племени. Да, да, пушистые ленивцы были очень вкусной дичью, поддакивал Пьянчужка. Бен оборвал их излияния. Их просьба будет исполнена, сказал он. Он отправится вместе с ними в Мельхор, чтобы попытаться освободить пленников скальных троллей. Они выйдут из Чистейшего Серебра на рассвете. Щелчок и Пьянчужка воззрились на Бена, потом рухнули на колени и принялись лобызать ему ноги самым отвратительным образом. Бен сразу же потребовал оттащить их.

Тем же вечером, после ужина, он в одиночестве поднялся на башню Землевидения. Абернети запер гномов в отведенные им комнаты (писец не мог позволить им свободно разгуливать по замку), а все остальные занялись подготовкой к путешествию на север. У Бена было время, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Он решил хоть одним глазком взглянуть на Озерный край.

Ночь была темной и туманной, не отличавшейся от других, восемь ярко окрашенных лун Заземелья были видны над горизонтом, а звезды казались огнями далеких уличных фонарей, затерявшихся во мраке. Землевидение мгновенно перенесло Бена в край рек и озер, и он медленно снизился над Вечной Зеленью. Воздушные и наземные улицы города были ярко освещены факелами, повсюду веселились люди. Раскаты смеха и оживленные разговоры почему-то заставили Бена затосковать — он как никогда почувствовал себя посторонним, вторгшимся в чужую жизнь. Он пролетел над амфитеатром, проскользнул над мастерскими и лавками города, над

домиком, в котором когда-то ночевал, и углубился в лес. Он нашел старые сосны, где танцевала мать Ивицы. Там никого не было. Дерево, в которое обратилась Ивица, пропало. Девушки нигде не было видно.

Бен позволил себе некоторое время побыть в лесу, размышляя об Энни. Он не мог объяснить почему, но ему нужно было вспомнить ее. Ему так хотелось оказаться рядом с ней, но Энни больше не существовало, как и причины вновь и вновь возвращаться к этой мысли. Он остался один, путник без крова и без друзей. Он чувствовал себя никому не нужным. Он чувствовал, что сам отсек от себя свое прошлое и что причины для этого оказались не самыми убедительными. Ему нужен был кто-то, кто мог бы сказать, что все образуется, что он поступает верно и что его ждут лучшие времена. Но никого рядом не было. Он был один-одинешенек.

Полночь давно миновала, когда Бен снова сосредоточился на Чистейшем Серебре. Он отрешенно оторвал руки от поручней Землевидения и вмиг оказался в своем замке.

ГЛАВА 13

СКАЛЬНЫЕ ТРОЛЛИ

Утро, как всегда, пришло на смену ночи, но Бен, проснувшись, не был рад обычному порядку вещей. Он был в мрачном настроении, разбит духом и телом после удручающих ночных кошмаров — ему снилась смерть. Снилось, как погибают люди, — они умирали тут же, рядом, и он был не в силах помешать этому. Наяву он не знал никого из них, но во сне они казались родными и близкими. Было невыносимо видеть, как они умирали, но как можно спасти их? Бен отчаянно пытался проснуться, чтобы убежать от происходящего, и не мог. В его снах присутствовало пугающее ощущение безвременья, которое возникает тогда, когда подсознание утверждает, что проснуться невозможно и сон — это единственная реальность. Когда Бен наконец-то раскрыл глаза, он увидел, как в комнату просачива-

ется мутный серый свет наступающего дня. В мире его сновидений было так же серо и туманно — сумерки, в которых ни день, ни ночь не могут взять верх.

Бен поймал себя на том, что пытается сообразить: не тот ли это был мир, где утро никогда не наступает вслед за ночью, или там поддерживается устойчивое равновесие между ними? Он раздумывал и о том, не станет ли Заземелье, потеряв все свое волшебство, таким мрачным миром.

Слишком безрадостным выглядело это будущее, и Бен постарался заглушить раздумья лихорадочной деятельностью. Он вскочил, умылся, оделся, закончил последние приготовления к путешествию, позавтракал со своими друзьями и с гномами, переправил лошадей с пожитками на берег озера, оседлал Вилочку и дал знак своему маленькому отряду скакать за ним. Бен изо всех сил старался не думать о своем сне. Он даже сумел почти забыть его. Король Заземелья со своими придворными и кыш-гномами снова отправился в путь.

Весь день они скакали на север по холмистой равнине, обходя лесистые подножия гор, поросшие кустами овраги и озера, полные тины. Слева от них раскинулся Зеленый Дол, справа — Бездонная Пропасть. Солнце было затянуто пеленой облаков и казалось пушистым светящимся кругом, который с трудом разогнал ночную тьму. Земля, по которой ехали путники, выглядела больной и неприветливой. Трава была пожухлой и словно побитой морозом, деревья покрыты неприятным налетом — какой-то плесенью или грибком. Земля умирала, словно из нее высасывали последние соки.

К вечеру над маленьким отрядом пролетел Страбон. Дракон появился с запада; его огромная крылатая тень выделялась на сумеречном небосводе. Кыш-гномы разом углядели его. Они свалились с лошади, на которой ехали вместе, и скрылись в кустах. Все остальные молча наблюдали за тем, как дракон удаляется в восточном направлении. После того как он скрылся, Бену и его спутникам пришлось четверть часа уговаривать гномов вылезти из их убежища, чтобы продолжить путь.

Путники сделали привал в ложбине, укрытой от посторонних глаз яблоневыми деревьями и березами. Быстро сгустились сумерки, так что ужинать пришлось в темноте. Гово-

рить никому не хотелось. Каждый был занят своими мыслями. Покончив с ужином, все сразу же улеглись спать.

Следующий день был почти таким же, как предыдущий, — серый, туманный и неприветливый. Путники миновали окраину Зеленого Дола и оказались в холмистой местности, у подножия Мельхора. На уступах Мельхора лежали туманы царства фей. Их серая шуба скрывала очертания гор. Вскоре маленький отряд начал подниматься вверх по склону. После полудня туман полностью поглотил их.

Сапожок уверенно и неуклонно вел их вперед; его зрение было намного острее, чем у его спутников. Они пробирались по усеянной камнями дороге, которая быстро превратилась в тропу, а потом в узенькую тропинку. Вокруг сомкнулись стены ущелья и тени. Бен и его спутники оказались в Мельхоре. С наступлением сумерек свет стал стремительно меркнуть. Путникам пришлось спешиться и вести лошадей под уздцы. Под ногами то и дело осыпались камни, путь стал опасным. Щелчок и Пьянчужка тесно прижались друг к дружке и беспокойно перешептывались. Бен, щурясь, вглядывался в туман и тьму, пытаясь рассмотреть дорогу.

Отчаяние Бена Холидея все росло. Он весь день боролся с этим чувством, но оно не отступало и в конце концов одолело его. Путешествие, предпринятое с целью освободить плененных гномов от скальных троллей, было более важным, чем хотелось думать. Вероятно, оно было его последней возможностью стать настоящим королем. Он потерпел полный крах, не сумев привлечь ни одного сторонника. С тех пор как его короновали, он ни разу не смог добиться успеха. Если его вновь постигнет неудача — с этими всеми презираемыми, трусливыми гномами, — к кому он тогда пойдет? Весть о его поражении разнесется молниеносно. Похоже, больше никто не попросит его о помощи. Он станет тем самым шутейным королишкой, каким обозвал его лорд Каллендбор.

Ночь вступила в свои права. Путь стал еще более трудным, и шаг путников замедлился. Вдалеке прогремел гром, небо рассекли вспышки молний. В темноте появилось мутное красноватое зарево. Бен в недоумении уставился на это зарево. Гром и молнии были какими-то неестественными, не такими, как при надвигающейся грозе.

Сапожок дал знак остановиться. Он обменялся парой слов с советником, и колдун повернулся к Бену. Красноватое зарево отбрасывали рудники трольих горнов. Гром и молнии происходили от раздуваемых кузнечных мехов и от металла, по которому били молоты.

Абернети развернул королевское знамя и поднял его над головой. Маленький отряд двинулся вперед.

Вскоре они взобрались на гребень горы, ущелье кончилось, тропка стала шире, и путники оказались в преддверии ада. По крайней мере так показалось Бену. Это была долина, окруженная огромными, нависавшими над ней утесами, верхушки которых упирались, словно в потолок, в пелену тумана и мрака. Повсюду горели костры. Огонь полыхал в чудовищных печах, добела накаляя камень, из которого они были сложены, под железными котлами с бурлящей расплавленной рудой, в котлованах, выдолбленных в земле и скалах. Топлива тут не жалели — огромные костры и факелы горели вдоль всей окружности долины, освещая ее так, что даже мышь не пробежала бы незамеченной. Все было красным в неверном свете пламени. По дну долины прогрызла себе русло узенькая речка, казавшаяся кровавой. Тени метались в скалистых стенах, словно закованные в цепи невиданные твари. Тут и там виднелись приземистые хижины, сложенные из грубо отесанных валунов, а между ними располагались загоны из кольев, опутанных колючей проволокой. В загонах теснились живые существа — четвероногие и двуногие! В самом большом загоне томилось около пяти десятков гномов — оборванных, перепуганных созданий. Они засунули мордочки в миски с едой и бадьи с водой. Гномы находились и снаружи загонов; они поддерживали огонь во всех кострах и горнах. Гномы были сутулые, с опаленной, почерневшей шерстью. Они перетаскивали уголь и необработанную руду, забрасывали их в печи и ковали отлитый металл. Это были проклятые и отверженные, приговоренные к вечной муке существа.

А тролли следили за тем, чтобы никто не ушел от этих мук. Тут были сотни троллей, темных, бесформенных тварей, которые деловито сновали по долине — от костра к костру. Они подгоняли своих рабов. У троллей были угрюмые, почти плоские рожи, грубо скроенные мускулистые тела и тяжелые,

уродливые лапищи. Длинные конечности казались более толстыми, чем тела. Спины были с горбами, плечи — слишком широкими, головы — сплющенными и утопленными в грудь, заросшую жестким волосом. У них была кожа цвета подгоревшего хлеба, такая шершавая, что не отражала свет, а только поглощала его. Искривленные, косолапые ножищи топали по камням так же уверенно, как копыта горного козла.

Бену показалось, что он вот-вот задохнется, словно огонь выжег весь кислород из воздуха. Несмотря на невыносимый жар, у Бена мороз пробежал по коже. Головы отвратительных существ повернулись в сторону маленького отряда; тролли стали окружать его, не сводя с прибывших своих желтых глаз.

— Спешиться! — тихо приказал Бен.

Советник и Абернети встали рядом с ним. Сельдерей присоединился к Сапожку; кобольды предостерегающе шипели, обнажая сверкавшие в свете пламени зубы. Щелчок и Пьянчужка укрылись за Беном, прижавшись своими маленькими телами к его ногам.

Почти мгновенно перед ними оказалось десятка два троллей. Они сгрудились в нескольких ярдах от путников. Их желтые глаза были определенно недружелюбными. Огненный гейзер с шумом вырвался из ямы позади троллей, но ни один из них никак не отреагировал на этот шум.

— Покажите им знамя, — приказал Бен.

Абернети поднял древко под таким углом, чтобы королевское знамя развернулось во всю ширину. Тролли с любопытством уставились на него. Бен помешкал немного, потом взглянул на советника и шагнул вперед.

— Я — Бен Холидей, Верховный лорд Заземелья! — прокричал он. Его голос эхом отразился от стен ущелья и стих. — Кто ваш начальник?

Тролли воззрились на него. Ни один не шелохнулся. В их племени обязательно должен быть вождь — он знал это по урокам советника.

— Кто будет говорить за всех? — крикнул Бен, стараясь, чтобы голос звучал твердо и повелительно.

Толпа троллей увеличилась, потом расступилась, и вперед выбрался один из них — оборванный сморщенный старик с

ожерельем из серебряных гвоздей. Он быстро залопотал на каком-то незнакомом Бену языке.

— Он хочет знать, что мы здесь делаем, Ваше Величество, — перевел советник. — Он вроде бы разгневан.

— А он понял то, что я сказал?

— Не знаю, Ваше Величество. Может быть, и понял. Сейчас проверим.

— Объясните ему на их языке, советник, кто я такой. Скажите, что, раз уж он не явился на коронацию, когда его вызывали, я сам пришел к нему и что сейчас он должен принести мне присягу.

— Ваше Величество, мне кажется, вы не...

Бен резко оборвал тираду:

— Исполняйте, советник!

Тьюс торопливо заговорил, обращаясь к старому троллю, и толпа уродливых тварей недовольно заропотала. Главный тролль поднял руку, и ропот стих. Вождь произнес еще что-то.

Советник повернулся к Бену:

— Он говорит, что ничего не знает о коронации и что с тех пор как умер старый король, в Заземелье нет никакого Верховного лорда. Он говорит, что никому не будет приносить присягу.

— Замечательно. — Не сводя взгляда с вождя троллей, Бен вытащил из-под рубахи медальон и показал его тварям. Они забормотали с благоговейным трепетом, узнавая вещицу. Скальные тролли переглянулись и беспокойно затоптались на месте. — Скажите им, советник, что я король и владею магией, — велел Бен. — И будьте готовы устроить маленькое представление, если понадобится.

Советник колебался, на его лице было написано мучительное беспокойство.

— Давайте же, советник, — тихо попросил Бен.

Советник снова заговорил. Тролли тихо переговаривались между собой, топчась на месте. Их предводитель как будто смутился. Бен ждал. Жар костров опалял его тело; пот пропитал одежду. Он чувствовал, как мордочки кыш-гномов прижимаются к его ногам — бедняжки боязливо поглядывали на троллей. Бежали мгновения, но ничего не происходило. Бен чувствовал, что должен что-то сделать, иначе потеряет то крошечное преимущество, которого удалось добиться.

— Советник, повторите предводителю, что он должен принести присягу королю. Скажите, что в знак доброй воли он должен отдать захваченных в плен гномов, чтобы они служили мне вместо него. Скажите, что он должен сделать это немедленно, потому что у меня слишком мало времени, чтобы ждать. Я должен идти к ведьме Бездонной Пропасти. Скажите, чтобы он мне не перечил.

— Ваше Величество! — недоверчиво выдохнул советник.

— Говорите сейчас же!

— А что, если он все же вздумает спорить, а я не смогу ничего наколдовать?

— Тогда нас изжарят вместе с гномами, черт побери!

Лицо Бена покраснело и исказилось от злости.

— Берегитесь, Ваше Величество! — обеспокоенно крикнул Абернети, высовываясь вперед.

— К черту осторожность! — рявкнул Бен. — Пусть мы блефуем, но мы же должны что-то сделать, друзья мои!

Абернети беспокойно прошептал:

— Ваше Величество, мне кажется, что он понимает, что вы говорите!

Бен заледенел. Вождь изучающе рассматривал его. Желтые глаза твари хитро прищурились. Бену сразу стало ясно, что тролль и впрямь все понял. Вождь выкрикнул короткий приказ, и тролли стали окружать маленький отряд.

— Сделайте что-нибудь, советник! — прошептал в сердцах Бен.

Лицо колдуна посерело от страха и неуверенности.

— Ваше Величество, я не знаю, получится ли!

— Если не получится, то мы все здорово влипнем! — Бен уставился на советника. — Скорее!

Тьюс колебался. На фоне костров, полыхавших в ночи, он казался длинным, пестро раскрашенным истуканом. Потом вдруг бросился к скальным троллям с простертыми руками. Тролли завизжали. Руки советника закружились, словно крылья ветряной мельницы, из глотки вырвалось неразборчивое бормотание, вспышка белого света вдруг озарила ущелье. И грянул дождь — дождь из цветов!

Они сыпались из ниоткуда — розы, пионы, фиалки, лилии, маргаритки, хризантемы, орхидеи, нарциссы и все дру-

гие известные людям цветы. Целые букеты сыпались на маленький отряд и троллей, падали с их голов и спин на землю.

Трудно сказать, кто был больше ошарашен. Очевидно, все ожидали чего-то иного — даже сам советник, который храбро попытался исправить досадную оплошность и вторично воздел руки, чтобы сотворить волшебство. Но было слишком поздно. Скальные тролли уже оправились от потрясения. Они набросились на Бена и его спутников, словно нападающие в футбольном матче. Они казались настоящими чудовищами. Бен что-то закричал своим друзьям. Он увидел, как кобольды прыгают на врагов, услышал шипение, щелканье зубов Абернети, почувствовал, как гномы Щелчок и Пьянчужка вцепились в его ноги в поисках защиты, и задохнулся от запаха гари.

А потом скальные тролли сбили с ног Бена, навалившись всем скопом. Его голова ударилась о камень, и из глаз посыпались искры. Потом все потемнело.

Бен проснулся в настоящем «Дантовом аду». Он находился в самом большом загоне, скованный по рукам и ногам кандалами, прикрепленными к столбу. Бен сидел, привалившись к нему спиной, а из пелены дыма на него уставились десятки заросших бородами гномов. В висках у Бена стучало, он был потным и грязным. Его тошнило от вони и гари. Вокруг повсюду горели костры, и красноватый свет озарял все ущелье.

Бен мигнул и медленно повернул голову. Советник и Абернети были прикованы к соседним столбам. Они не спали и опасливо переговаривались. Руки и ноги обоих кобольдов были скручены цепями, продетыми в железные кольца, которые держались на забитых в камень железных костылях. Сельдерей и Сапожок были без сознания. Скальные тролли бдительно охраняли заключенных — их скрюченные тени бесшумно шныряли в багровом мраке.

— Вы очнулись, Ваше Величество?

— Вы не ранены, Ваше Величество?

Из толпы гномов высунулись Щелчок и Пьянчужка. Прищуренные кротиные глазки участливо взирали на него. На мгновение Бен ощутил дикое желание освободиться и придушить их обоих. Ведь это из-за них он оказался здесь! Он ощу-

тил себя главным экспонатом в зверинце. Или уродцем в балагане. Черт побери, все это случилось по их вине!

Но он лгал себе, и знал это. Он оказался здесь по собственному желанию.

— Вы хорошо себя чувствуете, Ваше Величество? — поинтересовался Щелчок.

— Вы слышите нас, Ваше Величество? — спросил следом Пьянчужка.

Бен усмирил свой неуместный гнев.

— Я слышу вас. Я в порядке. Долго я был без сознания?

— Не долго, Ваше Величество, — участливо ответил Щелчок.

— Всего несколько минут, — прытко добавил Пьянчужка.

— Они схватили нас всех, — сообщил Щелчок.

— И бросили в этот загон, — не отставал от собрата Пьянчужка.

— Никто не спасся, — пожаловался Щелчок.

— Никто, — эхом откликнулся Пьянчужка.

«Лучше бы вы сообщили мне что-нибудь такое, чего я сам не знаю», — с горечью подумал Бен. Он оглядел загон. Изгородь из колючей проволоки была футов шесть высотой. Тяжелые деревянные ворота опутаны цепями. Бен подергал кандалы, сковывавшие его лодыжки и запястья. Они были надежно замкнуты, звенья цепей хорошо заклепаны. Побег будет нелегким делом.

Побег? Бен невесело усмехнулся. О чем он, черт возьми, думает? Как можно сбежать отсюда?

— Ваше Величество!

Бен обернулся, заслышав голос советника Тьюса.

— Вы не ранены, Ваше Величество?

Бен покачал головой:

— А как вы с Абернети? И кобольды?

— Кажется, неплохо. — Совиное лицо колдуна было перемазано сажей. — Боюсь только, что Сапожку с Сельдереем досталось больше всех. Они доблестно сражались, чтобы защитить вас, Ваше Величество. Понадобилось больше дюжины троллей, чтобы одолеть их.

Словно услышав речь старца, кобольды заворочались и загремели цепями. Бен взглянул на них и перевел взгляд на советника.

— Что с нами сделают? — спросил он.

Советник покачал головой:

— Не знаю, право. Думаю, ничего хорошего.

Это Бен мог себе представить.

— Вы можете освободить нас с помощью волшебной силы?

Советник снова покачал головой:

— Пока руки скованы, никакого волшебства не получится. Железо уничтожает колдовскую силу. — Он поколебался немного, и его лицо сморщилось. — Ваше Величество, мне так стыдно, что я подвел вас. Я пытался выполнить ваш приказ и сделать что-нибудь волшебное. Но магия не подчинилась мне. Я... кажется, я не владею ею... так, как мне хотелось бы. — Голос изменил ему, и он замолчал.

— Это не ваша вина, — поспешно произнес Бен. — Это я втянул вас в это немыслимое приключение, а не вы.

— Но я же придворный колдун! — страстно воскликнул Тьюс. — Моей магии должно было хватить на то, чтобы справиться с горсткой троллей!

— Моего ума должно было хватить на то же самое! Но, похоже, на сей раз мы оба сели в лужу, так что давайте не будем спорить, советник, кто из нас прав, кто виноват. Давайте лучше поразмыслим о том, как нам удрать с этого скотного двора!

Советник Тьюс понурился. Он был совершенно сломлен поражением, которое они потерпели, и теперь уже не был тем самоуверенным проводником, который когда-то встретил Бена возле тоннеля времени. Даже Абернети молчал. Бен перестал смотреть на них.

Щелчок и Пьянчужка подползли ближе к тому месту, где был прикован Бен.

— Мне хочется пить, — заныл Щелчок.

— А мне хочется есть, — завыл Пьянчужка.

— Когда мы уйдем отсюда? — жалобно спросил Щелчок.

— Да, когда? — повторил Пьянчужка.

Бен недоуменно воззрился на них. Тридцать второго мартобря! После дождичка в четверг! Они что, считают, что им можно просто встать и выйти отсюда? Он едва не расхохотался. Очевидно, именно так они и думают.

— Дайте-ка мне все просчитать, — съерничал Бен и храбро улыбнулся.

Он отвернулся от гномов и принялся разглядывать загон. Он пожалел о том, что не захватил из своего мира никакого оружия. Вот бы сюда базуку. Или небольшой танк. Его охватило отчаяние. Задним умом все сильны — да только что толку думать об упущенных возможностях? Когда Бен решил отправиться в Заземелье, он и думать не посмел, что ему может понадобиться оружие. У него и в мыслях не было, что он окажется в такой западне.

Вдруг Бен вспомнил, что Паладин так и не соизволил появиться, когда тролли набросились на него. Призрак он или нет, но раньше рыцарь всегда возникал, когда Бену угрожала опасность. И в данной ситуации его присутствие тоже не помешало бы. Бен долго размышлял над этим и в конце концов решил, что на сей раз он не подумал о медальоне, когда ему угрожала опасность. Но это предположение казалось притянутым за уши. Ведь он уже пытался вызвать Паладина, мысленно взывая к нему, и ничего из этого не вышло.

Бен сполз вниз по своему столбу. Стук в висках начал стихать. Ад уже не казался таким страшным, как несколько минут назад. Если раньше он был почти невыносимым, то теперь стал почти сносным. Бен ненадолго задумался о своей жизни, вспоминая обо всех неприятностях, с которыми сталкивался раньше, и сравнивая с той, в которую попал теперь. И не в пользу последней. Тогда он подумал об Энни и о том, что она могла бы сказать, если бы была жива и увидела его в нынешнем положении. Энни наверняка смогла бы справиться лучше него, она всегда была более гибкой и изворотливой.

Тем не менее у них было так много общего. Энни была его единственным настоящим другом. На глаза у Бена навернулись слезы.

Господи, как он жалеет, что никогда не сможет больше хоть на мгновение увидеть ее!

Он тайком вытер слезы и расправил плечи. Он попытался думать о Майлзе, но смог лишь представить, как тот раз за разом повторяет: «Я же тебя предупреждал!» Бен подумал о своем решении отправиться в Заземелье, невероятное сказочное королевство. Он подумал о мире, который оставил во имя того, чтобы прийти сюда, обо всех маленьких радостях и горестях, которые никогда больше не испытает. Он начал пе-

речислять свои мечты и надежды, которые уже никогда не осуществятся.

И только потом до него дошло, какой ерундой он занимается. Он сдался! Он стал считать себя мертвецом.

И ему тут же стало стыдно. Та железная решимость, которая всегда выручала его в затруднительных случаях, быстро вернулась к нему. Он поклялся, что не сдастся. Он выиграет и этот бой.

Бен горько улыбнулся. Если б он только знал, как это сделать.

Две знакомые хорькообразные мордочки снова замаячили у него перед глазами.

— Ну как, вы уже все обдумали, Ваше Величество? — поинтересовался Щелчок.

— Да, вы уже решили, когда мы уходим, Ваше Величество? — спросил Пьянчужка.

Бен вздохнул.

— Я как раз думаю об этом, — заявил он.

Шли часы. Ночь кончалась, и скальные тролли начали готовиться ко сну. Несколько из них остались приглядывать за загонами и сторожевыми огнями, а все остальные попрятались в своих землянках. Советник с Абернети задремали. Большинство пленных гномов последовали их примеру. Щелчок и Пьянчужка свернулись калачиком у ног Бена. Только он и кобольды не смыкали глаз. Сельдерей и Сапожок лежали на боку, не в силах принять менее унизительное положение. Они не сводили с Бена своих узких глазенок; их белые зубы поблескивали, когда они безумно скалились, улыбаясь своему повелителю. Бен улыбнулся им в ответ раз или два. Они были такими отважными маленькими тварями. Он восхищался ими и жалел о том, что они попали в беду вместе с ним.

Уже почти совсем рассвело, когда Бен почувствовал, что кто-то легонько касается его лица. Он уже задремал и, просыпаясь, в испуге вздрогнул. Туман и дым стелились по земле, как покрывало. Тени и блики догоравших костров гонялись друг за другом, словно толпы красных и черных призраков. Наступало промозглое утро.

— Бен!

Он оглянулся и увидел Ивицу. Она притаилась за столбом, к которому он был прикован. Ее хрупкое тело скрывал бесформенный балахон землистого цвета; лица и волос не было видно из-под капюшона. Бен зажмурился, не в силах поверить в появление девушки. Он счел это продолжением своего смутного, беспокойного сна.

— Бен, — повторила она, из-под капюшона глядя на него огромными глазами цвета морской волны. — Ты не ранен?

Он тупо кивнул. Она на самом деле была здесь.

— Как ты нашла меня? — прошептал он.

— Я шла за тобой, — ответила она, придвигаясь ближе. Ее лицо оказалось в нескольких дюймах от Бена, и тень капюшона уже не могла скрыть ее восхитительных черт. Она была невероятно красива. — Я же сказала, что принадлежу тебе, Бен. Ты не поверил мне?

— Об этом не могло быть и речи, Ивица, — устало сказал Бен. — Ты не можешь быть моей. Никто не может принадлежать мне.

Девушка решительно покачала головой:

— Но это было предопределено много лет назад, Бен. Почему ты не можешь понять этого?

Он почувствовал, как его охватывает беспомощность. Он вспомнил, как обнаженная девушка стояла по колено в воде, вспомнил, как она превратилась в корявое дерево на лесной поляне. Она и притягивала, и отталкивала одновременно, и он никак не мог примириться со своими смешанными чувствами.

— Зачем ты пришла? — растерянно спросил он.

— Чтобы освободить тебя, — тотчас же ответила Ивица. Она вытащила из складок своего плаща связку железных ключей. — Ты должен был попросить меня у моего отца, Бен. Если бы ты попросил, он дал бы свое согласие. Но ты не сделал этого, и потому мне пришлось самовольно покинуть мой народ. Теперь я не смогу вернуться.

— Это еще почему?

Девушка начала подбирать ключи к оковам Бена.

— Никто не имеет права без позволения покинуть Озерный край. Вечное изгнание служит наказанием провинившемуся.

— Изгнание? Но ведь ты его дочь!

— Уже нет, Бен.

— Значит, ты не должна была приходить, черт побери! Ты не должна была бросать своего отца, если знала, что такое случится!

Ее взгляд был спокоен.

— У меня не было выбора.

Третий ключ подошел, и цепи упали. Бен смотрел на сильфиду зло и растерянно, а потом в отчаянии. Она ускользнула прочь и занялась оковами советника, Абернети и кобольдов. Она освободила их всех. Небо на востоке, над вершинами гор, начало розоветь. Скоро тролли проснутся.

Ивица снова подошла к Бену:

— Нам нужно поскорее уходить.

— Но как сделать это незаметно? — спросил он.

— Люди Озерного края умеют быть невидимыми, если пожелают. Я пробралась в ущелье после полуночи и похитила ключи у стражника. Ворота открыты, а цепи, пропущенные в их кольца, не скованы замками. Но мы должны немедленно бежать: моя уловка вскоре раскроется.

Девушка протянула Бену связку ключей, и он взял их. Невольно коснулся пальцев Ивицы. Замешкался, вдруг подумав о том, как она рисковала собой, отправившись вслед за ним. Наверное, она преследовала его с тех пор, как он покинул Озерный край. И все это время она следила за ним.

Он порывисто обнял девушку и прижал ее к себе.

— Спасибо тебе, Ивица, — прошептал он.

Руки девушки обвили тело Бена, и она прижала его к себе. Бен ощутил, как тепло ее тела разжигает в нем пламя, и он оказался в плену небывалого наслаждения.

— Ваше Величество! — Советник яростно дернул его за руку.

Бен отпустил Ивицу и поспешно огляделся по сторонам. Кыш-гномы заворочались; они протирали заспанные глазки и расправляли мохнатые лапки. Некоторые уже проснулись.

— Пора уходить, Ваше Величество? — сонно спросил Щелчок, приподнимаясь с земли.

— Да, пора, Ваше Величество? — подхватил, вставая, Пьянчужка.

Бен уставился на гномов и вспомнил о том, что из-за них он оказался здесь.

Абернети подбежал к нему:

— Ваше Величество, нам даже впятером трудно будет пробраться незамеченными. А уж потащить с собой кучу гномов...

Бен снова огляделся. Дым и туман начали рассеиваться. Небо светлело. Из землянок троллей доносились звуки, свидетельствующие о том, что их обитатели пробуждаются. Через несколько минут вся округа будет на ногах.

Бен посмотрел на обеспокоенные лица Щелчка и Пьянчужки.

— Идут все, — спокойно сказал он.

— Ваше Величество! — возмущенно воскликнул Абернети.

— Советник! — тихо позвал Бен, не обращая внимания на писца. Колдун подошел ближе. — Нам нужно отвлечь троллей.

Колдун побледнел. Совиное лицо сморщилось, как сдувшийся шар.

— Ваше Величество, я уже однажды подвел вас...

— Так постарайтесь не сделать этого снова, — перебил его Бен. — Нужно совершить диверсию — как только мы выйдем за ворота загона. Сделайте что-нибудь, чтобы отвлечь внимание троллей. Взорвите одну из их печек или обрушьте на них гору. Что угодно, только сделайте!

Он схватил Ивицу за руку и побежал к выходу. Впереди понеслись Сельдерей с Сапожком, расчищая путь. Мохнатые существа еле успевали уворачиваться от них.

Бен заметил, как тощая, бесформенная тень приближается к воротам загона.

— Сапожок! — тихонько крикнул он.

Кобольд стремительно подскочил к воротам и выдернул цепь из колец. Он набросился на ошеломленного тролля, пока тот не успел понять, в чем дело, и оглушил его.

Бен с Ивицей, а за ними и советник с Абернети выбежали из загона. Следом устремились и гномы. Почти сразу же тишину разорвали тревожные крики и гортанные вопли, окончательно прогнавшие сон скальных троллей. Недовольно хрюкая, тролли высыпали из своих землянок. Гномы бросились врассыпную, короткие ножки несли их куда быстрее, чем Бен мог предположить. Вскоре он застыл на месте. Скальные тролли окружили его плотным кольцом.

— Советник! — в отчаянии завопил он.

Над головой сверкнула ярко-белая вспышка, и появился Страбон. Дракон летел над ущельем, выдыхая языки пламени. Скальные тролли заметались в поисках убежища, а кыш-гномы в ужасе завизжали. Бен в недоумении уставился на дракона. Откуда он взялся?

А потом его взгляд упал на советника, который выпростал руки из своего одеяния и бешено вращал ими. В тот же миг он разглядел, что у дракона всего одна лапа, что крылья на бочкообразном туловище сидят как-то криво, что на кожистой шее растут странные пучки перьев и что драконово пламя, достигая земли, ничего не зажигает. Дракон был ненастоящим. Советник сумел выполнить отвлекающий маневр.

Ивица тоже заметила это. Она сжала руку Бена, и они вместе бросились к выходу из ущелья, откуда маленький отряд пришел накануне. Все остальные побежали следом, советник — позади всех. А иллюзорный дракон начал таять, от его тела отрывались и исчезали кусочки, по мере того как он носился взад и вперед над остолбеневшими троллями. Бен и его спутники прорвались сквозь толпу. Дважды их пытались остановить, но Сапожок расправлялся с нападавшими с пугающей быстротой. Вскоре путь к отступлению был свободен.

Бен осмелился бросить последний взгляд назад. Дракон совершенно развалился, магия обратилась в дым и туман, словно рассыпанная головоломка. Тролли остались в полнейшем замешательстве.

Маленький отряд устремился в проход между скалами, а тролли, костры и все безумие остались позади.

ГЛАВА 14

КРИСТАЛЛ

Утро было в полном разгаре, когда Бен и его спутники наконец остановились. К этому времени они в целости и сохранности выбрались из Мельхорских гор, оставили позади

туманные сумрачные скалы и тропы и оказались в холмах, откуда тролли угнали несчастных гномов. Гномы давно отстали, скальные тролли, казалось, и не думали их преследовать, и бежать дальше не было никакого смысла.

К чему обманывать себя, думал Бен, осторожно приваливаясь к стволу дуба, они по-настоящему спасались бегством. Стыдно признаться, но это так. Куда приятнее было бы назвать это поспешным отступлением. Но правда была в том, что они трусливо бежали, спасая свои шкуры.

Ивица, советник, Абернети и кобольды сгрудились вокруг Бена, кружком рассевшись на бледно-розовой пожухлой траве. Облака серым одеялом затянули небо, и в воздухе пахло дождем. Путники наскоро позавтракали листьями Лазурных Друзей, росших неподалеку, и напились воды из ручья, бегущего с гор. Ничего другого у них не было. Все, что у них было, включая лошадей, осталось в лапах у троллей.

Бен рассеянно жевал и пытался собраться с мыслями. Он мог до бесконечности перечислять те преимущества, которые дал ему этот поход, но правда была в том, что дела у правителя Заземелья шли плохо. Неудачи преследовали его. За исключением тех, кто сидел сейчас вокруг, он не нашел ни единого союзника. Лорды Зеленого Дола, извечные сторонники короля, неласково приняли его, попытались купить его задешево, а потом чуть было не выбросили за ворота Риндвейра. Владыка Озерного края встретил его более любезно, но только потому, что его совершенно не волновало то, что говорил и делал король, потому что дух считал, что спасение его народа — в его собственных руках. Скальные тролли схватили его и наверняка зажарили бы на костре, если бы ему не удалось бежать из этого проклятого загона для скота. И то не из-за своих доблестных деяний, а благодаря появлению Ивицы и счастливому стечению обстоятельств, в результате чего советнику наконец-то удалось состряпать подходящее колдовство.

Конечно, были еще и кыш-гномы. Щелчок и Пьянчужка поклялись ему в верности. Но какой от них прок? Какая польза от союза с народцем, живущим в норах, с гномами, которых все презирают за то, что они воры и грязнули?

— Ну и что у нас есть? — вслух спросил себя Бен, и его спутники удивленно посмотрели на него. — А есть у нас вот

что. Лорды Зеленого Дола — Каллендбор, Стрехан и иже с ними — присягнут трону, когда я избавлю их от дракона, чего никто сделать не в силах. Владыка Озерного края вступит со мной в союз, как только я заставлю лордов Зеленого Дола и других жителей Заземелья перестать губить землю и начать бороться за ее чистоту. Так ли? Держи карман шире. Скальные тролли поклянутся в верности, когда я вернусь в Мельхор без страха превратиться там в прожаренную отбивную. На что надеяться тоже не приходится. — Бен помолчал. — По-моему, я правильно оценил наше положение?

Никто не ответил. Советник и Абернети обменялись неуверенными взглядами. Ивица смотрела на Бена непонимающе, но он вспомнил, что она и не должна знать все. Только кобольды уставились на него своими яркими мудрыми глазками, обнажив в улыбке острые, как иглы, зубы.

Бен вспыхнул от внезапно нахлынувшего раздражения и злости:

— Все дело в том, что я до сих пор не добился ни малейшего успеха. Ни-че-го! Ноль. Что вы на это скажете?

Он надеялся, что кто-нибудь попробует возразить.

Советник угодил первым.

— Ваше Величество, мне кажется, что вы судите себя слишком сурово.

— Неужели? Что из сказанного мною неправда, советник?

— Вы все сказали вроде бы правильно, Ваше Величество. Но вы упустили из виду кое-что важное.

— Да ну? И что же это?

Советник не сдавался:

— Сложность вашего положения. Даже в лучших обстоятельствах нелегко быть королем Заземелья.

Остальные одобрительно закивали.

— Нет, — сурово возразил Бен. — С этим я не могу согласиться. Я не могу свалить все на обстоятельства. Как бы ни были плохи условия, нужно обращать их в свою пользу.

— А почему ты считаешь, что тебе это не удалось? — поинтересовалась Ивица.

Вопрос смутил Бена.

— Потому что так оно и есть! Я не смог убедить ни лордов, ни твоего отца, ни этих проклятых троллей сделать то,

что мне было нужно! Тролли едва не убили всех нас! Если бы ты не следила за нами и если бы советнику не удалось его колдовство, мы бы, наверное, были уже мертвы!

— Я бы не стал придавать столь уж большое значение моему волшебству, — тихо пробормотал советник. Его совиное лицо сморщилось от смущения.

— И вам удалось освободить гномов, Ваше Величество, — выдавил Абернети. Он заморгал. — Я, конечно, считаю это пустой тратой времени, но зато теперь они обязаны вам своей шкурой. Ведь это вы настояли на том, чтобы взять их с собой.

Опять все закивали. Бен, нахмурясь, переводил взгляд с одного на другого:

— Ценю ваше доверие, но мне кажется, что оно безосновательно. Почему бы не смириться с тем, что мы и так уже знаем,— я просто не могу справиться со своими обязанностями.

— Вы делаете все, что можете, Ваше Величество, — снова вмешался советник. — Большего никто и не ждет.

— И не делает, — добавил Абернети.

— Но, может быть, кто-то другой попробует сделать больше, — настаивал Бен. — Ведь должен же кто-то одолеть разобщенность!

— Ваше Величество! — Абернети неловко вскочил на задние лапы. Он поправил очки, сползшие с длинного носа, и прижал уши. — Я был придворным писцом дольше, чем вы прожили на свете. Возможно, это трудно представить, глядя на мое нынешнее обличье. — Он бросил испепеляющий взгляд на колдуна. — Но тем не менее я прошу вас выслушать меня и поверить. Я был свидетелем того, как приходят и уходят короли Заземелья — старый король и те многочисленные верховные лорды, которые были после него. Я наблюдал за их попытками править страной. Я видел, как они учились мудрости и состраданию. Некоторым это удавалось, другим — нет. — Пес поднял правую лапу театральным жестом. — Но сейчас я говорю вам, Ваше Величество, что никто — даже старый король — никто не внушал больше надежд, чем вы!

Закончив речь, пес уселся на землю. Бен был ошеломлен. В самых смелых своих мечтах он не надеялся получить такого благостного одобрения у язвительного писца.

Он почувствовал, как Ивица взяла его за руку.

— Бен, ты должен прислушаться к его словам. Древнее чутье, доставшееся от матери, подсказывает мне, что в тебе есть нечто особенное. Оно говорит, что ты не такой, как все. Я думаю, что ты создан для того, чтобы стать великим королем Заземелья, ты, и никто другой.

— Ивица, ты-то как можешь судить об этом... — возмутился было Бен, но его слова прервало громкое шипение кобольдов. Они кратко посовещались друг с дружкой, а потом Сапожок что-то торопливо прострекотал советнику.

Колдун посмотрел на Бена:

— Кобольды согласны с сильфидой. Они тоже чувствуют, что вы не такой, как все. Вы выказали отвагу и силу. Вы тот король, которому они хотят служить.

Бен поменял положение, поморщившись от боли в ногах.

— Как мне убедить вас, что вы ошибаетесь? Я ничем не отличаюсь от других, во мне нет ничего особенного, ничего такого, что могло бы сделать меня лучшим королем, чем мои предшественники. Разве вы не видите? Вы занимаетесь вместе со мной одним делом, хотя я и принял корону, — вы обманываете себя! И потом — на бумаге это королевство может быть прекрасным и сказочным, но в реальности оно совершенно иное, и мы должны смириться с мыслью, что одним только желанием или верой ничего не добьешься!

Все молча взирали на Бена. Он подумал, не сказать ли еще чего-нибудь, чтобы убедить их, но решил, что не стоит. Ничего лучшего не придумаешь.

Наконец советник поднялся. Он так тяжело разгибал ноги, будто весь мир лежал на его плечах. Совиное лицо сморщилось так сильно, что казалось, будто колдуну невмоготу. Он медленно выпрямился.

— Ваше Величество, вы должны узнать кое-что важное. — Он взволнованно прокашлялся. — Ранее я говорил вам, что мой сводный брат обдуманно избрал вас на роль покупателя заземельского престола. Я сказал, что он выбрал вас, поскольку считал, что вы окажетесь никуда не годным правителем и что королевство опять вернется к нему — точно так же, как много раз после смерти старого короля. Он верил, что вы — всего

лишь очередной неудачник. Ведь от этого зависит его благосостояние.

Бен сложил руки на груди, словно защищаясь.

— Значит, он, возможно, не будет разочарован, когда узнает, как обстоят дела.

Советник опять прочистил горло и нерешительно переступил с ноги на ногу:

— Честно говоря, Ваше Величество, он точно знает, как идут дела, и он очень, очень разочарован.

— Ну, откровенно говоря, советник, я не стал бы... — Бен запнулся. Он уставился на старца. — Что вы сказали? Вы сказали, что он знает, как обстоят дела, — точно знает? — Он энергично поднялся и надвинулся на колдуна. — Как такое возможно, советник? Ведь его магия не достигает этого мира, не так ли? Вы сказали, что он не мог захватить из Заземелья ничего, кроме медальона? Все остальное должно было остаться здесь? А если так, то откуда ему известно, что тут происходит?

Советник был пугающе спокойным, его лицо превратилось в безжизненную маску.

— Я рассказываю ему об этом, Ваше Величество, — тихо произнес он.

Повисло тягостное молчание. Бен не верил своим ушам.

— Вы рассказываете ему?! — ошеломленно повторил Холидей.

— Я вынужден делать это, Ваше Величество. — Советник потупился. — Это было одним из условий сделки, которую я заключил со своим братом, когда он уходил из Заземелья вместе с сыном старого короля. Я мог стать придворным колдуном в его отсутствие только при условии, что буду докладывать ему о действиях присланных из вашего мира монархов. Я обязан был сообщать об их неудачах и успехах, если таковые будут. Микс собирался использовать эти сведения для того, чтобы отбирать новых кандидатов. Из моих сообщений он делал выводы о том, какие слабости следует искать.

Все остальные тоже поднялись. Советник не обращал на них внимания.

— Я хочу, чтобы между нами не осталось никаких тайн, — торопливо продолжал он. — Боюсь, что их и так уже было предостаточно. Поэтому я раскрою последнюю из них, кото-

рую доселе скрывал от вас. Вы как-то спрашивали, сколько королей сменилось в Заземелье после смерти старого короля. Я ответил, что больше тридцати. Но я умолчал о том, что последние восемь были направлены универмагом Роузена — и все за какие-нибудь два года! Пятеро из них не продержались и тех десяти дней испытательного срока, что были предусмотрены договором. Задумайтесь, что это значит, Ваше Величество. Это означает, что по меньшей мере пять раз магазину приходилось возвращать покупателю уплаченные деньги — пять раз мой брат не получал никакой выгоды. Каждый раз — по целому миллиону. А это уже дурная слава, неудачная сделка. Я уверен, что ни магазину, ни моему брату не очень-то к лицу нести такие потери. Это заставляет меня думать, что об этих потерях так никто и не узнал. Мне кажется, что большинство, если не все из нарушенных сделок, были скрыты от магазина. И мне сдается, что неудовлетворенность этих клиентов скрывалась всеми возможными способами.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Советник, о чем это вы говорите? — недоуменно прошептал Бен.

— О том, что если бы вы использовали медальон, чтобы вернуться в свой мир, Ваше Величество, то обнаружили бы, что ваши деньги пропали, а ваша жизнь стала бы куда короче, чем вам хотелось бы.

Абернети пришел в ярость, его мохнатая морда сплющилась, и обнажились острые клыки.

— Я знал, что тебе нельзя доверять, советник Тьюс! — зловеще прорычал он.

Бен быстро поднял руку:

— Нет, погодите-ка. Советник мог и не говорить мне об этом, он предпочел сделать это добровольно. Но почему, советник?

Улыбка колдуна была неожиданно кроткой.

— Для того, чтобы вы знали, как я в вас верю, дорогой вы наш повелитель Бен Холидей. Все остальные говорили об этом так настойчиво и красноречиво, но вы не пожелали их слушать. Я решил, что мое признание сможет сделать то, чего никто не добился своими речами, и заставит вас поверить в себя. Я считаю, что вы — истинный король, тот, которого

ждало Заземелье. Я думаю, что мой брат тоже так считает и боится этого. Он начал беспокоиться еще тогда, когда вы не отступили там, где давно сдались бы ваши предшественники. Он беспокоится, что вы найдете способ удержать трон. Он боится вас, Ваше Величество.

Ивица крепко сжала руку Бена:

— Слушай его, Бен. Я верю ему.

Советник утомленно вздохнул:

— Мне казалось, что у меня есть причины делать то, о чем просил мой брат. Если бы я отказался, то не стал бы придворным колдуном. Я знал, что ничем не смогу помочь этой земле, если не займу своего места. Я верил, что та помощь, которую я могу оказать как придворный колдун, перевесит любой ущерб, нанесенный моими сообщениями. И только недавно я стал догадываться о том, какая судьба постигла тех, кто купил королевство, но не сумел управиться с ним. Но тогда было уже слишком поздно, чтобы хоть как-то помочь бедолагам. — Его голос сорвался. — Мой сводный брат заключил со мной еще одну сделку. Мне стыдно признаться в этом, но я был не в силах отказаться от нее. Его колдовские книги с секретами заклинаний, которые колдуны собирали с начала времен, спрятаны где-то в Заземелье. И только мой брат знает где. Он не мог взять их с собой, поэтому посулил передать их мне. Каждый раз, когда очередной король терпит неудачу, Микс передает мне еще немного своих знаний. Я ничем не помогаю его замыслам, Ваше Величество, но жажда магических знаний сильнее меня. Эти крохи помогают мне учиться. Я знаю, что брат никогда не отдаст мне всех книг, знаю, что я всего лишь пешка в его руках. Но я надеюсь, что рано или поздно он скажет на одно словечко больше, чем хочет, или случайно раскроет лишний секрет, и тогда я смогу отыскать книги сам и использовать их против него! — Совиное лицо исказилось, его прорезали глубокие морщины. — Я позволил управлять собой, Ваше Величество, потому что не видел иного выхода. Мои намерения всегда были самыми лучшими. Я хочу, чтобы эта земля возродилась и стала такой, как прежде. Я сделаю все, чтобы добиться этого. Я люблю эту страну больше собственной жизни!

Бен молча разглядывал старца, борясь со своими чувствами. Ивица все еще держала его за руку, и ее сжатые пальцы свидетельствовали о том, что она верит каждому слову советника. Абернети смотрел на советника недоверчиво. Кобольды с безучастным выражением на темных лицах притихли рядом с писцом.

Бен резко отошел в сторону. Его голос стал низким и хриплым.

— Советник, вы ведь не раз говорили мне, что с помощью медальона я в целости и сохранности вернусь в свой мир.

— Я должен был проверить, можно ли доверять вам, Ваше Величество! — страстно прошептал колдун. — Необходимо было, чтобы вы сами сделали свой выбор!

— А если бы я решил воспользоваться медальоном? Что тогда?

Молчание тянулось целую вечность.

— Мне кажется, Ваше Величество, что я... попытался бы задержать вас.

Из глаз старца вдруг покатились слезы. Бен увидел, как в них отражаются стыд и боль.

— Мне тоже хочется верить в это, советник, — тихо произнес он. На какое-то время задумался. — А как вы общаетесь с Миксом, советник? Как вы с ним разговариваете?

Советник собрался с духом, потом порылся в складках своего плаща и что-то вытащил. Бен уставился на вещицу. Это был тот самый кристалл, который он видел у советника в свой первый день, когда попал в Заземелье. Он успел совершенно позабыть об этом. С тех пор Бен еще несколько раз замечал это странное украшение, но не придавал ему никакого значения.

Кристалл висел на серебряной цепочке, пропущенной через кольцо.

— Этот кристалл принадлежит моему сводному брату, Ваше Величество, — объяснил колдун. — Он вручил его мне, когда покидал Заземелье. Я согреваю кристалл теплом рук, и в нем появляется лицо Микса. И тогда я могу говорить с ним.

Бен безмолвно изучал кристалл, заглядывая в его бездонные грани, всматриваясь в радужные переливы в их глубине.

Бен загадочно посмотрел на советника:

— У Микса есть какой-нибудь другой способ связаться с Заземельем?

Колдун покачал головой:

— Думаю, что нет.

Бен взвесил кристалл на ладони.

— А верите ли вы в меня настолько, чтобы отдать мне эту вещицу, советник? — спросил он еле слышным шепотом.

— Кристалл ваш, Ваше Величество, — сразу же ответил колдун.

Бен кивнул и слабо улыбнулся. Он протянул кристалл колдуну:

— Вызовите, пожалуйста, господина Микса.

Советник поколебался, потом положил кристалл в ладони, сложенные чашечкой. Ивица, Абернети и кобольды сгрудились вокруг него. Сердце Бена запрыгало от волнения. Он не надеялся так скоро свидеться с Миксом, но теперь, когда это должно было вот-вот случиться, он смело ждал встречи.

Советник осторожно раскрыл ладони и поднял кристалл за цепочку. Из глубины кристалла смотрел Микс, в его жестких глазах было удивление.

Бен пригнулся и заглянул прямо в глаза Миксу.

— Привет, господин Микс, — поздоровался он. — Как там дела в Нью-Йорке?

Морщинистое лицо старика потемнело от гнева, во взгляде вспыхнула злоба. Бен никогда раньше не видел такой ненависти.

— Поболтать не желаете? — Бен улыбнулся одной из своих лучших улыбок, заготовленных для зала суда. — Не могу осуждать вас. Дела складываются не самым лучшим для вас образом, не правда ли?

Микс поднял затянутую в черную перчатку руку, пытаясь заговорить, но Бен перебил его:

— Не стоит утруждать себя ответом. Ничто из того, что вы скажете, меня не интересует. Я только хочу, чтобы вы кое-что знали. — Он забрал кристалл у советника и поднял перед собой. Его улыбка испарилась. — Я хочу, чтобы ты знал, что твой поезд уже сошел с рельсов!

И он отнес кристалл к каменной глыбе, торчавшей у подножия ближайшего холма, и принялся колотить сверкающим

шаром о камень, пока не разбил его вдребезги. А потом втоптал осколки в землю.

— Прощай, Микс, — тихо сказал Бен. Он повернулся. Его спутники стояли, сбившись в кучку, там, где он их оставил. Бен медленно приблизился к ним. Их взгляды были прикованы к нему. — Думаю, что мы больше не увидим господина Микса, — сказал он. — Так оно, пожалуй, и лучше.

— Ваше Величество, позвольте мне сказать кое-что, — взмолился советник. Он был взволнован, но старался держать себя в руках. — Ваше Величество, вы не должны сдаваться. — Он беспокойно оглянулся на других. — Может быть, я утратил доверие всех из-за того, что сделал. Может быть, будет лучше, если я не пойду с вами дальше. Я могу смириться с этим. Но вы обязательно должны продолжать то, что начали. Абернети, Сапожок, Сельдерей и Ивица останутся с вами. Они верят в вас, и они правы. У вас есть мудрость, сострадание, сила и храбрость — те качества, о которых мы только мечтаем. Но у вас есть кое-что еще, великий король Бен Холидей. В вас есть то, чего за много лет ни разу не было замечено у других правителей, то, что обязательно должно быть у настоящего короля Заземелья. У вас есть решительность. Вы не сдаетесь, когда сдался бы любой другой. Это качество нужно королю больше всех остальных. — Старец помолчал, потом его ссутуленная спина выпрямилась. — Я не солгал, когда сказал, что мой сводный брат видит в вас эту решительность и боится ее. — Он умоляюще сложил руки на груди. — Не бросайте королевство, Ваше Величество. Будьте тем королем, которым хотели стать!

Он закончил свою тираду и с нетерпением ждал, что скажет Бен. А потом обвел всех внимательным взглядом. Огонь в глазах Ивицы был не только отражением ее веры. Абернети выглядел усталым и недовольным. Обезьяньи мордочки Сапожка и Сельдерея были лукавыми и мудрыми. Каждое лицо казалось маской в каком-то безумном театре, где актеры играли бесконечный спектакль. Он подумал о том, кто они на самом деле... и кто он сам?

И вдруг Бену почудилось, что, с тех пор как он оставил свой мир, прошла целая жизнь. Ушли прочь высокие требования его профессии адвоката, юридическая служба Соединенных Штатов Америки, города, правительства, кодексы и

законы. Пропало все-все, что когда-то окружало его. Осталось только чужое — драконы, ведьмы, всякие сказочные существа, замки и рыцари, прекрасные дамы и колдуны и, конечно, магия. Бен заново начинал свою жизнь, и все правила были новыми. Он спрыгнул в пропасть и все еще падал.

Совершенно неожиданно он расплылся в улыбке:

— Советник, я не собираюсь сдаваться. — Улыбка стала еще шире. — Как же я могу сдаться, когда мне оказали такое доверие? Как я могу отступить, когда со мной такие друзья, как вы? — Он медленно покачал головой. — Нет, бой продолжается, и мы полны решимости победить.

Ивица улыбалась. Кобольды радостно шипели. На лице советника выразилось огромное облегчение. Даже Абернети одобрительно кивал.

— Но только с одним условием. — Улыбка исчезла с лица Бена. Он шагнул вперед и положил руку на плечо колдуна. — Мы начали вместе, вместе и закончим. Забудем прошлое, советник. Вы нужны нам.

Колдун уставился на Бена, не в силах поверить услышанному.

— Ваше Величество, я сделал бы для вас все, чего бы вы ни пожелали, но... Я не могу... — Он бросил на остальных полубезумный взгляд.

— Голосуем, — поспешно сказал Бен. — Идет ли с нами советник?.. Сапожок? Сельдерей?

Кобольды кивнули. — Ивица?

Сильфида тоже склонила голову.

Бен помедлил и посмотрел на писца:

— Абернети?

Тот молчал и не шевелился. Бен ждал. Пес был словно высеченным из камня.

— Абернети? — мягко повторил Бен.

Пес пожал плечами:

— Мне кажется, что он разбирается в людях еще меньше, чем в своей магии, но я думаю также, что он не хотел дурного. Пусть идет.

Бен улыбнулся.

— Прекрасно, Абернети, — похвалил он. — Мы снова стали единым отрядом. — Он обратился к советнику: — Ну как, пойдете с нами?

Колдун вспыхнул, уголки его рта поползли вверх, и он усердно закивал:

— Да, великий король, пойду.

Бен встретился взглядом с каждым из своих подданных по очереди, на мгновение подумав, что все они настоящие безумцы, потом изучающе посмотрел на небо. Солнце за облаками казалось пушистым белым шаром, оно висело прямо над головой. Было около полудня.

— Тогда, наверное, нам пора в путь-дорогу, — заявил он.

Зубы Абернети отчетливо клацнули.

— Э-э... А куда, Ваше Величество? — неуверенно спросил он.

Бен заговорщицки посмотрел на своих друзей:

— А что я сказал скальным троллям, Абернети? Идем туда, куда собирались.

Писец уставился на него:

— И куда же это, Ваше Величество?

Бен торжествующе ухмыльнулся:

— К Бездонной Пропасти, Абернети. К Ночной Мгле.

ГЛАВА 15

БЕЗДОННАЯ ПРОПАСТЬ

Они решили, что Бен Холидей сошел с ума. Может быть, все по-разному определили степень его помешательства, но их мнение было единодушным. Кобольды выразили его пронзительным шипением и пугающими ухмылками, в которых не было ничего веселого. Оно отразилось в зеленых глазах Ивицы, и она возмущенно отбросила назад свои длинные, до пояса, волосы. Советник и Абернети были потрясены, и оба заговорили разом.

— Вы, должно быть, не понимаете, о чем говорите, великий король! — взорвался писец.

— Вы не можете подвергать свою жизнь такой опасности! — увещевал советник Бена.

Бен дал им выговориться, потом заставил сесть и объяснил свои намерения. Он не сошел с ума и не оговорился. Напротив, он совершенно ясно понимает, на что идет. Он идет на определенный риск, забираясь в Бездонную Пропасть к Ночной Мгле. Но выбора у него не осталось — куда бы он ни отправился, всюду его ждет опасность. Кроме того, в Бездонной Пропасти еще можно чего-то добиться — такой возможности не представится больше нигде.

Бен попросил своих друзей задуматься об этом. Ключом ко всем закрытым перед ним дверям была только магия. Именно магия дала жизнь этой земле и тем, кто жил на ней с самого начала. И из-за потери волшебства эта земля начала умирать. Медальон был волшебным амулетом, который дал Бену возможность перейти из его мира в этот и, если понадобится, проведет его обратно. Паладин — порождение магии, и нужно было найти какой-нибудь волшебный способ привлечь его на свою сторону. Замок Чистейшее Серебро возведен силой магии, и спасти его теперь может только какое-то колдовство. Большинство жителей, населявших эту землю, — волшебные существа, и только магию они понимают, уважают и боятся. Лорды Зеленого Дола пожелали, чтобы Бен избавил их от дракона, а для этого тоже нужно волшебство. Владыка Озерного края хочет, чтобы все обитатели долины вместе с ним взялись за исцеление своей земли, а для этого, видимо, без магии тоже не обойтись. Железный Марк и его воинство — это злые силы, угрожающие всем гибелью, и, чтобы этого не произошло, понадобится очень могущественная белая магия.

Бен помолчал, потом заговорил снова. Кто лучше всех владеет магией, которая нужна Бену, чтобы навести порядок в стране? Кто сильнее всех в этом ремесле?

Конечно, их ждет опасность. Она была и будет всегда. Но уже так много лет никто не заходил к Ночной Мгле, никто даже не думал о том, чтобы попытаться это сделать. После смерти старого короля ни один заземельский правитель не искал союза с ведьмой. И даже раньше, подсказал Абернети. Даже старый король не хотел иметь дело с этой ведьмой. Тем больше оснований для того, чтобы навестить ее, настаивал Бен. Уж поговорить-то с ней можно. А вдруг ее удастся убе-

дить. Ну а если не получится, то вполне вероятно, что старуху можно будет провести.

Все в ужасе уставились на Бена.

Он пожал плечами. Ладно, мол, забудьте о том, чтобы обмануть ведьму. И все же она — их последний козырь. Она владеет самой могущественной магией этой земли — так говорил когда-то на своих уроках советник Тьюс. (Тут все осуждающе посмотрели на советника.) Малая толика этой магии может пригодиться Бену. Много ему не нужно; лишь столько, чтобы решить хоть одну из тех задач, которые встали перед ним. Даже если ведьма не захочет делиться своей магией, она может устроить для Бена свидание с феями, чтобы он смог заручиться их поддержкой.

Бен заметил, что Ивица вздрогнула, когда он упомянул о феях, и на мгновение он сам усомнился в своих силах. Но он постарался спрятать это чувство и продолжал доказывать свою правоту. Он все тщательно обдумал и знал, что принятое решение — самое верное. Ему нужен был хоть один союзник, чтобы заставить все население Заземелья поверить в него. Он уверен, что не найдет более могущественного союзника, чем Ночная Мгла.

И более опасного, резко напомнил ему советник.

Но Бена не так-то легко было отговорить. Он принял решение и готов был отправиться в новое путешествие. Путешествие в Бездонную Пропасть. Все, кто не желает идти с ним, могут остаться — он поймет.

Но никто не отступил. Хотя все бросали на Бена обеспокоенные и укоризненные взгляды.

Уже миновал полдень, и путники устремились к югу и шли до наступления ночи. Погода была отвратительной, тучи заполонили все небо, и в воздухе пахло дождем. Когда ночь вступила в свои права, сгустился плотный туман и начало моросить. Путники устроили привал под большим валуном, скрывавшимся в ясеневой рощице. Вокруг быстро сомкнулась сырая мгла, и шестеро путников сбились в кучку в своем тесном убежище. Они съели скудный ужин, состоявший из воды, побегов Лазурных Друзей и каких-то загадочных корешков, собранных запасливым Сельдереем. Стало холодно,

и Бен поймал себя на том, что мечтает о глотке своего любимого и навсегда утраченного «Гленливета».

С едой покончили быстро, и все принялись устраиваться поудобнее. Никакой постели не было и в помине: все осталось у троллей. Советник вызвался поправить дело колдовством, и на сей раз Бен согласился. Кобольды держались лучше всех, но все остальные рискуют получить к утру воспаление легких, если не смогут хоть как-то защититься от холода. К тому же в Мельхорских горах советник доказал, что стал лучше управляться с магией.

Но в эту ночь все было иначе. Заискрило, хлопнуло, и из воздуха появилось несколько десятков крошечных полотенец с цветочками. Колдун пробурчал что-то насчет плохой погоды и сделал еще одну попытку. На сей раз он получил холщовые мешки. Теперь и Абернети заворчал — страсти накалялись куда быстрее, чем согревались тела. С третьей попытки колдун сотворил матерчатый балаган в яркую полоску, с подушками для сидения и с ширмочками для переодевания. Бен решил, что на этом надо остановиться.

Путники кое-как устроились внутри и заснули почти все разом. Только Абернети был начеку и лежал носом к выходу — он сомневался, что тролли прекратили погоню. Да Бен ворочался с боку на бок, никак не мог уснуть. Он лежал в темноте и прислушивался к шуму дождя, который барабанил по ткани палатки. Его одолевало чувство неуверенности, с которым он до сих пор успешно боролся. Он видел, как неумолимо бежит время. И срок придет скорее, чем ему хочется. И тогда Марк — или какое-нибудь другое зло — явится по его душу, и он не сможет защитить себя. Тогда ему придется прибегнуть к помощи медальона, чтобы спастись, — не важно, присягнут ему или нет. И какой выбор тогда он сделает? Как он поступит, когда его жизнь будет в настоящей опасности — не перед баронами, пытавшимися поколотить его, и не перед троллями, засунувшими его в загон, но перед чудовищем, способным отнять его жизнь только силой мысли? Он знал, что одно из таких чудовищ совсем близко. Ночная Мгла где-то рядом.

Бен заставил себя задуматься о ведьме Бездонной Пропасти. Раньше он не позволял себе делать это — так ему было легче. Он знал, что должен идти к ней. Но не мог не думать о

том, как это опасно. Ночная Мгла до смерти страшила его спутников, так, как никто, кроме Марка. Наверное, Бен снова пытался отхватить больше, чем мог прожевать; может быть, он навлекал на своих друзей куда большую беду, чем раньше, когда они оказались в лапах скальных троллей. Бен задумчиво прикусил губу. Он не мог допустить этого. На сей раз выручать будет некому. Он должен быть более осторожным, он должен предпринять что-то, чтобы защитить своих друзей от всех напастей.

Особенно Ивицу, подумал он. Он посмотрел туда, где лежала девушка, пытаясь различить в темноте очертания ее тела. В эту ночь она не стала деревцем и не пустила корни. Очевидно, делала это нечасто. Бен с удивлением обнаружил, что такая мысль об Ивице почти не пугает его. Наверное, необычность ее превращения поначалу сильно поразила его, а сейчас он свыкся с этим.

Он досадливо улыбнулся. «У тебя, Холидей, на уме одно лишь желание — спасти свою шкуру, поэтому ты готов смириться даже с русалкой. Черт бы тебя побрал!»

Постепенно его дыхание стало ровным, и веки сомкнулись. Бену не хотелось, чтобы девушка отстала от него. Если бы только она была чуть менее порывистой. Ее поведение заставляло его чувствовать себя ответственным за нее, а этого ему не хотелось. Но зато, конечно, хотелось ей. Она воспринимала все как ребенок — их судьба, видите ли, заключена в сплетении лоз над брачным ложем, а их жизни воссоединились после случайной встречи на каком-то диковинном озере. Она ожидала, что Бен даст ей то, что он не был готов пока дать никому.

Его мысли путались, и упрямство постепенно смягчалось. Возможно, все дело вовсе не в ней, может быть, все дело в нем. А может, на самом деле у него просто не было того, что ей нужно. Наверное, он растерял все хорошее, когда погибла Энни. Ему не хотелось признаваться в этом, но это было похоже на правду.

Бен с удивлением обнаружил, что его глаза наполнились слезами. Он тихо отер их, радуясь, что никто не видит его слабости.

Потом он разрешил своим мыслям бродить в беспорядке и провалился в сон.

* * *

Бен проснулся рано, когда первые лучи солнца робко пробивались на западе сквозь пелену тумана. Все его спутники тоже пробудились. Они расправляли онемевшие от сырости и холода конечности и отчаянно зевали — ночь была слишком короткой. Дождь кончился, и только с деревьев продолжали скатываться капли. Бен выбрался из балагана и пробрался сквозь густой подлесок к ручейку, выбегавшему из скал. Он склонился, чтобы зачерпнуть воды ладонями, и тут из кустов вдруг высунулись две рожицы, похожие на мордочки хорьков.

Облившись ледяной водой, Бен отпрянул и удивленно охнул.

— О могучий великий король! — торопливо поприветствовал его писклявый голосок.

— Величайший великий повелитель! — подхватил второй голос.

Это были Щелчок и Пьянчужка. Бен пришел в себя, с трудом поборов искушение надавать пинков обоим гномам, и принялся ждать, пока они выберутся из своего укрытия. Кыш-гномы выглядели еще более растрепанными, чем обычно. Одежда изодралась в клочья, шерсть слиплась от дождя. Они казались еще более грязными, чем обычно, — если, конечно, такое возможно.

Кыш-гномы подковыляли к Бену, не сводя с него подобострастных взглядов.

— Мы чудом спаслись от скальных троллей, Ваше Величество, — стал оправдываться Щелчок.

— Нас преследовали дотемна, а потом мы долго искали вас — не могли понять, куда вы делись, — разъяснил Пьянчужка.

— Мы боялись, что вас опять схватили, — сказал Щелчок.

— Боялись, что вам не удалось бежать, — подтвердил Пьянчужка.

— Но мы отыскали ваши следы и шли по ним, — продолжал Щелчок.

— Мы видим плохо, но нюх у нас отличный, — похвастался Пьянчужка.

Бен беспомощно развел руками.

— Стоило ли утруждать себя? — спросил он, опускаясь на колени, чтобы заглянуть им в глаза. — Почему вы не отправились по домам с вашими сородичами?

— Ох, нет, великий король! Только не это! — воскликнул Щелчок.

— Никогда, Ваше Величество! — возмущенно заявил Пьянчужка.

— Мы поклялись служить вам, если вы поможете освободить наш народ, — объяснил Щелчок.

— Мы дали слово, — поддакнул Пьянчужка.

— Вы выполнили свое обещание, Ваше Величество, — сказал Щелчок.

— А теперь мы собираемся сдержать наше слово, — уверенно закончил Пьянчужка.

Бен недоверчиво уставился на гномов. Уж чего-чего, а изъявления верноподданнических чувств он от этой парочки не ожидал. Да и не очень желал. Щелчок и Пьянчужка могли скорее стать источником беспокойства, чем помощниками.

Он едва не сказал это вслух, но уловил решительность во взглядах подслеповатых глазок гномов. Он напомнил себе, что они были первыми, кто принес присягу новому заземельскому королю, — первыми и пока единственными. Неправильно было бы отказываться от их помощи, если они выказывают рвение услужить.

Бен медленно поднялся; гномы задрали головы.

— Мы направляемся к Бездонной Пропасти, — сообщил он. — Я собираюсь встретиться с ведьмой.

Щелчок и Пьянчужка без выражения посмотрели друг на друга и кивнули.

— Тогда мы сможем услужить вам, Ваше Величество, — сказал Щелчок.

— Это уж точно, — согласился Пьянчужка.

— Мы много раз забирались в Бездонную Пропасть, — пояснил Щелчок.

— Мы хорошо знаем ее пещеры, — добавил Пьянчужка.

— Неужели? — Бен даже не пытался скрыть удивления.

— Да, Ваше Величество, — разом сказали гномы.

— Ведьма редко обращает внимание на таких, как мы, — пробормотал Щелчок.

— Да она вообще нас не замечает, — уточнил Пьянчужка.

— Мы поведем вас безопасными тропами, Ваше Величество, — предложил Щелчок.

— А потом выведем в целости и сохранности, — добавил Пьянчужка.

Бен протянул руку и от души пожал две грязные лапки.

— Что ж, буду очень признателен. — Он усмехнулся. Гномы так и засияли. Бен снова выпрямился. — Позвольте задать один вопрос. Почему вы до сих пор не показывались? Сколько вы просидели в кустах?

— Всю ночь, Ваше Величество, — признался Щелчок.

— Мы боялись собаки, — прошептал Пьянчужка.

Бен отвел гномов в лагерь и объявил, что они будут его проводниками в Бездонную Пропасть. Абернети страшно расстроился и недвусмысленно объяснил почему. Одно дело согласиться принять в компанию колдуна — может, он и сгодится на что-нибудь (хотя это тоже пока еще бабушка надвое сказала), а уж от гномов и подавно нет никакого проку. Пес рычал, а гномы беспокойно жались друг к дружке. Кобольды шипели на них, и даже на лице Ивицы было написано сомнение. Но Бен был тверд в своем решении. Кыш-гномы идут с ним.

Первые яркие лучи солнца согрели путников. Они кое-как перекусили побегами и листьями Лазурных Друзей, советник развеял в воздухе пеструю палатку (которая исчезла с громким хлопком, до смерти перепугавшим гномов), и все двинулись в путь. Они двигались зигзагами — то на юг, то на запад, пока не оставили позади холмы и не оказались в лесистой местности неподалеку от Зеленого Дола. Сапожок возглавлял шествие. Дождь то начинался, то снова переставал, а в низинах лежал плотный холодный туман. Вся долина была затянута дымкой испарений, дававшей горам и деревьям странный синеватый оттенок. Под дождем распустились цветы, и Бену это показалось странным. Цветы были пастельных расцветок; их хрупкие чашечки раскрывались всего на несколько минут, а потом увядали. Советник сообщил, что они называются дождевиками — это плачевно свидетельствовало об отсутствии фантазии у того, кто придумал это название. Эти цветы появляются вместе с дождем, а потом пропадают. Когда-то они жили до двенадцати часов, а то и дольше. Но те-

перь, как и вся растительность в долине, они поражены болезнью. Магия не в силах продлить их жизнь больше чем на несколько минут.

Поздним утром путники сделали короткий привал у ручья, по берегам которого густо росли кипарисы, а в воде — лилии. Вода имела неприятный зеленовато-коричневый оттенок, и вокруг не было ни одного здорового растения. Сапожок отправился искать пригодную для питья воду. Снова пошел дождь, и путники сгрудились под развесистыми ветвями могучих деревьев. Бен улучил минутку и отвел Ивицу в сторону.

— Ивица, — мягко произнес Бен. Он знал, что объяснение будет нелегким. — Я тут размышлял насчет твоего решения идти с нами к Бездонной Пропасти и дальше. Я не думаю, что тебе стоит делать это. Я считаю, что ты должна вернуться домой, в Вечную Зелень.

Девушка строго смотрела на него:

— Я не желаю возвращаться домой, Бен. Я хочу остаться с тобой.

— Я знаю. Но я считаю, что это слишком опасно для тебя.

— Не опаснее, чем для тебя. Может быть, тебе опять понадобится моя помощь. Я останусь с тобой.

— Я напишу письмо твоему отцу и объясню, что сам захотел, чтобы ты побыла со мной, и он простит тебя, — продолжал Бен. — А потом я лично явлюсь, чтобы сказать это.

— Я не хочу уходить, Бен, — повторила Ивица.

На ее бледно-зеленое личико падала тень кипариса, и девушка казалась Бену чуть ли не частью этого дерева.

— Я очень ценю твое желание разделить со мной все опасности, — произнес он, — но тебе это совершенно ни к чему. Я не могу подставлять тебя, Ивица.

Ее голова слегка откинулась, и в глазах вдруг зажегся зеленый огонь.

— Не нужно ничего говорить, Бен. Я сама приняла решение. — Ивица помолчала, и Бену начало казаться, что она видит его насквозь. — Почему бы тебе не высказать то, что на самом деле занимает твои помыслы, Верховный лорд Заземелья?

Бен удивленно взглянул на девушку, потом медленно кивнул:

— Ну ладно. Я не знаю, как лучше сказать. Если бы я мог держать тебя при себе и быть честным с самим собой, то я бы так и поступил. Но я не могу. Я не люблю тебя, Ивица. Может быть, ваш сказочный народец и верит в любовь с первого взгляда, но со мной все иначе. Я не верю в то, что тебе рассказали насчет меня какие-то лозы. Я не верю, что мы с тобой созданы для того, чтобы стать возлюбленными. Я считаю, что мы с тобой должны быть друзьями, но я не могу позволить тебе подвергать опасности свою жизнь из-за этого.

Он запнулся, почувствовав, как Ивица мягко взяла его за руки.

— Ты все еще не понял, Бен? — прошептала она. — Я принадлежу тебе, потому что так должно быть. Это правда, вплетенная в полотно магии этой земли, и хотя ты не можешь видеть ее, она все же возьмет свое. Я чувствую любовь к тебе, потому что я люблю, как все феи, — с первого взгляда и по данному мне обещанию. Я не жду от тебя того же. Но когда-нибудь ты полюбишь меня, Бен. Это обязательно произойдет.

— Может, и так, — согласился он, сам того не желая крепче стискивая ее нежные руки. Девушка казалась ему такой желанной, что он готов был согласиться с ней. — Но пока что я не люблю тебя. Ты кажешься мне прекраснейшим существом на свете. Иногда я хочу тебя так сильно, что мне приходится бороться с собой. Но, Ивица, я не могу поверить в будущее, которое ты видишь с такой ясностью. Ты не принадлежишь мне! Ты принадлежишь себе!

— Если не тебе, то никому! — страстно воскликнула она. Ее лицо приблизилось вплотную к Бену. — Ты боишься меня, Бен? Я вижу страх в твоих глазах, и я не понимаю, откуда он.

Он глубоко вздохнул.

— Ивица, когда-то была другая женщина, которая вправду принадлежала мне, так же как я ей. Ее звали Энни. Она была моей женой, и я очень любил ее. Она была не так прекрасна, как ты, но она была хорошенькой и... особенной. Она погибла два года назад в автокатастрофе, и я... я так и не смог забыть ее, или перестать любить, или полюбить другую.

Его голос сорвался. Он и не думал, что спустя два года говорить об Энни будет так тяжело.

— Ты не сказал, почему боишься меня, Бен, — не отступалась Ивица. Она говорила мягко, но настойчиво.

— Да не знаю я почему! — Бен в смущении покачал головой. — Не знаю. Я не знаю этого, потому что, когда Энни умерла, я потерял часть самого себя — нечто настолько ценное, что я не уверен, что когда-нибудь обрету это снова. Порой мне кажется, что я вообще уже не способен чувствовать. Я словно делаю вид... — В глазах девушки вдруг показались слезы, и это поразило Бена. — Не плачь, пожалуйста, — попросил он.

Ивица с горечью улыбнулась.

— Я думаю, что ты боишься разрешить себе любить меня потому, что я сильно отличаюсь от нее, — тихо произнесла сильфида. — Наверное, ты боишься, что каким-то образом потеряешь ее, если позволишь себе любить меня. Мне бы не хотелось этого. Я хочу, чтобы ты был со мной, но не могу добиться этого, потому что ты боишься меня.

Бен пустился было разубеждать ее, но остановился. Она была права, когда сказала, что он боится ее. Бен не мог забыть, как она кружилась ночью на поляне среди древних сосен и как превратилась из сильфиды в дерево, пустила корни в землю, где танцевала ее мать. Это превращение до сих пор казалось Бену отвратительным. Она не была человеком, она была чужая.

Разве может он полюбить существо, которое так отличается от Энни?

Девушка смахнула слезы, которые катились теперь и из его глаз.

— Я обязана жизнью магии и должна подчиняться ей, Бен. И ты тоже — так и будет. Нас обоих сотворила мать из плоти и крови и небесный отец, а эта земля связывает нас. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Однажды ты перестанешь бояться и полюбишь меня. Я верю в это. — Ее дыхание нежно касалось его лица. — Я буду ждать столько, сколько нужно, Бен, но не оставлю тебя, даже если ты прикажешь или будешь умолять об этом. Я принадлежу тебе. Я подхожу тебе. И я останусь с тобой, пусть это будет вдесятеро опаснее, чем сейчас. Я останусь, даже если придется отдать за тебя свою жизнь!

Девушка резко отстранилась, нарушив тишину позднего утра шелестом одежд.

— Никогда не проси меня покинуть тебя, — произнесла она.

Потом быстро пошла прочь. Бен молча смотрел ей вслед. Только теперь он понял, что больше не попросит ее об этом.

Маленький отряд приблизился к Бездонной Пропасти незадолго до полудня. Дождь прошел, и стало светлее, хотя облака все еще плотной пеленой затягивали небо. В воздухе пахло сыростью, и стало еще холоднее.

Бен со своими спутниками стоял на краю Бездонной Пропасти и смотрел вниз. Все, кроме края огромного провала, было окутано туманом. Туман клубился под ногами, обвивался вокруг деревьев, верхушки которых торчали тут и там, словно изломанные кости скелета. Край пропасти густо обрамлял искривленный увядший кустарник. Внизу ничего не шевелилось. Оттуда не исходило никакого звука. Провал казался открытой могилой, ждущей своего квартиранта.

Бен беспокойно оглядывал пропасть. Она пугала его еще больше, чем тогда, когда он обозревал ее из безопасной башни Землевидения. Она казалась чудовищной — обширная бесформенная бездна, выгрызенная в земле словно нарочно для того, чтобы собирать всякую гниль. Бен заметил кучку Лазурных Друзей у края пропасти. Они были засохшими и почерневшими.

— Ваше Величество, теперь слишком поздно идти на попятную, — тихо сказал советник, стоявший рядом.

Бен молча кивнул. Решение было принято.

— Может, стоит подождать до утра, — пробормотал Абернети, озабоченно вглядываясь в хмурое небо.

Лицо Бена было сосредоточенным.

— Нет. Откладывать больше нельзя. Я иду туда сейчас. — Он повернулся к своим друзьям и заговорил, переводя взгляд с одного на другого: — Хочу, чтобы вы внимательно выслушали меня и не спорили. Кыш-гномы пойдут со мной — они будут моими проводниками. Они говорят, что хорошо знают Бездонную Пропасть. И еще кто-то один из вас. Остальные останутся ждать здесь.

— Ваше Величество, нет! — в отчаянии воскликнул советник.

— Вы доверитесь этим... этим каннибалам? — взорвался Абернети.

— Вам может понадобиться наша защита! — продолжал колдун.

— Это безумие — идти почти в одиночку! — разозлился писец.

Кобольды зашипели и оскалили зубы, выражая свое неодобрение. Кыш-гномы заныли и съежились, словно желая спрятаться. Писец с колдуном пытались перекричать друг друга, чтобы доказать свою правоту. Только Ивица ничего не говорила, но смотрела на Бена так пристально, что он чувствовал ее взгляд.

Он поднял руки, чтобы утихомирить друзей.

— Ну все, хватит! Сказал вам, чтобы вы не спорили со мной, я не потерплю этого! Я знаю, что делаю. Я все успел хорошо обдумать. Нам не нужно повторения того, что случилось в Мельхоре. Если я не выберусь из пропасти в урочный час, вот тогда пусть кто-нибудь из вас придет мне на помощь.

— Тогда может оказаться уже слишком поздно, — настойчиво выпалил Абернети.

— Вы сказали, что берете еще кого-то, Ваше Величество, — поспешно вставил свое слово советник. — Полагаю, что вы говорили обо мне. Вам может пригодиться мое волшебство.

— Может быть, советник, — согласился Бен. — Но только тогда, когда я попаду в беду. Вот тогда понадобится тот, кто станет таскать за меня каштаны из огня. Вы остаетесь с Абернети и кобольдами. Пойдет Ивица.

Взгляд сильфиды стал удивленным.

— Вы берете эту девицу?! — возопил советник. — Да как же она сможет защитить вас?

— Да никак. — Бен увидел, что взгляд девушки стал задумчивым. — Защита мне не нужна. Мне нужно, чтобы у меня было что-то общее с ведьмой. Не хочу, чтобы она думала, что королю Заземелья нужна защита, а именно это она подумает, если я заявлюсь к ней со всеми вами. Ивица не представляет для нее никакой угрозы. Ивица — дитя народа фей, так же как и ведьма. У них общее происхождение, и мы вместе с Ивицей сможем привлечь Ночную Мглу на нашу сторону.

— Вы совсем не знаете эту ведьму, Ваше Величество! — кипятился советник.

— Точно, не знаете! — вторил ему Абернети.

Тогда Ивица шагнула вперед и осторожно взяла Бена за руку:

— Они могут быть правы, Бен. Ночная Мгла не станет предлагать свою помощь только из-за того, что там буду я. Озерный народ волнует ее еще меньше, чем дворик Чистейшего Серебра. Ей нет дела ни до кого. Это опасно.

Бен заметил, что девушка не отказалась идти с ним. Она уже сбросила сапоги и длинный плащ и осталась босиком, только в прозрачной тунике.

— Я знаю, — ответил Бен. — Именно поэтому советник, Абернети и кобольды останутся здесь, чтобы прийти нам на помощь, если понадобится. Если мы отправимся туда все сразу, то попадемся в ту же ловушку, что и раньше. Но если самые сильные останутся здесь, наши шансы на спасение заметно возрастают. — Он обвел взглядом присутствующих. — Вы понимаете?

Все заропотали и заворчали.

— С великим уважением к вам, Ваше Величество, я должен заметить, что эта затея представляется мне глупой и опасной, — заявил Абернети.

— Лучше бы я был с вами и мог помогать советом, — пробурчал колдун.

Бен спокойно кивнул:

— Уважаю ваши чувства, но я уже все решил. Какова бы ни была опасность, я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас попусту разделял ее со мной. Если бы мне удалось выполнить задуманное, не подвергая никого ненужному риску, я с радостью сделал бы это. Но, к сожалению, это невозможно.

— А никто и не просит вас об этом, Ваше Величество, — тихо заметил советник.

Бен посмотрел ему прямо в глаза:

— Знаю. Вряд ли можно найти лучших друзей, чем вы. — Он призадумался. — Но здесь расклад иной. Вы сделали для меня все, что могли. Времени осталось мало, да и выбора нет. Мне нужно что-то сделать, чтобы стать истинным королем

Заземелья. На мне лежит ответственность — за вас, за эту землю, за себя самого.

Советник промолчал. Бен окинул взглядом остальных. Никто не сказал ни слова. Он протянул руку Ивице, еле уняв дрожь, которая вдруг пробрала его.

— Ведите, — приказал он гномам.

И следом за ними отправился в пропасть.

ГЛАВА 16

НОЧНАЯ МГЛА

Это напоминало спуск в озеро с грязной, черной водой. Навстречу путникам поднимался туман, жадно обнимая их ноги. Потом он поднялся до бедер, заклубился вокруг пояса. Потом обвился вокруг плеч и, наконец, окутал шею. Еще миг — и туман полностью поглотил их. Бен с трудом подавил позыв задержать дыхание в этих удушливых волнах. Он крепче сжал руку Ивицы.

Туман сомкнулся непроницаемым покровом. Он лип к коже, ощупывал ее наглыми сырыми пальцами, вызывая настойчивое желание почесаться. Пропитанный запахами земли и гниющего дерева, туман казался ядовитой жижей, стекавшей по телу. Он источал неприятное тепло, словно какой-то великан, истекающий кровью, потел от ужаса где-то в непроглядном мраке.

Бен понял, что жутко боится, и стал бороться с этим чувством. Его рубаха совершенно промокла, особенно на спине и под мышками, а дыхание стало прерывистым. Бен никогда не испытывал такого страха. В этот раз было намного страшнее, чем тогда, когда он впервые встретился с Марком. Страшнее, чем при встрече с драконом. Бен боялся того, что чувствовал, но чего не видел. Его ноги механически шагали вниз по заросшему кустарником склону; Бен не задумывался о том, куда их ставить. Он различал две приземистые тени — гномы ковыляли чуть впереди. Он видел Ивицу — ее зеленоватая кожа казалась совсем

призрачной, а длинные тонкие волосы на лодыжках и предплечьях колыхались в тумане, словно в воде. Бен смутно видел колючие сучья и камни под ногами да верхушки скал впереди. Видел, но никак не мог разглядеть в деталях. Его внимание отвлекало то, что он чувствовал, но не мог увидеть. Ему казалось, что это нечто видит его куда лучше.

Он потянулся к медальону, висевшему на шее, и с облегчением нащупал его под рубашкой.

Тянулись томительные минуты; четверка отважных быстро продвигалась вперед; их взгляды беспомощно обшаривали туман. Вскоре склон кончился, туман немного рассеялся, а кустарник сменился подлеском. Путники оказались на плато, выступавшем за несколько десятков футов до дна провала. Бен зажмурился и открыл глаза. Он снова мог видеть. Перед ним стеной поднимались деревья — путаница стволов, сучьев и лиан. Из зарослей вздымались острые скалы, врезавшиеся в серое небо. Край пропасти скрылся из виду. Привычный мир остался далеко позади.

Бен шагнул на узкий выступ, нависавший над склоном, и уставился на расстилавшиеся внизу заросли. У него перехватило дыхание.

— О Господи! — прошептал он.

Провалы тянулись вдаль, насколько хватало глаз, куда дальше, чем предполагал Бен. Бездонная Пропасть разрослась, как поганый гриб, и ее стены уже не были для нее преградой. Бездонная Пропасть была чуть ли не больше всего Заземелья!

— Ивица! — тихо позвал Бен.

Девушка тут же появилась рядом. Бен указал на безграничные лесные просторы; он смотрел туда с ужасом, не понимая, как такое вообще возможно. Зато девушка поняла сразу. Она сжала его руку.

— Того, что ты видишь, на самом деле не существует, Бен, — поспешно сказала она. — Это просто иллюзия. Это создано колдовством Ночной Мглы. Она повторяет десятки отражений одного и того же провала, чтобы запугать нас.

Бен посмотрел еще раз. Он не увидел ничего другого, но кивнул так, будто и вправду поверил.

— Значит, это просто магический трюк, призванный запугать нас. — Он глубоко вздохнул, почти успокоившись. — Хо-

чешь кое-что узнать, Ивица? У старушки это получилось. — Он на мгновение улыбнулся. — А почему ей не удалось провести тебя?

Лицо девушки осветилось озорной улыбкой.

— От фей мне досталась способность распознавать такие проделки.

Они продолжали спускаться по провалу. Казалось, видение оставило равнодушными Щелчка и Пьянчужку. Гномы ничего не заметили — наверное, у них слишком слабое зрение, решил Бен. Иногда неведение только во благо.

Путники добрались до дна и остановились. Перед ними стеной встали настоящие джунгли, казавшиеся бесконечными. Изогнутые стволы, ветви, спутанные, как паутина, перемешанные с клочьями тумана, извивающиеся, как змеи; лианы, кусты, переплетенные, словно сети. Земля была сырой и источающей запах гнили.

Щелчок и Пьянчужка некоторое время принюхивались, потом двинулись вперед. Бен и Ивица пошли следом. Гномы продирались сквозь заросли, находили еле заметные тропки там, где их не должно было быть вовсе. Стена провала исчезла позади, и лес сомкнулся вокруг. Стояла пугающая тишина. Не было видно ни единого живого существа. Не шуршали звери, не щебетали птицы, не зудели насекомые. Свет еле проникал сюда, поглощенный туманом. Повсюду лежали тени. У Бена было ощущение, будто его проглотили заживо. Он чувствовал, что попал в западню.

Они не успели зайти далеко, когда наткнулись на ящериц.

Путники стояли на краю оврага, собираясь спуститься вниз, когда Бен заметил в глубине какое-то движение. Он поспешно крикнул, чтобы все остановились, и опасливо уставился на дно оврага. Там копошились десятки ящериц. Их чешуйчатые зеленовато-черные тела переплетались друг с другом, зловещие язычки мелькали в тумане. Они были всех размеров — большие, как аллигаторы, и маленькие, как лягушки. Их шевелящаяся масса преградила дорогу путникам.

Ивица взяла Бена за руку и улыбнулась.

— Это еще одна иллюзия, Бен, — сказала она.

— Сюда, Ваше Величество, — позвал Щелчок.

— Идемте, Ваше Величество, — подобострастно попросил Пьянчужка.

Они спустились в овраг, и ящерицы исчезли. Бен опять вспотел и опять чувствовал себя дураком.

Их ждали и другие видения, и каждый раз Бена удавалось провести. Там был чудовищный древний ясень, густо увешанный огромными летучими мышами. Был ручей, кишащий пираньями. Хуже того, им попалась поляна, где похожие на человеческие руки и ноги вытягивались из рыхлой земли и цеплялись когтистыми пальцами за все, что двигалось мимо. Каждый раз гномы и Ивица решительно вели Бена вперед.

Прошло больше часа, и они вышли к болоту. Было уже далеко за полдень. Тропинка уперлась в тростник и зыбучие пески, которые тянулись в обе стороны, насколько хватало глаз. Из болота поднимались испарения, а песок бурлил, словно со дна болота вырывались какие-то газы.

Бен поспешно оглянулся на Ивицу.

— Что, опять иллюзия? — спросил он, заранее ожидая, что она согласится.

Но на сей раз девушка покачала головой:

— Нет, болото настоящее.

Гномы снова начали принюхиваться. Бен пригляделся к болоту. Посередине на ветви засохшего дерева сидел ворон — огромная мерзкая птица с белой полоской на голове. Она взирала на Бена маленькими темными глазками, с интересом склонив голову набок.

Бен отвернулся.

— Что теперь делать? — спросил он.

— Дальше есть тропинка, Ваше Величество, — ответил Щелчок.

— Дорожка через болото, — добавил Пьянчужка.

Они стали пробираться вдоль кромки болота. Кротиные мордочки гномов были подняты, они жадно втягивали воздух ноздрями. Бен и Ивица осторожно шли следом. Через сотню футов гномы повернули и направились в болото. Казалось, что оно ничем не отличается от других участков, но здесь почва выдерживала вес путников, и через несколько минут они благополучно перебрались сквозь трясину. Бен оглянулся назад. Ворон все еще следил за ним.

— Не будь параноиком, — пробормотал Бен себе под нос.

Они снова углубились в лес. Они прошли совсем немного, когда Щелчок и Пьянчужка вдруг разволновались. Бен подошел к ним и увидел, что гномы наткнулись на мышиное гнездо. Щелчок плюхнулся на живот, бесшумно пропол по кустам и вскоре вскочил с одним из незадачливых членов мышиного семейства в руке. Он откусил зверьку голову и протянул тельце Пьянчужке. Бен сморщился, отвесил тому пинка и сердито приказал гномам идти вперед. Обезглавленная мышь стояла у него перед глазами.

Он забыл о происшедшем, когда дорогу преградила сплошная стена колючей ежевики. Ее стебли поднимались на добрые полтора десятка футов, плотно переплетаясь с деревьями и лианами. Бен снова взглянул на Ивицу.

— Колючки тоже настоящие, — сообщила она.

Кыш-гномы принюхались, прошлись туда-сюда вдоль стены, потом повернули вправо. Не прошли они и полусотни шагов, как Бен снова увидел ворона. Он сидел в зарослях прямо над ними и пристально глядел вниз, не сводя колючих глаз с Бена. Бен уставился на птицу. Он готов был поклясться, что птица подмигнула ему!

— Сюда, Ваше Величество! — позвал Щелчок.

— Здесь есть проход, Ваше Величество, — добавил Пьянчужка.

Гномы лезли сквозь заросли так легко, словно колючек не существовало, а за ними продирались Бен с Ивицей. Плети ежевики легко раздвигались. По другую сторону преграды Бен выпрямился и оглянулся. Ворон пропал.

Он видел птицу еще несколько раз. Она восседала на ветвях или устраивалась на каком-нибудь поваленном бревне, неподвижно следя за ним своими колючими глазками. Бен вообще не видел, чтобы ворон летал, и не слышал его крика. Раз он спросил Ивицу, видит ли она эту странную птицу, — он был не слишком уверен в том, что она настоящая. Девушка сказала, что видит, но совершенно не представляет, что делает здесь эта тварь.

— По-моему, это единственная птица в провале, — неуверенно предположил Бен. Ивица кивнула. — Возможно, она принадлежит Ночной Мгле.

Это была не слишком радостная мысль, но Бен не мог придумать лучшего объяснения, так что он просто постарался не задумываться. Джунгли начали редеть. Стволы и лианы время от времени расступались, и туман на этих прогалинах стоял как попавшие в ловушку облака. Небо впереди посветлело, словно джунгли должны были скоро кончиться. Стен провала не было видно там, где предполагалось, и Бездонная Пропасть была такой же огромной и бесконечной, как показалось с первого взгляда.

— Вы можете сказать, где мы и сколько прошли? — спросил Бен своих спутников. Но те лишь покачали головой.

А потом джунгли вдруг и в самом деле расступились, и четверо путников оказались на подступах к такой огромной крепости, рядом с которой все величайшие замки мира показались бы жалкими лачугами. Крепость выросла перед ними, подобно горе. Ее башни возносились высоко в небо, скрываясь в облаках, а стены тянулись на много миль, упираясь в горизонт. Башни с бойницами, зубчатые стены, валы и укрепления беспорядочно громоздились друг на друга так тесно, будто за стенами уместился целый город. Замок возвышался на величественном плато, у подножия которого начинались джунгли. Усыпанная гравием дорога тянулась от того места, где стояли путники, до открытых ворот замка с поднятой решеткой.

Бен растерянно уставился на крепость. Что-то подсказывало ему, что ни одно здание не может быть столь огромным. Должно быть, это была очередная иллюзия, проделка магии, наподобие растянутой до бесконечности пропасти и всех штучек, которые они видели...

— Что это за место, Ивица? — пробормотал он, прерывая ход своих размышлений. В его голосе ясно слышались растерянность и недоверие.

— Не знаю, Бен. — Девушка стояла рядом с ним, не сводя глаз с чудовищного сооружения. — Я не могу понять, что это такое. Это не иллюзия, но и не правда. Это живая магия, но она творит только часть того, что мы видим.

Кыш-гномы тоже смутились. Они озабоченно переминались с ноги на ногу с задранными кверху мордочками и нюхали воздух, пытаясь уловить какой-нибудь знакомый запах. Им не удалось сделать этого, и они опасливо зашушукались.

Бен с трудом оторвал взгляд от замка и озабоченно огляделся, пытаясь найти ключ к разгадке этого странного явления. Поначалу он не заметил ничего, кроме тумана и леса.

Потом увидел ворона.

Он восседал на дереве в нескольких десятках ярдов от Бена, глядя на него в упор. Его крылья были аккуратно сложены. Это была та же самая птица — с белой отметиной на голове. Бен воззрился на нее. Ему показалось, что ворон прекрасно знает, что к чему. Бена разозлило то, что птица сидела так спокойно, словно выжидала, что они предпримут.

— Идемте, — позвал он своих спутников и ступил на дорогу.

Они осторожно двинулись к замку. Он не задрожал и не исчез при их приближении. Напротив, он приобретал все более зловещий и мрачный вид, по мере того как источенный временем камень и свист ветра в башнях и на парапетах становились более различимыми. Теперь Бен шел впереди, а Ивица — на шаг от него. Гномы плелись позади, вцепившись в штаны Бена и опасливо выглядывая из-за его ног. По дороге носились сухие листья и прутья, теплая сырость джунглей сменилась пронизывающим холодом.

Вход в замок казался разинутой пастью, черной дырой с железными зубами. Все, что находилось за ними, было покрыто непроницаемыми тенями. Бен остановился и настороженно всмотрелся в темноту. Он смог различить лишь нечто похожее на тронный зал с разбросанными тут и там скамьями и столами, почерневшие подставки для факелов и видавший виды трон. Все было покрыто пылью и паутиной.

Бен зашагал вперед, а за ним и все остальные. Они прошли под опускной решеткой и попали в зал. Он был огромным и заброшенным. Их шаги гулко застучали по полу.

Бен наполовину пересек зал, когда заметил ворона. Каким-то образом он очутился там раньше них. Он сидел на троне, глядя на Бена. Все остановились.

Глаза ворона мигнули и вдруг вспыхнули ярко-красным.

— Ночная Мгла! — тут же прошептала Ивица.

Ворон начал изменяться. Он словно разрастался, раздвигая темноту багровым свечением, а его тень ползла вверх по спинке трона, будто призрак. Вдруг вспыхнули и загорелись

факелы, стало светлее. Гномы задохнулись от ужаса, метнулись к выходу и были таковы. Ивица стояла рядом с Беном, крепко сжимая его руку, как утопающий хватается за соломинку. Бен наблюдал за превращением ворона и вдруг испугался, что совершил страшную ошибку.

Потом кровавое свечение угасло, остался только свет факелов, горевших на железных столбах. Ворон исчез. На источенном временем троне восседала Ночная Мгла.

— Добро пожаловать в Бездонную Пропасть, великий и могучий повелитель, — приветствовала она Бена. Ее голос был еле слышным шипением.

Ночная Мгла была совсем не такой, какой ее ожидал увидеть Бен. Она была совершенно не похожа на ведьму — хотя ему даже в голову не пришло считать ее чем-то иным. Она была высокой, с точеным лицом, с безупречной белой кожей, с волосами цвета воронова крыла с единственной белой прядью посередине. Она не была ни молодой, ни старой. Ее черты были лишены возраста, как у мраморной статуи. Бен не знал, какой мастер создал это творение — бог или дьявол, но одна мысль у него все же вылепилась. Ночная Мгла была потрясающей женщиной.

Она поднялась, черные одежды зашелестели, скользя по длинному, худощавому телу. Она спустилась с трона и остановилась в десятке футов от Бена и Ивицы.

— Ты выказал больше решимости, чем можно было ожидать от претендента на престол. Магия не пугает тебя так, как должна. Это потому, что ты глупец или попросту безрассудный человек?

Мысли Бена лихорадочно замельтешили.

— Это потому, что я решительный, — ответил он. — Я пришел в Бездонную Пропасть не для того, чтобы пугаться.

— Тем хуже для тебя, — прошептала ведьма, и цвет ее глаз изменился с багряного на зеленый. — Я всегда недолюбливала королей Заземелья. И ты мне нравишься не больше, чем они. Для меня нет никакой разницы, пришел ты из этого мира или из какого-нибудь другого, и нет дела до того, зачем ты пришел. И если ты хочешь от меня чего-то, ты просто глупец. У меня нет ничего такого, что мне хотелось бы отдать.

Ладони Бена вспотели. Все шло наперекосяк. Бен собрался с духом:

— А что, если я обладаю чем-то таким, что могу дать тебе?

Ночная Мгла рассмеялась. Ее черные волосы переливались, когда она тряслась от смеха.

— Ты дашь что-то мне? Король Заземелья может дать что-то хозяйке Бездонной Пропасти? — Смех замер. — Все-таки ты глупец. У тебя нет ничего, что я хотела бы иметь.

— Возможно, ты ошибаешься. Может быть, у меня есть нечто.

Он замолчал. Ночная Мгла приблизилась, наклонилась, чтобы получше разглядеть Бена. Кожа на ее лице туго обтягивала скулы.

— Я знаю тебя, шутейный королишко, — произнесла она. — Я наблюдала за твоими перемещениями из Зеленого Дола в Озерный край, а оттуда в Мельхор и, наконец, ко мне. Я знаю, что ты искал союза с народами долины, но не смог добиться большего, чем необоснованная верность этой глупой девчонки, мошенника Тьюса, собаки, парочки кобольдов и этих жалких гномов. У тебя есть медальон, но ты не владеешь магией. Ты не смог привлечь Паладина. За тобой охотится Железный Марк. Тебя отделяет всего один шаг от того, чтобы стать воспоминанием прошедшего дня. — Ведьма нависла над Беном, она была на добрую голову выше его — темная, как призрак смерти. — Что же ты можешь дать мне, шутейный королишко?

Бен загородил собой Ивицу:

— Защиту.

Ведьма просто онемела. Бен не сводил с нее глаз, пытаясь оттолкнуть от себя всей силой воли. Близость ее темного тела душила его. Но Ночная Мгла не двигалась.

— Я — король Заземелья, Ночная Мгла, и собираюсь им остаться, — вдруг сказал он. — И я не шутейный королишко, как ты соизволила выразиться, и я не глупец. Хотя я и не из этого мира и еще не узнал всего, что должен, но я знаю достаточно, чтобы понять, в чем беда этой земли. Я нужен Заземелью. Я нужен тебе. Если ты потеряешь меня, то можешь потерять и себя.

Ночная Мгла уставилась на него как на безумца, потом посмотрела на Ивицу, чтобы проверить, считает его сильфи-

да сумасшедшим или нет. Ее глаза сверкнули, когда встретились с глазами Бена.

— А мне-то что может угрожать?

Она пристально глядела на Бена. Он набрал воздуху в грудь.

— Эта земля теряет свою магию, Ночная Мгла. Волшебство исчезает. Это происходит потому, что здесь нет такого короля, какой нужен. Все рассыпается на части, и яд въедается все глубже. Я вижу, как это происходит, и я знаю причину. Я нужен тебе. Марк заявляет свои права на эту землю, и рано или поздно он завладеет ею. Этот демон не будет мириться с тобой. Он вышвырнет тебя вон. Он не потерпит никого, кто превосходил бы его силой.

— Марк не посмеет бросить мне вызов! — фыркнула ведьма, в ее глазах вспыхнуло бешенство.

— Пока нет, — быстро поправил ее Бен. — И не в Бездонной Пропасти. Но что случится, когда вся долина превратится в мертвую пустыню и останется только твоя пропасть? Ты останешься в одиночестве. Марк завладеет всем. И тогда у него достанет сил, чтобы сразиться с тобой.

Бен сказал это наугад, но что-то во взгляде ведьмы подсказало ему, что он идет верным путем. Ночная Мгла выпрямилась, вытянулась высоко во мрак.

— И ты веришь, что сможешь защитить меня?

— Конечно. Если все люди в долине присягнут мне на верность, Марк будет осторожнее. Он не сможет выстоять против всех нас. И если ты поклянешься первой, другие сделают то же самое. Ты — самая могущественная волшебница в Заземелье, Ночная Мгла. Если ты станешь моей союзницей, все последуют твоему примеру. Мне от тебя больше ничего не нужно. В свою очередь я обещаю, что твои владения останутся за тобой — навсегда. Никто не потревожит тебя здесь. Никогда.

Ведьма едва не улыбнулась.

— Ты обещаешь лишь то, что у меня уже есть. И ты не нужен мне, чтобы противостоять Марку. Я сама могу сделать это, когда пожелаю. Я могу призвать к себе всех, кого захочу, и они придут, потому что боятся меня!

«Ох ты ж, батюшки мои», — подумал Бен.

— Они не придут, Ночная Мгла. Они спрячутся или убегут от тебя, а не то начнут с тобой драться. Они не позволят тебе править собой, но могут позволить мне.

— Озерный край никогда не примет тебя, Ночная Мгла, — прошептала Ивица.

Ведьма нахмурилась.

— Так и должна говорить дочь его Владыки, — фыркнула она. — Но ты не знаешь, с кем имеешь дело, сильфида. Моя магия сильнее вдесятеро против того, что может вылечить твой отец, — и куда быстрее!

Она молниеносно выбросила руку и схватила Ивицу за запястье. Рука девушки тут же почернела и стала безобразной. Ивица вскрикнула, Бен охнул и разорвал страшное рукопожатие. Рука тут же приобрела прежний вид, боль прошла. Ивица вспыхнула, на глаза навернулись злые слезы. Бен повернулся к ведьме.

— А ну-ка попробуй меня так схватить! — крикнул он, сжимая медальон.

Ночная Мгла заметила это движение и подалась назад. Ее глаза сузились.

— Не угрожай мне, шутейный королишко! — мрачно предупредила она.

Бен не отступал. Он был не менее зол, чем Ночная Мгла.

— Не смей трогать меня или моих друзей, ведьма, — произнес он.

Ночная Мгла словно сжалась в своих одеждах. Она низко опустила голову, медленно подняла руку и наставила палец на Бена:

— В некоторой храбрости тебе не откажешь, шутейный король. И в решительности тоже. Но в твоей просьбе я тебе все же откажу. Если хочешь получить мою клятву, ты должен сперва доказать, что достоин этого. Если ты слабее Марка, то мне просто невыгодно присягать тебе. С таким же успехом я могу заключить союз с демоном и связать его волшебной клятвой, которую он не в силах будет нарушить. Нет, я не буду подвергать себя опасности, пока не узнаю, какой силой ты обладаешь.

Бен понял, что его дела плохи. Ночная Мгла приняла решение, которое уже не изменит. Его мозг бешено работал.

Темнота замка, огромные пространства этих залов угнетали его. Ночная Мгла была его последней надеждой, и он не мог позволить себе расстаться с ней.

— Мы нужны друг другу, Ночная Мгла, — проговорил он, соображая, что еще сказать. — Как мне убедить тебя в том, что я достаточно силен, чтобы быть королем?

Ведьма, казалось, погрузилась в размышления, черные волосы снова упали на бледное лицо. Потом она медленно подняла голову:

— Возможно, мы и вправду нужны друг другу, и, может быть, существует нечто, что поможет нам обоим. А что, если я скажу тебе, что знаю способ избавить Зеленый Дол от дракона?

Бен нахмурился:

— От Страбона?

— От него. — Улыбка была словно приклеена к ее лицу. — Есть такой способ — магия, которая может сделать тебя повелителем дракона, которая подчинит тебе все его деяния. Используй ее, и он сделает все, что ты скажешь. Ты сможешь выслать его из Зеленого Дола, и тогда лорды дадут тебе клятву верности.

— Так ты и это знаешь, — пробормотал Бен, оттягивая время на раздумья. Он изучающе посмотрел на бледное лицо ведьмы. — А почему ты соглашаешься дать мне эту магию, Ночная Мгла? Ты ведь ясно дала понять, как относишься ко мне.

Ведьма ощерилась в усмешке, словно волк при виде легкой добычи.

— Я ничего не говорила о том, чтобы дать тебе эту магию, шутейный королишко. Я сказала, что могу поведать тебе об этом способе. А самой магии у меня нет. Ты должен разыскать и добыть ее и принести мне. Тогда мы разделим ее — ты и я. Принеси ее, и я поверю в твою силу и приму тебя как короля. Сделай это — и твое будущее обеспечено.

— Бен... — предостерегающе начала Ивица.

Бен отмахнулся от нее.

— Где искать эту магию? — настойчиво спросил он Ночную Мглу.

— Она в туманах, — мягко ответила ведьма. — Она в царстве фей.

Ивица стиснула руку Бена.

— Нет, Бен! — вскричала она.

— Эта магия зовется Звездной Пыльцой, — продолжала ведьма, не обращая внимания на девушку. — Она содержится в стручках лунно-голубого кустарника с серебряными листьями. Стручки эти размером с мой кулак. — Она сжала руку перед носом Бена. — Принеси два стручка — один для меня, другой для себя. Пыльцы одного вполне достаточно для того, чтобы справиться с драконом!

— Бен, ты не можешь идти в царство фей! — Ивица словно обезумела. Она набросилась на ведьму: — Почему бы тебе самой не отправиться туда, Ночная Мгла? Зачем тебе посылать Бена Холидея туда, куда ты сама не идешь?

Ведьма презрительно вздернула голову:

— Неужто меня увещевает дочь того народа, что покинул туманы ради долины, имея полную свободу выбора? Слабая у тебя память, сильфида. Я не могу вернуться в царство фей. Меня выжили оттуда и запретили возвращаться. Для меня попасть туда — верная смерть. — Она холодно улыбнулась Бену. — Но, возможно, этому человеку повезет больше, чем мне. Ведь ему-то вход туда не заказан.

Ивица повернула Бена к себе:

— Тебе нельзя идти туда, Бен. Ты погибнешь. Никто не может попасть в призрачный мир и выжить в нем, если он не рожден и не взращен феями. Послушай меня! Мои предки выбрали царство потому, что оно таково — там реальность становится продолжением мыслей и чувств, бреда и воображения. Там не было реальности, оторванной от нас, не было надежной правды, отделенной от нас! Бен, ты не сможешь выжить в такой среде. Там нужны дисциплина и знания, которых у тебя нет. Этот мир погубит тебя!

Бен заупрямился:

— Может быть, и нет. Может, я более способный, чем ты думаешь.

В глазах девушки заблестели слезы.

— Нет, Бен. Ты погубишь себя, — расстроенно твердила она.

Ее голос и лицо были пугающе напряженными. Бен заглянул ей в глаза и заставил себя сурово отвергнуть мольбу,

которая отражалась в них. Он медленно притянул сильфиду к себе.

— Мне надо идти, Ивица, — прошептал он так тихо, что только она могла услышать его. — У меня нет выбора!

— Она обманывает тебя, Бен! — прошептала девушка. — Это ловушка! Я слышу, как ложь звучит в ее голосе! — Она дрожала. — Теперь я вижу, каков этот замок! Это магически раскрашенная стена туманов! Если ты зайдешь слишком далеко за нее, то навсегда останешься в мире фей! Бен, она с самого начала задумала этот обман! Она знала, что ты идешь к ней, и знала зачем!

Бен мягко отстранил девушку:

— Это ничего не меняет, Ивица. Мне все же надо идти. Но я буду осторожным, обещаю. Я буду очень осторожным.

Девушка в тревоге подставила руки к подбородку, и по ее щекам побежали слезы. Он поколебался, потом нагнулся и нежно поцеловал ее в губы. — Я вернусь.

Девушка словно пришла в себя.

— Если ты идешь, то я иду с тобой.

— Он пойдет один, — холодно перебила ее Ночная Мгла. — Мне не нужна помощь от существа, в жилах которого течет кровь фей. Я хочу, чтобы никто не вмешивался. Я хочу убедиться, на самом ли деле этот шутейный королишко так силен, как хвастает. Если он принесет мне стручки со Звездной Пыльцой, то убедит меня в этом.

— Но я должна идти с ним, — настаивала Ивица. — Ведь я принадлежу ему.

— Нет, — мягко сказал ей Бен. Он пытался подобрать верные слова. — Ты принадлежишь Заземелью, Ивица, а я пока нет. Может быть, и никогда не буду. Мне нужно сначала сделаться частью этой земли, а потом уже думать о том, чтобы стать частью ее народа. Я пока что не заслужил такой чести, Ивица, но я должен добиться ее! — Его улыбка была суровой. — Жди меня здесь. Я вернусь за тобой.

— Бен...

— Я вернусь, — твердо повторил он.

Бен приблизился к ведьме. Он чувствовал себя сбитым с толку и опустошенным, словно его душа заблудилась в безлюдной пустыне с ледяными ветрами. С тех пор как он при-

шел в Заземелье, Бен ни разу не оставался один, и он почти беспричинно боялся одиночества.

— Куда идти? — спросил он Ночную Мглу, стараясь говорить спокойным голосом.

— Вон туда, по этому коридору. — Она указала куда-то назад, и факелы вдруг вспыхнули, освещая сумрачную нору, где, как живой, клубился туман. — В конце тоннеля будет дверь. А за ней находится царство фей.

Бен кивнул и молча прошел мимо ведьмы. Его мысли вертелись вокруг тех мрачных картин, про которые шептала ему Ивица и на которые он не должен был обращать внимания. Он помедлил у входа в коридор и оглянулся. Ивица стояла там, где он ее оставил. Ее бледно-зеленое прекрасное лицо было залито слезами. Бен вдруг удивился. Почему он так много значит для этой девушки? Ведь он ей совсем чужой. Он просто тот, с кем ей довелось случайно столкнуться. Она слепо верила всяким выдумкам и пророчествам. Она выдумала себе любовь на пустом месте. Он не мог понять этого.

Ночная Мгла смотрела ему вслед без всякого выражения на надменном лице.

Бен медленно повернулся и зашагал к туманам.

ГЛАВА 17
ЦАРСТВО ФЕЙ

И сразу же все исчезло. Туманы окутали Бена и плотно сомкнулись вокруг него; он оказался совсем один. Коридор вел вперед, извиваясь словно змея. Факелы, укрепленные попарно на стенах, отбрасывали тусклый, неверный свет. Бен тупо шагал вперед. Он с трудом различал стены этого хода, сложенные из каменных глыб, закопченные и потемневшие от гари и сырости. Он слышал только свои приглушенные шаги. Больше ничего не было видно и слышно.

Так он шагал довольно долго, и страх, семя которого уже поселилось в его душе, начал разрастаться, как раковая опухоль. Он начал думать о смерти.

Наконец коридор завершился деревянной дверью, окованной железом, с большой резной ручкой. Бен без колебаний схватился за эту ручку и повернул. Дверь с легкостью подалась, и он, неистово сжав зубы, шагнул в проем.

Бен очутился в лифте, лицом к двери. Справа от нее находилась панель с кнопками; судя по тому, как загорались и гасли лампочки, лифт поднимался.

Бен так остолбенел, что поначалу мог только тупо разглядывать дверь и кнопочки. Потом он развернулся, чтобы найти дверь, через которую вошел. Она исчезла. Он увидел лишь заднюю стенку лифта, обшитую пластиком под мореный дуб. Он ощупал ее пальцами, ища потайной замок. Но тщетно.

Лифт остановился на четвертом этаже, и в дверь вошел уборщик.

— Доброе утро, — весело поздоровался он и нажал кнопку восьмого этажа.

Бен кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Что за чертовщина происходит? Он уставился на панель с кнопками и обнаружил, что она выглядит подозрительно знакомой. Он поспешно огляделся и вдруг понял, что находится в том самом лифте, который был в том здании, где размещалась его юридическая контора.

Он снова оказался в Чикаго!

Его мысли перемешались. Что-то пошло наперекосяк. Что-то точно не так. А иначе почему он оказался здесь? Он прижался лбом к стенке. Было только одно возможное объяснение. Он проскочил туманы навылет, он вернулся через мир фей в свой собственный.

Лифт остановился на восьмом этаже, и уборщик вышел. Бен уставился ему в спину. Он никогда прежде не видел этого человека, а ведь он считал, что знает весь обслуживающий персонал этого здания — если не по имени, то в лицо точно. Уборщики драили кабинеты по воскресеньям; только в этот день им позволялось разъезжать на лифте. Сам Бен ездил на нем всегда, со своими папками и бумажками. Но этот человек был ему незнаком. Почему бы это?

Бен покачал головой. Может быть, это новенький, которого управляющий нанял только что. Но новичкам не позволяется работать по воскресеньям в одиночку, когда они могут

попасть в... Бен поймал себя на этой мысли. Он улыбнулся, почувствовав себя бестолковым. Воскресенье! Раз уборщики пользуются лифтом, значит, нынче воскресенье! Бен чуть не рассмеялся. Он и не подумал узнать день недели ни разу с тех пор, как попал в Заземелье!

Лифт начал подниматься. Бен увидел, как на панели вспыхивают лампочки; лифт подползал к пятнадцатому этажу. Он вез его к конторе Бена. Но ведь он не нажимал кнопку, верно? Он смущенно посмотрел вниз и охнул от удивления. На нем больше не было той одежды, в которой он уходил от Ночной Мглы. Он был одет в спортивный костюм и кроссовки — те самые, в которых отправился на Голубой хребет.

Что происходит?

Лифт остановился на пятнадцатом этаже, двери раскрылись, и Бен вышел в холл. Несколько шагов — и Бен очутился перёд стеклянными дверями, которые вели в контору Холидея и Беннетта. Двери были незаперты. Бен распахнул их и вошел.

Майлз Беннетт повернулся от своего стола со стопкой бумаг в руках. Он увидел Бена, и бумаги выскользнули у него и посыпались на пол.

— Док! — прошептал он.

Бен вздрогнул. Перед ним стоял Майлз, но не тот Майлз, которого Бен оставил. Этот Майлз был жалким подобием того, другого. Он был уже не просто полным, но безобразно раздутым. Лицо стало багровым, как у заправского выпивохи. Темные волосы поседели и поредели. Глубокие морщины прорезали лицо, превратившееся в озабоченную маску.

Удивление Майлза быстро исчезло, сменившись неприкрытой злобой.

— Так, так, док Холидей. — Майлз выговорил его имя с отвращением. — Будь я проклят, если это не старина док.

— Привет, Майлз, — поздоровался Бен и протянул руку.

Его партнер сделал вид, будто не заметил ее.

— Не верю своим глазам. Не могу поверить, что это и вправду ты. Я думал, что никогда больше не увижу тебя — и никто другой. Черт побери. Я думал, что ты давным-давно добываешь серу в аду, док. А ты тут как тут — жив-здоров и невредим!

Бен смущенно улыбнулся:

— Эй, Майлз, не так-то давно мы виделись.

— Да ну? Десять лет — это не долго? Десять проклятых лет? — Майлз улыбнулся, увидев ошеломленное выражение лица Бена. — Да, док, это правда — десять лет. Никто и слыхом не слыхивал о тебе целых десять лет. Никто — даже я, я — твой проклятый партнер — на случай если ты уже забыл об этом. — Он запинался на каждом слове, проглатывал звуки. — Ты несчастный, тупой подонок! Ты даже не знаешь, что случилось, пока ты был в своей сказочной стране, не так ли? Ну так дай-ка я просвещу тебя, док. Ты прогорел! Ты потерял все!

Бена мороз продрал по коже.

— Что?

— Да, все, док. — Майлз тяжело осел на стол. — Так случается, когда тебя по закону признают покойником, — забирают все и передают наследникам или штату! Ты помнишь этот закон, док? Помнишь, как он действует? Ты хоть что-нибудь помнишь, черт возьми?

Бен покачал головой, не веря своим ушам:

— Меня не было десять лет?

— Ты всегда быстро схватывал новое, док. — Майлз открыто издевался. — Великий док Холидей, легенда правосудия. Сколько дел ты выиграл, док? Сколько поражений пережил? Теперь все это больше ничего не значит, верно? Все, что ты заработал, пропало. Ничего не осталось. — Жилочки на щеках Майлза были красными и полопавшимися. — Ты даже лишился места в этой фирме. Ты — просто собрание старых историй, которые я рассказываю юным олухам!

Бен повернулся к стеклянной двери, чтобы посмотреть, что на ней написано. Надпись гласила: «Беннетт и компаньоны, лимитед».

— Майлз, мне казалось, что прошло всего несколько недель... — беспомощно пробормотал он.

— Недель? Ох, да пошел ты к дьяволу, док! — закричал Майлз. — Вспомни о всех судебных драконах, которых ты победил, о ведьмах и колдунах юриспруденции, павших, как ты думал, от твоей руки, — почему ты не остался здесь, чтобы продолжать все это? Зачем тебе понадобилось бросать свое

дело ради какой-то дурацкой сказочной страны? Раньше ты так легко не сдавался, док. Ты был слишком упрямым, чтобы отступать. Может быть, именно поэтому ты был таким хорошим адвокатом. Был, был, ты сам знаешь. Ты был самым лучшим из всех, кого я знал. Ты мог сделать все, что угодно. И я готов был отдать свою правую руку, чтобы помочь тебе в этом. Я так восхищался тобой! Но нет, ты не мог ужиться в этом мире вместе со всеми нами. Тебе понадобился свой собственный мир, будь он проклят! Тебе вздумалось покинуть мой корабль и оставить меня с крысами! Так и случилось, знаешь ли. Крысы выползают из своих нор и заполоняют все, крысы вынюхивают залежалый сыр. Я не мог справиться с ними в одиночку! Я пытался, но клиенты требовали тебя, бизнес не мог двигаться без тебя, и на меня обрушилось все это чертово дерьмо! — Беннетт всхлипнул. — Посмотри на себя, черт побери! Ты выглядишь так, будто не состарился ни на день! И взгляни на меня — старая спившаяся развалина... — Он подался вперед, разбухшие жилы на шее натянули ворот рубашки. — Ты знаешь, кем я стал, док? Я мертвый груз, и только. Я вещь, которая зря занимает место; предмет, который эти желторотые пройдохи ждут не дождутся выбросить вон! — Он снова всхлипнул. — И однажды они так и сделают, док! Они выставят меня из моей же чертовой конторы...

Он совсем расклеился. Бену стало не по себе, когда он понял, что у его старого друга совершенно не осталось силы воли. Ему хотелось шагнуть вперед, подойти к нему, но он был не в силах сдвинуться с места.

— Майлз... — выдавил он.

— Проваливай, док, — надтреснутым голосом перебил его Беннетт и указал на дверь. — Ты здесь не нужен. Они захватили все, что у тебя было много лет назад. Ты мертвец, док. Так убирайся же к черту!

Бен торопливо вышел из приемной и направился в свой бывший кабинет. На мгновение он застыл перед закрытой дверью... Потом повернул ручку и шагнул...

И оказался в клубящемся тумане.

Туман развеялся. Бен стоял в саду, где с яблонь свисали тяжелые спелые плоды. Легкий летний ветерок колыхал зеле-

ную траву на лугу, принося запах меда. Вдали виднелось пастбище, обнесенное белой изгородью. Там паслись лошади. Тут же располагались конюшни, а на холме с могучими деревьями стоял приземистый кирпичный дом.

Бен изумленно огляделся вокруг, заранее зная, что не увидит Майлза, контору и лифт. И точно. Ничего не осталось. Неужели это было игрой его воображения? Ужасные слова Майлза все еще звучали в ушах, полосуя, словно бритвой, его мозг. Неужели все это только пригрезилось?

Он поспешно взглянул на свою одежду. Спортивный костюм сменился простыми брюками, рубашкой с короткими рукавами и мокасинами.

Что за чертовщина с ним происходит?

Бен пытался сдержать ярость, которая подкатывала к горлу, и обрести прежний здравый смысл. Он подумал, не совершил ли прыжка через время. И засомневался. Но он мог вообразить себе, что это так. Все это могло быть только иллюзией, хотя казалось вполне осязаемым. Туманы могли ослепить его. Путешествие сквозь туманы заморочило ему голову. Может быть, он вообще никуда не ушел. Но если он никуда не ушел и если все, что он видит, — просто иллюзия, значит...

— Бен?

Он обернулся и увидел Энни. Она выглядела именно так, какой он запомнил ее, — маленькая привлекательная девушка с огромными карими глазами, носиком пуговкой и темно-рыжими волосами до плеч. Она была одета в белое летнее платьице с ленточками по талии и рукавам. Бледная кожа была покрыта веснушками. Воздух вокруг нее словно искрился в ярком сиянии полуденного солнца.

— Энни? — прошептал Бен, не в силах поверить своим глазам. — О Господи, Энни, неужто это ты?

Она улыбнулась той непритворной улыбкой маленькой девочки, которую она всегда дарила ему, когда считала, что он сказал что-то смешное, и он знал, что так улыбаться может только она.

— Энни, — повторил Бен, и на глаза навернулись слезы.

Он двинулся к ней, почти ослепший от слез, но она быстро вскинула руки, заслоняясь от него:

— Нет, Бен! Не дотрагивайся до меня. Даже не пытайся. — Она отступила на шаг, и Бен, смутившись, замер на месте. — Бен, я ведь уже не живая, — прошептала она, и ее глаза тоже заблестели от слез. Она все же попыталась улыбнуться. — Я призрак, Бен. Я только образ, который ты помнишь. Если ты попытаешься дотронуться до меня, я просто исчезну.

Он стоял перед ней совершенно сбитый с толку.

— Что... что ты делаешь здесь, если ты — призрак?

Энни весело рассмеялась — так, будто он никогда и не терял ее:

— Бен Холидей! Твоя память, как всегда, подводит тебя. Разве ты не помнишь это место? Оглянись вокруг. Ты не знаешь, где мы?

Он огляделся, снова увидел пастбище, конюшню, лошадей, дом на холме — и вдруг вспомнил.

— Это же дом твоих родителей! — воскликнул он. — Боже милостивый, это сельский дом твоих родителей! Я совсем забыл о нем! Я не был здесь... ох, я даже не помню сколько!

В уголках ее глаз появились смешливые, до боли знакомые морщинки.

— А ведь это было твое убежище, куда ты прятался, когда уставал от суеты большого города. Помнишь? Мои родители еще поддразнивали тебя, говоря, что ты городской мальчик, который не может отличить перед лошади от ее зада. А ты говорил, что разницы действительно никакой нет. Но тебе нравилось здесь, Бен. Ты любил свободу, которую находил здесь. — Она задумчиво огляделась. — Вот почему я все еще прихожу сюда. Это место напоминает мне о тебе. Разве не странно? Мы провели здесь вместе так мало времени, и все же это место сильнее других напоминает мне о тебе. Я думаю, что то ощущение свободы, которое оно давало тебе, нравится мне больше всего, а вовсе не моя привязанность к деревне. — Она повернулась и указала на ферму: — А помнишь те узенькие проходы, которые соединяли спальни через стенные шкафы? Мы так смеялись над этим, Бен. Мы говорили о домовых, которые в них обитают, — как в кино. И когда в доме случалось что-нибудь странное, мы, бывало, грозились, что выкурим их оттуда. Ты говорил, что когда-нибудь, после смерти

моих родителей, этот дом будет нашим, и тогда-то мы точно прогоним всю нечисть!

Бен, улыбаясь, кивнул:

— Энни, мне всегда нравилось здесь, всегда.

Она сложила руки на груди, и ее улыбка погасла.

— Но ты не позаботился об этом доме, Бен. Ты даже ни разу не заехал сюда.

В ее глазах была такая боль, что Бен вздрогнул.

— Но твоих родителей больше нет, Энни. Мне так... невыносимо было возвращаться сюда без тебя.

— Ты напрасно оставил этот дом на произвол судьбы, Бен. Ты был счастлив здесь. И здесь мы могли бы быть по-прежнему вместе. — Она говорила с укором. — Ты мог приехать хотя бы ненадолго. Но ты ни разу не сделал этого. Ты так и не появился. Я так ждала тебя, но тщетно. Я так скучаю по тебе, Бен. Мне так нужно, чтобы ты был рядом... хоть я и не могу коснуться и обнять тебя, как прежде. Мне помогло бы одно твое присутствие... — Ее голос прервался. — Я не могу сделать так, чтобы ты увидел меня в городе, Бен. Там ты не замечаешь ничего. Я не люблю город. Если уж мне суждено быть призраком, то пусть я лучше останусь здесь, в деревне, где все такое свежее и зеленое. Но и здесь мне плохо, потому что ты никогда не приходишь.

— Прости меня, Энни, — взволнованно проговорил Бен. — Я даже думать не смел, что смогу увидеть тебя снова. Если бы я знал, что ты здесь, я бы обязательно приехал.

Энни вытерла навернувшуюся слезу.

— Сомневаюсь, Бен. Я не думаю, что все еще что-то значу для тебя. Даже сейчас ты оказался здесь случайно. Я знаю обо всем, что происходит в твоей жизни. Призраки видят куда лучше, чем живые. Мне известно, что ты решил бросить меня и отправиться в другой мир — туда, где я стану всего лишь воспоминанием. Я знаю и о девушке, которую ты там встретил. Она очень хорошенькая и любит тебя.

— Энни! — Бен чуть не схватил ее, на мгновение позабыв о предупреждении. Он с трудом удержался от этого. — Энни, я не люблю эту девушку. Я люблю тебя. Я всегда любил только тебя. Я ушел потому, что не мог вынести мук после твоей

смерти! Я думал, что нужно как-то изменить свою жизнь, чтобы окончательно не потерять себя.

— Но ты никогда не пытался отыскать меня, Бен, — тихо, с горечью произнесла Энни. — Ты бросил меня. И теперь я потеряла тебя навсегда. Ты ушел в этот свой другой мир и никогда не вернешься ко мне. А я не могу попасть к тебе туда. Я не могу быть с тобой рядом, как сейчас, Бен, а ведь мне это так нужно. Даже призраку нужна близость любимого человека.

Бен почувствовал, что его напряжение начинает спадать.

— Я все еще могу вернуться, Энни. Я знаю, как это сделать. Я не обязан вечно торчать в Заземелье.

— Бен, — прошептала она. Ее карие глаза были печальными и остекленевшими. — Ты больше не имеешь никакого отношения к этому миру. Ты предпочел оставить его. Ты не можешь вернуться. Я знаю, что ты говорил с Майлзом Беннеттом. Он сказал тебе правду. Бен, прошло десять лет. Тебе не к чему возвращаться. Все, что у тебя было, все пропало: твое имущество, положение в фирме, адвокатура — все. Десять лет назад ты сделал свой выбор и должен признать, что теперь слишком поздно что-то менять. Ты никогда не вернешься.

Бен тщетно пытался найти ответ. Это какое-то безумие! Как такое может быть? Тут он одернул себя. Может, в действительности все это — плод его воображения. Может быть, его подозрения верны и все это — проделки туманов мира фей и в них нет ни грана истины. Неестественность происходившего сбивала его с толку. Энни казалась такой настоящей, черт побери! Неужели это тоже неправда?

— Папочка!

Бен обернулся. Маленькая девочка стояла в десятке футов от него, в тени огромной яблони. На вид ей было не более двух лет. Ее личико было отражением лица Энни. Он услышал шепот Энни:

— Это твоя дочь, Бен. Ее зовут Бет.

— Папа! — позвала малышка, протягивая к Бену ручки.

Но Энни преградила ей путь, подхватила на руки и прижала к себе.

У Бена подкосились ноги; он опустился на колено, согнулся и обхватил себя руками, чтобы унять дрожь.

— Бет? — тупо повторил он.

— Папочка! — снова выговорила девочка и улыбнулась.

— Она живет со мной, Бен, — сказала Энни, глотая слезы. — Мы являемся сюда, и я пытаюсь рассказать ей, какой была бы ее жизнь, если бы...

Она не смогла договорить. Она уткнулась в плечико Бет.

— Не плачь, мамочка, — нежно сказала девочка. — Все хорошо.

Но все было вовсе не хорошо. Ни капельки. И Бен знал, что иначе уже и не будет. Он чувствовал, как рвется на части его душа. Он хотел прижать к себе их обеих и не мог ничего поделать — только стоял и беспомощно смотрел на них.

— Зачем ты покинул нас, Бен? — опять спросила Энни, впиваясь взглядом в его глаза. — Зачем ты отправился в тот, другой мир, когда был так нужен нам в этом? Ты не должен был забывать нас, Бен. А теперь мы потеряли тебя, а ты — нас. Мы навсегда потеряли друг друга!

Бен тяжело поднялся; рыдания сдавили его горло. Спотыкаясь, будто слепой, и вытянув руки, он побрел туда, где стояла Энни. Он увидел, как Бет протянула навстречу ему свои ручонки.

Туман пахнул ему в лицо...

Он сделал еще несколько шагов, рванулся вперед, споткнулся и растянулся на земле. Голова у него закружилась, дыхание едва не остановилось от удара о землю. Поток холодного воздуха охватил его, солнечный свет померк. Он заморгал во мраке, вдруг окутавшем его, и вцепился в землю, которая стала пустой и иссохшей.

Энни и Бет... Где же его жена и ребенок?

Бен медленно встал. Он стоял посреди долины, окутанной сумерками и туманом. Долина казалась умирающим живым существом — умирающим долго и мучительно. С деревьев облетела листва, зловеще торчали голые скрюченные сучья и ветви. Луга превратились в пустыни с пожухлой травой, цветы увяли. Горы все так же врезались в туманное небо на горизонте, но их склоны были обледенелыми и бесплодными. Замки и хижины стали обветшалыми и запущенными. От

грязных, обмелевших озер и рек поднимались отвратительные зловонные испарения.

Бен чуть не задохнулся от ужаса. Он узнал эту долину. Это было Заземелье. Он посмотрел на свою одежду. Она была той самой, в которой он спустился в Бездонную Пропасть.

— Нет! — прошептал он.

Энни и Бет были забыты. Он лихорадочно искал любой признак жизни на опустошенной земле. Он высматривал хоть малейшее движение вблизи поселений и замков, но не видел ничего. Он пытался найти Чистейшее Серебро, но обнаружил лишь пустой остров на озере с черной водой. Он разыскал Бездонную Пропасть, Риндвейр, Озерный край, Мельхор и все другие известные ему места. И всякий раз он не видел ничего, кроме запустения. Все исчезло.

— О Господи! — выдохнул Бен.

Он побрел вперед, потом побежал вниз по склону холма, пытаясь найти хоть что-нибудь из того, что оставил, отправившись в царство фей. Жесткая сухая трава шуршала под ногами, как выстрелы трещали ломкие ветки мертвого кустарника. Бен прошел мимо рощицы почерневших Лазурных Друзей, их листья скрутились и завяли. Он осмотрел ближайший фруктовый садик, но все деревья были голыми. В сумерках не было видно ни единой птички. Мелкие зверьки не рассыпались из-под ног. Не гудели и не летали насекомые.

Бен выдохся и, зашатавшись, остановился. Пустая почерневшая долина лежала перед ним. Заземелье превратилось в кладбище.

— Этого не может быть... — тихо пробормотал обезумевший Бен.

И тогда из тумана выскользнула какая-то тень.

— Значит, король Заземелья наконец-то нашел обратный путь, — проскрипел ядовитый голос.

Говоривший выступил вперед. Это был советник Тьюс. Его серые одежды, некогда украшенные яркими шелковыми ленточками, изорвались и покрылись грязью. Седые волосы и борода торчали немытыми и нечесаными космами. Одна нога исчезла, и старец скакал, опираясь на костыль. Его лицо и руки были исполосованы шрамами. Пальцы почернели от какой-то болезни, воспаленные глаза метали молнии.

— Советник! — испуганно прошептал Бен.

— Да, Ваше Величество, советник Тьюс, бывший придворный колдун и слуга королей Заземелья, а ныне — бездомный нищий, скитающийся по земле, где живут только отверженные. Ты рад видеть меня таким?

Он говорил с такой горечью, что Бен поежился.

— Рад?! Почему я должен радоваться? — выдавил он наконец. — Что случилось, советник?

— Что случилось, Ваше Величество?! Вы что, правда не знаете? Тогда оглянитесь. Случилось то, что вы видите! Земля умерла без магии, которой ей так и не дал ее король! Умерла земля. А с ней умерли и люди. Ничего не осталось, Ваше Величество, все исчезло!

Бен смущенно покачал головой:

— Но как такое могло случиться?..

— Такое случилось потому, что король бросил свое царство! — перебил его старец; в его голосе звучали боль и ярость. — Такое произошло потому, что вас не было здесь, чтобы остановить это! Вы были в призрачном мире, где гонялись за какими-то своими мечтами, оставив нас на произвол судьбы. Я же предупреждал, Ваше Величество. Я говорил, что никто не может забраться в мир фей и вернуться в целости и сохранности. Но вы не слушали. Нет, вы прислушивались лишь к собственным дурацким доводам, вы отправились в этот туманный мир и были потеряны для нас. Вы ушли на целый год, дорогой король! На целый год! Никто не мог разыскать вас. Медальон был потерян. Все надежды на то, чтобы найти нового короля, рухнули. Нам пришел конец!

Старец подобрался ближе, тяжело наваливаясь на костыль.

— Магия быстро иссякала, Ваше Величество, яд проникал все глубже. Вскоре все живые существа на этой земле — люди и все прочие — начали болеть и умирать. Болезнь подкрадывалась так незаметно и убивала так стремительно, что никто не мог противостоять ей. Даже Владыка Озерного края с его целительной силой, даже Ночная Мгла со всем своим колдовством. Теперь все мертвы или скрываются поодиночке. Лишь немногие остались в живых — немногие вроде меня! Мы живем только потому, что никак не удается помереть! —

Его голос задрожал, и он резко перешел на ты: — Я думал, что ты вернешься к нам вовремя, мой король. Я так долго надеялся. Я был так глуп. Я верил в тебя, хотя должен был знать, что ты этого не заслуживаешь!

Бен потряс головой:

— Советник, не надо...

Старец махнул на него пятнистой рукой:

— Теперь остается только явиться Марку со своими демонами. Не осталось никого, способного выстоять против них, видишь — никого. Все мертвы. Все разрушено. Даже сильнейшие не смогли вынести утраты магии. — Его лицо исказилось от муки. — Почему вы не вернулись раньше, Ваше Величество? Почему так долго бродили неизвестно где, хотя знали, что так нужны нам здесь? Я так любил эту землю и населявших ее людей! Я думал, что вы тоже любите их. О, если бы только у меня достало сил, я бы этим костылем...

Его тело затряслось, и он угрожающе поднял костыль. Бен испуганно отступил, но советник смог приподнять свою палку лишь на несколько дюймов, и это усилие повергло его на землю — он рухнул, словно сломанная кукла. По сморщенному лицу побежали слезы.

— Я так ненавижу вас за то, что вы сделали! — закричал старец. Потом медленно поднял голову. — Знаете, как я вас ненавижу? Вы хоть представляете? Так я покажу вам! — В его глазах полыхнуло безумие. — Знаете, что случилось с вашей любимой сильфидой, когда вы бросили ее? Знаете, что осталось от Ивицы? — Лицо старца превратилось в маску гнева. — Вы помните, что ей время от времени нужно было пускать корни в некогда плодородную почву? Посмотрите-ка в долину, вон рядом с тем озером. Туда, где тени лежат гуще! Видите этот скрюченный, почерневший ствол со сгнившими корнями, цепляющимися за...

Бен не мог больше слушать. Он повернулся и побежал. Он бежал бездумно, охваченный злостью и ужасом, которые не мог больше сдерживать, в отчаянии от слов страшного старика, который ненавидел и проклинал его за все, что случилось. Он бежал не разбирая дороги, как безумный продираясь сквозь туманы и тени. Вслед ему неслись крики, и он не мог понять, рождаются они где-то в его мозгу или снаружи. Мир

рушился вокруг него, как карточный домик от дуновения ветерка. Он потерял все — свой старый мир, новый мир, своих старых и новых друзей, прошлое и будущее. Знакомые лица завертелись вокруг него — Майлз, Энни, советник, — их обвиняющие голоса шептали о его неудачах, в их глазах были боль и злоба. Слова ранили его, напоминая о бедах, случившихся по его вине.

Бен побежал быстрее, его хриплые крики заглушали стук сердца.

А потом он вдруг остановился. Нет, он продолжал бежать, но земля ушла у него из-под ног, и он повис в воздухе. Потом почувствовал неожиданную боль. Бен яростно задергался, пытаясь оглянуться, чтобы узнать ее причину...

На его плечах сомкнулась когтистая лапа, пронзая одежду и кожу. Огромное изогнутое чешуйчатое тело нависло над ним; оно источало резкий смрад, словно впитало всю болезнь этой земли. Бен воззрился вверх, и драконья пасть широко разинулась, приближаясь к нему.

Он закричал.

Туман ослепил его.

Все происходило снова. Время и место смещались. Бен сразу же закрыл глаза и не рискнул открыть их. Движение закончилось раньше, чем он успел выбрать направление. Что-то было ужасающе неправильно. Это подсказывали Бену его инстинкты. Они говорили, что мгновенные перемещения во времени и пространстве, которые он проделал, были невозможными. Ему казалось, что они происходят, но на самом деле их не было. Это были иллюзии, или сны, или что-то очень похожее. Чем бы они ни были, они охватили всю его жизнь и разрывали его душу. Он должен был немедленно остановить их, пока не обезумел совсем.

Крепко зажмурившись, Бен постарался спрятаться в темном уголке своего мозга. Он заставил себя сосредоточиться на ударах собственного сердца, на том, как его кровь толчками движется по телу, на тишине, окружившей его.

— Успокойся, — прошептал он. — Пребудь в мире. Не давай воли тому, что происходит.

Постепенно он овладел собой. Но глаз все еще не открывал. Он боялся, что, если он откроет их, опять случится что-

то ужасное. Сначала он должен осознать суть того, что с ним происходит.

Бен дотошно перебрал все обстоятельства. Он попал в никуда, решил он. Он все еще был в царстве фей, в туманах. Не прошло ни года, ни десяти. Этого просто не могло быть. Перемещения во времени и пространстве были иллюзией, порожденной обиталищем фей, или ими самими, или его собственным воображением. Что ему нужно было сделать, так это найти настоящую причину. Он должен понять почему.

Бен по кирпичикам собирал это новое знание. Ничто из того, что он видел, не было настоящим — такова была отправная точка его рассуждений. Если все было ненастоящим, тогда, значит, должна быть какая-то причина, по которой все это приняло подобную форму. Почему он видел именно это? Бен притаился глубоко, в самом тихом и темном уголке своего сознания, где не было ничего, кроме его мыслей. Советник, Майлз и Энни — почему он нарисовал их себе именно такими? Он позволил себе расслабиться в чернильной мгле. Ивица предупреждала его об опасностях мира фей. Что же говорила сильфида? Она сказала, что в царстве фей реальность — всего лишь проекция чувств и мыслей. Она говорила, что здесь нет ничего настоящего и что правда неотделима от того, что ты есть на самом деле. Если так, то все, что он видел, он создал сам. Это было лишь отражением его чувств...

Он медленно набрал в грудь воздуху и выпустил его. Его понимание начало обретать форму. Его видения были порождением его собственных чувств — но каких чувств? Он мысленно повторил то, что услышал от Майлза, Энни и советника Тьюса. Все были разочарованы в нем или злились за те страдания, которые им пришлось перенести из-за него. Все винили его в собственных неудачах. Иллюзии иллюзиями, но ведь он так и воспринимал окружающих. Он считал их жертвами своих ошибок или нерасторопности. А почему он так считал? Его мысль лихорадочно заработала, и он вдруг нашел ответ. Он боялся, что то, что он видел, может случиться на самом деле! Он боялся, что все это станет правдой! Страх! Страх был тем чувством, которое направляло его мысли!

А в этом уже был некий смысл. Страх — самое сильное чувство. Страх труднее всего сдержать. Вот почему Бен «пры-

гал» через время и пространство. Чтобы стать свидетелем тех бед, которые будто бы приключились с его друзьями и любимыми — именно страх вдохнул жизнь в самые жуткие плоды его воображения. Он боялся, что потерпит неудачу во всем, что предпринимал с того времени, как попал в Заземелье. Естественным следствием действий с расчетом на подобный исход и были такие сценарии, которые он только что проиграл. Он будет полностью оторван от старой жизни, не имея никакой возможности вернуться, будет лишен того, что должен по праву получить в новой жизни, лишится семьи и друзей. Он станет несчастным, потерявшим все.

Чувство облегчения охватило Бена. Теперь он все понял. Теперь он знал, что делать. Если он сможет управлять своими чувствами, то сможет избежать новых кошмаров. Если сумеет прогнать страх, сознательно или бессознательно, он попадет в настоящее. Это было нелегко, но другого выхода не было.

Несколько долгих минут он собирался с мыслями, сосредоточиваясь на предстоявшей ему задаче. Бен приказал себе вспомнить о том, каким ловким адвокатом он некогда был, вспомнить навыки, приобретенные в зале суда. Он заставил себя поверить в то, что пережитое раньше было ложью, игрой его собственного воображения. Вместо этого Бен нарисовал себе образ мира, который видел, шагая по проходу времени в Заземелье, — лес, окутанный туманом.

Потом очень осторожно Бен открыл глаза. Лес был тут как тут — дремучий, дикий, темный. Туман мягко струился между деревьями. Призрачные видения плясали в тумане, но они не пугали его. Кошмары исчезли, ложь кончилась. Здравый смысл возобладал. Бен глубоко вздохнул и позволил себе плыть сквозь прохладный мирный сумрак, сквозь бесплотные видения. Потом он исподволь начал искать магию, за которой пришел сюда, — Звездную Пыльцу. Ему показалось, что он уловил проблеск чего-то серебристого и лунно-голубого, но ничего целого не видел. Он продолжал плыть и вдруг начал рассыпаться, как разбитая глыба льда. Он распадался на отдельные части, которые никак не мог собрать в одно целое. Он забарахтался, мысленно стараясь опуститься, чтобы почувствовать под ногами твердую землю.

Ощущение распада прошло. Туман сомкнулся вокруг Бена. Он был не один. Вокруг слышался шепот:

— Приветствуем тебя, Бен Холидей, великий король Заземелья...

— Ты нашел себя и, сделав это, нашел нас...

Бен попытался заговорить, но понял, что не может. К нему приблизились лица — узкие, с острыми чертами, окутанные туманом. Это были те самые лица, которые он видел в проходе времени. Это были лица эльфов и фей.

— Ничто не теряется, пока мы не считаем это потерянным, великий король. Поверь, что ты в безопасности, и так и будет. Видения, внушенные страхом, рождают поражения. Видения, рожденные надеждой, приносят успех...

— Все наши возможности живут в нас самих, а нам остается только найти их. Ты можешь дать жизнь тем мечтам, которые живут в тебе, великий король? Вглядись в туманы, и ты увидишь...

Бен уставился в дымку и увидел, что она, клубясь, проплывает мимо и расступается перед ним. И вдруг появилась земля неописуемой красоты, солнечные лучи омывали ее золотым потоком. Повсюду цвела и бурлила жизнь, и земля была наполнена кипящей энергией. Бен чувствовал возбуждение и надежду — куда более сильные, чем когда-либо в жизни. Он почувствовал, как из него рвется восторженный вопль.

Потом видение медленно угасло и растворилось. Голоса все шептали:

— Для этих видений будет другое время и место, великий король. И другая жизнь. Все это еще должно родиться...

— Ты — дитя среди других, дорогой король, но ты — дитя, подающее надежды. Ты увидел правду за покровом лжи, которая должна была убедить тебя в том, что тебя ждет именно такое будущее. Ты заслужил право открыть большее...

«Так покажите же мне!» — хотелось закричать Бену. Но он не мог раскрыть рта, и голоса продолжали шептать:

— Ты разоблачил страх, который мог погубить тебя, великий король. Ты выказал могучее присутствие духа. Но страх многолик. Ты должен научиться узнавать его лица. Ты должен знать их настоящую сущность, когда они посетят тебя в следующий раз...

Ни звука не могло вылететь из горла Бена. Он не понимал, что хотели сказать ему феи.

— А теперь ты должен возвращаться, великий король. Ты нужен Заземелью. Его король должен быть там и служить ему...

— Но ты можешь забрать то, за чем пришел...

Бен увидел, как в тумане перед ним возник куст — лунно-голубой куст с серебряными листьями. Он почувствовал, как что-то легло на его ладони. Он посмотрел на них и обнаружил, что держит пару продолговатых плодов.

Голоса шептали:

— Звездная Пыльца, великий король. Вдохни ее — и будешь подчиняться тому, кто заставил тебя сделать это, пока он не освободит тебя. Для этого нужен лишь один вдох. Но будь осторожен. Ведьме Ночной Мгле пыльца нужна для своих собственных целей, она не собирается делить ее с тобой. Добыв пыльцу для ведьмы, ты больше не сможешь...

— Будь быстрее, чем она, великий король. Будь ловким...

Бен немо кивнул, и на лице его пролегли решительные складки.

— Теперь ступай. Ты потерял только один день — но этот день и должен был быть потерянным. Можно было бы привести тебя сюда быстрее, но это нанесло бы тебе непоправимый вред. И запомни — все обязательно будет таким, как ты это представляешь...

— Возвращайся к нам, великий король, когда вернешь земле ее магию...

— Возвращайся, когда тебе понадобится...

— Приходи...

— ...к нам...

Голоса, лица и тонкие призрачные тела растворились в тумане и исчезли. Туман, вихрясь, собрался в плотный клубок и пропал.

Бен Холидей моргнул, не веря своим глазам. Он снова стоял в сумерках Бездонной Пропасти с полными Звездной Пыльцы стручками в обеих руках. Бен осторожно огляделся и увидел, что он один. Обрывки воображаемых встреч с Майлзом, Энни и советником Тьюсом всплыли в его памяти, вонзаясь в мозг словно острые дротики. Бена передернуло; он постарался отогнать эти воспоминания. Всего этого никогда

не было. Все это было обманом. Только его встреча с феями произошла на самом деле.

Бен поднял стручки со Звездной Пыльцой и принялся задумчиво разглядывать их. Не мог удержаться от того, чтобы не расплыться в улыбке, как Чеширский Кот, потому что сделал невозможное. Он пробрался в царство фей и, несмотря ни на что, вышел оттуда.

Бен чувствовал себя так, будто родился заново.

ГЛАВА 18

ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬЦА

Улыбка Чеширского Кота и приятные чувства, породившие ее, длились с полминуты — ровно столько времени потребовалось Бену, чтобы вспомнить о предостережении фей насчет Ночной Мглы.

Он торопливо огляделся, пытаясь проникнуть взглядом в туманный сумрак Бездонной Пропасти. Ведьмы не было видно, но она была где-то рядом, она поджидала его, собираясь избавиться от него, как только заполучит Звездную Пыльцу. Именно это она затеяла с самого начала — послать его в царство фей, чтобы он выполнил то, чего не могла она сама, а потом, когда он вернется, покончить с ним. Бен нахмурился. Знала ли ведьма, что он обязательно вернется? Может, и нет. Для нее не было разницы, как избавиться от него. Ей ничего не стоило позволить ему сделать попытку. Но, по словам фей, выходило так, что она все же рассчитывала на его возвращение. Это беспокоило Бена. Откуда ведьма могла узнать о его способностях, когда он и сам о них не знал?

Он покрепче сжал в руках странные плоды и глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. У него не было времени размышлять о том, что знала или чего не знала ведьма. Он должен был найти Ивицу и как можно скорее выбраться из Бездонной Пропасти. Он боялся за сильфиду — у ведьмы не было причины обращаться с ней лучше, чем с ним. В его отсутствие с

девушкой могло случиться что угодно, и он сам будет виноват в этом. Феи сказали, что он потерял целый день. Девушка была одна слишком долго. Ей нечего было делать рядом с Ночной Мглой. Что еще хуже, так это то, что его спутники могли тоже отправиться в Бездонную Пропасть на поиски своего пропавшего короля — прямиком в ведьмины когти.

Скрипя зубами от неприятных мыслей, Бен бросился искать выход. Туманный лес окружал его сплошной стеной, и он не знал, куда идти. Облака висели низко над кронами деревьев, скрывая небо и солнце. Ничто не могло подсказать Бену, где он находится и куда нужно идти.

— Черт побери! — прошептал он.

Положившись на свою интуицию, он зашагал вперед. Многое случилось с Беном Холидеем с тех пор, как он попал в Заземелье, и мало что из случившегося было хорошим. Каждый раз, когда он делал шаг вперед, на два шага приходилось отступать. Ему казалось, что у него ничего не получается. Но теперь все будет иначе. Впервые он добился успеха. Он вошел в царство фей и вышел оттуда со Звездной Пыльцой вопреки всем доводам рассудка. Теперь он мог избавить Зеленый Дол от дракона и привлечь на свою сторону самого сильного союзника. Это был величайший шаг в достижении поставленной цели. Пусть целая дюжина ведьм подстерегает его в тумане — он не позволит себе упустить такую возможность.

Вдруг прямо перед ним кусты раздвинулись, и из них высунулись две заросшие физиономии. Бен отпрянул, издав изумленный возглас.

— Могучий великий король!

— Величайший великий король!

Это были Щелчок и Пьянчужка. Бен с шумом выпустил воздух, ожидая, пока его сердце угомонится. «Ай да храбрец», — подумал он.

Кыш-гномы осторожно выбрались из кустов. Их носы не переставая втягивали лесные запахи.

— Ваше Величество, это точно вы? Мы уж и не мечтали увидеть вас снова! — воскликнул Щелчок.

— Никогда! — подхватил Пьянчужка. — Мы думали, вы заблудились в туманах!

— А где были вы? — спросил Бен, вспомнив, как эта парочка искала из замка, когда ворон стал превращаться в ведьму.

— Прятались! — прошептал Щелчок.

— Наблюдали! — прошелестел Пьянчужка.

— Ведьма искала нас долго и упорно, — сообщил Щелчок.

— Но найти не смогла, — похвастался довольный Пьянчужка.

— Ведь мы ушли под землю, — ретиво продолжал Щелчок.

— В свои норы, — добавил Пьянчужка.

Бен вздохнул:

— Ну вы даете, ребята. — Он огляделся. — А где она сейчас?

— На той поляне, где вы ее оставили, Ваше Величество, — доложил Щелчок.

— Все еще ждет вашего возвращения, — подтвердил Пьянчужка.

Бен кивнул:

— А Ивица?

Кыш-гномы быстро переглянулись и виновато уставились в землю.

Бен присел рядом с ними, чувствуя, как у него в желудке появляется неприятная пустота.

— Так что же случилось с Ивицей?

Заросшие мордочки страдальчески сморщились, пальцы на грязных лапках сжались в кулачки.

— Ваше Величество, мы не знаем, — наконец пробормотал Щелчок.

— Не знаем, — пробурчал Пьянчужка.

— Когда вы не вернулись в урочное время, ваши друзья пошли искать вас, — стал рассказывать Щелчок.

— Они спустились в пропасть, — подхватил Пьянчужка.

— Мы даже не знали, что они здесь, — продолжал Щелчок.

— А иначе мы предупредили бы их, — сказал Пьянчужка.

— Но мы прятались, — повторил Щелчок.

— Мы боялись, — пискнул Пьянчужка.

Бен нетерпеливо отмахнулся от причитаний кыш-гномов:

— Вы можете спокойно рассказать мне, что все-таки случилось?!

— Она всех взяла в плен, Ваше Величество, — произнес Щелчок.

— Схватила сразу всех-всех, — эхом отозвался Пьянчужка.

— И все они исчезли, — закончил Щелчок.

— Без следа, — согласился Пьянчужка.

Бен выпрямился, кровь отхлынула от его лица.

— О Господи! — еле слышно прошептал он. Сбылись его худшие предчувствия. Ивица, советник, Абернети и кобольды — Ночная Мгла похитила их всех! И он был виноват в этом. Он собрался с мыслями и встал. Теперь нельзя было и думать о том, чтобы сбежать из пропасти. Он должен спасти своих друзей. Бог с ней, со Звездной Пыльцой, друзья важнее. — Вы можете проводить меня к Ночной Мгле? — спросил он гномов.

Щелчок и Пьянчужка воззрились на него с нескрываемым ужасом.

— Нет, Ваше Величество! — прошептал Щелчок.

— Ни за что! — брякнул с перепугу Пьянчужка.

— Она сделает и вас своим пленником! — воскликнул Щелчок.

— Вы исчезнете вместе с остальными! — возопил Пьянчужка.

Вполне возможно, подумал Бен. Потом ободряюще улыбнулся гномам:

— А может, и нет. — Он вытащил из-под рубашки один из стручков Звездной Пыльцы и задумчиво посмотрел на него. — Может, и нет.

Минут пять у него ушло на то, чтобы подготовиться к встрече с Ночной Мглой. Потом он рассказал гномам о том, что задумал. Они глядели на Бена с недоумением, но сосредоточенно выслушали его. Гномы вовсе не были уверены в том, что следует поступать подобным образом, но Бен решил, что дальнейшие убеждения ни к чему.

— Просто попытайтесь запомнить, что вы должны сделать и когда, — сказал он под конец и оставил неразлучную парочку в покое.

Они пробирались через лес — гномы впереди, Бен за ними. Лучи полуденного солнца с трудом проникали сквозь пелену облаков. Бен беспокойно оглядывался, задерживая взгляд на тенях, мелькавших в тумане за его спиной. Там было царство фей — и все призраки его воображения. Он еще чувствовал

на себе их взгляды — взгляды живых и мертвых, прошлого и будущего, старого мира и нового. То, что он видел, было обманом, воплощением его страхов. Неужели этот обман все еще продолжается? Но пока что не сбылось ни одно из этих видений. Но могут, если он не будет действовать так быстро и ловко, как велели ему феи. Он может потерять всех.

Шли минуты. Бен чувствовал, с какой быстротой летит время. Гномы каждый шаг делали с оглядкой, и Бен хотел было приказать им идти побыстрее. Но потом передумал — этой парочке вряд ли хочется поскорее свидеться с Ночной Мглой.

А потом сосны и кусты расступились, и перед Беном открылась поляна, еле заметная в сумерках. Щелчок и Пьянчужка припали к земле и поспешно оглянулись на Бена. Он притаился рядом с ними, потом пропо́лз еще ярд и остановился.

Ночная Мгла сидела подобно изваянию на пыльном, затянутом паутиной троне, уставившись в землю. Перед троном в беспорядке стояли облезлые столы и скамьи, факелы еле тлели в подставках. Тронный зал, ворота и весь замок — все пропало. Остались только лес и разбитая, потрепанная мебель.

Кроваво-красные глаза мигнули, но не поднялись.

Бен медленно отполз назад и оттащил обоих гномов. Когда они отошли на безопасное расстояние, он напомнил им, что нужно делать. Щелчок и Пьянчужка беззвучно исчезли среди деревьев. Бен посмотрел им вслед, возвел очи горе в молчаливой молитве и сел, чтобы подождать.

Бен ждал минут пятнадцать — он старался как можно точнее вычислить это время. Потом поднялся и решительно зашагал вперед. Он миновал последние сосны и вышел на поляну, где ждала Ночная Мгла.

Ведьма медленно подняла голову и посмотрела на Бена. На ее лице с землистой кожей отразилось нечто похожее на приятное удивление — и что-то еще. Она явно была взволнованна. Бен осторожно приблизился к ней, зная, что должен быть предельно внимательным. Он был в десятке шагов от ведьмы, когда она остановила его взмахом руки.

— Принес? — тихо спросила она.

Бен молча кивнул.

Тонкая рука ведьмы пробежала по волосам цвета воронова крыла, приглаживая седую прядь, которая была словно полоса пены в черной воде.

— Я знала, что ты вовсе не шутейный королишко, которым тебя обзывали, — прошептала она, и на ее лице вдруг засияла улыбка. Она стояла рядом с Беном — высокая, великолепная, с безупречной, словно мраморной, кожей. Ее платье разметалось по поляне. — Я знала, что ты... особенный. У меня всегда было это чувство. — Она помолчала. — А Звездная Пыльца... Покажи-ка ее мне.

Бен огляделся, словно ища кого-то:

— А где Ивица?

Красные глаза едва заметно сузились.

— Она ждет тебя в надежном месте. Ну покажи же скорее!

Бен шагнул вперед, но ведьма заслонилась рукой, будто щитом, и зашипела:

— Показывай оттуда!

Обе руки Бена были в карманах. Он медленно вытащил левую и показал ведьме продолговатый плод с серебристым оттенком.

Ее лицо ожило от возбуждения.

— Звездная Пыльца! — Ночная Мгла затряслась и поманила Бена к себе. — Дай ее мне. Осторожно!

Бен приблизился, но встал так, чтобы она не могла его достать, и снова огляделся.

— Думаю, сначала ты должна сказать мне, где девушка, — упрямо настаивал он.

— Сперва отдай пыльцу, — не уступала ведьма, протягивая руку.

Он позволил ей взять стручок и сказал:

— О, теперь все в порядке, теперь я вижу ее, там, за деревьями. — Он с озабоченным видом шагнул к ведьме, словно намереваясь обойти ее. — Ивица! Иди сюда!

И этот зов — как и вознесенные вместе с ним молитвы — не пропал втуне. В кустах послышалось шуршание и показались очертания чьей-то фигуры. Прищурив красные глаза, Ночная Мгла удивленно повернулась туда, куда глядел Бен. С ее губ уже готов был сорваться недоверчивый возглас.

Бен выдернул из кармана правую руку и швырнул заранее приготовленную пригоршню Звездной Пыльцы прямо в лицо Ночной Мгле. Ведьма разинула рот от удивления, втянув заодно изрядную долю пыльцы. Ее узкое лицо исказилось от удивления и ярости, и от ужаса тоже. Бен бросил ей в лицо еще одну горсть пыльцы — и она снова вдохнула ее. Бен сильно толкнул ведьму, и она зашаталась и наступила на подол собственного платья. Запутавшись в нем, ведьма рухнула наземь, и стручок вылетел у нее из рук.

Бен прыгнул на нее с кошачьей ловкостью.

— Не трогай меня! — крикнул он. — Даже не думай о том, чтобы навредить мне! Ты принадлежишь мне; ты сделаешь все, что я прикажу, но ничего более! — Бен заметил, как губы ведьмы кривятся от бессильной злобы, и почувствовал, что его рубаха совершенно взмокла от пота. — Скажи, что ты все поняла, — быстро прошептал он.

— Я поняла, — повторила ведьма, и в ее глазах вспыхнула лютая ненависть.

— Прекрасно. — Бен глубоко вздохнул и медленно поднялся. — Встань, — приказал он ведьме.

Ночная Мгла поднялась и распрямилась с таким трудом, словно все ее тело окостенело. Словно ею управляла чужая, скрытая внутри железная воля, которой она пыталась противиться, но не могла.

— Я уничтожу тебя за это! — прохрипела она. — Я еще увижу, как ты испытываешь такие муки, которые трудно себе представить!

— Только не сегодня, — пробормотал Бен еле слышно. Он торопливо огляделся. — Гномы, вы где?

Кыш-гномы опасливо выбрались из кустов, где скрывались, ожидая, когда Бен подаст сигнал, по которому они должны были изображать откликавшуюся на зов Ивицу. На их волосатых физиономиях было написано крайнее сомнение, подслеповатые глазки пристально уставились на ведьму.

— О могучий, о великий король! — благоговейно прошептал Щелчок.

— О величайший великий король! — выдавил Пьянчужка.

В их голосах слышалась точно такая же неуверенность, которую испытывал и Бен. Они подбирались, как парочка

крыс, готовых улизнуть при первом же неосторожном движении. Ночная Мгла бросила на гномов тяжелый, как молот, взгляд, и они даже пригнулись, словно от удара.

— Она не может причинить вам вреда, — заверил их Бен, пытаясь при этом убедить самого себя. Он подошел к отброшенному ведьмой стручку и поднял его. Протянул его Ночной Мгле, чтобы та осмотрела его. — Пустой, — сообщил Бен, показывая ведьме крошечную дырочку, проверченную им в донышке плода. — Я высыпал из него всю пыльцу к себе в карман, чтобы посыпать тебя. Именно это ты собиралась сделать со мной, правда? Отвечай.

Ведьма кивнула.

— Это действительно так. — Она источала звуки, словно яд.

— Я хочу, чтобы ты стояла на месте и делала только то, что я прикажу. Начнем с обсуждения некоторых вопросов. Я их задам, а ты на них ответишь. Но говори мне правду, Ночная Мгла, и чтоб не юлила. Поняла?

Ведьма молча кивнула. Бен засунул руку под рубаху и достал второй стручок с пыльцой.

— Хватит ли содержимого этого стручка на то, чтобы получить власть над драконом?

Ведьма улыбнулась:

— Не знаю.

Этого Бен не ожидал. У него зародилось неприятное подозрение.

— Я дал тебе достаточно пыльцы, чтобы ты полностью слушалась меня?

— Да.

— Надолго ли?

Она опять улыбнулась:

— Не знаю.

Он постарался не выдать своих чувств. Похоже, нельзя допускать ошибок.

— Когда почувствуешь, что желание подчиняться мне ослабевает, ты должна сказать об этом. Согласна?

Ненависть в глазах ведьмы вспыхнула с неистовой силой.

— Я согласна.

Бен все равно не поверил ей, несмотря на всю Звездную Пыльцу. Ему хотелось поскорее покончить с этим допросом

и выбраться из Бездонной Пропасти. На лицах кыш-гномов было такое выражение, будто они уже обогнали его на полмили. Они присели в тени одного из сломанных стволов и уткнули носы в грудь, словно напуганные страусы.

Бен перевел взгляд на Ночную Мглу:

— Что ты сделала с Ивицей и с другими моими спутниками?

— Я взяла их в плен, — ответила она.

— Советника Тьюса, Абернети и обоих кобольдов? Всех?

— Да. Они пришли искать тебя, и я схватила их всех сразу.

— Что ты сделала с ними?

— Немного подержала здесь, потом выслала вон.

Казалось, ведьма была довольна ходом допроса, и Бен почувствовал неуверенность.

— Что значит «выслала»? — спросил он.

— Они мне были не нужны, и я взяла и от них избавилась.

Что-то было не так. Ночная Мгла не собиралась освобождать его. Она никогда бы не отпустила его друзей. Он уставился на нее и заметил, как ее красные глаза неожиданно стали зелеными.

— Куда ты отправила их? — быстро спросил он.

Ее глаза сверкнули.

— К Марку. В Абаддон.

Бен похолодел. То, что он счел игрой воспаленного воображения, становилось правдой. Он все-таки потерял своих друзей.

— Сейчас же верни их! — резким тоном приказал он ведьме.

— Не могу! — Она открыто глумилась над ним. — Они вне пределов моей власти.

Бен в ярости схватил ее за шиворот:

— Ты отправила их туда — значит, можешь вернуть обратно!

Она радостно улыбалась:

— Не могу, шутейный королишко! Попав в Абаддон, они оказались вне пределов моей власти. Они в западне!

Бен отпустил ведьму и отступил на шаг, стараясь овладеть собой. Он должен был предвидеть это! Он должен был позаботиться о том, чтобы подобного не случилось! Невидящим взглядом Бен обвел поляну. Он мысленно перебирал одну возможность за другой, и в нем кипели ярость и отчаяние.

Потом он снова набросился на ведьму.

— Ты отправишься в Абаддон и приведешь их обратно! — гневно приказал он.

Улыбка Ночной Мглы стала восторженной.

— И этого я тоже не могу сделать, глупый король! Повторяю — в Абаддоне у меня нет никакой власти!

— Тогда я пойду туда сам! — заявил Бен. — Где вход, ведьма?

Она рассмеялась, натягивая и без того тугую кожу лица.

— Там нет никакого входа, глупец! Абаддон — запретное место! Лишь немногие...

Торжество ведьмы было недолгим, и она чуть было не прикусила язык, потому что Бен опять схватил ее за шиворот и затряс со всей силой.

— Немногие? Кто же эти немногие? Кто, кроме демонов, может проникнуть туда? Ты?

Голова ведьмы качнулась вверх-вниз, но она молчала.

— Тогда кто же, черт побери? Отвечай!

Она содрогнулась и вытянулась, словно вздернутая на невидимый крюк, и хрипло каркнула:

— Страбон!

— Дракон! — выдохнул Бен, сразу все поняв. Он отпустил ведьму и отошел. — Дракон! — Он повернулся и снова приблизился к ведьме. — А почему дракон может пролезть туда, а ты — нет?

Ночная Мгла была вне себя от ярости.

— Его магия... Ее пределы куда шире, чем у моей... Она проникает дальше...

И она сильнее, закончил про себя Бен то, что ведьма не смогла выговорить. Он вдруг ослабел, пот стекал по его телу, напряжение высосало все силы. В сказанном ведьмой был некий смысл. Ведь Бен впервые увидел дракона на краю туманов, почти что в царстве фей. Если дракон может проникать в мир фей, значит, наверняка сумеет попасть и к Железному Марку в Абаддон.

И может взять Бена с собой.

Он чуть не улыбнулся. Теперь дракон стал вдвойне необходим ему, и это пугало Бена. Он хотел использовать Звездную Пыльцу только для того, чтобы прогнать дракона из Заземелья. Одно это будет нелегким и опасным делом. Теперь

же ему придется применить пыльцу, чтобы дракон доставил его в Абаддон, где томятся его друзья, и освободил их всех. Величие этой задачи было просто ошеломляющим. Он должен сделать это сам, без всякой помощи. Один. Даже мысли не было, чтобы отказаться от этой затеи. Ивица, советник, Абернети, Сапожок и Сельдерей раз за разом рисковали своей жизнью ради него. И сейчас на нем лежала великая ответственность. Он должен сделать для них то же самое.

Бен встретился взглядом с ведьмой. Он видел в ее глазах выражение нескрываемого удовлетворения.

— Ты поклялась уничтожить меня, Ночная Мгла, но это я сделаю с тобой, — зло прошептал он.

Щелчок и Пьянчужка выскользнули из-за стола и на всякий случай вцепились ему в ноги.

— А теперь мы можем уйти, Ваше Величество? — спросил Щелчок.

— Да, можем мы оставить это страшное место? — поинтересовался Пьянчужка.

— Ведьма пугает меня, — признался Щелчок.

— Она хочет убить нас, — заявил Пьянчужка.

Бен посмотрел вниз, на гномов, увидел страх на их лицах и жалобно подергивающиеся носики. Они были как перепачканные ребятишки, которых вот-вот накажут, и ему стало их жаль. Им пришлось столько пережить!

— Еще минутку — и все, — пообещал Бен. Он перевел взгляд на Ночную Мглу. — Когда ты отправила моих друзей в Абаддон?

Зеленые глаза ведьмы сузились.

— Я избавилась от них нынче утром — довольно рано.

— Они не ранены?

Ее лицо исказилось.

— Нет.

— Значит, с ними все в порядке?

Она рассмеялась:

— Возможно... если еще не надоели демонам.

Бену захотелось задушить ведьму, но он сумел сдержаться.

— Как мне найти их в Абаддоне?

Тело Ночной Мглы совсем утонуло в темных одеждах.

— Дракон сам сможет найти их, если он тебе будет покорным!

Бен молча кивнул. Это было самым серьезным вопросом. Как долго Звездная Пыльца сможет держать дракона у него в подчинении? Когда магия пыльцы начнет ослабевать? Но конечно, проверить это можно только одним способом.

Он отмахнулся от этой мысли.

— Где мне найти дракона? — спросил он ведьму.

Ночная Мгла мрачно улыбнулась:

— Везде, глупый королишко.

— Так я и знал. — Он решил задать вопрос иначе: — Куда он может наверняка отправиться, чтобы можно было там его дождаться?

— Огненные Ключи! — пронзительно прошипела Ночная Мгла. — Он устроил себе логово среди горящих гейзеров.

Бен вспомнил огненные источники — он изучал их, будучи в Чистейшем Серебре. Озера лавы, или ямы с нефтью, или что-то вроде этого — они находились восточнее Зеленого Дола, глубоко в пустыне.

День кончался, солнечный свет уступал место сумеркам, и тени вытянулись, пронизав лес. Бену не хотелось, чтобы ночь застала его в Бездонной Пропасти.

Он подошел к Ночной Мгле вплотную:

— Я — король Заземелья, ведьма. Ты можешь не признавать меня, и другие тоже, но, пока я не передумаю, так тому и быть. Король несет на себе груз ответственности. Он обязан защищать своих подданных. А ты решила встать мне поперек дороги, ты подвергла серьезнейшей опасности не просто моих подданных, но друзей — ты расправилась с ними так, что я могу вообще больше никогда не увидеть их! — Он помолчал, наблюдая за тем, как сверкает ненависть в ведьминых глазах, которые снова стали красными. — Ты сама решила свою судьбу, Ночная Мгла. И теперь я сделаю с тобой то, что ты сделала с моими друзьями. Я повелеваю тебе снова обратиться в ворона и лететь в туманы царства фей! Не отклоняйся от этого пути. Лети, пока не окажешься в древнем мире, и продолжай лететь, пока не случится... то, что должно случиться.

Ведьма затряслась от ярости и отчаяния, и в ее глазах вдруг мелькнул страх.

— Магия фей прикончит меня! — прошептала она страдальчески.

Бен не шелохнулся:

— Делай, что тебе сказано, Ночная Мгла. Сейчас же! Тебе приказывает король Заземелья.

Ведьма вытянулась в струнку, затем вспыхнула багровым светом. Факелы полыхнули до небес. Потом свечение и Ночная Мгла исчезли. На ее месте сидел ворон. Каркая, он расправил крылья и полетел в лес.

Бен следил за птицей, почти ожидая, что она вот-вот вернется. Но нет. Ночная Мгла убралась прочь. Она полетит так, как он приказал ей, — пока не попадет в туманы, в запретный для нее мир фей. Бен не знал, что случится с ведьмой за нарушение этого запрета, но сомневался, что ей это понравится. Так ей и надо. Он дал ей ровно столько же надежды на то, чтобы выжить, сколько она оставила его друзьям. Око за око.

Сердце Бена было неспокойно — у него были дурные предчувствия.

— Давайте-ка искать выход отсюда, — обратился он ласково к кыш-гномам.

Все трое поспешно ушли с поляны.

ГЛАВА 19

СТРАБОН

Эту ночь Бен провел в тополиной роще в нескольких милях к югу от Бездонной Пропасти. Проснувшись на рассвете, он начал путешествие на восток, к Огненным Ключам.

Он взял с собой кыш-гномов, несмотря на их явное неудовольствие. У него не было выбора. Он боялся, что собьется с пути без проводников. Он успел хорошо изучить страну, сидя в замке, но опасался наткнуться на что-нибудь такое, что упустил во время своей учебы, — он не мог допустить непредвиденных задержек. Время было слишком дорого, значит, гномам придется потерпеть его общество еще немного.

Само путешествие заняло чуть меньше трех суток. Оно было бы куда более длительным, если бы гномы не «поза-

имствовали» где-то пару крестьянских лошаденок, лучшие дни которых явно миновали. Их шаг казался таким трясучим и жестким, что у Бена начинали ныть кости, когда он смотрел, как они пасутся подле костра. Ехать верхом было еще хуже, но со временем походка кляч несколько выправилась, так что Бен успокоился. Он так и не спросил гномов, откуда взялись эти лошади. Моральными принципами пришлось пока пренебречь.

Они миновали поросшие лесом холмы, которые окружали Бездонную Пропасть, пересекли обширные равнины Зеленого Дола и направились дальше на восток, в пустыню, которая примыкала к дальнему краю долины. Путешествие казалось бесконечным, словно на шеях путников висело по мельничному жернову. Бена угнетал страх за своих пропавших друзей. С ними могло случиться все, что угодно, до того как он их найдет. Щелчок и Пьянчужка тряслись за свои шкуры — они вообразили себя жертвенными ягнятами, посылаемыми к столу дракона. Все трое разговаривали как можно меньше, недовольные путешествием и друг другом.

В пути Бен часто думал о Ночной Мгле, и эти мысли были далеко не приятными. Плохо было уже то, что он оставил Ивицу беззащитной, когда ушел в туманы, и то, что советник и все остальные отправились на его поиски в пропасть, когда он не вернулся в срок. Хуже того, всех их закинули в Абаддон на растерзание демонам, пока Ночная Мгла лениво дожидалась его возвращения. Бен был ужасно зол на себя, что не нашел способа заставить ведьму лучше служить ему, пока она была в его власти, под действием Звездной Пыльцы. Было сколько угодно вещей, которые необходимо было сделать, но не сделал. Он должен был заставить ведьму вызвать дракона прямо туда, к нему. Если бы этого не удалось добиться, он мог бы приказать ей с помощью магии отправить его самого к дракону. Ему не пришлось бы тогда трястись через всю долину на жалкой кляче; он сберег бы целых три дня! Он мог бы заставить ведьму поделиться с ним своим волшебством. Лишнее средство безопасности ему бы не помешало. И он не должен был отпускать ее так запросто после того, что она натворила. Он обязан был убедиться, что она больше никогда не

доставит ему хлопот. Или хотя бы заставить ее принести ему клятву верности — на случай если ей все же удастся выжить.

Но постепенно эти мысли дробились и пропадали. Если бы да кабы — что толку перебирать упущенные возможности? Бен сделал все, что было в его силах, но предвидеть всего он просто не мог. Принудительная клятва вряд ли была бы эффективной. Неизвестная магия могла оказаться страшнее, чем ее отсутствие. Пусть уж все идет своим чередом — он найдет способ справиться с обстоятельствами.

Путники достигли Огненных Ключей на исходе третьего дня. Гномы завели Бена далеко в пустыню — край вечного кошмара: бесконечные выжженные пески, пыль, холмы, заросшие чахлой травой и колючим кустарником, ползучие корявые деревца, которые из последних сил тянули влагу, красные зыбучие пески и окаменевшие леса, где деревья превратились в изломанные скелеты, торчавшие из земли. Эта земля казалась куда более больной и опустошенной, чем любая другая часть долины, ее краски поблекли и выгорели. Здесь не росли даже Лазурные Друзья. Путники пробирались по холмам и обрывам, густо заросшим шиповником, через мертвый лес, пересеченный глубоким оврагом. Они вели лошадей в поводу, потому что ехать верхом было невозможно. Туман лежал повсюду толстым одеялом, издававшим смрад смерти.

— Здесь, Ваше Величество! — вдруг вскричал в сердцах Щелчок, вцепившись в рукав Бена, чтобы остановить его.

— Огненные Ключи, Ваше Величество! — объявил Пьянчужка, указывая вдаль.

Бен устремил свой взор в густой туман. Но ничего не увидел. Он всмотрелся пристальнее. Теперь ему показалось, что в дымке что-то мерцает — словно какой-то свет отражался в тумане.

— Давайте подойдем поближе, — попросил Бен. — Отсюда мне ничего не видно.

Он снова направился вперед, потом остановился. Кышгномы не сдвинулись с места. Они переглянулись, потом посмотрели на Бена, потом снова друг на друга — их головы опустились, а носы сморщились, словно от дурного запаха.

— Мы и так достаточно близко, Ваше Величество, — упрямо сказал Щелчок.

— Ближе не бывает, — согласился Пьянчужка.

— Никто не спасет нас от дракона.

— У нас нет никакой защиты.

— Он сожрет нас не задумываясь.

— Он сожжет нас, как поленья!

Щелчок поколебался.

— Дракон слишком опасен, Ваше Величество. Оставьте его в покое, давайте лучше уйдем.

Пьянчужка важно кивнул:

— Ну его, этого дракона, Ваше Величество. Пусть живет.

Бен некоторое время рассматривал их, потом покачал головой:

— Нет, ребята, не «ну его». Он мне нужен. — Он печально улыбнулся, подошел к гномам и положил руки им на плечи. — Вы подождете здесь? Пока я вернусь?

Щелчок посмотрел на него, прищурив глаза:

— Мы подождем вас, Ваше Величество. Пока вы вернетесь.

Пьянчужка в замешательстве потер ладошки.

— Если вы вернетесь, — пробормотал он.

— Вот как? Пожелайте лучше удачи. — Бен был полон решимости.

Он оставил гномов с лошадьми и стал пробираться сквозь заросли в одиночку. Он осторожно выбирал путь, стараясь двигаться как можно бесшумнее. Из-за края обрыва он увидел гейзеры кипящей воды, пар от нее смешивался с туманом. Мерцание стало более заметным, небо словно переливалось. Бен чувствовал какой-то запах, неприятно напоминавший гниющее мясо.

От волнения Бен был весь в поту, но внутри у него все заледенело. Стало тревожно.

Он обшарил карманы своей одежды. Остатки Звездной Пыльцы из первого стручка все еще были в правом кармане. Полный стручок лежал в левом. Он пока еще не придумал, как распорядиться этой пыльцой. Не представлял, что будет делать. Решил подобраться к дракону как можно ближе, а там уж действовать по обстоятельствам.

«У короля Заземелья должен быть план получше», — мрачно подумал Бен. Да только он не мог ничего придумать.

Он подполз к краю обрыва и заглянул вниз. Его взору открылся огромный бесформенный овраг, усеянный кратерами всех форм и размеров. Они были заполнены какой-то голубоватой жидкостью, на поверхности которой плясали желтоватые огоньки. Именно они подсвечивали туман. Между кратерами дно оврага заросло спутанными колючими кустами или завалено валунами — почти непреодолимое препятствие для дерзкого смельчака, который решит туда пробраться.

Бен внимательно осмотрелся. Дракона нигде не было видно.

— Так я и знал. — С досады Бен ударил кулаком о землю.

Некоторое время он размышлял, что делать дальше. Он мог подождать Страбона на краю обрыва или спуститься вниз. Выбрал второе — надо быть как можно ближе к дракону, когда придется с ним встретиться.

Бен перевалил через край и начал спускаться. Внутренний голос нашептывал ему, что он сумасшедший. И Бен был полностью согласен. Ему не верилось, что он делает это. Он безумно боялся дракона. Куда охотнее развернулся бы и убежал отсюда со всей прытью, на какую были способны его трясущиеся ноги. Бен не был безрассудным храбрецом, он был в отчаянии. До сих пор он и сам не знал, как велико это отчаяние.

«Но я не подведу их, — пообещал он себе, думая об Ивице и остальных. — Не подведу, чего бы мне это ни стоило».

Он добрался до дна оврага и огляделся. Столб пара со свистом, удивившим Бена, вырвался из ближайшего кратера. Огоньки жадно лизнули туман. Бен и не подозревал, что подошел так близко к горящим источникам. Он храбро шагал вперед. Решил, что лучше будет подождать где-нибудь посреди Огненных Ключей — только не посередине одного из них. Его дыхание стало учащенным и хриплым. Он сожалел, что не может управлять Паладином. Ему так хотелось, чтобы с ним был хоть кто-то рядом. Еще больше хотелось оказаться где-нибудь в другом месте.

Жар от горящих источников опалил лицо Бена, и он с отвращением поморщился. Вонь была ужасной. На дне оврага валялись кости; некоторые из них были довольно свежими. Бен заставил себя не обращать на них внимания. Продирать-

ся сквозь колючие кусты было нелегко, но Бен упрямо шел вперед. Он обогнул огромную груду камней и целый скелет довольно крупного животного. Бен решил, что зашел достаточно далеко. Он оказался у большой земляной насыпи, с одной стороны окруженной каменной грядой. Показалось, что это подходящее укрытие. Он подождет возвращения дракона здесь.

Вдруг Бен задумался о том, долго ли придется ждать. Может быть, Огненные Ключи и были логовом Страбона, но это не значит, что он бывает здесь слишком часто. Черт, да может, он приходит сюда только раз в году!.. Вот глупец! Нужно было поинтересоваться об этом у ведьмы! Нужно было...

Вдруг он резко остановился, вне себя от изумления. Он был в каком-нибудь десятке футов от выбранного убежища, каменной гряды возле земляного холма, когда эта насыпь вдруг шевельнулась!

Бен выпучил глаза. Нет, должно быть, ему показалось.

Холм шевельнулся снова.

— О Боже мой! — прошептал Бен.

Облачко пыли поднялось на краю того, что Бен счел грудой камней, и в ней открылся огромный глаз.

Бен Холидей, выдающийся адвокат, неустрашимый искатель приключений и действующий король Заземелья, только что сделал очень большую ошибку.

Дракон лениво зашевелился, стряхнул покрывавший его слой земли и пыли и окончательно проснулся. Он не сводил глаз с Бена, словно змея, наблюдающая за своей жертвой. Бен застыл на месте. Нужно было сразу же посыпать его Звездной Пыльцой! Нужно было развернуться и удрать! Нужно было сделать хоть что-нибудь, но Бен не мог заставить себя сдвинуться с места. Мог разве что только завопить. В припадке черного юмора Бен подумал, будет ли он изжарен или сварен в кипящей лаве.

Страбон мигнул. Заскорузлая голова медленно поднялась и разинула огромную пасть. Показались почерневшие зубы и длинный, раздвоенный язык.

— Я ведь тебя откуда-то знаю, верно? — спросил, зевая, дракон.

Бен растерялся. Он ожидал от дракона чего угодно, только не вопроса. То, что дракон оказался говорящим, меняло все дело. Его страх перед страшилищем уменьшился. Значит, еще не все потеряно. Если дракон умеет говорить, значит, с ним можно договориться! Бен забыл о жареном-вареном короле. Перестал думать о том, как спастись. Лихорадочно стал соображать, что бы ответить дракону.

Но Страбон опередил его:

— Туманы на краю царства фей — вот где я тебя видел. Это ведь было несколько недель назад! Я спал, а ты бродил рядом. Ты смотрел на меня так пристально, что разбудил мою особу. Должен сказать тебе, что это было весьма невежливо.

Бен невольно кивнул, вспомнив, как летел вверх тормашками, словно перышко, подхваченное ветром. Он постарался прогнать это воспоминание. Никак не мог поверить, что чудовище и в самом деле разговаривает. У дракона был странный голос, какое-то гулкое механическое шипение, словно резонирующее в его глотке.

— Ты кто? — спросил дракон, снова опуская голову. — Что ты делал в туманах? — Его губы задрались, обнажая десны. — Ты что, фея?

Бен покачал головой:

— Нет. — Он постарался подобрать надлежащие слова: — Меня зовут Бен Холидей, я из Чикаго. Точнее говоря, из другого мира. Я новый король Заземелья.

— Да ну?! — Похоже, на дракона эти слова не произвели ровным счетом никакого впечатления.

— Да. — Бен колебался, но присутствие духа постепенно возвращалось. — Знаешь, а я и не предполагал, что драконы умеют говорить.

Туша заворочалась и изменила положение своего змееподобного тела. Его задняя часть оказалась в скоплении мелких луж. Огоньки плясали совсем рядом с чешуйчатым задом дракона.

— Ну вот, еще один, — фыркнул Страбон.

Бен нахмурился:

— О чем это ты?

— Один из тех людишек, считающих драконов тупыми бессловесными тварями, которые занимаются лишь тем, что

пугают и разоряют бедных крестьян, пока какой-нибудь отважный рыцарь их не прогонит. Ты ведь из таких, да?

— Наверное.

— Ты начитался слишком много сказок, Холидей. Как ты думаешь, кто разносит эти сплетни о драконах? Не сами драконы, уж поверь мне. Нет, эти байки сочиняют люди, а уж они никогда не назовут себя плохими и не признаются, что неверно судят о драконах. А все почему? Куда проще обозвать дракона злодеем, который сжигает поля, жрет скотину и крестьян, похищает прекрасных принцесс и дерется с закованными в броню рыцарями. Получается захватывающее чтиво, хоть в нем и нет ни слова истины.

Бен воззрился на дракона: что же это за создание такое?

— Знаешь, ведь драконы появились здесь куда раньше людей. Тогда даже фей здесь не было и в помине. — Страбон наклонил голову. Его дыхание было просто ужасным. — Все неприятности начались вовсе не из-за драконов; они начались из-за людей. Никому не хотелось жить рядом с драконами. Они занимали слишком много места. Все боялись драконов и того, на что они были способны, хотя лишь немногие из них отличались дурным нравом. Наша магия была куда сильнее жалких чар любого из вас. — Дракон медленно покачал головой, покрытой корявой коркой. — И все же, если упорно добиваться своего, когда-нибудь преуспеешь в задуманном. Так и они изо всех сил старались избавиться от драконов. Нас изгоняли, преследовали и убивали, одного за другим, пока не остался один я. Меня бы они тоже уничтожили, если бы могли.

Он не уточнял, кто эти «они», но Бен решил, что он имеет в виду всех людей вообще.

— Ты утверждаешь, что на тебя возводят напраслину и ты ни в чем не виноват? — спросил Бен с легким сомнением в голосе.

— Ох, не будь ты таким глупцом, Холидей, конечно, я виноват, еще как виноват! Почти все, что говорят, правда. — Шипение стало совсем тихим. — Я убиваю людишек и их скотину, когда пожелаю. Если мне хочется развлечься, я сжигаю их хлеба и хибары. Я ворую их подружек, потому что мне нравится пакостить. Но я их терпеть не могу! — На мгнове-

ние высунулся раздвоенный язык. — Но, видишь ли, так было не всегда. Так было до тех пор, пока мне не стало легче быть таким, как обо мне думают, чем стараться выжить таким, каким я был когда-то... — Он призадумался, словно вспоминая о чем-то. — Знаешь, я прожил больше тысячи лет и последние две сотни был совсем один. Драконов больше нет. Все они ушли в область преданий. Я последний из них, как и Паладин. Ты знаешь его, Холидей? Мы оба — последние из своего племени.

Бен наблюдал, как дракон устроился поудобнее, испил огненной воды из лужи и выдохнул пламя.

— Зачем ты рассказал мне об этом? — спросил он с искренним удивлением.

Дракон посмотрел на Бена:

— Потому что ты здесь. — Он опустил рыло. — Кстати, а что ты тут делаешь?

Бен заколебался, вдруг вспомнив, что привело его сюда.

— Ну...

— Ах да, — перебил его дракон. — Ты же новоиспеченный король Заземелья. Поздравляю!

— Спасибо. Я стал им совсем недавно.

— Надо думать. Иначе тебя бы здесь не было.

— Почему?

Дракон двинул свое рыло ближе к Бену:

— Когда старый король еще здравствовал, он держал меня в изгнании в этом заброшенном уголке. Отсюда мне не давал выбраться Паладин, потому что рыцарь был так же силен, как я. Порой я летал по ночам — и люди не должны были меня видеть; мне нельзя было вмешиваться в их дела... — Голос дракона стал жестче. — И однажды я пообещал себе, что стану свободным. Эта долина точно так же принадлежит мне, как и любому другому. А когда старый король преставился и Паладин скрылся, я и стал свободным, Холидей, и ни один заземельский король больше мне не указ.

Бен насторожился, потому что беседа приняла недружелюбный оборот, но сделал вид, будто не замечает этого.

— Я здесь совсем по другому поводу, Страбон, — сказал он.

— Но разве ты заявился не для того, чтобы попросить меня принести тебе клятву верности?

— Я подумывал об этом, — признался Бен.

Рыло Страбона расползлось в широченной зубастой ухмылке.

— Какая храбрость, Холидей! Хоть и напрасная. Я никогда не присягал королям Заземелья — ни разу за тысячу лет своей жизни. Да и зачем мне это? Я не похож на остальных обитателей долины. Я не прикован к Заземелью, как они. Я могу отправиться куда пожелаю!

Бен сглотнул слюну.

— Неужели?

Дракон изогнулся кольцом вокруг Бена.

— Ну, может быть, не совсем куда угодно, но почти. Я не могу залетать далеко в царство фей и в те миры, где не верят в драконов. А в твоем мире верят в драконов?

Бен решил не юлить:

— Думаю, нет.

— Значит, я там не бывал. Я посещаю только те земли, где хотя бы когда-то обитали драконы. Я частенько бываю в пятишести близлежащих мирах. В большинстве из них я охочусь. Мне приходилось кормиться там, когда старый король прогнал меня из долины. — Он лукаво прищурился. — Но охотиться в других местах намного труднее. Здесь мне больше нравится. Это приносит мне удовлетворение!

У Бена по спине пробежал морозец. Ход разговора нравился ему все меньше. Да, с драконом можно было разговаривать, но чтобы договориться, нужно особое искусство. Бен чувствовал, что заходит в тупик.

— Ну, значит, мне не стоит надеяться, что ты пришел сюда с какой-то иной целью? — Страбон слегка приподнялся на задних лапах, подняв тучу пыли. — Мне понравилось беседовать с тобой, Холидей, но, по-моему, наш разговор подходит к концу. К несчастью, это означает и твой конец.

— О, погоди-ка, не спеши. — Бен не мог подобрать нужные слова, его мысли смешались. — Зачем же заканчивать разговор? Мне кажется, мы должны побеседовать еще немного!

— Я догадываюсь, почему тебе так хочется этого, — тихо прошипел дракон. — Но мне уже становится скучно.

— Скучно? Ладно, давай сменим тему!

— Это не поможет.

— Да? Ну а если я просто попрощаюсь и уйду? Уйду и все? — Бен был в полном отчаянии.

Огромная чешуйчатая туша дракона горой нависла над ним.

— Зачем же откладывать неизбежное? В конце концов ты все равно вернешься. Ты обязан будешь сделать это, потому что ты — король Заземелья. Ты же знаешь, что я — твой враг. Либо тебе придется убить меня, либо мне тебя. Мне больше нравится последнее.

Бен окинул Огненные Ключи безумным взглядом:

— Боже мой, да зачем нам нужно обязательно убивать друг друга?

— Зачем? Да затем, что между королями и драконами всегда были такие отношения.

Возмущению Бена не было предела.

— Ну а раз так было всегда, почему же людишки, которые любят сочинять глупые и несправедливые истории про драконов, так плохо обращаются с ними? И зачем ты тратил свое драгоценное время, жалуясь мне на это, раз все равно задумал изжарить меня?

Дракон расхохотался:

— Что за странный способ рассуждения! — Он помолчал. — Действительно, зачем было утруждаться? Прекрасно подмечено. — Дракон призадумался, потом пожал плечами. — Наверное, потому, что это все же способ убить время. Делать здесь, знаешь ли, совсем нечего.

Последняя надежда Бена улетучилась. Это был конец. Первый раз он увернулся от серебряной пули в туманах мира фей, второй раз — в схватке с Ночной Мглой. Похоже, в третий раз ему так не повезет. Дракон горой навис над ним и начал разевать пасть. Ну вот, один выдох пламени — и блюдо готово. Бен напряг все свои извилины. Он должен что-то предпринять! Черт, не может же он стоять столбом и ждать, когда его испепелят!

— Подожди! — взвизгнул Бен. — Не делай этого! — Он засунул руку за пазуху и вытащил медальон. — У меня еще есть это! Если понадобится, я смогу вызвать магию!

Страбон медленно выдохнул; пар, огонь и дым со свистом вырвались в туманный воздух. Дракон уставился на медальон и облизнулся.

— Да нет у тебя никакой магии, Холидей.

Бен глубоко вздохнул:

— Ты ошибаешься. Есть. Если ты меня не отпустишь, я вызову Паладина.

Повисла гнетущая тишина. Дракон задумчиво рассматривал Бена и молчал. Бен мысленно помолился. Это была его последняя надежда. Паладин приходил раньше, когда он попадал в беду. Может быть...

Он сжал медальон, чувствуя, как его поверхность отпечатывается на его ладони. На него вдруг снизошло откровение. О чем он только думает? Да он может удрать хоть сейчас, если пожелает! Он совсем позабыл о том, что медальон может помочь ему в этом! Медальон мгновенно доставит его в прежний мир, ведь все, что нужно сделать, — это снять его!

Но если он сделает это, его друзья навеки останутся в Абаддоне. И он никогда больше не увидит Заземелья. Он сдастся.

Но зато останется в живых.

Бен никак не мог решиться.

— По-моему, ты лжешь, Холидей, — молвил наконец дракон и снова начал втягивать воздух.

Прощай, мир, подумал Бен и уже приготовился к бегству.

Но вдруг сквозь пар и туман засиял свет и появился Паладин! Бен не мог поверить в это. Рыцарь возник из ничего, одинокий, изрубленный воин с копьем в железной длани, на стареющем боевом коне. Страбон сразу же развернулся — он явно был удивлен. Пламя с ревом вырвалось из его пасти, охватило всадника и обратилось в черный дым. Бен отшатнулся, почувствовав ужасающий жар. Он отвернулся, прикрыв глаза, потом в испуге посмотрел на рыцаря.

Паладин ничуть не пострадал.

Страбон медленно поднялся на толстенные задние лапы, растопырил крылья и повернулся к Бену.

— Двадцать лет... Прошло двадцать лет! — тихо прошипел он. — Я думал, он пропал навсегда! Как ты разыскал его, Холидей? Как?

Бен попытался было придумать подходящий ответ — он был не меньше Страбона удивлен появлением Паладина, но

быстро прикусил язык. Вот она, возможность, которую он ждал!

— Медальон! — сразу же воскликнул он. — Его вызвал медальон! На нем выгравированы волшебные слова — здесь, на обороте! Посмотри сам!

Он услужливо протянул дракону металлический диск, так, что лучи солнца ярко заиграли на его поверхности. Страбон наклонился, согнул змеиную шею, опустил корявую голову. Огромная пасть раскрылась, показался длинный узкий язык. Бен затаил дыхание. Тень дракона упала на него.

— Посмотри-ка, что здесь написано! — говорил Бен, а сам думал: «Ну же, еще чуть-чуть поближе!»

Скрюченная передняя лапа коснулась медальона.

Бен выдернул другую руку из кармана и швырнул пригоршню Звездной Пыльцы прямо в ноздри дракону. Дракон от неожиданности вдохнул ее, потом чихнул. От этого чиха Бен чуть не полетел наземь, но каким-то чудом удержался на ногах. Он отпустил медальон, засунул руку в другой карман и выхватил непочатый стручок. Страбон уже разинул пасть, готовясь схватить Бена, но Бен швырнул стручок дракону прямо в морду. Дракон проворно схватил стручок на лету и в ярости измолол его в пыль.

Страбон слишком поздно понял свою ошибку. Пыльца полетела во все стороны, вылетая из пасти дракона, как клубы белого дыма. Страбон издал ужасающий рев и принялся изрыгать пламя куда попало. Бен бросился в сторону, дважды перевернулся, вскочил и бросился к куче камней, которую приметил, когда шел к дракону. Он мчался на добрый десяток ярдов впереди пламени и успел нырнуть под прикрытие камней. Страбон совершенно обезумел. Он в бешенстве рыл дно оврага и крушил скалы. Из одного кратера с громовым кашлем вырвался фонтан огненной лавы. Дракон ревел и сжигал все вокруг. Не было видно ничего, кроме огня и дыма. Паладин исчез. Источники пропали. Бен скрючился в своем убежище, надеясь, что удрал достаточно проворно и дракон не заметил, куда он спрятался.

Через некоторое время дракон утихомирился. Бен терпеливо ждал, прислушиваясь к шороху медленно ползущей туши.

Извержение Огненных Ключей прекратилось, источники лишь мирно шипели.

— Холидей!

Голос дракона был злым и расстроенным. Бен оставался в своем убежище.

— Холидей! Это ведь была Звездная Пыльца, Холидей? Целый стручок Звездной Пыльцы! Где ты его раздобыл? Ведь ты сказал, что ты не из племени фей! Ты солгал!

Бен ждал. Пока что он не услышал ничего разумного для себя. По хрусту камней он понял, что Страбон находится слева от него, — тяжелое тело дракона волочилось по камням.

— А тебе известно, как опасна такая магия, Холидей? Ты знаешь, какой вред мог причинить моей особе? Зачем ты так поступил со мной?

Движение остановилось. Бен услышал, как дракон поворачивается, потом — как лакает воду. И вдруг подумал, что мог ошибиться. Может быть, целого стручка Звездной Пыльцы было слишком много даже для такой огромной гадины. Может быть, дракон сильно пострадал.

Раздался продолжительный вздох.

— Холидей, зачем ты так поступил со мной? Что ты от меня хочешь? Скажи и оставь меня в покое!

Теперь дракон говорил не злобно, но с болью в голосе. Бен решил рискнуть.

— Поклянись, что не причинишь мне никакого вреда! — прокричал он.

Ответом было слабое шипение:

— Считай, что я дал слово.

— Я хочу, чтобы ты сказал, что будешь подчиняться мне, что бы я ни приказал сделать, и не делал ничего более. Ты знаешь, что тебе все равно придется мириться с этим.

— Знаю, Холидей! Я согласен! Скажи, что тебе нужно!

Бен осторожно выбрался из укрытия. Дым все еще стоял над Огненными Ключами, заслоняя свет. Страбон сидел на задних лапах между горящими лужами, словно свирепый, загнанный в ловушку зверь. Уродливая башка медленно повернулась — и дракон заметил человека. Бен напрягся, готовый в любой момент нырнуть обратно за камни. Но дракон только смотрел на него и ждал.

— Подойди сюда, — приказал Бен.

Дракон кротко подчинился. В его взгляде сквозила неприкрытая ненависть. Бен наблюдал за приближением чудовища. Бочкообразное туловище держалось на мощных, покрытых толстой чешуей лапах. Крылья поднимались и опускались, а хвост молотил из стороны в сторону почти безостановочно. Бен показался себе красоткой Фэй Рэй, к которой приближается Кинг-Конг.

— Освободи меня! — рявкнул Страбон. — Сейчас же освободи меня, и я сохраню тебе жизнь!

— Не могу, — твердо ответил Бен.

— Ты хочешь сказать, что не сделаешь этого? — прошелестел дракон. — Но ты же не можешь держать меня здесь вечно, и когда я избавлюсь от тебя...

— Давай оставим угрозы, ладно?

— ...от тебя не останется ничего, что могло бы поместиться в наперсток или насытить мельчайшую пещерную тварь. И я сделаю тебе так больно, что ты не поверишь...

— Ты готов меня выслушать?

Дракон презрительно вздернул голову:

— Я не поклянусь тебе в верности, Холидей! Данная таким образом клятва не будет ничего стоить!

Бен кивнул:

— Я понял тебя. Мне не нужна твоя клятва.

Дракон долго молча рассматривал его. Ненависть в глазах чудовища сменилась любопытством. Это означало, что худшее позади. Дракон был у Бена в руках — по крайней мере пока. Бен почувствовал долгожданное облегчение, его страх прошел. Он был в восторге. Серебряная пуля в третий раз пролетела мимо. Он спрятал медальон под рубаху. Взглянул туда, где видел Паладина, но рыцарь исчез.

— Как призрак... — пробормотал он.

Бен повернулся к дракону. Страбон продолжал разглядывать его. Ядовитый язычок его беспокойно мелькал в тумане.

— Ладно, Холидей. Я сдаюсь. Ну, что тебе от меня надо?

Бен улыбнулся:

— Устраивайся поудобнее, и я расскажу тебе.

ГЛАВА 20

АБАДДОН

Сумерки уже сгущались, когда Бен закрепил последний ремень самодельной упряжи на драконе, велел ему пригнуться и вскарабкался на чешуйчатую спину. Он осторожно примостился в седле, пристроенном среди нескольких пучков костистых шипов, подергал ремни, чтобы убедиться, что они не соскользнут, и всунул ноги в железные стремена.

По крайней мере у него была упряжь. Ему повезло. Это было неуклюжее приспособление, собранное из ремней, постромков, подпруг, пряжек и колечек, некогда принадлежавших всяческим рабочим животинам, павшим жертвой дракона и принесенным им в Огненные Ключи, чтобы полакомиться на досуге. Бен собрал всю эту сбрую среди костей и скрепил, как мог, в одну большую упряжь. Она охватывала драконью шею непосредственно над передними лапами и под ними и крепилась к седлу. Поводья были привязаны к шее, там, где она срослась с заскорузлой головой. Бен даже и не помышлял управлять драконом, как лошадью, поводья были сделаны для того, чтобы держаться за них.

— Если ты свалишься, Холидей, тебе конец, — предупредил его дракон.

— Ну так постарайся, чтобы этого не случилось, — ответил Бен. — Считай, что это приказ.

И все же он не был уверен в том, что Страбон, даже наглотавшись Звездной Пыльцы, будет стараться нести его осторожно. Они собирались спуститься в подземный мир, в Абаддон, где оба могут оказаться в опасности. Страбону будет нелегко оберегать его даже при лучшем стечении обстоятельств, а намеченное путешествие в преисподнюю не обещало быть легким.

Восседая на драконе, Бен оглядывал пустыню. Они выбрались на край оврага Огненных Ключей, где не было ни кратеров, ни густых колючек. День подходил к концу; солнце садилось за далекие горы, тени и туман заволакивали долину. Заземелье погружалось во мрак. Бену казалось, что ночь на-

ступает стремительно, — долина словно пропадала на глазах. У него было нехорошее предчувствие, что он никогда больше не увидит ее снова.

Он глубже вдвинул ноги в стремена и попытался отогнать мрачные мысли. Он даже выдавил мрачную улыбку. Вот он, Бен Холидей, готовый отправиться в путь, отважный рыцарь на боевом коне, защитник несправедливо обиженных. Вот умора-то! Дон Кихот, готовый сражаться с ветряными мельницами! Какое фото он мог бы послать домой, если бы у него был фотоаппарат! Черт, он ведь и не думал, даже не мечтал, что когда-нибудь в жизни будет делать нечто подобное! Сколько лет он провел за железобетонными стенами, в затхлых судебных залах и пыльных библиотеках, сколько проштудировал толстых томов, сводов и кодексов, сколько раз произносил одни и те же речи — как далеко все это было от того, чем он занимался сейчас!

И вдруг он понял — с уверенностью, удивившей его самого, — что никогда не вернется к прежнему.

— Ну что ты там делаешь, Холидей, любуешься видом, что ли? — недовольно прошипел дракон, прерывая его раздумья. — Давай-ка скорее в путь!

— Хорошо, — тихо согласился Бен. — Взлетаем.

Дракон широко расправил крылья и оторвался от земли. Бен вцепился покрепче в поводья, наблюдая за тем, как стремительно уходит вниз земля. Он бросил взгляд на окутанный туманом мертвый лес, который быстро превратился в смутное пятно. Где-то там, внизу, прятались кыш-гномы. Он успел оповестить их о том, что отправляется верхом на драконе в Абаддон спасать своих друзей. Он отправил гномов обратно, к Чистейшему Серебру, чтобы там они дожидались его возвращения. Гномы не спорили, только на их мордашках отразились нескрываемый ужас и твердое убеждение, что они никогда больше его не увидят.

«Очень даже возможно», — подумал Бен. Может, стоило сказать им, чтобы шли домой и забыли о нем? Скорее всего они не послушались бы. Они очень серьезно относились к данной ему клятве.

Бен задумался о том, как они помогли ему — пара маленьких, грязных, вороватых каннибалов. Кто бы мог поду-

мать, что они способны на такое? И Бен мысленно пожелал им удачи.

Страбон летел навстречу ночи, через восточную пустыню, мимо окраин Зеленого Дола и дальше, на запад. Солнце скрылось, стало темно, и на небе показались заземельские луны. Этой ночью они были видны все: белая, персиковая, лазурная, розовая, нефритовая, пурпурная, бирюзовая и малахитовая. Их цвета были приглушены дымкой, застлавшей небо. Они висели в небе, словно яркие воздушные шары, и Бен подумал, где та вечеринка, для которой их надули.

Быстро летели минуты. Огромное тело Страбона ритмично подрагивало под Беном, чудовищные кожистые крылья поднимались и опускались, неся его к западу, навстречу ночному ветру. Бен изо всех сил вцепился в седло и поводья. Воздушные потоки били и оглушали его. Заземелье превратилось в чашу с кипящим варевом, над которой был подвешен Бен. Его возбуждал этот полет и пугал одновременно. Ему вообще не нравилось ездить верхом, а уж на драконе — тем более. Дракон двигался размеренно, и это отчасти помогало, но от этого полета Бен ждал мало хорошего. Он знал, что действие Звездной Пыльцы может кончиться в любую минуту и тогда ему будет крышка.

— Что за дурацкая затея! — пробурчал Страбон, словно услышав его мысли. Покрытая коркой бесформенная голова повернулась к Бену, глаза сверкнули. — И все это — из-за горстки людишек!

— Они мои друзья! — прокричал Бен в ответ. Ветер относил его слова в сторону.

— Твои друзья для меня — ничто!

— Что ж, честно говоря, им на тебя тоже плевать! Наверное, всем, кроме советника Тьюса. Он считает, что ты особенный.

— Колдун-то? Фи!

— Ладно, давай-ка делай то, что тебе велено, — приказал Бен.

— Я ненавижу тебя, Холидей!

— Ну уж прости, мне до этого нет дела.

— Когда-нибудь будет! Рано или поздно я освобожусь от тебя, и, когда это случится, ты еще пожалеешь, что решил использовать меня подобным образом!

Дракон отвернулся, и его шипения не стало слышно из-за ветра. Бен промолчал. Он лишь покрепче ухватился за упряжь.

Они углубились во владения лордов Зеленого Дола. Бен не знал, куда они направляются. Знал только, что дракон везет его в Абаддон, но не представлял себе, где он находится. Абаддон был подземной частью Заземелья, но вход в него был сродни тому проходу времени, по которому Бен попал в долину. Однако это был не тот же самый проход. Его нельзя было отыскать в туманах. Он спрятан где-то в долине, как поведал ему Страбон, там, куда могут проникнуть только лишь демоны и дракон...

Страбон вдруг снизил скорость и заложил широкий вираж. Бен посмотрел вниз. Долина была неразличима во мраке. Дракон раскинул крылья и начал планировать.

— Держись крепче, Холидей! — крикнул Страбон.

Вдруг он нырнул и пошел вниз. Крылья вытянулись назад, а шея — вперед. Чем отвеснее падал дракон, тем выше была его скорость. Ветер ревел в ушах Бена. Показалось бесформенное пятно земли, которое с каждой секундой становилось все отчетливее. Бен оцепенел. Они летели слишком быстро! Так и врезаться в землю не долго, прямо посреди Зеленого Дола!

Потом из драконьей глотки вдруг вырвалось пламя — мощная, сияющая струя багрового огня. Воздух впереди словно расплавился, как целлофан, сморщился и разорвался посередине. Появилась дыра с зазубренными краями. Бен прищурился от ветра и увидел, какая чернота в этой дыре. Пламя дракона угасло, но дыра осталась. Они влетели прямо в непроглядную тьму. Заземелье исчезло, затуманенный Зеленый Дол пропал. Послышался чавкающий звук, и дыра закрылась за ними. Потом ненадолго стало тихо.

Страбон продолжал снижаться в темноте. Бен слегка оторвался от драконьего хребта и принялся озираться с благоговейным трепетом. Все вокруг совершенно изменилось. Луны и звезды исчезли. Небо стало угольно-черным, оно нависало над острыми пиками и глубокими провалами. Между небом и землей полыхали молнии, окаймляя горизонт призрачным сиянием. В отдалении ворчали вулканы, их красноватые кра-

теры горели на конусообразных вершинах гор. Потоки лавы стекали с них длинными сверкающими кровавыми полосами. Земля содрогалась и корчилась, выбрасывая в темноту струи огня и расплавленной породы.

— Абаддон! — объявил дракон зловещим шепотом.

Страбон камнем рухнул наземь — желудок Бена чуть не вывернулся наизнанку. Холидей был напуган. Абаддон казался воплощением ужаснейшего кошмара. Он никогда еще не видел столь негостеприимного края. В таком мире было бы невозможно выжить.

Мимо пронеслась тень — крылатая и неуловимая. Страбон предупреждающе зашипел. Еще одна тень скользнула мимо, и еще одна. Послышалось резкое шипение, замелькали оскалы зубов. Из пасти Страбона вдруг вырвалось пламя, и одна из теней взвизгнула и рухнула вниз. Бен спрятался между буграми на спине дракона. Страбон снова и снова поливал тени огнем, и они вспыхивали одна за другой и пропадали. Чем больше попадалось невидимых врагов, тем сильнее извивался дракон. Но вот он вытянулся и набрал скорость. Черные твари остались далеко позади.

Дракон пронесся мимо новых зазубренных скал и снова замедлил ход.

— Жалкие мухи! — презрительно проворчал он. — Никто не может сравниться со мной!

Бен взмок от волнения и задыхался.

— Долго еще лететь?

Дракон ощерился:

— Еще чуть-чуть, Холидей. Что, тебе уже невмоготу? Что, получил больше, чем хотел?

— Я в порядке. Делай, что тебе велено, — отвези меня к моим друзьям!

— Полегче, Холидей!

Дракон летел сквозь озаряемую вспышками черноту. «Мухи» налетали еще дважды, и оба раза Страбон поджигал нескольких, чтобы продолжить полет. Абаддон простирался внизу — мир огня и камня. На горизонте по-прежнему плясали белые молнии, лава стекала с горных вершин, но ущелья оставались непроницаемо черными. Если там и было что-то живое, то сверху этого не видно.

Бен начал испытывать растущее чувство безнадежности. Его друзья провели в этом аду уже больше пяти дней!

Страбон пролетел между двумя чудовищными, изрыгавшими пламя вершинами и начал снижаться. Выл ветер, огненные реки стекали по склонам гор с обеих сторон. Бен посмотрел на лаву. Кто-то или что-то плескалось в ней! Что за игры в огне!

От одной из вершин отделилась огромная черная тень, протягивая руки-щупальца к Бену. Страбон зашипел и дыхнул огнем на эти «руки». Они затряслись и отдернулись. Тень исчезла.

Страбон с Беном миновали горы и оказались в долине, окруженной острыми скалами. Дракон снизился и летел менее чем в полусотне футов от земли. По краям долины бурлили озера лавы, выплевывая камни и сполохи пламени. Дно долины пересекали глубокие черные трещины. Повсюду сновали какие-то мелкие бесформенные твари, почти неразличимые в багровом мраке. При виде дракона они визжали — и их вопли тонули в реве и грохоте вулканов. Бен услышал, как дракон трубит в ответ.

Откуда ни возьмись появились новые «мухи», вдесятеро сильнее прежних, и другие крылатые твари, еще более крупные и страшные на вид. Страбон вытянулся и полетел быстрее. Бен так плотно приник к драконьей спине, что чувствовал, как кровь пульсирует в его ногах. Ремни и постромки натянулись от увеличившейся скорости полета. Бен почувствовал, что твари отстают.

И вот перед ними открылось чудовищное огненное озеро, бурлящее в каменном колодце тысячефутовой глубины. Крошечный обломок скалы висел на цепях над этим жерлом — каменный круг не более двенадцати футов в поперечнике. Обломок камня раскачивался на своей тоненькой паутинке, а далеко внизу бушевали жадные языки пламени.

Вдруг у Бена перехватило дыхание. На неустойчивой глыбе сгрудились маленькие фигурки, пытавшиеся изо всех сил сохранить равновесие.

Его друзья!

Страбон нырнул вниз, а «мухи» и другие летучие демоны преследовали его. Новые демоны, стократ сильнее прежних,

собрались вокруг пропасти — они швыряли валуны в несчастных на круглом камне и раскачивали цепи, на которых он висел! Все твари радостно визжали. Они вовсю развлекались. Бен с ужасом понял, что они так играют. Демоны посадили его друзей на этот подвесной камень и теперь с упоением пытались стряхнуть их в огонь!

Огненный колодец приближался. Демоны заметили дракона и, визжа, повернулись к нему. К клиньям, забитым в стены и удерживавшим цепи, потянулись лапы. Демоны пытались сбросить друзей Бена в пропасть раньше, чем он доберется до них.

Бен обезумел. Цепи падали одна за другой, а обломок скалы сотрясался и раскачивался. Страбон обдал демонов пламенем и спалил их не один десяток, но остальные продолжали обрывать цепи. Бен в ярости закричал, когда отчетливо различил лица советника Тьюса, Абернети и кобольдов... И Ивицы тоже! Страбон стрелой промчался над краем пропасти, мимо демонов, старавшихся вовсю. «Слишком поздно, — подумал Бен. — Мы опоздали».

Потом наступило мгновение, когда время вдруг словно застыло. Оно будто пропало совсем или растянулось до бесконечности. Бен видел все, что происходило, в пугающих подробностях, и он сам словно завис на месте. С одной стороны цепи оторвались совсем, и камень резко накренился. Люди на нем попадали на четвереньки и начали съезжать вниз.

Страбон резко нырнул, потащив за собой Бена к огню. Дракон достиг камня как раз в тот миг, когда пленники начали отрываться от него и падать. Когтистые лапы подхватили двоих на лету. Щелкнув огромными челюстями, дракон поймал третьего, и покрытая коркой башка повернулась назад и усадила перед Беном кобольда. Второй кобольд ухитрился сам вцепиться в постромки и держался за них.

Последний из пленников камнем падал в огненную пропасть. Это был советник Тьюс.

Бен с ужасом наблюдал, как он падает, — серые одежды с яркими шелковыми ленточками и кисточками развевались и хлопали, словно нераскрывшийся парашют. Страбон устремился за ним, но быстро извернулся и взлетел вверх. Он был слишком далеко от колдуна. И не мог его спасти.

— Советник! — закричал Бен.

И тут произошло настоящее чудо, нечто столь необычное, что, несмотря на все, что произошло за несколько последних мгновений, Бен был потрясен. Колдун широко раскинул руки и начал медленно подниматься из огнедышащей пропасти.

Бен затаил дыхание, его мозг лихорадочно работал. Этому было одно-единственное объяснение — советник Тьюс все-таки нашел верное заклинание. Он заставил магию действовать!

Страбон ринулся вниз, прожигая себе путь сквозь рой «мух» и других летучих демонов, которые пытались помешать ему. Он долетел до советника как раз в тот момент, когда Тьюс поднялся над краем пропасти. Дракон пролетел под колдуном и посадил его на спину так, что он оказался прямо за Беном.

Бен быстро повернулся и уставился на советника. Он восседал на драконьей спине, как статуя. Его лицо было пепельным, а глаза сияли от изумления.

— Я... я нашел правильное положение пальцев, Ваше Величество... — еле выдавил Тьюс и потерял сознание.

Бен схватил его за серые одежды, чтобы колдун не упал, а дракон тем временем начал подниматься. Демоны завизжали пуще прежнего, проклиная всех и вся, но их крики быстро стихли вдали. Их логово осталось внизу, превратившись в измятое покрывало с зияющими прорехами ущелий, по которому прыгали огоньки вулканов. Молнии на горизонте бешено плясали, и весь Абаддон сотрясался в жутком грохоте.

Потом дракон снова пустил струю пламени, земля проплавилась и расступилась. Дракон и сидевшие на нем люди устремились в рваную дыру.

Бену пришлось зажмуриться — таким ярким ему показался свет заземельского неба. Когда он снова раскрыл глаза, на туманном ночном небе сияли звезды и разноцветные луны.

Путники снова были в Заземелье.

Бену понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что произошло. Они были в Заземелье, но не над Зеленым Долом. Они оказались на севере, у самого края долины. Страбон описал несколько кругов над густым лесом и скалистыми уступами и наконец мягко опустился на пустынную лужайку.

Бен сполз с драконьей спины. Сельдерей и Сапожок приветствовали его радостным шипением и оскалом зубов в улыбке. Они были так возбуждены, что еле сдерживались. Абернети неловко шмякнулся наземь, вскочил, отряхнулся и во всеуслышание проклял тот день, когда он связался с каждым из них. Советник, пришедший в себя, осторожно слез по постромкам и подковылял к Бену, едва ли отдавая себе отчет в своих действиях. Он не мог оторвать глаз от дракона.

— Я никогда не верил, что наступит день, когда увижу, как кто-нибудь оседлает это... это удивительное создание! — благоговейно прошептал он. — Страбон — последний из древних драконов, величайший из волшебных созданий — стал служить королю Заземелья! Конечно, не обошлось без Звездной Пыльцы, но все же...

Он наткнулся на Бена и вдруг опомнился:

— Великий король, вы живы! А ведь мы думали, что потеряли вас! Как же вы выбрались из царства фей? Я, наверное, никогда не узнаю. Как вам удалось такое?.. — Тьюс онемел от восторга. Он схватил Бена за руку и яростно потряс ее. Несмотря на пережитое, Бен смог улыбнуться. — Мы отправились искать вас, когда вы не вернулись в назначенный срок, и ведьма схватила нас, — торопливо продолжал советник. — Она забросила нас в Абаддон и посадила на тот камень, чтобы с нами забавлялись демоны. Целых пять дней, Ваше Величество! Пять дней над нами издевались эти омерзительные, грязные...

Кобольды зашипели и застрекотали, стараясь что-то подсказать старику.

Советник тотчас же кивнул, теряя свой восторг:

— Да, вы правы, я почти забыл об этом. — Он взял Бена за руку. — Я несу всякую чушь, Ваше Величество, а ведь у нас есть более насущные заботы. Сильфида очень больна. — Он поколебался, потом потянул Бена за собой. — Мне очень жаль, Ваше Величество, но она, похоже, умирает.

Улыбка Бена мгновенно исчезла. Он подбежал к Страбону. Абернети уже склонился над распростертым в траве безжизненным телом Ивицы. Бен опустился на колени рядом, а советник и кобольды обступили их.

— Когда она была в Абаддоне, пришло ее время воссоединиться с землей, — прошептал советник. — Она не могла противостоять превращению в дерево, но камень не принял ее.

Бен содрогнулся. Ивица пыталась воссоединиться с землей, не в силах противостоять желаниям своего организма, но эта попытка удалась лишь наполовину. Кожа девушки стала сморщенной, похожей на кору, пальцы превратились в скрюченные корни, волосы —в тоненькие веточки, и все тело искривилось и потрескалось. На нее было страшно смотреть. Бен с трудом удержался, чтобы не убежать.

— Она еще дышит, Ваше Величество, — тихо прошептал Абернети.

Бен поборол свое отвращение.

— Мы должны спасти ее, — ответил он, отчаянно пытаясь придумать какой-нибудь способ. Он с ужасом видел, как тело Ивицы слегка подергивается и из запястья, прорывая кожу, вылезают новые корни. Веки сильфиды затрепетали, потом сомкнулись снова. Это была агония.

Ярость охватила Бена словно пламя.

— Советник, попробуйте вылечить ее своим волшебством!

— Нет, великий король. — Колдун покачал головой. — Моя магия здесь бессильна. Ее может спасти лишь одно. Она должна закончить превращение.

Бен надвинулся на колдуна:

— Черт возьми, да как же она может сделать это? Она едва жива!

Все молчали. Бен повернулся к девушке. Он не должен был оставлять ее одну с Ночной Мглой. Вообще не должен был разрешать ей идти с ним. Только он был виноват в том, что случилось, и он будет виноват, если она умрет...

Бен выругался про себя и постарался не думать о смерти. Его мысли путались.

Потом он вдруг вспомнил.

— Старые сосны! — воскликнул он. — Роща в Вечной Зелени, где танцевала ее мать и где она превращалась в дерево той ночью! Это место для нее особенное! Может быть, ей удастся завершить превращение там! — Он лихо вскочил и начал распоряжаться: — Эй, помогите мне перенести ее! Страбон, пригнись!

Они взвалили девушку на дракона и привязали к его спине. Потом вскарабкались тоже и прицепились к упряжи, кто как смог. Бен сел перед безжизненным телом Ивицы, советник и Абернети — сзади, а кобольды пристроились по обеим сторонам, ухватившись за стремена.

Страбон возмущенно захрюкал в ответ на команду Бена, но взмыл в ночное небо. Направившись к югу, дракон выровнялся и вытянулся, чтобы увеличить скорость. Ветер пытался оторвать путников от жалобно скрипевшей упряжи. Летели минуты, и вот уже северные холмы сменились равнинами Зеленого Дола. Бен протянул руку назад и нащупал тело сильфиды. Оно было холодным и твердым. Они теряли ее. У них было слишком мало времени. Зеленый Дол остался позади, показались леса и реки Озерного края, едва заметные в тумане и предрассветных сумерках. Дракон снизился и полетел над самыми верхушками холмов и деревьев. Бена трясло от досады и нетерпения. Он все еще сжимал руку Ивицы и, казалось, чувствовал, как жизнь уходит из ее тела.

Потом Страбон резко свернул налево и нырнул в лес. Деревья встали стеной им навстречу, потом вдруг расступились, открыв небольшой просвет в чаще, и вот уже путники оказались на поляне. Бен молча слез с дракона, остальные за ним, и все торопливо бросились распутывать Ивицу. Лес возвышался вокруг словно высоченная стена, между рядами темных стволов проплывали полосы тумана. Сапожок зашипел и побежал в нужном направлении, безошибочно узнавая дорогу. Путники углубились в лес, скользя и ощупью пробираясь в почти полной темноте. Они несли одеревеневшее тело девушки.

За считанные минуты добрались до старых сосен. В их роще было тихо и пусто; сосны стояли в темноте как важные часовые. Бен указал путь к середине рощи, где была прогалина с рыхлой землей, там мать Ивицы танцевала ночью, накануне отъезда Бена из Вечной Зелени.

Ивицу осторожно уложили на землю. Бен нащупал запястье девушки, скрывавшееся под грудой спутанных корней и побегов. Запястье было холодным и безжизненным.

— Она не дышит, Ваше Величество! — прошептал советник.

Бен обезумел. Он поднял умирающую сильфиду и крепко прижал к себе. Он закричал:

— Черт возьми, ты не можешь погибнуть, Ивица, ты не можешь поступить так со мной! — Он укачивал ее, чувствуя, какой шероховатой стала кожа на ее лице. — Ивица, ответь мне!

И вдруг ему показалось, что он держит изломанное, окровавленное тело Энни, попавшей в автокатастрофу, унесшую ее жизнь. Он снова испытывал то жгучее чувство неминуемой утраты. Это чувство было таким острым, что Бен стал задыхаться. Он словно видел раздавленную плоть, сломанные кости и кровь; ощущал маленькую, хрупкую жизнь своего нерожденного ребенка.

— О Господи, нет! — простонал он.

Он поднял голову, и образ померк. Он снова держал Ивицу. Он склонился, поцеловал щеки и губы сильфиды, и его слезы побежали по ее лицу. Он потерял Энни и ребенка, которого она носила. Он не вынесет, если потеряет и Ивицу.

— Не умирай, — умолял он ее. — Я не хочу, чтобы ты умирала. Ивица, прошу тебя!

Ее хрупкое тело затрепетало, и вот каким-то чудом в ответ на его мольбы глаза девушки открылись. Бен заглянул в эти глаза, не видя искаженного лица и изуродованного тела, не видя кошмара полузавершенного превращения. Он видел только искру жизни, которая все еще трепетала внутри.

— Вернись ко мне, Ивица! — заклинал он ее. — Ты должна жить!

Ее глаза закрылись снова. Но теперь тело сильфиды затрепетало сильнее, и конвульсии превратились в попытки обрести власть над своим телом. В горле у девушки заклокотало.

— Бен... Помоги мне подняться... Держи меня...

Бен тотчас же поставил ее на ноги, и все отступили от них. Он чувствовал, как жизненные соки потекли по ее телу, как снова началось перерождение. Ее корни пронзили лесную почву, ветви вытянулись и стали густыми, ствол стал мощнее и тверже.

Потом все стихло. Бен поднял голову. Превращение было завершено. Ивица стала деревцем, давшим ей имя. Худшее было позади.

Бен крепко зажмурился.

— Спасибо, — прошептал он.

Демон появился на рассвете, вынырнув из тумана. Это была черная бесформенная уродливая тварь, закованная в доспехи. Он появился совершенно неожиданно: вдруг зашелестел ветер, заклубился туман — и возник демон.

Бен мгновенно проснулся. Он дремал, грезя об исцелении и начале новой жизни, прислонившись к стволу ивы. Страбон, вероятно, был на той поляне, где его оставили.

Демон приблизился, и Бен поднялся ему навстречу. Кобольды вскочили, чтобы преградить путь твари. Абернети пробудился и изо всех сил пнул советника. Колдун тоже проснулся и неловко, по-стариковски поднялся. Спрятанная в шлеме голова демона медленно повернулась, красные горящие глаза осмотрели всех и вся с привычной осторожностью.

Потом тварь заговорила. Бен не разобрал всего, что она сказала, да и речь-то была недлинной. Советник поколебался, потом взглянул на Бена:

— Марк посылает вам вызов, Ваше Величество. Он объявляет, что встретится с вами на рассвете третьего дня в Сердце для смертельного поединка.

Бен смог только кивнуть. Вот оно то, что обещали ему с самого начала. Время вышло. Он проснулся только наполовину, не успев оправиться от потрясений предыдущих дней, но сразу же понял значение этого вызова.

Он надоел Марку. Демон был зол.

Но может быть... может быть, демон боялся его? Советник как-то сказал, что демон всегда бросал вызов среди зимы, а до зимы было еще далеко. Демон торопил события.

Бен попытался здраво рассуждать об этом, потом безнадежно покачал головой. Все это ничего не значило. Он давно принял решение остаться, и теперь ничто не могло изменить его. Бена удивило, что его решимость была столь сильной.

Он кивнул посланцу:

— Я буду там.

Демон растворился в сгустке тумана. Мгновение Бен смотрел ему вслед, потом на небо, уже посветлевшее от первых лучей солнца.

— Давайте-ка на боковую, — тихо сказал он своим спутникам.

Бен снова уселся рядом с ивой, прижался щекой к ее коре и закрыл глаза.

День уже начался, когда Бен проснулся. Он вытянулся в полный рост на земле, в тени старых сосен. Его голова покоилась у Ивицы на коленях, а ее руки обнимали его. Она снова превратилась в девушку.

— Бен! — тихо воскликнула она.

Он посмотрел на ее тонкие руки, лицо и тело. Она была точно такой, как в первую ночь, когда он увидел ее на Иррилине. Все вернулось: красота, цвет и жизненная сила. Девушка была видением, которого он боялся и которое хотел найти. Но теперь его отношение к ней изменилось. Отвращение, страх и отчужденность, которые Бен испытывал раньше, куда-то исчезли. Они сменились надеждой.

Он улыбнулся.

— Ты нужна мне, — прошептал он, и это была чистая правда.

— Я знаю, Бен, — улыбаясь, ответила сильфида. — Я всегда знала.

Она склонилась и поцеловала его, и он привлек ее к себе.

ГЛАВА 21

ЖЕЛЕЗНЫЙ МАРК

Первое, что сделал Бен утром, — это освободил Страбона от власти Звездной Пыльцы, которая заставляла дракона подчиняться ему. Он отпустил чудовище с тем условием, что тот не будет охотиться в Зеленом Доле и в любой другой населенной части долины и не будет нападать на жителей Заземелья, пока Бен будет королем.

— Продолжительность твоего правления, Холидей, все равно что всплеск волны в океане моей жизни, — холодно заявил дракон, задумчиво прикрыв глаза.

Они с Беном находились на той самой поляне, где Страбон провел ночь.

Бен пожал плечами:

— Тогда это условие легко выполнить.

— Нелегко выполнять условия, которые ставят люди, особенно такие лжецы, как ты.

— Что за наглость, Страбон? Думаешь, ложью можно многого добиться? Вряд ли. Лучше скажи — согласен ты или нет?

Пасть на заскорузлом рыле разинулась, обнажив сверкнувшие острые зубы.

— А ты не боишься, что мое слово не будет ничего значить, ведь оно вырвано под воздействием магии, Холидей?

Бен вздохнул:

— Так да или нет?

Страбон зашипел — этот звук словно шел из самой глубины его брюха.

— Да! — Он расправил свои кожистые крылья и вытянул длинную шею к небу. — Я исполню все, что хочешь, лишь бы освободиться от тебя! — Потом он поколебался и нагнулся к Бену. — Пойми, Холидей, мы еще не закончили разговор. Когда-нибудь мы встретимся снова, и тогда ты за все мне заплатишь!

Он взмыл вверх, громко хлопая крыльями. Оказавшись над верхушками деревьев, дракон повернул на восток и скрылся в лучах восходящего солнца. Бен с горечью смотрел ему вслед.

Советник Тьюс не мог понять его. Сначала он был просто потрясен, потом зол, а под конец — совершенно озадачен. И о чем только думает Его Величество? Почему он просто так освободил Страбона? Дракон был бы могучим союзником, оружием, которому никто не решился бы противостоять, рычагом, с помощью которого можно было бы нажать на всех сомневающихся, чтобы добиться столь необходимой ему присяги!

— Было бы огромной ошибкой относиться к нему подобным образом, — старался объяснить старцу Бен. — Я не хочу использовать его вместо дубины — ведь тогда жители Заземелья клялись бы мне в верности не по доброй воле, а из страха перед драконом. В этом нет ничего хорошего — мне не нужна верность, рожденная страхом! Я хочу, чтобы мои подданные уважали меня! К тому же Страбон — это обоюдоострый клинок. Рано или поздно действие Звездной Пыльцы кончится, и что тогда? В ту же минуту дракон разделается со мной. Нет,

советник, лучше отпустить его и попытаться добиться всего самому.

— Хорошо сказано, — огрызнулся колдун. — Посмотрим, как у вас это получится. Что с вами будет, когда вы встретитесь с Марком? Ведь Страбон мог бы защитить вас! Нужно было подержать его при себе хотя бы до поединка!

— Нет, советник, — тихо возразил Бен. — Это не драконье дело; эта битва — моя. Наверное, так и должно быть.

Он оборвал разговор, не желая ни с кем обсуждать эту тему. Он все тщательно обдумал. И принял решение. Он узнал несколько вещей, неизвестных ему ранее, и сделал несколько выводов. Теперь он отчетливо понимал, каким должен быть настоящий король Заземелья. Во многих отношениях он прошел полный круг, с тех пор как попал в долину. Бен хотел, чтобы друзья поняли его, но не желал объяснять им все. Понимание должно прийти другим путем.

К счастью, у них не оставалось времени на то, чтобы обсуждать эти вопросы. Появился Владыка Озерного края, которого его подданные известили, что в роще старых сосен происходит нечто странное. Страбон прилетел туда около полуночи, а улетел после рассвета. Он принес на горбу людей, включая человека по имени Холидей, заявляющего права на заземельский престол, колдуна Тьюса и пропавшую дочь Владыки.

Бен встретил озерного Владыку извинениями за внезапное вторжение и в двух словах рассказал, что с ними случилось за последние несколько недель. Он сказал Владыке, что сам позвал Ивицу с собой и что это по его недосмотру она не предупредила своего отца об уходе. Он пожелал, чтобы сильфида осталась с ним еще на несколько дней. И попросил встречи в Сердце с Владыкой Озерного края на рассвете третьего дня.

Он ничего не сказал о вызове, который бросил ему Марк.

— Для чего же мне нужно встречаться с вами в Сердце, великий король? — поинтересовался Владыка. Его придворные столпились вокруг — хрупкие тени в тумане раннего восхода. Их глаза сияли в чаще леса.

— Я снова попрошу вас принести присягу заземельскому престолу, — ответил Бен. — Мне кажется, что на сей раз вам захочется сделать это.

Недоверие и легкая тревога исказили резкие черты речного духа, и жабры на его шее на мгновение перестали трепетать.

— Я ведь поставил вам условие, которое вы должны сперва выполнить, — мягко сказал Владыка. В его голосе слышалось предостережение.

Бен уверенно выдержал его взгляд:

— Я знаю.

Владыка кивнул:

— Очень хорошо. Я приду.

Он нежно обнял Ивицу, разрешил ей оставаться с Беном и удалился. Его люди ушли вслед за ним, растворившись в лесном сумраке. Бен и его спутники остались одни.

Ивица приблизилась к Бену и взяла его за руку.

— Он не собирается давать тебе клятву, — прошептала она так тихо, чтобы никто, кроме Бена, не услышал.

Бен печально улыбнулся:

— Знаю. Но я надеюсь, что другого выбора у него не будет.

Настала пора уходить. Бен отправил Сапожка в замок Риндвейр с посланием для Каллендбора и других лордов Зеленого Дола. Он выполнил то, что они просили, — избавил их от Страбона. Теперь был их черед исполнять клятву. Они должны были встретиться с ним в Сердце на рассвете третьего дня и принести присягу.

Сапожок молча повернулся и исчез в зарослях, а Бен и все остальные направились домой, в замок Чистейшего Серебра.

На сей раз путешествие из Вечной Зелени заняло больше времени, потому что они шли пешком. Бену было все равно. У него есть время, чтобы все обдумать, а тем для размышления было множество. Ивица шла с ним рука об руку и почти все время молчала. Советник и Абернети беспрестанно расспрашивали Бена о его планах — как он собирается справиться с Марком, но он только отмахивался. Все дело в том, что никаких планов у него пока не было, но ему не хотелось, чтобы они об этом знали. Пусть лучше думают, что он предпочитает хранить молчание.

Во время этого путешествия он долго и внимательно разглядывал долину, представляя, какой она была прежде, до исчезновения магии. Воспоминания о видениях, показанных

феями, не оставляли его — сияющие, восхитительные картины, где не было тьмы, тумана и увядания. Давно ли эта долина была такой? — спрашивал он себя. Сколько времени понадобится, чтобы сделать ее прежней? Видение фей было не просто воспоминанием, оно было обещанием. Он разглядывал вяло шевелившиеся клубы тумана, заслонявшие солнце и горы, поредевшие кущи Лазурных Друзей с больными, скрученными листьями, мутные, обмелевшие реки и озера, поля и луга с выцветшей травой. Он думал о людях долины и о том, как им живется в мире, который вдруг стал серым и бесплодным. Он снова вспомнил лица тех немногих, кто явился на коронацию и кто выстроился вдоль дороги, ведущей в Риндвейр. Все может измениться, если остановить распад магии.

Советник Тьюс верил, что король, способный служить своему народу и повести за собой людей, может добиться многого. Что именно двадцатилетнее отсутствие короля послужило причиной всех бед.

Но Бен никак не мог понять подобных измышлений. Почему такая мелочь, как отсутствие или наличие короля, оказывает такое сильное воздействие на жизнь в долине? Ведь король — просто человек. Это просто титул. Как может все рухнуть из-за одного-единственного человека?

Может, наконец решил он, ведь земля черпает жизнь в сотворившей ее магии, а магия поддерживается правлением короля. Это может быть невозможным в мире, живущем лишь по естественным законам, но здесь это вполне возможно. Земля берет начало у магии. Так говорил ему советник. Возможно, земля черпает жизнь и от своего короля.

Это предположение было довольно шатким, и Бен не мог постичь всех сложностей здешнего жизнеустройства. Вместо этого он сузил их круг до одной-единственной и самой неотложной проблемы — как остаться в живых. Магия пропадала без него; земля пропадала без магии. Между двумя этими понятиями была какая-то связь. Если бы он мог разгадать ее, то спас бы себя. Он чувствовал это нутром. Феи не для того создали Заземелье, чтобы сидеть сложа руки и смотреть, как оно погибает из-за отсутствия какого-то короля. Они должны были предвидеть это и найти способ вновь обрести этого коро-

ля — другого, своего короля, способного править и сделать магию сильной.

Но что они предвидели?

Первый день пути казался бесконечным. Когда ночь наконец вступила в свои права и все спутники Бена погрузились в сон, он не смыкал глаз, продолжая рассуждать. Он долго не мог заснуть.

Второй день прошел быстрее, и к полудню они достигли замка на острове. Сапожок поджидал их в воротах — он успел вернуться из Зеленого Дола. Он быстро залопотал, сопровождая речь резкими телодвижениями. Бен не смог уловить смысл сказанного.

Советник перебил кобольда:

— Послание доставлено, Ваше Величество. — В его голосе звучали горькие нотки. — Лорды Зеленого Дола ответили, что явятся в Сердце, как было приказано, но пока решение не принято — стоит приносить присягу или нет.

Бен хмыкнул:

— Ничего удивительного. — Он не обратил внимания на взгляды, которыми обменялись колдун и Абернети, и двинулся к входу. — Спасибо за участие, Сапожок.

Он быстро зашагал к внутреннему дворику, а следом за ним шли все остальные. Стоило ему ступить на порог, как откуда-то выскочили две оборванные тени и, словно безумные, припали к ногам Бена.

— О могущественный великий король!

— Величайший великий правитель!

Бен застонал, узнав эту парочку. Кыш-гномы Щелчок и Пьянчужка упали на колени перед ним, скуля и стеная так жалостно, что Бен смутился. Их шерсть была свалявшейся и покрытой колючками, лапы все в грязи, и вид у них был такой, будто их откопали на помойке.

— О великий король, мы думали, что дракон сожрал вас! — заскулил Щелчок.

— Мы боялись, что вы сгинули в недрах подземного мира! — заплакал Пьянчужка.

— Ах, у вас такая сильная магия, Ваше Величество! — превозносил его Щелчок.

— Вы воскресли из мертвых! — заявил Пьянчужка, утирая слезы.

Бену захотелось отвесить им по пинку.

— Соблаговолите отцепиться от меня! — приказал он. Гномы ухватились за его штаны и принялись лобызать сапоги. Он попытался стряхнуть их, но они только крепче вцепились. — Довольно же, дайте пройти! — рявкнул он.

Гномы отвалились и, прижавшись к полу, подобострастно следили за ним своими подслеповатыми глазками.

— Могучий великий правитель... — прошептал Щелчок.

— Величайший... — начал было Пьянчужка.

Бен оборвал их излияния:

— Сапожок, Сельдерей, оттащите этих двух грязнуль в ванную и не выпускайте до тех пор, пока не сможете отличить одного от другого.

Кобольды поволокли гномов, которые продолжали свои излияния. Бен вздохнул — он вдруг почувствовал, что страшно устал.

— Советник, я хочу, чтобы вы с Абернети просмотрели все летописи, которые есть в замке. Посмотрите, есть ли где-нибудь хоть какое-то упоминание о том, как связаны Заземелье, его короли и магия. — А дальше грустно заметил: —Знаю, что мы уже пытались однажды сделать это, знаю, что ничего не вышло, но... но, может быть, мы что-то упустили... — И он замялся.

Советник храбро кивнул:

— Да, Ваше Величество, возможно, мы и впрямь что-то пропустили. Проверить не повредит.

Он исчез в коридоре вместе с Абернети. На морде писца было написано сомнение.

После того как все разошлись, Бен еще некоторое время стоял у входа вместе с Ивицей, потом взял сильфиду за руку и повел ее вверх по лестницам к Землевидению. Он чувствовал потребность в последний раз (тут он мысленно прикусил язык) изучить долину, и ему хотелось, чтобы девушка была рядом. Они мало разговаривали с тех пор, как она оправилась от своего перевоплощения, но они все время были вместе. Его очень поддерживало ее присутствие. Он и сам не знал почему, но это придавало ему уверенности. Так он становился намного сильнее.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Ивица, — произнес он, когда они поднялись в башню Землевидения. — Не ведаю, как все обернется, но уверен в том, что мы всегда будем друзьями.

Сильфида не ответила. Она лишь крепко пожала руку Бену. Они вместе схватились за перила, и замок затерялся в серых облаках.

Они странствовали весь день.

Бен крепко спал в эту ночь и долго не просыпался. Советник столкнулся с ним на лестнице в полдень. У колдуна был измученный вид.

Бен сочувственно улыбнулся:

— Ничего не говорите. Попробую сам догадаться.

— Гадать не стоит, Ваше Величество, — ответил советник. — Мы с Абернети работали всю ночь, но ничего не нашли. Мне очень жаль.

Бен положил руку на тощее плечо колдуна:

— Не надо ни о чем жалеть. Вы устали. Идите-ка поспите. Встретимся за ужином.

Он съел немного сыра и фруктов и глотнул вина в кухне под безмолвным наблюдением Сельдерея, потом отправился один в часовню Паладина. Там он провел какое-то время, в полумраке преклонив колени. Он размышлял: что же стало с королевским защитником и почему он не возвращается? Пытался проникнуться хоть малой толикой понимания и силы, глядя на пустые доспехи, стоявшие на возвышении. Перед его глазами сменялись видения и мечты, смутные мимолетные образы, и он позволил себе почувствовать сладость жизни. Он вспоминал все хорошее, случившееся с ним в старом и новом мирах, и в душу его снизошел мир.

Ближе к вечеру Бен снова прошел через весь замок. Он не торопясь шествовал по залам и коридорам, проводя рукой по камню, ощущая тепло замка. Магия, которая дала ему жизнь, все еще пульсировала где-то внутри, но была совсем слабой. Тлен становился все сильнее, он все глубже въедался в стены, обесцвечивая их. Замок быстро разрушался. Бен вспомнил обещание, данное самому себе: однажды он найдет способ

помочь замку. Теперь же не был уверен в том, что это когда-нибудь случится.

Вечером за ужином он встретился со своими друзьями — Ивицей, советником, Абернети, Сапожком, Сельдереем и кыш-гномами. Есть было почти нечего. Дворцовые кладовые были полупусты, и магия больше не могла производить необходимое количество снеди. Все делали вид, что еда просто великолепна. Разговор шел вяло. Никто не жаловался, никто не спорил. Каждый старался изо всех сил сдерживать себя, чтобы не заговорить о том, что предстояло Бену.

Когда ужин подошел к концу, Бен поднялся.

— Надеюсь, вы простите меня, но я должен соснуть хоть несколько часов перед тем, как... кхм... — Ему трудно было говорить. — Думаю, что отправлюсь в путь после полуночи. Я никого не прошу идти со мной. Может быть, вам лучше остаться. Я ценю то, что вы до сих пор сопровождали меня повсюду. Лучших друзей я бы и не желал. Я хотел бы сделать хоть что-нибудь...

— Ваше Величество, — мягко прервал его советник. Он поднялся из-за стола и спрятал руки под серыми одеждами. — Пожалуйста, не говорите ничего больше. Мы уже решили, что идем с вами. Что еще могут сделать надежные друзья? А вы идите-ка спать.

Все молча уставились на Бена — колдун, писец, сильфида, кобольды и гномы. Он склонил голову в знак благодарности и улыбнулся:

— Спасибо. Еще раз спасибо, друзья.

Он вышел, с минуту постоял один в коридоре и, терзаемый сомнениями, поднялся в спальню.

Ивица пришла будить его в полночь.

Бен проснулся от того, что почувствовал чьи-то объятия. Он открыл глаза и увидел волосы Ивицы, ниспадающие на его грудь. Бен устало опустил веки, наслаждаясь теплом тела девушки.

— Я боюсь того, что может случиться, Ивица, — прошептал он. — Не того, что может случиться со мной... — Он осекся. — Лукавлю, я жутко боюсь смерти. Но я боюсь еще больше, что может случиться с Заземельем, если Марк убьет меня.

Заземелье просто погибнет, канет в Лету. Ума не приложу, что делать. Боюсь, что он победит меня.

Девушка крепко обняла его и заговорила уверенно:

— Бен! Ты должен верить в себя! Ты и так добился куда большего, чем от тебя ждали. Все ответы, которые ты ищешь, — здесь. Ты должен найти их до того, как они понадобятся; мне кажется, у тебя обязательно получится.

— Чтобы найти их, Ивица, Марк не оставил мне времени. У меня его нет.

— Ты найдешь ответы за то время, что тебе отпущено.

— Ивица, послушай. — Бен нежно отстранил девушку и поднялся с кровати. — Только одно может защитить меня от Марка, только одно — Паладин. Если он появится, чтобы спасти меня, тогда есть шанс. Вполне возможно, что он придет. Кажется, он уже выручал меня несколько раз, с тех пор как я пришел в Заземелье. — Он взял руку девушки и прижал к своей груди. — Но, Ивица, он же призрак! Он не материален, у него нет силы! Он просто тень, а тень не может никого испугать. Мне не нужен призрак, мне нужен настоящий воин! И, черт побери, я не знаю, существует ли он на самом деле!

Чтобы скрыть отчаяние, Бен подошел к зеркалу и стал приводить себя в порядок.

Зеленые глаза Ивицы были спокойными в противоположность ярости Бена.

— Если он приходил к тебе раньше, Бен, то придет снова. — Она помедлила. — Помнишь, я говорила тебе, что ты — мой единственный суженый, обещанный мне судьбой, вытканной на брачном ложе моих родителей? Ты не верил мне, но в конце концов так и вышло. Скажу тебе больше, Бен. Я уже говорила, что сразу почувствовала, что ты особенный; ты предназначен для того, чтобы быть королем Заземелья. Я твердо верю в это. И я знаю, что Паладин снова придет к тебе. Не сомневайся, он защитит тебя.

Бен долго смотрел на нее молча. Потом легонько поцеловал в губы:

— Думаю, что есть лишь один способ проверить это. — Он заулыбался, взял ее за плечи, и они вместе направились к выходу.

* * *

Рассвет подбирался к Сердцу на мягких кошачьих лапках. Первые серебряные блики начали проглядывать на востоке над кронами деревьев. Бен и все его спутники пришли туда несколькими часами ранее и теперь ждали, сидя на помосте. Всю ночь прибывали другие гости. Тут был Владыка Озерного края, он расположился поближе к лесу, окруженный многочисленной свитой — бледными тенями, терявшимися в тумане. Прибыли и лорды Зеленого Дола, облаченные в боевые доспехи, бряцавшие оружием. Гулко топали боевые кони, а рыцари застыли словно железные изваяния. Сказочные существа и люди внимательно разглядывали друг друга через поляну.

Бен спокойно восседал на троне на помосте. Ивица стояла по одну руку от него, советник и Абернети — по другую. Кыш-гномов нигде не было видно. Гномы опять куда-то исчезли.

«Закопались небось на все двадцать футов», — с легкой завистью подумал Бен.

— Абернети! — Бен вдруг повернулся к писцу.

Пес подпрыгнул от звука его голоса, потом овладел собой и неловко поклонился:

— Да, Ваше Величество?

— Отправляйся к Каллендбору, потом к Владыке Озерного края. Попроси, чтобы они приблизились к помосту.

— Хорошо, великий король.

Писец тут же убежал. Абернети ни разу не поцапался с советником с тех пор, как они вышли из замка. Оба вели себя безупречно, словно ходили по корзине с яйцами. От этого Бен нервничал еще сильнее, чем если бы они препирались, как обычно.

— Ваше Величество! — прошептал советник, пригнувшись к его уху. — Рассвет близко. Вы не надели лат и не взяли оружия. Может быть, сейчас вы позволите мне снабдить вас всем необходимым?

Бен взглянул на ссутуленную фигуру старца в серых одеждах с веселыми ленточками, на его клочковатые космы и морщинистое озабоченное лицо и мягко улыбнулся:

— Нет, советник. Не нужно ни лат, ни оружия. Они не помогут мне победить такую тварь, как Марк. Так я не смогу его одолеть. Нужно найти другой способ.

Советник Тьюс прокашлялся.

— Разве вы еще не придумали этот способ, Ваше Величество?

Бен почувствовал, что внутри у него сразу все оледенело.

— Возможно, — солгал он.

Советник мило улыбнулся.

Тени, скрывавшие поляну, стали отступать с приходом рассвета. С двух сторон помоста начали подходить люди — лорды Зеленого Дола — и народец Озерного края. Бен поднялся и подошел к кромке возвышения, миновав бдительных кобольдов. Закованные в железо лорды и почти призрачные фигурки сказочного народца рябили у него в глазах.

Бен глубоко вздохнул. Нужно было говорить без обиняков.

— На рассвете Марк вызовет меня на бой, — спокойно сказал он собравшимся. — Будете ли вы противостоять ему вместе со мной? — Повисла гнетущая тишина. Бен долго переводил взгляд с одного лица на другое, затем продолжил: — Ладно. Давайте подойдем к этому иначе. Каллендбор, лорды Зеленого Дола дали слово, что присягнут мне на верность, как только я избавлю их от дракона. Я сделал это. Он больше не появится в Зеленом Доле и в любой другой населенной части Заземелья. Теперь я прошу вас выполнить свое обещание. Если ваше слово хоть что-нибудь значит, вы принесете мне клятву.

Каллендбор колебался. Бен ждал.

— А как вы можете доказать, что навсегда прогнали Страбона? — недоверчиво крикнул Стрехан.

Бен испытывал искушение брякнуть, что дракон убрался вовсе не навсегда. Он не появится, пока Бен будет королем, но дракон вернется тотчас же после его смерти, так что все должны серьезно подумать, как помочь Бену остаться в живых!

Однако Бен не высказал этого. Он не обратил внимания на Стрехана и заговорил, не сводя глаз с Каллендбора:

— Когда клятва будет дана, я прикажу, чтобы народ Зеленого Дола перестал загрязнять реки, текущие в Озерный край и питающие его. Вы будете трудиться сообща с народом Озерного

края, чтобы очистить эти воды и сохранять их такими. — Он повернулся. — Тогда вы, Владыка, исполните свое обещание и принесете мне свою клятву. И вы снова начнете учить зеленодольцев секретам своей целительной магии. Вы поможете им понять ее.

Бен снова помолчал, сверля взглядом грубое лицо духа. На нем тоже отражалась неуверенность. Никто не сказал ни словечка.

Бена вдруг обдал резкий порыв ветра. Издалека донеслись гулкие раскаты грома. Тучи медленно наползали из-за горизонта. Бен оставался внешне спокойным. Он властно молвил:

— Я не буду принуждать никого из вас помогать мне в сражении с Марком.

И почувствовал, как советник дернул его за руку, но не обратил на это внимания. На поляне не слышно было голосов, только ветер свистел пуще прежнего и отдаленный гул становился все громче. Озерный народец укрылся в лесу; рыцари и их боевые кони забеспокоились.

— Ваше Величество, — язвительно начал Каллендбор и выступил вперед. Он сверлил Бена темными глазами. — Все наши уговоры теперь ничего не значат. Коли Марк вызвал вас на бой — вы мертвец. Вы станете им даже в том случае, если мы решим вступить в бой на вашей стороне. Никто из нас — ни лорды, ни феи — не может противостоять Марку. Только Паладин владеет такой магией, а Паладина здесь нет.

Владыка Озерного края тоже вышел вперед. Его подданные тревожно следили за ним. Ветер уже завывал вовсю, от грома задрожала земля под ногами. Поляна сзади двух вождей вдруг опустела, а ряды скамеек отчего-то стали напоминать кладбищенские могилы.

— Сотни лет назад магия фей могла изгонять духов, Ваше Величество. Она не пускала их сюда. И талисманом этого волшебства был Паладин. Никто из нас не может противостоять Железному Марку без Паладина. Мне очень жаль, Ваше Величество, но эта битва должна быть один на один.

Владыка Озерного края повернулся и пошел прочь от возвышения, а за ним поспешили его присные.

— Всего хорошего, шутейный королишко, — пробормотал Каллендбор и удалился.

За ним, лязгая оружием, потащились и его лорды.

Бен остался один у края помоста — он с минуту провожал их взглядом. Потом безнадежно махнул рукой. Он и не ожидал от них никакой помощи.

Гром потряс помост до самого основания, он словно катился под землей, как разгневанное чудовище. Серебристые лучи восходящего солнца вдруг заслонила черная тень. Ветер завыл как безумный.

— Ваше Величество, отойдите! — Рядом с ним оказался советник. Серые одежды колдуна свирепо трепал ветер. Ивица, Абернети и кобольды тоже приблизились к нему. Они окружили Бена кольцом, крепко держа друг друга за руки, пытаясь заслонить его. Сапожок и Сельдерей бешено шипели.

Темнота сгустилась.

— Отойдите вы все! — крикнул Бен. — Спускайтесь с помоста! Сейчас же!

— Нет, Ваше Величество! — прокричал советник и потряс головой. — Мы останемся с вами.

— Я сказал, убирайтесь отсюда, черт побери! Отстаньте от меня! — раздраженно рявкнул Бен.

Абернети отступил. Кобольды оскалились навстречу ветру и темноте, но все еще колебались. Бен схватил Ивицу и толкнул им в лапы, прогоняя прочь всех троих. Они уходили нехотя. Ивица не сводила с него безумного взгляда.

Советник Тьюс продолжал упираться:

— Я могу помочь вам, Ваше Величество! Теперь я овладел искусством магии и...

Бен схватил его за плечи и развернул, борясь с обжигающим ветром из подземного мира.

— Нет, советник! На сей раз со мной никто не останется! Убирайтесь-ка с помоста, да побыстрее!

Он отшвырнул колдуна на добрые шесть футов и махнул ему вслед, чтобы он не останавливался. Советник оглянулся было, но увидел решительность в глазах Бена и отступил.

Бен остался один. Лорды Зеленого Дола, их рыцари и Владыка Озерного края со своим народом укрылись от непогоды в лесу. Советник и все остальные спрятались за дальним краем помоста. Флаги хлопали на ветру, который старался сорвать их. Серебряные подсвечники дрожали и гнулись. Гром превратился в непрерывный пугающий гул.

Бен не суетился. Отличные спецэффекты — закралась ему в голову дурацкая мысль.

Туман и тени заклубились и сжались на другом краю поляны, разделив людей и духов, спрятавшихся в кустах. Гром превратился в настоящую канонаду.

И вот появились демоны — орда черных бесформенных фигур, появившихся из черноты. Змееподобные скакуны рычали и скребли землю, оружие и латы гремели и стучали, словно кости скелетов. Толпы демонов расползались, будто чернильное пятно, заслоняя робкий свет восходящего солнца, топтали поляну, скамьи и подушки.

Гром и ветер стихли, и внезапно наступившую тишину заполнили храп и сопение. Демоны заняли почти все Сердце. Бен Холидей и горстка его сподвижников казались островком в черном море.

Войско расступилось, и огромная черная крылатая тварь — наполовину змея, наполовину волк — выползла вперед, неся на спине закованный в броню кошмар. Бен глубоко вздохнул и решительно выпрямился.

Железный Марк явился по его душу.

ГЛАВА 22

МЕДАЛЬОН

Это был жуткий миг в жизни Бена Холидея.

Железный Марк двинул своего змееподобного волка сквозь ряды демонов, медленно покрывая разделявшее их расстояние. Черные латы были помяты и изрублены, но зловеще блестели в полумраке. В многочисленных ножнах и на перевязях раскачивалось оружие — мечи, боевые топоры, дротики и многое другое. Острые шипы торчали на латах Марка словно иглы дикобраза. Забрало у шлема с «головой смерти» было закрыто, но сквозь его железную решетку горели ярко-красные глаза.

Бен только сейчас заметил, как огромен главный демон. Марк был не меньше восьми футов ростом.

Полуволк-полузмей поднял свою щетинистую голову и оскалил огромные зубы. Он зашипел, словно пар под огромным давлением вырывался из котла, и высунул змеиный язык.

Демоны засопели громче.

Бен вдруг оцепенел. За свое краткое пребывание в Заземелье он много раз испытывал страх перед всевозможными опасностями, но такого ужаса он не чувствовал никогда. Он думал, что будет равным в этом единоборстве, но куда там. Марк собирался убить его, и он не знал, как избежать этого. Он был пленником своего ужаса, он застыл, как животное, загнанное в тупик своим злейшим врагом. Если б он мог, то удрал бы в это самое мгновение, но он был не в состоянии сдвинуться с места. Бен тупо следил за приближением демона и ждал неминуемой смерти.

Огромным усилием воли он засунул руку под рубаху и крепко сжал медальон.

Изображение замка на острове, всадника и восходящего солнца вдавилось в его ладонь. Медальон был его единственной надеждой, и он в отчаянии вцепился в него, как утопающий цепляется за соломинку.

«Помоги мне!» — взмолился Бен.

Демоны зашипели пронзительно и злобно. Марк остановил змееволка и уставился на Бена.

«Еще не поздно — я все еще могу сбежать! — мысленно кричал Бен. — Я все еще могу снять медальон и спастись!»

И тут что-то отозвалось в его памяти — что-то очень смутное. Феи предупреждали, что у страха много обличий. Только нужно уметь распознавать их. Пусть это были только слова, но даже их хватило, чтобы ослабить железную хватку страха и заставить Бена думать. Плотину вдруг прорвало. В голове Бена лихорадочно замелькали обрывки встреч и разговоров, касавшихся медальона. Они кружились, как сор в водовороте, и он инстинктивно хватался за них.

И вдруг он вспомнил слова Ивицы: «Ответы, которые тебе нужны, — здесь».

Но, проклятие, он не мог найти их!

Потом пальцы его памяти нащупали одно крошечное предупреждение, которое он едва не забыл в путанице прошедших дней, и вытащили его на свет. Этот намек дал ему не кто

иной, как Микс. Он содержался в письме, которое было приложено к медальону.

«Никто не может отнять у тебя медальон», — говорилось в этом письме.

Бен повторил эти слова, чувствуя, что в них скрывается нечто важное, но не мог понять, что именно. Медальон был ключом ко всему. Он всегда знал это. Над ним Бен поклялся служить Заземелью. Медальон был символом его власти. Все знали, что это королевский знак отличия. Он был ключом от ворот Заземелья. Он связывал королей Заземелья с Паладином.

Марк вонзил железные шпоры глубоко в бока своего змееволка, и тварь снова двинулась вперед, злобно шипя. Следом устремилось все войско.

«Он не сможет забрать у меня медальон, — вдруг решил Бен. — Марк должен завладеть медальоном, но не может отнять его у меня. Я уверен, что это так. Он ждет, что я сброшу его и навсегда исчезну из Заземелья. Вот на что он рассчитывает».

Микс тоже желал этого. Похоже, все враги Бена ждали одного и того же.

Этого достаточно, чтобы поступить иначе.

Бен вытащил медальон из-за пазухи и дал ему свободно упасть на грудь — туда, где все могли его видеть. Он не снимет медальона. Он не сбежит. Он потратил слишком много усилий, чтобы остаться. И он останется — живой или мертвый. Ибо этот мир стал его домом.

И его долг защитить свой дом.

Бен снова вспомнил о Паладине.

Железный Марк подошел вплотную, его зазубренное копье уперлось в грудь Бена. Бен ждал. Ему больше не было страшно. Он больше не чувствовал ничего, кроме упрямой решительности.

Бен вдруг почувствовал прилив сил.

На дальнем краю поляны вспыхнул свет — неожиданно яркий и белый в навалившейся мгле. Марк оглянулся, и по толпе демонов пронесся шепоток.

В сиянии возник Паладин.

По телу Бена пробежала дрожь. Что-то в его душе потянулось навстречу этому видению. Оно притягивало его подобно незримому магниту. Призрак как будто приближался.

Паладин подскакал к кромке леса и остановился. Свет за его спиной померк. Но Паладин не пропал вместе с ним, как прежде. Он остался.

Душа Бена корчилась, словно отрывалась от тела совершенно немыслимым образом. Ему хотелось кричать. Что происходит? Его мысли смешались. Демоны просто обезумели — они визжали и метались, словно перестали ориентироваться в пространстве. Марк поскакал в самую гущу своих подданных, топча их копытами скакуна, словно траву. Бен услышал крики советника и Ивицы и собственный голос, что-то кричавший в ответ.

Несмотря на путаницу в своих ощущениях, он понял, что произошло нечто великое и ужасное. Паладин больше не был призраком. Он ожил!

Бен чувствовал, как медальон жжет ему грудь, — он зажегся серебряным пламенем. Потом он обратился в лед, потом опять в пламя, а потом вообще неизвестно во что. А потом Бен увидел, как сияющий медальон летит через все Сердце к Паладину.

И несет туда самого Бена.

У него осталось ровно столько времени, чтобы сделать одно ошеломляющее открытие. Лишь один вопрос он так и не догадался задать — и никто из его друзей. Кто был этот Паладин?

Теперь он знал. Он сам был Паладином.

Все, что нужно было сделать, для того чтобы узнать такое, — отдать себя этой волшебной земле. Все, что нужно было, для того чтобы вернуть Паладина, — это оставить мысль о бегстве и принять окончательное и бесповоротное решение остаться.

Бен сидел верхом на скакуне Паладина. Он был охвачен стальной оболочкой, серебристыми доспехами. Все замки и пряжки были защелкнуты, болты затянуты, и на Бена нахлынул поток обрывочных воспоминаний. Эти воспоминания поглотили Бена, и он потерялся в них, словно пловец, попавший в стремнину. Он словно рожден был заново. Он изменился. Он был из тысяч других мест и времен, он прожил тысячи других жизней. Все эти воспоминания теперь принадлежали ему. Он стал воином, с чьим боевым искусством ник-

то не мог сравниться. Он стал непобедимым королевским защитником!

Бен Холидей прекратил свое существование. Бен Холидей стал Паладином.

Он бросил беспокойный взгляд на нынешнего короля Зазамелья, застывшего, как статуя, на возвышении посреди Сердца. Время как будто остановилось. Рыцарь пришпорил своего коня и позабыл обо всем, кроме черного чудовища, дерзнувшего бросить ему вызов.

Они схватились с пугающим лязгом лат и оружия. Утыканное шипами копье Марка и копье Паладина из белого дуба разлетелись в щепы. Животные под ними завизжали и зашатались от силы этого удара, потом разбежались в стороны и снова повернули навстречу друг другу. Руки в железных перчатках схватили боевые топоры и со свистом завертели их в воздухе.

Противники надвигались друг на друга. Марк был черным чудовищем, превосходившим размерами серебряного рыцаря. Они явно были в разных весовых категориях. Они бросились друг на друга и схватились с новой силой. Лезвия топоров вонзались глубоко в металл, застревая в сочленениях. Оба всадника потеряли равновесие и опасно накренились в седле. Они кружились и расходились, гремели топорами. Паладин получил чудовищный удар и слетел с лошади. Он упал, вцепившись в сбрую змееволка.

Казалось, что ему пришел конец. Змееволк изогнулся, стараясь схватить его острыми зубами. Он не достал совсем немного. Железный Марк обеими руками занес свою секиру. Топор опускался раз за разом, словно Марк решил раздробить шлем своего соперника.

Паладин висел на сбруе, уклоняясь от ужасных ударов. Он не мог ослабить свою хватку. Если он упадет, тяжесть лат не даст ему подняться и его затопчут насмерть. Он ощупью искал своего противника и наконец ухватился за перевязь для оружия на поясе демона.

Его пальцы сомкнулись на рукояти четырехгранного кинжала.

Он выхватил оружие и вонзил его в колено Марка, в зазор между латами. Марк содрогнулся, и топор выпал из его рук. Паладин сцепился с демоном, стараясь выбить его из седла и повалить наземь. Змееволк яростно кружился и шипел от не-

нависти, чувствуя, что его седок сползает вниз. Марк отчаянно цеплялся за ремни и поводья, пытаясь пнуть Паладина. Скамьи трещали, разлетаясь в щепки под копытами чудовищного скакуна, — противники сражались уже в самой середине Сердца. Выли затоптанные демоны.

Потом Паладин вдруг выдернул кинжал из колена Марка и вонзил его в чешуйчатое тело змееволка. Чудовище заревело и понеслось не разбирая дороги, сбросив рыцаря и демона в грохочущих доспехах.

Паладин приземлился на колени и руки, стараясь не завалиться набок. У него закружилась голова. Марк рухнул в десятке футов от него, но тут же вскочил, несмотря на огромный вес своей брони. Обеими руками демон вытащил широкий клинок, висевший в ножнах на поясе.

Паладин заставил себя встать и вытащил свой меч. Марк приблизился почти вплотную. Лезвия мечей гремели друг о друга, и только этот металлический звон был слышен окрест. Огромный Марк теснил Паладина. Они сходились снова и снова, не переставая лязгали мечи. Они поднимались и опускались, а противники кружили по всему Сердцу.

У Паладина вдруг возникло незнакомое чувство. Он проигрывал этот бой.

Марк сделал ложный выпад и взмахнул мечом, попав по ноге Паладина. Удар пришелся вскользь и лишь сорвал потемневшие от времени доспехи, но он все же застал рыцаря врасплох и отбросил его в сторону. Тот тяжело рухнул и выронил оружие. Марк уже навис над ним. Гигантский меч демона описал дугу и прошил доспехи Паладина, попав в плечевое сочленение. Если бы Марк сумел быстро освободить меч, Паладину был бы конец. Но демон никак не мог его вытащить — так плотно засел он. У Паладина остался последний шанс. Он отчаянно вскинулся вверх, к закованному в броню телу демона, и снова ухватился за перевязь.

Он сумел выхватить тяжелую железную булаву.

Паладин поднялся, цепляясь одной рукой за броню Марка, а другой занося булаву. Ее набалдашник с острыми зубьями опустился на шлем, изображавший «голову смерти», и демон содрогнулся. Паладин снова занес булаву и вложил все силы в новый удар. Забрало распахнулось, открыв изуродованное,

окровавленное лицо. Паладина окутало серебристое сияние. Булава поднялась и упала еще раз, и «голова смерти» исчезла.

Железный Марк рухнул на землю бесформенной грудой черного металла. Паладин медленно поднялся над ним и отошел.

В Сердце воцарилась тишина, такая напряженная, будто звенящая. Потом завыл ветер, гром потряс землю, туман стремительно заклубился, и перед демонами раскрылся вход в Абаддон. Визжа и воя, они устремились туда и вскоре исчезли все до единого.

Поляна снова опустела. Мрак и тени растворились. Свет нового дня упал на Паладина, садившегося на своего скакуна. Лучи играли на латах, которые больше не были ни разбитыми, ни потемневшими, но совершенно новыми. Яркий блик отразился от рыцаря и заиграл на мгновение в медальоне заземельского короля, одиноко стоявшего на возвышении.

Потом угас свет, и Паладин пропал.

Бен Холидей вдохнул утренний воздух и почувствовал тепло солнечных лучей. Он на миг показался себе невесомым в легких королевских одеждах, освобожденный от тяжелых лат Паладина. Время потекло быстрее, движения перестали быть замедленными.

Бен снова был самим собой. Сон ли, кошмар ли, который с ним приключился, кончился.

В лесу зашевелились тени и постепенно высыпали на поляну. Люди и духи, лорды и рыцари Зеленого Дола и Владыка Озерного края со своим народцем пробирались по разнесенному вдребезги Сердцу. Друзья Бена показались из своего убежища с ошеломленным видом. Ивица улыбалась.

— Ваше Величество... — растерянно выдавил советник и замолчал. Потом медленно преклонил колени у возвышения.

Ивица, Абернети и кобольды опустились на колени рядом со старцем. Откуда ни возьмись появились Щелчок и Пьянчужка и дружно бухнулись в ноги. По всей поляне падали на одно колено зеленодольцы и жители Озерного края — Владыка, Каллендбор, Стрехан, лорды, — словом, все, кто пришел.

— Великий король, — говорили они, признавая его своим повелителем.

— Великий король, — прошептал Бен.

ГЛАВА 23

КОРОЛЬ

Потом все было очень просто. Даже такой новоиспеченный монарх, как Бен, без труда понял, что нужно делать со всеми своими оцепеневшими подданными. Он попросил их подняться с колен и отправиться прямиком к Чистейшему Серебру, чтобы устроить пир по случаю победы. Утром пришлось нелегко, а завтра, быть может, будет еще труднее, но хотя бы остаток этого дня надо провести с легким сердцем.

Бен переправил через озеро в челноке-бегунке своих друзей, Владыку с ближайшими родственниками и лордов Зеленого Дола с приближенными, а солдаты и пришлый люд расположились лагерем на берегу. Понадобилась не одна поездка, чтобы перевезти всех приглашенных, и Бен решил, что перед следующей вечеринкой нужно выстроить мост.

— В старину тут был мост, Ваше Величество, — тихонько прошептал советник, словно прочитав его мысли. — Но, когда старый король умер, люди перестали приходить во дворец, армия разбежалась, и мост стал никому не нужен. Он пришел в ужасное состояние, доски сгнили, скрепы расшатались, гвозди проржавели, и мост превратился в руины, отражавшие жалкое состояние всего королевства. Я пытался починить его с помощью магии, но все вышло не совсем так, как я задумал... — Он перестал бормотать.

Бен поднял брови:

— Что же случилось?

Советник пригнулся к его уху. Они как раз были посреди озера, совершая последнюю ходку.

— Боюсь, я утопил мост, великий король.

Он отрешенно уставился на нос челнока. Бен отвел взгляд. Ему было трудно удержаться от улыбки, но он постарался.

Бен собрал своих гостей в огромном зале и усадил за сдвинутые в ряд столы. Он запоздало спохватился, справится ли Чистейшее Серебро с таким количеством едоков, но его страх оказался напрасным. Замок наполнял свои кладовые с вновь обретенной решительностью, словно тоже почувствовал победу. Еды и выпивки хватило всем гостям, а также тем, кто остался на берегу.

Это был замечательный пир, и каждый веселился от души. Перепито-переедено было немерено, то и дело произносились здравицы и вспоминались подвиги. Недоверие к чужаку перешло в горячую дружбу, все ощущали странное чувство обновления. Один за другим по знаку советника гости поднимались, подходили к Бену и клялись ему в верности, обещая без всяких условий служить новому королю Заземелья.

— Да здравствует великий король Бен Холидей, — провозгласил Владыка Озерного края. — Пусть ваш завтрашний день будет еще успешнее сегодняшнего.

— Храните как следует свою магию, применяйте ее как должно, — посоветовал Каллендбор, в его голосе явственно слышалось предостережение.

— Силы вам и справедливого суда, — пожелал Стрехан, чье чело было затуманено борьбой благоговения и недоверия.

— Могучий великий король! — вопил Щелчок.

— Величайший великий король наш! — не отставал от него Пьянчужка.

Ах, какой это был пир! Пусть все гости были слишком разными, но все они были желанными. Друг за другом они приносили свою присягу, поздравления и добрые пожелания, и Бен ласково отвечал каждому из них. Паладин вернулся — он пришел оттуда, где никто и не думал его искать, он освободился из темницы сердца Бена. Волшебство вернулось в долину, и Заземелье начнет снова превращаться в мирную страну, какой оно некогда было. Пусть это произойдет не сразу, но это случится. Туман и мгла развеются, и снова засияет солнце. Тлен пропадет, и Чистейшее Серебро больше не будет замком Дракулы. Зараза, пожиравшая кроны Лазурных Друзей, пропадет, излечатся леса, холмы и луга. Реки и озера станут чистыми. И в долине расплодится дикая живность. Все родится заново.

И однажды, в далеком будущем, может быть, даже после смерти Бена, воплотится то золотое видение, которое показали ему феи.

«Это обязательно случится, — твердо сказал себе Бен. — Нужно только верить. Нужно поступать правильно. Нужно продолжать работать».

Когда все речи закончились, Бен встал.

— Я прежде всего должен служить вам и этой земле, — тихо произнес он. Шум стих, и все повернулись к нему. — Я буду для

вас тем, чем вы должны быть друг для друга. Мы вместе должны добиться многого. И вот что мы обязаны сделать немедленно. Мы остановим загрязнение вод и перестанем разорять угодья наших соседей. Будем трудиться сообща и учить друг друга тому, как спасти нашу землю. Заключим союзы для свободной торговли между всеми народами. Мы приведем в порядок наши дороги. Пересмотрим законы и устроим суды, которые будут следить за их исполнением. Обменяемся послами со всеми народами долины и будем время от времени встречаться в Чистейшем Серебре и разрешать все свои обиды и споры самым справедливым и достойным образом. — Он сделал паузу. — Мы должны найти способ стать друзьями.

Гости приветственно зашумели. Бен знал, что они пока не верят, что все это возможно, но это было только начало. У него есть и другие задумки: хорошая система налогообложения, единая денежная система, перепись населения, различные проекты по улучшению жизни. У него есть идеи, которые он еще не успел достаточно хорошо обдумать, чтобы начать воплощать их. Но время для них тоже придет. Он найдет способ, как сделать их жизнеспособными.

Бен прошелся вдоль столов и остановился возле Владыки Озерного края и Каллендбора. Он склонился над ними:

— Полагаю, что вы скорее, чем кто-либо другой, выполните свои обещания. Каждый должен помогать другому, как поклялся. Отныне все мы союзники.

Они честно кивали и бормотали заверения, но в их глазах оставался легкий налет сомнения. Никто не был уверен в том, что Бен Холидей сможет помешать их врагам. Никто не был уверен, что он именно тот король, которого они ждали. Его победа над Марком была впечатляющей, но это была только одна победа. Они еще подождут и посмотрят.

Бен не возражал. По крайней мере они принесли ему присягу. Он найдет способ завоевать их доверие.

Бен вдруг вспомнил о битве между Паладином и Марком. Он никому не сказал о том, что нашел связь между собой и странствующим рыцарем, — не был уверен в том, что это получится в будущем. Подумал, сможет ли еще раз вызвать рыцаря, если будет такая необходимость. Решил, что сможет. Но у него мороз пробегал по коже, когда он вспоминал о превращении, которое претерпел под железной скорлупой, о

чувствах и эмоциях своего рыцаря, захлестнувших его, воспоминаниях о битвах и смертях, накопленных за сотни лет. Бен покачал головой. Ему понадобится очень веская причина для того, чтобы вызвать Паладина снова...

Один из лордов произнес очередной тост — за доброе здравие короля. Бен пригубил бокал. «Об этом можешь не волноваться», — мысленно ответил он своему вассалу.

Бен переменил тему. Он должен немедленно начать восстанавливать Сердце. Во время схватки с Марком там все было разгромлено, земля вывороченa, скамьи переломаны, белые бархатные подушки разодраны, расщеплены древки флагов и изуродованы высокие подсвечники. Сердце должно снова предстать во всей красе. Оно было особенным местом для всех, но для Бена — больше всего.

— Бен! — Ивица встала со своего места и подошла к нему. Она подняла свой бокал. — Счастья тебе, король Заземелья, — пожелала она.

Ее голос был еле слышен в шуме застолья.

Он улыбнулся:

— Кажется, я нашел это счастье, Ивица. Ты и все остальные помогли мне обрести его.

— Правда? — Она заботливо посмотрела на него. — А болезненные воспоминания о том, что ты потерял в прошлой жизни, больше не мучат тебя?

Она имела в виду Энни. Мимолетный образ покойной жены предстал перед глазами Бена и пропал. Его прежняя жизнь закончилась, он никогда не вернется к ней. Он никогда не забудет Энни, но не станет больше держаться за нее.

— Нет, они больше не мучат меня, — ответил Бен.

Он утонул в омуте ее зеленых глаз.

— Может быть, ты позволишь мне остаться и убедиться в этом, мой великий король?

Он медленно кивнул:

— Другого я и не желаю.

Она склонилась к нему и поцеловала в лоб, в щеки и в губы. Вокруг шумели люди, не обращая на них внимания.

Было уже за полночь, когда пир подошел к концу и гости стали разбредаться по приготовленным для них комнатам. Бен попрощался с оставшимися и подумывал уже о том, чтобы насладиться собственной постелью, когда приблизился несколько смущенный советник.

— Великий король... — начал он и запнулся. — Ваше Величество, мне жаль отвлекать вас в такой час по такому пустяковому поводу, но никто не сможет справиться с этим затруднением лучше вас. — Он прокашлялся. — Похоже, что один из лордов привез в замок ручную зверюшку, вроде бы собачонку, которая, как мне дали понять, является почти что членом семьи. А теперь она исчезла.

Бен поднял брови:

— Собачонка?

Советник кивнул:

— Я пока ничего не сказал Абернети...

— Ясно. — Бен огляделся. Кыш-гномов нигде не было видно. — И вы считаете...

— Это только предположение, Ваше Величество.

Бен вздохнул. Завтрашние проблемы уже начали валиться на его голову. Но ведь завтра уже наступило. Несмотря на нелегкие мысли, Бен улыбнулся:

— Что вы скажете, советник, если мы пойдем и посмотрим, не собираются ли гномы устроить себе поздний ужин?

И великий король Бен Холидей, король Заземелья, начал свой новый день правления немного раньше, чем рассчитывал.

Черный единорог

Аманде
Она видит единорогов, которые прячутся от меня...

— Откуда ты знаешь, что она единорог? — спросила Молли. — И почему ты боялся, что она до тебя дотронется? Я видела. Ты боялся ее.

— Это долгий разговор, а мне он не по нутру, — без всякой злобы ответил кот. — И на твоем месте я бы не стал терять время на разные глупости. Что касается первого вопроса, то каждый кот, вышедший из младенческого возраста, знает, как обманчива внешность. Это вам, людям, внешность ласкает глаз. Что касается второго вопроса, то... — Тут он запнулся и вдруг стал тщательно умываться; не сказал ни слова, пока старательно не вылизал всего себя. Но и тогда он не взглянул на Молли, а начал рассматривать свои когти. — Если бы она прикоснулась ко мне, — совсем тихо произнес кот, — я бы оказался в ее власти и уже никогда не был бы самим собою.

Питер С. Бигл
«Последний единорог»

ПРОЛОГ

Черный единорог выступил из утреннего тумана, словно родился из него, и воззрился на королевство Заземелье.

Рассвет замешкался на востоке в верхней точке горизонта, солнце, как незваный гость, выглянуло из своего укрытия, чтобы увидеть поспешный уход ночи. С появлением единорога тишина будто стала еще напряженнее, точно таинственное событие, происшедшее в маленьком уголке, разнеслось по всей долине. Повсюду сон уступал место бодрствованию, грезы — реальности, и это мгновение перехода, казалось, будет длиться вечность.

Единорог стоял на северной оконечности долины, высоко-высоко в Мельхорских горах, рядом с границей царства фей. Перед единорогом простиралось Заземелье: лесистые склоны и голые скалы убегали вниз навстречу холмам, рекам и озерам, рощам и кустарникам. Сквозь исчезающую тень, там, где на каплях утренней росы плясал солнечный лучик, заскользили неясные пятнышки. Замки, города и домики вырисовывались смутно, это были искаженные очертания на фоне симметрии, присевшие отдохнуть существа, которые словно выдыхали дым, идущий от тлеющих угольков.

В горящих зеленым огнем глазах единорога стояли слезы, огонь этих глаз охватил всю долину от края до края, и они засветились новой жизнью. Как долго пришлось ждать!

Узкий ручеек стекал вниз, заполняя углубление между скалами, находящееся в нескольких метрах от того места, где стоял единорог. Лесные зверюшки, собравшиеся на берегу

этого водоема: кролик, барсук, несколько белок и мышей-полевок, опоссум с детенышем и одинокая жаба — припали к земле и с благоговейным страхом уставились на представшее пред ними чудо. Пещерные существа снова уползли в тень. Болотные твари уныло вернулись в нору. Птицы неподвижно застыли на ветках деревьев. Все звуки умолкли. Слышалось только журчание бегущего с гор ручья.

Черный единорог кивнул в знак признательности за выказанное ему почтение. Тело цвета черного дерева светилось в полутьме, грива и волосы над копытами развевались на ветру и поблескивали, как шелковые нити. Козлиные ноги били копытами, львиный хвост со свистом рассекал воздух; это было неугомонное движение на фоне застывшего мира. Острый рог, мерцая волшебным светом, пронзил мрак. Множество существ создала природа, но не было среди них более красивого и грациозного создания, чем единорог, и никогда не будет.

Над долиной королевства Заземелье вдруг взошло солнце, и новый день пришел на смену ночи. Черный единорог почувствовал, как греет небесное светило, и поднял голову, чтобы приветствовать его. Но невидимые путы по-прежнему сковывали единорога, и постоянно идущий от них холод почти сразу же прогнал случайное тепло.

Единорог вздрогнул. Он был бессмертный — его нельзя было убить. Но его жизнь можно было украсть. Время работало на врага, который держал единорога в плену. И время снова пошло вперед.

Черный единорог молнией помчался сквозь свет и тьму в поисках свободы.

ГЛАВА 1

СНЫ...

— Ночью я видел сон, — утром, во время завтрака, объявил Бен Холидей.

С таким же успехом он мог бы сообщить сводку погоды. Советник Тьюс, казалось, не слышал; он так глубоко заду-

мался, что на худом совином лице залегли морщины, взгляд застыл метрах в шести над столом в невидимой точке пространства. Кобольды Сапожок и Сельдерей едва подняли глаза от тарелок с едой. Писцу Абернети удалось изобразить вежливое любопытство, но для лохматого пса, чья морда обычно и так выражала вежливое любопытство, это было не очень трудно.

Лишь Ивица, которая только что вошла в столовый чертог замка Чистейшего Серебра и села рядом с Беном, выказала неподдельный интерес: выражение лица у нее внезапно изменилось, и это был тревожный знак.

— Мне снился дом, — решительно продолжал Бен. — Мне снился старый мир.

— Простите? — Теперь советник, очевидно, вернулся с той далекой планеты, где он только что побывал, и смотрел на Бена. — Простите, мне послышалось, что вы говорили о том...

— Что именно вам снилось, Ваше Величество? — нетерпеливо перебил советника Абернети. Вежливое любопытство сменилось легким неодобрением.

Абернети многозначительно глядел на Бена поверх очков. Пес всегда смотрел так на короля, когда Бен упоминал старый мир.

Бен рванулся вперед:

— Мне снился Майлз Беннетт. Помните, я рассказывал о Майлзе, адвокате, моем давнем партнере? Ну вот, он мне и приснился. Будто он попал в беду. Сон был обрывочный, без начала и конца. Словно я включил кино с середины. Майлз сидел у себя в конторе и работал — разбирал бумаги. Раздавались телефонные звонки, в тени ходили какие-то люди, я не мог их рассмотреть. Но я видел, что Майлз совершенно не в себе. Вид у него был ужасный. Он все время спрашивал про меня. Он интересовался, где я, почему не пришел. Я стал кричать ему, но он не слышал. Затем все как-то исказилось, картинка потускнела, наступила тьма. Майлз продолжал звать и спрашивать, где я. Потом что-то встало между нами, и я проснулся. — Бен бегло оглядел лица сидящих за столом. Теперь все слушали. — Но это еще не все, — быстро добавил он. — У меня такое чувство, точно все эти образы предвещают какое-

то несчастье. Меня испугала их выразительность. Они были такие... настоящие.

— Ваше Величество, такие сны не редкость, — пожав плечами, заметил Абернети. Он крепче приладил очки к носу и с чопорным видом, облаченный в жилет, сложил холеные руки на груди. Это был утонченный пес. — Я читал, что сны часто являются проявлением наших подсознательных страхов.

— Но не этот сон, — настаивал Бен. — Это был не обыкновенный, заурядный сон. Это было что-то вроде предостережения.

Абернети фыркнул:

— И надо полагать, сейчас вы скажете, что этот угнетающе повлиявший на ваши чувства сон понуждает вас вернуться в старый мир.

Теперь, когда его худшие опасения почти подтвердились, писец даже не пытался скрыть огорчения.

Бен колебался. Прошло больше года с тех пор, как из чащи леса, расположенного на Голубом хребте, в тридцати километрах к юго-западу от Вэйнсборо, штат Виргиния, он проник за туманы царства фей и вступил в королевство Заземелье. За эту честь он заплатил миллион долларов, когда, движимый скорее отчаянием, чем здравым смыслом, ухватился за объявление в каталоге универсального магазина. В Заземелье Бен прибыл в качестве короля, но население страны не сразу признало его. Его права на трон оспаривали со всех сторон. Чудища, в существование которых он раньше даже не верил, едва не погубили его. В этом странно притягательном мире правило всем волшебство, и Бен был вынужден овладеть этим обоюдоострым мечом, чтобы выжить. С тех пор как он решил проникнуть за туманы, действительность для него стала иной, и привычная жизнь адвоката из Чикаго, штат Иллинойс, казалось, начала забываться под воздействием свежих впечатлений. Однако прежняя жизнь червоточиной сверлила его память, и время от времени Бен подумывал о возвращении домой.

Его глаза встретились с глазами писца.

— Признаться, я тревожусь за Майлза, — наконец произнес он.

В столовом чертоге стояла тишина. Кобольды перестали есть, на их обезьяньих мордочках застыли, обнаружив целую

уйму зубов, пугающие полуулыбки. Абернети неподвижно сидел на стуле. Ивица побледнела и как будто хотела что-то сказать. Но первым заговорил советник Тьюс.

— Одну минуту, Ваше Величество, — приложив к губам костлявый палец, задумчиво произнес он.

Советник встал, отпустил мальчиков-слуг, которые скромненько стояли по обе стороны стола, и плотно прикрыл за ними двери. Шестеро друзей остались одни в похожем на пещеру столовом чертоге. Но, очевидно, советнику и этого было мало. В дальнем конце зала была огромная арка, за которой находился коридор, ведущий в другие помещения замка. Тьюс бесшумно подошел к ней и заглянул в коридор.

Бен с любопытством наблюдал за советником, удивляясь, почему он так осторожен. Конечно, сейчас не прежние времена, когда они жили в замке Чистейшего Серебра вшестером. Теперь здесь тьма придворных всех возрастов и званий: солдаты и часовые, посланцы и гонцы и всякие шпионы — все натыкаются друг на друга и лезут в личную жизнь Бена в самую неподходящую минуту. Но вопрос о его возвращении в старый мир открыто обсуждался и раньше всеми без исключения. К этому времени народ Заземелья уже знал, что Бен нездешний.

Он грустно улыбнулся. Ничего, осторожность не повредит.

Бен потянулся и расслабился. У него была непримечательная наружность: рост средний, телосложение обычное, фигура пропорциональная. Движения быстрые и точные, в юности он был боксером и еще не утратил старых навыков. Лицо, загорелое от солнца и ветра, с выступающими скулами, высоким лбом и горбатым носом, волосы слегка поседели на висках. В уголках глаз показались морщинки, но сами глаза были ярко-синие и похожи на льдинки.

Бен поднял глаза к потолку. Свет утреннего солнца струился из высоких стеклянных окон и играл на гладком дереве и камне. Бена пронизывало тепло крепости, этого удивительного замка Чистейшего Серебра, и Холидей чувствовал, как крепость эта обеспокоена. Она слышала его рассказ о сне и выражала недовольство. Она словно мать, которая волнуется за дерзкое, безрассудное дитя. Мать, которая стремится все-

гда держать это дитя при себе. Всем стало не по себе, когда он заговорил об отъезде.

Бен украдкой взглянул на своих друзей: волшебник Тьюс, чья магия часто давала осечку, огородное пугало в лоскутной мантии и с преувеличенной жестикуляцией; придворный писец Абернети, которого советник неудачным заклинанием превратил в мягкошерстного терьера, а потом так и не смог расколдовать, и Абернети остался псом в одежде джентльмена; Ивица, прекрасная сильфида, полуженщина-полудерево, существо из царства фей, тоже владеющая чарами; Сапожок и Сельдерей, два кобольда, очень похожих на обезьян в бриджах, — скороход и повар. Поначалу все они казались Бену такими странными. Но год спустя ему было с ними спокойно и уютно, в их присутствии он чувствовал себя в безопасности.

Бен покачал головой. Он жил в мире драконов и ведьм, гномов, троллей и других необыкновенных созданий, настоящих крепостей и волшебства. Он жил в сказочном королевстве и был в нем королем. Он был тем, кем когда-то мечтал быть. Старый мир остался далеко позади, прежняя жизнь ушла в прошлое. Неудивительно, что Бен так часто думал о том мире и той жизни, о Майлзе и о Чикаго, об адвокатских делах и о разных обязательствах, которые Бен не успел выполнить. Нити из узора давешнего сна вплетались в его память и неумолимо затягивались. Оказалось, что не так легко забыть прошедшую часть жизни...

Советник Тьюс откашлялся.

— Ваше Величество, этой ночью я тоже видел сон, — объявил вернувшийся из разведки волшебник. Бен быстро поднял глаза. Высокая фигура в балахоне склонилась над спинкой кресла Бена, зеленые глаза смотрели ясно и холодно. Тощие пальцы правой руки потирали щетинистый подбородок, голос напоминал настороженное шипение. — Я видел пропавшие волшебные книги!

Теперь Бен понял осторожность советника. В королевстве Заземелье очень немногим было известно о волшебных книгах. Они принадлежали сводному брату Тьюса, прежнему придворному магу, человеку, которого Бен знал в старом мире под именем Микса. Этот Микс вместе с недовольным всем наследником престола продал Бену за миллион долларов ко-

ролевство Заземелье в полной уверенности, что Бен угодит в одну из расставленных для его погибели ловушек, и когда Миксу наконец удастся отправить Бена на тот свет, королевство снова можно будет выставить на продажу. Микс надеялся сделать Тьюса своим союзником, пообещав сообщить ему знания из спрятанных волшебных книг, — эта приманка должна была привлечь советника на сторону Микса. Но Тьюс вступил в союз с Беном, и они не попались ни в одну из ловушек Микса и навсегда изгнали старого колдуна из Заземелья.

Бен, полуобернувшись, посмотрел прямо в глаза советнику. Да, Микса нет, но волшебные книги все еще лежат зарытые где-то в долине...

— Ваше Величество, вы слышали, что я сказал? — Глаза советника сверкали от волнения. — В пропавших книгах собраны заклинания всех волшебников Заземелья с того времени, как возникла магия! Кажется, я знаю, где эти книги! Во сне я увидел, где они спрятаны! — В его глазах сверкали огоньки. Голос понизился до шепота. — Они лежат в подземелье разрушенной крепости Мирвук, стоящей высоко в Мельхорских горах! Во сне я шел за фонарем, который перемещался сам по себе, я следовал за ним сквозь тьму, проходил через тоннели, взбегал по лестницам, пока не достиг двери, помеченной старинными буквами и рунами. Дверь открылась, на одной из каменных плит пола был особый значок. Я коснулся этой плиты, она подалась, и под ней лежали книги! Я помню все, будто это происходило наяву!

Теперь настала очередь Бена выразить сомнение. Он что-то забормотал и осекся, не зная, что сказать. Почувствовал, как сидящая рядом Ивица беспокойно зашевелилась.

— Честно говоря, я не знал, рассказывать ли о своем сне, — признался волшебник, он торопился, слова так и сыпались. — Я думал, может, стоит подождать, пока выяснится, вещий это сон или обман, а потом уже говорить о нем. Но когда вы рассказали о своем сне, я... — Он замешкался. — Ваше Величество, мой сон вроде вашего. Это скорее не сон, а предостережение. Он был необыкновенно выразителен, притягивал своей яркостью. Он не пугал, как ваш, он... вызывал радость!

На Абернети это не произвело абсолютно никакого впечатления.

— Вероятно, накануне ты что-то съел, волшебник, — с недобрым видом предположил пес.

Советник будто не слышал Абернети.

— Вы понимаете, что будет, если я получу волшебные книги в свое распоряжение? — спросил Тьюс, его лицо хищной птицы напряглось от волнения. — Вы представляете, какой волшебной силой я стану обладать?

— Мне кажется, с тебя хватит той силы, которой ты обладаешь! — огрызнулся Абернети. — Позволь тебе заметить, что именно твоя волшебная сила (или ее отсутствие) несколько лет назад довели меня до моего теперешнего положения! Нет нужды говорить, сколько зла ты сможешь принести, если твоя волшебная сила возрастет!

— Сколько зла?! Я смогу творить добро! — Советник повернулся к Абернети и наклонился к нему. — Я смогу найти способ превратить тебя в человека!

Абернети притих. Можно быть недоверчивым, но не до тупости. Больше всего на свете ему хотелось стать человеком.

— Советник, вы в этом уверены? — наконец спросил Бен.

— Так же, как и вы, Ваше Величество, — ответил волшебник. Он помедлил. — Однако странно, что в одну и ту же ночь было два сна...

— Три, — вдруг сказала Ивица.

Все уставились на нее: советник не закончил предложения; Бен все еще старался понять важность вещего сна советника; Абернети и кобольды лишились дара речи. Она сказала...

— Три, — повторила Ивица. — Мне тоже приснился сон, он был удивительный и волнующий, может, даже более яркий, чем ваши.

Бен снова увидел ее лицо, выражавшее тревогу. Ивица стала от этого еще статнее, еще сильнее. Раньше Бен был занят другим и не обращал на нее внимания. Ивица не любила преувеличивать. Что-то на самом деле ее потрясло. В ее глазах было беспокойство, почти страх.

— Что тебе приснилось? — спросил Бен.

Она заговорила не сразу. Казалось, над чем-то раздумывала.

— Я путешествовала по земле, знакомой, но неведомой. Это было в Заземелье и в то же время где-то еще. Я что-то искала. Была не одна, мои спутники — тусклые тени — что-то настойчиво шептали мне. Надо было торопиться, но я не понимала почему. Просто продолжала искать. — Она передохнула. — День сменился вечером, лунный свет заливал окружившие меня леса. Теперь я осталась одна. И так испугалась, что не могла даже позвать на помощь, хотя нужно было. Туман наплывал, тени сгустились и придвинулись так близко, что чуть не поглотили меня. — Она погладила руку Бена и сжала ее. — Ты был нужен мне, Бен, очень нужен; мысль, что тебя нет рядом, была невыносима. Казалось, внутренний голос шептал мне, что, если я не вернусь из этого путешествия как можно скорее, я потеряю тебя. Навсегда.

Ивица так произнесла последнее слово, что у Бена поползли мурашки по коже.

— Потом передо мной вдруг появилось существо, видение, возникшее из предрассветного тумана. — Зеленые глаза сильфиды вспыхнули. — Бен, это был единорог, такой странный и очень темный, что казалось, он впитывает белый свет луны, как губка воду, и ничуть не светлеет. Это был единорог, но не белый, как в прежние времена, а иссиня-черный. Он встал на моем пути, наклонил рог и стал бить копытами о землю. Стройное тело изогнулось и изменило форму, и даже почудилось, что это скорее демон, злой дух, а не доброе создание из царства фей. Он стоял передо мной, словно огромный разъяренный зубр. Затем двинулся на меня, и я побежала. Я почему-то знала, что он не должен касаться меня: если он до меня дотронется, я пропала. Я бежала быстро, но черный единорог не отставал. Он охотился за мной. Он твердо решил меня поймать.

Ивица часто дышала, ее тонкая фигурка напряглась от захлестывающих чувств. В комнате стояла мертвецкая тишина.

— И тут я заметила, что в руках у меня уздечка из золотых нитей, из настоящих золотых нитей, которые пряли и сплетали феи прежних дней. Я не знала, как у меня оказалась эта уздечка; я только знала, что терять ее нельзя. Потому что это единственная уздечка в мире, которая может усмирить черного единорога. — Ивица еще крепче сжала руку Бена. — Я

бежала и искала тебя, Бен. Я понимала, что уздечку надо отдать именно тебе и если я сейчас не встречу тебя, черный единорог непременно настигнет меня и...

Она умолкла, ее глаза пристально посмотрели на Бена. На миг он забыл все, что она только что сказала, он чувствовал лишь ее взгляд, прикосновение ее руки. Ивица предстала вдруг той невероятно красивой женщиной, которую Бен встретил почти год назад, когда она купалась обнаженной в водах Иррилина; она походила тогда одновременно на сирену и на дитя фей. Этот образ никогда не покидал Бена. Как только он видел Ивицу, воспоминание возникало снова и снова.

Наступило неловкое молчание. Лишь Абернети откашлялся.

— Урожайная выдалась ночь для снов, — лукаво заметил он. — Кажется, все присутствующие, кроме меня, что-то видели. Сапожок, тебе что-нибудь снилось — друзья в беде, волшебные книги или черные единороги? А тебе, Сельдерей?

Кобольды тихо зашептались и вместе покачали головами. Но настороженный взгляд их смышленых глаз говорил о том, что они относятся к таким снам не так легко, как Абернети.

— И еще одно, — все еще глядя только на Бена, сказала Ивица. — Я убегала от зверя, который гнался за мной, то ли от черного единорога, то ли от дьявола, и проснулась. Я проснулась, но знала, что сон не кончился, что будет продолжение.

Бен прервал раздумья и медленно кивнул:

— Иногда один и тот же сон приходит несколько раз... с перерывами.

— Нет, Бен, — твердо прошептала Ивица. И отпустила его руку. — Этот сон напоминал твой: это был скорее не сон, а предостережение. Мой король, я получила предостережение. Существа из царства фей точнее постигают смысл снов. Мне показали то, что я должна знать, но показали не все.

— В летописях Заземелья встречаются рассказы о явлении черного единорога, — внезапно объявил советник Тьюс. — Помнится, мне раза два попадались эти истории. Это было давно, и сообщения о таких случаях ничем не подтверждены. Единорог считался тогда порождением дьявола, обладающим такой зловещей силой, что человек погибает от одного взгляда на это существо...

Нетронутая пища и питье остывали в расставленных на столе тарелках и чашках, о завтраке забыли. В столовом чертоге было тихо и пусто, но Бен ощущал на себе чьи-то взгляды. Это было неприятное чувство. Он быстро взглянул на угрюмое лицо советника, а потом снова на Ивицу. Если бы Бену рассказали ее сон, возможно, даже в придачу и сон советника, а самому Бену ничего бы не привиделось, он оставил бы эти сны без внимания. Бен не особенно верил в сновидения. Но воспоминание о Майлзе Беннетте, сидящем в мрачной конторе, Майлзе, который почти обезумел от тревоги, потому что Бена не было рядом в нужную минуту, нависло над Беном словно облако. Воспоминание было такое яркое, словно Бен увидел его наяву. И в рассказах друзей сквозила та же напряженность, впечатлительность Ивицы и Тьюса только усиливала острое ощущение, что такие мучительные сны нельзя считать следствием вчерашнего обеда или слишком буйного подсознания.

— Почему нам всем это приснилось? — с удивлением произнес Бен.

— Есть страна снов, Ваше Величество, — ответил советник Тьюс, — а в снах действительность и воображение встречаются друг с другом. То, что реально в одном мире, в другом — плод фантазии. В этой стране соединяются сны из царства фей и из мира смертных. — Он встал, в лоскутной мантии он был похож на призрака. — Такие сны имели место и раньше, они часто являлись сразу нескольким людям. В истории Заземелья нередки случаи, когда такие сны видели короли, правители и волшебники одновременно.

— Эти сны — откровение или... предупреждение?

— Эти сны — руководство к действию, Ваше Величество. Уж поверьте.

Бен поджал губы:

— И ты, советник, собираешься действовать, как указал тебе сон? Ты пойдешь за пропавшими волшебными книгами?

Советник был в нерешительности, он задумался, на лбу появились морщины.

— И значит, Ивице надо искать золотую уздечку? А мне вернуться в Чикаго и проверить, как поживает Майлз Беннетт?

— Простите, Ваше Величество, одну минуту! — Абернети вскочил, вид у него был явно встревоженный. — Может быть, имеет смысл получше обдумать этот вопрос. Вы совершите большую ошибку, если пойдете искать то, что вполне может оказаться иллюзией, навеянной несварением желудка! — Писец посмотрел на Бена в упор. — Ваше Величество, не забывайте, что волшебник Микс все еще ваш злейший враг. Пока вы в Заземелье, он не может причинить вам вреда, но я уверен, что он только и ждет, когда вы совершите глупость и решите вернуться в тот мир, где заманили его в ловушку! Что, если он узнает о вашем возвращении? Что, если опасность, угрожающая вашему другу, исходит от Микса?

— Весьма возможно, — согласился Бен.

— Даже наверняка!

Чтобы подчеркнуть свои слова, Абернети с важным видом приладил очки к носу. Теперь Абернети взглянул на советника.

— А у тебя, я надеюсь, хватает ума, чтобы понять, как опасно пытаться получить власть над пропавшими волшебными книгами, ведь этой властью пользовались чародеи вроде Микса! Задолго до нашего с тобой рождения ходила молва, что волшебные книги отлиты из листов проклятого железа и с помощью этих книг можно творить лишь зло. Дьявольская сила может пожрать тебя вмиг, как огонь съедает сухой пергамент. Советник Тьюс, такое колдовство опасно! Что касается тебя... — Абернети не внял слабым возражениям советника и повернулся к Ивице, — твой сон пугает меня больше всего. Легенда о черном единороге повествует о зле, это следует даже из твоего сна! Пересказывая летописи Заземелья, советник Тьюс забыл сообщить, что все, кто, по их словам, видел черного единорога, кончали жизнь внезапно и весьма неприятным образом. Если черный единорог действительно существует, это, вероятно, заблудившийся по дороге в Абаддон демон, и лучше оставить его в покое!

В конце для пущей убедительности Абернети щелкнул зубами. Друзья смотрели на него.

— Мы только высказали предположения, — произнес Бен, пытаясь успокоить взволнованного писца. — Мы только рассматриваем возможности...

Он почувствовал, как пальцы Ивицы снова прикоснулись к его руке.

— Нет, Бен. У Абернети верное чутье. Мы уже не рассматриваем возможности.

Бен притих. Он знал, что Ивица права — никто из них этого не сказал, но решение всеми принято. Каждый собирался в собственное путешествие в поисках собственной цели. Они вознамерились проверить истинность своих снов.

— По крайней мере хоть кто-то из вас говорит честно! — раздраженным тоном произнес Абернети. — Говорит честно о своем походе, если не об опасности этого поступка!

— Опасность есть всегда... — начал советник.

— Да, да, волшебник! — оборвал его Абернети и сосредоточил внимание на Бене. — Вы забыли о наших начинаниях, Ваше Величество? — спросил он. — О работе, которая не может быть завершена без вас? Через неделю соберется Совет судей, чтобы оценить введенную вами форму слушания дел. Как только вы установите вехи, должно начаться осушение и строительство дорог на восточной границе Зеленого Дола! Вы не можете просто так все бросить!

Бен рассеянно закивал и отвел глаза. Он неожиданно подумал о другом. Когда это ему пришло в голову все бросить? Он не принимал такого решения. Решение как будто кто-то принял за него. Бен покачал головой. Это невозможно.

Бен снова перевел взгляд на Абернети:

— Не беспокойтесь. Я ненадолго.

— Это неизвестно, — упорствовал писец.

Бен помедлил, а потом вдруг улыбнулся:

— Абернети, есть дела более важные и менее. Дела Заземелья могут подождать несколько дней, пока я сбегаю в старый мир и обратно. — Он встал и подошел к Абернети. — Я не могу оставить все как есть. Я не могу притвориться, будто никакого сна не было и я не волнуюсь за Майлза. Рано или поздно мне все равно надо будет вернуться в старый мир. У меня там осталось слишком много всяких обязанностей.

— Если вы не вернетесь, старый мир не рухнет, в отличие от нашего королевства, — в тревоге пробормотал писец.

Бен улыбнулся во весь рот:

— Обещаю быть осторожным. Благополучие Заземелья и его народа дорого мне так же, как и тебе.

— В ваше отсутствие я вполне сносно могу управлять делами страны, мой король, — добавил советник Тьюс.

Абернети тяжело вздохнул:

— Почему-то меня не утешает такая перспектива!

Подняв руку, Бен предупредил ответ Тьюса:

— Прошу вас, не спорьте. Нам нужно поддерживать друг друга. — Он повернулся к Ивице. — Ты тоже приняла решение?

Ивица откинула назад длинные, до талии, густые волосы и посмотрела на Бена долгим, почти мрачным взглядом.

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос.

— Кажется, да. Откуда ты начнешь искать?

— С Озерного края. Мне там помогут.

— Может быть, ты подождешь, пока я вернусь из своего путешествия и пойду с тобой?

Глаза сильфиды цвета морской волны смотрели спокойно и уверенно.

— А может, ты меня подождешь, Бен?

Бен мягко сжал руку Ивицы:

— Нет, я не могу. Но ты все равно находишься под моей защитой, и я не хочу, чтобы ты шла одна. В сущности говоря, я не хочу, чтобы Тьюс тоже шел один. Охрана может оказаться нелишней. С одним из вас пойдет Сапожок, с другим — Сельдерей. И пожалуйста, не возражайте мне, — быстро продолжал он, видя, что и сильфида, и волшебник уже готовы поспорить. — В пути вас может подстерегать опасность.

— И вас тоже, Ваше Величество, — заметил советник Тьюс.

— Да, я понимаю, — согласился Бен. — Но мое положение отличается от вашего. Я никого не могу взять с собой из этого мира в другой (там это по меньшей мере вызовет удивление), а возможная опасность таится в другом мире. Так что во время этой прогулки мне придется самому себя защищать.

Кроме того, думал Бен, его будет оберегать медальон, висящий у него на шее. Пальцы Бена скользнули за ворот рубашки и нащупали твердую поверхность медальона. По иронии судьбы этот медальон, являющийся ключом к волшебству, дал Бену Микс при продаже королевства. Только владелец медальона мог пройти сквозь волшебные туманы из Заземе-

лья в другие миры и обратно. И только владелец медальона мог вызвать и воспользоваться услугами непобедимого рыцаря по имени Паладин.

Бен провел пальцем по изображению странствующего рыцаря, который выезжает из ворот замка Чистейшего Серебра на фоне восходящего солнца. Тайной Паладина владел лишь Бен. Даже Микс не понимал до конца, в чем сила медальона и как он связан с Паладином.

Бен улыбнулся краешками губ. Микс считал себя очень умным. С помощью медальона он проник в мир Бена и угодил там в капкан. Теперь старый колдун готов отдать что угодно, лишь бы вернуть себе медальон!

Бен перестал улыбаться. Разумеется, Миксу никогда не удастся вернуть медальон. Только владелец медальона может распоряжаться этим талисманом, а Бен никогда его не снимает. Микс больше не угрожает Бену.

Но почти похороненная под стеной решимости, на которую опирались все его начинания, где-то в глубине души Бена таилась крошечная тень сомнения и, не давая ему покоя, призывала к бдительности.

— Выходит, что бы я ни сказал, ваше мнение не изменится, — обращаясь ко всем сразу, объявил Абернети и снова завладел вниманием Бена. На Бена взирал пес, он поднял очки на лоб и, сложив на груди руки, принял позу отвергнутого пророка. — Да будет так! И когда же вы отправляетесь, Ваше Величество?

Последовало неловкое молчание. Бен откашлялся:

— Чем скорее я уеду, тем скорее вернусь.

Ивица поднялась и встала напротив Бена. Ее руки обвились вокруг его пояса, и она прильнула к Бену. Секунду они держали друг друга в объятиях на глазах у всех. Бен чувствовал, как вибрирует хрупкое тело девушки, эта неясная дрожь говорила о подспудном страхе.

— А сейчас, мне кажется, лучше нам всем заняться своими делами, — тихо произнес советник.

Никто не сказал ни слова. Тишина была хорошим ответом. Уже рассвело, за окнами стояло утро, и все хотели с пользой провести наступающий день.

— Возвращайся ко мне невредимым, Бен Холидей, король Заземелья, — прошептала, прижавшись к его плечу, Ивица.

Абернети услышал ее напутствие и отвел взгляд.

— Возвращайтесь невредимым ко всем нам, Ваше Величество, — сказал писец.

Не теряя ни минуты, Бен собрался в путь.

Из столового чертога Бен удалился прямо в спальню и сложил в сумку, с которой он прибыл из привычного мира, несколько необходимых предметов. Потом переоделся в поношенный темно-синий тренировочный костюм и потертые спортивные ботинки. После королевского облачения эта одежда и обувь выглядели странно, но Бен чувствовал себя в них удобно и уверенно. Наконец он возвращается домой, думал Бен. В конце концов он решился это сделать.

Он покинул спальню, спустился по черной лестнице и через несколько потайных коридоров вышел в маленький двор, расположенный недалеко от главных ворот, где его ждали друзья. На безоблачном небе сияло утреннее солнце, озаряя белые камни крепостной стены; оно касалось серебристых украшений, и они вспыхивали ослепительным светом. Тепло поднималось от островной земли, на которой стоял замок Чистейшего Серебра, и воздух наполнялся ленивой истомой. Бен вдохнул дневную свежесть, ощутив под ногами ответное дыхание крепости.

Бен дружелюбно пожал руки кобольдам Сапожку и Сельдерею, обменялся формальными, чопорными поклонами с Абернети, обнялся с советником и поцеловал Ивицу со страстью, которую обычно приберегал для глубокой ночи. Разговаривали не много. Все уже переговорили раньше. Абернети снова предостерег против происков Микса, и на этот раз советник Тьюс тоже пожелал ему быть осторожным.

— Поберегитесь, Ваше Величество, — схватив Бена за плечо, словно в попытке удержать, увещевал волшебник. — Мой сводный брат, хотя и изгнан в чужой для него мир, не лишился колдовского дара. Он все еще опасный противник. Остерегайтесь его.

Бен пообещал. Он прошел с друзьями в ворота, миновал часовых, заступивших на дневную стражу, и спустился к озеру. Конь ждал его на дальнем берегу, это был мерин, которого Бен окрестил Криминалом. Бен шутил про себя, что как

только он садится на коня, то оказывается один на один с криминалом. Никто, кроме Бена, все равно не понял бы этой шутки. А красавица Вилочка, к сожалению, сломала ногу, и Бену пришлось ее оставить.

Бена также ожидал взвод кавалерии. Абернети настоял, чтобы по крайней мере до границы Заземелья король проехал с надлежащей охраной.

— Бен! — Ивица подошла к нему в последний раз и что-то сунула в руку. — Возьми это.

Бен украдкой взглянул на ее подарок. Это был гладкий камень молочно-белого цвета, затейливо украшенный рунами.

Ивица быстро взяла Бена за левую руку и опустила ее на камень, лежащий в открытой ладони правой руки.

— Не показывай его никому. Это талисман, который часто носят в моей стране. Если тебе будет угрожать опасность, камень раскалится и станет красным. Так он тебя предупредит. — Ивица замолчала и нежно погладила щеку Бена. — Помни, что я тебя люблю. И всегда буду любить. Всегда.

Бен ободряюще улыбнулся, но слова Ивицы, как и раньше, встревожили его. Он не хотел, чтобы она влюбилась, во всяком случае, так всепоглощающе, так безоглядно. Он боялся этого. Так его любила Энни, его жена; Энни, которая умерла, но осталась частью его прежней жизни; она погибла в автомобильной катастрофе, и иногда Бену казалось, что это было тысячу лет назад, но чаще он думал, что это случилось вчера. Он не желал искушать судьбу: что, если он примет такую же любовь и потеряет ее во второй раз? Он не мог себе этого позволить. Пугала сама возможность этого.

Его вдруг охватила печаль. Это было странно, но пока он не встретил Ивицу, он даже не надеялся вновь пережить те же чувства, которые испытывал к Энни...

Бен быстро поцеловал Ивицу и спрятал камень поглубже в карман. Потом отвернулся, но почувствовал, что девушка уткнулась ему в спину...

Советник перевез Бена в челноке-бегунке через озеро и подождал, пока Бен сел на коня.

— Будьте осторожны, Ваше Величество, — напутствовал волшебник Бена.

Бен помахал всем рукой, бросил последний взгляд на шпили замка Чистейшего Серебра, пришпорил Криминала и галопом ринулся вперед, сопровождаемый взводом солдат.

Утро перешло в день, день перевалил за половину, а Бен все скакал на запад, к краю долины и туманам, зависшим на границе царства фей. Осень покрыла местность, где проезжал Бен, ярким лоскутным ковром. Луга пестрели густыми травами приглушенных зеленых, синих и розовых тонов и белым с малиновыми точками клевером. Лес все еще не лишился молодой буйной растительности. Лазурные Друзья, которые давали основные продукты питания, употребляемые в долине, как сок, так и твердую пищу, кучками росли повсюду; это были невысокие болотные деревца, выделяющиеся искристой синевой на фоне различных оттенков зеленого. На севере низко над горизонтом висели две из восьми лун Заземелья; они были видны даже при дневном свете: одна персикового цвета, другая бледно-розовая. С полей, которые принадлежали разбросанным по округе маленьким фермам, собирали урожай. До зимних недель, коротаемых взаперти, оставался еще целый месяц.

Бен упивался запахом, вкусом, видом и ощущением долины, будто прекрасным вином. Туман и холодная серая мгла, которые окутывали эту местность, когда Бен впервые проезжал по ней в дни умирающего волшебства, исчезли. Теперь волшебство возродилось и земля ожила. Долина и ее жители обрели покой.

Но Бен не обрел покоя. Конь перешел на ровный, небыстрый шаг. Торопливость, с которой Бен двигался прежде, уступила место странному волнению при мысли об отъезде. Это было первое путешествие за пределы Заземелья с тех пор, как Бен прибыл в королевство, и если раньше мысль об отлучке не вызывала тревоги, то теперь Бен забеспокоился. Его решимость со всех сторон подтачивало опасение, что если он покинет Заземелье, то уже никогда не сможет вернуться.

Разумеется, это были нелепые страхи, и Бен храбро пытался их побороть, убеждая себя, что его одолевают обычные для начала путешествия дурные предчувствия. Бен старался внушить себе, что он жертва многочисленных предостережений друзей, и для поднятия духа стал напевать бодрый марш.

Но ничего не помогало, и в конце концов Бен сдался. Он решил смириться со своими страхами и ждать, когда они рассеются сами.

Когда Бен и его спутники достигли нижних склонов западной кромки долины, день был в разгаре. Здесь, на краю долины, Бен оставил солдат и дал им наказ разбить лагерь и ждать возвращения короля. Он сказал солдатам, что может задержаться на неделю. Если через неделю он не приедет, они должны будут вернуться в замок Чистейшего Серебра и доложить советнику. Командир взвода странно посмотрел на Бена, но не стал оспаривать приказ. Командир привык к тому, что король отправлялся без охраны в необычные походы, но раньше он брал с собой одного из кобольдов или волшебника.

Бен подождал, пока командир отдаст честь, перебросил сумку через плечо и стал взбираться по склону.

Когда Бен взобрался наверх и пошел к опушке туманного леса, стоящего на границе царства фей, уже близился закат. Дневное тепло быстро остывало, наступала вечерняя прохлада, и длинная тень Бена волочилась за ним, как какой-то гротесковый силуэт. Воздух застыл в глубоком, всеобъемлющем покое, и эта неподвижность словно что-то скрывала.

Рука Бена потянулась к висящему на шее медальону, пальцы крепко сжали металл. Советник предупредил Бена, чего можно ожидать. Царство фей одновременно везде и нигде, и в нем множество дверей в иные миры. Любой путь, который изберет Бен, будет выходом из королевства, и пройти можно там, где Бен пожелает. Надо только представить себе, куда хочешь попасть, и медальон направит к нужному проходу.

По крайней мере так говорят. У советника никогда не было возможности это проверить.

Туман раскачивался и шевелился вместе с огромными деревьями. Стелющиеся растения извивались, как змеи. Туман напоминал живое существо. «Веселенькая мысль», — проворчал Бен. Он остановился перед туманом, осторожно оглядел его, сделал глубокий вдох, успокоился и пошел вперед.

Туман вмиг обвился вокруг Бена, и путь назад стал таким же неясным, как путь вперед. Бен ускорил шаг. Минуту спустя перед ним открылся проход, та же огромная пустота, черная нора, которая привела Бена сюда из прежнего мира год назад. Она вилась сквозь туман, обходила деревья и исчезала

в пустоте. В тоннеле слышались отдаленные, смутные звуки, по краям танцевали тени.

Бен пошел медленнее. Он вспомнил, что произошло, когда он проходил по этому коридору в прошлый раз. На Бена откуда ни возьмись налетел демон по имени Марк на черном крылатом чудище; к тому времени как Бен понял, что они настоящие, они чуть не убили его. Потом он буквально споткнулся о спящего дракона...

На границе света и тьмы, еле различимые в тумане, под деревьями пробегали хрупкие фигурки. Феи. Да, это они.

Бен перестал вспоминать и заставил себя шагать быстрее. Однажды феи ему помогли, и среди них ему должно быть легко. Но ему было очень трудно. Он чувствовал себя одиноким и всем чужим.

В тумане возникали и исчезали лица, худые, востроглазые, с густыми, точно мох, волосами. Шептались голоса, но слов было не разобрать. Бен вспотел. Находиться в тоннеле стало невыносимо, Бен хотел выйти. Тьма гнала его вперед.

Пальцы Бена все еще крепко сжимали медальон, и вдруг Бен подумал о Паладине.

Затем мрак сменился сумеречно-серым светом, и в тоннеле осталось пройти меньше пятидесяти метров. Смутные очертания неровно покачивались в полусвете: переплетения паутины и наклонившихся шестов. Непонятно откуда донеслось резкое шипение. Внезапно поднявшийся ветер неприятно завыл.

Бен посмотрел в полутьму. Несущийся в тоннель влажный, жалящий ветер набросился на него и швырнул в лицо резкий, свистящий звук.

Бен вышел из тоннеля, служившего укрытием, под беспросветный ливень и оказался... один на один с Миксом.

ГЛАВА 2

...И ВОСПОМИНАНИЯ

Бен Холидей оцепенел. Молния осветила небо, плотно обложенное облаками, из которых лились струи дождя. Раскаты грома отдавались в пустоте и с огромной силой сотрясали зем-

лю. Везде, будто укрепленные стены огромной крепости, вздымались могучие дубы, их стволы и голые ветви истово поблескивали. Более низкие сосны и ели теснились колючими группками в просветах, оставленных их высокими собратьями, и вдоль почти невидимого горизонта вставали темные неровные контуры склонов Голубого хребта.

И на этом фоне выделялась призрачная фигура Микса. Он стоял не двигаясь, высокий, старый и сгорбленный, с седыми волосами и суровым лицом с резкими чертами. Бен едва узнал его. Прежде у Микса был вид человека, теперь он выглядел как разъяренное животное. Куда делись спортивные брюки из плотной шерсти, вельветовая куртка и легкие кожаные туфли — внешние атрибуты цивилизации, дополнявшие вежливые, хотя и немного грубоватые манеры торгового представителя престижного универмага? Вместо этой, не внушающей опасений, такой узнаваемой деловой одежды на Миксе была мантия сине-стального цвета, которая развевалась, как парус, и, казалось, поглощала свет. От плеч поднимался высокий воротник, обрамляя мертвенно-бледное исхудавшее лицо, искаженное почти безумной злобой. Пустой правый рукав, как прежде, безвольно свисал. Черная кожаная перчатка, закрывающая левую кисть, походила на клешню. Но руки все равно бросались в глаза так, словно на каждой открылся всем на обозрение обнаженный шрам.

У Бена вдруг перехватило дыхание. В старике безошибочно угадывалось напряжение, это было напряжение хищника, застывшего перед прыжком.

«О Боже, он меня поджидал, — вне себя от потрясения подумал Бен. — Он знал, что я приду!»

И тут Микс стал наступать. Бен сделал шаг назад, в правой руке судорожно сжимая медальон. Микс бросился на Бена. Ветер переменился, и завывание бури с новой силой отдалось эхом в горах. Дождь хлестал Бена по лицу и заставил сильно зажмуриться.

Когда Бен снова открыл глаза, Микс пропал.

Бен сильно удивился. Микс исчез, будто его и не было, а Бену все привиделось. Дождь и мрак обвили окружающий Бена лес серым влажным саваном. Бен поспешно огляделся, лицо

его выражало недоумение. Микс словно сквозь землю провалился.

Через секунду Бен собрался с мыслями. Он заметил тусклые очертания начинающейся прямо перед ним тропинки и ступил на нее. Бен быстро шагал вперед, огибая деревья, туда, куда вела его вьющаяся с гор тропинка, и уходил все дальше от временного коридора, который возвращал из Заземелья в прежний мир. Бен вернулся в свой привычный мир, в этом он был уверен. Он снова на Голубом хребте, в Виргинии, в чаще Национального парка имени Джорджа Вашингтона. Та же самая тропинка больше года назад привела Бена в Заземелье. Если он проследует по ней достаточно далеко, то окажется у подножия гор, где находится Верхняя дорога, поворот с числом 13, нарисованным черной краской на зеленом дорожном указателе, а рядом можно укрыться от дождя и, что важнее всего, бесплатно позвонить по телефону.

За несколько секунд Бен промок до нитки, но продолжал идти вперед, крепко держа сумку под мышкой. Его ум лихорадочно работал: «Это был не Микс, он даже не похож на старого Микса, только слегка напоминает его, черт возьми! К тому же Микс, если бы это был он, не исчез бы так просто, правда?»

Сомнение прочно угнездилось в мозгу Бена. Может, он просто все это себе вообразил? Может, это какой-то обман чувств?

С опозданием Бен вспомнил о рунном камне, который подарила Ивица. Замедлив шаг, Бен пошарил в кармане куртки, нашел камень и извлек его на свет. Камень был по-прежнему молочно-белый и ничуть не раскалился. Это означает, что колдовство Бену не угрожает. Но как же тогда расценивать призрак Микса?

Бен снова двинулся вперед, скользя по грязной, напоенной водой дороге, ветви сосен лупили его по лицу и рукам. Бен вдруг почувствовал, как холодно в этих горах — его буквально продирал мороз по коже. Бен забыл, что поздняя осень неприятна даже в западной Виргинии. В Иллинойсе можно окоченеть. В Чикаго даже иногда идет снег...

Бен ощутил ком в горле. Сквозь туман и дождь пробирались тени, то вдруг появляясь, то пропадая из виду. В каждой

тени Бен видел Микса, каждый раз Бен ощущал, как к нему тянется кожаная перчатка волшебника.

«Только вперед, — говорил себе Бен. — Только добраться до телефона».

Бену казалось, что прошла целая вечность, но примерно через полчаса он оказался между деревьями, пересек аллею и прошел в сторожку, где стоял бесплатный телефон. Бен промок насквозь и замерз, но даже не чувствовал этого. Он всецело сосредоточился на заключенной в плексиглас серебристо-черной металлической коробке.

«Только бы телефон работал», — молил Бен.

Телефон работал. Дождь не переставая барабанил по крыше сторожки, вокруг плотно сгустились туман и мгла. Бену почудились шаги. Он порылся в сумке в поисках денег и кредитной карточки, которая все еще лежала в его бумажнике, узнал по телефону название таксопарка в Вэйнсборо и заказал оттуда машину. На это ушло всего несколько минут.

Затем Бен уселся на деревянную скамью, прибитую к стене сторожки, и стал ждать. Он с удивлением заметил, что у него трясутся руки.

К тому времени как пришла машина и Бен, целый и невредимый, залез на сиденье, он уже почти взял себя в руки и стал обдумывать, что с ним приключилось.

Бен уже не мыслил, что Микс ему примерещился. Он видел все достаточно четко. Но это был не Микс, это был образ Микса. Образ возник, когда Бен пересек временной коридор. Бену немедленно показали этот образ. Его поместили в конце тоннеля, чтобы Бен обязательно заметил.

Спрашивается — зачем?

Бен ссутулился на заднем сиденье мчавшегося по аллее в направлении Вэйнсборо лимузина и начал рассматривать возможные варианты. И пришел к выводу, что Микс строит козни. Другого объяснения Бен не нашел. Что же Микс пытался сделать? Предостеречь Бена, намекнуть, что будет преследовать Бена во временном коридоре? Ерунда. Нет, насчет предостережения не ерунда. Микс очень самонадеян и хочет показать, что он знает о возвращении Бена. Но дело не только в этом. Микс поместил в тоннель свое изображение для чего-то еще.

Ответ пришел к Бену почти сразу же. Изображение не только призывало Бена остерегаться Микса, но и заставляло Микса остерегаться Бена! Образ предупреждал колдуна, что Бен вернулся из Заземелья!

Вполне разумное объяснение. Следовало ожидать, что Микс как-то исхитрится при помощи колдовства узнавать о том, когда потерпевшие неудачу короли Заземелья будут возвращаться с медальоном в свой мир. Получив предупреждение, Микс сможет потом проследовать за ними...

Или в данном случае за ним.

Когда шофер высадил Бена у крыльца гостиницы в деловой части Вэйнсборо, день клонился к вечеру, дождь все еще шел, было совсем темно. Бен рассказал шоферу, что он в отпуске и решил пройти пешком по парку на север от Стонтона, но плохая погода вынудила отказаться и позвать на помощь. Шофер посмотрел на Бена как на чокнутого. «Такая погода стоит больше недели», — рявкнул шофер. Бен пожал плечами, расплатился наличными и поспешил в гостиницу.

По дороге к столику администратора Бен задержался, чтобы проверить дату на газете, которую кто-то оставил в вестибюле. Там значилось: пятница, 9 декабря. С тех пор как Бен впервые прошел через временной коридор, ведущий в Заземелье из Голубого хребта в Виргинии, прошел год и десять дней. Время в обоих мирах протекало синхронно.

Бен заказал комнату на ночь, отправил одежду в чистку, согрелся, приняв горячий душ, и попросил подать обед в номер. Пока ждал, когда принесут еду и одежду, он позвонил в аэропорт, забронировал место в самолете, для оплаты назвав номер кредитной карточки, и повесил трубку. До утра делать было нечего. Рейс на Чикаго был транзитный: до Вашингтона, а там пересадка.

Бен принялся за еду, но тут ему пришло в голову, что, оплатив билет на самолет при помощи кредитной карточки, он сделал глупость; Бен сидел на краю кровати перед телевизором, опоясавшись гостиничным полотенцем и слегка раскачивая на коленях поднос, температура в комнате была около тридцати градусов. Одежду еще не вычистили. Том Брокоу передавал новости, и Бена вдруг осенило, что в мире с такими развитыми средствами коммуникации получить заложен-

ные в компьютер сведения о кредитной карточке — плевое дело. Если Микс потрудился поместить свое изображение у входа во временной коридор, чтобы узнать о возвращении Бена, колдун наверняка на этом не остановится. Микс сообразит, что Бен попытается попасть в Чикаго. Колдун догадается, что Бен скорее всего полетит на самолете. Кредитная карточка позволит старику узнать авиалинию, дату вылета и место назначения.

Когда Бен сойдет с трапа, Микс уже, возможно, будет его ждать.

Такая перспектива испортила Бену аппетит. Бен отставил поднос, выключил телевизор и начал более тщательно взвешивать, что ему угрожает. Абернети был прав. Путешествие оказалось более опасным, чем Бен себе представлял. Но у него действительно не было выбора. Бен должен был вернуться в Чикаго, встретиться с Майлзом и узнать, был ли хоть сколько-нибудь обоснован давешний сон. И где-то там Бена, вероятно, будет поджидать Микс. Вся штука в том, чтобы с ним не столкнуться.

Бен позволил себе слегка улыбнуться. Все проще пареной репы.

К девяти часам Бен получил одежду из чистки, в десять он уже спал. Бен проснулся рано, позавтракал, вскинул на плечо сумку и поймал такси до аэропорта. По предварительно заказанному билету Бен прилетел в Вашингтон, а затем отменил дальнейший заказ, связался с другой авиалинией, повезло получить билет до Чикаго из невыкупленной брони, заплатил наличными и уже до полудня сидел в самолете.

«Пускай теперь Микс меня выслеживает», — подумал Бен.

Он прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла и стал размышлять о странном стечении обстоятельств, которое привело его из чикагской квартиры в сказочную страну. Бен вспоминал и неодобрительно качал головой. Может быть, он, подобно Питеру Пэну, так и не стал взрослым. Он был юристом, и даже очень хорошим юристом, авторитетные специалисты сулили ему большое будущее. Он работал вместе с приятелем и давнишним компаньоном Майлзом Беннеттом, партнеры дополняли друг друга, как старые туфли и рабочие джинсы: Бен — смелый, честный адвокат, Майлз — спокойный, осторожный практикую-

щий юрист. Майлзу часто не нравилось, какие Бен выбирал дела, но Бен, казалось, мог прыгнуть с любой высоты и все равно мягко приземлиться на пятки. Он выиграл в суде больше битв, чем обычный хоккеист на льду, в этих битвах его противники, собратья по профессии, стремились похоронить его под лавиной хорошо оплаченной риторики и документов, юридических уловок, проволочек и всевозможных отвлекающих внимание маневров. Когда Бен выиграл в суде дело транспортной конторы Додж-Сити, Майлз настолько удивился, что начал называть Бена «доктор Холидей, герой судебных баталий».

Бен улыбнулся этому. Да, то были добрые, счастливые времена.

Но когда умерла Энни, добрым временам пришел конец. Счастье улетучилось как дым. Жена Бена погибла в автокатастрофе на третьем месяце беременности, и, казалось, он потерял все. Бен замкнулся, стал избегать всех, кроме Майлза. Он всегда любил одиночество и порой думал, что смерть жены и ребенка только усилила эту природную нелюдимость. Бен пассивно плыл по течению, дни бежали один за другим, события сливались в неразличимую массу. Он чувствовал, что медленно сходит с ума.

Трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы он не наткнулся на странное объявление в рождественском каталоге универмага «Роузен» о продаже королевства Заземелье с королевским титулом в придачу. Сначала Бен подумал, что это вздор: сказочное королевство с ведьмами и волшебниками, драконами и прекрасными девицами, рыцарями и оруженосцами продавалось за миллион долларов. Надо быть круглым дураком, чтобы в это поверить. Но отчаяние и разочарование в жизни привели к тому, что Бен решил проверить, есть ли в этом невероятном бреде хоть доля правды. Стоит рискнуть, если это поможет ему снова обрести себя. Он на время отбросил сомнения, сложил чемодан и полетел в нью-йоркскую контору Роузена, чтобы разузнать, что к чему.

Для заключения сделки требовалось пройти собеседование. С Беном беседовал Микс.

В памяти Бена тут же возник знакомый образ Микса: высокий пожилой человек с тихим голосом и потухшим взглядом, ветеран войн, подумалось тогда Бену. На собеседовании

они единственный раз встретились лицом к лицу. Микс счел Бена весьма приемлемым кандидатом на королевский трон; по замыслу Микса, как потом понял Бен, он должен был не преуспеть, а провалиться на новом поприще. Микс убедил Бена заключить сделку. Зачаровал Бена, как удав кролика.

Но Микс недооценил Бена.

Бен снова приоткрыл глаза и прошептал: «Правильно, Бен Холидей. Микс тебя недооценил. А теперь будь уверен, что ты его недооценил».

Самолет приземлился в чикагском аэропорту О'Хара вскоре после трех, и Бен взял такси до города. Шофер болтал без умолку, в основном о спорте: «Щенки» проигрывали сезон, «Быки» в серии игр «навылет» надеются на Джордана, у «Черных ястребов» много травм, «Медведи» победили со счетом 13:1. Чикагские «Медведи»? Бен слушал, время от времени отвечал, но внутренний голос подсказывал ему, что разговор какой-то не такой. Они уже почти въехали в деловую часть города, когда Бен сообразил, в чем дело. Дело в языке. Бен понимал язык, хотя не слышал и не говорил на нем больше года. В Заземелье Бен слышал лишь местную речь, говорил, писал и думал только по-заземельски. Это было возможно благодаря волшебству. И вот Бен здесь, в своем прежнем мире, в добром старом Чикаго, слушает, как таксист говорит по-английски (может, не совсем грамотно, но все же), и как будто ничего другого никогда и не было.

«Вот, наверное, в этом и дело», — подумал Бен и улыбнулся.

Бен попросил отвезти его в гостиницу Дрейка, потому что не хотел возвращаться в старую квартиру на крыше небоскреба или ехать к друзьям или знакомым. Теперь он будет осторожен. Он будет думать о Миксе. Бен зарегистрировался под чужим именем, заплатил наличными вперед за одну ночь и попросил, чтобы коридорный показал ему комнату. Бен все больше радовался, что год назад, уезжая в Заземелье, сообразил захватить с собой несколько тысяч долларов наличными. Это решение он принял в последнюю минуту, но оно оказалось удачным. Наличность избавляла Бена от необходимости пользоваться кредитной карточкой.

Положив деньги в карман тренировочного костюма, Бен вышел из комнаты, спустился на лифте, покинул гостиницу и прошагал несколько кварталов до водонапорной башни. Бен прошелся по магазинам, купил спортивную куртку и брюки, нарядные рубашки, галстук, носки и нижнее белье, пару приличных туфель, расплатился и двинулся назад. Не стоило обращать на себя внимание, а тренировочный костюм и спортивная обувь в самом центре деловой части Чикаго слишком бросаются в глаза. Бен просто выглядел так, как здесь не принято. Иногда внешность решает все, особенно для людей странноватых. Поэтому Бен и не взял с собой никого из новых друзей. Говорящая собака, парочка ухмыляющихся обезьян, девушка, превращающаяся в дерево, и волшебник, чьи чары нередко выходят из-под его власти, вряд ли смогли бы пройти незамеченными по Мичиган-авеню!

Бен почти сразу же пожалел о том, что так поверхностно охарактеризовал своих друзей. Он излишне легкомыслен. Пусть они странные, но зато они настоящие друзья. Они поддерживали его в нужную минуту, когда делать это было опасно и их собственная жизнь была под угрозой. Редко о ком из друзей можно сказать такое.

Бен пригнул голову под внезапным порывом ветра и нахмурился.

Кроме того, разве он не такой же странный, как его друзья из Заземелья?

Разве он не Паладин?

Бен сердито отбросил эту мысль в самый дальний угол сознания и поспешил, чтобы успеть перейти дорогу на зеленый свет.

В вестибюле гостиницы Бен купил несколько газет и журналов и удалился к себе. Он заказал обед в номер и, чтобы убить время, стал просматривать газеты, стараясь понять, что произошло в мире за время его отсутствия. Бен довольно долго изучал прессу: трудно было поспеть за международными и местными новостями, — и тут подали обед. За едой Бен продолжал читать. Он закончил обед в семь часов и собрался позвонить Эду Сэмьюэльсону.

Бен вернулся в Чикаго по двум причинам. Во-первых, встретиться с Майлзом и выяснить, был ли обоснован дурной

сон. И во-вторых, уладить свои денежные дела. Бен уже решил, что Майлз подождет до утра, но откладывать денежные дела не было причин. Значит, надо позвонить Эду.

Эд Сэмьюэльсон, бухгалтер Бена, был старшим партнером в корпорации «Хэйнс, Сэмьюэльсон и Роупер». Перед отъездом в Заземелье Бен поручил Эду управление своим состоянием, которое было весьма значительным. Эд Сэмьюэльсон был образцовым казначеем: осмотрительным, надежным и добросовестным. Временами он считал, что обращаться с деньгами так, как это делает Бен, безумие, но Эду было лестно, что именно он получил право распоряжаться его счетом по своему усмотрению. Так было, когда Бен решил приобрести трон Заземелья. Эд продал имущество на требуемую сумму в один миллион долларов и стал поверенным с полномочиями в отсутствие Бена распоряжаться оставшимся имуществом. Эд выполнял все эти обязанности, не имея понятия о целях Бена.

Тогда Бен не стал посвящать Эда в свои намерения и сейчас тоже не собирался этого делать. Но Бен знал, что Эд этого и не потребует.

Звонить Эду было немного рискованно. Микс, очевидно, знал, что Эд — бухгалтер Бена и Бен в конце концов с ним непременно свяжется. Предполагая, что это произойдет, Микс мог прослушивать телефон Эда. Возможно, это предположение звучит как бред, но с Миксом шутки плохи. Бен только надеялся, что если Микс решил прослушивать телефонные разговоры Эда Сэмьюэльсона, то выберет служебный, а не домашний телефон.

Бен набрал номер бухгалтера, он только что закончил ужинать. У Бена ушло десять минут на то, чтобы убедить Эда, что ему действительно звонит Бен Холидей. Когда это наконец удалось, Бен предупредил Эда, что никто, то есть ни один человек, не должен знать об их разговоре. Эд должен был притвориться, что никакого звонка не было. Эд задал свой всегдашний вопрос; он задавал этот вопрос каждый раз, когда Бен обращался к нему со «странной просьбой»: у Бена неприятности? Нет, заверил Бен Эда, никаких неприятностей. Просто сейчас некстати, чтобы кто-то узнал о его возвращении. Он собирается повидаться с Майлзом, сообщил Бен. Но у него, вероятно, не будет времени повидаться с кем-нибудь еще.

Казалось, Эда удовлетворил такой ответ. Бухгалтер терпеливо слушал, пока Бен объяснял, чего он хочет. Бен пообещал около полудня подъехать к конторе и, если Эд успеет, подписать нужные бумаги. Эд стоически вздохнул и сказал, что это было бы замечательно. Бен пожелал ему спокойной ночи и повесил трубку.

Двадцать минут, проведенные под душем, помогли смыть напряжение и нарастающую усталость. Бен вышел из ванной, забрался в постель и положил рядом с собой несколько журналов и газет. Начал читать, но бросил — мысли потеряли четкость, глаза слипались.

Через несколько секунд Бен уже спал.

В эту ночь ему снился Паладин.

Сначала Бен стоял один на поросшем соснами обрыве и смотрел вниз на туманную долину. Зелень Заземелья смешивалась с голубизной, земля соединялась с небом, и Бен, казалось, мог протянуть руку и потрогать и то, и другое. Он вдыхал свежий прохладный воздух. Это мгновение предстало перед Беном с удивительной ясностью.

Потом сгустились тени и окутали Бена, будто наступила ночь. Сквозь ветви сосен проникали крики и шепот. Бен в ожидании так сжимал медальон, что ощущал отпечатавшийся на ладони кружок. Бен чувствовал, что должен еще раз прибегнуть к медальону, и был рад этому. Можно было опять выпустить на волю привязанное к медальону существо!

Сбоку послышалось быстрое движение, и вперед бросилось черное чудовище. Это был единорог с горящими глазами и огнедышащей пастью. Но почти вмиг он изменил облик. И стал демоном. Потом снова изменил облик... И стал Миксом.

Колдун взмахнул рукой, у него была высокая, сутулая, грозная фигура, длинное, как у ящерицы, лицо. Он двинулся на Бена, с каждым шагом увеличиваясь в размерах и становясь неузнаваемым. В лицо Бену пахнуло враждой, повеяло смертью.

Но сам Бен стал Паладином, странствующим рыцарем, чья блуждающая душа вселилась в тело Бена, защитником короля, не проигравшим ни одного поединка и не знающим преград. Это второе «я» можно было вызвать к жизни только

в состоянии сильного душевного подъема. На Бене звякнули доспехи, дуновение вражды и смерти уступило место едким запахам железа, кожи и смазки. Бен перестал быть Беном Холидеем, он сделался существом из другого времени и другого мира, его память наполнилась воспоминаниями о битвах, о поединках и победах, о борьбе и смертях. Сражения будоражили его ум, перед глазами в кровавом тумане мелькали образы закованных в латы чудищ, которые наступали и отступали, слышались лязг металла, негодующие, разъяренные голоса. Падали разрубленные, изуродованные тела.

Он чувствовал радостное возбуждение! О Господи, он возродился к жизни!

Вокруг стояла тьма, тени тянулись вперед и старались схватить, и он ехал навстречу им, распаленный гневом. Белый боевой конь нес его вперед, будто неуправляемый мотор. Сосны остались позади темным пятном, земля исчезла. Микс обратился в неуязвимое видение, Паладин ринулся вперед с края обрыва и прыгнул в пустоту.

От радостного возбуждения не осталось и следа. Где-то в ночи раздался страшный крик. И, падая, Бен понял, что это кричит он сам.

Под утро сны покинули Бена, но остаток ночи он провел плохо. Он встал, как только рассвело, принял душ, заказал завтрак в номер, поел, облачился в купленную накануне одежду и, едва минуло десять, прямо у дверей гостиницы поймал такси. Рюкзак Бен взял с собой. Он думал, что сюда уже не вернется.

Такси везло Бена на юг по Мичиган-авеню. Была суббота, но улицы уже начали заполнять покупатели, спешащие пораньше купить подарки к Рождеству. Откинувшись на заднем сиденье, Бен пребывал в относительном одиночестве и не обращал внимания на толпу. Он совсем не думал о приближающемся празднике с его развлечениями.

Отголоски ночного сна все еще мрачно звучали в мозгу Бена. Сон и содержащиеся в нем намеки его сильно напугали.

Он так и не мог толком постичь, что представляет собой Паладин. Только однажды Бен превратился в вооруженного рыцаря, и то это произошло скорее случайно, а не по воле Бена. Он вынужден был стать Паладином, чтобы выжить, и

стал им. Но превращение было мучительным, Бен как будто сбросил с себя кожу и надел чужую, другого человека или существа. Мысли этого другого существа были суровы и жестоки, это были мысли воина, гладиатора. Мысли о крови и смерти, в памяти Паладина запечатлелась история выживания, которую Бен только начал постигать. И, по правде говоря, все это приводило его в ужас. Бен чувствовал, что не способен управлять этим другим существом. Он мог лишь стать этим существом со всеми вытекающими последствиями.

Бен не был уверен, сможет ли он сделать это еще когда-нибудь. Он и не пытался.

И все же безотчетная попытка была — во сне. И Бен отчетливо понимал, что когда-нибудь ему придется это сделать.

Такси отвезло Бена в контору корпорации «Холидей и Беннетт, лимитед». По субботам контора была закрыта, но Бен знал, что Майлз все равно там. Каждую субботу Майлз работал до полудня, завершая ту писанину и изучение документов, которые он не успел сделать за неделю; он пользовался тем, что, в отличие от рабочего времени, ему никто не мешал.

Бен расплатился с шофером, который высадил его в конце квартала на противоположной стороне улицы, и быстро вошел в ближайшее здание. Пешеходы проходили мимо, не интересуясь намерениями Бена, занятые своими заботами. У тротуара стояло несколько машин, но не видно было, чтобы из них кто-то следил за Беном.

«Осторожность не повредит», — мягко посоветовал себе Бен.

Он вышел из подъезда, пересек улицу на зеленый свет, прошел по противоположной стороне и протиснулся в двойную стеклянную дверь, ведущую в вестибюль нужного дома. Бен не заметил ничего необычного, ничего странного.

Он поспешил к открытому лифту, вскочил в него, нажал кнопку пятнадцатого этажа и внимательно проследил за тем, как закрываются двери. Лифт пошел вверх. «Еще несколько секунд», — подумал Бен. Если Майлза по какой-то причине здесь нет, Бен застанет друга дома.

Но Бен надеялся, что ехать домой к Майлзу не придется. Бен чувствовал, что на это у него, возможно, не хватит времени. То ли сон, то ли просто обстоятельства пребывания в Чикаго внушали Бену ощущение, что все идет не как надо.

Лифт затормозил и остановился. Двери медленно открылись, и Бен вышел в коридор.

У Бена резко перехватило дыхание. Он снова стоял лицом к лицу с Миксом.

Советник Тьюс снял слой паутины, покрывающий узкий каменный вход в развалины башни, и протолкнулся внутрь. В ноздри лезла пыль, советник чихнул и заворчал, возмущаясь тьмой и сыростью. Ну надо же — у него не хватило ума взять с собой фонарь...

Рядом вспыхнул огонь, с раскаленной головешки посыпались искры. Сапожок передал источник света Тьюсу.

— Я только собирался поколдовать сам! — раздраженно рявкнул чародей, но кобольд лишь усмехнулся в ответ.

Они стояли среди разрушенных стен Мирвука, древней крепости, которую Тьюс увидел во сне о пропавших волшебных книгах. Она находилась гораздо севернее замка Чистейшего Серебра, высоко в Мельхорских горах, ветер здесь лупил по осыпавшемуся камню и завывал в пустых коридорах, холод пронизывал тяжелый воздух, будто возвещая о приходе зимы. Путешествие заняло у волшебника и кобольда почти три дня, а они двигались быстро. Замок встретил их раскрытыми воротами и зияющими окнами. Комнаты и коридоры стояли заброшенными.

Советник пошел вперед, отыскивая то, что могло навести на след. День близился к концу, и Тьюсу не хотелось бродить в темноте по этому мрачному склепу. Как волшебник, Тьюс ощущал то, что было скрыто от обычных людей: в этом замке веяло злом.

Какое-то время советник шагал наугад, а потом показалось, что он узнает открывшийся проход. Тьюс пошел вперед по извилистому коридору, вглядываясь в полутьму. На его пути встречалось все больше пыли и паутины, пауки были величиной с крыс, а крысы размером с собак. Они бегали и ползали под ногами, и советнику приходилось следить за каждым своим шагом. Они ужасно действовали ему на нервы. Хотелось прибегнуть к колдовству и превратить их всех в мусор и сделать так, чтобы всю нечисть смело ветром.

Дорога шла вниз под уклон, стены коридора изменили очертания. Тьюс замедлил шаг и начал вглядываться в каменную кладку. И вдруг резко остановился.

— Я узнаю это место! — возбужденно прошептал он. — Это тоннель, который я видел во сне!

Сапожок молча взял из рук советника факел и пошел впереди. Тьюс слишком разволновался, чтобы спорить по этому поводу, и поспешил за Сапожком. Проход стал шире и чище, паутина, пыль, грызуны и насекомые исчезли. От камня исходил новый запах — тяжелый аромат мускуса. Сапожок продолжал идти быстро, и советник видел перед собой лишь свет вокруг горящей головешки.

Все было как в давешнем сне!

Тоннель продолжался, углубляясь в скалу, подобно лабиринту из идущих вниз коридоров и поднимающихся ступеней. Сапожок шел первым и глядел в оба. Советник не отставал от него ни на шаг.

Тоннель закончился у каменной двери с резными надписями и рунами. Тьюс уже дрожал от волнения. Он провел пальцами по каменным буквам, и дверь с тихим скрипом распахнулась.

За ней оказалась огромная зала, пол там составляли гладко отшлифованные гранитные плиты. Теперь советник шел впереди, его вел засевший в голове образ, память о сне. Тьюс вышел на середину залы, Сапожок был рядом, звуки их шагов отдавались глухим эхом.

Советник и Сапожок остановились перед гранитной плитой, на которой был вырезан знак единорога.

Советник Тьюс удивленно воззрился на плиту. Единорог? Тьюс стал неловко тереть подбородок. Что-то тут не так. Он не припомнит, чтобы ему снился единорог. На камне вырезан знак, но, может, это не знак единорога? Однако большое сходство...

В какой-то миг советник решил вернуться, бросить эту затею. Внутренний голос шептал ему, что так и надо сделать. Здесь подстерегает опасность; волшебник ее ощущает, чувствует, и она пугает его.

Но пропавшие книги влекли слишком сильно. Советник нагнулся, и его пальцы снова, будто независимо от его воли,

нащупали острие рога диковинного существа. Плита поддалась, отодвинулась в сторону и нырнула в искусно сделанное отверстие.

Тьюс заглянул вниз, в открывшийся проем.

Там что-то лежало.

Сумерки облачили Озерный край в одежду из теней и тумана, свет ярких лун и серебряных звезд слабым отблеском отражался в спокойной поверхности Иррилина. Ивица стояла одна у берега крошечного озера, окаймленного тополями и кедрами, вода холодила щиколотки девушки. Ивица была обнажена, аккуратно сложенная одежда лежала сзади на траве. Легкий ветерок нежно гладил бледно-зеленую кожу, беззаботно перебирал ниспадающие до талии изумрудные кудри с вплетенными в них лентами, ерошил пушок, доходящий на ногах до икр и на руках до локтей. Ивица вздрагивала от прикосновения ветра. Существо небывалой красоты, полуженщина-полуфея, она, должно быть, произошла от легендарных сирен, которые в древних мирах приманивали мужчин и разбивали их корабли о скалы.

За озером резко кричали ночные птицы, их гам отзывался в тишине. Ивица засвистела — это был ее ответ птицам.

Она подняла голову и, как животное, потянула ноздрями воздух. Сельдерей терпеливо дожидался Ивицу на месте привала, устроенном в пятидесяти метрах отсюда, деревья заслоняли костер, на котором готовилась пища. К Иррилину Ивица пошла одна, чтобы искупаться и освежить воспоминания.

Она осторожно ступила в воду, тепловатая влага приятно покалывала все ее тело. Здесь Ивица познакомилась с Беном Холидеем, они впервые увидели друг друга во время купания, были обнажены и лишены всяких прикрас. Здесь она поняла, что они рождены друг для друга.

Ивица вспомнила чудесное мгновение встречи и радостно улыбнулась. Тогда она сказала Бену, что им предназначено, и хотя он сомневался (по правде говоря, он до сих пор сомневается), она никогда не колебалась. Феи, при рождении читающие судьбу ребенка в сплетении цветов, никогда не лгут.

Да, но Ивица горячо полюбила чужестранца Бена Холидея!

Детское лицо сильфиды просияло, а затем нахмурилось. Она тосковала без Бена. Она беспокоилась за него. Что-то в их снах странно тревожило ее. Эти загадочные сны тихо предупреждали об опасности.

Бену Ивица ничего не сказала об этом, потому что, когда он рассказывал свой сон, она по его голосу поняла, что он уже решил ехать. Ивица знала, что она не сможет отговорить Бена, и не надо пытаться это делать. Бен сознавал угрозу и шел на это. Его решимость была настолько тверда, что настаивать было бесполезно.

Возможно, по этой причине Ивица рассказала Бену свой сон не до конца. Ее сон отличался от сна Бена или советника Тьюса маленькой черточкой, это было даже трудно объяснить, но тем не менее.

Ивица присела в мелкой воде; изумрудные волосы, словно шаль, колыхались по плечам. Ивица стала водить пальцем по гладкой поверхности озера, и память о сне вернулась. «Что-то не так с самим построением этого сна», — подумала Ивица. Он почему-то не воспринимался. Образы были живые, события вырисовывались ясно. Но повествование было какое-то фальшивое, будто все это могло произойти лишь во сне, но не наяву. Точно — воспоминание было маской, скрывающей чье-то лицо.

Ивица перестала рисовать пальцем на воде и встала. «Чье же лицо скрывалось под маской?» — подумала она.

Морщина, омрачавшая лицо девушки, углубилась, Ивица вдруг пожалела, что так легко согласилась с решением Бена. Надо было поспорить или настоять на том, чтобы он взял ее с собой.

«Нет, с ним ничего не случится», — в сердцах прошептала она.

Ивица подняла глаза к небу, и ее согрел лунный свет. Завтра она посоветуется с матерью, чья жизнь тесно связана с обитающими в туманах феями. Мать Ивицы наверняка знает о черном единороге и золотой уздечке и укажет ей, где искать; скоро Ивица опять будет вместе с Беном.

Она ступила дальше в темное озеро, воды сомкнулись у нее за спиной, и сильфида стала медленно покачиваться на глади.

ГЛАВА 3

ТЕНИ...

Второе появление Микса не так встревожило Бена, как первое. Он не остолбенел, он не стушевался. Он был удивлен, но не потрясен. В этот раз он лучше знал, чего можно ожидать. Перед Беном предстало еще одно видение: колдун-изгнанник, высокий, сутулый, с седыми волосами и суровым лицом нездорового цвета, в мантии сине-стального оттенка поднял похожую на клешню руку в черной перчатке. Но видение есть видение.

Ведь так?

Микс двинулся на Бена, и тот засомневался, видение ли это. Бледно-голубые глаза горели ненавистью, резкие черты лица так исказились, что, казалось, оно потеряло человеческий облик. Микс приближался, беззвучно скользя по пустому, залитому лампами дневного света коридору, и увеличивался в размерах. Бен с трудом удерживался на ногах, пальцы искали под рубашкой вселяющий уверенность медальон. Но как медальон может защитить Бена здесь? Ум Бена искал выхода. Вдруг Бена осенило: рунный камень! Камень скажет, угрожает ли Бену что-нибудь! Свободной рукой Бен начал судорожно шарить в кармане в поисках камня, а тем временем фигура в мантии надвигалась все ближе. Несмотря на свою храбрость, Бен быстро отступил на шаг. Камня не было!

Микс встал прямо перед Беном грозной, темной тенью. Колдун заслонил свет, и Бен вздрогнул...

Потом он поднял голову и увидел, что стоит один в пустынном коридоре, пялится в пространство и слушает тишину.

Микс исчез — еще одно бесплотное видение.

Бен нашел рунный камень, спокойно лежавший в углу кармана брюк, и стал рассматривать его на свету. Камень был кроваво-красный и такой горячий, что больно было дотронуться.

— Черт! — в сердцах и в то же время с испугом проворчал Бен.

Он собрался с мыслями, быстро окинул взглядом коридор и убедился, что там никого нет. Затем Бен, принявший что-

то вроде оборонительной стойки, выпрямился и отошел прочь от дверей лифта. Вокруг было тихо. Кажется, он все-таки был один.

Но почему ему во второй раз привиделся этот образ? Может, это еще одно предупреждение? Предупреждение Микса или Миксу?

Что же происходит?

Бен на секунду замешкался и резко повернул налево к стеклянной двери, входу в контору «Холидей и Беннетт, лимитед». Что бы ни происходило, Бен чувствовал, что лучше не останавливаться. Микс должен был знать, что в конце концов Бен придет к Майлзу. Это не означает, что Микс здесь или где-то близко. Возможно, призрак — просто еще один сигнал о приходе Бена. Если Бен поторопится, то успеет прийти и уйти до тех пор, пока Микс сможет как-то помешать.

Света в прихожей не было. Бен потянул за ручку входной двери, дверь оказалась на замке. Так должно было быть. Когда Майлз работал один, он никогда не открывал входную дверь и не включал свет. Бен был к этому готов. Он вытащил ключ и вставил в замок. Замок поддался легко, и дверь открылась. Бен вошел, положил ключ в карман, и дверь за ним захлопнулась.

В глубине тихо играла музыка, это было радио — Вилли Нельсон, Майлзу нравились такие записи. Бен заглянул во внутренний коридор и увидел, что из кабинета Майлза виден свет. Бен усмехнулся. Старик на месте.

Возможно, на месте. Бена снова охватили сомнения, и усмешка исчезла. Лучше перестраховаться, чем недостраховаться, — осторожничал Бен; вот если бы знать заклятие против злых духов!

Бен покачал головой. Он жалел, что нельзя проверить, где Микс...

Бен замедлил шаг, бесшумно прошел по коридору и остановился перед освещенной дверью. Майлз Беннетт сидел один за письменным столом, сгорбившись над юридическими книгами, перед ним лежал весь в пометках желтый блокнот. Майлз пришел на работу в пиджаке, с галстуком, но галстук развязан, а пиджак Майлз снял, засучил рукава рубашки и расстегнул ворот. Майлз почувствовал чье-то присутствие, оторвал взгляд от книг, и глаза его округлились.

— Господи! — Майлз подскочил на месте, затем опять сел. — Док, это правда ты?

Бен улыбнулся:

— Правда я. Как поживаешь, старина?

— Как я поживаю? Как я поживаю? — Майлз не верил своим глазам. — Какого дьявола спрашиваешь? Сам смылся куда-то к черту на кулички, больше года от тебя не было ни слуху ни духу, и вдруг в один прекрасный день откуда ни возьмись появляешься и задаешь вопрос, как я поживаю. Ну и нахал же ты, док!

Бен беспомощно кивнул, не зная, что сказать. Несколько секунд он по милости Майлза боролся с самим собой, потом Майлз рассмеялся и вскочил на ноги; он походил на большого взъерошенного плюшевого медвежонка в деловом костюме.

— Ну проходи же, док! Не стой на пороге как возвратившийся блудный сын, хотя ты на самом деле возвратившийся блудный сын! Проходи, садись и рассказывай! Черт возьми, мне все не верится, что это ты! — Он быстро обошел вокруг письменного стола, протянул огромную руку, взял ладонь Бена в свою и крепко пожал ее. — Понимаешь, я уже почти поставил на тебе крест. Почти. Ты не давал о себе знать, и я решил, что с тобой точно что-то случилось. Знаешь, как в мозгу прокручиваются все варианты? Мне стали представляться всякие ужасы. Я даже подумывал, не сообщить ли в полицию, но я не мог заставить себя рассказать кому-нибудь, что мой партнер где-то гоняется за драконами и маленьким народцем!

Майлз снова расхохотался, он так смеялся, что по щекам потекли слезы, и Бен тоже прыснул.

— Вполне может быть, что полиция все время получает такие сведения.

— Наверняка, поэтому Чикаго и слывет таким прекрасным городом! — Майлз вытер слезы. На нем были мятая синяя рубашка и широкие брюки. Он слегка напоминал Смурфа. — Слушай, док, как я рад тебя видеть!

— А я тебя, Майлз. — Бен огляделся. — Пока меня не было целый год, здесь как будто ничего не изменилось.

— Да, не изменилось, мы держим эту комнату в неприкосновенности как твой музей. — Майлз тоже бросил взгляд по сторонам, а затем пожал плечами. — Если бы мы и захоте-

ли, не знали бы, с чего начать, эта контора прямо памятник декоративного искусства. — Майлз улыбнулся, с минуту помолчал, чтобы дать высказаться Бену, а когда Бен этой минутой не воспользовался, так разволновался, что откашлялся. — Итак, ты вернулся, а? Расскажешь про свои приключения в волшебной стране, док? Если тебе не слишком неприятно об этом говорить. Если не хочешь, не надо это обсуждать...

— Ну давай обсудим.

— Нет, не надо. Забудь, что я просил. Забудь обо всем, — в некотором смущении настаивал Майлз. — Я просто очень удивился, когда ты вот так тут оказался... Эй, послушай, я кое-что для тебя припас. На тот случай, когда мы вдруг встретимся. Смотри, вот здесь, в ящике. — Майлз снова обошел вокруг стола и начал быстро рыться в нижнем ящике. — Да, вот она!

Он вытащил бутылку обожаемого другом «Гленливета», еще запечатанную, и с размаху плюхнул ее на стол. За ней последовали два стакана.

Бен потер руки и улыбнулся от удовольствия. Его любимое виски.

— Давно это было, Майлз, — признался он.

Майлз сломал сургуч, вытащил пробку и налил понемногу в каждый стакан. Затем протянул один стакан через стол Бену, а другой поднял, чтобы сказать тост.

— За преступления и другие забавы, — провозгласил Майлз.

Они чокнулись и выпили. Теплый нетерпкий «Гленливет» приятно щекотал горло. Двое старых друзей сидели за столом. Вилли Нельсон продолжал петь в наступившей тишине.

— Ну ты мне что-нибудь расскажешь или как? — наконец спросил Майлз.

— Не знаю.

— Давай! Меня стесняться нечего, ты же знаешь. И не смущайся, если все получилось не так, как ты ожидал.

Бена захлестнули воспоминания. Да, несомненно, все получилось не так, как он ожидал. Но трудность не в этом. Трудность в том, чтобы решить, что рассказывать Майлзу, а что нет. Не так легко объяснить, что творится в Заземелье. Это как в детстве, когда родители спрашивают о Сьюзи, с которой ты познакомился на танцульках в новой школе.

Ну как объяснить, что Дед Мороз существует на самом деле?

— Тебе достаточно, если я скажу, что нашел то, за чем ездил? — минуту поразмыслив, произнес Бен.

Майлз немного помолчал.

— Да, если это все, что ты можешь сказать, — в конце концов ответил он. Майлз помешкал. — Это все, что ты можешь поведать, док?

Бен кивнул:

— Сейчас — да.

— Понятно. Ну а потом? А потом скажешь еще что-нибудь? Не хочется думать, что это все и я больше ничего не узнаю. Мне кажется, я этого не выдержу. Ты уехал искать драконов и похищенных девиц, и я сказал тебе, что это бред. Понимаешь, док, мне надо знать, кто из нас оказался прав. Мне надо знать, возможно ли все это наяву. Мне необходимо знать о тебе все.

На круглом лице Майлза отразилось разочарование, Бену стало жаль старого друга. Майлз с самого начала был в курсе дела. Только он знал, что Бен истратил миллион долларов на покупку сказочного королевства, в существование которого не поверил бы ни один здравомыслящий человек. Только Майлз знал, что Бен отправился на поиски этого королевства. Майлз-то знал, с чего все началось, но не знал, чем кончилось. И это не давало ему покоя.

Но Бен должен был принимать в расчет не только гложущее Майлза любопытство. Но и безопасность друга. Иногда знание — опасное приобретение. Бен еще не разобрался, насколько сильно им угрожал Микс — и Майлзу, и самому Бену. Бен еще не понял, насколько правдив был его сон. С Майлзом вроде бы все в порядке, но...

— Майлз, я обещаю когда-нибудь все тебе рассказать, — стараясь говорить уверенно, ответил Бен. — Не могу сказать точно когда, но обещаю: ты все узнаешь. Мне трудно об этом говорить, почти как об Энни. Когда я о ней говорил, я всегда... начинал волноваться. Помнишь, да?

Майлз кивнул:

— Помню, док. — Он улыбнулся. — Ее призрак наконец перестал тебя преследовать?

— Перестал. Наконец. Но на это ушло много времени, и я очень изменился. — Бен умолк, припомнив, как, когда он стоял один в туманах царства фей и его одолевали страхи, где-то в глубине души возникло ощущение, что он виноват перед своей покойной женой. — Сдается мне, если я начну рассказывать, где я был и что там обнаружил, времени уйдет много, а толку будет мало. Мне надо еще кое-что проверить...

Бен замолчал и поставил на стол стакан виски, который до сих пор держал в руке.

— Ничего, док, — пожимая плечами, быстро проговорил Майлз. — Хватит того, что ты вернулся и, насколько можно судить, с тобой ничего не случилось. Остальное потом. Потом все выяснится, я тебя знаю.

Мгновение Бен смотрел в пол, затем поднял взгляд на Майлза:

— Я сюда ненадолго, старина. Я не могу задерживаться.

Вид у Майлза был неуверенный, но он быстро заставил себя улыбнуться.

— Эй, что ты хочешь сказать? Ты вернулся с какой-то целью, да? С какой? Ты пропустил зимний провал «Быков» и весенние успехи «Щенков», марафон, выборы и все остальные прелести чикагского сезона. Хочешь попасть на матч «Медведей»? Играют как черти, промежуточный результат — тринадцать побед, одно поражение, представляешь? И в буфете все еще продают пиво с орешками. Что ты на это скажешь?

Бен невольно рассмеялся:

— Я скажу, что это неплохо звучит. Но я вернулся не за этим. Я вернулся потому, что беспокоился о тебе.

Майлз уставился на Бена:

— Что?

— Я беспокоился о тебе. Что здесь такого удивительного, черт возьми? Просто я хотел убедиться, что с тобой ничего не произошло.

Майлз сделал большой глоток виски и медленно откинулся на мягкую спинку кресла.

— А что со мной может произойти?

Бен пожал плечами:

— Не знаю. — Он хотел продолжить, но осекся. — Впрочем, какого черта, ты ведь все равно думаешь, что я псих, так

что еще несколько изюминок в пироге его не испортят. Я видел сон. Мне снилось, что ты в беде и нуждаешься во мне. Я не знал, в какую именно беду ты попал, только понял, что это из-за меня. И я вернулся, чтобы выяснить, сбылся ли этот сон.

С минуту Майлз пристально оглядывал Бена, как психиатр долгожданного больного, затем допил виски и снова расслабился в кресле.

— Ты свихнулся, док, тебе это известно?

— Известно.

— Все дело в том, что твоя совесть работает на полную катушку.

— Ты так думаешь?

— Да. Ты чувствуешь свою вину за то, что бросил меня в самый разгар предрождественской судебной лихорадки и мне пришлось самому браться за все эти треклятые дела! Ну так вот, у меня для тебя сюрприз! Я справился с этими делами, ни разу не нарушив распорядок дня в конторе! — Майлз помолчал и усмехнулся. — Ну, может, только чуть-чуть. Ты гордишься мной, док?

— Да, конечно, Майлз. — Бен нахмурился. — Значит, по работе никаких трудностей, с тобой все в порядке и я здесь совершенно не нужен?

Майлз встал, взял бутылку и налил в каждый стакан еще понемногу. Он улыбался во весь рот.

— Док, боюсь сглазить, но все идет как нельзя лучше.

Вот и славно... но тут Бен Холидей почуял недоброе.

Пятнадцать минут спустя Бен снова был на улице. Он просидел у Майлза достаточно, сидеть дольше значило показать, что произошло что-то серьезное. Бен и так оставался сидеть даже тогда, когда все в его душе кричало, что он должен убираться подобру-поздорову.

Такси в субботу утром было большой редкостью, Бен сел в автобус и поехал в южном направлении на полуденную встречу с Эдом Сэмьюэльсоном. Бен сидел один в хвосте автобуса, прижимал к себе, как детский защитный матрац, рюкзак и старался отделаться от чувства, что на него смотрят тысячи

глаз. Он сгорбился, пытаясь согреться; костюм и куртка не защищали от холода.

«Надо рассуждать как юрист, — убеждал себя Бен. — Здраво все обдумать!»

Сон оказался ложью. Майлз Беннетт не попал в беду и не нуждался в помощи Бена. Возможно, сон был вызван всего лишь чувством вины из-за того, что Бен бросил старого друга в разгар работы. Возможно, это просто совпадение, что Ивице и Тьюсу тоже приснились в ту же ночь подобные сны. Но Бен так не думал. Что-то навеяло эти сны, что-то или кто-то.

Микс.

Но что задумал враг Бена?

Бен вышел из автобуса на остановке Мэдисон и прошел несколько шагов до конторы Эда Сэмьюэльсона. Глаза следили за Беном повсюду.

Бен встретился с бухгалтером и подписал разные доверенности и документы, позволяющие поверенному управлять делами Бена в его отсутствие в течение нескольких лет. Бен не собирался уезжать на такой длительный срок, но кто знает? Он пожал Эду руку, они попрощались, и в 12.35 Бен был уже на улице.

В этот раз он ждал, пока не поймал такси. Бен попросил водителя ехать прямо в аэропорт и успел на рейс 13.30 Чикаго — Вашингтон компании «Дельта». В пять часов пополудни Бен был в столице, а час спустя сел на последний самолет до Вэйнсборо компании «Аллегейни». Бен ни на секунду не забывал о Миксе. Во время полета из Чикаго на Бена смотрел мужчина в плаще свободного покроя. В главном пункте сдачи багажа Национального аэропорта Бена остановила старушка цветочница. Когда Бен купил билет в кассе «Аллегейни» и слишком быстро пошел прочь, с ним столкнулся матрос с вещевым мешком. Микса видно не было.

На пути из Вашингтона в Вэйнсборо Бен дважды проверял рунный камень. Сначала Бен позабыл о камне, потом вспомнил и вытащил его, потом с неохотой вытащил еще раз. Оба раза камень был раскаленным докрасна, и Бен чуть не обжегся.

В этот день Бен не стал делать больше ничего. Он отчаянно стремился вперед, время так поджимало, что трудно было

усидеть на месте, но рассудок сдерживал бешеную спешку. Или, может, не рассудок, а страх. Бен не мог отважиться в темноте углубиться в Голубой хребет. Слишком легко там потеряться или свалиться. И вполне вероятно, что у входа во временной коридор Бена ждет Микс.

Бен спал плохо, встал на рассвете, надел спортивную одежду, что-то съел (позже он не мог вспомнить что) и заказал лимузин. Бен стоял в коридоре с рюкзаком в руке и тяжелым взглядом смотрел в зеркальное стекло окна. Через мгновение Бен вышел на улицу. День был холодный, пасмурный и неприветливый, дождя не было — вот единственное, хотя и слабое утешение. В воздухе стоял неприятный запах, и чем-то еще более неприятным обдавало лицо. У Бена были красные, воспаленные глаза. Все казалось враждебным. Бен раз пять проверял рунный камень. Он продолжал гореть ярко-красным светом.

Вскоре подкатил лимузин, и Бен отправился в путь. Еще было утро, а Бен уже снова находился в Национальном парке имени Джорджа Вашингтона и углублялся в лесистые горы; позади остались Чикаго, Вашингтон, Вэйнсборо, Эд Сэмьюэльсон и весь этот мир, в котором Бен теперь чувствовал себя чужим и откуда сейчас бежал.

Он без всяких происшествий нашел туманы и дубы, отмечавшие вход во временной коридор. Микс не показывался ни во плоти, ни в виде призрака. Лес стоял спокойный и пустынный, путь вперед был свободен.

Бен Холидей буквально влетел в тоннель.

По другую сторону тоннеля Бен остановился.

Солнце струило лучи с почти безоблачного неба, и они прогревали землю. Разноцветные луга и фруктовые сады лоскутным одеялом покрывали склоны долины. Везде пестрели цветы. Стайки птиц стремительно перемещались, хлопая крыльями, словно бьющиеся на ветру полотнища цветастого шелка. Пахло чистотой и свежестью.

Бен сделал глубокий вдох, наблюдая, как исчезают танцующие перед глазами пятна и возвращается отнятая бегом сила. Как он бежал! Просто летел! Испугался собственной тревоги. Он дышал медленно и глубоко и не желал оглядываться на

стеной стоящий позади темный, туманный лес. Теперь Бен в безопасности. Он дома.

Бен повторял эти слова, как молитву, они успокаивали его. Он поднял глаза к небу и затем окинул взглядом Заземелье вдоль и поперек, неожиданно испытав умиротворение от того, что он уже все это видел и знает. Это чувство удивило Бена. Точно от медленного зимнего умирания он вернулся к весенней жизни. Было время, когда он ни за что бы не поверил, что может так чувствовать. Теперь ему казалось, что только так и должно быть.

Приближался вечер. Бен прошел от края долины к лагерю, где остались сопровождавшие его солдаты. Они ждали его и не удивились его возвращению. Командир отдал честь, вывел Криминала, приказал «по коням!», и все поскакали вперед. Бен улыбнулся — настолько естественным показался ему переход из мира реактивных самолетов и лимузинов в мир коней и сапог-скороходов.

Но улыбка вскоре сошла с губ Бена. Его мысли вернулись к снам, которые привиделись ему, советнику и Ивице, и Бена не покидала уверенность, что эти сны какие-то очень неприятные. Его сон оказался просто ложью. Интересно, сны Ивицы и Тьюса тоже неправда? Сон Бена был как-то связан с Миксом, Бен был почти уверен в этом. Может, сны Ивицы и советника тоже связаны с Миксом? Слишком много вопросов, а ответов не видно. Нужно быстрей вернуться в замок Чистейшего Серебра и разыскать друзей.

Бен всю дорогу погонял коня и прибыл в крепость еще дотемна. Он спешился, торопливо поблагодарил сопровождавший его отряд, вызвал челнок-бегунок и быстро приплыл к острову. Серебряные шпили и сверкающие белизной стены замка сияли, будто от радости при встрече с ним, и Бена объяло тепло, словно идущее от родного дома. Но холодок в душе не исчезал.

Абернети встретил Бена в прихожей; в наряде из красной шелковой блузы с поясом, бриджей, чулок, сверкающих белых ботинок и перчаток вид у писца был великолепный, на носу красовались очки в серебряной оправе, в руках он держал записную книжку. В голосе Абернети слышалось недовольство.

— Вы вернулись не так уж скоро, Ваше Величество. Весь день мне пришлось успокаивать раздосадованных членов Совета судей, которые приходили специально, чтобы встретиться с вами. Возник ряд трудностей, связанных с заседанием, которое объявлено на будущую неделю. Орошаемые поля к югу от Уэймарка затоплены. Завтра приезжают властелины Зеленого Дола, а мы даже не взглянули на список присланных нам предложений. Полдесятка представителей уже сидят...

— Рад видеть тебя снова, Абернети, — на середине фразы прервал его Бен. — Ивица или советник уже вернулись?

— Э-э, нет, Ваше Величество. — Казалось, Абернети вдруг потерял дар речи. Он молча поплелся вслед за идущим в направлении столового чертога Беном. — Путешествие было удачным? — спросил наконец Абернети.

— Не очень. Ты уверен, что ни советник, ни Ивица не вернулись?

— Да, Ваше Величество, уверен. Вы первый.

— Есть ли от них какие-нибудь известия?

— Никаких, Ваше Величество. — Абернети задал следующий вопрос: — Что-нибудь не так?

Бен ответил незамедлительно:

— Нет, все прекрасно.

Вид у Абернети был неуверенный.

— Ну что же, приятно это слышать. — Он с минуту помешкал, затем откашлялся. — Насчет представителей Совета судей, Ваше Величество?..

Бен твердо покачал головой:

— Не сегодня. Я встречусь с ними завтра. — Он направился в столовый чертог и оставил Абернети у двери. — Дай мне знать, как только Тьюс или Ивица вернутся, чем бы я в это время ни занимался.

Абернети приладил очки повыше на длинном носу и, не сказав ни слова, исчез в коридоре.

Бен быстро поел и взобрался по лестнице в башню, где размещалось Землевидение. Землевидение составляло часть волшебства замка Чистейшего Серебра, это было приспособление, с помощью которого Бен мог бросить быстрый взгляд на происходящее в Заземелье, как бы пролетая над долиной от края до края. Землевидение было круглой площадкой с

серебряным направляющим тросом, торчащим из отверстия в стене башни. Посередине к направляющему тросу была прикреплена кабинка. К ней прикололи старую пергаментную карту королевства.

Бен шагнул на площадку, обеими руками крепко ухватился за трос, сосредоточил взгляд на карте и пожелал лететь на север. Мгновение спустя крепость пропала, и Бен уже плыл в пространство в кабине, держась только за серебряный канат. Бен пронесся далеко на север к Мельхорским горам, пролетел над их вершинами и спустился вниз. Он промчался на юг к Озерному краю, где жил народ, управляемый его Владыкой — речным духом. Бен пересек Озерный край из одного конца в другой, но не нашел ни советника Тьюса, ни Ивицы.

Часом позже Бен все бросил. Он был весь в поту, от напряжения руки, уставшие сжимать трос, свело судорогой. Бен покинул Землевидение утомленный и разочарованный.

Он попытался поднять себе настроение, окунувшись в горячую ванну, но вода не уняла все волнения. Бена преследовали воспоминания о Миксе. Сном о Майлзе колдун заманил Бена обратно в прежний мир — Бен не сомневался, что Микс задумал отомстить за свое изгнание. Он не знал лишь, какую роль играли во всем этом сны его друзей и какая опасность угрожает сейчас Ивице и Тьюсу.

Спустились сумерки, и Бен удалился к себе в кабинет. На поиски пропавших друзей решил выслать к утру партию спасателей. Все остальное подождет до тех пор, пока не раскроет тайну снов. Бен все больше убеждался, что все пошло как-то вкривь и вкось и уже поздно что-либо исправлять.

Дело близилось к ночи. Бен углубился в чтение писем, накопившихся за время его отсутствия, как вдруг дверь в кабинет распахнулась, внезапный порыв ветра разметал стопки документов, которые Бен аккуратно разложил перед собой на рабочем столе, и из темноты гордо выступила тощая фигура советника Тьюса.

— Я нашел их, Ваше Величество, — напыщенно взмахнув одной рукой, другой прижимая к груди завернутый в холст узел, воскликнул советник. Он стремительно прошел к Бену и громко плюхнул узел на стол. — Вот!

Бен поднял глаза. За советником в дверь ввалился замызганный Сапожок в рваной, заляпанной грязью одежде. Появился Абернети в измятой ночной рубашке и съехавшем набок колпаке. Он прилаживал к носу очки и щурился.

— Все было точно, как предсказал сон, — разворачивая холст, стал поспешно объяснять советник. — Ну не совсем, как предсказал сон. В каменной кладке сидел чертик. Неприятный сюрприз, надо вам сказать. Но Сапожок ему не уступил. Схватил его за горло и вышиб из него дух. Однако все остальное произошло точно как предсказал сон. В Мирвуке мы нашли подземный ход и прошли по нему до двери. Дверь открылась, и за ней оказалась комната с каменными стенами. На одном камне были особые знаки. Я коснулся камня, и он сдвинулся с места, я протянул руку и...

— Тьюс, ты нашел пропавшие книги? — обрывая его, с недоверием спросил Бен.

Волшебник замолчал, в свою очередь уставился на Бена и нахмурился.

— Разумеется, я нашел книги, Ваше Величество. А о чем же я вам тут толкую? — Вид у советника был растерянный. — Как бы то ни было, я продолжу: только я протянул руку за книгами (их было чуть-чуть видно), как Сапожок оттащил меня назад. Он заметил движения чертика. Между ними началась яростная борьба... А, вот и готово!

Советник развернул последний кусок холста. Там лежала пара толстых старых книг. Каждая была в кожаном переплете с завитушками рун и рисунками; позолота, которой когда-то были нанесены значки, осыпалась и растрескалась. Углы и застежки были обиты потускневшей медью, на застежках висели огромные замки.

Бен потянулся к верхней книге, но советник быстро схватил его за руку.

— Секунду, пожалуйста, Ваше Величество. — Волшебник показал на замок переплета. — Видите, что произошло с защелкой?

Бен всмотрелся пристальнее. Защелка исчезла, металл вокруг был будто выжжен огнем. Бен проверил защелку на второй книге. Защелка прочно держалась на месте. Да, сомне-

ний быть не могло. Со второй книгой что-то сделали. Бен снова посмотрел на советника.

— Не имею понятия, Ваше Величество, — ответил на незаданный вопрос волшебник. — В каком виде я нашел книги, в том вам их и принес. Я ничего с ними не делал, я не пытался их открыть. По значкам на переплетах я знаю, что это пропавшие волшебные книги. В остальном я знаю не больше вас. — Он не стесняясь откашлялся. — Я... считал, что подобает открыть их только в вашем присутствии.

— Ты считал, что так подобает, ой ли? — прорычал Абернети, из темноты высунув свою лохматую морду. В ночном колпаке вид у него был нелепый. — Или ты считал, что так безопаснее! Ты хотел быть поближе к могущественному медальону, если магия книг окажется тебе не по зубам!

Советник застыл прямой как жердь.

— Я сам обладаю значительной волшебной силой и уверяю тебя, Абернети...

— Не обижайтесь, советник, — прервал его Бен. — Вы поступили абсолютно правильно. Можете открыть книги?

Теперь советник оцепенел от возмущения:

— Конечно, я могу открыть книги! Вот!

Он шагнул вперед и вытянул руки над первым древним фолиантом. Бен отодвинулся назад, сжимая в руках медальон. Не стоит рисковать с такими...

Советник едва коснулся застежек, как из металла вдруг брызнуло зеленое пламя. Все быстро отпрянули назад.

— Похоже, ты снова недооценил опасность! — рявкнул Абернети.

Советник покраснел, лицо напряглось. Руки вдруг взмыли вверх, вспыхнула искра, и пальцы стали огненными — из них вырвалось ярко-красное пламя. Тьюс медленно поднес извергающие пламя пальцы к металлическим застежкам и держал их, пока огонь неторопливо пожирал зеленые искры. Потом советник проворно сомкнул руки, и оба языка пламени исчезли.

Тьюс смерил Абернети презрительным взглядом:

— Опасность весьма незначительна, ты не согласен, писарь?

Советник снова протянул руку и высвободил металлическую застежку. Затем медленно открыл книгу на первой странице. Перед ним лежал ветхий пожелтевший пергамент. На нем ничего не было.

Бен, Абернети и Сапожок придвинулись поближе к советнику, стараясь получше разглядеть лежащие в полутьме книги. Страница была по-прежнему пуста. Тьюс открыл второй лист. Он был также пустой. Потом третий. Ничего!

На четвертом листе тоже было пусто, но середина была как будто подпалена, словно ее подносили к огню слишком близко.

— Ты, кажется, говорил о незначительной опасности, волшебник, — съязвил Абернети.

Советник не ответил. Вид у него был ошеломленный. Он начал медленно листать книгу, переворачивая одну пустую страницу за другой и находя на каждом незаполненном листе все больше следов огня. Наконец появились страницы, прожженные насквозь.

Тьюс перелистал книгу до середины.

— Ваше Величество... — тихо произнес он.

Бен вгляделся в лежащие перед ним изуродованные листы. Огонь превратил середину книги в пепел, но создавалось впечатление, что пламя каким-то образом шло изнутри.

Король и волшебник уставились друг на друга.

— Продолжай, — настойчиво сказал Бен.

Советник быстро пролистал книгу до конца и ничего не нашел. Все листы пергамента были одинаково пусты и лишь прожжены или опалены загадочным огнем.

— Не понимаю, Ваше Величество, что это означает, — наконец признался советник Тьюс.

Абернети начал было высказывать замечания, но затем передумал.

— Возможно, мы найдем ответы в другой книге, — устало предложил он.

Бен кивнул, это был знак советнику двигаться дальше. Волшебник закрыл первую книгу и отложил ее в сторону, окружил руки красным огнем, медленно опустил их и высвободил зеленый огонь, который охранял замок на второй книге. На этот раз работа заняла больше времени, так как замок

был не поврежден. Потом, когда оба языка пламени погасли, советник повернул замок и осторожно открыл книгу.

Пред ним предстали очертания единорога. Лист пергамента, на котором было нарисовано это животное, не пожелтел и не обгорел, а остался первозданно-белым. Единорог стоял неподвижно, его силуэт был четко обрисован темными линиями. Тьюс перевернул страницу — второй единорог, на этот раз в движении, но нарисован точно так же. На третьей странице еще один, на четвертой еще и так далее. Советник перелистал всю книгу до конца и обратно. Каждая страница была как новенькая. На каждой — изображение единорога, и каждый из них в другой позе. Кроме этих изображений, никаких значков или пометок.

— Я все еще не понимаю, что это значит, — со вздохом проговорил Тьюс, на его худом лице застыло огорчение.

— А значит то, что принес ты не те волшебные книги, о которых так мечтал, — резко сказал Абернети.

Но советник покачал головой:

— Нет, это те самые. Такими я видел их во сне, так гласят надписи на переплетах, и так эти книги описываются в древних рассказах. Это те самые пропавшие книги.

Мгновение все молчали. Бен задумчиво взирал на книги, потом бросил взгляд по сторонам и нашел смутную фигуру Сапожка, выглядывающего из-за плеча советника. Кобольд зловеще ухмылялся.

Бен снова уставился на книги.

— У нас здесь одна книга, где на каждой странице нарисованы единороги, — наконец произнес он, — и другая, где нет ни одного единорога, но выжжена середина каждой страницы. Черт возьми, это что-то означает! Советник, помните сон Ивицы о черном единороге? Может, наши единороги как-то связаны с ее сном?

Тьюс на минуту задумался:

— Не вижу никакой связи, Ваше Величество. Черный единорог — это, в сущности, легенда. Наши единороги не закрашены черным, а специально изображены белыми. Видите, как прорисованы контуры? — Для ясности он перевернул несколько страниц второй книги. — Черный единорог был бы оттенен или отмечен еще как-нибудь, чтобы изобразить цвет...

Советник примолк, брови тесно сдвинулись в раздумье. Костлявые пальцы мягко нащупали выжженный замок на первой книге.

— Почему этот замок взломали, а другой не повредили? — ни к кому конкретно не обращаясь, тихо спросил он.

— Согласно «Хроникам царствования королей Заземелья», в долине с самого начала не было единорогов, — вдруг вставил Абернети. — Но однажды они появились, целое стадо. Точнее, существует такая легенда. Дайте-ка подумать... Да, я вспомнил. Будьте добры, подождите минуточку.

Он поспешил вон из комнаты, каблуки стучали по камню, ночная рубашка волочилась сзади. Через несколько секунд Абернети вернулся с королевскими хрониками Заземелья. Книга была очень древняя. Обложка совсем истрепалась.

— Да, вот эта, — объявил писец. Он положил фолиант рядом с волшебными книгами, быстро перелистал его и остановился. — Да, здесь. — Абернети какое-то время читал про себя. — Это произошло сотни лет назад вскоре после образования долины. Из туманов феи впустили к нам в долину большое стадо единорогов. Феи прислали их сюда по вполне определенной причине. Очевидно, фей волновало неверие в чудеса, все более распространяющееся во многих далеких мирах, таких, как ваш, любезный король... — Писец смерил Бена неодобрительным взглядом. — И вот феи хотели показать этим мирам, что чудеса все еще существуют. — Абернети умолк и, хмурясь, скосил глаза на древние письмена. — Текст трудно читать, потому что язык очень старый.

— Может, дело в том, что у тебя глаза старые, — с ехидцей поинтересовался советник и потянулся к книге.

Абернети с возмущением выхватил книгу из рук советника.

— Мои глаза раза в два лучше твоих, волшебник! — огрызнулся Абернети. Он прочистил горло и продолжал: — Вероятно, Ваше Величество, феи прислали единорогов, чтобы, повторяю, доказать разуверившимся мирам, что чудеса все еще существуют. Из Заземелья через временной коридор должно было попасть в каждый из этих миров по одному единорогу. — Он опять притих, почитал еще и затем захлопнул книгу. — Но, разумеется, этого так и не случилось.

Бен нахмурился:

— Почему?

— Потому что все единороги пропали, Ваше Величество. Больше их никто никогда не видел.

— Пропали?

— Я помню эту историю, — сообщил Тьюс. — Откровенно говоря, мне всегда казалось это довольно странным.

Бен нахмурился еще больше.

— Итак, феи послали в Заземелье стадо белых единорогов, и они все пропали. И больше их никто не видел, видели только черного единорога, который — то ли легенда, то ли действительность — лишь иногда появляется бог знает откуда. И если не считать пропавших волшебных книг, которые мы теперь получили и в которых нет ничего о волшебстве, есть только множество изображений единорогов и обгоревшие пустые страницы.

— Смотрите, один замок сломан, а второй держится, — добавил советник.

— О Миксе ничего, — задумчиво произнес Бен.

— И о превращении собак, бывших когда-то людьми, обратно в людей тоже ничего, — фыркнул Абернети.

Все смотрели друг на друга и молчали. На столе перед ними лежали раскрытые книги — две волшебные, хотя в них, казалось, не было ничего волшебного, и одна историческая хроника, в которой не было исторических сведений. Бен все больше беспокоился. Чем дольше они распутывали эти сны, тем больше все запутывалось. Сон Бена оказался ложью, сон Тьюса был правдой. Это были сны разного происхождения...

Должно быть.

А может, и нет. Сейчас Бен ни в чем не был уверен. Наступала ночь. Путь назад, в Заземелье, был долгий. Бен устал, ум притупился от напряжения. Сегодня у Бена не хватило времени и энергии, чтобы все обдумать. До завтра недалеко. Придет утро, и они отыщут Ивицу, а когда они ее найдут, то будут разбираться в своих снах до тех пор, пока не поймут, что же происходит.

— Закройте книги, советник. Мы идем спать, — объявил Бен.

Отовсюду послышалось приглушенное одобрение. Сапожок ушел на кухню ужинать и мыть посуду. Абернети поплелся сле-

дом, унося с собой древнюю историю. Советник сгреб в охапку волшебные книги и, не говоря ни слова, унес их.

Бен смотрел на уходящих друзей, оставаясь один в полутьме. Он жалел, что не попросил их остаться, чтобы заставить себя еще немного поломать голову над загадкой.

Но это глупо. До завтра ничего не изменится.

Бен неохотно потащился спать.

ГЛАВА 4
...И КОШМАРЫ

Бен был взбешен от того, какой непродуманный совет он дал себе в тот вечер. На память пришли собственные слова: «До завтра ничего не изменится. До завтра недалеко». Как же сейчас он раскаивался, с горечью думая о том, что необоснованно черпал в них уверенность.

Все это, конечно, теперь понимал он задним умом. Так бывает всегда.

Неприятности начались почти сразу же. Бен удалился из кабинета прямо в спальню, накинул ночную рубашку и лег в постель. Он устал, но сон не приходил. События дня будоражили Бена, и загадка снов билась в его мозгу, точно загнанная в угол крыса. Бен преследовал крысу, но не мог ее поймать. Она без труда убегала от него, оставляя чью-то тень. Бен видел контуры этой тени, но не мог понять, чья она. Ее глаза горели огнем во тьме.

Бен заморгал и сел, опершись на локти. Рунный камень, подарок Ивицы, раскаленный докрасна, сверкал на тумбочке у кровати, там, куда положил его Бен. Бен сощурился, вдруг сообразив, что он уже почти заснул, но свет его разбудил. Цвет камня означал грозящую опасность — опасность угрожала Бену все время на обратном пути.

Но где же, черт возьми, опасность?

Бен встал и прошелся по комнате, как животное, выслеживающее добычу. И ничего не нашел. Одежда все так же

лежала на стуле, как Бен ее бросил; сумка по-прежнему стояла на месте, на полу около гардероба. Бен остановился посреди комнаты и стал ждать, чтобы его прогрело жизненное тепло замка. Замок Чистейшего Серебра ответил ему глубоким внутренним свечением, которое окутало Бена с ног до головы. Сама крепость была безмятежна.

Бен нахмурился. Может, камень ошибся.

Во всяком случае, камень смущал Бена, и он накрыл подарок Ивицы полотенцем и снова забрался под одеяло. Бен лежал тихо, прислушиваясь, затем закрыл глаза, снова открыл и снова закрыл. Густая темнота окутала Бена и больше не дразнила его. Крыса исчезла. Вопросы и ответы смешались и растаяли в ночи. Бен в дремоте поплыл по течению.

Перед ним мелькали образы единорогов, черных и белых, и точеные, без возраста, лики фей. Лица друзей, бывших и нынешних, и сны, которые Бен перевидел в прежней жизни и уже будучи королем. Все эти образы носились в подсознании Бена, и их поток успокаивал его, как рокот бесконечных волн.

Затем в мозгу Бена вдруг вспыхнуло странное пламя, и поток прервался. Откуда-то потянулись руки, и пальцы сжали цепочку на шее Бена — это были его руки, его пальцы. Что они делают?

И тут возник образ Микса!

Это видение явилось из черного тумана — высокая, тощая фигура колдуна, облаченная в одеяние серовато-синего цвета, с лицом грубым и жестким, как необработанное железо. Над Беном нависла фигура, пришедшая за своей последней жертвой. Один рукав одеяния был пустой, из другого черная клешня тянулась и тянулась вниз...

Бен вздрогнул, отбросил одеяло и стал сослепу размахивать перед собой рукой, разгоняя темноту. Он моргал и щурился. Огонек свечи, освещавший один угол комнаты, казался одинокой бело-зеленой точечкой по сравнению с багровым заревом, которое шло от рунного камня Ивицы: он неистово сверкал на тумбочке у кровати, а закрывавшее его полотенце исчезло. Бен чувствовал присутствие опасности, о которой сообщал камень. Бен прерывисто дышал, гигантская рука давила ему на грудь. Он постарался сбросить эту руку, но тело его не слушалось. Казалось его зажали в тиски.

В темноте что-то двигалось — что-то огромное.

Бен попытался закричать, но услышал лишь свой слабый шепот.

Фигура возникла во плоти в ярко-красном свете, окутывающем ее словно кровь. Фигура встала во весь рост и, точно железом по стеклу, проскрипела:

— Вот мы и встретились снова, мистер Холидей.

Это был Микс.

У Бена пропал дар речи. Бен только таращил глаза. Выходило так, что видение, которое преследовало его во время путешествия в прежний мир, как-то сумело последовать за Беном и сюда. Только это было не видение. Бен тотчас это понял. Это было наяву!

Микс улыбнулся сомкнутыми губами. Теперь он полностью походил на человека — дикий, хищный взгляд исчез.

— А где добродушные приветствия, смелые предостережения, даже угрозы? Как не похоже на вас, мистер Холидей. Что случилось? Язык проглотили?

Бен напрягал мышцы лица и горла и силился овладеть собой. Он окаменел. Безжизненные, жуткие глаза Микса связали Бена путами, которые он не мог развязать.

— Да, желание имеется, не правда ли, мистер Холидей, но вот умение — совсем другое дело! Мне хорошо известно это чувство! Помните, как вы меня бросили в последний раз? Помните? Вы посмеялись над магическим кристаллом, единственным предметом, который связывал меня с этим миром, а потом разбили его вдребезги! Вы разбили мои глаза, мистер Холидей, и оставили меня слепым! — Он зашипел от ярости. — Да, я знаю, что значит остаться одному и окаменеть!

Он сделал шаг вперед, худое лицо с резкими чертами склонилось над пылающим багровым светом рунным камнем. Микс казался неимоверно огромным и страшным.

— Ты дурак, шутейный король, тебе ясно? Ты надумал играть со мной и даже не смог уразуметь, что я установил все правила игры. Я гроссмейстер, малыш, а ты всего лишь начинающий! Я сделал тебя королем этой земли, дал тебе все, что можно. И ты принял все, как будто тебе это полагалось по праву. Как будто тебе это принадлежало всегда!

Микс трясся от гнева, пальцы в перчатке сжались в костлявый кулак, кулак потянулся вперед. Никогда в жизни Бен не был так напуган. Ему хотелось свернуться калачиком и снова оказаться под одеялом. Он бы сделал что угодно, лишь бы не видеть этого страшного старика.

Затем Микс выпрямился, и ярость на его лице вдруг сменилась холодным безразличием. Он отвернулся и сделал шаг в сторону.

— Но сейчас это вряд ли имеет значение. Игра окончена. Ты проиграл, мистер Холидей.

По окаменевшей спине Бена катился пот. Как это могло случиться? Микс попал в ловушку в чужом мире, он не мог проникнуть в Заземелье, пока медальон оставался у Бена!

— Тебе, мистер Холидей, интересно знать, как я сюда попал?

Микс будто читал мысли. Колдун медленно повернулся к Бену.

— Это было очень просто. Ты меня сюда доставил. — Он увидел выражение лица Бена и рассмеялся. — Да, мистер Холидей, все так. Пеняй на себя за это. Что ты думаешь о сказанном? — Микс зашагал вперед и остановился у самой кровати. Лицо с резкими чертами пододвинулось совсем близко. Бен чувствовал идущий от колдуна дурной запах. — Это были мои сны, мистер Холидей. Я послал их вам: тебе, моему сводному братцу и сильфиде. Я их послал. Когда ты разбил кристалл, я не совсем лишился волшебной силы! Я все-таки смог добраться до тебя, мистер Холидей! Когда ты спал! Я перекинул мостик между двумя мирами через твое подсознание! Мой глупый сводный брат забыл предупредить тебя об этом. Чтобы снова одолеть тебя, мне было достаточно только снов. Насколько живым может быть воображение! Сон, который я наслал, заставил тебя действовать, да, мистер Холидей? Ну, конечно. Я наслал этот сон, чтобы ты пришел ко мне, и ты пришел! Я знал: ты придешь, если решишь, что твой друг, мистер Беннетт, в тебе нуждается. Я знал, что ты должен прийти. Потом все было уже просто, мистер Холидей. Призрак в конце временного коридора волшебным образом подал мне знак, что ты вернулся, и дал возможность следить за твоими передвижениями. Призрак проник в твою плоть, и с тех пор ты не мог освободиться от меня!

У Бена сердце ушло в пятки. Он должен был знать, что, чтобы следить за ним, Микс прибегнет к колдовству. Он должен был знать, что колдун предусмотрит все. Бен свалял дурака.

Микс улыбнулся, как Чеширский Кот.

— Второй призрак был еще более интересной уловкой. Он отвлек твое внимание от моих истинных намерений. Да, мистер Холидей, я был с тобой! Я находился сзади! Пока ты занимался моим призраком, я забрался к тебе в одежду в виде пылинки, не больше крошечной мошки, и ты доставил меня назад, в Заземелье. Медальон позволяет пройти коридор лишь тебе, мистер Холидей, однако, став частью тебя, я тоже получил такое право!

«Он спрятался в моей одежде, — в отчаянии думал Бен, — и был со мной на обратном пути все время, а я так и не понял. Вот почему рунный камень сверкал, предостерегая меня. Опасность грозила постоянно, а я не замечал ее!»

— Смешно, не правда ли, мистер Холидей, как ты доставил меня назад? — Микс так широко улыбался, что кожа на лбу натянулась и лицо стало похоже на череп. — Ты же понимал, что мне необходимо вернуться. Мне необходимо было вернуться немедленно, потому что ты настырно везде совал свой нос, черт тебя возьми! Ты представляешь, как ты мне навредил? Нет, нет, конечно, нет! Ты не представляешь. Ты даже не знаешь, о чем я говорю. Ты ничего не знаешь! И по невежеству ты чуть не разрушил то, что создавалось годами! Ты испортил все, ты и твоя борьба за трон Заземелья!

Микс снова пришел в бешенство и с большим усилием овладел собой. Но он все равно выплевывал слова, словно это была желчь.

— Но это не важно, мистер Холидей, это не важно. Для тебя все это ничего не значит, так что нет смысла тебя мучить. Теперь в моем распоряжении книги, и больше ты мне ничего не сможешь сделать. У меня есть все необходимое. Твой сон принес мне власть над тобой, сон моего сводного братца принес мне власть над книгами, а сон сильфиды принесет мне... — Микс вдруг осекся, как будто сболтнул лишнее. Взгляд холодных тусклых глаз стал странно напряженным. Микс моргнул, и напряжение ушло. Одной рукой он

сделал жест в воздухе, как бы отбрасывая от себя что-то, — все. Эти сны принесут мне все, — заключил Микс.

«Медальон, — лихорадочно соображал Бен. — Если бы я смог дотянуться до медальона...»

Микс засмеялся металлическим смехом.

— Без сомнения, ты мне много чего хочешь сказать, так, мистер Холидей? И, конечно, много чего хочешь сделать! — Лицо с резкими чертами снова приблизилось к Бену. Жестокие глаза вонзились в него как гвозди. — Хорошо, я дам тебе такую возможность, шутейный король. Я дам тебе возможность, хотя ты отказал мне в этом, когда разбил мой кристалл и изгнал меня из дому! — Перед испуганными глазами Бена скрючился костлявый палец. — Но сначала я кое-что тебе покажу. Смотри, спокойно висит у меня на шее. — Рука Микса нырнула в складки мантии. — Смотри внимательно, мистер Холидей. Видишь?

Микс осторожно вытащил руку из складок одежды. Пальцы крепко сжимали цепочку. На ней висел медальон Бена.

Увидев отчаяние в глазах Бена, Микс растянул губы в торжествующей улыбке:

— Да, мистер Холидей! Да, шутейный король! Да, несчастный дурак! Это твой драгоценный медальон! Ключ к королевству Заземелья, и теперь он принадлежит мне! — Микс неторопливо покачивал цепочку с медальоном перед лицом Бена, медальон вертелся, ловя свет ослепительно сверкающего рунного камня и отблески пламени свечи. Микс прищурил глаза. — Хочешь знать, каким образом я вырвал у тебя медальон? Ты отдал его во сне, который я наслал, мистер Холидей. Я не мог взять его силой. Ты сам снял медальон и передал мне!

Микс походил на великана, готового вот-вот раздавить Бена, высокая, темная, вздымающаяся из тени глыба. Колдун дышал со свистом.

— Кажется, ты знаешь уже все, больше мне добавить нечего, да, мистер Холидей? — Микс быстро взмахнул рукой, и невидимые путы, связывающие Бена, упали. Он вновь мог двигаться и говорить. Но не делал ни того, ни другого. Он просто ждал. — Пошарь рукой за воротником рубашки, мистер Холидей, — прошептал колдун.

Бен послушался. Его пальцы сомкнулись на прикрепленном к цепочке медальоне. Бен не торопясь вытащил медальон. Он был такой же формы и размера, как прежний, как тот, которым завладел Микс. Но рисунок на лицевой стороне изменился. Исчезли Паладин, замок Чистейшего Серебра и восходящее солнце. Исчезли гладкость и серебристый блеск. Новый медальон был грязновато-черный, будто в саже, и украшен чеканкой с изображением облаченного в мантию Микса.

Бен в ужасе уставился на медальон, не веря своим глазам, и выронил его из рук, словно медальон жег пальцы.

Микс удовлетворенно кивнул:

— Ты в моих руках, мистер Холидей. Я могу сделать с тобой все, что мне заблагорассудится. Конечно, я мог бы просто уничтожить тебя, но я этого не сделаю. Это слишком легкая смерть после всех тех гадостей, которые ты мне причинил! — Микс помолчал, вернулась неприятная, насмешливая улыбка. — Вместо этого я собираюсь тебя отпустить.

Микс отошел на несколько шагов и стал ждать. Бен помешкал, затем встал с кровати, его ум неистово искал выхода из этого кошмара. Под рукой не было никакого оружия. Микс стоял между Беном и дверью спальни.

Бен шагнул вперед.

— Да, еще одно. — Голос Микса остановил Бена, тот будто врезался в каменную стену. — Ты свободен, но должен покинуть этот замок. Тотчас же. Понимаешь, мистер Холидей, ты здесь больше не живешь. Ты больше не король. В сущности, ты больше не ты.

Микс поднял руку. Короткая вспышка света — и ночная рубашка Бена исчезла. Бен был в одежде чернорабочего: грубые шерстяные брюки и блуза, шерстяной плащ и поношенные ботинки. Бен стоял весь в грязи, от одежды пахло лошадьми.

Микс бесстрастно оглядел Бена:

— Простой работяга мистер Холидей, один из многих, таким ты будешь теперь. Трудись усердней и сможешь преуспеть в жизни. В этой стране найдутся возможности и для тебя. Разумеется, королем ты больше не будешь. Но ты найдешь себе подходящее занятие. Я на это надеюсь. Мне будет неприятно думать о тебе, как о нищем. Буду весьма огорчен,

если тебе придется страдать от лишений. Жизнь не так уж коротка, знаешь. — Взгляд Микса внезапно скользнул к рунному камню. — Кстати, он тебе больше не понадобится, не так ли? — Микс поднял руку, рунный камень слетел с тумбочки и влетел прямо в руку в перчатке. Пальцы сжались, багровое пламя резко вспыхнуло и погасло, и камень обратился в пыль.

Микс снова взглянул на Бена с холодной, жесткой улыбкой.

— Так на чем мы остановились? Ах да, мы обсуждали твое будущее. Могу тебя заверить, я буду следить за тобой с большим интересом. Медальон, которым я тебя снабдил, скажет мне все, что я захочу узнать. Остерегайся его снимать. Некое заклятие охранит тебя от этакой глупости, в противном случае твоя жизнь значительно укоротится. А я хочу, чтобы ты жил еще долго-долго, мистер Холидей.

Бен недоверчиво вытаращил глаза на колдуна. Что за игра? Бен быстро измерил расстояние до двери спальни. Он снова мог двигаться и говорить, его уже ничего не сковывало. Надо было попытаться сбежать.

Потом Бен увидел, что Микс за ним наблюдает, изучает его, как кот загнанную в угол мышь, и страх уступил место стыду и гневу.

— У вас ничего не получится, Микс, — спокойно произнес Бен, стараясь говорить без раздражения. — С этим никто не смирится.

— Никто? — Микс продолжал улыбаться. — А почему, мистер Холидей?

Бен набрал в легкие побольше воздуху и сделал несколько шагов вперед:

— Потому что старье, которое вы на меня напялили, никого не обманет. С медальоном или без, я — все-таки я, а вы — вы!

Микс вопросительно поднял брови:

— Ты уверен в этом, мистер Холидей? Ты ничуть не сомневаешься?

В глубине души у Бена таилось сомнение, но он старался не думать об этом. Он скосил глаза в сторону на большое зеркало, поймал там свое отражение и с облегчением заметил, что по крайней мере на вид он остался таким же, как всегда.

Но у Микса был уверенный голос. Мог колдун изменить Бена так, что это было незаметно?

— У вас ничего не получится, — повторил Бен, двигаясь все ближе к двери и пытаясь разгадать, что такое могло быть известно Миксу, потому что наверняка что-то там было...

Микс разразился резким язвительным смехом.

— Почему мы не замечаем, что получается, а что нет, мистер Холидей?

Рука в перчатке взметнулась вверх, пальцы вытянулись, и из их кончиков вылетел зеленый огонь. Бен подпрыгнул и пронесся вперед, пролетел мимо темной фигуры колдуна, прокатился кубарем, чтобы не попасть в огонь, и вскочил на ноги. Он рывком достиг закрытой двери и уже взялся за ручку, когда его настигло колдовство. Бен пытался закричать, но не смог. Темнота окутала его и заглушила голос, сон, который раньше не шел, теперь навалился со страшной силой. Бен Холидей беспомощно вздрогнул и медленно упал во тьму.

ГЛАВА 5

НЕЗНАКОМЕЦ

Бен проснулся опять в полутьме и сощурил глаза, перед ним, кружась, как бьющиеся о волны бушующего океана обломки от кораблекрушения, проносились образы. Бен лежал на каком-то топчане, лицо напоминало прохладную, гладкую кожаную обивку. Первой мыслью Бена было, что он еще жив. Последовал вопрос: почему?

Бен моргнул, ожидая, когда образы перестанут мелькать и примут определенную форму. Воспоминания о том, что с ним произошло, проснулись с болезненной остротой. Бен снова ощутил горе, гнев и отчаяние. Микс вернулся в Заземелье и застал Бена врасплох, лишил королевской одежды, разбил подаренный Ивицей рунный камень, применил против Бена черную магию, он упал без сознания и...

О боже!

Пальцы Бена полезли за ворот рубахи, обшарили грудь и вытащили прикрепленный к цепочке медальон. Бен рывком поднял медальон вверх поближе к тусклому свету, внутренний голос тут же зашептал предостережения, в обоснованности которых Бен и так был уверен. Выгравированное металлическое лицо на медальоне, казалось, поблескивало. На миг Бен подумал, что перед ним знакомая фигура Паладина, который выезжает из замка Чистейшего Серебра на фоне восходящего солнца. Затем Паладин, замок и солнце исчезли и осталась лишь черная фигура Микса в мантии, и вся поверхность медальона потускнела, потому что никто им не пользовался.

Пытаясь побороть стоящий в горле комок, Бен сделал глотательное движение — худшие страхи стали явью. Микс похитил медальон королей Заземелья.

Бена захлестнуло отчаяние, и он попытался подняться. На этот раз это удалось, выделившийся адреналин придал Бену новые силы. Он встал, образы перестали мелькать, и он увидел, что его окружает. Он находился еще в замке Чистейшего Серебра. Бен узнал комнату: это была прихожая, расположенная у парадного входа, комната ожидания для гостей. Бен узнал скамью с рыжей кожаной обивкой и резными деревянными ножками, на которой лежал. Бен знал, где находится, но не понял, почему он здесь оказался, и странно, что все еще жив...

Потом он опять лишился сил, ноги подкосились, и он снова рухнул на скамью. Дерево затрещало, кожа заскрипела, и эти звуки привлекли чье-то внимание. Дверь, ведущая внутрь замка, открылась. На обезьяньем лице с огромными ушами сверкали глаза-буравчики.

Сапожок!

Кобольд вышел на свет и уставился на Бена.

При виде Сапожка Бен обрадовался, как никогда в жизни. Если бы у него хватило сил, он заключил бы маленького кобольда в объятия. Но Бен так и лежал с дурацкой улыбкой, пытаясь выдавить из себя хоть слово. Сапожок помог Бену сесть и стал ждать, пока тот заговорит.

— Найди Тьюса, — наконец произнес Бен. Он снова глотнул, преодолевая сухость в горле и во рту. — Приведи его

сюда. Никому не говори о моей просьбе. И будь осторожен. Микс здесь, в крепости!

Сапожок мгновение пялился на Бена, на грубом лице кобольда появилось почти недоуменное выражение, затем Сапожок повернулся и, не сказав ни слова, выскользнул из комнаты. Бен в изнеможении снова лег на спину. Добрый старый Сапожок! Бен не знал, что здесь делал кобольд; коли на то пошло, Бен даже не знал, что он сам здесь делает, но их встреча была огромной удачей. Если Сапожок достаточно быстро разыщет советника, Бен сможет собрать стражу и угрозам Микса будет положен конец. Микс — могучий волшебник, но одному со всеми не справиться. Бен вновь обретет украденный медальон, и Микс проклянет тот день, когда задумал опять проникнуть в Заземелье!

Бен на миг прикрыл глаза, собираясь с силами, и затем еще раз рискнул встать на ноги. Он обвел взглядом комнату. Вокруг никого не было. Язычки пламени свечей, укрепленных в настенном канделябре и стоящем на столе подсвечнике, догоняли убегающие тени. Из щели в запертой двери также сочился свет. Бен стоял, опираясь ногой о скамью. Он по-прежнему был одет, как нарядил его Микс, — в крестьянское платье. Руки были черны от сажи. «Хитрый трюк, — подумал Бен, — но он не сработает. Это все-таки я».

Он несколько раз глубоко вздохнул, зрение стало острее, силы восстановились. Он чувствовал, как из-под пола сквозь изношенные рабочие ботинки в него проникает тепло крепости. Бен ощутил биение жизни. Волновали ее настойчивые прикосновения. Казалось, она знала о забравшейся внутрь опасности.

«Не беспокойся, все будет хорошо», — молча заверил ее Бен.

Приблизились чьи-то шаги, и дверь открылась. На пороге стояли советник Тьюс и Сапожок. Советник помедлил, затем тихо вошел в комнату. Кобольд проследовал за ним и прикрыл дверь.

— Советник, слава богу, вы здесь! — выпалил Бен. Он прошел вперед, в приветствии протягивая руки. — Нужно быстро действовать. Микс вернулся, он сейчас здесь, где-то в крепости. Не знаю, как ему это удалось, но он похитил медальон. Мы должны срочно предупредить стражу и найти Микса, прежде чем...

В полутора метрах от друга Бен резко остановился и умолк. Волшебник продолжал стоять в той же позе, он не протянул Бену руки. Совиное лицо было сурово, густые брови наморщились.

Тьюс смотрел на Бена так, будто никогда в жизни не видел короля. Бен недоумевал:

— Советник, что случилось?

Волшебник продолжал пялить на Бена глаза:

— Вы кто?

— Кто я?! Что вы хотите этим сказать? Я Бен!

— Бен? Вы называете себя Беном?

— Ну конечно, я называю себя Беном! Как еще мне себя называть? Это ведь мое имя!

— Очевидно, вы так считаете.

— Советник, о чем вы говорите? Я так считаю, потому что так и есть!

Советник Тьюс нахмурился:

— Вы Бен Холидей? Вы король Заземелья?

Бен, в свою очередь, молча уставился на Тьюса. Недоверие в его голосе было совершенно искренним.

— Вы не узнаете меня, да? — спросил Бен.

Волшебник покачал головой:

— Нет.

У Бена засосало под ложечкой.

— Бог ты мой, все из-за этой дурацкой одежды и грязи! Посмотрите на меня, Тьюс. Это дело рук Микса, он сменил мне одежду и вымазал всего с ног до головы. Но это по-прежнему я!

— Вы Бен Холидей?

— Да, черт возьми!

Советник с минуту оглядывал Бена, а потом глубоко вздохнул:

— Может, вы и думаете, что вы Бен Холидей. Может, вы даже считаете, что вы король Заземелья. Но вы ни то, ни другое. Я это знаю точно, так как я только что от короля. Вы самозванец! Вы вторглись в этот замок. Вы шпион, а возможно, и хуже. Вы вошли без приглашения, вы подслушали конфиденциальные разговоры, вы напали на короля в его спальне, а теперь уверяете, что являетесь не тем, кто вы есть на самом деле. Если бы это зависело от меня, я бы сразу же

посадил вас в тюрьму! Сейчас вы на свободе только благодаря тому, что так повелел король. Я предлагаю вам срочно уйти. Постарайтесь вылечиться от своей болезни, в чем бы она ни состояла, и держитесь подальше отсюда!

Бен был потрясен. Он не знал, что делать. Он вспомнил, как говорил Миксу: «С медальоном или без, я — все-таки я, а вы — вы!» И ответ Микса: «Ты уверен?»

Что с ним сделали?

Бен быстро повернулся к Сапожку, ища в острых глазах кобольда хоть какой-то знак, что он узнал Бена. Ничего. Бен бросился мимо обоих друзей к висящему на стене ближе к выходу зеркалу. В полутьме он всмотрелся в отражение. Это его лицо, лицо Бена! Он остался точно таким же, как всегда! Почему советник и Сапожок этого не видят?

— Послушайте! — Бен кинулся к ним как безумный. — Микс вернулся из старого мира, украл медальон и каким-то образом сделал меня неузнаваемым для всех, кроме меня самого! Я вижу себя таким же, как прежде, а вы нет!

Советник скрестил руки на груди:

— Все видят вас далеко не таким, как наш король, а вы таким?

Это звучало настолько нелепо, что на миг Бен просто уставился на Тьюса.

— Да, — наконец ответил Бен. — И Микс сделал так, что все принимают его за меня! Каким-то образом он принял мое обличье. Я не нападал на него в его спальне! Это он напал на меня в моей спальне! — Бен шагнул вперед, судорожно переводя взгляд с Тьюса на Сапожка и обратно. — Он наслал эти сны, неужели вы не понимаете? Он все это подстроил! Не знаю зачем, но он это сделал! Это входит в его план мести за причиненный ему вред!

В глазах Тьюса читалась досада, в глазах Сапожка — безразличие. Бен чувствовал, что не владеет положением.

— Вы не можете допустить, чтобы он это сделал, черт побери! Вы не можете допустить, чтобы это сошло ему с рук! — Бен лихорадочно искал выход. — Послушайте, если я не тот, за кого себя выдаю, откуда я все это знаю? Откуда я знаю про сны: мне снился Майлз Беннетт, тебе — пропавшие волшебные книги, а Ивице — черный единорог! Боже мой, а что с Ивицей? Кому-то

надо ее предупредить! Черт возьми, послушайте же! Откуда я знаю, что вечером ты принес книги, книги с единорогами? Я о них знаю. Я знаю о медальоне, о... Спросите меня что-нибудь! Ну спросите о чем угодно! Устройте мне проверку!

Советник с мрачным видом покачал головой:

— Кто бы вы ни были, у меня нет времени для таких игр. Вы знаете то, что знаете, потому что вы шпион и вынюхали все это. Вы подслушали наши разговоры и хотите использовать это в своих целях. Вы забыли, что уже признались в этом королю, когда он поймал вас в своей спальне. Под давлением вы все рассказали. Вам повезло, что стража не убила вас при попытке к бегству. Вам повезло, что...

— Я не пытался бежать! — в гневе и отчаянии крикнул Бен. Он старался дотянуться до Тьюса, но Сапожок вмешался и удержал Бена. — Послушайте! Я Бен Холидей! Я король Заземелья! Я...

Двери отворились, и появилась встревоженная его гневным тоном стража. Тьюс сделал знак рукой, и стражники схватили Бена за руки.

— Не делайте этого! — закричал Бен. — Дайте мне возможность...

— Вам дали эту возможность! — холодно перебил его советник Тьюс. — Воспользуйтесь ею и уходите!

Бена потащили вон из комнаты, он брыкался и по-прежнему выкрикивал, кто он такой, по-прежнему жаловался на то, что с ним сделали, а в душе у него все переворачивалось от горя и отчаяния. Он мельком увидел стоящую в стороне и наблюдающую за всем высокую фигуру в темной мантии. Микс! Бен закричал еще громче и попытался высвободиться. Один из стражников тюкнул Бена кулаком по голове, и из глаз арестанта посыпались искры. Голова упала на грудь, голос затих. Что-то нужно сделать! Но что? Что?

Фигура в мантии исчезла. Тьюс и Сапожок остались позади. Бена протащили по выездной аллее к воротам, а потом за стены крепости. Мост, который Бен перестроил после восшествия на престол, ярко освещали фонари. Бена проволокли по мосту. И там, где кончается мост, бросили на землю.

— Спокойной ночи, Ваше Величество, — съязвил один стражник.

— Приходите опять в гости, — сказал другой.

Стражники ушли, смеясь.

— В следующий раз воспользуемся его благосклонностью, — пошутил один из них.

Какое-то время Бен лежал на земле, голова у него кружилась. Он медленно встал и оглянулся на мост и огни замка. Бен смотрел на башни и зубчатые стены, сверкающие серебром в свете восьми заземельских лун, и слушал удаляющиеся голоса и тяжелый стук закрывающихся ворот.

Потом все смолкло.

Бен все еще не мог поверить, что это происходит с ним наяву.

— Мама! — прошептала Ивица, и в ее голосе послышались волнение и нежность.

Лунный свет украсил могучие леса Озерного края радужным разноцветьем красок, их яркость служила маяком в ночи. Где-то в глубине этой ночи была стоянка Сельдерея, который терпеливо ждал возвращения Ивицы. Поодаль, окутанное тьмой, находилось обиталище Владыки Озерного края — Вечная Зелень. Это была родина Ивицы, Владыка — ее отец, но в этот вечер девушка шла не на родину и не к отцу.

Она шла к лесной нимфе, которая теперь танцевала перед Ивицей как сказочное видение.

Ивица опустилась на колени на краю поляны, окруженной стареющими соснами, и наблюдала волшебное представление. Ее мать кружилась и прыгала в ночной тиши; легкая и тоненькая, она была рождена из воздуха и плыла на ветру. Она была словно пушинка. На ней было одеяние из белого газа, прозрачное и невесомое, и сквозь него просвечивала зеленоватая кожа детского тельца. С каждым движением нимфы доходящие до талии серебристые волосы падали волнами и мерцали, словно белые огоньки во мраке ночи. Ее влекла за собой музыка, слышимая ею одной.

Ивица с восторгом следила за танцем. Ее мать была диким существом, таким диким, что она не могла жить среди людей, даже среди происходящих от фей жителей Озерного края. На какое-то время она привязалась к отцу Ивицы, но это было давно. Они были близки лишь однажды, отец Иви-

цы чуть не лишился разума, добиваясь лесной нимфы, а потом мать Ивицы снова удалилась в леса. И не вернулась. От этого краткого союза и родилась Ивица, вечное напоминание отцу о сказочной фее, которую он всегда желал, но так и не смог больше заполучить. Его неистовая страсть рождала в нем одновременно любовь и ненависть. К Ивице он всегда питал двойственные чувства.

Девушка это понимала. Она была сильфида, дитя природы. Ребенок обоих родителей, отца, преданного речного эльфа, и матери, переменчивой, точно ртуть, лесной нимфы. Отец, любивший семейную жизнь, наградил Ивицу постоянством, а от матери она унаследовала некоторую необузданность. Ивица была словно соткана из противоречий. Существо из плоти и крови и одновременно растение. Большую часть лунного цикла она была человеком и лишь в заключительной фазе цикла — один раз в двадцать дней — растением. Когда Бен впервые увидел, как она перевоплощается, он был неприятно потрясен. Она превращалась из девушки в дерево на этой самой поляне и впитывала ту энергию, которой ее мать насыщала землю во время танца. Бена охватил ужас, но Ивица была такой, какой была, и ему пришлось с этим смириться. Придет день, и Бену это даже понравится, надеялась она. Отец — совсем другое дело. Его любовь безоговорочна, таковой и останется. Он все еще пленник неутоленной страсти, которую разбудила в нем мать Ивицы. Девушка только будто утяжеляла вес опутавших отца цепей.

Поэтому Ивица не стала искать у отца разгадку сна о черном единороге. Она пошла к матери.

Мать приближалась, извиваясь и кружась с непостижимой силой и изяществом. Дикое существо, тоже пленница неодолимых желаний, мать тем не менее любила Ивицу безмерно и безоглядно. Она приходила, как только Ивице была нужна ее помощь, связь между ними была так сильна, что они часто могли читать мысли друг друга. Сейчас они вели молчаливую беседу, обмениваясь образами, означавшими любовь и потребность друг в друге. Связь становилась все теснее, мысли облачались в слова...

— Мама, — еще раз прошептала Ивица.

Она была словно во сне. Мать танцевала, и в вихре балетных движений перед Ивицей предстало видение, которое привело ее сюда. Вновь появился черный единорог, существо утонченной, пугающей красоты. Он стоял в темном лесу, который Ивица видела в первом сне, и стройная фигура животного поблескивала отчасти в лунном свете, отчасти в тени и походила на ангела смерти. Увидев единорога, Ивица вздрогнула. Он казался то сказочным эльфом, то демоном из Абаддона. Выгнутый рог сверкал, копыта били о землю. Наклонив голову, зверь то рвался вперед, то осторожно отступал. Он как будто был в нерешительности.

Что его беспокоит? Ивица была в удивлении.

Вдруг она опустила глаза и нашла ответ у себя в руках. Она снова держала золотую уздечку. Единорог боится этой уздечки, Ивица это чувствовала. Она погладила уздечку, и нити плавно заскользили между пальцами. Странный поток чувств захватил сильфиду. Уздечка давала огромную власть! Ивица поняла, что может подчинить себе единорога. Во всем мире не осталось ни одного такого животного, лишь в царстве фей, куда Ивица, возможно, больше не попадет; этот единорог был единственным, и он может стать только ее, если она этого пожелает. Нужно лишь протянуть руку...

Но нет, резко остановила себя девушка, если она хоть на кратчайший миг прикоснется к этому существу, она пропала. Ивица это знала, она знала это всегда. Она принесет уздечку Бену, потому что уздечка принадлежит ему...

А потом единорог поднял голову, образец красоты и изящества. Идеально симметричная морда, длинная грива колыхалась, словно шелк, от малейшего дуновения ветра. В глазах единорога стоял страх, но не перед Ивицей с ее золотой уздечкой, а перед чем-то неведомым сильфиде. Ивица застыла от ужаса. Глаза черного единорога грозили поглотить ее. Сон затягивался, Ивица быстро моргнула, чтобы разрушить чары, и на миг заметила в глазах животного еще что-то, кроме страха. Это была несомненная мольба о помощи.

Руки Ивицы поднялись почти независимо от ее воли, и она протянула вперед уздечку как талисман.

Черный единорог заржал грубо и страшно, и тени леса как будто замерцали в ответ. Сон резко улетучился, и едино-

рог исчез. Осталась лишь мать Ивицы, танцующая на защищенной соснами полянке. Лесная нимфа в последний раз закружилась поблескивающим в темноте пятнышком лунного света, замедлила пируэт и бесшумно перепорхнула к краю поляны, где стояла коленопреклоненная дочь.

Ивица с трудом поднялась — сон отнял у нее все силы.

— О мама, — пробормотала она и сжала тонкие зеленоватые руки нимфы. — Что мне показали? — Затем Ивица нежно улыбнулась, на глазах появились слезы и тут же потекли по щекам. — Но тебя ведь нет смысла спрашивать, да? Ты знаешь не больше меня. Твой танец — это то, что ты чувствуешь, а не знаешь.

Тонкие черты матери приняли легко читаемое выражение: глаза опустились, губы слегка изогнулись. Мать понимала Ивицу, но помочь не могла. Ее танец происходил не от знания, но вел к нему. Так волшебные силы действуют через создания природы.

— Мама! — Ивица покрепче сжала ее тоненькие руки, черпая энергию от их прикосновения. — Я непременно должна знать, чем вызваны эти сны о единороге и золотой уздечке. Поведай мне, пожалуйста, почему я увидела то, что одновременно манит и пугает. Какому видению верить?

Маленькие ладони, в свою очередь, сжали руки Ивицы, и мать ответила коротким звуком, напоминающим крик птицы, этот звук раскатился эхом в лесной ночи.

Стройное тело Ивицы наклонилось совсем низко, и какой-то холодок заставил ее вздрогнуть.

— В Озерном крае есть тот, кто поможет мне понять? — тихо спросила Ивица. — Есть тот, кто знает? — Ее лицо напряглось. — Мама, я должна пойти к нему! Сегодня же!

Мать опять дала быстрый ответ на языке фей. Она встала и торопливыми кругами прошлась в танце через всю поляну и обратно. Ее руки страстно молили. «Завтра, — говорили они. — Сегодняшний вечер занят. Сегодня — твой вечер».

Ивица подняла голову.

— Да, мама, — послушно прошептала она.

Она поняла. Она желала бы поступить по-другому и не однажды так и поступала, но не могла отрицать, что мать права. Двадцатидневный цикл подходил к концу, Ивице пред-

стояло превращение. Она так сильно ощущала его необходимость, что еле сдерживалась. Она опять вздрогнула. Нужно было спешить.

Ивица вдруг подумала о Бене, и ей стало жаль, что его нет рядом.

Девушка встала и прошла в середину поляны. Руки поднялись к небу, словно она хотела вобрать в себя разноцветный лунный свет. Ивицу залило лучами, и она почувствовала, как из земли, на которой танцевала мать, поднимается материнская сила. Ивица начала впитывать эту силу.

— Встань поближе ко мне, мама, — попросила она, и ее тело замерцало.

Ступни выгнулись и обратились в корни, которые прорыли ходы вниз, в темную землю; руки удлинились и стали ветвями — превращение началось.

Мгновение спустя все кончилось. Ивица исчезла. Она стала деревцем, своей тезкой, и должна была остаться им до рассвета.

Мать медленно опустилась на землю рядом с ивушкой, из тени вынырнул призрак ребенка. Какое-то время мать была неподвижна. Затем хрупкие бледные руки обвились вокруг грубого ствола, в котором сосредоточилась жизнь дочери, и мать крепко прижалась к нему.

Приближался рассвет. Луны Заземелья блекли одна за другой, ночные тени уступали место расширяющемуся золотому диску, который медленно пробивал себе путь на востоке.

Советник Тьюс шествовал по залам замка Чистейшего Серебра, тощая фигура в сером облезлом одеянии с разноцветными лентами, и вид у волшебника был такой, будто он потерял лучшего друга. Рядом с вестибюлем советник свернул за угол и врезался в Абернети.

— Ранняя прогулка, а? — лукаво спросил писец.

Советник хмыкнул, и морщины, бороздившие его лоб, стали еще глубже.

— Я не могу заснуть и никак не пойму почему. Бог видит, за такой день можно было устать.

Лохматая морда Абернети не выдавала его мыслей. Он пожал плечами и зашагал рядом с волшебником.

— Я понял, что вечером кто-то вломился в спальню короля и этот кто-то называл себя королем.

Тьюс снова хмыкнул:

— Сумасшедший. Ему повезло, что его отпустили. Это король приказал: «Переправьте его на равнину». Уверяю тебя, если бы мне предоставили право решать, я бы не был столь великодушен.

Они пошли дальше.

— Странно, что король просто отпустил его, — наконец заметил Абернети. Его нос дернулся. — Обычно он находит лучшие способы обойтись со своими врагами.

— Гм-м-м. — Советник будто не слышал. — Меня беспокоит, что этот человек столько знал о снах. Он знал о волшебных книгах, о путешествии короля, о единороге... — Тьюс немного помолчал. — Казалось, он знает все. Он был так уверен в себе.

Какое-то время друзья только переглядывались. Советник зашагал вверх по лестнице, ведущей к галерее, которая выходила к внешним парапетам на фасаде крепости. Внизу лежал мост, соединяющий остров с равниной; он раскинулся через озеро, массивный и величественный. Сквозь редеющую мглу советник вглядывался в далекий берег, искал что-то глазами у самой воды. Его совиное лицо напряглось, как натянутый узел.

— Незнакомец, очевидно, ушел, — наконец проговорил Тьюс.

Абернети странно на него посмотрел.

— А ты чего ожидал? — спросил писец.

Он тщетно ждал ответа на этот вопрос. Тьюс молча продолжал пялиться на дальний берег.

ГЛАВА 6
ДИРК С ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

Новый день не застал Бена Холидея у ворот замка Чистейшего Серебра; вопреки ожиданиям он не стоял, подглядывая в щелку между бревнами. День застал Бена на пути к

югу, в Озерный край. Он шел быстро, зная свою цель. К тому времени, как солнце позолотило на востоке край долины, поднявшись над туманами и кронами деревьев, Бен уже прошел километров десять и собирался к концу дня одолеть еще по меньшей мере пятнадцать.

Решение уйти далось Бену нелегко. На это потребовалось много времени. Он сидел во мраке и холоде, глядя на огни крепости, и думал, чем его так огрели, что первые полчаса он даже не мог двигаться, словно пудовой гирей придавили. Чувства сменяли друг друга: потрясение, страх, гнев — и все сначала. Это было как дурной сон, который рано или поздно должен закончиться, но ему все нет конца. Бен снова и снова перебирал в уме события этой ночи, пытаясь придумать им разумное объяснение, выявить какую-то закономерность. Не удалось. Все сводилось к одному: Микс был в стенах крепости, а Бен — за ними.

Наконец Бен признал в отчаянии, что все происшедшее с ним случилось наяву. Ради Заземелья он бросил жизнь и мир, где все было так спокойно и знакомо; он рискнул всем, что имел, надеясь найти что-то лучшее. Препятствия встречались на каждом шагу, но он преодолел их. Он обрел в действительности то, что большинство людей обретают лишь в мечтах. Теперь, когда он только почувствовал вкус к тому, что имел, когда только стало казаться, что худшее позади, все, чего он с таким трудом добился, похищено, и он вполне может остаться с носом.

Это невозможно. Это несправедливо.

Но это правда, и Бен не был бы все эти годы удачливым юристом в своем мире, если бы избегал смотреть правде в глаза. Поэтому Бен подавил отчаяние, преодолел неспособность двигаться, проглотил гнев и страх и заставил себя оценить положение. Он все время старался прокрутить в уме то, что с ним случилось, но факты не совпадали с его желанием. Микс заманил Бена в прежний мир, и Бен доставил колдуна обратно в Заземелье. Микс сделал так, послав Бену лживый сон о Майлзе. Но Микс послал также сны о пропавших волшебных книгах Тьюсу и о черном единороге Ивице. Зачем Микс это сделал? Должна же быть причина. Сны как-то связаны между собой — Бен был уверен в этом. Он также был

уверен в том, что Микс не случайно выбрал такое время для возвращения в Заземелье. Это стало ясно по его обличительным речам в спальне. В какой-то степени Бен нарушил планы Микса — Бен не просто помешал колдуну продать трон Заземелья кому-то другому и изгнал Микса из родного мира. Здесь было что-то гораздо более важное для Микса. Гнев колдуна вызвали события, до сих пор Бену неведомые. Они принуждали Микса вернуться, и принуждали отчаянно.

Но Бен не имел понятия почему.

Бен не понимал, почему, несмотря на брошенный вызов, Микс не убил его, когда представилась возможность. Это загадка. В изгнании Микс, явно ненавидя Бена, желал ему всяких несчастий, но отпускать его на свободу было немного рискованно. Рано или поздно кто-нибудь поймет обман и узнает правду. Микс не сможет принять обличье Бена, а Бен — остаться незнакомцем абсолютно для всех. Должен быть способ разгадать волшебную силу этого гадкого амулета, которым снабдил Микс Бена, и Бен наверняка найдет ответ. С другой стороны, возможно, то, что Бен сделает потом, уже не будет иметь значения. Возможно, у него нет времени. Возможно, прежде чем он постигнет правила игры, для него будет все кончено.

Вероятность такого исхода ужаснула Бена. Значит, надо действовать. Но с чего начать? Он смотрел через озеро на темные очертания замка и думал. Здесь, где все, даже самые близкие друзья, считают его незнакомцем, он только теряет время. Если ни советник, ни Сапожок не узнали Бена, невелика надежда, что в замке Чистейшего Серебра его узнает кто-нибудь другой. В настоящее время король Заземелья — Микс, и надо это признать. Для Бена это как нож в сердце, но ничего не поделаешь. Микс стал Беном, а Бен стал каким-то типом, который проник в крепость без приглашения и пытался причинить всем неприятности. Если он попробует вломиться еще раз, он, несомненно, вылетит за ворота в гораздо более неприглядном виде, чем теперь.

Может, Микс этого и ждет. Может, он на это рассчитывает. Но Бен вряд ли предоставит Миксу такую возможность.

К тому же можно выбрать лучший образ действий. Пусть Бен не знает наверняка, что затеял Микс, но Бен знает доста-

точно, чтобы помешать колдуну, надо только поспешить. Микс наслал три сна, и два из них уже использовал в своих целях. С помощью Бена Микс вернулся в Заземелье, и Тьюс принес ему пропавшие волшебные книги. Ошибки быть не может, говорил себе Бен, теперь Микс завладел этими книгами, это так же точно, как то, что солнце восходит на востоке. Значит, придется довольствоваться лишь третьим сном, тем, что видела Ивица, сном о черном единороге. Этот сон Микс тоже хотел как-то использовать, в гневе он об этом обмолвился. Ему нужна была золотая уздечка, чтобы оседлать черного единорога, и он очень надеялся, что Ивица принесет эту уздечку ему. И в конце концов, может, действительно принесет. Сон предупреждал ее, что единорог для нее опасен, что лишь уздечка защитит сильфиду и что она должна принести уздечку Бену. Разумеется, она так и сделает, как только найдет уздечку; суть лишь в том, что Ивицу будет встречать Микс, принявший обличье Бена. Но если Бен первый отыщет сильфиду, он сможет все это предотвратить. Он сможет предостеречь Ивицу, и, может быть, вдвоем они выяснят, почему колдуну так важны уздечка и единорог, и разрушат планы Микса.

Вот почему, приняв трудное решение, Бен отправился на юг. Это означало, что Бен отказывается выполнять обязанности короля Заземелья и передает их Миксу. Это означало, что Бен бросает на произвол судьбы Совет судей, орошение полей, находящихся к югу от Уэймарка, вечно нетерпеливых властелинов Зеленого Дола, сбор налогов и все прочие дела, которые ждали короля Заземелья. Отныне Микс может делать безнаказанно что угодно или же, что вполне возможно, не делать ничего. Решение Бена означало оставить замок Чистейшего Серебра и бросить друзей — советника, Абернети и кобольдов. Бен чувствовал себя трусом и предателем. Душа его требовала остаться и вступить в бой. Но Ивица для него важнее. Надо найти ее и предупредить. Как только Бен это сделает, он займется разоблачением Микса и все наладит.

К сожалению, найти Ивицу будет нелегко. Бен направился в Озерный край, потому что Ивица говорила, что именно там она начнет поиски единорога и золотой уздечки. Но сильфида ушла почти неделю назад, и теперь поиски могли завести ее куда угодно. Бена никто не узнает, и он не сможет

воспользоваться положением короля Заземелья и просить о помощи. На него могут не обратить внимания и даже не впустить в Озерный край. Если это произойдет, он попадет в беду.

С другой стороны, трудно представить себе большую беду, чем та, в которую он уже попал.

Бен прошагал весь день, от ходьбы он почувствовал себя лучше просто потому, что начал действовать, а не сидел сиднем. Извилистая тропа вела на юг через покрытые редким лесом холмы, вокруг острова, где стоял дом Бена, и дальше в глубь густого леса, владений Владыки Озерного края. Холмы выровнялись и сменились лугами, луга перешли в растущий все гуще лес, сырой от влаги и мрачный от теней. В пейзаже стали мелькать озера, некоторые не больше болотистых прудов, другие такие огромные, что пропадали вдали, в тумане. Деревья нависали и теснились вокруг, и запах сырости пронизывал сумерки. Установившаяся ближе к закату тишина с наступлением ночи стала медленно заполняться звуками.

Бен нашел полянку у ручья, бежавшего с отдаленных холмов, и сделал привал. Ненадолго. У него не было ни еды, ни одеяла, так что приходилось довольствоваться листьями и ветками Лазурных Друзей и водой из ручья. Все это имелось в избытке, но едва ли удовлетворяло. Бену все время казалось, что в тени кто-то прячется и наблюдает за ним. Может, его обнаружили жители Озерного края? Но никто не показывался. Бен был совершенно один.

Одиночество поколебало уверенность Бена в себе. Сказать правду, он был просто беспомощен. Он лишился своей резиденции, рыцарей, власти, титула, друзей и своего обличья. Хуже всего, что он лишился медальона. Без медальона Бен не может рассчитывать на защиту Паладина. Он может рассчитывать только на самого себя, а это ничтожно мало, чтобы противостоять опасности, которую представляют обитатели Заземелья и их многообразные формы колдовства. Бену удалось выжить в Заземелье под защитой медальона. Что делать теперь, когда медальона нет?

Бен уставился в темноту, ответы ускользали от него, как ночные тени. Больше всего его огорчало то, что медальон попал к Миксу. Бен, хоть убей, не мог понять, как это случилось.

Никто не мог снять с него медальон. Значит, Бен отдал медальон добровольно. Но как Миксу удалось заставить Бена сделать такую глупость?

Бен закончил скудный ужин и по-прежнему грустно размышлял над событиями, которые привели его к такому плачевному состоянию, как вдруг появился кот.

Кот сидел на краю полянки, метрах в трех от ручья, и следил за Беном. Бен не имел понятия, как долго кот там пробыл. До сих пор Бен не замечал кота, но кот вел себя очень тихо, так что, может, он сидел уже давно. Глаза кота сияли в лунном свете, как два изумруда. Шубка была серебристо-серая, только лапы, морда и хвост черные. Это было хрупкое, изящное создание; казалось, такому не место в лесной чаще. У него был вид заблудившегося домашнего баловня.

— Привет, котик, — с кислой улыбкой произнес Бен, откинувшись на оба локтя.

— И тебе привет, — ответил кот.

Бен выпучил глаза, он был уверен, что ослышался. Кот говорит?! Бен выпрямился.

— Вы что-то сказали? — осторожно спросил Бен.

Сияющие глаза кота моргнули и уставились на Бена. Бен несколько минут подождал и затем снова откинулся на локти. Нет ничего удивительного, если кот говорит, уверял себя Бен. В конце концов, дракон Страбон говорящий; если есть говорящий дракон, почему бы не быть говорящему коту? Но кот молчал. Значит, Бен ослышался.

— Плохо, что ты не можешь говорить, — пробормотал Бен, подумав, что было бы хорошо поделиться с кем-нибудь своим горем.

Ночь принесла холод, и одетый в грубый рабочий комбинезон Бен скоро продрог. Вот бы сюда одеяло или развести огонь, отгоняющий сырость, а еще лучше быть дома в собственной постели, в замке!

Бен снова взглянул на кота. Тот не двигался. Просто сидел и пялился на Бена. Бен нахмурился. Застывший взгляд кота слегка действовал на нервы. А вообще, что делать коту одному в лесу? Он что, бездомный? Изумрудные глаза ярко сияли. Взгляд был острый и настойчивый. Бен не выдержал и стал смотреть на темный лес. Он снова вернулся к мысли, как

найти Ивицу. Ему понадобится помощь Владыки Озерного края, но как убедить этого субъекта, что Бен на самом деле Бен Холидей? Пальцы Бена коснулись висевшего на шее тусклого медальона и нащупали изображение Микса. От этого медальона уж точно никакого толку.

— Может, волшебная сила поможет Владыке узнать меня? — вслух подумал Бен.

— На твоем месте я бы не стал на это полагаться, — ответил кто-то.

Бен вздрогнул от испуга и быстро посмотрел в том направлении, откуда шел голос. Там не было никого, кроме кота.

Бен прищурил глаза.

— В этот раз я тебя слышал! — гаркнул Бен, раздраженный тем, что не подумал, как глупо могут звучать его слова. — Ты умеешь говорить, да?

Кот подмигнул и ответил:

— Я говорю, когда мне это нравится.

Бен старался овладеть собой.

— Понятно. Но по крайней мере будь любезен объявить о своем присутствии, а не играй с людьми в кошки-мышки.

— Любезность здесь ни при чем, король Бен Холидей. Игра в кошки-мышки для кота есть образ жизни. Мы дразним, мы насмешничаем и делаем все по-своему, а не так, как хотят другие. Игра в кошки-мышки — неотъемлемая часть нашей личности. Кто желает поддерживать с нами хоть какие-то отношения, должен иметь это в виду. Понимать, что общение с нами на любом уровне включает участие в наших играх.

Бен уставился на кота.

— Откуда ты знаешь, кто я такой? — наконец спросил Бен.

— А кем еще ты можешь быть, если не тем, кто ты есть? — ответствовал кот.

Бен с минуту молчал и переваривал эту фразу.

— Да, никем, — в конце концов проговорил он. — Но как ты меня узнал, если никто не узнает? Я не кажусь тебе кем-то другим?

Кот поднял изящную лапку и нежно ее облизал.

— Мне все равно, как ты выглядишь, — сказал кот. — Внешность обманчива: можно казаться одним, а быть дру-

гим. Я никогда не доверяю внешности. Коты могут казаться, какими пожелают. Коты — мастера обманывать, а мастера не обманешь. Я вижу, кто ты есть, а не кем ты кажешься. Можешь не отвечать. Я знаю, что, кем бы ты ни казался, ты все равно Бен Холидей, король Заземелья.

Бен еще с минуту помолчал, пытаясь понять, с чем он здесь столкнулся и откуда взялось это загадочное существо.

— Значит, ты знаешь, кто я такой, несмотря на то что я заколдован, — заключил Бен. — Колдовство не сбивает тебя с толку?

Кот мгновение разглядывал Бена, затем в раздумье поднял мордочку:

— Колдовство и тебя бы не сбило с толку, если бы ты ему не позволил.

Бен насторожился:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все и ничего. Обман в основном такая игра, в которую мы играем сами с собой.

Разговор все больше напоминал головоломку. Бен снова устало сел.

— Кто вы, мистер Кот? — спросил Бен.

Кот встал, приблизился на несколько шагов и снова сел, гладкий и важный.

— Я и то, и се, и все, любезный король. Я то, что ты видишь, и то, чего ты не видишь. Я действительность и фантазия. Я из известной тебе жизни и из снов о жизни, тебе неизвестной. На самом деле я, в сущности, парадокс.

— Очень глубокомысленно, — проворчал Бен. — Нельзя ли попроще?

Кот подмигнул:

— Можно. Смотри.

Кот вдруг засветился во тьме, он сверкал так, будто излучал радиацию, и гладкое тело, казалось, стало менять форму. Бен от рези зажмурился, а потом снова открыл глаза. Кот раздался в размерах. Он вырос раза в четыре и перестал быть просто котом. Мордочка, сохранив кошачьи уши, нос, усы и шерсть, стала напоминать человеческое лицо, когти превратились в пальцы. Кот выжидательно вилял хвостом и смотрел на Бена.

Бен начал было задавать вопросы, но бросил.

— Ты, наверное, волшебное существо, — наконец понял он.

Кот ухмыльнулся почти как человек:

— Точно так! Твое заключение очень разумно, мой король!

— Благодарствую. Не соблаговолишь ли ответить, к какой разновидности волшебных существ ты относишься?

— К какой разновидности? Ну, гм... гм-м-м, я призматический кот.

— Это что такое?

Ухмылка исчезла.

— Не думаю, что смогу объяснить, даже если бы захотел, а по правде сказать, и не хочу. Ты все равно не поймешь, правитель. Ты не поймешь, потому что ты человек. Вот что я тебе скажу. Я старинной и очень редкой кошачьей породы. Нас осталось всего несколько, я один из них. Мы всегда были особыми и не размножались, как обычные животные. Ты ведь об этом слышал, с волшебными существами так и бывает. Не слышал? Ну так знай. Призматические коты встречаются редко. Чтобы осуществлять наши замыслы, нас должно быть немного.

— А какой замысел ты пытаешься осуществить здесь? — все еще стараясь разобраться во всем этом пустословии, спросил Бен.

Кот лениво взмахнул хвостом:

— Посмотрим!

— От чего это зависит?

— От тебя. От твоей... внутренней самооценки.

Теперь Бен уставился на кота. Все так запуталось, что Бену было трудно поддерживать разговор. На него напали в собственном доме и вышвырнули вон, как чужака. Он потерял свое обличье, потерял друзей. Теперь замерз и проголодался. Он чувствовал, что его самооценка приближается к нулю.

Кот слегка пошевелился.

— Молчишь. А я решаю, стать ли мне на время твоим спутником, — объявил он.

Бен слабо улыбнулся:

— Моим спутником?

— Да. Тебе определенно нужен спутник. Ты видишь себя не таким, какой ты на самом деле. И отсюда все остальные

тоже, кроме меня. Мне это интересно. Я, пожалуй, останусь с тобой, пока не выяснится, чем это все для тебя обернется.

Бен не верил своим ушам.

— Скажу только одно. Ты необыкновенное существо: кот, человек, эльф или еще кто — не важно. Но подумай как следует, прежде чем прибиться ко мне. Ты можешь попасть в такое положение, из которого сложно будет выбраться.

— Весьма сомнительно, — ответил кот. — В наше время редко встречаются настоящие трудности.

— Да? — Терпение Бена лопнуло. Какой наглый кот! Да он невыносим! Бен наклонился поближе к этому напыщенному созданию. — Вот послушайте-ка, мистер Кот! Что вы скажете на то, что существует колдун по имени Микс, который похитил мое обличье, мой трон и мою жизнь и обрек меня на изгнание в моей собственной стране? Что вы скажете на то, что я собираюсь все это вернуть, но для этого мне надо найти сильфиду, которая, в свою очередь, разыскивает черного единорога? И что вы скажете на то, что и меня, и любого, кто отважится мне помочь, могут запросто обнаружить и уничтожить весьма неприятным образом?

Кот не отвечал. Он просто сидел, словно в раздумье. Бен откинулся назад, был доволен и в то же время раздосадован. Конечно, он мог поздравить себя с тем, что выложил перед котом все карты и рассказал все начистоту. Но этим Бен погубил единственную возможность найти помощника. Нельзя совместить несовместимое, напомнил себе Бен.

Но кот был невозмутим:

— Знаешь, кота не так-то легко отвадить, если он принял решение. Коты отличаются совершенно независимым характером, их не улестишь и не испугаешь. Я отказываюсь понимать, почему ты избрал со мной такую тактику, мой король.

Бен вздохнул:

— Извини. Я просто думал, что нужно ввести тебя в курс дела.

Кот встал и выгнул спину.

— Я знаю, как обстоят дела. Ты обманут. Но чтобы победить обман, его надо лишь распознать. И я думаю, это объединяет тебя с черным единорогом.

Бен опять удивился. И нахмурился:

— Ты знаешь о черном единороге? Он действительно существует?

Кот был возмущен:

— Ты ведь его ищешь, разве не так?

— Я ищу скорее сильфиду, чем животное, — поспешно ответил Бен. — Ей приснились единорог и золотая уздечка, которой его можно удержать; она отправилась искать и то, и другое. — Бен помешкал, а затем выпалил все начистоту: — Сон о единороге наслал колдун. Он послал и другие сны: мне и другому волшебнику, своему сводному брату советнику Тьюсу. Мне кажется, что эти сны как-то связаны между собой. Я боюсь, что Ивица — сильфида — в опасности. Если я смогу ее разыскать прежде, чем колдун Микс...

— Ну, конечно, конечно, — довольно грубо оборвал кот Бена. Мордочка выражала скуку. Он опять сел. — Очевидно, мне лучше пойти с тобой. С волшебниками и черными единорогами шутки плохи.

— Я тоже так думаю, — сказал Бен. — Но для того что нам предстоит сделать, ты, сдается мне, подготовлен не лучше меня. К тому же это все не имеет к тебе никакого отношения. Это мои трудности. Я буду неловко себя чувствовать, если поставлю на карту еще и твою жизнь.

Кот чихнул.

— Какая благородная забота!

Бен мог поклясться, что в голосе кота звучала насмешка, но мордочка была непроницаема. Кот сделал небольшой круг и снова сел.

— Зря ты считаешь, что кот не подготовлен лучше любого человека для всего, что нужно сделать! Кроме того, почему ты упорно думаешь обо мне как просто о коте?

Бен пожал плечами:

— А ты не просто кот?

Кот долго смотрел на Бена, а потом начал умываться. Он облизывал и теребил шерстку, пока она не стала выглядеть такой выхоленной, что ему самому было приятно посмотреть. Все это время Бен наблюдал. Когда кот наконец остался доволен своей работой, он снова повернулся к Бену:

— Ты не слушаешь меня, любезный король. Неудивительно, что ты потерял себя или стал не тем, кем хочешь быть.

Неудивительно, что никто, кроме меня, тебя не узнает. Я начинаю сомневаться, стоит ли мне тратить на тебя время.

От такого выговора лицо Бена залилось краской, но он смолчал. Кот моргнул:

— Здесь в лесу холодно, в воздухе стоит прохлада. Я предпочитаю уютно сидеть у очага или у костра. Ты хотел бы погреться у костра, правитель?

Бен кивнул:

— Да, но мне нечем его разжечь.

Кот встал и потянулся.

— Вот именно. А у меня есть. Смотри.

Кот опять засверкал, как раньше, и его очертания потеряли четкость. Потом внезапно возник кристаллический блеск, и существо из плоти и крови совсем исчезло, а на месте кота оказалось что-то похожее на большую стеклянную статуэтку. Статуэтка сохраняла вид кота с человеческими чертами лица, но этот кот менял форму, будто состоял из воды. Изумрудные глаза сияли на прозрачном теле, в котором отражался лунный свет; преломленные лучи образовали зеркальные поверхности, перемещающиеся, как крошечные стеклянные пластинки. Потом свет сосредоточился в изумрудных глазах и вырвался наружу, как луч лазера. Луч поразил валяющийся метрах в трех хворост и мгновенно разжег яркий огонь.

Бен прикрыл глаза, а когда огонь уменьшился до размеров бивачного костра, стал наблюдать. Изумрудные глаза потускнели. Кот замерцал и принял прежний вид. Медленно сел и окинул Бена торжествующим взглядом.

— Может, теперь ты вспомнишь, что я говорил тебе, кто я такой! — сказал кот.

— Призматический кот, — тут же ответил Бен.

— Правильно. Я могу улавливать свет, идущий от любого источника, даже от такого отдаленного, как восемь лун этой земли. А затем я преобразую этот свет в энергию. В сущности, элементарная физика. По крайней мере я наделен большими способностями, чем ты. Я продемонстрировал лишь малую часть этих способностей.

Бену было немного не по себе.

— Я верю тебе на слово.

Кот слегка приблизился к огню и снова сел. Ночные звуки замерли. В воздухе чувствовалось внезапное напряжение.

— Я бывал в тех местах, которые другим лишь снятся, и видел то, что скрыто от глаз. Я знаю множество тайн. — Кот понизил голос до шепота. — Подойди ближе к огню, король Бен Холидей. Погрейся.

Бен послушался, кот наблюдал. Изумрудные глаза, казалось, снова вспыхнули.

— Я знаю о колдунах и пропавших волшебных книгах. Я знаю о черных и белых единорогах, потерявшихся и тех, которые вернулись. Я даже знаю кое-что о хитростях, с помощью которых некоторых заставляют казаться не такими, какие они на самом деле. — Бен пытался вставить слово, но кот предостерегающе зашипел: — Нет, король, послушай! Обычно я не расположен к таким пространным беседам, так что тебе надлежит дослушать меня до конца! Котам не часто есть что сказать, но мы всегда много знаем! Так и сейчас. Я знаю многое из того, что скрыто от тебя. Кое-что из моих знаний может пригодиться тебе, кое-что нет. Нужен отбор. Но отбор требует времени, а уделить чему-то время — значит ограничить свою свободу. Я ограничиваю свою свободу, но редко. Однако, как я уже сказал, ты меня интересуешь. И я подумаю о том, чтобы сделать для тебя исключение. Что ты об этом думаешь?

Бен не мог сказать, что он об этом думает. Откуда этому коту известно о черных и белых единорогах? Откуда ему известно о пропавших волшебных книгах? Что из этого всего просто общие слова, а что относится непосредственно к Бену? Ему хотелось об этом спросить, но он точно знал, что кот не ответит. Вопросы смешались в кучу и будто застряли в горле у Бена.

— Так ты пойдешь со мной? — наконец спросил он, в упор взглянув в изумрудные глаза.

Кот моргнул:

— Я подумываю об этом.

Бен медленно кивнул:

— У тебя есть имя?

Кот моргнул еще раз:

— У меня множество имен, так же как множество лиц. Сейчас мое любимое имя Дирк с Лесной опушки. Но ты можешь называть меня просто Дирк.

— Рад с тобой познакомиться, Дирк, — сказал Бен, улыбаясь.

— Это мы еще посмотрим, — неопределенно ответил Дирк с Лесной опушки. Он повернулся и на несколько шагов придвинулся к огню. — Ночь меня утомляет, мне больше нравится день. Сейчас я, пожалуй, лягу спать. — Он немного покружил по траве и улегся, свернувшись в пушистый комочек. На миг засверкал с ног до головы и снова стал обычным котом. — Спокойной ночи, Ваше Величество.

— Спокойной ночи, — машинально ответил Бен.

Он все еще находился под воздействием чувств, которые вызвал у него Дирк. Бен обдумывал слова кота, пытаясь определить, что это существо действительно знает, а что просто догадки. Хворост в огне трещал, костер фыркал в темноту, и Бен, стараясь согреться, подсел поближе. Как бы то ни было, Дирк с Лесной опушки может быть полезен, решил Бен и протянул руки к огню. А что, если это странное существо, настолько быстро меняющее обличье...

Бену вдруг пришла в голову неожиданная мысль.

— Дирк, ты меня искал? — спросил Бен.

— А-а? — тихо ответил кот.

— Да? Ты нарочно меня разыскивал?

Бен ждал, но Дирк с Лесной опушки не сказал больше ни слова. Тишину стали снова заполнять ночные шорохи. Напряжение в душе Бена ослабло, язычки пламени лизали хворост и разгоняли лесные тени. Бен остановил взгляд на спящем коте и почувствовал странную безмятежность. Он больше не ощущал одиночества.

Бен набрал полные легкие ночного воздуха и выдохнул. Не ощущал одиночества? Кого он хочет одурачить?

Бен все пытался это понять и наконец заснул.

ГЛАВА 7

ЭЛЬФ-ЦЕЛИТЕЛЬ

Бен Холидей проснулся на рассвете и не мог сообразить, где находится. Бен настолько потерял ориентацию, что несколько минут не мог припомнить ни одного события, про-

изошедшего за последние тридцать шесть часов. Он лежал на мокрой от утренней росы траве на поляне в лесу и недоумевал, почему он не в своей постели в замке Чистейшего Серебра. Оглядел себя и удивился, с чего это вдруг на нем такая потрепанная одежда. Уставился на затуманенные очертания деревьев — что за чертовщина тут происходит.

Потом Бен заметил Дирка с Лесной опушки, который примостился на поваленном стволе; нахальный и гладкий, кот вылизывался и старательно прихорашивался, не обращая ни малейшего внимания на своего приятеля-человека. Тут на Бена нахлынул поток неприятных воспоминаний, память вернулась, и Бен с грустью пожалел об этом — лучше бы он так ничего и не узнал.

Бен поднялся на ноги и отряхнулся, выпил немного воды из ручья и съел плод с лазурного дерева. Плод был сладкий и приятный на вкус, но голода не утолил. Бен несколько раз бросил взгляд в сторону Дирка, но кот продолжал умываться, не замечая Бена; очевидно, умывание было для Дирка первоочередным делом, остальное могло подождать.

Наконец он закончил прихорашиваться, встал, потянулся и сказал:

— Я решил тебя сопровождать.

Бен сдержался и не сказал то, что хотел сказать, а просто кивнул.

— По крайней мере какое-то время, — многозначительно добавил Дирк.

Бен еще раз кивнул.

— Ты знаешь, куда я собираюсь идти? — спросил он загадочно.

Дирк одарил Бена взглядом, в людском обществе обычно означавшим: «Ну почему же ты такой идиот?» — и ответил:

— Конечно! А ты что, не знаешь?

Они покинули место привала и молча пошли по утреннему лесу. Небо было серым и мрачным. Густо обложенное тучами солнце лениво выходило из-за деревьев, зашоренный туманом свет был достаточно ярок, чтобы серебристые пятнышки прогнали тени и усеяли ведущую вперед тропинку, как камешки, которые положили для перехода через пруд. Бен

шел первым, Дирк осторожно крался на несколько шагов сзади. Путников не сопровождали лесные звуки — казалось, в лесу не было жизни.

Утро еще не кончилось, когда Бен и кот достигли Иррилина и пошли вдоль берега на юг по узкой тропинке, которая вилась мимо живых деревьев и сухостоя. Озеро выглядело таким же безжизненным, как окружающий лес. Облака висели низко над водой, ветра не было. Бена захлестнули воспоминания. Он мысленно вернулся к первой встрече с Ивицей, когда пришел в Озерный край просить помощи его Владыки в обретении трона Заземелья. Ивица и Бен случайно увидели друг друга: ночью они купались обнаженные в теплых, напоенных весной водах озера. Бен никогда не видел никого прекраснее сильфиды. Она вновь пробудила в нем, казалось, навеки утраченные чувства.

Бен покачал головой. Воспоминания оставили у него странную печаль, будто прошлое было потеряно навсегда. Он вглядывался в серую плоскую поверхность Иррилина, пытаясь восстановить тогдашние образы. Но смог увидеть лишь играющих в тумане призраков.

Обогнув южную оконечность озера, Бен и кот снова углубились в лес. Неожиданно стал накрапывать дождь. Серовато пятнышки солнечного света пропали, тени сгустились. Лес внезапно изменился. Деревья стали искривленными и серыми, будто уродливые хранители призрачного мира духов, которые струйками дыма проникали сквозь покрывший все туман. Вновь возникли звуки, но они не успокаивали, а пугали; это отголоски жизни пронизывали мглу и давали понять, что кроется в тумане. Бен замедлил шаги, он моргал и вытирал дождинки с лица. После знакомства с Ивицей он по нескольким поводам совершал путешествия в Озерный край, но каждый раз в сопровождении сильфиды или советника Тьюса, и их всегда встречало какое-нибудь сказочное существо. До Иррилина Бен мог найти дорогу сам, но дальше он пути не знал. Если Бен хочет найти Владыку Озерного края и его народец, Бену придется обратиться за помощью, но он может ее не получить. Народец Озерного края жил в Вечной Зелени, это был их родной город, спрятанный где-то здесь в лесу. Вечную Зелень нельзя отыскать без посторонней помощи. Сам

Владыка тоже может принять гостя, а может и выставить — на свое усмотрение.

Бен прошел еще немного, тропинка, ведущая вперед, совсем исчезла, и он остановился. Куда идти теперь — непонятно. Проводника тоже не видно. Лес стоял кругом зловещей стеной из сырости и мрака.

— У тебя какие-то трудности?

Дирк с Лесной опушки появился рядом с Беном и осторожно сел, подрагивая от бьющих его капель дождя. Бен на какое-то время совершенно забыл о призматическом коте.

— Я не знаю, куда идти, — неохотно признался Бен Холидей.

— Да? — Дирк взглянул на него, и Бен мог поклясться, что кот пожал плечами. — Что ж, полагаю, следует довериться чутью.

Кот встал и мягкой поступью бесшумно пошел вперед, отклоняясь немного влево, в туман. Бен на миг уставился вслед коту, а затем двинулся за ним. Кто знает? Может быть, чутью кота и стоит доверять, подумал Бен. Во всяком случае, у кота чутье не хуже, чем у него самого.

Они неторопливо шли вперед, крались мимо больших деревьев, пригибались под низкими ветвями, обвитыми мшистыми стелющимися растениями, переступали через гниющие стволы и огибали болотистые лужи, из которых сочилась липкая черная грязь. Дождь полил сильнее, и Бен почувствовал, как его одежда пропитывается влагой и тяжелеет. Лес и туман становились все гуще и окутывали Бена, точно плащом, дальше трех метров ничего не было видно. Бен слышал вокруг какое-то движение, но ничего не мог рассмотреть. Дирк мягко и уверенно шел вперед, нарочито не обращая внимания на Бена.

Затем из мглы внезапно выплыла тень и приказала им остановиться. Это был лесной эльф, тонкий и гибкий, маленький, как ребенок, с загорелой, огрубевшей кожей и густыми темными волосами, которые, напоминая гриву, покрывали затылок и росли на руках. Одетый в неприметную, землистого цвета одежду, он, подобно деревьям, казался частью леса и, если бы пожелал, мог исчезнуть так же быстро, как появился. Он бросил взгляд сначала на Бена, а потом на Дирка и ничего не сказал. Увидев кота, эльф заколебался,

будто что-то обдумывал, а затем им обоим сделал знак идти вперед.

Бен вздохнул. Полпути позади, подумал он.

Бен с котом двигались вперед по узкой тропе, которая змеей вилась по широким пустым просторам болот. Туман клубился над ровной поверхностью воды плотными серыми облаками. Дождь продолжал падать тонкой пеленой. Во мгле мелькали и скользили фигурки, похожие на духов, лица некоторых напоминали людей, другие выглядели как лесные создания. Глаза моргали и таращились на Бена, а потом исчезли, исчезли все: эльфы, нимфы, водяные, русалки, феи и прочие сказочные существа. Сказочный мир детских книжек вдруг ожил, фантазия непостижимым образом смешалась с действительностью. Бена это удивило и слегка испугало.

Тропа, по которой шел Бен, была ему незнакома. Так было всегда, когда он отправлялся в Вечную Зелень; Владыка Озерного края каждый раз вел Бена другим путем. Иногда Бен переходил озера вброд по пояс в воде или шлепал по болотистой земле, которая жадно засасывала его ботинки. Какой бы дорогой Бен ни шел, болото всегда было рядом, и он знал, что, если случайно сойдет с тропы, ему быстро придет конец. Бена все время беспокоило, что он может не найти дорогу в Вечную Зелень или может не найти дорогу обратно. Это означало, что, если Владыка Озерного края не пожелает выпустить Бена, он окажется в ловушке. Раньше Бен об этом не думал. В конце концов, он был королем Заземелья, и медальон давал ему волшебную силу. Но теперь все иначе. Бен утратил и свое обличье, и медальон. Бен стал просто незнакомцем. С незнакомцем Владыка Озерного края может обойтись как ему заблагорассудится.

Бен все еще обдумывал этот вопрос, когда они с котом вошли в большую кипарисовую рощу, отодвинули висящие, как занавески, влажные, мшистые стелющиеся побеги, обогнули мощные кривые корни и наконец вылезли из болота. Ступни Бена нащупали твердую почву, и он начал карабкаться вверх по отлогому склону. Мгла и туман поредели, кипарисы сменились дубами и вязами, зловоние улетучилось, и утренний воздух заполнили сладкие запахи лесистой местности. Разноцветье вернулось гирляндами напоенных дождем

цветов, висящих вдоль живых изгородей и привязанных к перилам, которые обрамляли тропу. Бен почувствовал облегчение. Дальнейший путь был ему знаком. Он ускорил шаг, чтобы побыстрей закончить путешествие.

Затем холм шел под уклон, в конце тропы деревья расступились, и это был конец пути. Перед Беном простерлась Вечная Зелень, обиталище сказочных существ Озерного края. На переднем плане стоял огромный открытый амфитеатр, где жители проводили праздники; теперь во время дождя амфитеатр был серым и пустым. По периметру амфитеатра росли мощные деревья, внизу они соединялись спиленными бревнами и образовывали сиденья, окружавшие покрытую травой и дикими цветами арену. А сверху ветви деревьев переплетались, создавая крышу над головой, с ее краев тонкой струйкой стекал дождь. Снаружи над амфитеатром вздымались растения в два раза выше громадных калифорнийских мамонтовых деревьев; эти гиганты заслоняли обложенный туманом горизонт и держали на ветках собственно город — множество домиков и лавочек, которые были связаны между собой затейливой сетью лестниц и аллей, протянувшихся от края леса до вершин деревьев и обратно.

Бен вспомнил свое первое посещение этого города — тогда он показался ему намного привлекательнее.

Бен остановился, стал вглядываться и смахнул текущие по лбу капли дождя. Бен вдруг понял, что глазеет, как деревенский мальчишка, который впервые пришел в город. Это напомнило Бену, что он действительно чужой в этой стране, хотя прожил здесь больше года и был королем. И ему лишний раз стало ясно, в какое опасное положение он попал. Он потерял даже то ничтожное уважение, которого сумел добиться за это время. Он был пришельцем, лишенным друзей и средств, и мог рассчитывать лишь на милосердие других.

От находящейся сбоку небольшой группки деревьев отделился Владыка Озерного края, сопровождаемый шестеркой телохранителей. Высокий и худой, со странной чешуйчатой кожей, которая выглядывала из-под зеленого одеяния цвета леса и отливала серебром, хозяин сказочных существ Озерного края шел впереди гордой решительной поступью. Судя по его суровому, будто точеному лицу, на милосердие надеяться

не приходилось. Его манера держаться, обычно спокойная и неторопливая, казалось, стала резкой. Он сказал что-то телохранителю на диалекте, которого Бен не понимал, но тон был явно недружелюбный. Телохранитель быстро отступил назад и отвел глаза. Невысокая фигура застыла.

Владыка Озерного края повернулся к Бену. Правитель поднял голову, и на закрывающей лоб серебристой диадеме тускло блеснули дождевые капли. На висках и руках царя вились жесткие черные волосы. Он начал без предисловий:

— Кто вы такой? Что тут делаете?

Бен предчувствовал некоторую враждебность, но не такую. Он ожидал, что Владыка Озерного края не узнает его, так и случилось. Но это не объясняло, почему правитель происходившего от фей народца так подчеркнуто неприветлив. Владыку окружали телохранители, и они были вооружены. Члены семьи правителя остались дома, в то время как прежде он всегда принимал посетителей в присутствии домашних. Он не дождался, пока Бен достигнет амфитеатра, традиционного места приема гостей. Голос Владыки выдавал подозрение и гнев. Все шло не так, как надо.

Бен сделал глубокий вдох.

— Владыка Озерного края, это я, король Заземелья, — объявил Бен и стал ждать. Темные глаза правителя не выказали ни малейшего признака узнавания. Бен бросился объяснять: — Я знаю, что не похож на себя, но это из-за того, что со мной произошло несчастье. Мою внешность изменили колдовством. Волшебник, служивший сыну старого короля (этот сын покинул Заземелье, а волшебник в моем мире называет себя Миксом), вот тот волшебник вернулся и похитил мое обличье и мой трон. Это долгая история. Мне нужна ваша помощь, это очень важно. Мне надо найти Ивицу.

Владыка Озерного края в явном удивлении уставился на Бена:

— Вы король Заземелья Бен Холидей?

Бен быстро кивнул:

— Да, хотя я на себя не похож. Попытаюсь объяснить. Я отправился обратно в...

— Не надо! — раздраженно взмахнув рукой, оборвал Бена Владыка Озерного края. — Кто бы вы ни были, мне нужно

только одно объяснение. Я желаю знать, почему вы привели с собой кота.

Теперь Бен уставился на Владыку. Со лба Бена не переставая тек дождь, и Бен моргал, чтобы капли не попадали в глаза.

— Кота?

— Да, кота! Призматического кота, сказочное существо, которое сидит рядом с вами, почему вы притащили его сюда?

Владыка Озерного края был речным эльфом, и как раз под нижней челюстью у повелителя помещались жабры. Сейчас он был так взволнован, что жабры непроизвольно трепыхались.

Бен в изумлении глянул на Дирка, который сидел в нескольких шагах с видом, выражающим полное пренебрежение к происходящему разговору, облизывая лапки.

— Я не понимаю, — наконец, снова переводя взгляд на Владыку Озерного края, ответил Бен. — В чем сложность с...

— Разве я говорю непонятно? — снова перебил Бена, казалось, окаменевший от гнева Владыка.

— Да нет, не...

— Я спрашиваю вас, что здесь делает кот!

Бен оставил попытки проявить тактичность:

— Видите ли, я не привел кота, кот сам решил прийти. У нас с ним прекрасное рабочее соглашение — я не говорю ему, куда идти и что делать, и он мне тоже, так что, может, вы перестанете на меня сердиться и скажете, что происходит. О призматических котах мне известно только, что они могут разжигать в лесу костер и менять форму. Очевидно, вы знаете что-то еще.

Лицо Владыки Озерного края напряглось.

— Да, знаю. И думаю, королю Заземелья следует тоже это знать. — Он шагнул вперед. — Вы продолжаете утверждать, что вы король, да?

— Да, продолжаю.

— Даже несмотря на то, что вы совсем на него не похожи, облачены в одежду низкого сословия и путешествуете без слуг в нарушение этикета?

— Я все это объяснил.

— Да, да, да! — Владыка Озерного края покачал головой. — Спору нет, вы обладаете поистине королевской смелостью и ничем больше.

С минуту Владыка Озерного края молчал и, казалось, обдумывал положение. Окружавшие его телохранители и часовой стояли как статуи. Бен нетерпеливо ждал. Из-за стволов близлежащих деревьев показалось несколько лиц, они возникли из мглы и дождя. Народ Владыки Озерного края проявлял любопытство.

Наконец правитель откашлялся:

— Прекрасно. Я не признаю в вас короля Заземелья, но кто бы вы ни были, позвольте мне кое-что рассказать о существе, с которым вы путешествуете. Во-первых, призматические коты — сказочные существа, настоящие сказочные существа, а не изгнанники или переселенцы, как народ Озерного края. Призматические коты почти никогда не встречаются за пределами туманов. Во-вторых, призматические коты обычно не дружат с людьми. В-третьих, все призматические коты непредсказуемы, никто до конца не может понять, что они затевают. И в-четвертых, куда бы они ни пришли, они приносят несчастье. Вам повезло, что вас вообще впустили в Вечную Зелень в компании призматического кота. Если бы я знал, что вы путешествуете вместе с ним, я бы наверняка вас не впустил.

Бен устало вздохнул. Вероятно, суеверия, связанные с кошками, существуют не только в его мире.

— Хорошо, в будущем я обещаю это учесть, — стараясь говорить без раздражения, ответил Бен. — Но, поскольку вы все же впустили и меня, и кота, мы здесь, и, верите ли вы или нет, что я король Заземелья, не имеет никакого значения. Все равно мне нужна ваша помощь, чтобы...

Вдруг Бену в лицо брызнула струя дождя, и он подавился словами, которые хотел сказать. Он молчал, дрожа в холодной и сырой одежде.

— А не можем ли мы продолжить беседу там, где сухо? — наконец тихо спросил Бен. Правитель молча смотрел на Бена, на лице Владыки Озерного края не дрогнул ни один мускул. — Ваша милость, вашей дочери, возможно, грозит страшная опасность, — прошептал Бен. — Я прошу вас!

Владыка Озерного края еще мгновение изучал Бена, а затем сделал ему знак идти следом. Взмахом руки правитель освободил часового. Лица наблюдателей вмиг исчезли. Бен и

Владыка прошли небольшое расстояние под деревьями и достигли похожего на беседку укрытия, которое было вырезано из ели; телохранители, сохраняя бдительность, замыкали шествие. В укрытии одна против другой стояли две скамьи, между ними находился широкий дуплистый пень, превращенный в цветочную клумбу. Владыка сел на одну скамью, Бен — на другую. Вокруг них продолжался дождь, мягко, но непрестанно постукивая по деревьям в лесу и по земле, но в укрытии было сухо.

Появился Дирк, он вспрыгнул на скамью Бена, устроился рядом, подобрав под себя все четыре лапы и с сонным видом прикрыв глаза.

Владыка Озерного края с возродившимся негодованием взглянул на кота, а потом снова повернулся к Бену.

— Говорите то, что хотите сказать, — произнес Владыка Озерного края.

Решив, что терять ему нечего, Бен рассказал правителю все: о снах, о путешествиях, предпринятых Тьюсом, Ивицей и самим Беном, о находке пропавших волшебных книг, о неожиданном появлении Микса, о похищении королевского обличья и медальона и об изгнании из замка Чистейшего Серебра. Владыка Озерного края слушал молча. Он сидел не двигаясь и походил на каменное изваяние, пристально смотря на Бена. Бен закончил рассказ, правитель продолжал сидеть как истукан.

— Думаю, больше добавить нечего, — наконец сказал Бен.

Владыка Озерного края ответил едва заметным кивком, но так и не произнес ни слова.

— Послушайте, — обратился к нему Бен, — мне нужно найти Ивицу и предупредить ее, что сон о черном единороге наслал Микс, а без вашей помощи я вряд ли смогу это сделать. — Бен помолчал, внезапно вспомнив то, что все еще с трудом признавал даже в душе. — Владыка, Ивица очень много для меня значит. Я люблю ее, вы должны это знать. Теперь скажите: она была здесь?

Владыка Озерного края поплотнее завернулся в зеленый плащ. Взгляд его был холоден.

— Я согласен — возможно, вы тот, за кого себя выдаете, — тихо произнес он. — Я согласен — возможно, вы король. Возможно.

Владыка Озерного края встал, выглянул из укрытия, сделал стоявшим вокруг телохранителям знак удалиться, оставив лишь одного, вернулся в беседку и остановился рядом с Беном. Владыка наклонился и приблизил к Бену странное, будто окаменевшее лицо.

— Король или плут, теперь скажите мне правду: почему вы отправились в путешествие с этим котом?

Бен подавил в себе всякий гнев:

— Это произошло случайно. Вчера вечером кот нашел меня на краю Озерного края и сказал, что может пригодиться. Мне еще не удалось это проверить — не подвернулся случай.

Бен на мгновение перевел взгляд на Дирка, ожидая, что кот подтвердит его слова. Но Дирк сидел с закрытыми глазами и молчал. Бена вдруг осенило, что, с тех пор как они пришли в Вечную Зелень, кот не произнес ни слова. Интересно почему.

— Дайте мне руку, — внезапно сказал Владыка Озерного края. Он протянул свою и крепко сжал кисть Бена. — Я могу проверить правдивость ваших утверждений только одним путем. Помните, как вы впервые прибыли в Вечную Зелень и мы шли по улице и говорили о волшебной силе, которой владеет народ Озерного края?

Бен кивнул.

— Вы помните, что я вам тогда показал?

Кисть Бена была словно в железных тисках. Он морщился от боли, но не пытался вырвать руку.

— Вы прикоснулись к больному кусту и излечили его, — смотря Владыке прямо в глаза, ответил Бен. — Вы стремились показать мне, что народ Озерного края сможет прожить без посторонней помощи. Позже вы отказались присягнуть трону. — Бен умышленно помолчал. — Но потом вы присягнули, правитель, вы присягнули мне.

Владыка какое-то время не сводил с Бена пристального взгляда, а потом потянул за руку и без труда поставил его на ноги.

— Я сказал, что вы можете оказаться Беном Холидеем, — прошептал Владыка Озерного края, его суровое лицо придвинулось совсем близко. — Считаю это вероятным. — Теперь он взял обе руки Бена в свои. — Не знаю, каким образом изменили вашу наружность, но, если колдовство вас так изменило, оно же

может сделать вас и прежним. Я в силах исцелить от множества болезней и избавить от многих страданий. Если это возможно, я воспользуюсь своей силой, чтобы помочь вам. — Покрытые чешуей руки покрепче сжали кисти Бена. — Стойте на месте и не двигайтесь.

Бен коротко вздохнул. Пожатие Владыки Озерного края согрело руки Бена. Бен ждал. Дыхание правителя замедлилось, и сквозь тело Бена будто пронесся вдруг горячий поток. Бен вздрогнул, но устоял на ногах.

Наконец Владыка Озерного края отступил назад. В темных глазах читалось едва заметное смущение.

— Мне очень жаль, но помочь вам не могу, — в конце концов сказал он. — Ваша наружность в самом деле изменена колдовством. Но колдовством не волшебника, а вашим собственным.

Глаза Бена полезли на лоб.

— Что?!

— Вы сделали себя таким, какой вы сейчас, — сказал Владыка Озерного края. — И вы сами должны сделать себя таким, как прежде.

— Но это вздор! — вспылил Бен. — Я даже не пытался изменить свою внешность, это Микс! Я видел, как он это сделал! Он украл медальон королей Заземелья и дал мне... вот этот!

Он схватил на груди тусклый портрет Микса и в сердцах так дернул за него, словно хотел сорвать медальон с цепочки. Владыка Озерного края несколько секунд рассматривал изображение, затем потрогал медальон и покачал головой:

— Выгравированный здесь портрет замутнен так же, как ваш облик. Это колдовство тоже дело ваших собственных рук.

У Бена отвисла челюсть, он резко убрал медальон обратно за ворот рубашки. Владыка Озерного края изъяснялся загадками. Какое бы ни было тут применено колдовство, но он, Бен, тут ни при чем. Правитель этих мест либо ошибался — возможно, его ввели в заблуждение, — либо намеренно пытался сбить Бена с толку, так как все еще не доверял гостю.

Владыка Озерного края читал мысли Бена.

— Хотите — верьте, хотите — нет, дело ваше. Я говорю вам то, что знаю. — Он помолчал. — Если этот новый медаль-

он дал вам ваш враг, может, вам следует его снять. Почему вы его носите?

Бен вздохнул:

— Микс сказал, что благодаря медальону он будет знать, что я замышляю. Даже предупредил, что заклятие не даст мне снять медальон, и если я попробую это сделать, то могу погибнуть.

— Но так ли это? — спросил Владыка Озерного края. — Может, колдун солгал.

Бен помедлил с ответом. Он уже об этом думал. В конце концов, почему он должен верить словам Микса? Сложность в том, что проверить правдивость этих слов можно, лишь рискнув жизнью.

Бен поднял тусклый медальон на ладони.

— Я подумывал об этом... — начал Бен.

И тут он увидел краешком глаза, что Дирк с Лесной опушки зашевелился. Кот поднял голову, зеленые глаза широко раскрылись. Кот как будто нарочно вывел себя из оцепенения, чтобы посмотреть, что сделает Бен. Чудные глаза смотрели пристально и неотрывно. Бен заколебался, затем спрятал медальон обратно под рубашку.

— Наверное, надо подумать еще, — завершил фразу Бен Холидей.

Глаза Дирка снова сомкнулись. Черная мордочка наклонилась. Во внезапно возникшей тишине стал слышен неугомонный шум дождя, откуда-то с востока пришел и прокатился над Озерным краем долгий раскат грома. Бен ощутил странную смесь гнева и огорчения. Какую игру выбрал для себя кот?

Владыка Озерного края отодвинулся назад, к противоположной скамье, но не сел.

— Выходит, что я не могу вам помочь, — сказал он. — Вероятно, вам лучше уйти вместе с котом.

Бен чувствовал, как иссякает его надежда хоть на какую-то помощь. Он быстро встал.

— Объясните по крайней мере, как найти Ивицу, — попросил Бен. — Она сказала, что пойдет сюда, в Озерный край, и узнает смысл своего сна. Она обязательно должна была прийти к вам за помощью. Она здесь?

Владыка Озерного края мгновение молча смотрел на Бена, думая о своем, затем медленно покачал головой:

— Нет, король или самозванец, кто бы вы ни были, она не приходила.

Правитель еще раз сделал полкруга вокруг пня и остановился. Сильный ветер развевал его одежду, и он покрепче завернулся в плащ, чтобы прогнать принесенный дождем холод.

— Я отец Ивицы, но когда она нуждается в помощи, то ищет ее не у меня. У меня много детей от многих жен. Одни дети мне очень близки, другие далеки от меня. Ивица всегда была далека от меня. Она слишком похожа на мать: дикое существо, которое только и думает, как бы порвать связи, а не укрепить их. И та, и другая избегают моего общества. Они обе никогда не стремились ко мне. Мать Ивицы пришла лишь однажды, а потом снова удалилась в лес... — Владыка Озерного края умолк, растрогавшись. — Я даже так и не узнал ее имени, — через некоторое время снова заговорил Владыка. — Лесная нимфа, крошечное создание из шелка и света, она так поразила меня, что в ту единственную ночь имена не имели значения. Я потерял эту нимфу, прежде чем по-настоящему получил. После этого я стал другим и в результате потерял также и Ивицу. Я не смог простить ее матери любовь к свободе, и Ивица вынуждена была жить, возможно, ощущая мой гнев и обиду. Вот почему Ивица постепенно стала отдаляться от меня, и я ничего не мог поделать. Я слишком любил ее мать и не смог забыть того, что она мне сделала. Разрешив Ивице поселиться в замке Чистейшего Серебра, я разорвал единственную еще связывавшую нас нить. С тех пор Ивица навсегда перестала быть моей дочерью. Теперь она смотрит на меня как на мужчину, у которого столько детей, что вряд ли он приходится всем им настоящим отцом. Она предпочитает быть совершенно не связанной с моим именем.

Владыка Озерного края отвернулся; вероятно, его захлестнули воспоминания. Бен подумал, что это — странная исповедь: правитель говорил просто и непосредственно, но без всяких эмоций. Голос звучал совершенно монотонно, лицо ничего не выражало. Он очень дорожил Ивицей, но не мог этого показать, он мог только об этом сообщить. Бен вдруг

подумал о своих чувствах к сильфиде и спросил себя, каковы же они.

Какое-то время Владыка Озерного края, неподвижный и безмолвный, смотрел на дождь, потом пожал плечами.

— Я могу исцелить многое, но не это, — спокойно произнес он. — Я не знаю как. — Он вдруг снова взглянул на Бена, будто увидел его впервые. — Зачем я это вам рассказываю? — удивленно прошептал Владыка.

Бен понятия не имел. Он молчал, а Владыка смотрел так, словно не понимал даже, как Бен здесь оказался. Затем правитель народа Озерного края как будто просто выбросил все из головы. Его голос звучал ровно и холодно.

— Со мной вы только теряете время. Ивица отправится к матери. Ее мать придет к старым соснам и будет танцевать.

— Тогда я буду искать ее там, — решительно сказал Бен и поднялся. Владыка Озерного края молча наблюдал за ним. Бен колебался. — Вам не надо посылать со мной проводника. Я знаю дорогу.

Владыка по-прежнему молча кивнул. Бен пошел прочь, удалился от беседки шагов на десять, остановился и оглянулся. Единственный оставшийся телохранитель пропал за деревьями. Двое мужчин остались одни.

— Хотите пойти со мной? — неожиданно даже для себя спросил Бен.

Но Владыка Озерного края снова смотрел на дождь, завороженный тускло-серебристым блеском и стуком капель. Жабры на его шее еле заметно подрагивали. Суровое окаменевшее лицо казалось лишенным жизни.

— Он не слышит тебя, — вдруг произнес Дирк с Лесной опушки. Бен в удивлении опустил глаза и увидел стоящего рядом кота. — Он углубился в себя, чтобы понять, что с ним произошло. Так бывает иногда, после того как что-то долго и тщательно скрываемое выходит наружу.

Бен сдвинул брови:

— Тщательно скрываемое? Ты имеешь в виду то, что он сказал об Ивице? О ее матери? — Бен еще больше нахмурился и опустился на колени рядом с котом. — Дирк, зачем он рассказал все это? Он даже точно не знает, кто я такой.

— В этом мире существует много проявлений волшебства, Ваше Величество. Одни чары применяются в большом количестве, другие в малом. Чтобы подействовали одни, нужно воодушевление, телесная и душевная сила... Другие действуют через откровение.

— Да, но почему?..

— Послушай меня, мой король! Послушай! — прошипел Дирк. — Люди так редко прислушиваются к котам. Большинство просто рассказывает нам о чем-нибудь, потому что мы такие хорошие слушатели. Они находят утешение в нашем присутствии. Мы не задаем вопросов, не осуждаем, просто слушаем. Они говорят, а мы слушаем. Они поверяют нам самые сокровенные мысли и сны, то, что не рассказали бы никому. Иногда, Ваше Величество, они делают все это, даже не понимая почему!

Кот снова притих, и Бен вдруг понял, что Дирк изъясняется не общими словами, а говорит вполне конкретно. Он имел в виду не всех, а кого-то определенного. Бен поднял глаза и увидел одинокую фигуру Владыки Озерного края.

И тут Бен внезапно подумал о себе.

— Дирк, что?..

— Тс-с-с! — зашикал кот на Бена. — Пусть будет тихо, мой король. Не тревожь тишину. Если можешь, прислушайся к ее голосу, но не тревожь.

Кот неторопливо ступил за деревья, осторожно нащупывая путь на сырой, напоенной водой лесной земле. Дождь падал ровной пеленой с заслоненных тучами от края до края небес, этого серого потолка, который нависал над деревьями. Молчание заполняло промежутки, оставляемые шумом дождя, окутывало Вечную Зелень, дома и аллеи, дорожки и парки и просторный пустой амфитеатр, который маячил за все такой же неподвижной фигурой Владыки Озерного края. Бен вслушивался, как сказал Дирк, и почти слышал голос тишины.

Но что она говорила Бену? Что он должен был понять? Он безнадежно покачал головой. Он не знал.

Кот исчез впереди во мгле, превратившись в бледную серую тень. Бен отказался от дальнейших усилий что-либо услышать и поспешил вслед за Дирком с Лесной опушки.

ГЛАВА 8

ТАНЕЦ

Итак, Бен Холидей больше не сомневался, что Дирк с Лесной опушки совершенно необыкновенный кот. Можно, конечно, поспорить, что все коты немного необыкновенные, и значит, нечего удивляться, что кот из сказочного мира окажется еще более необыкновенным, чем обычный представитель семейства кошачьих, но Бен с этим не согласился бы. Необыкновенность Дирка выходила далеко за рамки известного нам, скажем, по «Алисе в Стране чудес» или «Дику Уиттингтону». Необыкновенность Дирка была совсем иного рода, и самым плохим в ней было то, что как Бен ни старался, он не мог разгадать намерений кота!

Короче говоря, Бен не понимал, что представляет собой этот кот и зачем он вокруг него вертится.

Бену бы хотелось сразу найти ответы на эти вопросы, но не получалось. Кот снова вел Бена вперед — что за самонадеянное животное, — и Бену приходилось снова спешить следом. Дождь частыми каплями бил по лицу, ветер дул холодными порывами. Приближались сумерки, а погода все более ухудшалась. Бен промок, продрог, проголодался и, несмотря на решимость идти до конца, потерял силу духа; он мечтал о теплой постели и сухой одежде. Но сейчас ни то, ни другое ему было недоступно. Владыка Озерного края и так еле выносил присутствие Бена, и за оставшееся время надо было попытаться найти Ивицу.

Бен прошел через Вечную Зелень, съежившись под дождем, едва отличимый от безликой, сумеречной тени, и углубился в лес. Огни домов и хижин исчезли у него за спиной, и тьма упала влажным, пропитанным дождем занавесом. Окутанные туманом ветки проплывали мимо, будто хвосты воздушных змеев, покинувшие своих крылатых обладателей; они тянулись к Бену, скребли по одежде, стояли все более густой стеной. Бен делал вид, что не замечает их, и продирался дальше. Он довольно часто бывал у старых сосен и мог найти путь вслепую.

Через несколько минут Бен достиг поляны, на пару шагов позади Дирка с Лесной опушки. Бен с надеждой огляделся, но ничего не увидел. Поляна была пуста, вокруг стояли старые сосны, древние часовые леса, сырые и холодные, как вся остальная земля. Бен быстро поискал следы и другие признаки пребывания здесь Ивицы, но ничто не помогло ему определить, приходила ли сюда сильфида.

Дирк с Лесной опушки прогулялся по поляне, принюхиваясь к земле, затем отошел, укрылся под широко раскинувшей ветви сосной и изящно сел.

— Она была здесь два дня назад, мой король, — объявил Дирк. — Сидела поблизости от того места, где сейчас стоишь ты, а ее мать танцевала, а потом сильфида обратилась в дерево. На рассвете она ушла.

Бен уставился на кота:

— Откуда ты все это знаешь?

— У меня хороший нюх, — надменно провозгласил Дирк. — Тебе надо развивать чутье. Оно подскажет то, что ты иначе упустишь. Нос подсказывает мне многое, чего не замечают твои глаза.

Бен подошел поближе и наклонился к коту, не обращая внимания на воду, которая стекала с ветвей сосны и ручьями лилась по лицу.

— А нос рассказал тебе, куда она сейчас пошла? — тихо спросил Бен.

— Нет, — ответил кот.

— Нет?

— Повторять нет необходимости, — презрительно фыркнул Дирк.

— Но если нос рассказал тебе все остальное, почему он не скажет о главном для меня? — осведомился Бен. — Твой нос всегда ведет себя так избирательно, да?

— Ехидство тебе не к лицу, любезный король, — слегка наклонив голову, упрекнул Дирк Бена. — К тому же я заслуживаю лучшего отношения. В конце концов, я твой единственный спутник и помощник в этом рискованном деле.

— Смею заметить, что здесь нужны некоторые пояснения, — огрызнулся Бен. — Ты все время дразнишь меня своими знаниями, а раскрываешь лишь то, что хочешь. Я пони-

маю, что твое поведение совершенно оправданно, потому что ты кот, но надеюсь, ты можешь себе представить, насколько оно мне неприятно! — Бен стал выходить из себя, голос его повысился. — Я просто спросил, как ты определил, что Ивица была здесь и что мать ее танцевала, что девушка превращалась в дерево, и почему ты не можешь определить, куда...

— Не знаю.

— ...она пошла потом... Что? Не знаешь? Почему не знаешь?

— Не знаю, почему я не знаю.

Бен снова вытаращил глаза.

— Я должен был узнать, куда она пошла, но я не могу, — спокойно заключил Дирк. — Как будто она хотела это скрыть.

Бену потребовалась минута, чтобы обдумать новые сведения, затем он покачал головой:

— Но зачем ей скрывать, куда она идет?

Дирк не ответил. Вместо этого тихо зашипел, как бы о чем-то предостерегая Бена, и снова встал. Бен разогнулся и повернул голову. Из тумана появилась темная фигура Владыки Озерного края, который большими шагами приближался к поляне. Владыка был один.

— Ивица здесь была? — резко спросил он.

Бен помешкал, потом кивнул:

— Была и ушла. Кот говорит, что ее мать танцевала для нее два дня назад.

В глазах речного эльфа отразился гнев, но Владыка быстро подавил это чувство.

— Разумеется, она вышла к дочери, — продолжал он. — Они тесно связаны. В танце волшебным образом открывается истина, находится выход... — Он замолчал, словно думая о чем-то другом, затем застыл, прямой и неподвижный. — Вы выяснили, куда они отправились, Ваше Величество?

Бен снова помедлил, на этот раз скорее от удивления, чем из осторожности. Владыка Озерного края назвал Бена Его Величеством. Значит, Владыка решил признать его права как короля Заземелья? Бен встретил твердый взгляд речного эльфа.

— Ее следы скрыты от нас, — сказал Бен. — Кот думает, что они специально запутаны.

Владыка Озерного края, хмурясь, быстро взглянул на Дирка:

— Это может быть! — Он снова повернул к Бену будто вырезанное из камня лицо. — Но у моей дочери не хватило бы на это хитрости, а у ее матери — возможностей. Если тут имеет место утаивание, это сделали другие. Те, кто будет помогать Ивице и ничего не скажет мне. Есть такие. — В его глазах вновь вспыхнул и угас гнев. — Но это не имеет значения. У меня все равно есть возможность ее отыскать. И не только ее. — Владыка резко отвернулся и забормотал: — Время уходит. Дождь и тьма и так мешают мне. Чтобы добиться цели, надо действовать быстро. — В его голосе была настойчивость и решимость. — Я не позволю играть в такие игры у меня за спиной. Я знаю значение сна о черном единороге и золотой уздечке, знаю — хотят ли этого Ивица и ее мать или нет!

Он мгновенно исчез в лесу, не заботясь о том, идет ли за ним Бен. Беспокоиться было нечего. Бен спешил за Владыкой по пятам.

Дирк с Лесной опушки стоял под сосной и смотрел, как они уходят. Через минуту он стал монотонно умываться.

Владыка Озерного края настолько переменился, что Бену просто не верилось. Раньше Владыку не интересовали ни дочь, ни черный единорог, теперь же он только и думал, как бы поскорей узнать, где они. Он прошел через лес обратно к окраине города и подозвал телохранителей. Тут же появились слуги, выслушали его приказания и пропали в ночи. Они появлялись и опять исчезали, как тени, — безмолвная кучка эльфов, водяных, русалок и прочих, сопровождавших темную фигуру своего господина. Владыка Озерного края говорил быстро и четко и отворачивался от них, ни разу не замедлив шага. Почти крадучись, он прошел вдоль границы Вечной Зелени и вернулся обратно в лес. Бен тащился сзади, о нем как будто забыли.

Теперь они углубились в лес к северо-востоку от города. Время шло. Мрак настолько сгустился, что на расстоянии трех метров не было видно ни зги. Дождь поливал как из ведра, это был непрекращающийся ливень, который и не думал ослабевать. Звучали долгие раскаты грома, прилетевшая издалека молния расколола облака. Буря еще не вошла в полную силу. Самое худшее только приближалось.

Владыка Озерного края, казалось, совсем забыл о Бене. Он полностью сосредоточился на своем. Бен начал теряться в догадках, что происходит; ему стало как-то не по себе.

Потом они вышли из-за деревьев на широкую просеку, простирающуюся вниз по холму к большому озеру, из которого вытекали две реки. Переполненные дождевой водой, они водопадами сбегали вниз по скалистым уступам; казалось, эти уступы упали бы и разбились, если бы их не поддерживали мощные кроны гигантских деревьев, похожих на мамонтов. Озеро волновалось, накачивая воду в реки, по его поверхности плясала и сверкала новая молния, свет которой смешался с огнями факелов на шестах, размещенных по всей длине и ширине холмов и осветивших каждый уголок склона. Бен замедлил шаг и стал вглядываться в темноту. Народец Озерного края, казалось, сновал повсюду, а может, лишь несколько этих созданий передвигалось среди огромного количества факелов. Ветер бил в глаза каплями дождя, и Бен не мог сказать наверняка.

Владыка Озерного края повернулся, увидел, что Бен все еще здесь, и сделал ему знак идти к уступу, который выдавался вперед со стороны холма и откуда были видны реки, озеро и вьющиеся гирлянды факельного света. Бен и Владыка встали на эту открытую площадку, на них яростно налетела буря, подтолкнула совсем близко друг к другу, но их слова почти заглушал вой ветра.

— Смотрите, Ваше Величество! — крикнул Владыка Озерного края; его странное, окаменевшее лицо почти касалось лица Бена. — Я не могу заставить мать Ивицы танцевать передо мной, как она танцевала для дочери, но мне подвластна их родня! Я узнаю, какие секреты они таят от меня!

Бен молча кивнул. В глазах Владыки кипело безумие, это было безумие страсти.

Владыка Озерного края подал знак, и из ночи вышло существо, похожее на жердь, такое тоненькое, что казалось вырезанным из высохшего прутика. На пришельце болталось грубое шерстяное одеяние, ветер развевал эту одежду, зеленые волосы, напоминающие столбики кукурузы, сбегали от макушки к затылку, вились вдоль позвоночника и покрывали руки и ноги. Черты лица существа выглядели

как прорезанные в дереве щелочки. В одной руке пришедший держал свирель.

— Играй! — приказал Владыка Озерного края и указал на склон долины. — Зови их!

Прутик сел на мокрую землю, скрестив ноги, и поднес свирель к губам. Музыка началась тихо, с легкой, веселой каденции, убаюкивающей в краткие мгновения покоя, когда затихало яростное завывание ветра. Мелодия пронизывала и сливалась с шумом бури, пробиваясь подобно нити, ведомой рукой пряхи. Нежная, ровная, тихая музыка окутывала слушателей словно шелком. Она лилась вниз с холма, и казалось, в природе что-то происходит.

— Слушайте! — ликуя, прошептал Владыка Озерного края на ухо Бену.

Музыкант постепенно играл все громче, и песня все сильнее боролась с яростью бури. Музыка медленно поднялась над мраком, над сыростью, над холодом, и все окружение стало меняться. Рев бури ослаб, будто его заглушили, холод сменился теплом, а ночь стала светлеть, точно пришел рассвет. Бен чувствовал, как его несет вверх на невидимой воздушной подушке. Он моргнул, не веря своим глазам. Все вокруг становилось другим: формы, материя, время — все. Такой волшебной силы, как у этой музыки, Бен не встречал никогда, эта сила могла побороть даже стихию.

Свет факелов стал ярче, будто в огонь вдохнули новую жизнь, склон озарился их сиянием. Но в ночном воздухе, будто нагретом до белого каления, появилось еще одно сияние. Лучи бежали по склону вниз до самых вод озера. Поверхность озера успокоилась, рябь исчезла, будто материнская рука разгладила взъерошенные волосы спящего ребенка. Сияние плясало на берегу, как живое существо.

— Вот, Ваше Величество, смотрите! — сказал Владыка Озерного края.

Бен посмотрел. Сияющие язычки стали обретать форму. Танцуя, кружась и подпрыгивая в свете факелов, они начали принимать облик сказочных существ. Хрупкие, воздушные создания черпали силу в сиянии и в музыке свирели и обретали жизнь. Бен тут же их узнал. Это были лесные нимфы, такие же, как мать Ивицы, детского вида феи, легкие, как

дым. Руки и ноги вспыхивали и искрились коричневым блеском, волосы спадали волнами до талии, крошечные лица тянулись к небу. Они появлялись десятками будто из ничего и танцевали и порхали на берегу зеркального озера, как в калейдоскопе.

Музыка звучала все громче. Сияние излучало тепло летнего дня, яркость приобретала многоцветие, оттенки радуги смешивались и выступали, как мазки кисти художника на холсте. Формы и размеры менялись, и Бен чувствовал, как его уносит в другое время и место. Он снова был юным, а мир молодым. Уже испытанное Беном ощущение полета усилилось, Бен парил над землей, свободный от силы притяжения. Владыка Озерного края и музыкант парили вместе с Беном, как птицы, подхваченные звуком и цветом. Лесные нимфы все еще танцевали внизу, с новой радостью кружились в сиянии и взмывали в воздух. Они оторвались от берега и, невесомые, заплясали по озерной глади, их крошечные ножки едва касались зеркальной поверхности. Они неторопливо собрались вместе посреди озера и, берясь за руки, а затем разлетаясь в разные стороны, делали сложные па.

В воздухе над ними возникали какие-то странные очертания.

— Вот сейчас! — откуда-то совсем издалека, так что Бен еле слышал, прошептал Владыка Озерного края.

Образ стал отчетливым — это была Ивица. Она стояла одна на берегу озера — этого озера — и держала в руках золотую уздечку из сна. Сильфида была в одеянии из белого шелка, и ее красота затмевала даже сияние, идущее от музыки свирели и танца лесных нимф. Ивица была полна жизни, лицо поднято, глаза смотрели в сторону, противоположную кружащемуся многоцветию, длинные зеленые волосы развернулись веером и колыхались на ветру. Она вытянула вперед руку с уздечкой, словно держала подарок, и ждала.

«Берегись», — вдруг предупредил голосок, тоненький-тоненький, почти утонувший в вихре звуков.

Бен на миг оторвал взгляд от Ивицы. Снизу, из невероятной дали, на него смотрел Дирк с Лесной опушки.

— В чем дело? — с трудом выдавил из себя Бен.

Но тут произошло такое, что вопрос Бена навсегда остался без ответа. Музыка достигла высшей точки, такой мощи, что заглушила все остальные звуки. Мир исчез. Остались только озеро, хоровод лесных нимф и образ Ивицы. Красочные картины засверкали перед Беном необычайно яркими оттенками, и в глазах у него показались слезы. Он никогда не был так счастлив. Ему казалось, будто внутри него что-то распирает и он превращается в другое существо.

Потом на берегу озера появилось что-то еще; за нимфами и образом Ивицы стояло что-то необыкновенно прекрасное и одновременно ужасающее. Бен услышал глухой крик Владыки Озерного края. Это был крик торжества. Вихрь звуков и красок потускнел, словно вытянулся в мерцающую дорожку, и на нее осторожно ступил пришелец извне.

Это был черный единорог.

Бен почувствовал, как у него перехватило дыхание. Глаза горели, и его неудержимо потянуло вперед. Никогда он не видел более прекрасного создания, чем этот единорог. По сравнению с этим сказочным существом даже образ Ивицы, вызванный танцем лесных нимф, казался лишь бледной тенью. Изящное тело единорога появилось из темноты, поворачиваясь в такт музыке и танцу, навстречу буйству красок, рог сверкал белым волшебным светом.

Предостережение Дирка возникло снова, выплыв из памяти Бена: «Берегись!»

— Что происходит? — прошептал Бен.

Теперь Владыка Озерного края вновь обернулся к Бену, и Бен не поверил своим глазам. Чувства оживили его суровое лицо, они играли в странно окаменевших чертах волнами света и цвета. Владыка заговорил, но казалось, слова вылетали не изо рта, а из души:

— Я добуду его, Ваше Величество! Я овладею его волшебной силой, и он станет частью моей земли и моего народа! Он должен принадлежать мне! Обязательно должен!

И вдруг, прорвав завесу приятных ощущений, шум музыки и танца, до Бена дошли истинные намерения Владыки Озерного края. Он призвал музыканта и лесных нимф не для того, чтобы открыть местонахождение Ивицы или ее матери. Он стремился к гораздо большему. Он призвал музыканта и

нимф, чтобы заполучить черного единорога. С помощью музыки и танца Владыка вызвал призрак дочери с золотой уздечкой и заманил единорога на берег озера, где сказочное животное можно поймать. Владыка Озерного края сразу поверил Бену, но решил, что черный единорог лучше послужит его целям, чем лишенного власти и трона короля. Владыка взял сон Ивицы и присвоил его.

И, о господи, все получилось! Черный единорог пришел!

Теперь Бен как зачарованный смотрел на единорога и не мог отвести взгляд; Бен знал, что должен как-то предотвратить то, что вот-вот произойдет, но его не отпускала красота и яркость видения. Единорог сверкал, черный как ночь, на фоне вихря красок, принесшего волшебное животное. Он кивнул точеной головой в такт музыке и издал клич, подзывая девушку с золотой уздечкой. Сказочное существо обрело жизнь, и его прелесть околдовала. Козлиные копытца переступали с места на место, львиный хвост рассекал воздух, и единорог ступал все дальше и дальше навстречу западне.

«Я обязан остановить его!» — так и хотелось крикнуть Бену.

А потом лента, через которую черный единорог так легко переступил, будто разорвалась посередине, над призраком и лесными нимфами, и на передний план выступило ужасное существо, порожденное другими думами и стремлениями. Это было отвратительное чудовище, состоящее из чешуи и бугров, зубов и когтей, с крыльями, все выпачканное в черной жиже, которая испарялась в теплом воздухе. Помесь дракона и волка, оно продиралось сквозь ночь и бурю и с визгом и лязгом зубов тяжелой поступью двигалось к озеру.

Бен похолодел. Он видел это существо прежде. Это был демон из Абаддона, чудище, которое оседлал в битве Железный Марк.

Чудовище в бешенстве понеслось вперед, затем заметило черного единорога и резко свернуло в сторону. Единорог тоже увидел демона, и раздался жуткий, пронзительный крик. Раскаленный добела острый рог сверкал, испуская волшебные лучи, единорог увертывался, демон настигал его, когти царапали воздух. Потом единорог пропал, он умчался обратно в ночь и исчез так же внезапно, как и появился.

Владыка Озерного края застонал от огорчения и ярости. Демон повернулся, и из его открытой пасти вырвалось пламя. Огонь охватил музыканта, оставив от Прутика горстку пепла. Звук и цвет растворились в тумане и вернулись в ночь. Разлившаяся тьма поглотила образ Ивицы с золотой уздечкой. Бен снова стоял на уступе рядом с Владыкой Озерного края, а вокруг с новой, неистовой силой бесновалась буря.

Но лесные нимфы продолжали кружиться как безумные, захваченные танцем. Они словно не могли остановиться. Они плясали по всему берегу, крошечные сверкающие точки во мраке и сырости. Факелы зашипели и потухли, погашенные дождем и ветром; и лишь свет лесных нимф противостоял ночи. Демона влекло к этому свету, как охотника на добычу. Чудовище прыгнуло назад и вниз и поскакало вдоль озера, изрыгая пламя и обращая в пепел беззащитных плясуний. Вскрики сменились едва слышными, рожденными воздухом вздохами, будто задули свечи. Владыка Озерного края рыдал от отчаяния, но не мог спасти нимф. Они умирали одна за другой, спаленные демоном, который носился в ночи взад и вперед как призрак смерти.

Бен был вне себя. Он не мог смотреть, как все гибнет. Но не мог отвернуться. Наконец, когда не было больше сил терпеть этот кошмар, Бен стал действовать. Он стал действовать не задумываясь; он выхватил из-под рубашки тусклый медальон, как сделал бы это прежде, подтолкнул его навстречу ночи и стал яростно кричать на крылатого демона.

Бен на миг забыл, что носит другой медальон.

Демон повернулся и направился к Бену. Бен вдруг увидел у своих ног неподвижно сидящего Дирка. Он также понял, что, привлекая внимание чудища, подписывает себе смертный приговор.

Тут вспыхнула молния, и демон явственно увидел медальон, Бена Холидея и Дирка с Лесной опушки. Зверь в бешенстве зашипел, будто из трещины в земле пошел пар, и круто повернул назад. Он умчался обратно в ночь и был таков.

Бена трясло. Он не понял, что произошло. Он только понимал, что по какой-то необъяснимой причине он все еще жив. Внизу последние лесные нимфы наконец перестали

танцевать и удалились в лес, унося с собой свет; после их ухода озеро и холмы покрылись мраком. Ветер и дождь хлестали пустое пространство.

Руки Бена перестали дрожать. Он медленно сунул медальон обратно за ворот рубашки. Металл жег кожу. Владыка Озерного края встал на одно колено. Глаза правителя неотрывно смотрели на Бена.

— Это чудище узнало вас! — в гневе крикнул Владыка Озерного края.

— Нет, оно не могло... — начал Бен.

— Медальон! — оборвал его Владыка. — Оно узнало медальон! Между вами существует связь, которую вы не можете объяснить! — Владыка Озерного края поднялся на ноги, дыша с резким свистом. — Из-за вас я потерял все! Из-за вас я лишился единорога! Из-за вас погибли мой музыкант и мои лесные нимфы. Из-за вас я потерял и этого кота! Я предупреждал вас о неприятностях! Беда следует за призматическим котом повсюду! Смотрите, что вы наделали! Смотрите, что вы натворили!

Бен испытывал ужас.

— Я не...

Но Владыка Озерного края снова перебил Бена:

— Я требую, чтобы вы ушли! Я больше в вас не уверен, не знаю, кто вы такой, и мне нет больше до этого дела! Я требую, чтобы вы сейчас же покинули мою страну, вы и кот тоже! Если утром я застану вас здесь, я заведу вас в такое болото, откуда вы никогда не выберетесь! А теперь идите!

Негодование в голосе Владыки исключало спор. Владыку Озерного края лишили того, что он так жаждал иметь, и он решил, что виновен Бен. Для Владыки Озерного края не имело значения, что его желания были эгоистичны и ему не досталось то, что с самого начала не было для него предназначено. Не важно, что он дурно обошелся с Беном. Владыка видел только свою потерю.

Бен чувствовал в душе странную пустоту. Он был лучшего мнения о Владыке Озерного края.

Не говоря ни слова, Бен повернулся и зашагал в безмолвную ночь.

ГЛАВА 9

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

С опустевшего холма, где стоял рассерженный Владыка Озерного края, Бен Холидей поплелся назад, в лес; дождь и холод сделали бывшего короля похожим на мокрую замызганную тряпку, и его внешность полностью отражала его настроение. Противоречивые чувства, испытанные им от музыки свирели, танца лесных нимф, образа Ивицы и последующих событий, по-прежнему рвали душу Бена со свирепостью и упорством волчьей стаи. Бен все еще ощущал восторг и внутреннюю свободу, которые несли ему музыкант и танец, но теперь их затмили страх и ужас.

В мрачном сознании Бена плясали образы: вот Владыка Озерного края жаждет схватить черного единорога, чтобы присвоить его волшебную силу; вот крылатый демон обращает в пепел хрупких лесных нимф, а они беспомощно кружатся на берегу; вот сам Бен в порыве чувств протягивает вперед потемневшее изображение Микса, как будто это талисман, который может остановить...

И возможно, так и было.

Черт возьми, что же случилось? Что же такое произошло? Крылатое чудовище подскочило к Бену, чтобы уничтожить его, но затем свернуло в сторону, словно влетело в стену! Что его отпугнуло: медальон, Бен, Дирк с Лесной опушки или что-то совершенно непредвиденное?

Владыка Озерного края не сомневался, что медальон. Владыка был убежден, что Бен чем-то недобрым связан с демоном и с Миксом и это зло хранит всех троих. Бен вздрогнул. Придется признать такую возможность. Портрета Микса могло оказаться достаточно, чтобы отогнать демона...

Бен остановился. Это, разумеется, предполагает, что демона прислал Микс. Но разве такая разгадка не единственно разумная? Разве Микс не призвал демонов из Абаддона сразу же после смерти старого короля?

Бен снова пошел вперед. Да, тут определенно замешан Микс. Наверное, он послал демона, когда узнал, что Владыка

Озерного края вот-вот поймает черного единорога, а Микс по каким-то причинам хотел добыть единорога для себя. Но это значит, что у Микса был способ узнать о возможной поимке единорога, а это, в свою очередь, означает, что такой способ предоставил Миксу медальон Бена. Микс предупреждал, что благодаря медальону узнает о намерениях Бена. Так и произошло. Возможно, Бен на самом деле виноват в гибели лесных нимф.

В дальних уголках мозга Бена жестоким воспоминанием все еще звучали вскрики умирающих сказочных созданий. Пока они не умерли, Бен даже не думал о них как о живых существах, это были просто пятнышки света, язычки пламени с человеческим обликом; хрупкие поэтические фигурки: стоит их уронить, и они разобьются, как стекло...

Вот эти мысли неотступно теснились в голове Бена, пока он наконец не выбросил их оттуда усилием воли. Вопросы порождали новые вопросы, а ответов ни на один не было. Дождь коротко и отрывисто выбивал барабанную дробь, замешивая грязь в лужах и пачкая травы, и мелкими речушками бежал по тропинке, по которой шел Бен. Он чувствовал, как на него наседают холод и мрак, и желал хотя бы минутного тепла и света. Бен шел дальше, но не знал, куда идет. «Прочь, — подумал он. — Прочь от Владыки, подальше от Озерного края, от единственной надежды отыскать Ивицу раньше Микса». Отяжелевшие ботинки шлепали по лужам и грязи. Но куда лежал путь?

Внезапно Бен подумал о Дирке с Лесной опушки. Где этот проклятый кот? Когда не надо, он всегда вертится рядом, а где он теперь? Похоже, Дирк всегда знал, куда идти. Похоже, кот знал даже, зачем Владыке Озерного края нужна была музыка и танец лесных нимф.

«Берегись», — предупредил кот Бена.

Как раз вовремя.

Мысли Бена перепутались, и он опять стал думать о медальоне. Мог медальон быть виновен в гибели музыканта и лесных нимф? Этого нельзя так оставлять. Может, надо просто отделаться от медальона? А что, если эта штука и в самом деле помогает колдуну, пока Бен носит ее на себе? Может, этого и добивался Микс. Предостережение не снимать ме-

дальон могло оказаться хитростью, а если снять его, возможно, Бен освободится из-под власти колдуна.

Бен снова остановился и полез под рубашку. Нащупал пальцами цепочку, на которой висел медальон, и медленно вытащил его. Бен смотрел в темноте на поблекшее, тусклое изображение, мерцающее при вспышках молний, которые на миг прорезали небо в лесу, и руки так и чесались выбросить подальше этот вызывающий беспокойство кусочек металла. Если так и сделать, может, Бен станет свободным и по крайней мере хоть частично искупит свою вину за гибель лесных нимф. Он может начать все сначала. Может...

— А вот и ты, дорогой король, разгуливаешь в темноте, как слепой опоссум. Я думал, что уже совсем потерял тебя.

Из-за деревьев изящной походкой вышел Дирк с Лесной опушки, его вылизанная шкурка блестела от дождевой воды, усы слегка обвисли от сырости. Он подошел к поваленному стволу и, соблюдая всяческие меры предосторожности, сел на влажную кору.

— Где ты был? — раздраженно рявкнул Бен и снова сунул руку за ворот рубашки.

— Тебя искал, разумеется, — спокойно ответил Дирк. — За тобой, кажется, нужен глаз да глаз.

— Да? — Бен так и кипел. Он устал, он был напуган, он ощущал отвращение и испытывал еще кучу неприятных чувств, но больше всего ему было противно, что этот чертов кот относится к нему как к потерявшемуся сосунку. — Ну а ты больше всего подходишь для того, чтобы опекать людей, так? Дирк с Лесной опушки, попечитель запутавшихся душ. Кто еще обладает таким прекрасным знанием человеческого характера? Кто еще с такой замечательной логикой проникает в суть вещей? Скажи мне еще раз, Дирк, почему ты так много знаешь? Ну, давай говори! Откуда ты знал, что собирается сделать Владыка Озерного края? Откуда ты знал, что он вызывает единорога? Почему ты позволил, чтобы я просто стоял и смотрел? Быть может, эти лесные нимфы погибли из-за меня! Почему ты это допустил?

Мгновение кот многозначительно глядел на Бена, а потом стал умываться. Бен ждал. Казалось, Дирк забыл о присутствии Бена.

— Ну! — наконец произнес Бен.

Кот поднял голову:

— У тебя полно вопросов, да, мой король? — Розовый язычок облизывал шерстку. — Почему ты все время ждешь от меня ответов?

— Потому что они, судя по всему, у тебя есть, черт возьми!

— Между тем, судя по всему, что есть, и тем, что есть на самом деле, существует большая разница, мой король; этот урок тебе еще предстоит усвоить. У меня есть чутье и здравый смысл, иногда я могу проникнуть в суть вещей легче, чем люди. Однако я не хранилище ответов на вопросы. Здесь есть различие. — Кот чихнул. — Кроме того, ты опять не понимаешь сущности отношений. Я кот и не должен ничего говорить тебе. В этом путешествии я твой спутник, а не наставник. Я здесь по собственной воле и могу уйти, когда мне вздумается. Я не обязан никому давать отчет, и менее всего тебе. Если тебе нужны ответы на вопросы, предлагаю найти их самому. Если ты приложишь необходимые усилия, все ответы тебе откроются.

— Ты мог меня предупредить!

— Ты сам мог себя предупредить. Ты просто об этом не побеспокоился. Скажи спасибо, что я вообще вмешался.

— Но лесные нимфы...

— Почему ты постоянно задаешь вопросы, на которые не имеешь права? Я тебе не *Deus ex machina**.

Бен подавился словами, которые так и вертелись у него на языке, и уставился на Дирка. *Deus ex machina!*

— Ты говоришь по-латыни? — недоверчиво спросил Бен.

— И читаю по-гречески, — ответил Дирк.

Бен кивнул, желая хоть немного разгадать тайну призматического кота.

— Ты знал заранее, что лесные нимфы погибнут? — наконец спросил Бен.

Кот помедлил с ответом:

— Я знал, что демон не уничтожит тебя.

— Почему?

— Потому что ты король.

* Бог из машины *(лат.)*, то есть чудесный, волшебный помощник, избавитель.

— Однако меня никто не узнает.

— Ты сам себя не узнаешь.

Бен замешкался. Он хотел сказать: «Я себя узнаю, но мою внешность изменили, мой медальон украли» и т.д. и т.п. Но промолчал, потому что все это было уже говорено. Бен просто сказал:

— Если демон не мог меня узнать, откуда ты знал, что он не уничтожит меня?

Дирк, казалось, пожал плечами:

— Из-за медальона.

Бен кивнул:

— Вот и я думаю, что все произошло из-за медальона: и демон появился, и лесные нимфы погибли, и все остальное. Наверное, надо избавиться от медальона и его следует закинуть как можно дальше, правда, Дирк?

Кот встал и потянулся.

— Наверное, сначала тебе надо узнать, что хочет Земляной щенок, — сказал Дирк.

Он посмотрел в сторону, Бен за ним. Дождь и мгла почти скрыли маленький темный комочек, который притаился в нескольких метрах от кота и Бена на кучке сосновых иголок. Это было странное существо, напоминающее бобра с длинными ушами. Существо вытаращило на Бена глаза, горящие в темноте ярко-желтым светом.

— Кто это? — спросил Бен у Дирка.

— Существо, которое чистит и убирает мусор, оставшийся после других созданий, что-то вроде четвероногого дворника.

— Что ему нужно?

Дирк сделал недовольный вид:

— Почему ты спрашиваешь меня? Почему бы не спросить Земляного щенка?

Бен вздохнул. И впрямь, почему бы не спросить?

— Могу я чем-нибудь помочь тебе? — спросил Бен неподвижную фигурку.

Земляной щенок, переваливаясь на всех четырех лапах, пошел прочь, на миг повернулся и снова пошел прочь и опять на миг повернулся.

— Можешь мне не говорить, — сказал Бен Дирку. — Он хочет, чтобы мы пошли следом.

— Очень хорошо, не буду говорить, — пообещал Дирк.

Они пошли за Земляным щенком через лес, отклоняясь на север, все дальше от Вечной Зелени и народца Озерного края. Дождь теперь лишь слегка моросил, облака начали рассеиваться, сквозь них просачивались солнечные лучи и освещали лес. Воздух еще не согрелся, но Бен уже так окоченел, что больше не чувствовал холода. Бен молча плелся за Земляным щенком и гадал, почему это существо так называется, куда и зачем они идут, что делать с медальоном и, больше всего, что делать с Дирком. Кот брел следом, он осторожно ступал, грациозно перепрыгивал через лужи и грязь и очень старался не запачкаться.

«Как обыкновенный кот», — подумал Бен.

Только Дирк с Лесной опушки был, конечно, отнюдь не обычным котом, как бы долго и упорно он ни доказывал обратное. Вопрос в том, что Бену с этим котом делать. Путешествовать с Дирком — все равно что путешествовать со стариком, который всегда заставляет тебя чувствовать себя ребенком и постоянно требует, чтобы ты перестал ребячиться. Очевидно, оставаясь с Беном, Дирк преследует какую-то цель, но Бен стал сомневаться, хорошая ли это цель.

Когда компания обогнула с севера Вечную Зелень, высокие деревья твердых пород начали сменяться болотом. Земля пошла под уклон, туман висел длинными вьющимися тенями. Мгла сгустилась, холод и сырость превратились в обволакивающее тепло. Бена это не утешало.

Земляной щенок не останавливался.

— Эти существа часто так делают? — наконец шепотом спросил Бен. — Я хочу сказать, просят следовать за ними?

— Никогда, — ответил Дирк и чихнул.

Бен в ответ сердито взглянул на кота. «Чтоб тебе схватить воспаление легких», — хмуро подумал Бен.

Вся компания двинулась во мрак, в заросли кипарисов, ивы и неизвестной Бену желтоватой болотной травы. Грязь засасывала ботинки, вода заполняла оставленные следы. Дождь совсем прекратился, и наступила гнетущая тишина. Бен уже забыл, как чувствуешь себя в сухой одежде. Его комбинезон стал тяжелым, будто налился свинцом. Туман стал совсем

плотным, и видимость сократилась до метра. «Возможно, нас привели сюда умирать. Возможно, сейчас это и произойдет».

Но «сейчас» ничего «этого» не произошло, и ничего другого тоже; они просто прошли по тропинке, которая вела через болото к большой норе в земле. Земляной щенок показал ее Бену и Дирку, подождал, пока они подошли к краю, и исчез во тьме. Вход в нору растянулся за счет тумана и темноты больше чем на пятнадцать метров, образовав безобидную просторную дыру вроде сточной трубы, которая время от времени изрыгала пузыри воздуха, и ее мало что волновало. Бен уставился на дыру в земле, потом взглянул на Дирка; было непонятно, что теперь последует.

Через минуту все прояснилось. В самой середине дыра как будто зашевелилась, и из глубины ее на поверхность вышла женщина.

— Доброе утро, Ваше Величество, — поздоровалась она.

Похоже, она была обнажена, хотя трудно было сказать наверняка, потому что ее, словно покрывалом, облепляла грязь с головы до ног. В пристально глядевших на Бена глазах сиял огонек, но тела ее рассмотреть было невозможно — видны были лишь покрытые грязью очертания. Женщина покоилась на поверхности сточной трубы будто невесомая, без всякого напряжения и чувствовала себя как дома.

— Доброе утро, — неуверенно ответил Бен.

— Я вижу, с вами путешествует призматический кот, — странно монотонным, но звучным голосом произнесла женщина. — Вам повезло. Призматический кот может оказаться очень полезным попутчиком.

Бен был не очень согласен с такой оценкой, но придержал язык. Дирк промолчал.

— Меня, Ваше Величество, называют Матерью-Землей, — продолжала женщина. — Это имя дано мне несколько веков назад обитателями Озерного края. Я так же, как они, сказочное существо, живущее в этом мире. Но в отличие от них я пришла в этот мир по своей воле, это произошло, когда Заземелье только создавалось и я была ему нужна. Я душа земли. Можно сказать, что я служу в Заземелье садовником. Я слежу за почвой и за всем, что на ней растет. Охрана земли и забота о ней не только моя обязанность, это также долг жите-

лей, но без меня они бессильны. Я даю им возможность сохранить землю, и они эту возможность используют. — Она помолчала. — Понимаете, Ваше Величество?

Бен кивнул:

— Кажется, понимаю.

— Определенное понимание необходимо. Земля и я неразделимы; она часть меня, мы с ней одно целое. Поскольку мы едины, мне известно все, что происходит в Заземелье. В частности, я в курсе ваших дел, потому что ваша волшебная сила тоже часть меня. Существует связь между землей и королем Заземелья, и эта связь нерасторжима. Это тоже понятно, не так ли?

Бен снова кивнул:

— Я это постиг. Поэтому вы узнали меня сейчас, даже когда моя наружность изменена?

— Я узнала вас, Ваше Величество, так же, как призматический кот; я никогда не доверяю внешности. — Послышался приглушенный смешок, но не злой. — Я наблюдаю за вами с тех пор, как вы прибыли в Заземелье. Вы смелы и решительны, вам не хватает лишь знания. Но знание придет. Эту землю нелегко понять.

— Сейчас это немного сложно, — согласился Бен.

Мать-Земля нравилась ему гораздо больше Дирка с Лесной опушки.

— Да, сложно. Но не так сложно, как вы думаете. — Она слегка подвинулась в сгустке тумана, мощная, черты ее темной фигуры были неразличимы. Глаза влажно блестели. — Я просила Земляного щенка привести вас ко мне, чтобы сообщить вам кое-что об Ивице.

— Вы ее видели? — спросил Бен.

— Да. Ее мать приводила Ивицу ко мне. Мы дружим с ее матерью, потому что истинное сказочное существо близко к земле. У нас общее волшебство. Владыка Озерного края дурно обращается с матерью Ивицы, он думает только, как бы ею овладеть, и не принимает ее такой, какая она есть. Ваше Величество, Владыка стремится к господству подобно человеку; надеюсь, он вовремя осознает свою вину. Обладание землей и ее дарами недопустимо. Земля — это богатство, распоряжаться которым доверяют всем бренным жизням и никогда не отдают в собственность кому-нибудь одному. Но это

правило не соблюдается ни в Заземелье, ни в других мирах. Высшие сословия стремятся господствовать над низшими; все стремятся стать хозяевами земли. Так Матери-Земле разбивают сердце.

Она вздохнула.

— Владыка Озерного края поскромнее, он лучше некоторых. Но он тоже ищет господства, только более утонченными способами. С помощью волшебства он хочет очистить землю, думая, что видит все в истинном свете. Земле нужно исцеление, мой король, но исцеление не всегда желательно. Иногда смерть и возрождение — неотъемлемые части развития. Существованию присуще возрождение жизни. Никто не может предсказать весь цикл, и изменение любой стадии может принести вред. Владыка этого не понимает, так же как он не понимает, почему мать Ивицы не может ему принадлежать. Он видит только свои непосредственные потребности.

— Например, потребность в черном единороге? — импульсивно вставил Бен.

Мать-Земля пристально посмотрела на Бена:

— Да, Ваше Величество, в черном единороге. Это животное всем внушает такую неодолимую потребность, даже, наверное, вам. — Она на миг умолкла. — Но я отвлеклась. Я пригласила вас сюда, чтобы рассказать об Ивице. Я почувствовала, что вы с ней связаны, и мне это понравилось. Вас соединяют особые узы, этот союз обещает то, чего я так долго ждала. Я сделаю все, что смогу, чтобы сохранить эту связь. — Она подняла запачканную грязью руку. — Итак, слушайте, мой король. Два дня назад на рассвете мать Ивицы привела ее ко мне. Ивица не хотела идти за помощью к отцу, а мать не могла дать ей то, что нужно. Мать Ивицы надеялась, что я смогу помочь. Ивице дважды снился черный единорог — один раз, когда она была с вами, и еще раз — потом. Эти сны были смесью лжи и истины, и Ивица не могла отделить одно от другого. Я не сумела ей помочь: земля не ведает снами. Сны живут в воздухе и в мозгу. Тогда Ивица спросила, знаю ли я, доброе или злое существо черный единорог. Я ответила ей, что до тех пор, пока правда не выйдет наружу, черный единорог будет и тем и другим. Она спросила, могу ли я сообщить ей эту правду. Я ответила, что я не вправе этого сделать. Тог-

да она спросила, знаю ли я о золотой уздечке. Я сказала, что знаю... Ивица ушла искать эту уздечку.

— Куда, вы это знаете? — тут же спросил Бен.

Мать-Земля притихла еще на мгновение, будто споря сама с собой.

— Ваше Величество, вы должны дать мне обещание, — наконец проговорила она. — Я знаю, вы встревожены. Знаю, вы боитесь. Может, вы даже впадете в отчаяние. Сейчас вы идете по трудной дороге. Но вы должны мне обещать: что бы с вами ни случилось, как бы вы ни были потрясены происходящим, всегда в первую очередь думать об Ивице. Вы должны поклясться, что сделаете все возможное для того, чтобы она была в безопасности.

Бен в недоумении сказал:

— Почему вы меня об этом просите?

Мать-Земля скрестила руки на груди:

— Потому что я обязана попросить вас, Ваше Величество. Потому что я — Мать-Земля. Такой ответ должен вас вполне удовлетворить.

Бен нахмурился:

— А что, если я не смогу сдержать обещания? Что, если я не захочу его сдержать?

— Если вы дадите обещание, его надо будет держать. Вы будете его держать потому, что у вас не останется выбора. — Глаза Матери-Земли моргнули. — Помните, вы дадите это обещание мне, а данное мне обещание нельзя нарушить. Нас свяжет волшебство.

Бен долго и тщательно взвешивал ее слова, он был в нерешительности. Его беспокоила не столько возможность принять на себя обязательства перед Ивицей, сколько само обещание. Это значило исключить все остальные варианты, даже не ведая, какими они могут быть; клятва вслепую, которая могла лишить будущего.

Но затем снова все получилось так, как часто бывает в жизни. Мы не всегда пользуемся предоставленным выбором.

— Я обещаю, — сказал Бен, но как юриста его покоробило.

— Ивица пошла на север, — проговорила Мать-Земля. — Вероятно, к Бездонной Пропасти.

Бен оцепенел:

— К Бездонной Пропасти? Вероятно?

— Эта уздечка волшебная, ее соткали давным-давно кудесники этой земли. В течение многих лет уздечка переходила из рук в руки, и про нее забыли. Недавно она находилась у Ночной Мглы. Ведьма украла уздечку и спрятала с другими драгоценностями. Ночная Мгла собирает предметы, которые кажутся ей красивыми, и вытаскивает их, когда ей захочется. Но дракон Страбон, который тоже стремится обладать такими сокровищами, несколько раз воровал уздечку у Ночной Мглы. Теперь они соревнуются, кто у кого быстрее уздечку украдет. В последнее время уздечка была у ведьмы.

Упоминание о Ночной Мгле и Бездонной Пропасти вызвало у Бена массу неприятных воспоминаний. В королевстве Заземелье было множество уголков, которые Бен не жаждал посетить вторично, обиталище ведьмы было в этом списке номером первым.

Но ведь Ночная Мгла скрылась в царстве фей...

— Ваше Величество, Ивица ушла, когда я рассказала ей о золотой уздечке, — прервала Мать-Земля мысли Бена. — Это было два дня назад. Если вы хотите ее догнать, вам надо поторопиться.

Бен рассеянно кивнул, он уже заметил, что небо за болотом, покрытым неизменным мраком, стало светлеть. До рассвета осталось недолго.

— Желаю вам всего хорошего, Ваше Величество, — сказала Мать-Земля. Она начала снова погружаться в болото, очертания ее быстро менялись. — Найдите Ивицу и помогите ей. Помните о своем обещании.

У Бена на языке вертелось множество вопросов, он что-то говорил, но Мать-Земля исчезла почти вмиг. Она просто ушла назад в дыру и пропала. Бен стоял, уставившись на пустую, ровную поверхность.

— Ну по крайней мере я знаю, куда пошла Ивица, — сказал он вслух. — Теперь остается только выбраться из этого болота.

Тут будто по мановению волшебной палочки вновь явился Земляной щенок, он выскользнул из-под груды листьев. Щенок обвел Бена серьезным взглядом, пошел вперед, повернул назад и стал ждать.

Бен вздохнул. Жалко, что все его желания исполняются с такой готовностью. Бен взглянул на Дирка. Тот в ответ вытаращился на Бена.

— Хочешь ненадолго прогуляться на север? — спросил Бен у кота.

Кот, как и следовало ожидать, ничего не ответил.

ГЛАВА 10

ОХОТА

Четыре дня пути отделяло их от Вечной Зелени, когда к юго-востоку от Риндской плотины, в сердце Зеленого Дола, они повстречали охотника.

— Он был черен, будто уголь, добытый из северных шахт, будто тень, никогда не видевшая света. Пресвятая Мать! Он пронесся мимо меня так близко, что казалось, можно протянуть руку и коснуться его. Он был само изящество и красота, он скакал, словно земля не притягивала его, несся мимо нас, как порыв ветра, который чувствуешь и видишь, но не можешь поймать. Вы учтите, я не хотел до него дотрагиваться. Я не хотел касаться такой... чистоты. Он был как огонь, ясное пламя, но стоит придвинуться вплотную — обожжет. Я не хотел этого.

Голос охотника звучал торопливо и хрипло от переполнявших его чувств. Ранним вечером он сидел с Беном и Дирком у небольшого костра, разложенного в дубовой рощице рядом с грядой гор. Закат разбросал по западному горизонту красновато-багровые пятна, а на востоке уже спускались синесерые сумерки. Конец дня был спокойным и теплым, давешние дождевые облака остались в прошлом. Птицы на деревьях пели вечерние песни, в воздухе стоял запах цветов.

Бен пристально рассматривал охотника. Это был высокий, очень худой мужчина с загорелой, обветренной кожей и мозолистыми руками. Он носил одежду лесного жителя и высокие, сшитые на заказ кожаные сапоги, мягкие, удобные,

делающие походку бесшумной; у него был с собой арбалет и большой лук со стрелами, длинный кривой нож и еще один нож, скорняжный. Лицо у охотника было продолговатое, с выступающими скулами, будто маска из острых углов и ровных пластинок с плотно натянутой кожей и застывшими от напряжения чертами. Очевидно, он был опасный человек — в другое время, очевидно.

Но не в этот вечер. В этот вечер он был другим.

— Я забегаю вперед, — вдруг пробормотал охотник; он то ли предупреждал себя, то ли просто констатировал факт. Внушительной рукой мужчина вытер лоб и подсел поближе к огню, как будто ему было холодно. — Знаете, я ведь оттуда чуть не ушел. Я уже собрался идти в Мельхорские горы за снежным бараном. Приготовился и сложил все снаряжение, и тут меня отыскал Дейн. Он догнал меня на перекрестке дорог; он бежал так, будто его баба вызнала про него какую-нибудь гадость, и кричал мне вслед как дурак. Я остановился и стал ждать и тоже сделался как последний дурак. «Начинается охота, — сказал он. — По приказу самого короля. Его люди повсюду скликают лучших, чтобы поймать, ты не поверишь кого. Черного единорога! Да, так и есть, — говорит он. — Черного единорога надо словить до конца месяца, и мы должны обыскать всю долину от края до края. Иди с нами, — говорит он. — Каждому охотнику дают по двадцать монет в день и еду, и кто его поймает, тому еще пять тысяч!»

Охотник мрачно рассмеялся.

— Пять тысяч монет. Казалось, куда лучше, я столько за десять лет не заработаю. Я посмотрел на Дейна и засомневался, в уме ли он; потом увидел, как горят его глаза, и понял, что все это на самом деле: и охота, и награда в пять тысяч, и дурак этот — король или кто, который думает, что здесь водится черный единорог и его можно поймать.

Бен на секунду взглянул на Дирка. Он лежал недалеко от Бена, подогнув лапы, и не сводил глаз с говорящего охотника. С тех пор как на их маленький лагерь набрел охотник и спросил, можно ли с ними поужинать, Дирк не сдвинулся с места и не проронил ни слова. Сейчас он вел себя как обыкновенный кот. Бену было очень интересно, что тот думает.

— И мы пошли, Дейн и я, — мы и еще две тысячи таких же. Мы шли к Риндской плотине, где должна была начаться охота. Вся равнина, там, где расходятся реки, превратилась в лагерь охотников, они ждали. Там были загонщики, там были господин Каллендбор и все другие важные персоны со всеми своими рыцарями в доспехах и пешими солдатами. Там были лошади и мулы, телеги, груженные припасами, гонцы и слуги, там было целое море звуков — все двигалось и способно было спугнуть любую добычу на расстоянии пятнадцати километров! Мать моя родная, какой там был бардак! Я все равно остался и думал о деньгах, но уже не только о них, еще я думал о черном единороге. Я был уверен, что его не существует, а вдруг, думаю, все-таки существует? Вдруг он где-то поблизости? Пусть я не поймаю его, но, боже, хоть увижу, какой он!

В тот же вечер нас всех созвали к воротам замка. Короля там не было; был его волшебник, тот, которого зовут советник Тьюс. Ну и вид у него! Лоскутный балахон с лентами — прямо пугало огородное! И с ним пес, который одевается, как вы и я, и ходит на задних лапах. Идет молва, что он еще и разговаривает, да я не слышал. Они стояли с господином Каллендбором и что-то шептали ему, никто не мог разобрать что. Волшебник был бледный как полотно, видно, напугался до смерти. А Каллендбор нет, не на того напали. У него испуганного вида никогда не бывает. Уверен в себе на все сто и готов судить обо всем. Он обратился к нам зычным, раскатистым голосом, на равнине его было слышно за километр. Он воззвал к нам и сообщил, что этот единорог и впрямь существует и на него можно охотиться и загнать, как любого зверя. Нас собралось достаточно, чтобы его поймать. Но если мы его не поймаем, нам не поздоровится. Он указал нам места охоты и наши участки и отослал спать. Охота должна была начаться на рассвете.

Охотник замолчал, он вспоминал. Он смотрел мимо Бена в сгущающийся мрак, отыскивая какую-то далекую точку во времени и пространстве.

— Знаете, это было здорово! Сколько людей собралось вместе на эту охоту, пожалуй, самая большая охота на моей памяти! На севере вдоль Мельхорской гряды живут тролли, а

на юге на холмах, выше Озерного края, еще несколько сказочных племен. Они не думали, что единорог появится на юге, не знаю почему. По плану мы должны были начать с восточной границы и двигаться на запад, доходя до крайнего севера и юга и покрывая землю словно огромной сетью. Загонщики и всадники начинали с востока, охотники готовили ловушки на западе. Это был хороший план. — Он слабо улыбнулся. — Все началось по расписанию. Шеренга стала двигаться с востока на запад, прочесывая все на своем пути. Охотники, такие, как я, устроились на холмах, откуда просматривались все луга и местность за ними. Некоторые рыскали вдоль и поперек, поднимая прячущихся животных. Это было внушительное зрелище: все эти люди, все это снаряжение. Казалось, вся долина сошлась на великую охоту. Казалось, здесь был весь мир. Целый день шеренга шла на запад от Пустошей к Риндской плотине и дальше, загонщики и охотники, всадники и пешие солдаты; телеги с припасами катились туда и обратно в замки и города. Не пойму, как удалось все так быстро устроить и обойтись без перебоев, но все работало четко. Однако мы ничего не нашли. В ту ночь мы устроились на ночлег шеренгой, проходившей от Мельхорской гряды до замка Чистейшего Серебра. Бивачные костры горели повсюду, с севера на юг, напоминая громадного извивающегося змея. С холмов, где стояли мы с Дейном и остальные охотники, было все видно. Мы вышли из лагеря. На холмах мы чувствовали себя как дома: ночью видим так же хорошо, как днем, и держим ухо востро, чтобы ничто и никто не прокрался в темноте.

Второй день прошел так же. Мы прочесали луга. На западе достигли подножия холмов, но ничего не увидели. Снова разбили лагерь и стали ждать. Всю ночь были начеку.

Бен подумал, сколько он потерял времени, пока из Вечной Зелени попал сюда, на крайний север. Четыре дня. Продвигаться по Озерному краю мешала погода. Кроме того, он был вынужден обойти замок Чистейшего Серебра с востока, чтобы не наткнуться на стражников, так как они могли узнать в Бене того незнакомца, которого король приказал изгнать из страны. Всю дорогу Бену пришлось путешествовать пешком, потому что у него не было денег на лошадей, а до того, чтобы воровать, он еще не опустился. Должно быть, Бен

разминулся с охотниками меньше чем на день. Бен стал гадать, что было бы, если бы он с ними встретился.

Охотник откашлялся и продолжал:

— Тут между людьми возникла какая-то неприязнь, — мрачно говорил он. — Некоторые чувствовали, что зря тратят время. Не важно, двадцать монет или сколько, никто не хочет быть дураком. Господа тоже подзуживали, досадуя на то, что мы якобы работаем не в полную силу, следим не так пристально, как надо, и зверь мог проскользнуть незамеченным. Мы знали, что этого не может быть, но они хотели услышать другое. И мы сказали, что будем стараться и смотреть в оба. Но, говоря между собой, мы сомневались, есть ли на что смотреть в оба. На третий день мы прошли на запад до самых гор, и тогда мы нашли его. — Глаза охотника внезапно оживились, в них отражалось волнение так же ярко, как пламя костра. — Дело было к концу дня, солнце укрылось в тумане и ушло за горы, и участки леса, которые мы прочесывали на холмах, покрылись тенями. В это время суток все выглядит как-то нечетко и чудится везде какое-то движение. Мы пробирались по сосновому бору, окруженному деревьями твердых пород и заросшему густой порослью и кустарником. Нас было шестеро, а вокруг была еще сотня людей, и на востоке орала и перекликалась шеренга загонщиков. На холмах было жарко — странный вечер. Мы совсем измотались и устали гоняться за призраком. Появилось ощущение, что охота закончилась ничем. Жара и насекомые превращали работу в наказание, все тело ныло и болело, мы еле волокли ноги. Выбросили из головы мысли о единороге, скорее бы прекратить эту охоту и вернуться домой. Решили, это какой-то розыгрыш. — Охотник помолчал. — И вдруг среди сосен послышался шорох, просто мелькнула какая-то тень, больше ничего. Я, помнится, подумал, что глаза меня подводят, и тут она мелькнула во второй раз. Я хотел сказать Дейну, он работал слева от меня. Но придержал язык: наверное, слишком устал, чтобы разговаривать. Я просто, мучаясь от жары, перестал копаться в кустах и стал наблюдать, не будет ли еще какого движения. — Он глубоко вздохнул и напряг подбородок. — Свет вдруг совсем пропал, будто все небо на миг заволокло облаками. Я помню, как это было. Воздух горячий и неподв-

вижный, ветер словно замер. Я смотрел — кусты расступились, и появился он, единорог, совершенно черный и блестящий, как ртуть. Он казался таким маленьким. Он стоял и смотрел на меня долго-долго. Я заметил козлиные копытца, львиный хвост, гриву, спускающуюся по шее и по спине, щетки над копытами и крутой рог. Единорог был такой, как в старых сказках, но прекраснее всего на свете. Матерь Божья, он был великолепен! Другие тоже увидели его, по крайней мере некоторые. Дейн только взглянул, другие двое сказали, что видели его близко. Но не так близко, как я, о боже! Я стоял рядом с ним! Совсем рядом!

Потом он убежал. Нет, не убежал, он не спасался бегством. Он подпрыгнул и словно пролетел мимо меня; само движение и грация, как тень парящей птицы. Он промчался мимо меня в мгновение ока — фьють, и как не бывало. Я стоял и смотрел ему вслед, и сомневался, вправду ли я его видел, и отвечал себе, что вправду, и восхищался его красотой, и думал, что, оказывается, он существует...

Слова подступали к горлу, охотник будто давился ими в порыве необыкновенного волнения. Мужчина поднял руки и стал бурно жестикулировать в такт своему рассказу. Бен сразу же затаил дыхание, он смотрел как завороженный и хотел, чтобы очарование продолжалось.

Затем глаза охотника опустились, руки тоже.

— Потом рассказывали, что он влетел прямо в толпу загонщиков. Он пронесся мимо всей этой кучи народа, точно ветер между деревьями в лесу. На глазах у десятков людей. Может, и была возможность его задержать, но я сомневаюсь. Он летел поверх сетей. Его стали преследовать, но... но знаете что? — Охотник снова поднял взгляд. — Единорог вдруг оказался прямо перед властелинами Зеленого Дола и людьми короля, прямо перед ними, Матерь Божья! А волшебник, тот самый, что устроил все дело, наколдовал какую-то чепуху, и с неба на всех посыпались цветы и бабочки. Загонщики в замешательстве расступились, и никто и оглянуться не успел, как единорог пропал из виду. — Охотник внезапно улыбнулся. — Цветы и бабочки, представляете?

Бен тоже улыбнулся. Он представлял.

Охотник подтянул колени к подбородку и обвил их руками. Улыбка исчезла.

— Вот так это было. Вот и все. Охота кончилась. Все както рассыпалось, все разошлись. Кто-то предложил продолжить, снова сместиться к востоку, но так ничего и не получилось. Никто больше не желал этим заниматься. Из охоты словно ушла душа. Все как будто радовались, что единорог убежал. А похоже, просто никто не думал, что единорога вообще можно поймать. — Охотник поднял суровые глаза. — Мы живем в странное время. Говорят, что король выгнал волшебника и пса. Вышвырнул их тут же, как узнал, что случилось. Просто вытурил без предупреждения за то, что сделал волшебник, а может, и не сделал, но король подумал, что сделал. Мне кажется, волшебник все равно мало что смог бы сделать. С таким существом, как единорог, он не сделал бы ничегошеньки. И никто ничего не сделал бы. Для нас, смертных, он будто видение из другого мира, будто сон. — На глаза у охотника вдруг навернулись слезы. — Знаете, я, наверное, прикоснулся к нему, когда он проходил мимо. Наверное, дотронулся. Матерь Божья, я до сих пор чувствую, как его нежная кожа обжигает меня, точно огонь, точно... прикосновение женщины. Давным-давно ко мне так прикоснулась одна. А теперь единорог. И теперь не могу об этом забыть. Я стараюсь думать о другом, стараюсь не терять здравый смысл, но ощущаю это прикосновение до сих пор. — Охотник сделал суровое лицо, он не давал волю чувствам. — После этого я стал искать единорога сам, подумал, может, в одиночку повезет больше, чем вместе со всеми. Я не хочу его ловить и, пожалуй, не смогу. Я просто хочу еще раз посмотреть на него. Я просто хочу еще раз к нему прикоснуться, лишь один разок, лишь на секунду...

Охотник снова умолк. В наступившем молчании вдруг раздался резкий треск хвороста, и костер ярко вспыхнул. Никто не двинулся с места. На долину опустился сумрак, последние лучи солнца угасли. Появились звезды и луны, их свет был слаб и отдален, цвета приглушены. Бен взглянул на Дирка с Лесной опушки. Кот сидел с закрытыми глазами.

— Я просто хочу еще раз к нему прикоснуться, — тихо повторил охотник. — Только на секунду. Лишь один разок.

Он бессмысленно уставился на Бена. Бог знает, каким этот охотник был прежде, сейчас от него осталась лишь тень, и эта тень растворилась в наступившей тишине.

В ту самую ночь Ивице снова приснился черный единорог. Она спала, свернувшись калачиком, рядом с верным Сельдереем под соснами на краю Бездонной Пропасти, густые сучья и тени давали надежное укрытие. Путешествие из Вечной Зелени на север заняло у Ивицы пять дней. Теперь она лишь на несколько часов опережала Бена Холидея. Из-за охоты на черного единорога Ивица задержалась почти на день, так как охотники заняли все холмы к западу от Зеленого Дола и ей пришлось повернуть на восток. Ивица не знала, что это за охота. Ивица также не знала, что ее ищет Бен.

Сновидение пришло в полночь, оно проникло в мозг Ивицы, как утешение матери, присутствие которой в комнате согревает и оберегает дремлющего ребенка. Этот сон был не страшный, а лишь печальный. Ивица шла по лесам и лугам, а черный единорог наблюдал за ней, как призрак, пришедший из ада, чтобы преследовать живых. Единорог появлялся и исчезал, как луч солнца за тучей, то в тени мощного старого клена, то в еловом подлеске. Этого зверя никогда не было видно целиком, лишь частично. Он был черный, с невыразительными чертами, если не считать огромных глаз, а в этих глазах отразилась вся скорбь мира.

Ивица пригляделась к глазам единорога и заплакала — она спала, а по щекам катились слезы. В глазах стояла тревога и огромная боль, Ивица никогда не видела таких затравленных глаз. В этом сне черный единорог не был порождением дьявола, это было нежное, удивительное существо, с которым жестоко и несправедливо обошлись...

Ивица вздрогнула и проснулась, образ единорога четко запечатлелся в ее мозгу: существо с пристальным, напряженным взглядом. Сельдерей мирно спал возле Ивицы. До рассвета было еще далеко, и Ивица содрогалась, будто от ночного холода. Но тонкое тело сильфиды дрожало от воспоминания о сне, она особым образом ощущала его волшебство, потому что сама была сказочным существом.

Этот сон был вещий, вдруг поняла Ивица. В этом сне была правда.

Ивица прислонилась к грубому стволу сосны, проглотила подступивший к горлу комок и заставила себя задуматься, о чем говорит ей этот сон. Что-то призывало ее задуматься, может быть, глаза единорога. Они чего-то хотели от Ивицы. Речь шла уже не только о том, чтобы найти золотую уздечку и принести ее Бену. Это был приказ первого сна, сна, который подвиг Ивицу на эти поиски, но и в этом сне Ивица теперь засомневалась. Единорог в том сне был совсем не такой, как в этом. Тот был демоном, а этот жертвой. Тот преследовал, а этого... травили? «Возможно», — подумала Ивица. В глазах единорога была мольба о помощи. И Ивица знала, что она выручит единорога из беды.

Она снова содрогнулась. Что она хочет сделать? Если она подойдет близко к единорогу, то погибнет. Надо выкинуть из головы безумные идеи! Надо пойти к Бену...

Ивица оборвала на середине назойливую мысль, опять свернулась калачиком в ночной тиши и стала бороться с собственной нерешительностью. Ивица жалела, что рядом с ней нет матери, чтобы утешить, и нельзя попросить совета у Матери-Земли.

Больше всего Ивица желала, чтобы с ней был Бен. Но с ней не было никого. Если не считать Сельдерея, Ивица была одна.

Время шло. Ивица вдруг встала бесшумно, как тень, оставила спящего Сельдерея в сосновом бору и молча исчезла в Бездонной Пропасти. Ее вел не разум, а чутье, она не ведала сомнения и страха, она была уверена, что все кончится хорошо и она останется невредима.

На рассвете Ивица вернулась. Она не принесла золотой уздечки, но знала теперь, где эта уздечка находится. Шестое чувство, присущее сказочным существам, подсказало ей то, чего не знала даже Мать-Земля. Уздечку снова украли.

Ивица разбудила Сельдерея, собрала свои манатки, быстро оглядела темные впадины пропасти и двинулась на восток.

ГЛАВА 11

ВОРЫ

Когда Бен Холидей и Дирк с Лесной опушки проснулись на следующее утро, охотника уже не было. Никто не слышал, как он ушел. Ускользнул, не говоря ни слова, просто исчез, будто его никогда и не было. Даже его лицо Бен запомнил лишь смутно. Остался только рассказ об охоте на черного единорога, этот рассказ был все так же ярок, все так же завораживающ.

Завтрак прошел мрачно.

— Надеюсь, он найдет то, что ищет, — пробормотал Бен, тяжело вздохнув.

— Не найдет, — тихо ответил Дирк. — Этого не существует.

Бен сомневался. Черный единорог казался неуловимым, как туман, и таким же вещественным. Единорог появлялся, но только на несколько мгновений и только мимолетной тенью. Это была легенда, которая приобрела некоторые внешние черты действительности, но, несмотря на все усилия и надежды, осталась видением, преследующим всех наваждением, которое принимало форму, но никогда не облекалось плотью. В Заземелье так бывает.

Бен хотел спросить об этом Дирка, но решил воздержаться. Если Дирк даже знает ответ, кот не скажет правды, а Бен устал играть в слова.

Бен решил переменить тему.

— Дирк, я думал о том, что рассказала нам Мать-Земля о золотой уздечке, — начал Бен, когда завтрак закончился. — Она сказала Ивице, что в последнее время уздечка была у Ночной Мглы, но Мать-Земля не упомянула о том, что стало с ведьмой с тех пор, как я отправил ее в туманы царства фей. — Бен помолчал. — Ты ведь знаешь, что я это сделал, да? Что я отправил Ночную Мглу в туманы?

Сидящий на старом бревне Дирк для разминки шевелил передними лапами.

— Знаю.

— Она бросила моих друзей в Абаддон, и я решил отплатить ей той же монетой, — начал объяснять Бен. — Феи дали

мне серебристый порошок в стручках; кто его вдохнет, начинает подчиняться обладателю порошка. Затем я испытал этот порошок также на драконе Страбоне. Но впервые я попробовал этот порошок на Ночной Мгле, и она превратилась в ворону и улетела в туманы. — Бен снова умолк. — Но я не знаю, что произошло с ней потом.

— Надеюсь, эти довольно нудные воспоминания излагаются с какой-то целью? — фыркнул Дирк.

Бен залился краской:

— Мне интересно, выбралась ли Ночная Мгла из туманов обратно в Бездонную Пропасть. Хорошо бы это знать, прежде чем идти туда вслепую.

Дирк долго умывал мордочку, а тем временем румянец на лице Бена становился все ярче. Наконец кот снова поднял голову.

— Я давно не был в Бездонной Пропасти, мой король. Но сдается мне, что Ночная Мгла, вполне возможно, уже вернулась.

Бену потребовалось время, чтобы осмыслить это сообщение. Он меньше всего желал встретиться с Ночной Мглой. У него больше нет медальона-хранителя, хотя неизвестно, мог ли медальон сохранить Бена от такого зловредного существа, как ведьма. Если она его узнает, можно прощаться с жизнью. А если даже не узнает, вряд ли она встретит его с распростертыми объятиями. И Ивице Ночная Мгла тоже не обрадуется, особенно когда узнает, что нужно сильфиде. Ведьма не отдаст золотую уздечку, какие бы убедительные доводы Ивица ни привела. Ведьма еще, пожалуй, превратит девушку в жабу, она и Бена тоже превратит в жабу. Бен с грустью вспомнил о злосчастном порошке и пожалел, что у него нет хотя бы щепотки. Это позволило бы значительно уравнять силы.

Бен пристально оглядел Дирка.

— Ты не хотел бы ненадолго прогуляться в царство фей? — быстро спросил Бен. — Я однажды там был, я бы сходил туда еще раз. Феи меня узнают, хоть я и заколдованный. Может, они помогут вернуть мне прежний облик. По крайней мере они смогут дать мне еще один стручок с порошком, чтобы я применил его против Ночной Мглы. В конце концов, я обещал Матери-Земле

заботиться об Ивице, а я не смогу заботиться о ней, если не позабочусь о себе. Ну так как?

Дирк секунду смотрел на Бена, потом моргнул и зевнул.

— Тебе никто не поможет, меньше всего феи.

— Почему? — раздосадованный непробиваемой самоуверенностью кота, рявкнул Бен.

— Потому что, во-первых, как тебе уже говорили по крайней мере раз десять, ты сам себя заколдовал. Во-вторых, феи не всегда помогают, когда их просят. Феи вмешиваются в жизнь людей, когда и где им вздумается. — Важная мордочка недовольно сморщилась. — Ты ведь знал это до того, как задал мне вопрос, мой король.

Бен просто кипел от ярости. Разумеется, кот прав: Бен это знал. Когда он впервые оказался в долине и ей угрожали порча и Железный Марк, феи не ввязывались в жизнь Заземелья, и теперь они тоже вряд ли станут это делать. Бен — король, и его трудности решать ему самому.

Ну и как же их решать?

— Пошли, — неожиданно вскочив, отдал приказ Бен. — Меня осенило, может, что-нибудь получится. — Бен надел ботинки, оправил одежду и стал ждать, когда Дирк спросит, как его осенило. Кот не спросил. Наконец Бен сказал: — Ты не хочешь знать подробности?

Кот потянулся, спрыгнул со своего места и встал рядом с Беном.

— Нет.

Бен стиснул зубы и про себя поклялся: провалиться ему на этом месте, если он еще когда-нибудь заговорит!

Все утро они шли на север через луга Зеленого Дола, затем немного свернули на восток к подножию холмов, лежащих ниже Мельхорской гряды. Бен двигался впереди, но, как обычно, Дирк, казалось, знал, куда идти, и часто вышагивал сам по себе, ища путь сквозь высокие травы и, очевидно, вовсе не интересуясь тем, что собирается делать Бен. Дирк оставался для Бена неразгаданной тайной, но Бен заставлял себя сосредоточиться на текущей задаче, а не думать о Дирке, потому что, если думать о Дирке, можно было свихнуться. Легче относиться к поведению кота как, скажем, к погодным явлениям.

Луга сохраняли следы прошедшей охоты. Ноги в тяжелых ботинках примяли высокую траву и сломали кустарник. На равнине, там, где проезжали телеги с припасами, валялись кучи мусора, многоцветные травы опалило пламя огромных бивачных костров. Зеленый Дол напоминал громадную площадку для пикника под вечер 4 июля — День независимости США. Бен раздраженно наморщил нос. Микс уже вновь портит землю в своих эгоистических целях.

Были и другие признаки упадка. Болезнь, которой страдала долина в те дни, когда Бен только стал королем Заземелья, вернулась, ее следы были на травах и деревьях, эти знаки говорили об ослаблении волшебной силы короля. Когда в Заземелье не было короля, земля теряла силу, Бен понял это еще в самом начале. Какое бы обличье ни принял Микс, он не был настоящим королем, и последствия начинали сказываться. Пока это были еще незначительные приметы, но они будут нарастать. В конце концов снова померкнет блеск замка Чистейшего Серебра и всю долину поразит порча. Бен пошел быстрее, как будто достаточно было поторопиться.

Около полудня Бен и кот повстречали караван купцов, продвигавшийся на север в Мельхорские горы, чтобы приобрести металлические инструменты и оружие у троллей, и последовал совместный второй завтрак. Все разговоры касались охоты на черного единорога и странных событий нескольких последних дней. Король от всех удалился, отказался видеть кого бы то ни было, даже властелинов Зеленого Дола. Проекты общественных работ были приостановлены, Совет судей и Совет по рассмотрению жалоб распущены, послов отправили восвояси, и вообще все дела застыли на мертвой точке. Никто не знал, что происходит, ходили слухи, будто по ночам в небе летают демоны, чудовища, которые воруют скот и уводят детей, как когда-то это делали драконы. Поговаривали даже, что за это в ответе сам король, который заключил сделку с дьяволом, пообещав разрешить демонам из Абаддона поселиться в Заземелье, если они добудут черного единорога.

Все, казалось, вертелось вокруг единорога. Король весьма определенно дал понять, что он намеревается завладеть этим существом и тот, кто доставит единорога в замок Чистейшего Серебра, будет щедро вознагражден.

— Поймай дым — и станешь богачом, — пошутил один из купцов, и все вокруг засмеялись.

Бену было не до смеха. Он поспешно простился и еще быстрее зашагал на север. Все разваливалось, и, несомненно, добрая часть вины лежит, конечно, на нем, на Бене.

Еще не наступил вечер, а Бен уже пришел в землю кыш-гномов.

Кыш-гномы были обитавшим в горах народцем; Бен познакомился с ними, когда стал королем Заземелья. Низкорослые, косматые, чумазые существа, похожие на кротов-переростков. Это были мусорщики и воры, доверять им можно было не больше чем домашней собаке, оставшейся наедине с куском жареного мяса. По правде говоря, кыш-гномам нельзя было доверить даже эту самую домашнюю собаку, потому что собаки, кошки и другие мелкие животные были для них изысканным лакомством. Абернети считал этих гномов людоедами. Советник Тьюс считал их напастью. Все считали их занудами. Название «кыш-гномы» произошло от требования, которое выражали почти все, кто имел несчастье с ними столкнуться: «Гномы, а ну-ка кыш отсюда. Кыш, гномы!» Два таких гнома, Щелчок и Пьянчужка, совершили путешествие в замок Чистейшего Серебра, чтобы попросить Бена помочь вызволить нескольких их соплеменников, находившихся в плену у горных троллей за воровство и съедение значительного количества любимых животных троллей — древесных ленивцев. Это дело чуть не стоило Бену жизни, но кыш-гномы доказали, что они одни из верных его подданных, если не самые верные.

Щелчок и Пьянчужка однажды признались Бену, что они знают Бездонную Пропасть как свои пять пальцев.

— Их помощь нам как раз нужна, — несмотря на клятву ничего не говорить коту, сказал Бен Дирку. — Ночная Мгла ни за что добровольно не отдаст уздечку. Ивица наверняка это знает, но все равно попытается уговорить ведьму. Вероятно, Ивица будет действовать в открытую, забыв об осторожности; она слишком честная. Как бы то ни было, если Ивица зашла в Бездонную Пропасть, ей грозит беда. И понадобится помощь. Щелчок и Пьянчужка дадут нам знать. Они могут прокрасться к ведьме незамеченными. Если Ивица или Ночная Мгла там, гномы нам сообщат. Если уздечка в пропасти,

возможно, они смогут ее украсть. Понимаешь? Они могут пробраться туда, куда мы не можем.

— Говори за себя, — ответил Дирк.

— У тебя есть другой план, получше? — тут уж огрызнулся Бен.

Дирк не обратил внимания на гнев Бена.

— У меня нет плана, — ответил кот. — Это не мои, а твои трудности.

— Большое спасибо. Из этого следует, что ты и не подумаешь сам пойти на разведку и украсть уздечку? Нет же?

— Едва ли подумаю. Я твой спутник, а не лакей.

— Ты сущее наказание, Дирк.

— Я не наказание, я кот, Ваше Величество.

Бен с хмурым видом пресек обсуждение и зашагал в сторону горного поселения. Кыш-гномы жили в городках, подобно собакам прерий, и задолго до того, как Бен что-то увидел, часовые уже оповестили о его приближении. Когда Бен вошел в городок, гномов нигде не было, виднелось лишь множество пустых нор. Бен прошел в центр городка, уселся на пень и стал ждать. С тех пор как Бен стал королем, он был здесь много раз и знал правила игры.

Через несколько минут к Бену присоединился Дирк. Не сказав ни слова, кот вальяжно разлегся у ног Бена и прищурился, глядя на позднее солнце.

Вскоре из одной норы высунулась косматая мордочка с зажмуренными от дневного света глазами, сморщенный нос осторожно втянул воздух. Затем глаза широко раскрылись, и гном опешил...

— Добрый день, господин, — придя в себя, обратился он к Бену и приподнял изношенную кожаную шапку с красным пером.

— Добрый день, — ответил Бен.

— Вышли на прогулку, да, господин?

— Вышел подышать свежим воздухом и погреться на солнышке. Помогает при всяких недомоганиях.

— Да, о да, ваша правда, помогает при всяких недомоганиях. Осенью нужно опасаться простуды, беречь горло и грудь.

— Разумеется. Простуда может быть коварной.

Они обменивались ничего не значащими фразами, и Бен ждал, когда это закончится. Кыш-гномы обычно ведут себя

так с незнакомцами — боятся их до смерти. Один всегда проверяет вас. Если вы не опасны, все остальные тоже выходят наружу. Но если гном почувствует угрозу, вы никого, кроме него, не увидите.

— Надеюсь, ваша семья здорова? — стараясь говорить небрежно, продолжал Бен. — И ваша община живет хорошо?

— Да, все в порядке, спасибо, господин. Все хорошо. Не на что жаловаться.

— Рад это слышать.

— Да, это радостно слышать. — Гном украдкой огляделся, чтобы увидеть, один ли Бен и не прячет ли он чего. — Вы, должно быть, прошли неблизкий путь на север из Зеленого Дола, господин. Вы ремесленник?

— Нет.

— Значит, купец?

Бен на миг заколебался, а затем кивнул:

— По случаю.

— Да? — Гном еще более прищурился. — Но у вас, кажется, нет с собой никаких товаров.

— А! Ну, иногда внешность обманчива. Некоторые товары совсем небольшого размера, знаете? — Бен похлопал ладонью по рубашке. — Умещаются в обычном кармане.

Передние зубы гнома ослепительно сверкнули на чумазом лице.

— Да, конечно, вы правы. Не хотели бы вы торговать здесь, господин?

— Хотел бы.

Бен закинул крючок и стал ждать. Гном не разочаровал Бена.

— Чем-то определенным?

Бен пожал плечами:

— Раньше у меня были дела с двумя членами вашей общины — Щелчком и Пьянчужкой. Вы их знаете?

Гном моргнул:

— Да, Щелчок и Пьянчужка живут здесь.

Бен улыбнулся как можно более обаятельно.

— Они где-то поблизости?

Гном улыбнулся в ответ.

— Возможно. Да, возможно. Вы не можете минуту подождать? Только минуту?

Гном нырнул обратно в нору и был таков. Бен ждал. Время шло, никто не появлялся. Бен продолжал сидеть на пне и старался делать вид, что ему это очень приятно. Он чувствовал на себе взгляды смотрящих отовсюду глаз. В душу закрались сомнения. Что, если Щелчок и Пьянчужка взглянули на Бена и решили, что они его никогда не видели? В конце концов, он не тот Бен Холидей, которого они знали. Он незнакомец и к тому же не очень хорошо одет. Бен оглядел себя и оценил свое плачевное состояние. «Довольно потрепанный торговец», — грустно подумал Бен. Щелчок и Пьянчужка, пожалуй, решат, что Бен не заслуживает их внимания. И не вылезут наружу. А если Бен не сможет с ними поговорить, то нет надежды заручиться их помощью.

Послеполуденные тени стали длиннее. Терпение Бена истощилось, он уже кипел, как горячая вода на огне. Бен с досадой посмотрел на Дирка с Лесной опушки. Здесь тоже никакой помощи. Глаза закрыты, лапы подвернуты под себя, едва дышит — то ли спящий кот, то ли чучело.

Из нор продолжали разглядывать Бена без всякого интереса. Солнце медленно ползло к западным холмам. Никто не появлялся.

Бен уже собрался было сдаться, как вдруг из расположенной метрах в десяти от пня норы показалась грязная косматая физиономия, и тут же вслед за ней из соседней норы вылезла другая. Два носа осторожно принюхались к воздуху уходящего дня. Две пары близоруких глаз с опаской озирались вокруг.

Бен вздохнул с облегчением. Это были Щелчок и Пьянчужка.

Прищуренные глаза уставились на Бена.

— Добрый день, господин, — сказал Щелчок.

— Добрый день, господин, добрый день, — повторил Пьянчужка.

— Добрый день!

Бен снова выпрямился и лучезарно заулыбался.

— Вы желаете торговать, господин? — спросил Щелчок.

— Вы желаете торговать с нами? — уточнил Пьянчужка.

— Да. Да, очень желаю. — Бен помолчал. — Господа, вы не можете подняться сюда? Я хочу быть уверен, что вы поймете, чем я собираюсь торговать.

Гномы переглянулись и вылезли на неяркий свет. Крепкие волосатые тела были одеты словно в бракованные костюмы Армии спасения. Крошечные, как у хорьков, заросшие мордочки, прищуренные глаза, сморщенные носы втягивали воздух и вертелись, будто флюгеры. Сажа и грязь покрывали гномов с головы до пят.

Никаких сомнений — Щелчок и Пьянчужка.

Бен подождал, пока они остановились примерно в метре от него, сделал им знак подойти поближе и настороженно сказал:

— Я хочу, чтобы вы выслушали меня очень внимательно, понимаете? Просто слушайте. Я Бен Холидей, король Зазамелья. Мою наружность изменили колдовством, но только на время. Рано или поздно я верну себе прежний облик. Когда это произойдет, я вспомню, кто мне помогал, а кто нет. Ваша помощь нужна мне прямо сейчас.

Бен переводил взгляд с одного гнома на другого. Те безмолвно пялились на него. Носы вдыхали воздух. Секунду Щелчок и Пьянчужка смотрели друг на друга, а потом снова воззрились на Бена.

— Вы не король, — сказал Щелчок.

— Нет, вы не король, — согласился Пьянчужка.

— Я король, — настаивал Бен.

— Его Величество пришел бы сюда не один, — сказал Щелчок.

— Его Величество пришел бы со своими друзьями: волшебником, говорящим псом, кобольдами и девушкой Ивицей, хорошенькой сильфидой, — сказал Пьянчужка.

— Король пришел бы со стражниками и слугами, — сказал Щелчок.

— Король пришел бы во всех регалиях, — уточнил Пьянчужка.

— Вы не Его Величество, — настаивал Щелчок.

— Нет, вы не король, — подтверждал, мотая головой, Пьянчужка.

Бен глубоко вздохнул:

— Я потерял все из-за злого волшебника, который в самом начале пригласил меня в Заземелье; волшебника, которого мы увидели в кристалле, после того как вырвались от горных троллей, помните? Вы пришли в замок Чистейшего Серебра просить моей помощи. Я отправился с вами, чтобы вызволить ваших собратьев, которые попали в плен к троллям, те гномы съели пушистых древесных ленивцев, любимых домашних животных троллей. Если я не король, откуда я все это знаю?

Щелчок и Пьянчужка снова переглянулись. На этот раз вид у них был немного растерянный.

— Мы не знаем, — признался Щелчок.

— Мы даже представления не имеем, — поддакнул Пьянчужка.

— Но вы не король, — повторил Щелчок.

— Нет, вы и вправду не король, — эхом отозвался Пьянчужка.

Бен кипел от бессилия, но виду не показывал.

— После того как мы узнали, для чего служит кристалл, я разбил его о скалы. Советник Тьюс признался, что пользовался этим кристаллом. Со мной были вы, Ивица и Абернети и кобольды Сапожок и Сельдерей. Потом мы спустились в Бездонную Пропасть. Вы взяли с собой Ивицу и меня. Помните? Мы применили против Ночной Мглы стручковый порошок, который мне дали феи, и ведьма превратилась в ворону и улетела в туманы царства фей. Затем мы отправились к дракону Страбону. Помните? Откуда я это знаю, если я не король Заземелья?

Гномы переминались с ноги на ногу, как будто в их рваные башмаки заползли муравьи.

— Мы не знаем, — снова сказал Щелчок.

— Да, мы не знаем, — поддакнул Пьянчужка.

— Но вы все равно не король, — настойчиво произнес Щелчок.

— Нет, вы не король, — повторил Пьянчужка.

Несмотря на всю решимость Бена, терпению его пришел конец.

— Откуда вы знаете, что я не король? — резко спросил он.

Щелчок и Пьянчужка беспокойно задвигались. Маленькие ручки не находили себе места, глазки бегали по сторонам.

— У вас не такой запах, как у него, — наконец сказал Щелчок.

— У вас такой запах, как у нас, — уточнил Пьянчужка.

Бен вытаращил глаза, покраснел и потерял те остатки терпения, которые сохранял до сих пор.

— Теперь послушайте! Я король, я Бен Холидей, я именно тот, за кого себя выдаю, и вам лучше поверить в это сразу, или вас ждут очень серьезные неприятности, даже серьезнее, чем когда после поражения Железного Марка вы украли и съели на званом обеде известную собаку! Вы у меня будете болтаться на виселице, черт возьми! Посмотрите на меня! — Бен выхватил медальон, закрыл ладонью изображение Микса и выставил медальон вперед как оружие. — Знаете, что я могу с вами сделать?

Щелчок и Пьянчужка повалились на землю, крошечные тела затряслись с головы до пят. Гномы упали так быстро, будто у них подкосились ноги.

— Великий правитель! — крикнул Щелчок.

— Могучий правитель! — взвыл Пьянчужка.

— Наша жизнь в ваших руках! — голосил испуганный Щелчок.

— В ваших руках! — гнусавил Пьянчужка.

— Простите нас, Ваше Величество! — молил Щелчок.

— Простите нас! — вторил Пьянчужка.

«Ну, это уже лучше», — немало удивленный таким быстрым поворотом, подумал Бен. Оказывается, в общении с кыш-гномами легкое запугивание приносит гораздо больше пользы, чем разумное объяснение. Бену было стыдно, что ему пришлось прибегнуть к такой тактике, но он был просто в отчаянии.

— Встаньте, — приказал Бен. Гномы поднялись и стояли, с опаской поглядывая на него. — Все в порядке, — мягко заверил Бен гномов. — Я понимаю, что вас смущает, и давайте больше не будем об этом. Хорошо? — Две похожие на хорьков физиономии одновременно кивнули. — Прекрасно. Вот какая у нас трудность. Ивица, хорошенькая сильфида, может угодить в беду, и мы должны помочь ей так же, как она помогла нам, когда мы попали в плен к горным троллям. По-

мните? — Бен неоднократно повторял это слово — «помните?» — но разговаривать с гномами все равно что с малыми детьми. — Она спустилась в Бездонную Пропасть и стала там что-то искать, нам нужно найти ее и убедиться, что она цела и невредима.

— Мне не нравится Бездонная Пропасть, Ваше Величество, — нерешительно пожаловался Щелчок.

— Мне тоже, — поддакнул Пьянчужка.

— Я знаю, — признался Бен. — Мне тоже она не нравится. Но вы мне говорили, что можете спуститься туда незамеченными. Я этого сделать не могу. Я прошу вас пойти туда, оглядеться, посмотреть, там ли Ивица, и поискать один спрятанный в пропасти предмет: он мне очень нужен. Это по-честному? Только посмотреть. Никто не должен знать, что вы там находитесь.

— Ночная Мгла вернулась в Бездонную Пропасть, — подтвердив худшие опасения Бена, тихо сообщил Щелчок.

— Мы ее видели, Ваше Величество, — поддакнул Пьянчужка.

— Она теперь всех ненавидит, — сказал Щелчок.

— Больше всего вас, — добавил Пьянчужка.

Наступило молчание. Бен на миг попытался представить себе, до какой степени его ненавидит Ночная Мгла, но не смог. Ну что ж, ничего не поделаешь.

Бен наклонился поближе к гномам:

— Значит, вы были в Бездонной Пропасти?

Щелчок и Пьянчужка с несчастным видом кивнули.

— И вас не видели, так?

— Они снова кивнули.

— Тогда вы можете сделать мне такое одолжение, правда? Сделайте это для меня и для Ивицы. Я не забуду вашу услугу, обещаю вам.

Вновь последовало долгое молчание, Щелчок и Пьянчужка смотрели на Бена, а потом друг на друга. Они приблизили свои головы и стали перешептываться. Их беспокойство переросло в возбуждение.

Наконец они снова уставились на Бена, глаза их сияли.

— Если мы это сделаем, Ваше Величество, мы сможем получить кота? — спросил Щелчок.

— Да, мы сможем получить кота? — повторил Пьянчужка.

Бен вытаращил глаза. Он на какое-то время забыл о Дирке. Бен взглянул на кота, а затем снова на гномов.

— Об этом даже не думайте, — сказал Бен. — Этот кот совсем не то, чем кажется.

Щелчок и Пьянчужка с неохотой кивнули, но не отрывали глаз от Дирка.

— Я вас серьезно предупреждаю, — многозначительно произнес Бен.

Гномы снова кивнули, но Бен ясно чувствовал, что его слова до них не доходят. Он беспомощно покачал головой:

— Ладно. Мы здесь заночуем, а на рассвете двинемся в путь. — Бен еще раз привлек внимание гномов. — Постарайтесь запомнить, что я сказал насчет кота. Хорошо?

Гномы в третий раз кивнули. Но их взгляды будто приклеились к Дирку.

Бен съел еще один спартанский ужин из плодов Лазурных Друзей, выпил воды из ручья и стал смотреть, как уходит за горизонт солнце и над долиной спускается ночь. Бен вспомнил о своем мире и о прежней жизни и впервые за долгое время подумал, не лучше ли ему было остаться там, где он был, и не возвращаться сюда. Потом Бен отбросил эти слюнявые мысли, завернулся в походный плащ и прилег рядом с пнем, чтобы хоть как-то поспать.

Дирк продолжал неподвижно сидеть на пне. Кот как будто умер.

Вдруг посреди ночи раздался такой жуткий и долгий крик, что Бен вскочил. Крик слышался сверху, но когда Бен наконец сообразил, что к чему, и стал мутными глазами озираться кругом, он увидел лишь припавшего к пню Дирка; шерсть у кота встала дыбом, и от спины шел пар.

Вдалеке кто-то хныкал.

— Эти гномы настырны до тупости, — тихо пояснил Дирк и снова уселся на пень, сверкая в ночи похожими на изумрудные огоньки глазами.

Хныканье затихло, и Бен тоже улегся на прежнее место. Добрый совет, данный Щелчку и Пьянчужке, пропал даром. Некоторые учатся только методом проб и ошибок.

* * *

Той же ночью в нескольких километрах от Риндской плотины в заброшенном загоне для скота и хижине, притулившейся у подножия горного хребта, который начинался у восточной оконечности Зеленого Дола, происходили совсем другие события. Прохудившаяся крыша и лишенные ставен окна говорили о том, что в хижине давно никто не живет, а в загоне для скота местах в пяти была сломана загородка. Вокруг, словно черное кружево, лежали тени. Метрах в десяти от хижины у ярко горящего костра сидели белобородое пугало и мягкошерстный терьер, оба совершенно немытые и нечесанные, и с такой яростью осыпали друг друга бранью, будто стремились опровергнуть, что только недавно они были лучшими друзьями. Коренастое существо с обезьяньей физиономией, ушами как у слона и крупными зубами в смущении следило за спором в полном молчании.

— Не пытайся заставить меня понять, что ты сделал! — говорил лохматый пес пугалу. — Я считаю тебя непосредственно повинным в нашем злосчастном положении и не собираюсь тебя прощать!

— Отсутствие сострадания у тебя дополняется только отсутствием характера! — ответило пугало. — Я уверен, что другой человек или пес проявил бы больше милосердия!

— Ха! Другой человек или пес давным-давно бы распрощался с тобой. Другой человек или пес нашел бы себе достойную компанию, способную разделить жизнь изгнанника!

— Ясно! Ну что же, еще не поздно найти другую компанию, достойную или не очень, если тебе так хочется!

— Будь уверен, я обдумываю этот вопрос!

Они бросали друг на друга сердитые взгляды через красную дымку костра, мысли обоих были черны, как сажа, оставленная на посудине после горящего дерева. Наблюдатель с обезьяньей физиономией безмолвно слушал. Ночь зависла над всеми тремя словно плащ чародея. Горный хребет был призрачным и спокойным.

Абернети получше приладил очки к носу и продолжил спор, слегка сменив тон:

— Никак не возьму в толк, почему ты упустил единорога, волшебник. Это существо стояло перед тобой, ты знал, что

сказать, чтобы его поймать, а ты что сделал? Вызвал град цветов и бабочек. Что это за ерунда?

Советник Тьюс с вызывающим видом выставил вперед подбородок:

— Это такая ерунда, которую ты должен понять.

— Я склонен думать, что ты просто психанул. Я вынужден поверить, что в решительную минуту ты просто перестаешь владеть волшебством. И что это значит: «Такая ерунда, которую ты должен понять»?

— Я хочу сказать, что эта ерунда дает всем существам право быть такими, какими они должны быть, несмотря на то, какими их хотят видеть другие! Понятно?

Писец нахмурился:

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что нарочно дал единорогу ускользнуть? Что бабочки и цветы — это не случайность?

Волшебник в раздражении потянул себя за бороду:

— Поздравляю, какие мы проницательные, наконец-то ты понял очевидное! Именно это я и хочу сказать!

Наступило долгое молчание, двое друзей разглядывали друг друга. Они отправились в путь на рассвете, в душе негодуя на то, что события развернулись таким образом, а внешне отстранившись друг от друга из-за своего гнева. И тут они впервые открыто обсудили эту тему: бегство единорога.

Изучение друг друга кончилось. Тьюс первым отвел взгляд, вздохнул и потуже завернулся в лоскутную мантию, чтобы отогнать усиливающийся ночной холод. От тревоги лицо волшебника было усталым и изборожденным морщинами. Одежда запылилась и порвалась. Абернети выглядел не лучше. Их лишили всего. Их выгнали сразу же после того, как король узнал, что поимка черного единорога сорвалась. Король не дал им возможности оправдать собственные действия и не предложил объяснения для своих. Как только Тьюс и Абернети вернулись в замок Чистейшего Серебра, их встретил посыльный с коротким письменным приказом. Их освобождали от всех должностей. Они могли идти на все четыре стороны и никогда не возвращаться ко двору.

Сапожок, которому, судя по всему, был предоставлен выбор, пошел с ними. Почему, он не объяснил.

— Когда мы начали охоту, я не собирался дать единорогу ускользнуть, — тихо продолжал советник. — Я собирался его поймать и, как было приказано, передать королю. Я полагал, что это опасная затея, потому что черный единорог давно считался существом, приносящим несчастье. Но король показал выдающиеся способности обращать несчастье себе на пользу. — Волшебник помолчал. — Признаюсь, меня тревожило настойчивое стремление короля немедленно поймать животное и его отказ объяснить нам эту настойчивость. Однако я все же намеревался заполучить единорога. — Советник глубоко вздохнул. — Но когда там, в лесу, я увидел перед собой это живое чудо, когда я увидел, какой он, я не смог допустить, чтобы его поймали. Не знаю почему, просто не смог. Нет, неправда, я знаю почему. Это было бы неправильно. Я почувствовал, что это так. Разве ты не почувствовал то же самое, Абернети? Единорог не предназначен для короля. Он не предназначен ни для кого. — Тьюс снова неуверенно поднял взгляд. — И я применил чары, чтобы он никому не достался. Я помог ему убежать.

Абернети схватил какую-то пролетавшую мимо мошку, затем опять водрузил на нос покрытые пылью очки и чихнул.

— Надо было сказать это раньше, волшебник, а не заставлять меня думать, что магия снова оказалась сильнее тебя. Теперь я по крайней мере это могу понять.

— Можешь? — в сомнении покачал головой Тьюс. — А я не могу. Я пошел против желания Его Величества, которому принес клятву верности. Но мне показалось в тот момент, что, если я выполню его приказ, это будет неправильно. Выходит, король был прав, что выгнал меня.

— И, надо полагать, прав, что выгнал меня?

— Нет, тебя он не должен был выгонять. В том, что случилось, нет твоей вины.

— Честно говоря, он был не прав, когда выставил нас обоих!

Советник беспомощно пожал плечами:

— Он король. Не нам его судить!

— Гм! — ехидно хмыкнул Абернети. — Охота была неблагоразумным шагом, хоть король так рассудил. Он знал историю черного единорога. Мы сказали, что это животное не поймаешь в охотничий капкан, но Его Величество король

оставил наш совет без внимания. Раньше он никогда такого не делал, волшебник. Он помешался на этом единороге, вот что я тебе скажу. Только о нем и думает. Он лишь однажды заговорил об Ивице, да и то посетовал, что она не несет золотую уздечку. Король пренебрегает своими обязанностями, не выходит из своих покоев и никому не доверяет. С тех пор как ты вернул ему волшебные книги, король ни разу не упомянул о них. Я надеялся, что он по крайней мере хоть заглянет в них, чтобы найти способ вернуть мне прежний облик. Когда-то король сделал бы это даже не задумываясь... — Писец застенчиво умолк, сердито поглядывая на пламя костра. — Ну ладно, это не важно. Суть в том, советник Тьюс, что в последние дни король не в себе. Он сам не свой.

Совиное лицо волшебника исказилось в задумчивой мине.

— Да. — Тьюс быстро посмотрел на Сапожка и с удивлением заметил, что кобольд кивает в знак согласия. — Да, он определенно сам не свой.

— Он такой с тех пор...

— Как мы обнаружили в его спальне самозванца?

— Да. С той ночи.

Они снова помолчали. Потом их глаза встретились, и то, что отразилось в этих глазах, поразило и Абернети, и советника Тьюса.

— Возможно ли... — неуверенно начал Абернети.

— Что самозванец на самом деле был королем? — закончил советник. Он очень сильно сдвинул брови. — Раньше я даже бы не подумал, но теперь...

— Конечно, мы не можем быть уверены, — быстро вставил Абернети.

— Никоим образом, — согласился Тьюс.

Огонь трещал и вспыхивал, переменивший направление ветер гнал на друзей дым, и искры обращались в пепел. Откуда-то издалека раздался продолжительный скорбный крик ночной птицы, у советника по спине пробежали мурашки. Он обменялся быстрыми взглядами с Абернети и Сапожком.

— Терпеть не могу спать на открытом воздухе, — пробормотал Абернети. — Не люблю блох, клещей и всяких ползающих насекомых, которые лезут в шерсть.

— У меня есть план, — вдруг проговорил советник.

Абернети смерил волшебника долгим строгим взглядом, он всегда смотрел так, когда ему предлагали что-нибудь, без чего он вполне мог обойтись.

— Боюсь спрашивать, в чем он заключается, волшебник, — наконец ответил пес.

— Мы пойдем к дракону. Пойдем к Страбону.

Зубы Сапожка блеснули в пугающей ухмылке.

— Это и есть твой план? — в ужасе спросил Абернети.

Тьюс, сильно волнуясь, наклонился вперед:

— Пойти к Страбону — это очень разумное решение. Кто знает о единорогах больше, чем драконы? Когда-то единороги были злейшими врагами драконов, их самыми давними противниками в царстве фей. Сейчас черный единорог последний в своем роде, а Страбон тоже единственный. Они обладают здравым смыслом, происходят из одного корня, они родственники! От дракона мы наверняка сможем что-нибудь узнать о единороге, возможно, достаточно, чтобы раскрыть его тайну и понять, зачем он появился в Заземелье!

Абернети недоверчиво покосился на волшебника:

— Но, советник Тьюс, дракон нас не любит! Ты об этом забыл? Он зажарит нас и съест на полдник! — Пес помолчал. — Кроме того, какая нам польза от того, что мы узнаем о единороге. От этого зверя у нас и так одни неприятности.

— Но если мы поймем, зачем он появился, мы раскроем причину наваждения короля, — быстро ответил Тьюс. — Мы даже найдем способ снова приблизиться ко двору. Это вполне достижимо. И дракон не причинит нам вреда. Когда он узнает, почему мы пришли, он только обрадуется. Не забывай, Абернети, что у драконов и волшебников тоже общее происхождение. Продолжительность и природа наших профессиональных отношений всегда подразумевали определенное взаимное уважение.

Абернети скривил губы:

— Какая чушь!

Советник, казалось, не слышал. Взгляд у него был отсутствующий.

— В давние времена между волшебниками и драконами велись такие состязания, от которых дух захватывало, скажу я тебе. Соперничали в волшебстве и ловкости. — Он с важным

видом поднял голову. — Если Страбон заупрямится, придется с ним потягаться. Я ловко научился присваивать чужие познания, и будет забавно еще раз испробовать свои силы...

— Ты спятил! — Абернети пришел в ужас.

Но воодушевление Тьюса не уменьшалось. Он встал и с безумными от волнения глазами стал ходить вокруг костра.

— Ну, не важно. То, что необходимо, должно быть сделано. Я принял решение. Я пойду к дракону. — Он помедлил. — Сапожок пойдет со мной, да, Сапожок? — Кобольд кивнул, улыбаясь во весь рот. Волшебник стал размахивать руками. — Значит, договорились, я иду. Сапожок идет. И ты должен идти с нами, Абернети. — Советник остановился и опустил руки, высокая фигура слегка сгорбилась, словно под грузом внезапно навалившихся забот. — Понимаешь, нам нужно пойти. В конце концов, что еще нам остается делать?

Он вопросительно уставился на писца. Абернети ответил таким же пристальным взглядом. В наступившей тишине сомнения и неуверенность в глазах старых друзей молчаливо сражались с чувством собственного достоинства. Тень прошлого, которое советник и Абернети давно похоронили, вернулась, чтобы омрачить их настоящее, и они ощущали, как эта тень неумолимо настигает их. Этого нельзя было допустить. Надо сделать что угодно, только не ждать наступления давящей тьмы.

Горный кряж снова застыл в безмолвии, темный хребет на фоне неба, полного холодных далеких лун и звезд. Хижина и загон для скота были частью скелета стареющей земли.

— Хорошо, — как можно более печально вздохнув, согласился Абернети. — Давай выставим себя дураками вместе.

Никто ему не возразил.

ГЛАВА 12

МАСКА

Восход застал Щелчка и Пьянчужку на условленном месте. Когда Бен проснулся, они стояли в добрых двадцати метрах от пня, недвижимые короткие тени в рассеивающемся

тумане, на спинах походные мешки, на головах прочно сидели шапочки с красным пером. С первого взгляда гномов можно было принять за пару кустиков, но после того как Бен встал, чтобы размять закоченевшие от холода и лежания на твердой земле мускулы, эта парочка осторожно выдвинулась на несколько шагов вперед и торопливо поздоровалась. Гномы как будто волновались больше обычного и все время пялились за плечо Бена, словно оттуда в любую минуту ожидали нападения скальных троллей.

Бен не сразу понял, что они опасаются не троллей, а Дирка с Лесной опушки.

Дирк же не обращал на гномов абсолютно никакого внимания. Когда Бен посмотрел на кота, тот сидел на пне и умывался, шелковая шерстка была гладкая и блестящая, будто влажная от утренней росы. Кот не поднял головы и не ответил на приветствие Бена. Дирк продолжал заниматься своим делом, пока не удовлетворился проделанной работой, а затем принялся лакать из поставленной Беном миски воду из ручья. Бен впервые подумал о том, что Дирк, кажется, почти ничего не ест. Как он живет — было тайной, но эту тайну Бен предпочитал не раскрывать. И так слишком много головоломок, чтобы прибавлять к ним еще одну.

Вскоре после пробуждения компания отправилась в путь, Бен и Дирк вели — правда, это смотря как понимать слово «вести», потому что Дирк опять знал, куда идет Бен, прежде самого Бена. Гномы плелись в хвосте. Щелчок и Пьянчужка явно не желали иметь дело с Дирком. Они сторонились кота и смотрели на него, как на змею. Щелчок заметно прихрамывал, а у Пьянчужки обгорела большая часть волос на кистях рук. Ни тот, ни другой не жаловались на свои увечья, а Бен ни о чем не спрашивал гномов.

Вся компания шла ровным шагом, утреннее солнце ярко сияло на безоблачном небе, запах лесных цветов, фруктовых деревьев освежал воздух. Признаки порчи бросались в глаза. Болезнь не зашла далеко, но была заметна, и Бен еще раз подумал о принявшем его обличье Миксе, о вернувшихся из Абаддона по просьбе колдуна демонах, об ослаблении волшебной силы земли и сокращении ее жизни. Необходимость с удвоенной настойчивостью гнала Бена вперед, он чувство-

вал, что время ускользает слишком быстро. Он так и не смог разгадать, что с ним сделали. Не имел представления, почему черный единорог вернулся в Заземелье и зачем он так нужен Миксу. Бен только знал, что все это как-то связано между собой и, чтобы выбраться из неразберихи, он должен этот узел развязать.

И тут Бен снова подумал о Дирке с Лесной опушки. Бена продолжало раздражать, что кот предпочитает оставаться загадкой, хотя, очевидно, мог бы объясниться. Теперь Бен уже был совершенно уверен, что Дирк остается с ним по какой-то причине, а не просто из любопытства. Но Дирк не собирался ничего объяснять, пока ему не заблагорассудится, и, учитывая странную натуру кота, можно было полагать, что объяснения не последует никогда. Однако Бену претило просто мириться с присутствием призматического кота и даже не пытаться выяснить, что привело его к Бену.

Когда утро подходило к полудню и уже обозначилась тень Бездонной Пропасти, Бен решил еще раз попробовать «расколоть» кота. По дороге Бен занимался тем, что размышлял, какая может быть связь между различными единорогами, которые встретились ему после памятного сна. В конце концов, единорогов было предостаточно. Черный единорог. Единороги, нарисованные в пропавших волшебных книгах, вернее, в одной из пропавших волшебных книг, в другой были выжженные страницы. И еще — сказочные единороги, потерявшиеся столетия назад на пути через Заземелье к мирам смертных. Сейчас Бена интересовала легенда о сказочных единорогах. Он уже верил, что черный единорог как-то связан с рисунками в волшебной книге. А то зачем Микс наслал одновременно оба сна? Почему колдуну так срочно понадобились и книги, и единорог? Непонятно, при чем тут исчезнувшие сказочные единороги? Однако Бен понимал, что, если отыщется связь, это будет странно, но ему начинало казаться еще более странным, если такой связи не обнаружится. И то, и другое, и третье тесно соединяло волшебство, и Бен мог поклясться жизнью, что Миксу все это было нужно, чтобы овладеть какими-то волшебными чарами.

Так. Хватит. Возможно, ответ на маленькую загадку поможет разгадать большую. И возможно, кто знает, Дирк с Лесной опушки не откажет в помощи...

— Дирк, ты везде побывал и все повидал. — Бен начал разговор как можно более небрежно, чтобы заинтересовать кота. — Как ты расцениваешь легенду об исчезнувших сказочных единорогах?

Кот даже не взглянул на Бена.

— Никак не расцениваю.

— Никак? А если подумать? Когда мы только встретились, ты сказал, что тебе известно о пропавших белых единорогах, так?

— Так.

— О единорогах, которых феи послали в другие миры. И эти единороги каким-то образом исчезли.

— Именно так.

Казалось, Дирк не желал вести этот разговор.

— Ну и как ты думаешь, что с ними случилось? Как они исчезли?

— Как?! — Кот прямо-таки фыркнул. — Конечно, их похитили.

Бен был так поражен, в кои-то веки получив прямой ответ, что на какое-то время онемел.

— Но... кто похитил? — наконец заговорил Бен.

— Кто-то, кому они были нужны, Ваше Величество, кто же еще? Кто-то, обладавший способностью и средствами поймать их и удержать.

— И кто это мог быть?

Голос Дирка выдавал раздражение.

— А ты как думаешь, кто это мог быть?

Бен помолчал, обдумывая вопрос.

— Волшебник?

— Не волшебник, а волшебники! В те дни их было много, а не раз-два и обчелся, как сейчас. У них была своя гильдия, свое объединение, свободное, но, когда надо, эффективно действующее. Волшебство в Заземелье было более могучим, чем теперь, и чародеи нанимались на работу ко всем, кто нуждался в их услугах и мог заплатить. Какое-то время волшебники были могущественными людьми, пока не бросили вызов самому королю.

— И что тогда произошло?

— Король призвал Паладина, и Паладин уничтожил волшебников. После этого в Заземелье разрешалось находиться лишь одному волшебнику, и он должен был служить только королю.

Бен нахмурился:

— Но если единорогов похитили волшебники, что стало с единорогами после... изгнания волшебников? Почему единорогов не освободили?

— Никто не знал, где они.

— Наверное, их нужно было поискать? Разве не следовало их найти?

— Да и еще раз да.

— Тогда почему этого не сделали?

Дирк замедлил шаг, остановился и с сонным видом моргнул.

— Тогда никто не задал вопроса, который ты, мой король, не задал и теперь. Почему похитили единорогов?

Бен тоже остановился, на миг задумался и пожал плечами:

— Это прекрасные создания. Я думаю, что волшебники сами пожелали завладеть единорогами.

— Да, да и еще раз да! Это все, на что ты способен?

— Ну, гм... — Бен снова помолчал, чувствуя себя дураком. — Почему ты просто не можешь все объяснить, черт возьми? — вспылил он.

Дирк пристально смотрел на Бена.

— Потому что не хочу, — тихо проговорил кот. — Потому что ты должен научиться снова видеть все в истинном свете.

Бен быстрым взглядом окинул кота, оглянулся на кышгномов (те наблюдали за Дирком и Беном с безопасного расстояния) и устало скрестил руки на груди. Бен не имел ни малейшего представления, о чем толкует Дирк, но спорить с котом не было никакого проку.

— Хорошо, — наконец произнес Бен. — Я попробую еще раз. Волшебники узнали, что феи послали единорогов через Заземелье в миры смертных. И похитили единорогов для себя. Похитили их потому, что... — Бен осекся, внезапно вспомнив пропавшие книги и рисунки. — Волшебники похитили единорогов, чтобы присвоить их волшебную силу! Вот что означали рисунки в книге! Рисунки как-то связаны с исчезнувшими единорогами!

Дирк с Лесной опушки приподнял голову:

— Ты правда так думаешь, мой король?

Любопытство кота было таким искренним, что Бен растерялся. Он ожидал, что Дирк согласится с ним, а тот, казалось, был удивлен вдвойне.

— Да, я правда так думаю, — наконец заявил Бен, но изумление не проходило. — Я думаю, что пропавшие единороги и пропавшие книги связаны, а черный единорог имеет какое-то отношение и к тем, и к другим.

— Это разумно, — согласился Дирк.

— Но как украли единорогов? И как могли волшебники присвоить волшебную силу этих существ? Разве единороги не такие же могущественные, как волшебники?

— Говорят, что такие же, — снова согласился Дирк с Лесной опушки.

— Тогда что же с ними произошло? Где их спрятали? Как ты думаешь?

— Возможно, они носят маску.

— Маску? — недоумевая, переспросил Бен.

— Как ты. Возможно, они носят маску, и мы их не узнаем.

— Как я?

— Ты можешь не повторять каждое мое слово?

— Но о чем ты говоришь, черт побери?

Дирк бросил на Бена взгляд, говорящий: «Надоел ты мне со своими вопросами», — и втянул носом воздух уходящего утра, как будто в этом воздухе носились все ответы. Черный хвостик покачивался из стороны в сторону.

— Я хочу пить, Ваше Величество. Не желаете ли присоединиться?

Не дожидаясь ответа, Дирк встал и, сойдя с тропинки, поспешил за деревья. Мгновение Бен смотрел коту вслед, а затем пошел за ним. Вскоре они подошли к пруду, питающемуся водой из реки, и стали пить. Бен пил быстро, жажда была сильней, чем он думал. Дирк не торопился, его изящная медлительность даже не раздражала, он лакал с чувством и с толком, часто останавливался и тщательно старался не замочить лапы. Бен знал, что сзади за ними наблюдают Щелчок и Пьянчужка, но не обращал на них внимания. Он следил только за котом и ждал, что теперь скажет Дирк, потому что кот

наверняка собирался что-то сказать, или Бен совсем ничего не понимал!

Минуту спустя Дирк снова сел и огляделся.

— Посмотри на себя в воду, мой король, — приказал кот.

Бен повиновался и увидел свое искаженное отражение, но все же свое.

— Теперь посмотри на себя без зеркала, — продолжал Дирк.

Бен так и сделал и увидел истрепанную одежду и разбитые башмаки, сажу и грязь, неухоженное, немытое, несвежее тело. Лица он не видел.

— Теперь снова посмотри на себя в воду, смотри получше.

Бен посмотрел и на этот раз увидел, как его образ тускнеет и превращается в отражение какого-то незнакомого чужака в такой же одежде, как у Бена.

Бен резко поднял голову:

— Я больше не похож на себя, даже сам вижу себя другим!

В голосе слышался страх, который Бен тщетно пытался скрыть.

— А все потому, любезный король, что ты начинаешь терять себя, — тихо проговорил Дирк с Лесной опушки. — Маска становится лицом! — Черная мордочка наклонилась ниже. — Найди себя, Бен Холидей, прежде чем маска совсем превратится в лицо. Сорви маску с себя, и тогда, возможно, ты отыщешь способ снять ее с единорогов.

Бен глянул в пруд и, к великой радости, увидел в воде свое прежнее отражение. Но черты едва вырисовывались. Изображение как будто блекло.

Бен снова поднял взгляд на Дирка, но кот уже пустился прочь, разогнав пугливых гномов.

— Поторопитесь, Ваше Величество, — крикнул кот Бену. — В Бездонной Пропасти не стоит искать себя после сумерек.

Бен медленно поднялся, теперь он был не только сбит с толку, но и напуган.

— И зачем я задаю вопросы этому чертову коту? — огорченно пробормотал он.

Но на этот вопрос он, конечно, уже знал ответ. Размышляя, как обстоят дела, Бен покачал головой и поспешил вслед за Дирком.

* * *

К середине дня они достигли Бездонной Пропасти.

Бездонная Пропасть не изменилась и не поддавалась изменению. Темные, непроницаемые грязные пятна на залитой ярким солнцем территории леса, они вжались в землю, как дикий зверь перед прыжком. В разверзшейся бездне Бездонной Пропасти тени играли в прятки с туманом, пропасть расползалась медленными, неровными движениями, охватывая деревья, трясину и мрак. Ничего не было видно. Жизнь спряталась, тайно пустилась в жесткую и порочную игру на выживание, где награда ждет лишь быстрых и сильных. Звуки были приглушены, краски потухли, везде царил серый цвет. В Бездонной Пропасти только смерть была как дома и только смерти ничего не угрожало. Бен и его спутники это ощущали. Стоя на краю бездны, они смотрели вниз, в темноту, и каждый думал о своем.

— Ну ладно, можно спускаться, — наконец пробормотал Бен.

Он вспомнил, как в последний раз ходил в Бездонную Пропасть и какие ужасные видения создавала перед ним Ночная Мгла, чтобы не впустить его: Бену мерещилось бесконечное болото, ящерицы и призраки похуже. Он думал о встрече с ведьмой, эта встреча чуть не стоила ему жизни. Он не жаждал повторить то же представление.

— Ну ладно, — снова произнес Бен, и его слова утонули в тишине.

Никто не обращал на него внимания. Дирк сидел рядом с прикрытыми глазами, с сонным видом загорал в пятнышке солнечного света и следил за тем, как в Бездонной Пропасти движется туман. Щелчок и Пьянчужка стояли слева на расстоянии метров десяти от кота и Бездонной Пропасти. Гномы перешептывались тихо, взволнованно.

Бен покачал головой:

— Щелчок, Пьянчужка!

Кыш-гномы съежились от страха и сделали вид, что не слышат.

— Подойдите сюда! — раздраженно рявкнул Бен, гномы и кот истощили его терпение.

Щелчок и Пьянчужка двигались робко, осторожно, мелкими шажками, бросая тревожные взгляды на Дирка, кото-

рый, как обычно, презирал гномов. Когда они подошли так близко, насколько могли, Бен встал на колени, чтобы заглянуть им в глаза.

— Вы уверены, что Ночная Мгла здесь, внизу? — спокойно спросил Бен.

— Да, Ваше Величество.

— Внизу, Ваше Величество.

Бен кивнул.

— Тогда будьте осторожны, — тихо предупредил он гномов. Теперь не время для нетерпения и гнева, и Бен подавил и то и другое. — Будьте очень осторожны, хорошо? Я хочу, чтобы вы не делали ничего такого, что может поставить вас под удар. Только спуститесь в пропасть. Мне нужно знать, там ли Ивица или была ли она там. Это самое главное. Выясните это. — Бен умолк, и гномы с какой-то неловкостью отвели широко раскрытые карие глаза. Бен минуту подождал и снова поймал их взгляд. — Есть уздечка, сотканная из золотых нитей, — продолжал Бен. — Ночная Мгла куда-то ее спрятала. Эта уздечка мне очень нужна. Я хочу, чтобы вы посмотрели, нельзя ли ее найти. Если можно, я прошу вас украсть ее.

Карие глаза вдруг увеличились до размеров блюдца и часто заморгали.

— Пожалуйста, не пугайтесь, — быстро успокоил Бен гномов. — Не нужно воровать уздечку, если ведьма будет поблизости, только если ее не будет или можно взять уздечку так, чтобы ведьма не заметила. Просто постарайтесь тихо сделать что сможете. Я вас прикрою.

Большей лжи Бен, пожалуй, не произнес за всю жизнь. Он никак не мог прикрыть гномов. Но ему надо было как-то вселить в них уверенность, чтобы они не смылись при первой возможности. Может, они все равно сбегут, но Бен надеялся, что уважение к его королевскому титулу не пропадет у них до тех пор, пока работа не будет сделана.

— Ваше Величество, ведьма нам навредит! — возопил Щелчок.

— Она нам навредит! — поддакнул Пьянчужка.

— Нет, не навредит, — успокаивал Бен. — Если вы будете осторожны, она даже не узнает, что вы спустились к ней. Вы же были здесь прежде, правда?

Две головы снова кивнули.

— Так почему же она заметит вас сейчас? Только делайте, как я сказал, и будьте осторожны.

Щелчок и Пьянчужка смотрели друг на друга долгим тяжелым взглядом. В их глазах было столько тревоги, что не надо было слов. Наконец они снова перевели взгляд на Бена.

— Спустимся только один раз, — сказал Щелчок.

— Только один раз, — повторил Пьянчужка.

— Хорошо, хорошо, только один раз, — согласился Бен, нетерпеливо поглядывая на тускнеющее послеполуденное солнце. — Но поторопитесь, ладно?

Гномы неохотно полезли в мрачные щели. Бен наблюдал, пока они не скрылись из виду, а затем уселся ждать.

Он ждал и думал о масках, которые неоднократно упоминал Дирк с Лесной опушки. На Бене маска. На исчезнувших единорогах тоже маска. Кот так сказал, но что он имел в виду? Бен прислонился к стволу дерева, расположенного метрах в десяти от солнечного пятна, в котором нежился кот, и попытался обдумать положение. В конце концов настало время хоть что-то обдумать. Считается, что юристам это по силам, это положено им по званию. Пусть Бен — король Заземелья, но он все-таки человек с привычками юриста и присущим юристу образом мышления. «Ну так думай! — увещевал себя Бен. — Думай!»

Он стал думать. Ничего не придумалось. Маски носят актеры и бандиты. Чтобы скрыть лицо. Их надевают, а потом, когда не надо прятаться, снимают. Но какое это имеет отношение к нему, Бену? Или к единорогам? «Ни я, ни они не хотят прятаться, — подумал Бен. — Микс хочет скрыть свое лицо. А кто хочет замаскировать единорогов?»

Волшебники, которые их похитили, вот кто.

Ответ пришел мгновенно. Бен выпрямился. Волшебники похитили единорогов, а потом спрятали их. Бен кивнул. Это разумно. И каким образом их спрятали? Под маской? Превратили их в коров, в деревья или во что-то еще? Нет. Бен нахмурился. Начнем сначала. Волшебники похитили единорогов (не важно как), чтобы украсть их волшебную силу. Волшебники хотели присвоить ее себе. Но зачем она им? Какая им от нее польза? И куда делась эта волшебная сила?

Бен изумленно раскрыл глаза. Сейчас остался лишь один настоящий волшебник — Микс. Источник его силы — про-

павшие и вновь обретенные волшебные книги; в этих книгах, вероятно, собраны колдовские рецепты, которые волшебники приобретали годами, и в этих книгах нарисованы единороги! Рисунки в книгах, по крайней мере в одной из них, наверняка изображали исчезнувших единорогов!

Но зачем нужны были рисунки?

А может, это и есть единороги?

— Да! — в удивлении прошептал Бен.

Это было настолько невероятно, что раньше не приходило ему в голову, но невероятно лишь в его мире, а не в Заземелье, где волшебство было естественно! Потерянные единороги, единороги, которых столетия никто не видел, сохранившие волшебную силу, томились в книгах волшебников! Значит, в книгах не было ничего, кроме изображений единорогов, потому что книги содержали лишь волшебные рецепты единорогов, украденные волшебниками!

И обращенные ими себе на пользу?

Бен не знал. Он заговорил с Дирком, но оборвал себя на полуслове. Нет смысла спрашивать кота, прав ли Бен; кот только снова ухитрится все запутать. «Сообрази сам!» — посоветовал себе Бен. Волшебники превратили единорогов в рисунки в пропавших книгах, этим объясняется исчезновение единорогов; итак, Микс послал Тьюсу сон о книгах, потому что колдуну нужны книги. Теперь даже ясен разговор Дирка о масках.

Или еще ничего не ясно?

Бен стушевался. Еще несколько вопросов остались без объяснения. Например, черный единорог. Может, это просто белый единорог, который удрал из книг или из первой книги, той, в которой обгорели страницы? Почему же он черный, если раньше он был белый? Почернел от пепла или сажи? Глупо! Почему этот единорог в течение многих лет то появляется, то исчезает, если он был заперт в волшебных книгах? Почему он так отчаянно понадобился Миксу именно сейчас?

Бен сжимал и разжимал пальцы. Если одному единорогу удалось сбежать, почему это не сделали все остальные?

Замешательство Бена нарастало. Микс намекнул, что Бен чем-то чуть не разрушил планы колдуна, но не сказал как. Если так и было, это касается единорогов, черных и белых. Но Бен не имел представления, что он мог сделать.

Он сидел и безуспешно ломал голову, а между тем день перешел в вечер и солнце исчезло на западе. Тени почти незаметно закрыли весь лес. Темень и туман Бездонной Пропасти медленно вылезли из своего дневного заточения, протянули руки теням и окутали Бена и Дирка. Дневное тепло сменилось вечерней прохладой.

Бен прервал размышления и перевел взгляд на спуск в бездну. Где Щелчок и Пьянчужка? Не пора ли им вернуться? Бен встал и подошел к краю пропасти. Ничего не было видно. Бен прошел по краю несколько сотен метров. Сначала в одну сторону, затем в другую, перешагивая через кочки и кустики и заглядывая во мрак. Тщетно. Бену стало как-то не по себе. Он не верил, что маленьким гномам угрожает опасность, а то он бы не послал их вниз одних. Вдруг он ошибся? Вдруг он принял желаемое за действительное?

Бен вернулся на свое место и беспомощно уставился на грязную впадину — вход в Бездонную Пропасть. Раньше гномов никогда не волновали опасности, таящиеся в пропасти. Может, что-то изменилось? Черт побери, надо было пойти с ними!

Бен взглянул на Дирка. Дирк как будто спал.

Бен продолжал ждать, у него не было другого выбора. Минуты тянулись вечность. Быстро темнело. Предметы стали трудноразличимы в сгустившихся сумерках.

Потом вдруг у края пропасти кто-то зашевелился. Бен выпрямился, сделал шаг вперед и остановился. Кусты расступились, и на поверхность вылезли Щелчок и Пьянчужка.

— Слава богу, с вами все... — начал Бен и умолк.

Кыш-гномы оцепенели от страха. Окаменели. Косматые мордашки застыли в страдальческих масках, глаза были блестящие и неподвижные. Они не смотрели ни направо, ни налево, ни даже на Бена. Они пялились в пустоту. Гномы стояли спиной к кустарникам со сложенными, как у маленьких детей, ручками.

Бен испуганно рванулся вперед. Он сердцем почуял — произошло что-то ужасное.

— Щелчок! Пьянчужка! — Бен встал перед ними на колени, пытаясь разрушить сковавшие их чары. — Посмотрите на меня! Что с вами?

— Я с ними, игрушечный король! — прошептал неприятно знакомый голос.

Бен поднял голову и за спиной у остолбеневших гномов увидел возникшую будто по волшебству высокую черную фигуру — он оказался лицом к лицу с Ночной Мглой.

ГЛАВА 13

ВЕДЬМА И ДРАКОН, ДРАКОН И ВЕДЬМА

Бен безмолвно уставился в холодные зеленые глаза ведьмы, и если бы ему было куда бежать, он ринулся бы туда сломя голову. Но от Ночной Мглы не убежишь. Она держала Бена на месте просто своим присутствием. Это была стена, которую не обойти и через которую не перелезть. Это была тюрьма.

Ведьма говорила шепотом:

— Кто бы подумал, что ты настолько глуп, чтобы вернуться сюда.

И впрямь глуп, молча согласился Бен. Он заставил себя протянуть руки к напуганным гномам и прижать их к себе, чтобы они были подальше от ведьмы. Они упали на него, как тряпичные куклы, дрожа от облегчения, и спрятали косматые мордочки в складках рубашки Бена.

— Пожалуйста, помогите нам, Ваше Величество! — еле-еле проговорил Щелчок.

— Да, пожалуйста! — вторил ему Пьянчужка.

— Все будет хорошо, — обнадежил их Бен.

Ночная Мгла тихо рассмеялась. Она была точно такая, как прежде, — высокая, с резкими чертами лица, кожа бледная и гладкая как мрамор, волосы цвета воронова крыла, лишь в середине белая прядь; худое, угловатое тело облачено в черное. Она была по-своему величественна, неподвластное возрасту существо, каким-то образом отдалившее смерть. Но ее

лицо не выражало чувств, а только это делает величие неотразимым. Глаза были бездонны и пусты. Они были готовы поглотить Бена.

«Ну, я сам на это напросился», — подумал Бен.

Страх замер, и в глазах Ночной Мглы появилась какая-то неуверенность. Она шагнула вперед, вглядываясь в Бена.

— Что это? — тихо спросила она. — Ты не такой... — Ведьма смущенно умолкла. — Но это точно ты, гномы называли тебя королем... Дай-ка я посмотрю на тебя при свете.

Ночная Мгла протянула руки. У Бена не было сил сопротивляться. Холодные, будто сосульки, пальцы сжали его подбородок и повернули его голову к свету луны. Ведьма мгновение держала голову Бена и забормотала:

— Ты другой и в то же время такой же. Что с тобой сделали, игрушечный король? Или ты хочешь поиграть со мной в новую игру? Ты не Холидей?

Бен чувствовал, как дрожат и цепляются за него крошечными ручками Щелчок и Пьянчужка.

— А, тут не обошлось без колдовства, — резко прошептала Ночная Мгла и выпустила из рук лицо Бена. — Чьи это чары? Отвечай быстро!

Бен удержался, чтобы не вскрикнуть от боли, и ухитрился ответить ровным голосом:

— Это чары Микса. Он вернулся. Он стал королем, а меня сделал... вот таким.

— Микса? — Зеленые глаза прищурились. — Этого злосчастного шарлатана? И у него хватило умения, чтобы сделать такое? — Она презрительно скривила губы. — У него недостает чар, чтобы завязать собственные ботинки! Как ему удалось изменить твою внешность?

Бен не знал ответа. Ведьма изучала Бена в долгом молчании. Наконец сказала:

— Где медальон? Покажи его!

Бен сразу не отозвался, и она быстрым движением протянула руку. Несмотря на решимость этого не делать, Бен невольно вытащил из-за ворота рубашки потускневший кругляш и показал ведьме. Секунду Ночная Мгла осматривала медальон, затем снова стала осматривать лицо Бена, медленно улыбнулась, как хищник, разглядывающий обед.

— Так, — прошептала она.

Больше она ничего не сказала. Этого было достаточно. Бен тут же понял, что она догадалась, какие его опутали чары. Он понял, что ведьме стала известна природа изменившего его внешность колдовства. Бена бесило сознание того, что Ночная Мгла все раскрыла. Это было даже хуже того, как она держала его голову. Бену хотелось закричать. Он должен выяснить, что она узнала, но она ни за что на свете не скажет ему.

— Как ты жалок, игрушечный король! — продолжала ведьма таким же тихим голосом, но с намеком. — Ты всегда был удачлив, но туповат. Удача ушла от тебя. Я почти согласна отпустить тебя. Почти. Но не могу забыть, что ты мне сделал. Я хочу заставить тебя за это страдать! Ты удивился, увидев меня снова? Наверное, да. Мне кажется, ты думал, что я ушла навсегда, ушла в царство фей и там погибну. Как ты глуп!

Она встала перед Беном на колени, так что ее глаза встретили его взгляд. В ее глазах была такая ненависть, что Бен отшатнулся.

— Я улетела в туманы, как ты приказал мне, как мне было велено, игрушечный король. Волшебный порошок из царства фей подчинил меня твоей воле, и я не могла отказаться. Как я тебя презирала! Но ничего не могла поделать. И я полетела в туманы, но я летела не торопясь, игрушечный король, не торопясь! В полете я старалась разрушить чары волшебного порошка, я старалась изо всех сил!

На лицо Ночной Мглы медленно вернулась жестокая улыбка.

— И наконец я разрушила эти чары. Я разбила их вдребезги и прилетела назад. Однако было слишком поздно, слишком поздно, игрушечный король, потому что я уже попала в сказочные туманы и они мне уже принесли вред! Я получила страшную рану, боль от нее не заживает! Я удрала еле живая. Много месяцев ушло на то, чтобы восстановить хоть малую часть моей волшебной силы. Я лежала в болоте, как затаившийся зверь, беспомощная, словно маленький ежик. Я была сломлена! Но не сдавалась перед лицом боли и страха, я думала лишь о тебе. Я думала о том, что я с тобой сделаю, только попадись мне. И знала, что когда-нибудь я найду способ притащить тебя сюда... — Она помолчала. — Но я даже и не мечтала, что это произойдет так скоро, глупенький правитель. Ну и счастье мне привалило! Ты пришел ко мне из-за

того, что твоя внешность изменилась, да? Из-за этого, но что ты хочешь? Отвечай, игрушечный король! Я все равно вытяну из тебя все.

Бен знал, что это так. Нет никакого смысла пытаться скрыть что-либо от ведьмы. Бен видел в пустых зеленых глазах, что его ждет. Пока будет длиться беседа с ведьмой, Бен останется жив, а пока он жив, есть надежда. В его положении надеждами не бросаются.

— Я ищу Ивицу, — пряча голову на груди, ответил Бен.

Он не хотел, чтобы гномы ему мешали, мало ли как получится. Надо быть начеку, вдруг подвернется какая-нибудь возможность. Однако гномы приклеились к нему, как липучка.

— Дочь Владыки Озерного края? Сильфиду? — Во взгляде Ночной Мглы был вопрос. — Что ей здесь делать?

— Ты ее не видела? — удивленно спросил Бен.

Ведьма неприятно улыбнулась:

— Нет, игрушечный король. Я не видела никого, кроме тебя и твоих дурачков из горного народца. Что сильфиде от меня может быть нужно?

Бен помедлил, потом глубоко вздохнул:

— Золотая уздечка.

Вот он и проболтался. Лучше уж сказать правду и посмотреть, нельзя ли чего выведать у Ночной Мглы, чем строить из себя умника. Бороться с ведьмой слишком опасно.

Ночная Мгла была искренне изумлена:

— Уздечка? Но зачем?

— Потому что она нужна Миксу. Потому что он послал Ивице сон об уздечке и черном единороге. — Бен быстро рассказал ведьме о сне Ивицы и ее решении попытаться разузнать об уздечке. — Ивице сказали, что уздечка здесь, в Бездонной Пропасти. — Он помолчал. — Сильфида должна была прийти сюда раньше меня.

— Жаль, что она не пришла, — сказала Ночная Мгла. — Я люблю ее немногим больше, чем тебя. Я уничтожила бы ее почти с таким же удовольствием. — Ведьма умолкла и задумалась. — Черный единорог, да? Как интересно! Уздечка его укротит, так говорил сон? Да, это возможно. В конце концов, уздечка волшебная. И много лет назад я украла ее у волшебника...

Ведьма рассмеялась. Она пристально смотрела на Бена, и на лице ее появилось хитрое выражение.

— Эти несчастные типы, которые липнут к тебе... ты послал их украсть у меня уздечку?

Щелчок и Пьянчужка что есть силы прижимались к Бену, но Бен этого даже не чувствовал. Он думал совсем о другом. Если Микс однажды владел уздечкой, значит, вероятно, он ею пользовался, даже, возможно, поймал с ее помощью черного единорога. А единорог каким-то образом ускользнул. Так, может быть, Микс послал Ивице этот сон, чтобы вновь завладеть уздечкой и поймать единорога? Если Бен прав, при чем тут единороги из пропавших волшебных книг...

— Не трудись отвечать, игрушечный король, — прервала Ночная Мгла мысли Бена. — Ответ в твоих глазах. Эти придурковатые зверюшки спустились в Бездонную Пропасть именно с такой целью, да? Залезли в мой дом как воры. Вползли на своих кошачьих лапках.

Упоминание о кошачьих лапках вдруг напомнило Бену о Дирке с Лесной опушки. Где призматический кот? Бен совсем забыл про него! Он стал озираться по сторонам, но Дирка нигде не было.

— Кого ты ищешь? — тут же спросила Ночная Мгла. Ее глаза будто ножи пронзили насквозь лежащий за спиной Бена темный лес. — Тот, кого ты ищешь, должно быть, покинул тебя.

Однако ей потребовалось еще время, чтобы убедиться в своей правоте, только после этого ведьма снова повернулась к Бену.

— Твои воры такие же жалкие, как и ты, игрушечный король, — возобновила нападение Ночная Мгла. — Они думают, что они невидимы, но они невидимы, лишь когда я не хочу их видеть. Их старания были так очевидны, что я не могла не заметить этих существ. Как только я их настигла, они стали звать тебя: «Великий король!», «Могучий король!» Какие дураки! Они выдали тебя даже прежде, чем я их о чем-то спросила!

Щелчок и Пьянчужка дрожали от страха и толкали его так сильно, что Бен боялся упасть. Он положил ладонь на головки гномов, чтобы хоть как-то выразить утешение. Бену было

искренне жаль этих малышей. В конце концов, они вызвали гнев Ночной Мглы из-за него.

— Ну, раз ты добралась до меня, почему бы тебе не отпустить гномов? — внезапно спросил ведьму Бен. — Ты сама говоришь, что они глупые существа. Я хитростью заставил их служить мне. У них не было выбора. Они даже не знают, почему они здесь оказались.

— Тем хуже для них. — Ночная Мгла сразу же отвергла просьбу. — Никто из твоих приближенных не уйдет безнаказанно, игрушечный король. — Ведьма подняла голову, темные волосы развевались. Глаза еще раз вперились во мрак. — Мне здесь не нравится. Иди со мной.

Она встала, раскинула руки, и ее черная тень раздалась в размерах. Одеяние колыхалось, как парус. По деревьям внезапно пробежал холодный резкий ветер, из Бездонной Пропасти поднялась темень и окутала и ведьму, и Бена, и гномов. Луны и звезды исчезли во тьме, и пришло неожиданное чувство освобождения и полета. Кыш-гномы еще сильнее уцепились за Бена, и он тоже крепко схватил их, так как ему больше не за что было держаться. Раздался свист рассекаемого воздуха, и наступила глубокая тишина.

Бен зажмурился от холода и тумана, а потом свет медленно вернулся. Перед Беном стояла Ночная Мгла и презрительно улыбалась. В воздухе застыл густой запах болота и тьмы. Фонарь освещал ряд столбиков, столов и скамей, раскиданных по пустой площадке.

Вся компания находилась где-то в Бездонной Пропасти, в доме Ночной Мглы.

— Знаешь, что с тобой теперь будет, игрушечный король? — тихо проговорила ведьма.

Бен мог себе представить. Несмотря на усилия Бена удержать собственное воображение, оно заранее рисовало разные варианты. Надежды, казалось, не осталось. На какой-то миг Бену стало интересно, почему Ивица не добралась сюда раньше него. Ведь Мать-Земля сказала сильфиде идти в Бездонную Пропасть. Если Ивицы здесь нет, тогда где она?

Бен подумал также, где теперь Дирк с Лесной опушки.

Внезапный шепот Ночной Мглы прервал размышления Бена:

— Может, подвесить тебя, как кусок старого мяса? Или сначала поиграем? Торопиться некуда, правда? — Она начала говорить еще что-то, но замолчала, так как в голову ей пришла новая мысль. — Нет, у меня есть кое-что получше! Я приготовлю для тебя гораздо более пышную и более подходящую кончину! — Ведьма наклонилась к Бену. — Ты знаешь, что у меня больше нет золотой уздечки, игрушечный король? Не знаешь? Я так и думала. Ее украли. Ее украли, когда я была слишком слаба, чтобы помешать, когда я еще не оправилась от раны, которую нанес мне ты! Знаешь, у кого теперь уздечка? У Страбона, игрушечный король! Волшебная уздечка, уздечка, которая по праву принадлежит мне, у дракона. Как забавно! Ты пришел в Бездонную Пропасть искать то, чего здесь нет! Ты бездумно вынес себе приговор!

Лицо Ночной Мглы было совсем близко от лица Бена, худое лицо ведьмы — кожа да кости; в черных волосах серебряная полоска.

— Но ты дал мне возможность сделать то, что иначе я сделать бы не смогла! Страбон помешан на золотых вещицах, хотя для него они просто безделушки. Он не может оценить их по достоинству, особенно волшебную уздечку! Он никогда не вернет ее мне, и я никак не смогу отобрать ее у него, пока он прячет ее в Огненных Ключах. Но дракон может обменять уздечку, игрушечный король. Дракон наверняка обменяет ее на что-нибудь, по его мнению, более ценное. — Улыбка ведьмы стала свирепой. — А что он ценит превыше того, чтобы тебе отомстить?

Бен не знал. Страбон тоже стал жертвой волшебного порошка и покинул Бена, пообещав однажды расплатиться с ним. У Бена засосало под ложечкой. Его толкали из огня да в полымя. Бен попытался скрыть от ведьмы свои чувства, но тщетно.

От удовольствия Ночная Мгла широко заулыбалась:

— Да, игрушечный король, я с огромной радостью предоставлю дракону возможность тебя напрочь уничтожить!

Она подняла руки, и все вдруг закружилось, будто по ее велению поднялся туман и налетел порыв холодного ветра.

— Посмотрим, что придумает сделать с тобой Страбон! — крикнула ведьма, и ее голос перешел в пронзительный свист.

Кыш-гномы всхлипнули и снова ухватились за брюки Бена. Бен почувствовал, что он летит и пропасть начинает исчезать из виду...

Восточные Пустоши лежали заброшенные и необитаемые в меркнущем послеполуденном свете, а советник Тьюс, Абернети и Сапожок неуклонно пробирались вперед сквозь густой кустарник и сухостой, поднимались на горные склоны и спускались в овраги, проходили через безлюдную открытую местность и огибали болота и топи. Друзья шли целый день, не обращая внимания на возрастающие усталость и неуверенность, полные решимости к наступлению сумерек достичь логова дракона.

Идти оставалось недалеко.

В пустошах Заземелья никто не жил, никто, кроме дракона. Столетия назад изгнанный из царства фей, он сделал пустоши своим обиталищем. Пустоши отлично устраивали дракона. Ему там нравилось. Запустение, вызванное причудами природы, благотворно действовало на нрав дракона, и он чувствовал себя хозяином огромного пространства. Жители долины избегали дракона, и он был совершенно одинок. Он один из обитателей долины, не считая Бена Холидея, мог переходить туда и обратно из Заземелья в миры смертных. Он даже мог спокойно расхаживать в волшебных туманах. Он был единственный в своем роде, последний, и очень гордился этим.

Дракон не очень любил общество, и Тьюс, Абернети и Сапожок, спешащие застать чудище до темноты, это учитывали.

Однако к тому времени, как они наконец достигли места назначения, солнце уже садилось. Друзья вскарабкались на гребень Горного хребта, который выступал на фоне надвигающейся ночи благодаря ярко мигающим и пляшущим, словно живые, огонькам, и оказались перед Огненными Ключами. Ключи были логовом дракона. Они находились в глубоком бесформенном овраге, это было скопление кратеров, в которых не угасал синий и желтый огонь, а вокруг были густые заросли и насыпи из камней и земли. Огни подпитывались жидкостью, скапливающейся внутри кратеров, и выбрасывали в воздух дым, песок и неприятный запах горючего. Над

оврагом и окружающими холмами неизменно висела дымка, время от времени в темноте с оглушительным кашлем просыпались гейзеры.

Дракона друзья увидели сразу. Он неуклюже лежал посреди оврага, опираясь головой на кратер, и длинным языком безмятежно слизывал рассыпающиеся искры.

Страбон не двигался. Он распростерся на земляной насыпи; тело чудища, представляющее собой груду чешуи, шипов и наростов, почти стало частью пейзажа. Когда дракон дышал, в ночь летели тонкие струйки пара. Хвост огибал поднимающуюся сзади скалу, крылья сложены за спиной. Черные кривые когти и зубы росли из плотной шкуры и десен под странными углами. Пыль и грязь покрывали дракона словно одеяло.

Красный глаз повернулся, как на шарнире.

— Что вам надо? — с досадой спросил дракон.

Что дракон умеет говорить, всегда поражало Бена Холидея, но Бен был чужаком и не понимал природы вещей. Тьюс и Сапожок считали совершенно естественным, что дракон говорит, а Абернети, сам говорящий мягкошерстный терьер, и подавно.

— Нам нужно с тобой побеседовать, — сообщил советник Тьюс.

Абернети сумел кивнуть в подтверждение слов советника, хотя отказывался понять, как кто-то, находящийся в здравом уме, может хотеть говорить с таким жутким чудищем, как Страбон.

— Меня не интересует, что вам нужно, — яростно выдувая пар из обеих ноздрей, сказал дракон. — Меня интересует только, что нужно мне. Убирайтесь вон!

— Это займет всего лишь минуту, — настаивал советник короля.

— У меня нет ни минуты. Убирайтесь, а то съем.

Тьюс побагровел:

— Позволь напомнить тебе, с кем ты говоришь! Учитывая наше длительное знакомство, я заслуживаю немного уважения! Так что, пожалуйста, веди себя прилично!

Как будто чтобы подтвердить свое требование, советник многозначительно шагнул вперед, своим видом он напоминал пугало в драных лентах, которое сделали из свободно со-

единенных палок. Сапожок обнажил все зубы в угрожающей насмешке. Абернети поправил очки на носу и стал вычислять, как быстро сможет отбежать назад к находящемуся у края оврага затененному кусту.

Страбон моргнул и поднял лежавшую в кратере огромную голову:

— Советник Тьюс, это ты?

Тьюс фыркнул:

— Несомненно.

Страбон вздохнул.

— Какая скука. Если бы ты был какой-нибудь важной персоной, это по крайней мере обеспечило бы мне временное развлечение. Но ты не стоишь даже того, чтобы я встал и сожрал тебя. Убирайся.

Тьюс не сдавался. Не обращая внимания на Абернети, который положил лапу ему на плечо, советник снова шагнул вперед.

— Мои друзья и я прошли долгий путь, чтобы поговорить с тобой. Если ты решишь пренебречь длительным и почетным сотрудничеством между волшебниками и драконами, тебе же хуже! Ты окажешь нам обоим плохую услугу!

— О, сколько в тебе раздражительности, — ответил дракон. Фраза закончилась долгим шипением, и змеиное тело стало лениво извиваться между камнями и кратерами, хвост расплескивал вокруг жидкие искры из водоема. — Позволь отметить, что волшебники за многие столетия не принесли драконам никакой пользы, так что не вижу смысла говорить о каком-то сотрудничестве, которое когда-то имело место. Чепуха! Позволь также отметить, что в то время, как никто не подвергает сомнению то, что я дракон, еще большой вопрос, являешься ли ты волшебником.

— Я не собираюсь спорить с тобой! — очень зло огрызнулся советник. — И я не уйду, пока ты меня не выслушаешь!

Страбон выплюнул зеленовато-желтый пар.

— Надо было просто сожрать тебя, советник Тьюс, тебя и пса, и еще того типа, не пойму, кто он такой. Может, кобольд. Надо было дыхнуть на тебя огнем, хорошо зажарить и съесть. Но сегодня я склонен к милосердию. Оставь меня, и я прощу тебе нахальное вторжение в мой дом.

— Может, нам следует пересмотреть... — начал Абернети, но Тьюс тут же одернул его.

— Пес что-то сказал? — тихо спросил дракон.

— Нет, и никто не уйдет! — встав как столб, объявил советник.

Страбон моргнул:

— Не уйдет?

Покрытая коркой грязи голова резко завертелась, и из пасти брызнуло пламя. Языки пламени взорвались прямо перед советником Тьюсом, и он с визгом взлетел на воздух. Сапожок и Абернети отскочили в сторону и поползли дальше, чтобы не попасть под летящие камни, комки грязи и искры. Советник шлепнулся на землю бесформенной грудой тряпок и лент, его кости дребезжали от сотрясения.

Страбон усмехнулся:

— Очень забавно, волшебник. Очень смешно.

Тьюс с трудом поднялся, отряхнулся, выплюнул грязь изо рта и опять повернулся к дракону.

— Это было крайне неуместно, — силясь вернуть себе потерянное достоинство, заявил волшебник. — Я тоже могу играть в такие игры!

Он быстро хлопнул в ладоши, вытянул руки вперед и развел их в стороны. Он пытался также сделать какие-то движения ногами, но споткнулся о шатающийся камень, поскользнулся и с ворчанием осел на землю. Над кратерами вспыхнул свет, и на Страбона посыпался град сухих листьев, которые тотчас же воспламенялись.

Дракон хохотал во все горло.

— Ты решил утопить меня в листьях? — трясясь от смеха, проревел он. — Умоляю, волшебник, пощади, пожалуйста!

Советник окаменел, лицо заалело от гнева.

— Может, нам прийти в другой раз? — низко прорычал прячущийся за холмиком Абернети.

Но советнику Тьюсу было хоть бы что. Он вновь отряхнулся и встал.

— Ты смеешься надо мной, дракон! — буркнул он. — Смеешься над магистром волшебных наук? Ну хорошо, смейся!

Советник быстро поднял руки и взмахнул ими в воздухе. Страбон уже приготовился выплюнуть новую порцию пламе-

ни, когда над головой дракона вдруг раздался гром и вниз хлынули потоки дождя.

— Перестань! — взвыл тонущий в грязи дракон.

Пламя в пасти обратилось в пар, и, пытаясь спрятаться от ливня, Страбон сунул голову в один из огненных водоемов. Когда дракон поднял голову, чтобы вдохнуть воздух, советник снова взмахнул руками, и дождь прекратился.

— Вот видишь? — удовлетворенно кивая головой, обратился волшебник к Абернети. — В другой раз он не станет сразу смеяться! — Потом Тьюс снова повернулся к дракону. — Ну что, забавно? — спросил волшебник.

Страбон захлопал кожистыми крыльями, смахнул с себя дождевые капли и бросил свирепый взгляд на советника:

— Ты, кажется, собираешься и дальше досаждать мне, советник Тьюс, пока я либо не отправлю тебя на тот свет, либо не выслушаю, что тебе приспичило сказать. Повторяю, что сегодня я склонен к милосердию. Так что говори, что тебе надо, и проваливайте отсюда побыстрее.

— Весьма благодарен! — съязвил Тьюс. — Мы можем подойти поближе?

Дракон вновь плюхнул голову на край кратера и растянулся на земле:

— Делайте что хотите.

Советник подал знак своим приятелям. Они медленно спустились в овраг, пробрались сквозь лабиринт из камней и кратеров и остановились совсем близко от того места, где лежал дракон. Страбон не обращал на них внимания, он прикрыл глаза и вдыхал носом искры и дым из кратера, который служил ему подушкой.

— Ты знаешь, что я терпеть не могу воду, советник Тьюс, — пробормотал дракон.

— Мы пришли сюда, чтобы разузнать о единорогах, — презрев слова дракона, объявил волшебник.

Страбон рыгнул:

— Почитай книгу.

— По правде говоря, я читал. Даже несколько книг. Но в них нет тех сведений о единорогах, которыми обладаешь ты. Всем известно, что драконы и единороги — древнейшие сказочные существа и старейшие враги. Вы знаете друг о друге

больше, чем кто-либо, будь то дух или человек. Мне нужны такие сведения, которых не знает никто.

— Зачем? — В голосе Страбона снова слышалась скука. — И с какой стати я должен тебе помогать? Ты служишь этому мерзкому человечишке, который хитростью заставил меня вдохнуть мерзкий порошок и поклясться, что, пока он будет королем, я никогда не буду охотиться в долине и нападать на ее жителей! Он ведь все еще король, да? Ба! Конечно, а то мне бы сказали! Бен Холидей, король Заземелья! Если он еще хоть раз появится в Огненных Ключах, я тут же его зажарю.

— Вряд ли он здесь появится. К тому же мы пришли насчет единорогов, а не насчет короля.

Волшебник решил, что разумнее будет не обсуждать поведения Бена Холидея. Страбон с превеликим удовольствием пожирал в долине урожай и скот, и король был вынужден положить этому конец. Дракон с большой радостью вновь принялся бы за старое, и вполне возможно, так и сделает, если Холидей будет продолжать вести себя, как в последнее время. Но это вовсе не значит, что дракона нужно обнадеживать.

Тьюс непринужденно откашлялся.

— Полагаю, ты слышал о черном единороге?

Дракон широко раскрыл глаза и поднял голову:

— О черном единороге? Конечно. Он опять вернулся, волшебник?

Советник глубокомысленно кивнул:

— Уже давно. Странно, что ты не знаешь. Прилагаются большие усилия, чтобы его поймать.

— Поймать? Единорога? — Страбон загоготал, издавая грубое покашливание и шипение. Мощное тело подпрыгивало от смеха. — Люди затеяли ловить единорога? Презренные существа! Никто не может поймать единорога, волшебник; даже ты должен это знать! Единороги неприкосновенны!

— Некоторые так не думают.

Дракон скривил губы:

— Некоторые просто дураки!

— Значит, единорогу ничто не грозит? Его ничто не может завлечь, ничто не может удержать?

— Ничто! И никто!

— Ни серебряный лунный свет, попавший в сеть фей, ни добродетельные девицы?

— Бабьи сказки!

— Ни волшебство?

— Волшебство? Ну...

Страбон, казалось, заколебался. Советник рискнул:

— Ни уздечка из золотых нитей?

Дракон беззвучно смотрел на волшебника. На морде чудовища отразилось сомнение.

Волшебник еще раз откашлялся.

— Я сказал: ни уздечка из золотых нитей?

И тут налетевший вихрь резко вытряхнул на землю Ночную Мглу, незнакомца, который выдавал себя за Бена Холидея, и двух жалкого вида гномов.

ГЛАВА 14

ОГОНЬ И ЗОЛОТЫЕ НИТИ

Это было затянувшееся мгновение, когда все уставились друг на друга. Нельзя было сказать, кто больше удивлен. Глаза двигались от одного к другому, смотрели неотрывно и вновь двигались. Высокие фигуры припали к земле, одежды вздымались. Предостерегающее шипение дракона слилось с предупреждением ведьмы. Абернети злобно зарычал. Ночь в черной мантии спустилась на эту застывшую картину, угрожая поглотить всех. В тишине слышалось лишь потрескивание искр, танцующих вокруг водоемов с голубой жидкостью.

— Тебе здесь не рады, Ночная Мгла, — грубым, словно скрежет железа, голосом прошептал Страбон. Он поднял голову с края кратера, на котором она лежала в настороженной позе, и вонзил когти в какой-то камень, камень затрещал и раскололся. — Тебе никогда здесь не будут рады.

Ночная Мгла невесело рассмеялась. Бледное лицо подернулось тенью.

— На этот раз мне, возможно, будут рады, дракон, — загадочно ответила ведьма. — Я тебе кое-что принесла.

Тьюс внезапно понял, что два гнома, стоящие рядом с ведьмой и незнакомцем, который выдавал себя за Бена Холидея, — Щелчок и Пьянчужка!

— Абернети!.. — тихо воскликнул советник, но пес тут же произнес:

— Я знаю, волшебник! Но что они здесь делают?

Тьюс не имел понятия. Он вообще не имел понятия о том, что происходит.

Крупная голова Страбона поднялась и высунула длинный язык.

— Зачем тебе что-то приносить мне, ведьма?

Ночная Мгла изящно выпрямилась и обняла себя руками за плечи.

— Спроси сначала, что я принесла тебе, — прошептала она.

— Ты не можешь принести мне ничего из того, что я хочу. Какой смысл спрашивать?

— Даже если я принесла тебе то, о чем ты мечтаешь больше всего на свете? Даже если это так дорого для тебя?

Бен Холидей лихорадочно пытался сообразить, как ему выпутаться из этой неразберихи. Друзей в этой компании ему не найти. Тьюс, Абернети и Сапожок считают его самозванцем и дураком. Щелчок и Пьянчужка, даже если они еще верят в него, теперь думают лишь о том, как уцелеть самим. Ночная Мгла оставила его в живых только для того, чтобы заключить сделку со Страбоном, который будет очень рад разделаться с Беном. Бен отчаянно искал выхода, которого, судя по всему, не существовало.

Плескавшийся в огненном водоеме хвост дракона взметнул в темноту вихрь жидких искр. Бен отшатнулся.

— Я сегодня устал от недомолвок, — рявкнул дракон. — Переходи к делу.

Глаза Ночной Мглы багрово сверкнули.

— Что, если я предложу тебе короля Заземелья, того, которого зовут Холидеем? Что, если я тебе его предложу, а, дракон?

Голова дракона повернулась, чешуйчатая морда напряглась.

— Я охотно приму этот дар! — прошипел он.

Бен попробовал шагнуть назад, но неудачно. Кыш-гномы по-прежнему висели на нем как две гири. Они тряслись, что-то бессвязно бормотали и затрудняли Бену движения. Когда он исподтишка попытался оторвать их от своих штанин, они только еще крепче вцепились в него.

— Король находится в замке Чистейшего Серебра! — с пылающим гневом на совином лице вдруг объявил советник Тьюс. — И там он не в твоей власти, Ночная Мгла! К тому же, если ты покажешься в долине, он живо тебя оттуда выдворит!

— Неужели? — Ночная Мгла произнесла это с нежным поддразниванием. Потом она сделала шаг вперед, и тень ее длинного указательного пальца пронзила советника. — Когда я закончу это дело и твоего драгоценного короля уже не будет в живых, я займусь тобой!

Бен не сводил с друзей молящих глаз. «Бегите отсюда!» — пытался сказать он.

Ночная Мгла снова повернулась к Страбону. Когтистая рука ведьмы схватила Бена за кисть и потащила его вперед.

— Страбон, вот тот, кого дурак волшебник считает сидящим в безопасности! Бен Холидей, король Заземелья! Смотри получше! Здесь замешано колдовство! Загляни внутрь, не доверяй внешности!

Страбон насмешливо фыркнул, торопливо изрыгнул поток пламени и рассмеялся:

— Вот этот? Это Холидей? Ночная Мгла, ты рехнулась! — Дракон наклонился ближе, с морды капала грязь. — Этот даже не напоминает... Нет, погоди-ка, ты права, здесь замешано колдовство. Что-то тут сделали... — Огромная голова опустилась и вновь поднялась, глаза сузились. — Может ли такое быть?

— Смотри получше! — еще раз повторила Ночная Мгла, так сильно толкнув Бена вперед, что голова его откинулась назад.

Теперь все смотрели на Бена, но только Страбон понял, в чем дело.

— Да! — прошептал дракон и от удовольствия снова взмахнул мощным хвостом. — Да, это Холидей! — Дракон раскрыл рот и щелкнул почерневшими зубами. — Но почему только мы с тобой?..

— Потому что мы старше сотворившего это колдовство! — прежде чем дракон успел договорить, ответила Ночная Мгла. — Ты понимаешь, как это сделано? Понимаешь?

Бен, выставленный как приз, больше всего желал услышать ответ на этот вопрос. Он смирился с тем, что из этой переделки не удастся выйти живым, но ему претила мысль, что он умрет и не узнает, что же с ним произошло.

— Но... но это не король! — словно пытаясь убедить себя больше, чем кого-либо другого, вдруг сердито заявил советник Тьюс. — Это... не может быть Его Величество! Если это... это... тогда король...

Он умолк, на лице волшебника появилось странное выражение, будто пришло понимание, — это была смесь недоверия и ужаса, рот беззвучно произносил одно имя... Микс! Сапожок что-то шептал и дергал советника за руку, Абернети бормотал как безумный.

Дракон и ведьма подчеркнуто не обращали внимания на онемевшую троицу.

— Почему ты отдаешь его мне? — вдруг с подозрением отнесясь к предложенному «подарку», спросил Страбон.

— Я не сказала, что я тебе его отдаю, дракон, — тихо ответила Ночная Мгла. — Я его продаю.

— Ты его продаешь, ведьма? Ты ненавидишь его больше, чем я! Он послал тебя в царство фей и чуть не погубил. Он ранил тебя своими чарами! Почему ты хочешь его продать? Разве у меня есть что-либо более ценное для тебя, чем Холидей?

Ночная Мгла холодно улыбнулась:

— О да, я его ненавижу. И я жажду его извести. Но я предоставляю это удовольствие тебе, Страбон. Только дай мне одну безделушку. Верни мне уздечку из золотых нитей.

— Уздечку? — Страбон недоверчиво зашипел. И кашлянул. — Какую уздечку?

— Уздечку! — гаркнула Ночная Мгла. — Уздечку, которую ты у меня украл, когда я была беспомощна и не могла тебе помешать. Уздечку, которая по праву принадлежит мне!

— Ба! Ничто не принадлежит тебе по праву, меньше всего уздечка! Ты сама стащила ее у старого волшебника!

— Пусть будет так, дракон, но мне нужна сейчас золотая уздечка!

— Ну, конечно, если она тебе нужна... — Дракон, казалось, увиливал от ответа. — Но, Ночная Мгла, у меня наверняка найдутся другие сокровища, которые будут тебе полезней такой простой игрушки! Назови что-нибудь другое, что-нибудь более ценное!

Ведьма прищурила глаза:

— Ну кто кого водит за нос? Я решила получить уздечку, и я ее получу!

О Бене на миг забыли. Ночная Мгла выпустила его руку, и он снова оказался позади нее, а гномы все так же цеплялись за его штанины. Бен слушал, как торгуются дракон и ведьма, и вдруг заметил, что советник Тьюс вглядывается в самозванца с новым интересом. Абернети смотрел на Бена сквозь задымленные очки из-за плеча волшебника, а Сапожок пялился, закрыв часть лица складками одежды советника. Все трое, очевидно, пытались понять, как Бен может быть не тем, кем кажется. Бен стиснул зубы и энергичным движением головы стал показывать друзьям, что им надо бежать. Если бы он выкрикнул хоть слово, они все были бы зажарены!

— Я просто не понимаю, почему тебя так интересует уздечка, — задрав голову во тьму и возвышаясь над ведьмой, говорил Страбон.

— А я просто не понимаю, какое это имеет значение! — выпрямляясь и тоже слегка подтягиваясь вверх, огрызнулась ведьма. На ее мраморном лице плясал огненный зайчик. — Я не понимаю, почему ты перечишь, не желая вернуть мне мое же!

Страбон фыркнул:

— Нет надобности объяснять!

— И впрямь нет надобности! Просто отдай мне уздечку!

— Не отдам. Она слишком тебе нужна.

— А Холидей не слишком тебе нужен!

— Он мне нужен! Но почему ты не хочешь получить сундук золота или сказочный скипетр, обращающий лунные лучи в серебряные монеты? Почему бы тебе не взять самоцвет с рунами, который открывает его обладателю истину?

— Мне не нужна истина! Мне не нужны золото или скипетры, мне не нужно ничего твоего, жирная ящерица! — Теперь Ночная Мгла по-настоящему взбесилась, ее голос под-

нялся до визга. — Мне нужна уздечка! Отдай ее мне, или тебе не видать Холидея как своих ушей!

Она угрожающе двинулась вперед, оставив Холидея и кыш-гномов сзади, шагах в пяти. Со времени пленения у Бездонной Пропасти Бен никогда не был так близок к свободе. Голоса ведьмы и Страбона становились все резче, и Бен начал думать, что, может быть, еще не все потеряно.

Он с трудом оторвал Щелчка от правой ноги (теперь гном раскачивался, вися на руке Бена) и начал отдирать Пьянчужку от левой.

— Последний раз спрашиваю, дракон, — говорила Ночная Мгла. — Ты отдашь за Холидея уздечку или нет?

Страбон издал глубокий вздох разочарования:

— Дорогая ведьма, боюсь, что не посмею.

Ночная Мгла секунду безмолвно взирала на Страбона, а затем зубы ее обнажились в оскале.

— У тебя больше нет уздечки, так? Вот почему ты не согласен на обмен! У тебя ее нет!

Страбон засопел:

— Увы, ты права.

— Ты жирная туша, покрытая чешуей! — Ведьма тряслась от ярости. — Что ты с ней сделал?

— Что я сделал, тебя не касается! — с весьма оскорбленным видом огрызнулся Страбон. Он снова вздохнул. — Но если тебе так интересно, то скажу: я ее отдал.

— Ты ее отдал?! — ужаснулась ведьма.

Страбон выдохнул в ночной воздух длинную тонкую струю пламени. А за ней последовал фонтан пара и пепла. Веки его дрогнули, взгляд, казалось, устремился вдаль.

— Я отдал ее сказочной девушке, которая спела мне песню о красоте, свете и обо всем, о чем так мечтает услышать дракон. Видишь ли, много столетий ни одна девица не пела для меня, и я отдал бы не только уздечку за возможность снова забыться, слушая сладкую музыку.

— Ты променял уздечку на песню?!

Ночная Мгла произнесла слова так, будто их значение нуждалось в разъяснении.

— Память дороже всех материальных сокровищ. — Дракон снова вздохнул. — Драконы всегда питали слабость к пре-

красным женщинам, добродетельным девицам, милым и сладкоречивым. Мы связаны крепкими узами. Должен заметить, что эти узы крепче, чем связь между драконами и волшебниками, — на миг повернув голову, обратился Страбон к советнику Тьюсу. — Эта девушка спела мне и попросила взамен уздечку из золотых нитей. И я с радостью отдал ее. — Казалось, дракон улыбается. — Она была настоящая красавица, эта сильфида.

Бен вздрогнул. Сильфида? Ивица!

Дракон с важным видом наклонил голову к Бену.

— Однажды я помог вернуть ей жизнь, — нараспев произнес Страбон. — Помнишь? Ты повелел мне это сделать, Холидей. Я унес ее из Абаддона домой, в Озерный край, где ее могли исцелить. Я был не против, чтобы спасти ее жизнь. Конечно, я ненавидел тебя: ты заставил меня подчиниться. Но мне доставило удовольствие спасти сильфиду. Это напомнило прежние времена, когда спасение девиц было у драконов в обычае. — Страбон помолчал. — Или съедение девиц было в обычае? Никогда не могу запомнить.

— Дурак! — выпалила Ночная Мгла.

Страбон склонил голову набок, будто задумался. Потом широко раскрыл пасть, показав все свои многочисленные зубы.

— Ты правда так думаешь? Что я дурак? Я? Больший дурак, чем ты, ведьма? Такой дурак, что отважился прийти безоружным в логово худшего из худших врагов?

Молчание было тягостным. Ночная Мгла замерла:

— Я всегда при оружии, дракон. Берегись!

— Берегись? Чудно слышать. — Страбон внезапно свернулся кольцами, напоминая пружину. — Я терпеливо выслушал твои язвительные замечания по поводу моего характера, позволил говорить что тебе угодно. Теперь моя очередь. Ты, тощее жалкое подобие колдуньи, приписываешь себе могущество, которым не обладаешь. Ты явилась ко мне, как к себе домой, раскомандовалась, обзываешь всякими словами, требуешь то, что тебе не принадлежит, и думаешь, что все сойдет с рук. Ты ошибаешься, Ночная Мгла. Если бы у меня осталась уздечка из золотых нитей, может быть, и отдал бы ее за Холидея. Может быть. Но я никогда не жалею о том, что сделано, а об этом меньше всего. Уздечки нет, и я не хочу ее

вернуть. — Он медленно наклонился вперед. Грубый голос сменился протяжным шипением. — Но посмотри, ведьма, Холидей еще здесь! И раз ты притащила его специально для меня, думаю, мне надо оставить его себе! Ты не согласна?

Ночная Мгла выставила перед своим худым лицом похожие на когти пальцы.

— Ты ничего от меня не получишь, дракон, ни сейчас, ни когда бы то ни было.

— Ты сама во всем виновата. Ты решила, что я не устою перед соблазном погубить Холидея! И я не устоял! Я его погублю — с уздечкой или без! Лучше отдай мне его сейчас же!

Из пасти дракона вырвалось пламя и поглотило Ночную Мглу. В тот же миг Бен наконец оторвал Пьянчужку от левой ноги и откатился в сторону, чтобы не попасть в поток жара и пламени. Тьюс тоже засуетился и бросился со всех ног к Бену. За советником, поджав уши, мчался Сапожок. Абернети скатился вниз на четвереньках и спрятался в кустах.

Бен поднялся, все еще держа в руках хнычущих гномов. Пламя из пасти Страбона рвалось вверх, во тьму, выбрасывая в воздух фонтан искр и камешков. Посреди этого вихря стояла невредимая Ночная Мгла, ее черное одеяние развевалось, как висящее на веревке белье, с которым играет ветер, бледное лицо вздернуто, руки жестикулировали. Из-под ногтей в удивленного Страбона выстреливали брызги огня. Дракон отлетел назад и упал в водоем кратера.

— Ваше Величество!.. — предостерегающе крикнул советник Тьюс.

Ночная Мгла повернулась, волшебник вовремя взмахнул рукой, и ведьма закружилась в налетевшем снегопаде. Ночная Мгла стала со злостью бороться со снежинками, взвизгнула и послала в ответ огненный залп. Бен снова бросился на землю, языки пламени с шипением пронеслись мимо, окутав гномов дымом. У Абернети подпалилась шерсть на хвосте, и писец с лаем исчез на холме, за Огненными Ключами.

Тут с бешеным ревом вылез из кратера Страбон. Толчками разворачивая змеиное тело, он бил о землю хвостом, зажигая все вокруг. Вопя с такой же яростью, Ночная Мгла вновь повернулась к дракону, посылая собственные огненные брызги. Бен вскочил и побежал что есть мочи. Пламя

накрыло его пеленой жара и боли. Но подскочивший Тыос отчаянно замахал руками, и, словно из пустоты, появился непробиваемый гибкий щит и замедлил поток пламени. Бен продолжал держать гномов, которые сопротивлялись и всхлипывали, и храбро сражался с бегущими за ним по пятам искрами. Крепкие руки Сапожка схватили Бена за пояс и потащили и короля, и гномов к оконечности долины. За ними, подбадривая их выкриками, следовал советник.

Несколько минут спустя друзья пришли туда, где кончались Огненные Ключи, и из пепла и дыма, шатаясь, ступили на прохладные кочки. Задыхаясь и кашляя, вся компания повалилась на траву. К ним присоединился появившийся из мрака Абернети.

Позади дракон и ведьма продолжали битву, никто не мешал им, визг и рев наполняли ночной воздух. Ни ведьма, ни дракон еще не осознали, что предмет их спора улизнул.

Бен быстро взглянул на своих спутников. Друзья моргнули из темноты. Все как будто согласились, что сейчас отдыхать ни к чему. Ведьме и дракону не потребуется много времени, чтобы сообразить, что случилось.

С трудом поднявшись с земли, компания быстро растворилась в ночи.

ГЛАВА 15

ПОИСК

Когда Бен и его спутники наконец почувствовали себя в безопасности, было уже за полночь. Небо почернело от грозовых туч, родившихся над лугами и плывших на восток. Луны и звезды исчезли, будто их сдул ветер; долгими, гулкими раскатами зарокотал гром, пробежали змейки молний. Хлынул дождь; резкий и холодный, он промывал пустоши, словно шваброй. Друзья едва успели найти укрытие в густом еловом леске, прежде чем вся окружающая земля пропала в непроницаемом тумане и сырости.

Компания уселась под мощными сучьями стоящей в самой середине леса ели и сквозь игольчатый занавес стала смотреть на ливень. Ветер кусающими порывами проносился по деревьям и кустарникам, сбрасывая вниз потоки воды. Все звуки потонули в ровном шуме дождя, и группка деревьев стала островом во мгле.

Бен прислонился к могучему стволу ели и стал оглядывать своих спутников, переводя глаза с одного на другого.

— Вы поняли, я Бен Холидей, — наконец сказал он. — Я на самом деле Бен Холидей.

Друзья вопросительно переглянулись и снова уставились на Бена.

— Спаси нас, великий король, — через секунду с монотонным хныканьем произнес Щелчок.

— Да, спаси нас, — запричитал Пьянчужка.

Они выглядели как мокрые крысы, волосы загрязнились и спутались от дождя, одежда обтрепалась и прилипла. Пальцы гномов неуверенно потянулись к брюкам Бена.

— Перестаньте, — устало одернул Бен гномов. — Вас не от чего спасать. Вам ничего не грозит.

— Дракон... — начал Щелчок.

— Ведьма... — продолжил Пьянчужка.

— Они далеко, и им не до того, чтобы гнаться за нами. Когда они закончат поджигать друг друга и удивятся, что нас нет рядом, дождь смоет все следы. — Бен старался говорить как можно увереннее. — Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Сапожок обнажил зубы в усмешке и присвистнул. Он смотрел на Бена как на привидение. Абернети вообще предпочитал не смотреть на Бена.

Советник Тьюс откашлялся. Бен выжидательно взглянул на волшебника, и тот вдруг будто растерялся.

— Это довольно трудно, — наконец произнес советник. Он украдкой посмотрел на Бена. — Вы говорите, что вы действительно король? Ведьма и дракон были правы?

Бен медленно кивнул.

— И история, которую вы рассказали нам в замке Чистейшее Серебро, тоже правда? Вашу наружность изменили колдовством? Вы утратили медальон?

Бен кивнул во второй раз. Тьюс так нахмурился, что казалось, кожа на лице сейчас лопнет.

— Но как? — в конце концов спросил он. — Как это произошло?

Бен вздохнул:

— Кто ответит на этот вопрос, получит большой приз. — Бен еще раз кратко рассказал о столкновении с Миксом в спальне и о своем превращении. Бен довел повествование до того, как он решил идти на юг искать Ивицу. — С тех пор я ее разыскиваю, — заключил Бен.

— Видишь, я тебе говорил, — проворчал Абернети, обернувшись к Тьюсу.

Советник застыл и скосил глаза на писца.

— Что говорил? — еще больше напрягая совиное лицо, спросил волшебник.

— Что король ведет себя не как король! — просто рявкнул Абернети. — Что здесь что-то не так! Что все не так, как надо! В сущности, волшебник, если ты потрудишься вспомнить, я говорил тебе гораздо больше! — Он прижал к носу залитые дождем очки. — Я говорил, что от этих снов добра не будет. Я говорил не обращать на них внимания! — Пес внезапно повернулся к Бену с видом пророка, чьи предсказания сбылись. — И вас я тоже предупреждал! Советовал, чтобы вы оставались дома, в Заземелье! Я говорил, что Микс очень опасен! Но никто из вас не хотел меня слушать! И вот к чему это привело!

Он чихнул, встряхнулся как ужаленный и обдал всех водой.

— Извините, — отнюдь не извиняющимся тоном пробормотал Абернети.

— Ну, какую-то пользу это может нам принести. — Бен очень старался говорить голосом, не допускающим сомнений. — Вшестером мы сможем сделать больше, чем я один.

— Вшестером? — Абернети смерил презрительным взглядом кыш-гномов. — Вы насчитали двоих лишних, Ваше Величество. И все-таки я еще не уверен, что вы действительно король. Советник Тьюс слишком легковерен. Однажды нас уже одурачили, возможно, нас дурачат снова. Откуда нам знать, что это не новая игра? Откуда нам знать, что это на самом деле не проделки Микса?

Бен с минуту размышлял.

— Я понимаю, что ты не уверен. Но придется тебе поверить мне на слово. Придется тебе довериться мне и своему

чутью. — Бен вздохнул. — Думаешь, Микс смог бы так крупно надуть и Страбона, и Ночную Мглу? Думаешь, я бы везде шатался, объявляя себя королем, если бы я им не был? — Он помолчал. — Думаешь, я бы до сих пор носил вот это? — Бен полез за ворот рубашки и вытащил потускневший медальон.

Влажный портрет Микса заблестел, освещенный вспышкой далекой молнии.

— Почему вы его до сих пор носите? — тихо спросил Тьюс.

— Я боюсь от него отделаться. Если Микс не солгал и я умру, если выкину медальон, кто тогда предупредит Ивицу? Она не знает, что произошло. Она не знает, что сны — дело рук Микса и что она в опасности. Она слишком дорога мне, советник. Я не могу ее бросить. Я не могу допустить, чтобы она попала в ту западню, в которую угодил я, и оказалась без помощи.

Мгновение все молча изучали Бена.

— Да, Ваше Величество, не можете, — наконец согласился Тьюс. Волшебник взглянул на Абернети. — Настоящий Бен Холидей даже не подумал бы оставить Ивицу, правда? — многозначительно продолжал советник. — Настоящий Бен Холидей.

Абернети секунду молчал, обдумывая сказанное, а затем вздохнул:

— Да, вероятно, так. — Он бросил взгляд на Сапожка, обезьянья физиономия которого одобрительно кивнула. — Ну, ладно. Все остальные признали в вас короля, я сделаю так же.

— Я тебе очень благодарен, — уверил Бен писца.

— Но я все равно думаю, что вчетвером нам будет не легче... да! — Пес еще раз посмотрел на кыш-гномов. — Или вшестером, или сколько бы нас ни было! Вшестером мы сможем сделать не больше, чем вы один.

Все выжидательно посмотрели на Бена. Он сидел, прижав колени к груди, чтобы согреться, глядел вдаль на завесу тьмы и дождя и пытался что-то решить для себя.

— Найдите Ивицу, — в конце концов проговорил Бен. — Защитите ее.

Друзья безмолвно уставились на него.

— Послушайте. В третьем сне — ключ ко всему, что произошло, а уздечка — ключ ко сну. Уздечка теперь у Ивицы, мы это знаем. Страбон отдал ее. Уздечка у Ивицы, но что она с этой уздечкой сделает?

— Что, великий король? — в волнении спросил Щелчок.

— Да, что? — повторил Пьянчужка.

— Ивица отнесет уздечку вам, мой король, — быстро ответил советник. И умолк. — Или по крайней мере тому, кого она примет за вас.

— Правильно, советник, — прошептал Бен. — Так ей сказано было во сне, так она и поступит. Она отнесет уздечку мне. Но я буду не я. Я буду Миксом. Или, вернее, это будет Микс, тот, к кому она пойдет. И что с Ивицей тогда будет?

— Мы должны встретиться с ней первыми, — тихо сказал Тьюс.

— Пойдем, как только прекратится дождь, — добавил Абернети.

Бен кивнул:

— Вшестером у нас больше надежды ее разыскать, чем у меня одного.

— Сапожок один сделает это лучше, чем мы все, будь нас хоть шестьдесят, — снова чихая, вмешался Абернети. — Я, кажется, простудился, — проворчал он раздраженно.

— В кои-то веки Абернети прав! — не обращая внимания на укоряющий взгляд пса, воскликнул Тьюс. — Кобольд-скороход может путешествовать быстрее и дальше любого человека. Если Ивица оставила хоть какие-то следы, Сапожок ее найдет. — Советник обернулся к кобольду, который в ответ улыбнулся во весь рот. — Сапожок в самом деле отыщет Ивицу, на него можно положиться. — Волшебник пожал плечами. — Ну, конечно, когда прекратится дождь.

Бен покачал головой:

— Мы не можем ждать так долго. У нас нет...

— Но нам придется, — мягко прервал волшебник Бена.

— Но мы не можем...

— Мы должны. — Тьюс взял Бена за руку. — Нельзя искать следы во время такой бури, как сейчас, Ваше Величество. Мы их не найдем. — Совиное лицо волшебника придвинулось совсем близко, и глаза внезапно потеплели. — Ваше Величество, вы прошли долгий путь из замка Чистейшего Серебра. Видно, что вы сильно страдали. Ваша внешность, как бы она ни была изменена, не лжет. Посмотрите на себя. Вы измучены. Вы истощены. Я видел многих нищих, которые выглядели здоровее вас. Правда, Абернети?

— У вас вид развалины, — согласился пес.

— Ну, в общем, плохой вид. — Волшебник с улыбкой смягчил оценку пса. — Вам нужен отдых. Поспите. У нас хватит времени на поиски.

Бен энергично замотал головой:

— Советник, я не устал. Я не могу...

— Я считаю, что вы должны, — тихо произнес волшебник. Тощая рука быстро махнула перед лицом Бена, и его веки вдруг отяжелели. Ему хотелось закрыть глаза. Бен чувствовал, как глубокая усталость проникает в его тело и заставляет лечь. — Отдохните, Ваше Величество, — добродушно прошептал советник.

Бен попробовал бороться с этим советом, постарался встать и не смог. Единственный раз волшебство Тьюса сработало с первой попытки. Спина Бена скользнула вниз по грубому стволу на ложе из еловых иголок. Друзья подсели ближе. Косматая очкастая физиономия Абернети пялилась на Бена сквозь тень. Зубы Сапожка сверкали будто кинжалы. Смутные, зыбкие образы Щелчка и Пьянчужки, казалось, отодвинулись куда-то вдаль. Присутствие друзей давало Бену утешение, силу и уверенность, теперь все они вместе с ним, кроме Сельдерея и Ивицы!

— Ивица! — еле слышно прошептал Бен.

Он произнес ее имя и заснул.

Ему снилась Ивица, сон был откровением, и оно потрясло Бена. В поисках сильфиды он обошел леса, холмы и равнины Заземелья, его тянуло в это одинокое странствование, словно магнитом. Местность, по которой проходил Бен, казалась ему знакомой и в то же время чужой, солнечный свет смешался с тенями, они изменчиво мерцали, как отражения на воде. Вокруг двигались какие-то предметы, лишенные лица и формы. Бен шел один, это был бесконечный поиск, который вел Бена из одного конца долины в другой и обратно, поиск быстрый и уверенный, но все равно тщетный.

Какая-то странная необходимость подгоняла Бена вперед. Потребность найти сильфиду не поддавалась объяснению. Бен боялся за Ивицу, но эта боязнь пока была беспричинной. Ему ужасно хотелось быть с ней, но для отчаяния вроде бы не

было оснований. Казалось, Бен попал в плен к своим чувствам и они стали управлять им вместо разума. Во время поисков Бен ощущал присутствие Ивицы, ее близость дразнила его. Ивица как будто ждала Бена за каждым деревом, у каждого холма, и нужно было лишь пройти еще немного, чтобы настичь ее. Утомление не останавливало Бена, целеустремленность вела его дальше.

Через какое-то время он услышал голоса. Они шепотом обращались к нему отовсюду — одни предостерегали, другие увещевали. Бен слышал голос Владыки Озерного края, все еще не доверяющего Бену, но с необычной для себя страстностью желающего, чтобы нашли его дочь, которую он не мог по-настоящему любить и которая не могла по-настоящему любить его. Бен слышал голос Матери-Земли, она просила Бена повторить данное ей слово найти и защитить Ивицу, сдержать обещание. Бен слышал голос одинокого злополучного охотника: как он опять рассказывает о черном единороге и о прикосновении, украшем душу этого человека. Бен слышал голос Микса, мрачное и мстительное шипение, обещавшее всех погубить, если девушка и золотая уздечка от него ускользнут.

Но Бен упорно шел вперед.

А потом он услышал Дирка.

Только услышав голос призматического кота, Бен замедлил шаг, внезапно поняв, что поиски Ивицы переросли в безумие. Бен остановился, у него звенело в ушах, сердце, казалось, выскакивало из груди. Он стоял посреди прохладной и уединенной лесной поляны, вокруг играли свет и тени, над головой был купол из веток, под ногами рос густой мох. Важный, гладкий и загадочный, Дирк сидел на поляне, взобравшись на холмик.

— Почему ты так спешишь, король Бен Холидей? — тихо спросил Дирк.

— Я должен найти Ивицу, — ответил Бен.

— Почему ты должен ее найти? — настойчиво продолжал Дирк.

— Потому что ей угрожает опасность, — ответил Бен раздраженно.

— И это все?

Бен помолчал.

— Потому что она во мне нуждается.

— И это все?

— Потому что больше некому ей помочь.

— И это все?

— Потому что...

Но слова, которые Бен искал, не приходили, они были так же неуловимы, как сама сильфида. Бен чувствовал, что слова есть. Но какие слова?

— Ты так заботишься о том, чтобы наладить свою жизнь, — грустно заявил Дирк. — Ты так заботишься о том, чтобы собрать воедино все кусочки огромной головоломки. Но не можешь понять, зачем это нужно. Жизнь не просто внешняя форма, великий король; жизнь — это еще и чувство.

— Я чувствую, — сказал Бен.

— Ты управляешь, — уточнил Дирк. — Ты управляешь своим королевством, своими подданными, своей работой и своей жизнью. Ты устраиваешь все здесь так же, как когда-то в своем мире. Ты отдаешь приказы. Как король ты отдаешь такие приказы, какие отдавал, когда был юристом. Суд или королевский двор — для тебя здесь нет никакой разницы. Ты действуешь, ты даешь ответ быстро и умно. Но ты не чувствуешь.

— Я стараюсь.

— Суть волшебства в чувстве, великий король. Чувство рождает жизнь, а жизнь рождает волшебство. Как ты можешь понять жизнь или волшебство, если у тебя нет чувств? Ты ищешь Ивицу, но как ты можешь ее узнать, если не понимаешь, кто она такая? Ты ищешь глазами то, что не способен увидеть. Ты ищешь осязанием то, чего нельзя ощутить. Искать надо сердцем. Попробуй. Попробуй и скажи мне, что ты теперь видишь.

Бен попробовал, но увидел везде лишь тьму, которая мешала зрению. Он углубился в себя и нашел нехоженые тропки. Путь преграждали препятствия, бесформенные предметы, которые невозможно описать. Бен неистово пытался прорваться сквозь них, шел ощупью, протягивал руки...

И тут перед ним возникла Ивица, вдруг припомнившееся туманное видение. Она промелькнула, гибкая и быстрая, как ртуть, лицо изумляло красотой, тело шептало Бену, что он ищет.

Зеленый лес волос рассыпался по стройным плечам и падал до талии. Одежда из белого шелка облегала тело, как вторая кожа. Глаза Ивицы встретились с глазами Бена, и он почувствовал, как у него резко, до боли перехватило дыхание. Ивица улыбнулась тепло и нежно, и ее беззвучный шепот проник Бену в душу. Ивице не угрожала опасность, Ивица не торопилась. Она была в ладу с самой собою. Она отдыхала.

— Почему ты так спешишь, король Бен Холидей? — откуда-то из тени повторил Дирк.

— Я должен найти Ивицу, — снова ответил Бен.

— Почему ты должен ее найти?

— Потому что... — Бен вновь не мог найти слов. Тени стали сгущаться. Ивица погружалась во тьму. — Потому что...

Ивица еще больше растворилась во тьме, видение из памяти исчезло. Бен лихорадочно искал нужные слова, но они по-прежнему ускользали от него. Ощущение необходимости поиска вернулось, быстро и настойчиво. Опасность, грозящая сильфиде, вновь стала реальностью, будто воскрешенная нерешительностью Бена. Он попробовал дотянуться до Ивицы руками, но она была слишком далека, а он слишком неповоротлив.

— Потому что...

Тени были повсюду, окутывали Бена черным плащом, покрывали с головой и душили его в беспросветной тьме. Бен просыпался. Дирк пропал. От Ивицы осталось лишь пятнышко света и цвета, растворяющееся в темноте...

— Потому что...

Ивица!

Бен вздрогнул, проснулся и вскочил как ошпаренный, подмышки и спина были мокрыми от пота. Ночь спустила на Восточные Пустоши покров тишины. Небо надело маску из облаков, но дождь прекратился. Спутники Бена мирно спали вокруг, все, кроме Сапожка. Сапожок уже давно ушел, поиск Ивицы начался.

Чтобы успокоиться, Бен сделал глубокий вдох. Сон об Ивице еще не утратил четкости и резкости. Бен выдохнул.

— Потому что... я люблю ее, — закончил Бен.

Эти слова он искал. И с пугающей ясностью ощутил, что эти слова правда.

Бен провел какое-то время в темноте и тишине ночи наедине со своими мыслями. Однако потом он снова заснул. Когда он опять проснулся, уже начинало светать и в небе на востоке за краем долины появились бледные серо-золотые прожилки. Сапожок не вернулся. Остальные все еще спали.

Бен повернулся на спину, оглядел оставленный бурей мокрый пейзаж и моргнул, не поверив своим глазам. На толстой еловой ветке всего в каком-нибудь метре от головы Бена удобно устроился Дирк с Лесной опушки, он сложил лапки на гладком брюшке и зажмурился.

Как только Бен уставился на Дирка, глаза кота широко раскрылись.

— Доброе утро, мой король, — произнес кот.

Бен приподнялся на локтях:

— Доброе утро, пустое место. Где ты был?

— Да... то здесь, то там.

— Все-таки больше там, чем здесь! — буркнул Бен, его сдерживаемый гнев быстро вырвался наружу. — Мне не повредила бы твоя помощь в Бездонной Пропасти, откуда ты в самое неподходящее время смылся! Мне повезло, что ведьма не разделалась со мной сразу же! Она потащила меня в логово Страбона и предложила ему в качестве закуски! Но тебе ведь до этого нет дела, так? Благодарю за беспокойство!

— Не стоит благодарности, — невозмутимо ответил Дирк. — Однако напомню тебе еще раз, что я твой спутник, а не охранник. К тому же в мое отсутствие ты, судя по всему, не пострадал.

— Но я же мог пострадать, черт возьми! — не удержался Бен. Ему до смерти надоело, что кот появляется и исчезает, как привидение. — Дракон мог бы поджарить меня на костре, несмотря на все, что ты для меня сделал.

— Мог бы, стал бы, сделал бы — сложное сослагательное наклонение, которое сводится к глупым возможностям. — Дирк зевнул. — Ты бы лучше перестал поминать старое и нашел тему поинтереснее.

Бен сердито взглянул на кота:

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что у тебя есть более важное дело, чем ругать меня за воображаемые провинности.

Бен умолк, вдруг припомнив свой сон, поиск, золотую уздечку, черного единорога, Микса и все остальное, все, что до сих пор осталось неразгаданным. Да, и Ивицу! Мысли о сильфиде вытеснили все остальное. «Я люблю ее», — сказал себе Бен, как бы пробуя слова на вкус. Они оказались неожиданно приятными.

— Существует теория, что наши сны являются просто проявлением подсознательных мыслей и желаний, — будто читая импровизированную диссертацию, размышлял Дирк. — Сны не всегда в точности повторяют события, вызвавшие эти мысли и желания, но весьма живо показывают стоящие за ними чувства. Во сне мы оказываемся вовлеченными в странные и непонятные приключения и часто стремимся сразу же забыть этот сон — это застенчивая реакция. Но в обрывках подсознания прячется зерно истины, говорящее то, что нам нужно о себе знать, истины, которую мы иногда отказываемся признать наяву, и она требует признания, проникнув в наш сон. — Кот помолчал, чтобы усилить театральный эффект. — Иногда эта истина — любовь.

Бен резко выпрямился, на миг уставился на философствующего кота и покачал головой.

— Все это относится к Ивице? — спросил Бен.

Дирк моргнул:

— Конечно, сны иногда лгут, и истину можно определить лишь наяву.

— Это ты про мой сон о Майлзе? — Бен считал, что кот говорит излишне иносказательно. — Почему ты иногда не говоришь прямо то, что думаешь?

Дирк снова моргнул:

— Потому что я кот.

— А-а. Ясно.

Опять обычный ответ.

— Потому что есть то, что ты должен понять сам. Согласен?

— Согласен.

— А тебе это не слишком хорошо удается.

— Да.

— Несмотря на мои длительные усилия.

— Гм-м-м. — Бен почувствовал неудержимое желание придушить кота. Чтобы подавить это стремление, Бен пере-

вел взгляд на своих все еще спящих спутников. — Почему я один не сплю? — спросил Бен.

Дирк взглянул в ту же сторону.

— Вероятно, они просто очень устали, — добродушно предположил кот.

Бен строго посмотрел на него:

— Что ты сделал? Это чары? Волшебные чары? Так же, как Тьюс усыпил меня? Ты ведь что-то сделал, да?

— Немножко.

— Но зачем? То есть так стараться?

Дирк поднялся, потянулся, спрыгнул с ветки и сел рядом с Беном, нарочито не обращая на него внимания. Кот начал умываться и не прекратил, пока основательно не почистился, сначала тщательно взъерошив шубку, а потом снова старательно пригладив ее языком.

Затем кот повернулся к Бену, изумрудные глаза сверкали в тусклом свете раннего утра.

— Дело в том, что ты не слушаешь. Я говорю тебе все, что нужно, но ты как будто не слышишь. Это по-настоящему огорчает. — Кот глубоко вздохнул. — Я усыпил спутников, чтобы преподать тебе последний урок на тему о снах. Твое понимание происходящего во многом зависит от тебя, насколько ты знаешь механизм действия снов. Следи за тем, что случится, когда твои друзья проснутся. И, будь добр, постарайся обратить на это внимание. Мое терпение истощилось.

Бен скорчил физиономию. Дирк с Лесной опушки снова уселся в прежней позе. Вместе они стали ждать, когда что-нибудь произойдет. Через минуту зашевелился советник Тьюс, затем Абернети и, наконец, гномы. Один за другим все протерли глаза и сели как по команде.

Потом друзья увидели Бена, а главное Дирка.

— А-а, доброе утро, Ваше Величество. Доброе утро, Дирк, — весело приветствовал их советник. — Надеюсь, вы оба спали хорошо?

Абернети забормотал что-то про то, что коты — ночные создания и не нуждаются в обсуждении, как они спят.

Щелчок и Пьянчужка разглядывали Дирка, как долгожданный обед, без всякого страха.

Бен в недоумении вытаращил глаза, разговор продолжался, будто присутствие кота было совершенно в порядке ве-

щей. Казалось, никого не удивило, что с ними сидел кот. Тьюс и Абернети вели себя так, словно они ожидали его появления. Гномы держались как при первой встрече с Дирком; да и кобольды, должно быть, не помнили, во что обошлось им стремление полакомиться Дирком.

Бен на миг прислушался к беседе, посмотрел на общую суету и в замешательстве взглянул на кота:

— Что такое?..

— Их сны, мой король, — перебивая, прошептал Дирк. — Я им приснился. Во сне я был для них реальностью, и сейчас я такая же реальность. Понимаешь? Иногда истина просто заключается в нашем восприятии во сне или наяву.

Бен не понимал. Он был очень внимателен, он слушал, как ему сказали, но все же не понимал. Какой во всем этом смысл и какое это имеет отношение к нему?

Но время для раздумий истекло. Крик, или вернее лай, Абернети привлек всеобщее внимание. Ветки крайней ели разошлись, и появился не кто иной, как Сельдерей! Его сопровождал Сапожок, оба промокли до нитки, оба недобро ухмылялись во весь рот, показывая зубы. Бен застыл. Сельдерей должен был охранять Ивицу! Бен стряхнул с себя оцепенение, вместе с Тьюсом и Абернети поспешил навстречу маленьким крепким кобольдам, встал как вкопанный, поймав на себе суровый подозрительный взгляд Сельдерея, который еще не знал, кто же такой этот незнакомец, и в конце концов по просьбе советника отступил назад. После короткой беседы с Сапожком на грубом, гортанном языке кобольдов, перебиваемой редкими замечаниями Сельдерея, советник быстро повернулся к Бену:

— По вашему приказу Сельдерей охранял Ивицу с тех пор, как она вышла из замка Чистейшего Серебра, Ваше Величество, до вчерашнего дня. Ивица без объяснений отказалась от услуг Сельдерея. Когда он не захотел ее покинуть, она скрылась с помощью волшебства. Даже кобольд не может оставаться с сильфидой против ее воли. У Ивицы золотая уздечка, и сильфида ищет черного единорога. — Взглянув на Бена, советник покачал совиной головой и стал беспокойно дергать белую бороду. — Я не понимаю ее поведения, Ваше Величество, и Сельдерей тоже не понимает. Очевидно, Ивица решила не отдавать вам уздечку, несмотря на то что так ей советовал сон!

Бен поборол внезапное неприятное ощущение в желудке. «Что это значит?» — думал он, а задал совсем другой вопрос:

— Где она сейчас?

Тьюс покачал головой:

— Ее след ведет на север в Мельхорские горы. — Он помешкал. — Сапожок говорит, что она как будто двигается к Мирвуку!

К Мирвуку? Туда, где были спрятаны волшебные книги? Зачем Ивице туда идти? Бен встревожился не на шутку.

— Более того, великий король... — не обращая внимания на то, что советник тянул его за рукав, мрачно ввернул Абернети, — Страбон и Ночная Мгла вышли на охоту; вероятно, они ищут вас, Ивицу и золотую уздечку. И говорят, что по всей долине рыщет демон, огромный летающий демон, не подчиняющийся никому. Сапожок видел его ночью.

— Питомец Микса, — вдруг вспомнив чудище, которое явилось во время танца нимф Владыки Озерного края и погубило их, прошептал Бен. Лицо его напряглось. Он забыл о Дирке с Лесной опушки и о снах. Теперь Бен думал только об Ивице. — Нам нужно догнать ее раньше них, — произнес он, и собственный голос глухо отдавался в ушах Бена, в то время как он старался преодолеть страх. — Мы должны. Больше у нее никого нет.

Никто не остался безучастным. Абернети резко рявкнул на кыш-гномов и снова повернулся к кобольдам. Тьюс взял под руку Бена, чтобы успокоить его:

— Мы найдем ее, Ваше Величество. Положитесь на нас.

Они быстро уходили из пустошей: незнакомец, который был королем, волшебник, писец, кобольды и кыш-гномы.

Дирк с Лесной опушки тихо сидел и смотрел, как они удаляются.

ГЛАВА 16

МИРВУК И ФЛИНТЫ

Ивица чувствовала на лице жар полуденного солнца, проникающего в просветы между деревьями, и вдруг захотела пить. Сильфида осторожно обошла выступавшую с набирающего

крутизну холма скалу, взобралась на уступ, покрытый высокой травой и кустарником, которые исчезали впереди, в затененной еловой роще, и остановилась, чтобы огляпуться. Внизу перед Ивицей простерлось Заземелье, неправильной формы доска из полей и лесов, холмов и равнин, рек и озер, голубых и зеленых клеток, пронизанных, будто тесьмой, полосками пастельных оттенков. Солнечный свет, сияющий с безоблачного синего неба, придавал всем краскам такую сочность, что они ослепляли яркостью.

Ивица вздохнула. Казалось, в такой день все должно быть хорошо.

Теперь она была уже далеко в Мельхорских горах, она оставила позади леса из деревьев твердых пород и покрытое сосновыми рощами плоскогорье и продвинулась высоко, к главным вершинам. Там, где тени не приглушали солнечный свет, солнце в этот день было нещадным, и восхождение вызывало жажду. Ивица не взяла с собой воды; она рассчитывала на свое чутье, которое всегда подсказывало ей, где найти все, что нужно. В течение нескольких часов, с тех пор как Ивица покинула подножия холмов, чутье подводило ее, но сейчас она почувствовала близость воды.

Тем не менее Ивица еще мгновение стояла на месте и, молчаливо размышляя, смотрела на долину. Далеко-далеко на юге мелькала точечка, это был туманный остров, где стоял замок Чистейшего Серебра, и Ивица подумала о Бене. Ей хотелось, чтобы он был с ней, и она очень желала понять, почему так получилось, что она не с ним. Она смотрела на долину, и чудилось, будто она одна в целом мире.

Что она здесь делает?

Ивица почувствовала на правом плече тяжесть завязанной в шерстяной узел упряжи, столкнула узел с плеча, и он упал ей в руки. Из развернувшихся складок показался кусочек сбруи, и ярко сверкнул солнечный луч. Уздечка из золотых нитей нежно позвякивала. Ивица плотно завернула ее и переложила на другое плечо. Уздечка была тяжелая, нити и застежки более громоздкие, чем Ивица себе представляла. Она осторожно поправила узел на плече и выпрямилась. Ей повезло, что дракон согласился отдать уздечку. Песни фей, музыка, слезы и смех — поистине могущественные чары. Они

заворожили Страбона. Удивлению Ивицы, что хитрость удалась, не было конца. Для нее оставалось загадкой, как она могла заранее знать, что так и будет. В эти несколько дней ее постоянно преследовали сны, видения, предчувствия, она ощущала себя оторвавшимся листком, гонимым ветром.

Этой ночью ей снова снился сон. При воспоминании о нем Ивица нахмурилась, ее гладкое, прелестное личико исказила набежавшая тревога. Этой ночью Ивице снился Бен.

Ветер трепал ее спадающие до талии волосы и холодил кожу. Ивица вспомнила о том, что хочет пить, но осталась стоять на месте и стала думать о своем короле. Сон снова был странный, смесь действительности и иллюзий, сумятица из страхов и надежд. Ивице снова привиделся черный единорог, существо, таящееся в лесах среди теней, на этот раз не демон, а затравленное создание, испуганное и одинокое. Ивица боялась его, но зарыдала, заметив его страх. Было непонятно, почему он так напуган, но его взгляд не мог обмануть. «Приди ко мне, — шептал единорог. — Оставь свой план принести уздечку из золотых нитей в замок Чистейшего Серебра твоему повелителю. Хватит бежать от меня, словно я демон, лучше узнай обо мне правду. Ивица, приди ко мне!»

Все было сказано в едином взгляде, так ясно, так определенно; это был сон и все-таки явь. И Ивица пришла, доверившись своему волшебному чутью, которому она доверяла всегда, полагая, что лишь это чутье нельзя обмануть. Она не подчинилась требованию первого сна, которое привело бы ее к Бену, и вместо этого отправилась на поиски...

Чего? Правды?

— Почему сны такие разные? — тихо спросила себя Ивица. — Почему я так запуталась?

Солнце отражалось в далеких водах, листья подрагивали от дуновения ветра, душа Ивицы металась в поисках ясности, но ответы не приходили. Ивица вдохнула побольше воздуху и отвернулась. Тени леса притягивали ее, и она растворилась в них. Она с удивлением поняла, что Мирвук близко, всего в нескольких километрах, сразу же за горной вершиной, на которую Ивица карабкалась. Она сообразила это и сразу же забыла. Широкая полоска полуденного солнца превратилась в пучок узких ленточек, и разгоряченную кожу Ивицы начала

холодить тень. Сильфида пробиралась по лесу среди мощных елей и сосен, разыскивая воду. Вода нашлась быстро; это был ручеек, тонкой струйкой стекающий со скал в водоем и вьющийся по земле сетью мелких потоков. Ивица осторожно положила уздечку рядом с собой на землю и наклонилась к ручью. Для пересохшего горла вода оказалась приятной и мягкой. Ивица долго стояла на коленях в тишине.

Секунды перетекали в минуты. Когда Ивица снова подняла голову, напротив стоял дивный красавец — черный единорог.

У Ивицы перехватило дыхание, и она замерла. Единорог стоял не больше чем в десяти шагах от нее — наполовину в тени, наполовину в бледном, процеженном сквозь кроны деревьев солнечном свете. Это было чудное, грациозное видение, недолговечное, точно образ былой любви, и великолепное, как сама радуга. Единорог не двигался, он просто пристально смотрел. Стройное тело цвета червленого серебра с козлиными копытцами и львиным хвостом, горящие зеленым огнем глаза, жизнь, обретшая бессмертие, — все песни всех бардов на свете, живших во все времена, не могли бы выразить, чем на самом деле был единорог.

Ивица ощутила, что шквал чувств захлестывает ее и обнажает душу. Сердце разрывалось от восторга. Ивица никогда не видела единорога и никогда не думала, что он такой. На глазах у нее показались слезы, и она пыталась проглотить застрявший в горле комок.

— О ты, прекрасное существо! — прошептала Ивица.

Она говорила очень тихо, и, казалось, она одна могла слышать свои слова. Но единорог кивнул в ответ, и крутой рог, источник волшебной силы, ярко засиял. Зеленые глаза вновь напряженно вперились в Ивицу и вспыхнули каким-то внутренним светом. Ивица почувствовала, что ее что-то держит. Рукой она ощупала землю и наконец нашла уздечку.

«О, я должна поймать тебя, — думала Ивица. — Ты должен стать моим!»

Но глаза красавца удерживали ее, и она не могла двинуться с места. Глаза удерживали ее и шептали что-то из ее сна.

«Приди ко мне, — говорили глаза. — Найди меня».

При воспоминании о сне Ивицу обдало жаром, а потом бросило в холод. Воспоминание отразилось в ее глазах, в ее

мозгу, в ее сердце. Она взглянула на тоненькие струйки, с журчанием бегущие по камням в лесной тиши, и ручей показался сильфиде рекой, которую она не может перейти. Ивица прислушалась к пению птиц на деревьях, птицы приободряли и вселяли надежду и пели о тайнах ее души.

Ивица почувствовала, как ее захватывает волшебство такой силы, о которой она даже не знала. Она больше не принадлежала себе; теперь она принадлежала единорогу. Она сделала бы для него все, что угодно. Все... что угодно.

Еще мгновение, и он исчез, пропал так внезапно и бесследно, будто его и не было. «А может, и вправду не было?» — спрашивала себя Ивица. Она глазела на то место, где стоял черный единорог; там была пустота, игра света и тени, и Ивица старалась преодолеть острую боль.

Видела ли Ивица единорога? На самом деле видела? Он был настоящий?

Вопросы оставили ее в изумлении. Она не могла пошевелиться. Потом медленно, с трудом поднялась, снова взвалила на плечо золотую уздечку и со спокойной решимостью двинулась на поиски ответов.

Их Ивица искала весь день. Это был даже не поиск, а погоня, потому что Ивица чувствовала, что ее ведут, и не могла объяснить это ощущение. Она пробиралась по камням сквозь заросли деревьев и кустарников, словно ковром покрывавшие негладкие вершины Мельхорских гор, и искала существо, которого, возможно, никогда не было. Ивице казалось, что она несколько раз видела черного единорога: вот мелькнули иссиня-черный бок, изумрудный глаз, крутой рог — сияющий источник волшебной силы. Ивице не приходило в голову, что ее влекут по ложному пути. Сильфида охотилась в каком-то исступлении, ни о чем не жалея. Она знала, что единорог здесь, рядом. Чувствовала, что он ее ждет, ощущала на себе его взгляд. Она не знала целей единорога, но была уверена, что очень нужна ему.

Сумерки застали Ивицу менее чем в километре к западу от Мирвука, она была измучена и все еще одна. Девушка обошла весь лес вокруг старой, разрушающейся крепости. Несколько раз Ивица вновь выходила на собственный след. Черный единорог был не ближе, чем когда она впервые заметила

его, но Ивица была полна решимости его догнать. На рассвете Ивица попробует снова.

Она легла под сенью березы, покрепче прижала к груди шерстяной узел с уздечкой из золотых нитей, и прохладный ночной воздух омыл тело сильфиды. Дневная жара медленно спала и унесла с собой усталость Ивицы. Она спокойно заснула, и ей вновь снился сон.

Этой ночью Ивица видела десятки белых единорогов; прикованные цепями, они молили девушку освободить их. Сон был как наваждение, которое нельзя разрушить.

Совсем близко из тени всю ночь выглядывали горящие зеленые глаза.

Бен Холидей и его спутники тоже провели эту ночь в Мельхорских горах, правда, на некотором расстоянии от Мирвука и Ивицы. Друзья разбили лагерь на предгорных холмах и радовались, что успели забраться так далеко. Большая часть дня ушла на то, чтобы незамеченными выйти из пустошей, а за остаток дня и вечер они достигли подножия гор. На этом настоял Бен. Перед заходом солнца кобольды обнаружили следы Ивицы, и Бен подумал, что можно будет догнать ее еще до ночи. Лишь когда совсем стемнело и Тьюс стал взывать к благоразумию Бена, поиски временно прекратились.

На рассвете они возобновились, и к середине утра маленькая компания очутилась менее чем в километре от Мирвука. И тут дело осложнилось.

Сложностей возникло несколько. Во-первых, след Ивицы вел к Мирвуку. Поскольку она не собиралась нести золотую уздечку Бену (или Миксу в обличье Бена), было не ясно, что Ивица собирается с этой уздечкой делать. Возможно, Ивица искала черного единорога, хотя вряд ли, так как во сне черный единорог предстал перед ней демоном и угрожал ей, а она ведь все еще не знала, что сон послал Микс. Но как бы то ни было, Ивица определенно направлялась к Мирвуку, а в Мирвуке, согласно сну советника, находились пропавшие волшебные книги, и там они и оказались.

Во-вторых, кобольды увидели, что Ивица уже дважды возвращалась на собственный след. Сильфиды — сказочные создания и не могут заблудиться; это означало, что она либо

что-то ищет, либо кого-то преследует. Но кого или что — было совершенно непонятно.

В-третьих, Дирк с Лесной опушки так и не объявился. С тех пор как после возвращения Сапожка и Сельдерея и известий об Ивице друзья покинули свое укрытие, кота никто не видел. Бен, слишком занятый поиском Ивицы, не обращал внимания на отсутствие Дирка. Но, столкнувшись с новыми загадками, Бен постоянно стал озираться в поисках кота, возможно, тщетно надеясь хоть однажды получить от него прямой ответ, но Дирка нигде не было.

Бен отнесся к этому спокойно. Сейчас никто из друзей не мог прояснить положение, поэтому Бен просто приказал продолжать поиск.

В третий раз они наткнулись на след Ивицы совсем близко от Мирвука, и на этот раз кобольды заколебались. Новый след был совсем свежий. Может, пойти по нему?

Бен кивнул, и они двинулись по следу.

К полудню друзья обошли вокруг Мирвука, и на их пути в четвертый раз встретились следы Ивицы. Теперь она удалялась от старой крепости. Сапожок несколько минут изучал следы, пытаясь их прочитать, он почти прижался лицом к земле. Наконец объявил, что не может сказать, какие отметины более ранние. Все они были оставлены совсем недавно.

Мгновение компания стояла в нерешительности, уставившись друг на друга. На лицах Бена и Тьюса блестел пот, кышгномы ныли, что они хотят пить. Абернети задыхался. Пыль покрывала всех словно дымка. Глазам было больно от ослепительного солнца. Все валились от усталости и злились — до чертиков надоело бегать кругами.

Хотя Бену и не терпелось продолжить поиск, тем не менее он, пусть и неохотно, склонялся к мысли о втором завтраке и кратком отдыхе, как вдруг грохот заставил короля резко повернуться. То был грохот упавшего и расколовшегося камня. Звук шел от Мирвука.

Бен вопросительно посмотрел на спутников, но никто не отважился высказать свое мнение.

— Неплохо было бы хотя бы посмотреть, что там такое, — высказался Бен и решительно отправился расследовать происшествие, остальные пошли за ним, проявляя разную степень воодушевления.

Они осторожно продирались сквозь заросли деревьев и кустарников, разглядывая появившиеся в просветах между ветками разрушающиеся стены и башни Мирвука. Обшарпанные сломанные перила жалко вырисовывались на фоне неба, лишенные ставен окна зияли пустотой. Летучие мыши метались в тени и пронзительно кричали. Впереди продолжался грохот, будто кто-то попал в ловушку и стремится на волю. Время шло. Маленькая компания приблизилась к покосившимся воротам крепости и, прислушиваясь, остановилась.

Грохот прекратился.

— Не нравится мне это, — мрачно сообщил Абернети.

— Ваше Величество, наверное, нам следует... — начал было советник Тьюс, но осекся, заметив неодобрительный взгляд Бена.

— Наверное, нам следует взглянуть, — закончил фразу Бен.

Так они и сделали — Бен шел впереди, за ним кобольды, остальные сзади. Все прошли в ворота, пересекли широкий двор и проскользнули в проход, ведущий от второй стены к внутреннему дворику и главным зданиям. Проход был длинный и темный, и там пахло гнилью; Бен поморщился и поспешил вперед. По-прежнему стояла тишина.

Бен достиг конца тоннеля шагов на десять впереди остальных и подумал, что было бы умнее послать Сапожка, чтобы он осмотрел гигантский камень. Камень напоминал бесформенное, грубо обтесанное чудище, словно недозревший плод усилий неопытного скульптора, который пытался изваять Геркулеса. Поначалу стоящий во внутреннем дворике среди груды осыпавшейся крошки камень казался просто гротескной статуей. Но потом истукан зашевелился, неуклюже повернулся со скрежетом камня о камень, и сразу же стало ясно, что эта статуя очень даже живая.

Бен в недоумении таращил глаза, не зная, что предпринять. Сзади в тоннеле поднялась внезапная суматоха, друзья ринулись вперед и просто налетели на Бена, торопясь понять, в чем дело. Кыш-гномы уже не ныли, они вопили, как обиженные коты. Абернети и советник что-то кричали в один голос, кобольды шипели и скалили зубы, всем видом выказывая враждебность. Через секунду Бен понял, что поведение его друзей вызвано тем, что они увидели не в этом конце тоннеля, а в другом.

Бен быстро повернул голову и взглянул вдаль, мимо обезумевшей компании. Второй каменный великан вошел в проход и, тяжело ступая, двигался прямо на них.

Тьюс мертвой хваткой уцепился за локоть Бена:

— Ваше Величество, это флинт. Если мы подпустим его близко, он сотрет нас в порошок! Э-эх! — Советник увидел, как первый великан тоже шагает вперед. — Их двое! Бегите сюда, мой король!..

Кобольды во главе группы уже бежали через внутренний дворик к проему, который вел внутрь крепости. Первый флинт присоединился ко второму, и они оба отправились в погоню, два неуклюжих великана, двигающихся как бульдозеры.

Компания вломилась в дверь и буквально взлетела вверх по лестнице.

— А что такое флинт? — спросил на бегу Бен у советника. — Я не помню, чтобы ты рассказывал мне о флинтах!

— Возможно, не рассказывал, мой король, — тяжело дыша, признался советник. Он споткнулся о собственную мантию и чуть не упал. — Черт возьми! — Он выпрямился и побежал дальше. — Флинты — отклонение от нормы, созданные древним волшебством, ожившие каменные чудовища. Они очень опасны! Когда-то они охраняли эту крепость, но я думал, что их всех уничтожили много веков назад. Их создали чародеи. Флинты не мыслят, не едят, не спят, почти лишены зрения и обоняния, но все слышат. Их создавали, чтобы они не пускали в Мирвук незваных гостей, но, разумеется, это было давно, а теперь кто знает, что они считают своей обязанностью? Кажется, им нравится просто все крушить. Уф! — Тьюс на миг замедлил шаг, и на его лице отразилось недоумение. — Странно, что я не встретил их, когда был здесь раньше.

Бен широко раскрыл глаза и потянул волшебника вперед. За ними гурьбой ринулись все остальные.

Они достигли самого верха лестницы и вышли на обнесенную перилами крышу размером с теннисный корт. Поверхность этого корта была завалена мусором. С этой площадки вниз вел только один выход — по второй лестнице, расположенной на противоположном конце. Друзья бросились туда все как один.

Когда они добрались до выхода, оказалось, что он завален таким количеством камней и досок, что можно строить спортивные трибуны.

— Прекрасно! — проворчал Бен.

— Я говорил, не нравится мне это, — с удивившим всех лаем сообщил Абернети.

На дальней лестнице появились флинты, они медленно огляделись и двинулись вперед. Сапожок и Сельдерей, как телохранители, встали впереди всех.

Теперь Бен ухватил Тьюса за руку:

— Кобольды не остановят этих чудищ, черт бы их побрал! Примени какое-нибудь колдовство!

Советник торопливо выступил вперед, мантия развевалась, высокая фигура пошатывалась, как будто он сейчас упадет. Он что-то бессвязно пробормотал, возвел руки к небу и с широким взмахом опустил. Вдруг невесть откуда выскочили облака дыма, подняли валяющийся мусор и сбросили его на приближающихся каменных чудищ. К несчастью, облака дыма сбросили часть мусора и на Тьюса. Флинтам мусор не причинил вреда. Чего нельзя было сказать о советнике: волшебник, весь в крови, без сознания рухнул на крышу.

Бен и кобольды бросились вперед, чтобы оттащить Тьюса подальше. Флинты, эти каменные громадины, по-прежнему топали вперед, и осколки камня, словно щепки, трещали под их могучими ногами.

Бен в волнении встал на колени:

— Волшебник! Вставай! Ты нам нужен!

Бен в отчаянии шлепал советника по щекам, растирал его ладони, встряхивал его. Тьюс не двигался. Перепачканное кровью совиное лицо побледнело.

Бен лихорадочно вскочил. Все его друзья, возможно, были достаточно проворными и гибкими, чтобы по одному ускользнуть от этих каменных чудищ. Возможно. Но это было до того, как поранился Тьюс. Никто не мог уклониться, если придется нести волшебника, а они его, разумеется, не бросят. Бен как безумный выхватил медальон и тут же отпустил. Бесполезно. Бен теперь — создание Микса, медальон — никчемная подделка. Никакой волшебной помощи ждать не приходится. Паладина вызвать нельзя. Но что-то нужно сделать!

— Абернети!

Пес прижался холодным носом к уху Бена, и Бен отстранился.

— Великий король!..

— Эти истуканы лишены зрения, вкуса и обоняния, но они слышат, так? Они все слышат? Все, что происходит, даже поблизости от Мирвука?

— Мне говорили, что флинты слышат на расстоянии пяти — десяти шагов, как падает булавка, хотя я часто...

— Не обращай внимания на преувеличения! — Бен встал лицом к лицу с псом, лохматая морда приблизилась, в стеклах очков блестел свет. — Ты можешь взять верхнее «до»?

Абернети моргнул:

— Что, Ваше Величество?

— Верхнее «до», черт возьми, ты можешь завыть так, чтобы взять верхнее «до»?

Флинты были на расстоянии не больше десяти шагов.

— Ну, можешь?

— Я не понимаю...

— Да или нет?

Бен стал трясти писца за плечи. Голова Абернети откинулась назад, и он рявкнул прямо в лицо Бену:

— Да!

— Тогда давай! — крикнул Бен.

Вся крыша содрогалась. Кыш-гномы снова схватились за Бена, во весь голос запричитали: «Великий король, могучий король!» — и захныкали, как потерянные души. Кобольды припали к земле и приготовились к прыжку. Флинты перли как танки.

И тут Абернети завыл.

Он с первой попытки взял верхнее «до», страшный вой заглушил хныканье гномов и вызвал новую гримасу на лицах кобольдов. Душераздирающий вой делался все громче, пронизывая все вокруг с неотвязностью зубной боли. Флинты остановились и с грохотом подняли громадные руки к ушам в тщетной попытке заглушить резкий звук. Но вой не ослабевал (Бен никогда бы не поверил, что Абернети способен так долго кого-то мучить), а флинты продолжали бить себя по голове.

Наконец удары стали такими сильными, что флинты треснули и развалились на части. Головы, руки, торсы и ноги осели грудой бесполезных камней. Пыль поднялась и снова упала, и все застыло.

Абернети перестал выть, настало напряженное молчание. Писец выпрямился и с нескрываемым гневом сверкнул глазами на Бена.

— Я никогда не чувствовал такого унижения, мой король! — буркнул он. — Выть, как собака, вот уж поистине!.. Я даже не представлял себе, что могу так уронить свое достоинство!

Бен откашлялся.

— Ты спас нам жизнь, — просто сказал он. — Вот что ты сделал.

Абернети начал еще что-то говорить, запнулся и продолжал безмолвно бросать сердитые взгляды. Наконец сделал глубокий вдох-выдох, еще больше выпрямился, неприязненно фыркнул и сказал:

— Когда волшебные книги снова будут наши, первым делом вы найдете там, как превратить меня снова в человека!

Бен поспешно спрятал неуместную улыбку:

— Договорились! Первым делом.

Они быстро подняли советника Тьюса, снесли его вниз по лестнице и вышли из Мирвука. Флинты им больше не встречались. «Возможно, те двое были последними», — думал Бен, пока друзья торопились снова добраться до леса.

— Все-таки странно, что советник не видел их в первый раз, — не обращаясь конкретно ни к кому, в сердцах произнес Бен.

— Странно? Не так уж странно, если учесть, что Микс мог поставить их здесь после того, как заполучил книги, с намерением не допустить в крепость больше никого! — все еще с досадой произнес Абернети. Он не хотел смотреть на Бена. — Правда, Ваше Величество, мне казалось, что вы можете это понять!

Бен молча выслушал замечание. Он сам мог бы это понять, но не понял, о чем же тогда говорить? А теперь он не может понять, зачем Миксу понадобилось ставить часовых в Мирвуке. В конце концов, пропавшие книги уже в распоряжении колдуна!

Бен отложил этот вопрос в сторону вместе со всеми остальными вопросами и стал помогать друзьям, укладывающим Тьюса на затененный клочок травы. Сельдерей отер с лица волшебника кровь и пыль и вывел его из оцепенения.

После непродолжительного лечения советник пришел в себя. Сельдерей перевязал раны волшебника, и маленькая компания снова была на ногах.

— На этот раз мы будем идти по следам Ивицы, сколько бы их ни было, пока не найдем ее! — решительно объявил Бен.

— Если мы вообще ее найдем, — пробормотал Абернети.

Но его никто не расслышал, и все снова двинулись в путь.

ГЛАВА 17

ОТКРЫТИЕ

Горячее полуденное солнце укрыло леса Мельхорских гор жарким одеялом и превратило прохладные тени в тепловатые и влажные. Утренний ветерок улетел, и воздух стал плотным и неподвижным. Насекомые жужжали монотонные песни, листья безвольно свисали с ветвей, и полнокровная жизнь леса затаилась и замерла. Время и действие замедлились.

Ивица остановилась у корней гигантского белого дуба, уздечка из золотых нитей постоянно давила на плечи и тянула сильфиду вниз. Бледно-зеленую кожу лица и рук покрывали ярко блестящие капельки пота; Ивица слегка разомкнула губы, она начинала задыхаться. С рассвета она преследовала черного единорога, а он то появлялся, то исчезал в обрывках сна и тени; Ивица тащилась за ним по пятам, как случайно прилипшая пылинка. Она раз пять облазила все горы вокруг Мирвука, каждый раз вновь выходя на собственный след — бесполезные поиски наугад, блажь. Теперь сильфида находилась западнее Мирвука, едва ли километр отделял ее от старой крепости, но она вряд ли сознавала это, а если бы и удосужилась подумать, то ей было бы все равно. Она уже давно потеряла интерес ко всему, кроме предмета своих поисков, все остальное стало не важным.

Она должна найти единорога. Она должна узнать всю правду.

При воспоминании о последнем сне глаза Ивицы слегка заволоклись, и она вновь подумала, что может означать этот сон.

Потом Ивица выпрямилась и пошла дальше — хрупкий, крошечный живой комочек среди громадных деревьев горного леса, заблудившийся ребенок. Она медленно пробиралась сквозь лесок, где сосны и ели росли так густо, что переплетались ветвями, и почти не смотрела на стоящих в стороне Лазурных Друзей, а только стремилась вверх по отлогому склону, который вел к плоскому лугу. Ивица ступала осторожно и устало вспоминала, что она уже была на этой тропинке, но сколько раз — один, два, больше? Ивица не знала. Это не имело значения. Она слушала, как бьется сердце и удары отдаются в затылке и в ушах. Сердце колотилось очень громко. Это был почти единственный звук в лесу. Ивица измеряла ударами сердца каждый шаг.

«Далеко еще?.. — думала Ивица, напрочь разморенная жарой. — Когда я смогу остановиться?»

Ивица вышла к лугу, встала в тени красного клена с длинными ветвями и в нерешительности прикрыла глаза. Когда сильфида открыла их вновь, перед ней застыл черный единорог.

— Ох! — тихо вырвалось у Ивицы.

Единорог стоял посреди луга весь в брызгах ярких солнечных лучей. Он был черный как смоль, такой темный, что казался сотканным из полночных теней. Он стоял перед Ивицей с поднятой головой, грива и хвост свободно висели в неподвижном воздухе, он был статуей, вырезанной из прочного черного дерева. Зеленые глаза неотрывно смотрели на сильфиду, и в глубине их была мольба. Ивица набрала в легкие гнетущий горячий воздух и почувствовала ожог яркого солнца. Она прислушалась. Глаза единорога беззвучно говорили, вызывая и отражая образы из припомнившихся снов и забытых видений. Ивица прислушалась и поняла.

Погоня была окончена. Черный единорог больше не убежит от сильфиды. Он привел ее ко времени в нужное место. Осталось лишь выяснить зачем.

Ивица с опаской пошла вперед, с каждым шагом ожидая, что единорог исчезнет, сорвется с места и убежит. Но нет. Он продолжал стоять, неподвижный и призрачный. Ивица сняла с плеча уздечку, развернула ее и показала единорогу. Солнечный свет плясал на постромках и застежках, пронизывая яркими искрами лесные тени. Единорог ждал. Ивица вышла из

укрытия под красным кленом на залитый солнцем луг, и ее опалило зноем. Глаза сильфиды цвета морской волны моргнули, по щекам покатились внезапно нахлынувшие капельки влаги, Ивица откинула назад длинные волосы. Единорог не двигался.

Совсем близко от животного Ивица вдруг замедлила шаг, а затем остановилась. Ее захлестывали волны сомнения, подозрения и страха, неясные, неожиданные шепоты предостерегали ее. Что она делает? О чем она думает? Черный единорог несет такое проклятие, что кто хоть раз подойдет к нему близко, тот пропал! Это существо — демон ее снов! Кошмар, преследующий ее по ночам, неотвязный, как смерть!

Ивица ощущала на себе тяжелый взгляд сказочного существа. Она чувствовала его присутствие, как чувствуют болезнь. Ивица попыталась бежать, но не могла. Она отчаянно боролась с готовыми поглотить ее эмоциями и отгоняла их. Она медленно и глубоко вдыхала душный полуденный воздух и заставляла себя смотреть в изумрудные глаза. Она не отводила взгляда. В глазах единорога не таилась болезнь или смерть, не таился злой демон. В этих глазах были нежность, и тепло, и мольба.

Ивица сделала еще несколько шагов.

И тут ее остановило что-то новое. Шестое чувство, которое вдруг быстро и безошибочно подсказало ей: Бен близко, он здесь что-то ищет... но что?

— Бен? — в ожидании прошептала Ивица.

Но никто не отозвался. Она была наедине с единорогом. Она не сводила глаз с животного, его стать восхищала. Ивица облизнула губы и снова пошла вперед.

И снова остановилась. Ее грудь вздымалась.

— Я не могу прикоснуться к тебе, — еле слышно обратилась она к совершенному, невероятно чудесному сказочному существу. — Я не могу. Если я это сделаю, я умру.

Ивица знала, что это так. Она знала это бессознательно, как всегда. Никто не может коснуться единорога, никто не имеет такого права. Он из мира красоты, куда не должен даже пытаться проникнуть ни один смертный. Это все равно что осколок радуги, его нельзя брать руками, такими, как у Ивицы. Легенда и песни шептали ей обрывки предостережений.

Она чувствовала, как по ее щекам текут слезы и в горле застрял ком.

«Прекрасное существо, я не могу...»

И тут она прикоснулась. Едва ли отдавая себе отчет, что происходит, быстро, машинально, бездумно сделала несколько последних шагов, протянула руки к черному как ночь существу и нежно, осторожно надела на его покорную шею уздечку из золотых нитей. Делая это, Ивица погладила шелковую шерсть на морде, и прикосновение наполнило сильфиду восторгом. Она почувствовала под руками шелест гривы, и произошло чудо. Ивицу захлестнули непрошеные образы, беспорядочные и не вполне понятные, но непреодолимые. Теперь она без страха прикасалась к единорогу и наслаждалась своими ощущениями. Казалось, она не могла удержаться. Не могла остановиться. Она снова заплакала, чувства ее были обнажены. Слезы бежали по щекам, и она стала неудержимо всхлипывать.

— Я люблю тебя, — наконец взнуздав единорога и отводя руки, исступленно крикнула Ивица. — Я так люблю тебя, прекрасное, удивительное существо!

От взгляда Ивицы рог черного красавца, источник волшебной силы, раскалился добела, в глазах животного тоже стояли слезы. На миг души Ивицы и единорога как будто слились.

Но этот миг прошел, и в их мирок стремительно ворвался внешний мир. Над головой пролетела чья-то огромная тень и на дальнем конце луга устремилась к земле. В то же мгновение на другом конце знакомые голоса начали как безумные выкрикивать имя Ивицы. Сны стали действительностью, их образы с пугающей внезапностью возникли повсюду. Предостерегающий шепот, который сопровождал Ивицу до этой минуты, вдруг превратился в ее мозгу в крики ужаса.

Ивица почувствовала, как стоящий рядом черный единорог неистово вздрогнул, и рог, источник волшебной силы, опять вспыхнул белым светом. Но единорог не умчался в леса. Что бы ни случилось, он больше не убежит.

Пусть будет так. И Ивица не убежит.

Она бесстрашно повернулась навстречу их общей судьбе.

Бен Холидей бросился из-за деревьев на луг и остановился так резко, что бегущие за ним друзья, стремясь не отстать,

натолкнулись на него, и он пролетел вперед еще несколько шагов. Все вопили одновременно, выкрикивая предостережения стоявшей посреди луга рядом с черным единорогом Ивице. Чуть раньше над головой огромной тучей, закрывающей солнце, промелькнула тень крылатого демона. Только самая неудачная шутка судьбы могла свести их всех вместе в одно время, но, похоже, судьба только так и шутила над единорогом. Бен отыскал Ивицу на этом лугу после победы над флинтами и верил, что худшее позади. А теперь появился демон. Бен еще раз мысленно увидел, как демон обращает в пепел обреченных нимф Владыки Озерного края, и вспомнил данное Матери-Земле обещание защищать Ивицу. Но Бен не в силах сделать это сейчас. Как ему защищать Ивицу без медальона?

Демон снова пролетел над головой, но не тронул ни сильфиду, ни единорога, ни даже маленькую компанию Бена. Вместо этого демон медленно приземлился на восточной оконечности луга, сложил кожистые крылья и стал со свистом выдыхать воздух. Бен прищурился, солнце мешало ясно видеть. На демоне сидел наездник. Это был Микс.

И конечно, он выглядел как Холидей.

Бен услышал приглушенные возгласы удивления и смущения, идущие от теснившихся сзади друзей. Бен смотрел, как его двойник неторопливо слезает с демона, и вынужден был признать, что Микс похож на короля как две капли воды. Спутники Бена перестали кричать и на миг застыли в нерешительности. Бен чувствовал на себе их пристальные взгляды и ощущал, как сгущаются тучи сомнения. Он сказал им, кто он такой, и до сих пор они ему более или менее верили. Но, увидев живого Бена, стоящего напротив них на лугу, они поневоле...

И тут черный единорог заржал — это был высокий, жуткий крик, — и все обернулись. Сказочное животное било копытами, ноздри раздувались, с каждым движением изящной головы на уздечке из золотых нитей плясал солнечный свет. Крутой рог сверкал, источая волшебную силу. Невиданная красота единорога привлекала взгляды всех собравшихся, как огонь притягивает мошек. Единорог дрожал, но продолжал стоять на месте под этими взглядами. Казалось, он что-то ищет.

Ивица медленно отвернулась от единорога и тоже начала озираться кругом. У нее был странно-пустой взгляд.

Бен не совсем понимал, что происходит, но почти сразу же решил не дожидаться, пока это выяснится.

— Ивица! — окликнул он сильфиду, и ее глаза повернулись к нему. — Ивица, это я, Бен! — Он сделал несколько шагов вперед, увидел, что она не узнает его, и остановился. — Послушай меня! Слушай внимательно. Я знаю, что не похож на себя. Но это я. Все это сделал Микс. Он вернулся в Заземелье и украл трон. Он заколдовал меня. Еще хуже, что он принял мое обличье. Вон там не я, там Микс! Верь мне, Ивица!

Теперь Ивица повернулась к Миксу, увидела лицо и фигуру Бена и раскрыла рот от изумления. Но Ивица также заметила демона. Она шагнула вперед и медленно вернулась назад.

— Все хорошо, Ивица, — голосом Бена прокричал ей Микс. — Подведи ко мне единорога. Дай мне поводья.

— Нет! — как бешеный закричал Бен. — Нет, Ивица! — Он прошел несколько шагов вперед и, видя, что Ивица попятилась назад, быстро остановился. — Ивица, не делай этого. Микс послал нам сны — всем нам. Он присвоил медальон. Он присвоил пропавшие волшебные книги. Теперь он хочет заполучить единорога! Не знаю, зачем он нужен Миксу, но не отдавай ему животное! Пожалуйста!

— Ивица, смотри внимательнее, — тихим, успокаивающим тоном предупредил ее Микс. — Незнакомец опасен, его чары сбивают с толку. Подойди ко мне прежде, чем он до тебя дотронется.

Бен был вне себя.

— Бога ради, посмотри, с кем я пришел! Со мной Тьюс, Абернети, Сапожок, Сельдерей, Щелчок и Пьянчужка! — Бен встал лицом к своим спутникам и сделал им знак. Но никто не вышел вперед. Казалось, никто не был уверен, что это нужно. Бен снова обернулся к Ивице, и в его голос закрались нотки отчаяния. — Они бы не пошли со мной, если бы я был не тем, за кого себя выдаю! Они знают правду! — Он опять повернулся и гневно произнес: — Черт возьми, советник, скажи ей что-нибудь!

Волшебник замешкался, как будто обдумывая целесообразность рекомендуемого поступка, а затем выпрямился:

— Да, он говорит правду. Он король, Ивица, — наконец проговорил Тьюс.

Послышались глухое бормотание и шепот, выражающий согласие, включая несколько воплей «Спаси нас, о великий король, могучий король!», исходящих от кыш-гномов, которые теперь прятались за мантией Тьюса.

Бен снова встал лицом к Ивице:

— Ивица, иди сюда, быстро! Пожалуйста! Беги!

Но Микс сделал несколько шагов вперед и улыбнулся самой уверенной улыбкой Бена.

— Ивица, я люблю тебя, — сказал Микс. — Я люблю тебя всем сердцем и хочу защитить. Подойди ко мне. Все, что ты видишь рядом с незнакомцем, это обман зрения. Наши друзья не поддерживают его; это просто ложные образы. Если ты приглядишься, ты поймешь. Ты видишь меня? Разве я не такой, как всегда? Все, что ты сейчас слышала, ложь! Вспомни сон! Ты должна взяться за золотую уздечку и привести черного единорога ко мне, и тогда тебе не будут страшны никакие опасности! Эти миражи, предлагающие тебе дружбу, и есть опасности, которые грозили тебе во сне! Подойди ко мне сейчас же, и ты будешь спасена!

Ивица посмотрела в одну сторону, потом в другую, ее лицо отражало полное недоумение. У нее за спиной бил копытами и слегка храпел черный единорог, сгусток тени, окруженный лучами солнца и привязанный к месту невидимыми нитями. Бен был в ярости. Нужно было что-то делать!

— Покажи мне рунный камень! — переводя взгляд от Бена к Миксу и обратно, вдруг крикнула Ивица. — Покажи мне камень, который я тебе дала!

Бен похолодел. Рунный камень, молочного цвета талисман, предупреждающий об опасности.

— У меня его нет! — беспомощно выкрикнул он в ответ. — Я лишился его, когда...

— Вот он! — оборвав Бена, торжественно объявил Микс.

Волшебник пошарил за воротом и вытащил рунный камень или что-то напоминающее рунный камень, раскалившийся докрасна. Микс поднял камень на ладони для всеобщего обозрения.

— Бен? — тихо спросила Ивица, и заметно было, что к ней возвращается надежда. — Это ты?

Бен почувствовал, как сердце у него упало; Ивица двинулась прочь.

— Минуточку! — вдруг произнес советник Тьюс, и все повернулись к нему. — Ваше Величество, вы, должно быть, обронили вот это, — выступив вперед на несколько шагов, так что гномы на миг оторвались от мантии, услужливо сказал Тьюс.

Волшебник выставил на ладони рунный камень, который Ивица дала Бену (по крайней мере колдовство делало этот предмет похожим на рунный камень), и дал всем как следует наглядеться. Камень сверкал багровым светом.

Бен был благодарен волшебнику как никогда.

— Спасибо, советник, — прошептал Бен.

Ивица остановилась. И медленно попятилась от всех, неуверенность вернулась к ней. А теперь еще и страх.

— Я не знаю, кто из вас Бен, — еле слышно сказала она. — Может, ни тот, ни другой.

Ее слова зависли во внезапной тишине. Залитый солнцем луг замер в пугающем, напряженном ожидании, он был похож на шахматную доску с застывшими фигурами, каждая из которых готова сделать ход, готова нанести удар. Ивица жалась поближе к черному единорогу, переводила взгляд от одной группы фигур к другой и ждала. Стоящий сзади единорог успокоился.

И вдруг из леса появился Дирк с Лесной опушки. Кот как будто вышел на дневную прогулку, он с беззаботным видом прогуливался под деревьями, изящно и осторожно обходил цветы и кустики; он выступал с гордо поднятой головой и хвостом и устремленными вдаль глазами. Он не обращал ни на кого ни малейшего внимания. Он, казалось, случайно здесь оказался. Дирк прошел прямо на середину круга, остановился, небрежно оглядел присутствующих и сел.

— Добрый день, — приветствовал он всех.

Микс крикнул так, что у всех душа ушла в пятки, и скинул плащ. Образ Бена Холидея померк, как отражение в водах пруда, если туда бросить камень, и начал сражаться. Ивица взвизгнула. Колдун поднял и протянул вперед руки с когтями, и в сторону Дирка с Лесной опушки метнулся зловещий зеленый огонь. Но кот уже начал преображаться, ма-

ленькое лохматое тельце росло, мерцало и разглаживалось, пока не стало прозрачным, как бриллиант. Огонь колдуна ударил в кристалл и отскочил, растворился преломленным светом в залитом солнцем воздухе, рассыпался по деревьям и траве и обжег землю.

Бен отчаянно побежал к Ивице, вопя как сумасшедший. Но сильфида уже была недосягаема. С безумными глазами она прижалась спиной к черному единорогу и схватила золотую уздечку. Единорог бил копытами и вставал на дыбы, ржал высоким страшным голосом и рвался в разные стороны. Ивица прильнула к животному, как испуганный ребенок к матери, уцепилась за сказочное существо, и ее стало уносить прочь, прочь от Бена.

— Ивица! — простонал Бен.

Микс все еще гонялся за Дирком с Лесной опушки. Едва рассеялись искры, следы первого нападения, как колдун ударил снова. Огонь собрался в его руках в большой шар, который, прыгая, покатился по воздуху, чтобы взорваться, долетев до кота. Дирк выгнулся и задрожал, и кристалл будто поглотил огненный шар. Затем пламя вылетело обратно и помчалось назад к колдуну дождем огненных стрел. Микс закрылся плащом, как щитом, и стрелы разлетелись повсюду. Несколько попало в спину лежавшего за колдуном демона, он взвыл и с яростным шумом взвился в небо.

Огонь и дым были повсюду, Бен наугад пробирался сквозь завесу. За ним окликали друг друга его спутники. Крылатый демон заслонил солнце, тень чудища накрыла луг, словно наступило затмение. Черный единорог с ржанием бросился вперед, и Ивица вскочила ему на спину. Неизвестно, подсказало ли ей этот поступок чутье или необходимость, но итог был один: она ускакала. Единорог так быстро промчался мимо Бена, что тот едва увидел животное. Бен потянулся к единорогу, но слишком поздно. Он только взглянул на гибкую фигурку Ивицы, ухватившуюся за гриву животного, и девушка пропала в лесу.

А потом напал крылатый демон. Он камнем бросился на луг с чистого неба, изрыгая пламя из пасти. Бен упал на землю и прикрыл голову. Краешком глаза он видел, как Дирк замерцал, пригнулся под напором огня, проглотил его и выбро-

сил обратно. Искры впились в демона, как гвозди, и отшвырнули чудище назад. В воздухе стояли дым и пар.

Микс ударил еще раз, и Дирк с Лесной опушки отразил нападение. Потом снова напал демон, и кот опять отбросил пламя. Бен встал, упал, вновь поднялся и вслепую поплелся через поле боя. До него доносились вопли и крики, перед слезящимися глазами проплывали вырвавшиеся из дыма образы. Руки Бена стремились за что-нибудь ухватиться — за что угодно — и наконец нащупали медальон.

Ладони Бена обожгло, будто раскаленным железом. На миг показалось, что он видит Паладина — смутный образ вдалеке: всадник в серебристых доспехах на огромном белом боевом коне.

Но вот видение исчезло, невозможное видение. Не может быть ни медальона, ни Паладина — Бен это знал. В горле застрял ком, и Бен стал задыхаться — колдун и демон продолжали метать в Дирка языки пламени, а кот отбрасывал огонь обратно. Цветы и травы сгорели дочерна. Деревья качались, листья поникли. Весь мир, казалось, был охвачен пламенем.

И наконец весь луг будто взлетел на воздух от огромного взрыва, и все пронизал огонь и пар. Бен ощутил, как его подбрасывает вверх словно щепку, и полетел, широко раскинув руки и ноги и кружась, как вертушка на палочке.

«Вот оно... — подумал он, воображая падение на землю. — Вот так все и кончается».

Тут он резко пошел к земле... и настала тьма.

ГЛАВА 18

КОШКИ-МЫШКИ И ЗЫБЬ НА ВОДЕ

Бен Холидей снова пришел в себя на тенистой лесной полянке, где пахло мохом и дикими цветами. Птицы на деревьях пели веселые, радостные песни. Через середину полянки, извиваясь, пробегал тонкий ручеек, он вытекал из-за деревьев и вновь исчезал среди них. Неподвижность воздуха шептала о покое и уединении.

Бен лежал на клочке травы и смотрел вверх на переплетение веток, загораживающих безоблачное небо. Сквозь листья проглядывало солнце. Бен осторожно приподнялся, он знал, что его одежда опалена, а руки покрыты сажей. Улучив минуту, чтобы осмотреть себя, он стал искать серьезные повреждения. Слава богу, их не оказалось, лишь синяки да шишки, но выглядел Бен так, будто горел в полдесятке костров.

— Тебе лучше, мой король?

Бен обернулся на звук знакомого голоса и увидел Дирка с Лесной опушки, который удобно сидел на большом замшелом камне, тщательно поджав под себя лапки. Кот сонно моргнул и зевнул.

— Что со мной было? — спросил Бен, понимая, что находится совсем не там, где прежде; это был не тот луг, где Бен потерял сознание. — Как я сюда попал?

Дирк встал, потянулся и снова сел.

— Я тебя сюда принес. В сущности, это хитрый фокус, но я наловчился использовать энергию для переноса неподвижных предметов. Мне казалось неблагоразумным оставлять тебя в беспамятстве на выжженном лугу.

— А где остальные? Ивица и...

— Вероятно, сильфида с черным единорогом. Не знаю точно где. Твои спутники разлетелись кто куда. Заключительный взрыв поднял всех в воздух. Такое волшебство лучше не применять. Плохо, что Микс не может этого понять.

Бен преодолел последний приступ головокружения и уставился на кота:

— Он знал, кто ты такой, да?

— Он знал, что я такое.

— А-а. Каким образом, Дирк?

Кот обдумал вопрос:

— Волшебники и призматические коты уже несколько раз встречались, мой король.

— И кажется, это не были дружеские встречи.

— Обычно нет.

— Он как будто боится тебя.

— Он много чего боится.

— В этом Микс не одинок. Что с ним стало?

— Он потерял интерес к битве и улетел на своем ручном демоне. Думаю, отправился за волшебными книгами. Он ве-

рит, что обретет в них силу. Потом вернется. Он будет преследовать тебя все время. Тебе надо подготовиться.

У Бена побежали мурашки по спине. Он почувствовал вдруг, как ослабели его мышцы.

— Мне надо разыскать остальных, — пытаясь преодолеть нарастающий страх и отчаяние, сказал Бен. — Черт возьми! Как мне это сделать? — Он попытался встать, замешкался, потому что снова закружилась голова, и упал на одно колено. — Как я вообще могу им помочь? Если бы не ты, меня бы уже прикончили. Я нисколько не владею ситуацией. С того дня как Микс вышвырнул меня из замка, я не продвинулся ни на йоту. До сих пор не понимаю, почему никто меня не узнает. До сих пор не представляю, как Микс смог присвоить медальон. До сих пор не могу разгадать, зачем ему нужен черный единорог. Я по-прежнему совершенно не в курсе, что происходит!

Дирк еще раз зевнул:

— Неужели?

Бен его не слышал.

— Вот что я тебе скажу. Сам я с этим не справлюсь никогда. Нет смысла обманывать себя — мне нужна помощь. Я собираюсь сделать то, что надо было сделать с самого начала. Я пойду в туманы, пусть и без медальона, и найду фей. Я уже так делал. Я найду их и попрошу волшебное средство, которое позволит мне бороться с Миксом на равных. Феи помогли мне одолеть Ночную Мглу, они помогут мне одолеть и Микса. Они должны помочь.

— Нет, они ничего не должны, разве не так? — тихо сказал Дирк. — Феи помогают лишь когда хотят. Ты знаешь это, любезный король. И всегда это знал. Ты не можешь требовать от них помощи, ты можешь только просить. Исполнить твою просьбу или отказать — всегда выбирают они.

— Это не важно, — упрямо покачал головой Бен. — Я отправлюсь в туманы. Когда я найду фей, я непременно...

— Если ты найдешь их, — перебил его Дирк.

Бен помолчал и покраснел.

— Неплохо бы для разнообразия услышать от тебя что-нибудь обнадеживающее! Почему ты думаешь, что я не найду фей?

Дирк недолго смотрел на Бена, а затем потянул носом воздух. Птицы вокруг продолжали беззаботно щебетать.

— Потому что они не хотят, чтобы ты их искал, мой король, — наконец проговорил кот. Он вздохнул. — Понимаешь, они уже сами тебя нашли.

Наступило долгое молчание, Бен и кот вперились друг в друга — глаза в глаза.

Бен откашлялся.

— Что?!

Дирк полуприкрыл веки:

— Мой король, как ты думаешь, кто меня прислал тебе на выручку?

Бен медленно осел на землю, скрестил ноги и уронил руки на колени.

— Тебя прислали феи?!

Кот промолчал.

— Но почему? То есть почему тебя, Дирк?

— Ты хочешь сказать, почему прислали кота? Почему не собаку, не льва, не тигра? Или еще одного Паладина, если на то пошло? Ты это хочешь спросить? — Шерсть на спине Дирка, от затылка до хвоста, встала дыбом. — Ну, считай, что, кроме кота, тебе ничего не нужно или ты ничего не заслужил, любезный король! А теперь самая суть! Меня прислали не для того, чтобы я дал тебе рецепт спасения! Если ты хочешь спастись, ищи рецепт в самом себе! Так было всегда, и так всегда будет! — Кот встал, спрыгнул с камня и не спеша подошел к изумленному Бену. — Я устал ходить вокруг да около. Я сказал тебе все, что нужно, чтобы ты мог противостоять примененным против тебя чарам. Я сделал все, но ткнуть тебя носом, чтобы ты увидел истину, я не могу! Это запрещено! Сказочные существа никогда не открывают правду смертным. Но по дороге я охранял тебя, когда тебе грозила опасность, хотя она грозила тебе далеко не так часто, как ты думал. Я наблюдал за тобой и, когда мог, направлял твой путь. Самое главное, что я заставлял тебя думать, и поэтому ты еще жив! — Кот помедлил. — Ну вот, теперь все кончается. Времени думать почти не осталось!

Бен быстро покачал головой:

— Дирк, я не могу просто...

— Дай мне договорить, — огрызнулся кот. — Когда же люди научатся слушать котов? — Зеленые глаза прищурились. — Феи прислали меня, чтобы я помогал тебе, мой король, но они пре-

доставили мне самому выбирать средства. Они не давали мне советов, что делать и говорить. Они не сказали мне, почему они думают, что я могу тебе помочь. Феи так не делают, и коты тоже! Мы всегда поступаем по-своему и живем так, как нам положено. Мы играем в игры, потому что в этом наша природа. Игры кошек или игры фей — все это очень похоже. Наш мир сильно отличается от вашего, любезный король! — Он поднял лапу. — Теперь слушай меня внимательно. Ни у кого нет права получать готовые ответы на вопросы. Никому не поднесут жизнь на блюдечке с серебряной каемочкой — ни коту, ни королю! Если ты хочешь разгадать загадку, думай над ней сам. Ты считаешь, что ты завяз, как в болоте, в неразрешимых сложностях. Ты считаешь, что не можешь из них вылезти. Твое обличье похитили, твой трон украли. Враги тебя осаждают, друзья потеряны. Все это звенья одной цепи, Бен Холидей! Разорви одно звено — и цепь упадет! Но ты сам должен его разорвать, не я и никто другой, только ты. Это я талдычу тебе с самого начала! Ты понимаешь?

Бен поспешно кивнул:

— Понимаю.

Кот опустил лапу:

— Надеюсь, что так. Но я повторю еще раз. Чары, с которыми ты борешься, это чары обмана, кривое зеркало, в котором отраженная правда становится полуправдой и ложью. Если ты увидишь, что за зеркалом, ты обретешь свободу. Если ты обретешь свободу, ты сможешь помочь своим друзьям. Но надо поторапливаться!

Кот потянулся, повернулся, отошел на несколько шагов от Бена и опять повернулся к нему. Теперь на лесной полянке царил покой, даже птицы на деревьях затихли. Над головой по-прежнему сияло солнце, тени ветвей и листьев, все в крупных пятнышках, ложились на поляну, и на Бене и Дирке играли круги и полосы.

— Черный маг Микс боится тебя, Бен Холидей, — тихо сообщил Дирк. — Он знает, что ты почти нашел ответы, которые позволят тебе освободиться, и постарается уничтожить тебя прежде, чем это сделаешь ты. Я дал тебе средства, чтобы найти ответы и победить его. Воспользуйся этими средствами. Ты умный человек. Всю жизнь ты устраивал жизнь других

людей. Законник, властитель — устрой теперь собственную жизнь!

Кот бесшумно, не оглядываясь, двинулся к краю полянки.

— Я приятно провел с тобой время, мой король, — крикнул он Бену. — Мне доставили удовольствие наши странствия. Но теперь они окончены. Меня ждут другие края и другие встречи. Я буду думать о тебе. И возможно, наступит день, когда я снова тебя увижу.

— Подожди, Дирк, — внезапно встав на ноги и борясь с продолжающимся головокружением, крикнул вслед коту Бен.

— Я никогда не жду, Ваше Величество, — уже почти растворившись в тени, ответил кот. — К тому же я больше ничем не могу помочь вам. Я сделал все возможное. Желаю удачи.

— Дирк!

— Помните, что я вам сказал. И постарайтесь время от времени прислушиваться к котам, ладно?

— Дирк, черт бы тебя побрал!

— До свидания.

С этими словами Дирк с Лесной опушки удалился в лес и пропал.

После ухода Дирка Бен Холидей долго смотрел коту вслед, ожидая, что он все-таки вернется. Но Дирк, конечно, не вернулся, и где-то в глубине души Бен знал, что кот не вернется. Когда Бен наконец признал очевидное, он перестал с ожиданием смотреть вдаль и забеспокоился. Впервые после того как его вышибли из замка Чистейшего Серебра, он оказался один-одинешенек и в таком тупике, как никогда. Он утратил свой облик и свой медальон и не имел понятия, как их возвратить. Дирк с Лесной опушки, этот ангел-хранитель, покинул Бена. Ивица исчезла с черным единорогом, приняв Бена за незнакомца. Друзей Бена раскидало в разные стороны. Микс умчался за волшебными книгами и скоро вернется, чтобы прикончить Бена.

И вот он сидит и ждет, когда это случится.

Бен был ошеломлен. Он как будто утратил способность ясно мыслить. Пытался рассуждать, что теперь делать, но все так запуталось, загадки смешались с насущными потребностями. Бен встал (движения его были машинальны, взгляд

потух) и подошел к ручейку. Еще раз глянул вслед Дирку, увидел только пустынный лес и отвернулся, чувствуя покорность судьбе. Потом встал на колени у ручья, плеснул водой в закопченное лицо и протер глаза. Вода была холодная как лед, для состояния Бена это была настоящая встряска. Бен плеснул еще, обдал водой голову и плечи, надеясь, что холод взбодрит его. Потом сел; с лица капала вода, он пристально смотрел в воды ручья.

«Думай! — приказал он себе. — У тебя есть все ответы. Дирк сказал, что у тебя есть все ответы. Ну так где же они, черт возьми?»

Бен подавил почти непреодолимое желание вскочить и броситься в лес. Действие принесло ему немедленное облегчение: делать хоть что-нибудь лучше, чем сидеть вот так. Но положение требовало не бессмысленной беготни, а размышления. Бену нужно было понять, что ему делать, осознать раз и навсегда, что произошло.

Звенья в цепи, сказал Дирк. Все вопросы Бена — звенья в цепи, все они связаны. Разорви одно звено, и цепь распадется. Хорошо. Он это сделает. Он разорвет одно звено. Но какое?

Бен разглядывал в водах ручья свое подернутое рябью отражение. Из воды на него, поблескивая, смотрел искаженный образ Бена Холидея. Но это был он, а не кто-то другой, не чужак, которого видели в нем все. Почему же все видят его по-иному? Потому что на нем маска, сказал Дирк, и она заслоняет лицо. Бен долго пялился на свое отражение, потом снова поднял взгляд и тупо воззрился на случайную кучку диких цветов, растущих в нескольких метрах от ручья.

Чары обмана, сказал Дирк.

Чьи чары? Какого обмана?

Чары самого Бена, сказал Владыка Озерного края. Он предложил помочь, даже попытался помочь, но в итоге ничего не вышло. Бен сам себя заколдовал, сказал Владыка, и только сам Бен может разрушить эти чары.

Какие именно чары?

Бен старался сообразить, но на ум ничего не приходило. Бен, сгорбившись, сидел у ручейка на тенистой полянке, мысли текли свободно. Он возвращался к той ночи в замке Чистейшего Серебра, когда словно из ничего перед ним появился Микс.

Вот тогда все пошло наперекосяк, и Бен потерял медальон. Что-то теребило память, но Бен тщетно пытался ухватиться за этот пустяк. Он потерял медальон, потерял свой облик, потерял волшебную силу, потерял трон. Вот звенья цепи, которую надо разбить. Бен вспомнил, как был потрясен, обнаружив пропажу медальона. Он вспомнил свой страх.

У Бена мелькнула внезапная мысль, и память отозвалась. Феи что-то говорили ему о страхе. Они говорили с Беном лишь раз, уже давно, когда Бен пошел в туманы просить волшебный порошок, когда Бен только приехал в Заземелье и вынужден был сражаться, чтобы подтвердить свое право на трон, так же как вынужден сражаться теперь. Что феи тогда сказали? «У страха множество личин. В следующий раз ты должен суметь их распознать».

Бен нахмурился. Личины? Маски? Это почти одно и то же, рассуждал он. Интересно, что значили слова фей? Тогда он думал, что эти слова намекают на предстоящую встречу с Железным Марком. Но что, если слова относились к тому, что произошло с ним сейчас, к страху после потери медальона?

Могли феи так давно предвидеть эту потерю? Или это было просто общее предупреждение, просто...

О волшебной силе этой земли?!

Бен смущенно полез за ворот рубашки и вытащил нынешний медальон, медальон, который дал ему Микс, с грубо выгравированным темным профилем колдуна. Все началось с этого — все вопросы, все тайны, все непонятные события, которые лишили Бена разума и увлекли его в трясину страха и сомнения. Как это могло произойти? — уже в сотый раз удивлялся Бен. Как он мог потерять медальон и не знать об этом? Как Микс мог взять у Бена медальон, который мог снять только сам Бен? Это вздор! Даже если медальон снял сам Бен, почему он этого не помнит?

А что, если он не снимал медальона?

У Бена вдруг засосало под ложечкой. О Боже!

А что, если он до сих пор его носит?

Что-то подгоняло Бена к дальнейшим размышлениям. Он будто видел, как какой-то инструмент пилит его цепь. Самообман, сказал Дирк. Собственные чары, сказал Владыка Озерного края. Черт возьми! Бен чувствовал, как от волнения уча-

щается дыхание, слышал, как колотится сердце. Он мыслит логично. Он нашел единственный логичный ответ. Микс мог взять у Бена медальон, только если Бен сам его снял, но Бен не помнит, чтобы он снимал медальон. Ну конечно же, Бен медальона не снимал!

Микс просто заставил Бена так думать.

Но каким образом?

Бен попытался обдумать все по порядку. Руки Бена дрожали от волнения, медальон вертелся на цепочке. Это был по-прежнему медальон королей Заземелья, просто Бен не сознавал этого. Могло ли так быть? Ум Бена бросился просчитывать варианты, которые быстро, настойчиво шептал ему внутренний голос. Бен все еще носил тот самый медальон! Микс только как-то скрыл, что медальон настоящий, что это не подделка. Вот почему Микс не прикончил Бена сразу же в спальне. Микс боялся, что появится Паладин, что маска слишком новая, слишком непрочная. Поэтому колдун отпустил Бена, сделав ему странное предупреждение не снимать поддельный медальон. Но Микс ждал, что Бен рано или поздно нарушит это предупреждение. Микс надеялся, что Бен, желая обрести свободу, снимет медальон и выбросит его. И тогда Микс завладеет медальоном навсегда!

Мысли Бена неслись дальше. «Язык», — вдруг подумал Бен. Как он может говорить по-заземельски, если на нем нет медальона? Давным-давно Тьюс сказал Бену, что он сможет писать и говорить по-заземельски, только пока на нем медальон! Как Бен не подумал об этом раньше? И волшебник... волшебник всегда удивлялся, как Миксу удавалось отбирать медальон у неудачливых претендентов на престол, которые отказывались отдать медальон добровольно. Вот так и удавалось! Микс внушал, что они уже потеряли медальон, и хитростью заставлял их его снять.

Боже мой! Неужели все это возможно?

Чтобы успокоиться, Бен сделал глубокий вдох. А что еще может быть? И тут же ответил — ничего. Это единственный разумный ответ. Крылатый демон прекратил нападать на нимф в Вечной Зелени Владыки Озерного края не из-за того, что увидел Дирка; демон бежал потому, что увидел в руках Бена медальон и испугался. Демон понял правду, а Бен нет. Чары

скрывали от Бена правду; колдовской рецепт, примененный Миксом той ночью в спальне, очень стар, внезапно подумал Бен. Ночная Мгла так и сказала Страбону. Поэтому ведьма и дракон смогли распознать правду!

Но как действует это колдовство? Каким образом изменило образ Бена? Что нужно, чтобы разрушить чары?

Вопросы сыпались один за другим, и Бен лихорадочно искал ответы. Обман — вот ключевое слово, Дирк употреблял это слово постоянно. И Бен принял обман за правду. Бен позволил себе обмануться. Черт возьми! Он своими руками выстроил себе тюрьму! Микс заставил Бена подумать, что он потерял медальон.

Но в таком случае можно ведь просто...

Бен боялся закончить мысль, боялся, что он ошибается... Ему надо проверить свою догадку, чтобы быть уверенным.

Бен снова вгляделся в воду, наблюдая, как мерцает и меняется от легкой зыби его лицо. Маска, подумал он. Все видят его в этой маске, кроме него самого. Бен успокоился, держась за цепочку, вытащил медальон, и перед ним в отблесках тусклого серебра, отражая солнечный свет, медленно закачался и закружился образ Микса. Бен намеренно замедлил дыхание, биение сердца и само время. Он сосредоточился на потускневшем изображении и начал следить за тем, как прекращается вращение и наконец медальон становится почти неподвижным. Тогда Бен выбросил из головы стоящий перед ним образ и заменил его картинкой из памяти, с Паладином, выезжающим из ворот замка Чистейшего Серебра на фоне восходящего солнца. Бен перестал обращать внимание на тусклость и потертость медальона и представил себе гладкое серебро. Он отдался воображению.

Но ничего не изменилось. Медальон продолжал отражать образ Микса. Бен подавил возобновившийся приступ тревоги и заставил себя сохранять спокойствие. Чего-то не хватает. Но чего?

Бен тщательно рассматривал, взвешивал и отметал варианты. Он продолжал пристально смотреть на медальон. Вокруг был все тот же горный лес, полная тишина, прерываемая лишь короткими трелями птиц и шелестом пробегающего по листьям ветерка. Бен был прав, он знал, что прав. Разорви первое звено, остальные порвутся сами. Цепь распадется. Бен

снова станет самим собой, могущество Паладина вернется, волшебная сила Бена тоже. Надо только найти ключ...

Бен вдруг прервал ход мысли. Пальцы медленно скользили по цепочке медальона, легко поглаживая потускневшую поверхность, потом Бен взял талисман в ладонь. Прикосновение медальона было противно, но Микс этого и добивался. Бен сомкнул пальцы. Он держал медальон, крепко сжимая его, ощущая выгравированный образ и представляя себе, что это не Микс, а Паладин выезжает на рассвете из замка Чистейшего Серебра навстречу Бену...

Что-то начало происходить. Медальон потеплел, ощущение слегка изменилось. Бен сжал медальон еще крепче и еще больше сосредоточился на желаемом, но скрытом от глаз образе. Бен закрыл глаза. Образ Паладина был маяком, светившим Бену в этой ночи. Медальон раскалился, но Бен продолжал сжимать его. Бен ощущал изменения, будто что-то сошло с него, какая-то шелуха. Да! Медальон продолжал раскаляться, потом резко вспыхнул, вспышка пронзила все тело Бена, прошла насквозь и растворилась в воздухе.

Вернулось ощущение прохлады. Бен неторопливо открыл глаза, затем разогнул пальцы. Он посмотрел на лежащий в ладони медальон. Медальон был гладкий и блестящий. Такой гладкий, что отражал лицо Бена. С медальона на Бена смотрел Паладин.

Бен позволил себе улыбнуться во весь рот какой-то дурацкой улыбкой. Все-таки Бен был прав. На нем все время был его медальон.

Он разорвал сковывавшую его цепь!

ГЛАВА 19

ОТКРОВЕНИЕ

Ивица пошевелилась; она медленно, лениво стряхивала с себя дрему, и сознание возвращалось. Солнце грело кожу, высокая трава щекотала лицо. Ивица моргнула, прищурилась

от внезапного яркого света и снова закрыла глаза. Ей снился сон, или это был не сон? Она летела на облаке, управляя ветрами, которые боролись с ней, подхлестывали ее и несли по всему свету, как крылатую птицу. Ивица опять моргнула, чувствуя притяжение земли. Тогда Ивица была так свободна!

Потом блаженное ощущение ушло, и, внезапно все вспомнив, она сразу же проснулась. Ивица вздрогнула и резко села. Это был не сон. Это она бежала от коварного Микса, крылатого демона и от всех остальных...

Ивицу затрясло. Она заставила себя снова открыть глаза, щурясь на солнце. Она сидела у широкой поляны, в роще из деревьев твердых пород и редких сосен, которые находились почти в тени Мирвука. Позади возвышались стены древней крепости, острые зубцы были резко очерчены на фоне послеполуденного неба. Вниз уходил усеянный цветами холм, их запах стоял в неподвижном влажном воздухе. Горы были странно безмолвны.

Ивица отвела взгляд. Поодаль, метрах в десяти, стоял и смотрел на нее черный единорог, на его изящной шее все еще была уздечка из золотых нитей.

— Я скакала на тебе, — почти беззвучно прошептала Ивица.

Поток вызванных памятью образов и чувств окатил Ивицу, будто ледяной водой, ощущения поразили своей остротой. Когда, напуганная происходящим, в каком-то исступлении стремясь скрыться от окружающего кошмара, Ивица оседлала черного единорога, она едва ли понимала, что делает. Все было не таким, каким казалось: Бен — не Бен, незнакомец, который выдавал себя за Бена, — не незнакомец, кот — не кот, все — не то! Повсюду огонь и разрушение — кругом ненависть! Ивица мечтала только бежать, черный единорог, ощущая на себе тепло ее тела, увлек за собой. Пальцы Ивицы были на золотой уздечке, руки обнимали хрупкую шею, лицо сильфиды прижалось к сказочному существу... Образы возникали и исчезали, это были скорее чувства, чем картины, шепот желания и мольбы.

Дыхание Ивицы участилось. Она воочию сейчас увидела, как, не отдавая себе отчета, вскочила на черного единорога, и ее полет, настоящий полет, был волшебным. Ощущение времени и пространства исчезло, осталось лишь острое ощущение бытия. Единорог не просто унес Ивицу прочь от того луга. Единорог унес ее прочь от всего внешнего, чтобы она

заглянула в себя и узнала, кто она и кем может стать, и понимание этого ошеломило ее и наполнило изумлением. Единорог так открыл ей суть и смысл жизни, как она никогда не смогла бы постичь. Одного прикосновения сказочного существа было достаточно — больше ничего не надо было. Когда Ивица вспомнила это ощущение, на глаза навернулись слезы. Образы сейчас странно потускнели, но испытанные ею чувства остались свежими и сильными. Как это было чудесно!

Ивица смахнула слезы и встретила взгляд величественного единорога. Он все еще ее ждал. Он не убежал, как мог бы и, возможно, как должен был. Он просто ждал.

Но чего? Чего он от нее хочет?

Ивица смутилась. По правде говоря, она не понимала. Она смотрела в изумрудные глаза черного единорога и жалела, что сказочное существо не может говорить. Ивице очень хотелось знать. Вот оно, это чудесное создание, почти покорно ждет ее, пока она размышляет, является ей еще раз, а она не имеет понятия, что ей делать. Она чувствовала беспомощность и страх. Она чувствовала себя глупой.

Но Ивица знала, что нельзя давать волю таким чувствам, и решительно выбросила их из головы. Возможно, Микс все еще гонится за девушкой и единорогом, очень может быть. Кот, кем бы он ни был, не сможет задержать колдуна надолго... Миксу нужен черный единорог, незнакомец был прав. Это значит, что незнакомец, вполне возможно, был прав и насчет снов.

А это, в свою очередь, значит, что незнакомец, вероятнее всего, был Беном.

Отчаянная, страстная тоска захлестнула Ивицу, но она быстро подавила это чувство. Сейчас не время. Черный единорог в опасности, и надо что-то сделать, чтобы помочь ему. Было ясно, что он полагается на Ивицу и чего-то от нее ждет. Надо выяснить — чего.

Есть лишь один путь. Чутье подсказало его Ивице. Надо прикоснуться к единорогу и отдаться его волшебной силе. Прислушаться к его голосу.

Стараясь успокоиться, Ивица медленно, глубоко дышала. Ее тошнило от внезапного страха. Она собирается сделать немыслимое. Что касается единорога, тот уже не был самим собой. И никогда не будет вновь. Правда, она уже касалась ска-

зочного существа: задела его тело, когда надевала золотую уздечку, и прижалась к нему, когда скакала сюда. Но оба раза Ивица едва сознавала, что делает; это было как в коротком чудесном сне. А сейчас она хотела прикоснуться к нему намеренно, по своей воле и рискнуть всем. Легенды гласили одно и то же: единорог не принадлежит никому. Прикоснись к нему — и ты пропал.

Но она все равно это сделает. Решение принято. Черный единорог — не только легенда тысячелетней давности, не только преследующий Ивицу сон и даже не только действительно существующее животное. Черный единорог — неодолимое стремление, которое стало важной, бесспорной частью существа Ивицы, он загадка, которую необходимо разгадать. Изумрудные глаза единорога отражали самые тайные помыслы Ивицы. От него она ничего не могла скрыть. Ее выдавало собственное тело — оно неудержимо тянулось к единорогу. Ее одолевало желание, которого она прежде не знала. Перед этим желанием отступала опасность — и реальная, и мнимая. Ивица любой ценой раскроет тайну единорога. Ивица должна знать правду.

Сильфиду бросало то в жар, то в холод, но когда она встала и пошла вперед, то почувствовала себя легче перышка. Она дрожала, ужас и ожидание лишили ее разума и оставили лишь одно стремление.

«О Бен! — в отчаянии думала Ивица. — Почему тебя здесь нет?»

Черный единорог терпеливо ждал, неподвижный, как статуя из черного дерева, весь в пятнышках теней, глаза неотрывно смотрели в глаза Ивицы. Возникло странное ощущение, что глаза единорога всегда отражались в глазах сильфиды, что именно этого она больше всего и хотела и ее мечта исполнилась.

— Мне нужно понять, — наконец, встав перед единорогом, прошептала Ивица.

И медленно подняла руки.

Когда-то пестревший травами и дикими цветами луг теперь обратился в выжженную, обугленную, дымящуюся полоску бесплодной земли посреди леса. Советник Тьюс стоял на краю этой полоски и тщетно вглядывался в завесу дыма. Волшебник с головы до ног был покрыт пылью и пеплом;

высокая сутулая фигура больше прежнего походила на огородное пугало, серый балахон и цветные шелковые ленты разорваны и опалены, клоунские кожаные башмаки грязные и потертые. От последних волшебных залпов, которыми обменялись Микс, демон и Дирк с Лесной опушки, советник взлетел на воздух. Ветер подтолкнул волшебника в спину, и он оказался в весьма рискованной позе на ветке старого красного клена, к всеобщему восторгу живущих на дереве белок и птиц. Абернети, кобольдов и гномов видно не было. Бен Холидей, Ивица и черный единорог исчезли. Тьюс слез с клена и пошел искать их. И никого не нашел.

И вот странствия привели волшебника обратно на то место, где он последний раз видел друзей. Там тоже никого не оказалось.

Советник глубоко вздохнул, его совиное лицо прорезали тревожные морщины. Волшебнику хотелось бы понять, что происходит. Теперь он убедился, что незнакомец, который выдавал себя за Бена Холидея, действительно Бен Холидей, а человек в обличье Бена Холидея на самом деле Микс. Сны, увиденные Ивицей, Беном и самим Тьюсом, наслал его сводный брат, и они были частью более крупного плана: завладеть Заземельем и прибрать к рукам все волшебство. Но это знание ничего не дало советнику. Он так и не понимал, какое отношение ко всему этому имеет черный единорог и какой план пытался осуществить Микс. И хуже всего, что Тьюс не имел понятия, как это узнать.

Волшебник почесал густо заросший подбородок и снова вздохнул. Конечно, должен быть способ. Надо только его вычислить.

— Гм-м-м, — в раздумье изрек советник.

Но раздумье не давало результатов. Тьюс пожал плечами. Да, нет смысла дальше стоять здесь.

Волшебник повернулся и оказался лицом к лицу с Миксом. Сводный брат снова принял свой обычный вид высокого угловатого старика с седыми волосами и тяжелыми мертвыми глазами. Темно-синяя мантия покрывала его как саван. Он стоял меньше чем в десяти метрах от Тьюса, среди деревьев, шагах в двух от края луга. Здоровой рукой в черной перчатке он прижимал к груди разыскиваемые волшебные книги.

У советника Тьюса душа ушла в пятки.

— Я долго ждал этой минуты, — прошептал Микс. — Я был очень терпелив.

В мозгу Тьюса промелькнуло множество беспорядочных мыслей и осталась только одна.

— Я тебя не боюсь, — спокойно сказал он.

У Микса было непроницаемое лицо.

— А зря, братец. Ты считаешь себя волшебником, а ты все еще ученик. И никогда не станешь настоящим чародеем. Я владею волшебной силой, о которой ты даже помыслить не можешь! Я могу сделать что угодно!

— Но не поймать черного единорога, — храбро ответил советник.

Мертвые глаза на миг вспыхнули яростью.

— Вы ничего не понимаете: ни ты, ни Холидей, ни все остальные. Вы ввязались в игру, которая вам не по зубам, и играете плохо. Вы препятствие, которое надо убрать. — Бледное морщинистое лицо застыло в маске смерти. — Я пережил изгнание и крушение планов, и все это из-за тебя и этого шутейного короля, и до сих пор не понимаете, что вы сделали. Вы жалкие людишки!

Темная мантия дернулась там, где висел пустой правый рукав.

— Твое время в этом мире почти истекло, братец. Ты остался один. Призматический кот больше мне не страшен. Холидей бессилен и растерян. Сильфиде и черному единорогу бежать некуда. Все остальные в моей власти, все, кроме пса, а пес не в счет.

У советника упало сердце. Его друзья — пленники, все, кроме Абернети?!

Теперь Микс улыбался холодной, пустой улыбкой:

— Больше никто не может мне угрожать, только ты, братец. И вот я тебя поймал.

Тьюс выпрямился, словно жердь проглотил, гнев пересилил страх.

— Ты меня еще не поймал! И не поймаешь!

Микс засмеялся беззвучным смехом:

— Ты так думаешь?

Он слегка наклонил голову, и из-за деревьев выскочили десятки теней. Они превратились в маленьких кривобоких ребятишек с торчащими кверху ушами, морщинистыми ли-

цами и чешуйчатыми телами. Поросячьи пятачки принюхивались к лесному воздуху, змеиные язычки скользили по рядам острых зубов.

— Бесенята! — тихо воскликнул советник.

— Слишком много на одного, так? — с нескрываемым удовольствием прошипел сводный брат. — Я не хочу терять с тобой время, Тьюс. Лучше я оставлю тебя им.

Бесенята окружили советника, глаза у них горели от волнения, языки облизывали пятачки. Микс был прав. Бесенят было слишком много. Но волшебник не отступал. Пытаться бежать не было смысла. Единственный выход — сбить их с толку...

Метрах в пяти от Тьюса бесенята плотно сомкнули кольцо; вокруг были безобразные мордочки и острые зубы, и тут Тьюс развернулся, взмахнул руками, и все бесы взмыли в воздух. Откуда ни возьмись появились дым и пар и раскидали исчадия ада, а советник отчаянно ринулся в спасительную тень деревьев, перепрыгивая, как через лужу, через извивающихся ослепленных бесенят. Вслед ему неслись гневные визги. Бесенята почти сразу же вскочили и понеслись в погоню. Тьюс повернулся к ним. Он снова послал в гущу бесенят волшебный залп, и их опять разметало в разные стороны. Но бесенят было множество! Они нападали отовсюду и с верещанием и визгом хватали советника за мантию. Он пробовал защищаться, но было слишком поздно. Они прыгали на него со всех сторон, дергали его и удерживали за руки. Под грузом бесенят советник осел на землю и повалился.

Пальцы с когтями потянулись к его одежде, затем к горлу. Советник начал задыхаться. Он отважно боролся, но его держали десятки рук. Перед глазами у него плясали вспышки.

За спинами бесенят Тьюс на миг увидел улыбающееся лицо Микса и потерял сознание.

Руки Ивицы почти коснулись изящной, будто выточенной из черного дерева головы единорога, как вдруг послышался легкий шелест листьев и кустарника и звук приближающихся шагов. Ивица в испуге и тревоге быстро отдернула руки от единорога.

Минуту спустя из листвы высунулась лохматая физиономия и напряженно уставилась на Ивицу сквозь сидящие набекрень очки.

Это был Абернети.

— Ивица, это ты? — недоверчиво спросил писец.

Он отстранил мешающие ветки и вышел на поляну. Его парадное платье изорвалось в клочья, рубашка еле-еле держалась. Башмаки исчезли. Шерсть была опалена, а морда выглядела так, словно он валялся в золе. Абернети тяжело дышал, язык облизывал черный нос.

— Должен тебе сказать, что я знавал лучшие времена, — заявил пес. — Может, знавал и худшие, да только не помню когда. Сначала я таскаюсь чуть ли не по всему свету, одному Богу известно зачем, разыскивая тебя и это... это животное, потом мы находим, но не только тебя и животное, а еще Микса и демона, дальше появляется кот и следует обмен волшебными залпами с той только пользой, что сжигается целый участок леса, и наконец нас раскидывает в разные стороны!

Он набрал полную грудь воздуху, медленно выдохнул и огляделся кругом:

— Ты кого-нибудь видела?

Ивица покачала поникшей головой:

— Нет, никого.

Она думала о единороге, о захлестнувшем ее порыве, о желании протянуть руки и прикоснуться...

— Что ты здесь делаешь? — вдруг спросил Абернети, и его тон испугал сильфиду. Писец заметил ее ужас. — Ивица, что-то случилось? Что ты здесь делаешь с единорогом? Ты знаешь, как опасно это существо. Отойди от него. Поди сюда, я посмотрю на тебя. Король захочет...

— Ты его видел? — в волнении проговорила Ивица, хватаясь за упоминание о Бене как за спасательный круг. — Он близко?

Абернети поправил очки:

— Нет, Ивица, я его не видел. Он потерялся, как и все остальные. — Пес помолчал. — С тобой все в порядке?

Спасательный круг исчез. Ивица молча кивнула. Она чувствовала жар послеполуденного солнца, дневной зной и душный воздух. Она была словно в тюрьме, и тюрьма грозила похоронить Ивицу навсегда. Щебет птиц и жужжание насекомых умолкли, присутствие Абернети потеряло смысл, и черный единорог снова с неудержимой силой стал притягивать Ивицу. Она отвернулась от писца и вновь протянула руки.

— Подожди! — закричал Абернети. — Что ты делаешь, девочка? Не трогай это существо! Ты не понимаешь, что с тобой будет?

— Отойди, Абернети, — тихо ответила Ивица, но все-таки заколебалась.

— Ты что, не в своем уме, как все они? — сердито рявкнул пес. — Тут что, все свихнулись? Никто, кроме меня, не понимает, что происходит? Ивица, сны — ложь! Микс привел нас на это место, хитростью заставил служить своим интересам и всех нас одурачил! Этот единорог, возможно, орудие Микса! Ты не знаешь, какова роль этого зверя! Не трогай его!

Ивица быстро оглянулась на пса:

— Я должна. Мне нужно.

Абернети шагнул вперед, увидел предостережение в зеленых глазах сильфиды и резко остановился.

— Ивица, не делай этого! Ты знаешь хроники, легенды! — Его голос понизился до шепота. — Девочка, ты пропадешь!

Ивица долго молча смотрела на пса, а потом улыбнулась:

— В этом все дело, Абернети. Я уже пропала.

Она мгновенно подняла руки и обняла черного единорога за шею.

Ивицу будто пронзил лютый огонь. Огонь по пальцам проникал в руки и жег все тело. Под напором этого пламени Ивица оцепенела и ее затрясло. Она откинула назад голову и стала ловить ртом воздух. Она слышала, как сзади неистово кричит Абернети, но затем он как будто исчез. Он стоял на том же месте, но Ивица его не видела. Она не видела ничего кроме морды единорога, словно отделившейся от тела и висящей в воздухе на фоне неба. Огонь поглотил Ивицу, смешался с ее желанием и обратил его в неутолимую страсть. Ивица уже не владела собой, ее куда-то несло. Еще миг — и она совсем перестанет быть собой.

Она пыталась оторвать руки от сказочного существа и не смогла. Она слилась с единорогом. Они были единым целым.

Потом крутой рог, источник волшебной силы, раскалился добела, и в мозгу Ивицы замелькала вереница образов. Вот какое-то пустое, холодное пространство. Огонь и цепи, белые гобелены, на которых вытканы прыгающие и скачущие единороги; вот волшебники в темных мантиях, вещающие бесконечную череду заклятий. Там были также Микс, Бен и Паладин.

И наконец раздался такой вопль тоски и ужаса, что образы разбились вдребезги, точно были сделаны из хрусталя.

«Освободи меня!»

Этот вопль причинил Ивице невыносимую боль. Она тоже закричала и резко отшатнулась назад, наконец оторвав руки от единорога. Споткнулась и чуть не упала: руки Абернети быстро подхватили ее и поставили на ноги.

— Я видела! — задыхаясь, прошептала Ивица и больше не могла говорить.

Но эхо от ее крика еще долго отдавалось в лесу.

ГЛАВА 20

БИТВА

Крик Ивицы настиг Бена Холидея, склонившегося над лесным ручейком, когда Бен наконец вернул себе прежний облик и осторожно, еще не веря самому себе, сжимал в ладонях сверкающее серебром чудо — медальон королей Заземелья. Крик вылетел из гущи деревьев тонким, высоким воплем страха и гнева, пронесся по ущельям, как свист ветра, и завис в неподвижном горном воздухе.

Бен резко поднял голову и обернулся. Ошибки быть не могло. Это крик Ивицы.

Бен вскочил мгновенно, уверенно сомкнул пальцы на медальоне и стал пристально вглядываться в лесные тени, словно то, что угрожало сильфиде, поджидало Бена в лесу. Его захлестнула волна страха и ужаса. Что с Ивицей? Бен пошел вперед, остановился, в отчаянии обернулся и понял, что он не может определить, откуда шел крик. Казалось, он доносился отовсюду. Проклятие! Микс тоже наверняка слышал этот крик — Микс и его крылатый демон. Может, колдун уже...

Бен так крепко сжал медальон, что тот врезался в мякоть ладони. Ивица! Перед мысленным взором Бена возник образ сильфиды, хрупкой, прекрасной девушки, за жизнь которой он в ответе. Бен снова вспомнил, как Мать-Земля обязала его заботиться об Ивице, и свое обещание. Буря нахлынувших

чувств измотала Бена и чуть не довела его до безумия. Признания, которые он скрывал от самого себя, раздирали душу.

Признания сводились к одному. Он любит Ивицу. Бен ощутил теплый прилив: это было удивление и безумное облегчение. Все это время Бен отрицал свои чувства, он был не в состоянии принять их. После гибели Энни, его жены, он не желал испытать их еще раз. Любовь предполагает ответственность и приносит раны и утраты. Ничего этого Бен не хотел. Но чувства не исчезали — так обычно и бывает, — потому что он их с самого начала не осознавал. Они заявили Бену о своем существовании в первую ночь, проведенную на Восточных Пустошах после побега от Страбона и Ночной Мглы, во сне, когда Бен обсуждал с Дирком с Лесной опушки, почему необходимо разыскать Ивицу.

«Почему ты так бежишь? Почему ты так спешишь? Почему ты ищешь Ивицу?» — спрашивал Дирк. «Потому что я люблю ее», — отвечал Бен.

И это было правдой, но до той минуты Бен не позволял себе помыслить об этом, рассуждать на эту тему, думать о том, что это значит.

Сейчас он проделал все это за считанные секунды. Мысли, рассуждения, раздумья — все промелькнуло в мозгу Бена в мгновение ока. Будто Бен так долго принимал решение, что все успело спрессоваться в один миг.

Но этого мига было достаточно.

Бен не колебался. Время колебаний кончилось, казалось, тысячу лет назад. Бен выпустил из рук медальон с выпуклым серебряным изображением, и тот упал ему на грудь, солнце послало яркие блики в пестрый лес.

Бен призвал Паладина.

Вспышка света озарила край прогалины, разогнав мрак и тени. Бен с признательностью поднял голову, глаза сияли от волнения — король Заземелья уже начал жить своей прежней жизнью.

Из лучей света появился Паладин. Белый конь храпел и бил копытами. Серебряные доспехи сверкали, сбруя, постромки скрипели. Оружие висело наготове. Призрак прошлого вернулся к жизни.

Бен ощущал, как медальон начинает жечь его грудь то льдом, то пламенем, чувствовал, как он словно раздваивается, отделяясь от собственного тела.

«Ивица!» — прозвучал в мозгу собственный крик.

Это была последняя мысль Бена. Медальон вспыхнул серебряным светом, луч прорезал прогалину и достиг ждущего Паладина. Луч подхватил Бена и соединил его со странствующим рыцарем. Доспехи зазвенели, застежки застегнулись, зажимы захлопнулись. Бена сковал железный панцирь, стерев память о том, кем был Бен. Он полностью слился с Паладином, вошел в его плоть, поток мыслей и образов, охватывающих тысячи чужих краев и времен, тысячи чужих жизней, — все это теперь принадлежало воину, чьи боевые качества были непревзойденными, воину, который был непобедим.

Бен Холидей исчез. Он стал Паладином.

Увидев оборванного человека, который стоял как вкопанный у маленького ручья, бородатый и нечесаный, помятый и потрепанный, рыцарь узнал в этом человеке короля Заземелья и тут же забыл о нем.

Пришпорив белого коня, рыцарь ринулся вперед через кусты и кочки в глубь леса и был таков.

Микс почти сразу же появился на крик Ивицы. Он выехал из тени осыпающихся стен Мирвука верхом на крылатом демоне, темная мантия развевалась, заслоняя солнечное небо. Демон с шипением взгромоздился на холм и тяжело уселся на его дальнем конце среди сосен. Из ноздрей брызгали искры. От спины шел пар.

Микс медленно соскользнул с чешуйчатой шеи демона, тяжелый взгляд вперился в черного единорога, который неистово храпел и бил копытами метрах в пятнадцати от колдуна. В здоровой руке Микс крепко держал волшебные книги.

Стараясь защитить все еще дрожавшую Ивицу, на его пути встал Абернети.

— Отойди от нас, колдун! — приказал писец.

Микс не обратил внимания на Абернети. Колдун смотрел на единорога. Микс прошел несколько шагов вперед, бегло взглянул на Ивицу и пса, снова посмотрел на единорога и остановился. Казалось, колдун чего-то ждал. Единорог дрожал и вставал на дыбы, будто его уже поймали, но не убегал.

— Ивица, что происходит? — потребовал ответа Абернети.

Сильфида едва могла стоять на ногах. Она покачала головой, словно во сне, и сказала почти неслышно:

— Я видела. Видела. Образы, все... Но их было... так много, я не могу...

В ее словах не было смысла, казалось, она все еще не может оправиться от потрясения. Абернети помог ей добраться до покрытого травой и цветами клочка земли и нежно усадил ее. Потом он снова повернулся к Миксу.

— Она не может тебе навредить, волшебник! — выкрикнул Абернети, на мгновение притянув к себе тяжелый взгляд. — Отпусти ее! Тебе нужен единорог, получай его, хотя не представляю, зачем он тебе понадобился. Известно, что он всегда приносил несчастье всем, кто с ним сталкивался!

Микс, не говоря ни слова, продолжал смотреть на писца.

— Волшебник, через несколько минут сюда придут наши друзья! — заявил Абернети. — Лучше поторапливайся!

Микс холодно улыбнулся.

— Подойди ко мне на минутку, писец, — мягко проговорил он. — Мы это обсудим.

Абернети быстро оглянулся на Ивицу, глубоко вздохнул и пошел через поляну. Он так боялся, что едва передвигал ноги. Меньше всего ему хотелось идти к этому колдуну и его любимому демону, но Абернети пересилил себя. Он храбро выпрямился и решил довести дело до конца. Выбора не было. Абернети должен был помочь девушке, и, казалось, он нашел единственную возможность. День был теплый и спокойный, чудесный день для чего угодно, только не для того, что предстояло сделать Абернети. Он двигался как можно медленнее и молился, чтобы друзья прибыли раньше, чем он станет очередной жертвой колдуна.

В десяти шагах от Микса Абернети остановился. На грубом лице колдуна была маска хитрости и лживой доброты.

— Пожалуйста, ближе, — прошептал Микс.

И тут Абернети понял, что он обречен. Он не сможет убежать. Вероятно, ему удастся на несколько минут оттянуть развязку, и это все. Но для Ивицы важны даже несколько минут.

Абернети прошел пять шагов и снова остановился.

— Что мы будем обсуждать? — спросил он.

Холодная улыбка исчезла.

— Возможность, что твои друзья через несколько минут прибудут к тебе на помощь.

Микс сделал короткий жест рукой, держащей книги, из-за деревьев показались маленькие скрюченные фигурки и стали окружать поляну. Фигурки были повсюду, образуя кольцо. Безобразные поросячьи рыльца с острыми зубами и длинными языками нетерпеливо фыркали и визжали, нарушая тишину. Абернети почувствовал, как шерсть у него встает дыбом. Десятки маленьких чудищ выволокли из-за деревьев советника Тьюса, Сапожка, Сельдерея и кыш-гномов. Все были закованы в цепи, во рту у каждого торчал кляп.

Микс повернулся. Улыбка появилась снова.

— Кажется, от твоих друзей будет мало толку. Но хорошо, что ты подождал, пока они к нам присоединятся.

Абернети чувствовал, как улетучивается последняя слабая надежда на спасение.

— Беги, Ивица! — крикнул он.

И затем с диким рычанием бросился на Микса. У Абернети была тайная, но очень ясная мысль застать колдуна врасплох и выхватить у него драгоценные волшебные книги. И писцу это почти удалось. Микс был так занят приемом парада маленькой армии своих любимцев, что ему даже не приходило в голову, что пес может решиться на борьбу. Прежде чем колдун сообразил, что к чему, Абернети уже повалил Микса на землю. Но колдовство работало с быстротой мысли, и Микс сразу же призвал его на помощь. Волшебные книги исторгли зеленый огонь, и Абернети отбросило завесой пламени. Мягкошерстный терьер полетел вверх тормашками и растянулся на земле, шерсть медленно дымилась. Огненная завеса, защищавшая Микса и волшебные книги, вспыхнула и пропала.

Колдун снова устремил взгляд через поляну, туда, где, сгорбившись, сидела Ивица и ждал единорог.

— Наконец-то, — прошептал Микс, и голос его напомнил протяжное шипение.

Он подал быстрый знак ожидающим бесенятам, и кольцо стало смыкаться.

На поляну опустилась тишина, как будто природа приложила палец к губам и сказала миру: «Тс-с!» Время замедлилось. Микс нетерпеливо ждал, когда сомкнется круг бесенят. Крылатый демон тихо похрапывал, из ноздрей валил густой пар. Ивица сидела с опущенной головой, все еще потрясен-

ная, длинные волосы ниспадали, закрывая лицо точно вуаль. Черный единорог потихоньку подошел к Ивице, будто тень выдвинулась из темноты и печально затерялась в свете дня. Единорог опустил голову и нежно потерся о руку Ивицы. Рог, источник белой магии, потух.

Потом из-за горных вершин примчался внезапный порыв ветра и засвистел между деревьями. Голова единорога резко приподнялась, уши навострились, и рог вспыхнул ярче солнца. Единорог распознал звуки, которые не слышал никто, — звуки, знакомые единорогу с седых веков.

С северного края леса, будто вырванные чьей-то могучей рукой, летели деревья, травы и кустарники. В открывшийся коридор ворвался и заревел ветер, яркими белыми вспышками засверкал свет. Микс и его крылатый демон инстинктивно отпрянули, бесенята с визгом упали на землю.

Раскаты грома сменились топотом копыт, и из сумрака выехал готовый к битве Паладин.

Не веря своим глазам, Микс взвыл от ярости. Объятых ужасом бесенят уже разнесло во все стороны, как сухие листья, дрожащие на конце метлы. Бесенята не хотели иметь дело с Паладином. Микс повернулся, крепко прижимая к груди волшебные книги. Он прокричал что-то бессвязное спящему сзади чудищу, и демон с шипением ринулся вперед.

Паладин слегка повернулся, белый конь, почти не замедляя шага, двинулся навстречу демону.

Из пасти демона вырвалось пламя и окутало приближающегося коня и всадника. Но Паладин прорвал огненную стену и поскакал дальше, боевое копье попало в точку. Демон еще раз выдохнул пламя, и огонь снова обрушился на странствующего рыцаря. Ивица подняла голову и увидела, как конь и рыцарь в серебряных доспехах исчезают в пламени. Сильфида вдруг поняла — если Паладин здесь, значит, Бен совсем рядом!

На поляне искры взвивались ввысь от трав и обжигали окружающие деревья. Все мгновенно пожухло от опаляющего жара. Но вот Паладин снова вышел из пламени, от коня и доспехов шел дым и сыпалась зола. Конь почти подмял под себя демона, всадник занес копье. Демон слишком поздно почувствовал опасность, развернул крылья и попытался взлететь. Но копье Паладина раскололо чешую, пробило панцирь и пронзило мощную грудь твари. Чудище взвыло и отпрянуло

назад, боевое копье застряло внутри. Демон попробовал встать, слабо взмахнул крылами и не смог подняться в воздух. Сердце демона не выдержало, и он упал на землю. Рухнул на выжженную траву, содрогнулся и замер.

Паладин прекратил нападение и отъехал подальше от умирающего чудовища. Потом он снова повернул назад, обнажил огромный широкий меч и направил белого скакуна к Миксу, чтобы завершить поединок.

Но Микс уже подготовился.

Суровое старческое лицо с резкими чертами напряглось от сосредоточенности, тонкие губы колдуна растянулись так, что стали видны зубы. Он призывал на помощь все волшебство, которым владел.

На середине пути между приближающимся рыцарем и поджидающим его колдуном вспыхнул зловещий зеленый свет. Микс что-то выкрикнул и застыл. Мотнул головой, и зеленый свет взметнулся языками пламени.

Из огня показалась шеренга вооруженных скелетов на ободранных клячах, полузмеях-полукозах. Ивица считала. Три, четыре, пять — всего их было шесть. В костлявых руках скелеты держали широкие мечи и булавы. Голые черепа улыбались застывшими улыбками. И лошади, и седоки были черны как ночь.

Они разом повернулись и стремительно поскакали на Паладина. Он бросился им навстречу.

Ивица смотрела, как разворачивается битва, сидя возле черного единорога. Сознание вернулось к сильфиде, мысли были ясными. Она видела, как Паладин и уродливые всадники сошлись, раздался лязг металла, взвилась пыль, и один из уродцев грудой костей полетел вниз. Бойцы развернулись и бросились друг на друга, шум столкновения был ужасен. У Ивицы перехватило дыхание, ее мысли сосредоточились не на Паладине, а на Бене. Где он? Почему его не видно? Почему король Заземелья не рядом со своим рыцарем?

Еще один уродец рухнул на землю кучкой костей, затрещавших, как сухие ветки, под копытами коня Паладина. Паладин отъехал прочь, повернулся и помчался на третьего всадника, огромный широкий меч засверкал серебряным светом, описывая смертельную дугу. Оставшиеся всадники съехались, ударили по рыцарю, раздался скрежет, от доспехов полетели искры, всадники теснили Паладина назад.

Ивица поднялась на колени. Паладин был в опасности. Над костями трех поверженных уродцев вспыхнул зеленый огонь, из дыма восстали шесть новых скелетов и присоединились к своим дружкам. У Ивицы захолонуло сердце. Скелеты удвоили мощь. Теперь их было слишком много на одного Паладина.

Ивица вскочила на ноги, решимость придавала ей силы. Тьюс, кобольды и гномы были по-прежнему скованы и беспомощны. Абернети все еще лежал без чувств. Микс всех их вывел из строя. Никто не может помочь Паладину, кроме нее, Ивицы.

Никто не может помочь Бену, кроме нее.

Она знала, что делать. Черный единорог спокойно стоял рядом. Сильфида повернулась к животному, и их взгляды встретились. В зеленых глазах единорога светилось не вызывающее сомнений понимание. Ивица читала в этих изумрудинках, что ей делать, они подтверждали то, что она чувствовала сердцем.

Ивица сделала глубокий вдох, протянула руки и снова обняла единорога.

Волшебство захватило ее сразу, быстро и мощно. Изящное тело единорога вздрогнуло от облегчения, и начались видения. Они наперебой врывались в мозг сильфиды. Ивица пришла в ужас от их напора, ей хотелось кричать, но она не дала волю крику. В этот раз ее не так неудержимо тянуло к единорогу, со стремлением можно было справиться. Ей удалось овладеть собой. Тогда образы остановились, выстроились в четкой последовательности и стали возникать вновь. Тоска и боль, сопровождавшие видения, ослабели; образы стали менее яркими, но более различимыми.

Ивица начала понимать увиденное. Ее пальцы ласкали шелковистую изящную шею единорога, и в них проникало волшебство.

Раздался голос: «Феи! Освободите меня!»

Голос принадлежал единорогу и в то же время шел из пустоты. Единорог был отчасти реальностью, отчасти иллюзией. Образы в мозгу Ивицы появлялись и исчезали, она смотрела, как они проходят. Черный единорог жаждал свободы. Он пришел, надеясь ее обрести. Он верил, что его освободят... Кто?.. Бен! Король сможет освободить единорога, потому что король обладает волшебной силой Паладина, а лишь Паладин способен противостоять опутавшим единорога ча-

рам, чарам, которыми владеет Микс. Но единорог не нашел короля и, одинокий, отправился на поиски. Вместо короля пришла Ивица, она несла с собой золотую уздечку, которую выткали волшебники, чтобы поймать единорога, когда он давным-давно впервые вырвался на волю. Единорог боялся Ивицы и уздечки, не знал намерений сильфиды и бежал от нее, пока не понял, что она желает добра и может ему помочь, привести его к государю и освободить. Ивица узнает короля даже в чужом обличье, даже если король сам себя не узнает...

Образы замелькали быстрее, и Ивица снова с трудом замедлила их, чтобы понять их смысл. Дыхание сильфиды участилось, будто она пробежала огромное расстояние, на лице заблестели капли пота.

В ее мозгу снова раздался голос: «У короля отобрали силу, и, значит, у меня тоже! Меня нельзя освободить!»

Голос звучал почти исступленно. Образы что-то настойчиво шептали. Сны, приведшие Ивицу на поиски черного единорога, — смесь правды и лжи. Часть послана колдуном, а часть феями... «Феями! Сны присланы феями?..» Чтобы открыть правду и собрать нужную силу, все должны сойтись вместе; Паладин встретится с колдуном, и победит сильнейший, тот, кто несет добро, и тогда волшебные книги можно будет наконец раз и навсегда...

Что-то помешало: другие образы, другие мысли, которые черный единорог хранил бесчисленные столетия. Ивица замерла, руки обвили гладкую шею сказочного существа. Она почувствовала, как в ней снова рождается крик, на этот раз неудержимый — крик безумия! Она разглядела в видениях нечто новое. Черный единорог был не одним существом, а многими! «О Бен!» — беззвучно крикнула Ивица. Существа в видениях боролись и не могли освободиться, стремились к тому, чего она не могла понять. Чувства раздирали и сотрясали Ивицу. Плененные души, запертые в неволе тела; волшебство, использованное во зло, — «Бен!».

Потом внезапно возник образ пропавших волшебных книг, запертых в темном тайнике, в тайнике, где пахло злом. Вот из одной книги вырвался огонь, он горел с такой силой, словно в нем рождалась новая жизнь, и из того огня — из этой книги — выпрыгнул чёрный единорог, вновь свободный, вырвавшийся из тьмы к свету, чтобы искать...

Голос раздался в последний раз: «Уничтожьте книги!»

Это был вопль отчаяния. Почти стон. Этот вопль остановил поток образов, этот вопль о помощи затмил все. Он кричал о невыносимой боли.

И наконец, поднимаясь громче звуков битвы, раздался крик Ивицы. Сильфида отпустила черного единорога, покачнулась и упала навзничь, чуть не потеряв сознание от яркости увиденного. Ивица встала на колени и наклонила голову, к горлу подступала тошнота, тело пронзал холод. Ивица думала, что умирает, и в то же время поняла, что это не так. Она ощущала, как рядом дрожит черный единорог.

Слова последнего крика застыли на губах Ивицы: «Уничтожьте книги!»

Ивица приподнялась и прокричала эти слова через всю поляну, через все поле боя.

Слова были как крошечные клочки бумаги, подхваченные ветром. Паладин не слышал их, поглощенный яростной битвой. Микс не слышал их, так как полностью сосредоточился на призванных спасти его заклятиях. Советник Тьюс, Сапожок, Сельдерей, Щелчок и Пьянчужка, брошенные бесенятами, лежали скованные, с кляпами во рту на дальнем конце поляны.

Слышал только Абернети.

Пес еще не до конца пришел в себя, и ему казалось, что слова приходят откуда-то из темноты его собственных мыслей. Он полуосознанно моргнул, услышав эхо слов, затем звуки страшного боя, и заставил себя раскрыть глаза.

Посреди поляны в вихре движений и звуков кружились и налетали друг на друга Паладин и черные всадники. Ивица и черный единорог, маленькие фигурки, стоявшие на краю поляны, казались пленниками. Остальных друзей Абернети не видел.

Пес дышал с трудом, облизывал нос и чувствовал, как тупая, тянущая боль ломит избитое тело. Абернети вспомнил, где он и что с ним произошло.

Он медленно повернулся, чтобы получше оглядеться. Почти рядом с ним стоял Микс. Захваченный битвой между Паладином и уродливыми всадниками, колдун прошел вперед несколько шагов, которые отделяли его от пса.

Слова снова тихо отдались в мозгу Абернети: «Уничтожьте книги!»

Пес попытался встать, но тело не слушалось. Он снова откинулся на спину. Нахлынули другие мысли. Уничтожить книги? Уничтожить его единственную надежду снова стать человеком? Как ему могло такое прийти в голову?

Упал еще один уродец, и послышался хруст костей. Паладина окружили со всех сторон, доспехи почернели от гари, погнулись от ударов мечей и секир. Он проигрывал битву.

Абернети знал, что значит, если Паладин потерпит поражение, и перестал думать о себе. Пес снова попробовал подняться, и ему это почти удалось. Морду исказила гримаса боли.

Микс еще раз шагнул вперед, и вдруг его нога оказалась в нескольких сантиметрах от головы Абернети. На колдуне были мягкие туфли; икры были обнажены.

Гримаса боли у Абернети сменилась оскалом. Ему предоставилась последняя возможность.

Пес быстро поднял голову, схватил колдуна за лодыжку и укусил что было мочи. Микс вскрикнул от боли и удивления, раскинул руки, и волшебные книги взмыли в воздух.

После этого все случилось вмиг. По поляне мимо Паладина и всадников-скелетов, мимо облаков пыли и вспышек зеленого огня пронеслась полоса серебристого свечения. Черный единорог мчался быстрее молнии. Микс как безумный дергал ногой, стараясь вырвать ее из пасти Абернети, и в то же время тянулся за улетевшими книгами. Ивица вскрикнула, и Абернети еще сильнее впился зубами в лодыжку колдуна. Черный единорог настиг книги. Его рог, источник волшебной силы, раскалился добела, пронзил кувыркающиеся книги, переплеты раскололись на мелкие кусочки, будто стекло, страницы разметались по ветру.

Они плавно летели вниз; те, что с изображением единорогов, смешались с другими, выжженными посередине внутренним огнем. Микс закричал и наконец вырвал ногу из челюстей Абернети. Из протянутых рук полетел в единорога зеленый огонь, животное поднялось выше, и огонь прошел стороной. Единорог изогнулся в воздухе, и из крутого рога в колдуна брызнуло белое пламя. Микс отлетел назад. В единорога вновь полетел зеленый огонь, в Микса — белое пламя. Единорог и колдун продолжали с каждой новой вспышкой все яростней обмениваться ударами.

В середине поляны быстро закружился Паладин, широкий меч описал круг, разрубая оставшихся уродцев и разбрасывая их кости. Но теперь это было не важно: всадники-скелеты уже сами распадались на части. Поддерживающее их колдовство пропало, и остались пустые формы.

Теперь Паладин устремился к единорогу и колдуну. Но не успел. Пламя пожрало Микса, он не смог одолеть такую волшебную силу. Колдун вскрикнул в последний раз и обратился в дым. В то же мгновение черный единорог ворвался в бушующий вал огня. Охваченный пламенем, он встал на дыбы, взвился в воздух и словно испарился.

Паладин тоже пропал. Его вдруг озарила вспышка белого света, на какую-то долю секунды свет смыл с рыцаря пепел и пыль, разгладил царапины на серебряных доспехах, и они засияли как новые, а затем и странствующий рыцарь, и свет просто поблекли и растворились в воздухе.

Абернети и Ивица безмолвно смотрели друг на друга с разных концов выгоревшей, пустой лесной поляны.

И тут все произошло.

Все это видели — Ивица и Абернети, припавшие к земле на выжженном склоне холма и все еще потрясенные яростью только что завершившейся битвы; советник, кобольды и гномы, тщетно пытавшиеся сесть в оковах, которыми наградили их бесенята; и даже Бен Холидей, едва дыша притащившийся к краю поляны, а до этого пробежавший весь путь от места своего превращения, не зная, что влечет его вперед, зная только, что он должен идти. Все видели, и у всех от удивления захватило дух.

Началось это так: повеял ветерок и нарушил покой гор сначала легким шепотком, а потом шквалом звуков, подобных реву океана. Ветер шел от земли, на которой теперь лежали страницы порванных волшебных книг, играл с пылью и пеплом, гасил несколько тоненьких язычков зеленого пламени, еще мигавших в траве. Ветер поднимался вверх в виде воронки, затягивая разметанные листы в белый вихрь. Обожженные страницы внезапно сделались как новые: потрепанные края разгладились, пожелтевшая поверхность вновь стала первозданно-белой. Листы заполнились рисунками единорогов, перемешались и соединились, неотличимые друг от друга. Стена из страниц раскинулась

по небу, неистово шелестя и щелкая под напором хлещущего ветра.

Потом страницы начали меняться. Рисунки замерцали и свернулись, единороги внезапно ожили. Больше не привязанные к бумаге, они забегали по краю воронки. Их было сотни — белые единороги, все в движении, сгустки силы и скорости. Страницы и переплеты волшебных книг исчезли, остались лишь красавцы животные. Они летали по воздуху с криками восторга, заглушая рев ветра.

Они как будто кричали: «Свобода! Свобода!»

Затем воронка продырявилась, и единороги рассеялись, заполнив небо над горной долиной изящными, грациозными телами, словно вспыхнул прекрасный фейерверк. Единороги вытянулись в ряд на фоне неба, вдохновленные волшебством своего превращения, и взмыли ввысь. Радостные крики какое-то время висели в воздухе, а потом замерли в тишине.

В горах снова воцарился покой.

ГЛАВА 21

ЛЕГЕНДА

— Черного единорога никогда не существовало, — сказала Ивица.

— Нет, он существовал, но это был обман, — сказал Бен.

Советник Тьюс, Абернети, Сапожок, Сельдерей, Щелчок и Пьянчужка в недоумении смотрели друг на друга.

Они сидели в тени огромного старого дуба на краю поляны, и едкий запах выжженной земли не давал им забыть обо всем, что произошло. Последние язычки зеленого пламени потухли, но невесомые змейки дыма и частицы пыли все еще плавали в пронизанном лучами солнца послеполуденном воздухе. Абернети привел себя в порядок, остальные освободились от пут, и шестеро друзей сгрудились вокруг Ивицы и Бена, которые пытались объяснить, что случилось. Это было нелегко, потому что ни Бен, ни Ивица не знали всего и дополняли друг друга по ходу рассказа.

— Проще будет, если мы начнем сначала, — предложил Бен.

Он скрестил ноги и наклонился вперед. Бен был грязный и оборванный, но по крайней мере теперь все его узнали. Перестав обманываться, он и всем остальным помог преодолеть обман.

— Давным-давно феи послали белых единорогов через Заземелье в путешествие к неким мирам смертных. Это известно нам из летописей. Феи подарили единорогам большую часть своей волшебной силы и послали их в те миры, где вера в чудеса совсем ослабела. А чтобы выжить, любому миру нужно хотя бы немного верить в чудеса. Но единороги исчезли. Они исчезли, потому что волшебники Заземелья перехватили их по пути и взяли в плен. Волшебники хотели украсть волшебную силу единорогов для себя. Помнишь, Тьюс, как ты рассказывал мне, что некогда волшебники составляли могущественный союз и предлагали свои услуги, а потом король призвал Паладина, чтобы от них избавиться? Бьюсь об заклад, что основную волшебную силу они черпали у плененных единорогов. Не знаю, с помощью какого колдовства волшебники поймали единорогов в ловушку, но подозреваю, что это было колдовство обмана. Это, сдается мне, любимая хитрость волшебников. Как бы то ни было, они поймали единорогов, превратили их в рисунки и заперли в этих книгах.

— Но не целиком, — вставила Ивица.

— Да, не целиком, — согласился Бен. — Это интересно. Чтобы осуществить превращение, у каждого единорога волшебники отделяли тело от души. Волшебники владели достаточными чарами, чтобы запереть тела и души отдельно. Они запирали тела в одной книге, а души в другой! Это ослабляло единорогов, и их было легче удерживать. Тело без души бессильно, важно было помешать им вновь соединиться.

— И Микс почувствовал эту опасность, когда черный единорог убежал, — добавила Ивица.

— Правильно. Потому что черный единорог вмещал в себя души всех плененных белых единорогов! — Бен нахмурился. — Понимаете, пока чары волшебников были способны удерживать книги, единороги не могли освободиться и волшебники продолжали черпать у единорогов силу для своих надобностей. Даже после того как король Заземелья много лет назад призвал Паладина, чтобы сокрушить союз волшебников, книги уцелели.

Вероятно, их спрятали. Оставшиеся волшебники, пребывавшие на королевской службе, даже позднее очень старались никому не раскрывать настоящий источник их могущества. Книги переходили от одного волшебника к другому, пока не попали к Миксу. — Бен поднял указательный палец. — Но в то же время оставались трудности. Порой единороги убегали. Что-то происходило, видимо, волшебники теряли бдительность, и единороги вырывались на волю. Конечно, это случалось не часто, так как волшебники очень следили за книгами. Но время от времени бывало. И каждый раз освобождалась душа плененного единорога, потому что душа всегда сильнее тела. Душа выжигала сковывавшую ее страницу волшебной книги и исчезала. Но душе не хватало телесного обличья. Это была лишь тень, сотканная из воли и стремления; очертания, оживающие на миг, и больше ничего. — Ища подтверждения своим словам, Бен взглянул на Ивицу, и она кивнула. — И поскольку они были темны, как тень, их обычно считали порождением зла, а не добра. В конце концов, кто слышал о черном единороге? Я уверен, что это волшебники разнесли слух, будто черный единорог выродок, опасное существо, может, даже демон. Очевидно, чтобы все в это поверили, волшебники приводили примеры. Страх удерживал всех вдалеке от черного единорога, а волшебники тем временем старались заполучить его обратно.

— Для этого они пользовались уздечкой из золотых нитей, — подхватила Ивица. — После первого побега животного волшебники при помощи чар сделали уздечку. Уздечка была магическим предметом, который притягивал черного единорога и мог его удержать, чтобы волшебники снова заперли его. Единорога всегда быстро ловили, он никогда не был на воле долго. Его снова заключали в волшебную книгу, выжженные страницы восстанавливались, и все становилось как прежде. Волшебники не могли рисковать. Книги содержали источник великого могущества, и волшебники не хотели испортить их или лишиться. — Ивица повернулась к Бену. — Поэтому черный единорог сначала так боялся меня. Несмотря на одиночество, он был в ужасе. Как только я приближаласьк нему и потом, когда я дотронулась до него, я ощущала его страх. Он думал, что меня прислали волшебники, чтобы поймать и запереть его. Он не мог знать правды. Он до самого конца не понимал, что я не служу Миксу.

— А теперь от прошлого перейдем к настоящему, — выпрямляясь, объявил Бен. — Микс по очередности получил в свое распоряжение волшебные книги и использовал их так же, как все его предшественники. Но вот старый король умер, и все стало приходить в упадок. Черный единорог не убегал очень долго, может быть, в течение нескольких веков, и необходимость в золотой уздечке отпала. Я думаю, даже до Микса волшебники не очень следили за уздечкой, потому что Ночная Мгла впервые похитила это сокровище, когда Микс еще никем не был. Потом уздечку украл Страбон, и она стала предметом раздора между ведьмой и драконом. Они попеременно владели ею. Наверное, Микс знал, где находится уздечка, и не выпускал из рук волшебные книги, а дракон и ведьма не имели понятия о настоящем назначении уздечки. Неприятности начались, когда Микс проник в мой мир, чтобы завербовать нового короля Заземелья, и на время своего отсутствия спрятал волшебные книги. Вероятно, Микс думал, что надолго не задержится и за это время ничего не произойдет, но все случилось по-другому. Когда я не отказался от медальона и меня не прикончил Железный Марк, Микс вдруг обнаружил, что он попал в ловушку в моем мире, а волшебные книги спрятаны здесь. В отсутствие Микса чары, сковывающие единорогов, ослабели, и душа — черный единорог — выжгла страницы и вырвалась на волю.

— Значит, поэтому мой сводный брат послал нам сны! — воскликнул советник; он наконец все понял, и это понимание отразилось на его совином лице. — Ему нужно было вернуться в Заземелье, забрать спрятанные книги и разыскать золотую уздечку, и как можно скорее! Иначе черный единорог нашел бы способ освободить всех белых единорогов, телесные обличья, и Микс потерял бы волшебную силу.

— И единорог старался это сделать, — подтвердила Ивица. — И не только в этот раз, но всегда, когда ему удавалось бежать. Он пытался найти того единственного, чья волшебная сила превосходит силу волшебников, — Паладина! Но единорога всегда ловили прежде, чем он получал хоть какую-то возможность осуществить свои стремления. Он знал, что Паладин — вассал короля, но единорог никогда не успевал добраться даже до короля. В этот раз единорог наверняка успел бы, но короля не оказалось на месте. Колдун начал действовать, как только узнал о побеге единорога. Прежде чем

единорог добрался до Бена, Микс выманил короля из Заземелья при помощи сна. Потом колдун вернулся вместе с Беном и изменил его внешность, чтобы никто, в том числе и черный единорог, не могли узнать короля.

— Я думаю, если бы единорог не провел столько времени в заточении, он бы узнал меня, — вставил Бен. — Древние сказочные существа, например, Ночная Мгла и Страбон, узнали меня. Но пока единорог сидел взаперти, он лишился почти всей волшебной силы.

— Может, он лишился ее потому, что волшебники все время вытягивали ее для себя, — предположила Ивица.

— В ту ночь у меня в спальне, когда Микс меня заколдовал, он сказал, что я смешал его план, — возвращаясь к вопросу о потерянном обличье, продолжал Бен. — Разумеется, я не понял, что такое я натворил. Я не догадывался, о чем он говорит. Дело в том, что все мои действия были ненамеренными. Я не знал, что книги содержат украденную волшебную силу и что, если бы Микс не вернулся в Заземелье, он утратил бы эту волшебную силу навсегда. Я просто старался остаться в живых.

— Одну минуту, Ваше Величество. — Абернети в недоумении качал головой. — Микс послал три сна: вам, чтобы он смог вернуться в Заземелье; советнику Тьюсу, чтобы вновь завладеть пропавшими волшебными книгами; и Ивице, чтобы Миксу принести украденную уздечку. Два сна сработали, как было задумано, а третий — нет. Ивица нашла уздечку, но не принесла ее вам, как велел ей сон. Почему?

— Только благодаря феям, — сказала Ивица.

— Благодаря феям, — повторил Бен.

— Тем утром, когда все началось, я сказала, что мой сон не завершен; я чувствовала, что есть какое-то продолжение, — рассказывала Ивица. — После этого я видела другие сны; в каждом сне единорог представал не демоном, а жертвой. Эти сны посылали мне феи, чтобы направить мой поиск и растолковать, что мои страхи неоправданны. Постепенно я поняла, что первый сон — ложь, что черный единорог мне не враг, что ему нужна помощь и я могу ему помочь. После того как дракон отдал мне уздечку из золотых нитей, дальнейшие сны и видения убедили меня в том, что, если я хочу узнать правду, я должна сама найти единорога.

— Феи послали мне Дирка с Лесной опушки, — вздохнул Бен. — Конечно, они не вмешивались и не помогали прямо, они так никогда не делают. Мы всегда сами должны находить ответы на свои вопросы; феи ждут, что мы сами справимся со своими трудностями. Но Дирк подстегивал меня и помогал. Он помог мне раскрыть секрет медальона. Дирк помог понять, что я сам выпестовал этот обман, и если я отличу правду от вымысла, все остальные тоже смогут это сделать; так и произошло.

— Очевидно, поэтому Паладин и сумел настичь нас вовремя, — сказал советник.

— И поэтому волшебные книги наконец уничтожены и единороги обрели свободу, — радостно добавила Ивица.

— И поэтому Микс потерпел поражение, — закончил Абернети.

— Очевидно, — согласился Бен.

— Великий король! — с жаром воскликнул долго молчавший Щелчок.

— Могучий король! — вторил ему Пьянчужка.

Бен застонал:

— Пожалуйста! Хватит!

Он умоляюще посмотрел на друзей, но те только улыбнулись.

Надо было уходить. Никого не прельщала мысль провести еще одну ночь в Мельхорских горах. Все согласились, что лучше будет разбить лагерь внизу, на холмах.

И друзья устало потащились вниз на склоне дня, когда солнце в ало-серой дымке уже садилось на западном конце долины. Они шли, и Ивица, чтобы не отстать от Бена, нежно взяла его под руку.

— Как ты думаешь, что станет с единорогами? — через какое-то время спросила Ивица.

Бен пожал плечами:

— Возможно, они вернутся в туманы, и никто их больше не увидит.

— Ты не думаешь, что они отправятся в те миры, куда их посылали?

— Из Заземелья? — Бен покачал головой. — Нет, после того, что они перенесли, нет. Не сейчас. Они вернутся домой, где им будет спокойно.

— А в твоем мире неспокойно, да?

— Не совсем спокойно.

— Но в Заземелье тоже не очень спокойно.

— Да.

— Думаешь, в туманах спокойнее?

Бен с минуту подумал:

— Не знаю. Может, и нет.

Ивица кивнула:

— Твой мир нуждается в единорогах, правда? О чудесах там забыли?

— Изрядно.

— Тогда, может, не важно, что там неспокойно. Может, необходимость перевесит опасность. Может, хотя бы один единорог решит туда отправиться.

— Возможно, но я сомневаюсь.

Ивица слегка приподняла голову:

— Ты так говоришь, но так не думаешь.

Бен лишь улыбнулся в ответ.

Они достигли холмов, прошли через широкий луг, покрытый дикими красными цветами, к еловому леску, и кобольды начали искать место для ночлега. Воздух стал прохладным, и приближающиеся сумерки придали земле неяркое серебристое сияние. Застрекотали сверчки, над далеким озером низко пролетели гуси. Бен думал о доме, о замке Чистейшего Серебра и о том, какое жизненное тепло ждет его там.

— Я очень люблю тебя, — вдруг сказала Ивица.

Она смотрела не на Бена, а вперед. Бен остановился и нежно обнял Ивицу за плечи.

— Я собираюсь сказать тебе кое-что... Ты все время говоришь, что любишь меня, а я ни разу не ответил тебе. Недавно я думал, почему так произошло, и понял: потому что я боюсь. Это все равно что идти на риск, когда можно обойтись без этого. Легче не рисковать. — Он помолчал. — Но сейчас, здесь, я чувствую иначе. Когда ты сказала, что любишь меня, мне захотелось ответить, что я тоже очень люблю тебя, Ивица. Мне кажется, я всегда любил тебя.

Их уста соединились в горячем поцелуе, а затем они безмолвно пошли дальше. Бен ощущал приятную тяжесть руки Ивицы. Вечер был тихий и безмятежный, везде царил покой.

— Знаешь, Мать-Земля взяла с меня обещание заботиться о тебе, — наконец произнес Бен. — Она взяла с меня обеща-

ние следить за тем, чтобы ты была цела и невредима. Она очень настаивала. После этого я стал думать о нас, о нашей дальнейшей судьбе.

Бен не видел, но чувствовал улыбку Ивицы.

— Это потому, что Мать-Земля знает о нас давно, — наконец ответила девушка.

Бен ждал, когда Ивица скажет еще что-нибудь, но она молчала, и он перевел взгляд в землю.

— Что знает?

— Что однажды я подарю тебе ребенка, мой король.

Бен глубоко вздохнул и медленно произнес:

— О-о!

ЭПИЛОГ

Это было за два дня до Рождества.

В южной части Чикаго было холодно и мрачно, ночной снег превратился на дорогах в серую кашицу, кубики жилых и недостроенных высоток — в смутные тени, проступающие сквозь дым и туман. На улицах все еле-еле двигалось. Машины ползли, как доисторические жуки, сверкая светло-желтыми глазами фар. Пешеходы опускали головы от холода, прятали подбородки в шарфы и воротники, совали руки в карманы пальто и осторожно ступали на дорожках. День в хмуром молчании переходил в вечер.

На пересечении Окружной дороги и улицы Вязов было почти пустынно. Двое мальчишек в кожаных куртках, бизнесмен из пригорода и аккуратно одетая женщина, возвращавшаяся домой из магазина, вышли из автобуса и разошлись в разные стороны. Владелец слесарной мастерской, собираясь закрыть заведение, проверял замки на входной двери. Фабричный рабочий, после утренней смены заглянувший в пивную Барни, выпив две кружки пива и часок отдохнув, поплелся домой к больной матери. Старик, нагруженный съестными припасами, ковылял по проторенной в снегу тропинке. Маленькая девочка в зимнем комбинезоне каталась на санках у подъезда своего дома.

Занятые своими мыслями, люди не обращали внимания друг на друга.

Белый единорог пролетел мимо них, как случайный луч света. Он спешил так, будто его единственной целью было облететь всю планету в один день. Казалось, единорог ни разу не касался земли, его грациозное, изящное тело сжималось и растягивалось в плавном движении. Это движение вместило всю красоту мира. Единорог мелькнул и через мгновение исчез. Наблюдатели затаили дыхание, моргнули, и всего как не бывало.

На миг все застыли в нерешительности. Старик разинул рот от удивления. Девочка оставила санки и вытаращила глаза. Двое мальчишек опустили головы и быстро зашептались. Бизнесмен посмотрел на владельца мастерской, владелец мастерской посмотрел на бизнесмена. Аккуратно одетая женщина припомнила сказки, которые она до сих пор с удовольствием перечитывала. Фабричный рабочий вдруг, как в детстве, подумал о Рождестве.

Миг прошел, и все снова задвигались. Кто пошел быстрее, кто медленнее. Они оглядывали туманную пустую улицу. Что они сейчас видели? Это действительно был единорог? Нет, не может быть. Единорогов в действительности не бывает. Особенно в городах. Единороги живут в лесах. Но что-то же все-таки было?! Ведь что-то же было?! Ведь было же!

Все шли молча и, вспоминая то, что они мельком видели, ощущали в душе тепло. Они чувствовали причастность к чему-то волшебному.

И принесли это чувство с собой домой. И долго хранили его. И даже по сей день тот сказочный образ согревает души многих.

Содержание

ПРОДАЕТСЯ ВОЛШЕБНОЕ КОРОЛЕВСТВО 5
ЧЕРНЫЙ ЕДИНОРОГ 353

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики» второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Читайте в «Золотой серии фэнтези» сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

Стивена Кинга, создавшего мир **«Темной башни»**,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир **«Земноморья»**,
Роберта Джордана, создавшего мир **«Колеса времени»**,
Терри Гудкайнда, создавшего мир **«Меча Истины»**,
Джорджа Мартина, создавшего мир **«Семи Королевств»**.

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.
Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Поклонники «темных фэнтэзи», это для вас!

Для всех, кто верит: когда на город опускается ночь, он становится Темным Городом. Городом, в котором рушится граница, разделяющая наш мир и мир ИНОЙ. Городом, чьи улицы — охотничьи угодья для Пришедших С Той Стороны. Для рожденных Тьмою и Тьму в себе несущих. Для оборотней и вампиров, зомби и призраков, демонов и монстров. Когда приходят ОНИ, город обращается в Темный Город. Город Голода и Крови, Боли и Безумия. Город Ужаса. Город Безнадежности.

Вы отважились жить в «Век Дракона»? Так рискните познакомиться с обитателями Темного Города!

Мы открываем серию романом Лорел К. Гамильтон «Запретный плод» и антологией рассказов «Темная любовь».

«Запретный плод» Лорел К. Гамильтон — это сага, культовая для поклонников темных фэнтези по всему миру. Стильная, пряная и романтичная сага о вампирах, одержимых вечным голодом, и женщине, посвятившей свою жизнь изысканному искусству охоты на изысканных «полночных охотников».

«Темная любовь» — это рассказы о страсти-Одержимости, страсти-Кошмаре, страсти-Гибели. Рассказы, написанные самыми замечательными мире мастерами сверхъестественного — от Стивена Кинга до Ричарда Лэймона.

Рассказы, поистине открывающие Путь Между Мирами...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140

АСТ – "Книги по почте".

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Брукс Терри

Продается волшебное королевство
Черный единорог

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Терри Брукс — один из лучших авторов современного жанра фэнтези, писатель, в чьих произведениях существует... АБСОЛЮТНО ВСЕ, что только может в хорошей фэнтези существовать!

Перед вами — юмор и приключения, «меч и магия», увлекательный сюжет и неподражаемое, истинно «бруксовское» обаяние!

Продается волшебное королевство...

Купите — и Вы обретете свою мечту!

Купите — и Вы станете королем страны прекрасных дам и отважных рыцарей, драконов, фей и гномов.

Купите — и ощутите дух истинного героизма!

Купите — НЕДОРОГО!

...А почему, собственно, ТАК недорого?

Купите — и узнаете ПОЧЕМУ...

«Продается волшебное королевство»
«Черный единорог»
«Волшебник у власти»
«Шкатулка хитросплетений»
«Колдовское зелье»

ISBN 5-17-012388-4

Терри Брукс

Продается волшебное
королевство

Черный единорог